М. ЗОЩЕНКО

РАССКАЗЫ

Свыше двухсот семидесяти
иллюстраций Николая Радлова

БИБЛИОТЕКА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

М. М. Зощенко
(1894–1958)

Михаил Зощенко

РАССКАЗЫ

Иллюстрации
Николая Радлова

Совместный проект издательства СЗКЭО
и переплетной компании
ООО «Творческое объединение „Алькор“»

Санкт-Петербург
СЗКЭО

ББК 84(2Рос-Рус)6-44
УДК 821.161.1
378

Первые 100 пронумерованных экземпляров
от общего тиража данного издания переплетены мастерами
ручного переплета ООО «Творческое объединение „Алькор“»

Классический европейский переплет выполнен
из натуральной кожи особой выделки растительного дубления.
Инкрустация кожаной вставкой с полноцветной печатью.
Тиснение блинтовое, золотой и цветной фольгой.
6 бинтов на корешке ручной обработки
Использовано шелковое ляссе, золоченый каптал из натуральной кожи,
форзац и нахзац выполнены из дизайнерской бумаги Malmero
с тиснением орнамента золотой фольгой. Обработка блока
с трех сторон методом механического торшонирования
с нанесением золотой матовой полиграфической фольги горячим способом
Оформление обложки пронумерованных экземпляров
разработано в ООО «Творческое объединение „Алькор“»

378 **Зощенко М. М.** Рассказы. — СПб.: СЗКЭО, 2022. — 576 с., ил.
В книгу включены одиннадцать сборников рассказов Михаила Зощенко, в том числе «Картонный домик», «Мелочи жизни», «Социальная грусть», «Веселые проекты», «Лишние люди», «Понимать надо», «Счастливые идеи», «Личная жизнь» и «Хитрые и умные». Всего сборник содержит более двухсот произведений знаменитого советского писателя-сатирика, написанных им в довоенное время. Книгу украшают рисунки знаменитого советского художника Николая Радлова, который долго и плодотворно сотрудничал с Зощенко.

ISBN 978-5-9603-0703-1 (7БЦ)
ISBN 978-5-9603-0704-8 (Кожаный переплет)

© СЗКЭО, 2022
© М. М. Зощенко,
наследники, 2022

О себе

Я родился в 1895 году. В прошлом столетии! Это меня ужасно огорчает.

Я родился в XIX веке! Должно быть, поэтому у меня нет достаточной вежливости и романтизма к нашим дням, — я юморист.

О себе я знаю очень мало.

Я не знаю даже, где я родился. Или в Полтаве, или в Петербурге. В одном документе сказано так, в другом — этак. По-видимому, один из документов — «липа». Который из них «липа», угадать трудно, оба сделаны плохо.

С годами тоже путаница. В одном документе указано — 1895, в другом — 1896. Определенно, «липа».[1]

Профессий у меня было очень много. Об этом я всегда говорю без иронии. Даже с некоторым удивлением к самому себе.

Наиболее интересные профессии, кроме самых разнообразных военных, были такие:

Студент Петроградского университета.

Комендант почт и телеграфа. (При Керенском.)

Агент уголовного розыска. (Район Ленинград — Ораниенбаум.)

Инструктор по кролиководству и куроводству. (Смоленская губерния, город Красный. Совхоз «Маньково».)

Постовой милиционер. (В Лигове.)

Телефонист пограничной охраны.

Сапожник.

Конторщик Петроградского военного порта.

Было еще множество других профессий. Всего не вспомнишь.

Между прочим, о ремесле сапожника. Я очень люблю это спокойное, благородное ремесло. Я почти год (1920) работал подмастерьем у сапожника Воскресенского (или Вознесенского) на Васильевском острове, по Второй линии, напротив Румянцевского сквера.

---

[1] Точная дата рождения М. М. Зощенко была установлена позднее. Писатель родился в 1894 году.

Однажды произошла такая встреча. В подвал к нам пришел человек в крылатке. Я разговорился с ним. Он назвал себя писателем Н. Шебуевым. За руку я с ним не здоровался, но разговаривал о чем-то долго. Я был тогда никому не известный юноша. Литературой в то время не занимался. А на коленях, на зеленом фартуке, у меня лежали дамские недочиненные ботинки. И поэтому, вероятно, я не назвал Шебуеву своей фамилии. Воображаю, с каким удивлением Н. Шебуев будет читать эти строчки!

Во второй раз Н. Шебуев пришел к нам вместе со своей женой. Мы опять о чем-то долго разговаривали. Однако я не чинил ему сапоги. Чинил хозяин.

Самая пышная должность у меня была в 17-м году. После Февральской революции. Я был комендантом почт и телеграфа в Петрограде. Мне полагалась тогда лошадь. И дрожки. И номер в «Астории».

Я на полчаса являлся в Главный почтамт, небрежно подписывал бумажки и лихо уезжал в своих дрожках.

При такой жизни я встречал множество удивительных и знаменитых людей. Например, Горького. Шаляпина как-то раз встретил у Горького. Знаком с Дм. Цензором. Иногда встречаю Липатова. Два раза сидел с Сергеем Есениным в пивной. На Михайловской улице.

Старик Есенин нас заметил
И, в гроб сходя, благословил...

Рабиндраната Тагора не пришлось увидеть. Но твердо верю, что встречу и этого почтенного старца.

Сейчас у меня биография скудная. Писатель. Кажется, это последняя профессия в моей жизни. Мне жаль, что остановился на этой профессии.

Это очень плохая профессия, черт ее побери! Самая плохая из 12, которые я знаю.

Сент. 1927 г.

Картонный домик
(1923)

МИХАИЛ ЗОЩЕНКО

РАССКАЗЫ

"КАРТОННЫЙ ДОМИК"

I. Рассказы

ЛЮБОВЬ

1

Разбогател Гришка Ловцов. Пять лет в Питере не был — мотался бог весть где, на шестой приехал — с вокзала за ним две тележки добра везли.

Дивятся люди на Красной улице.

— Вот так Гришка! Широкий парень!

А Григорий Палыч помалкивает. Ходит вокруг тележек, разгружает добро, каблучками постукивает.

В комнаты вошел Гришка — фуражку не снял, только сдвинул на широкий затылок, аж всю бритую шею закрыл. Дым под образа колечком пустил.

— Здрасте, — говорит, — мамаша, приехал я. Очень испугалась старушка.

— Да ты ли, Гришенька?

Заплакала.

— Прости, — говорит, — Гришенька, попутал поп — нечистый хвост — панихидку уж я по тебе у Николы-угодника...

Усмехнулся Гришка.

— Ничего, — говорит, — мамаша. И плакать нечего.

Смешно старушке стало — мамашей величает. Да не рассмеялась. Взглянула кривым глазом на сына и обмерла. Будто и не Гриша. Да и впрямь, будто не Гришка. Чудно!

А Гришка за столом пальцами поигрывает. На одном пальчике колечко с зеленым камушком, на другом — колечко, но без камушка, а за рукавом браслет, цепное золото.

Испугалась старушка снова.

— Да что ты, Гришенька, одет-то как? Нынче барская-то жизнь окончилась.

Сказал Гришка старухе:

— Безусловно, кончилась. Я, мамашенька, и приканчивал. Да не в этом штука. Барская жизнь кончилась — новая началась. А покуда, пока не при-

шло иное времечко, — поживем, мамаша, в Питере-то. Есть у нас кой-какое добришко и денежки.

Заплакала старушка — выжила из ума. Завозился Гриша у желтого сундучка.

А под вечер Гришкины товарищи пришли. Очень даже напакостили на полу и ковровую дорожку совсем смяли. Гришке наплевать, а старуха — убирай за ними, за стервецами. Да и не убрать — сильная гульба пошла.

В пьяном виде Гришка очень бранил французов.

— Сволочи они, мамаша, — кричал он старухе в другую комнату. — И полячки — сволочи.

Тихонько охала старуха. Посмотрит, ох, посмотрит старуха ночью родимую точечку на правом Гришкином плече.

Но до утра гуляли гости и бранились яростно, играя в очко гнутыми картами. А под утро снова пили.

Гришка в фуражке, а под фуражкой веером денежные билеты, хмельной и красивый плясал чудные танцы.

— Эх! Эх! Не тот Питер сейчас, не тот... Негде потрепаться молодчикам!

2

Две недели живет Гришка в городе — сыт, пьян и нос в табаке.

А и славный же парень Гришка! Широкий до чего парень, черт побери его душу!

То у Гриши соберутся, кушают-едят, то Гриша к кому-нибудь на пирог званый.

А то и к «Воробью» вечером. Безусловно, не тот сейчас Питер, но есть кое-где замечательные места. Например: замечательное место — «Воробей».

Это в Гавани. Дом как дом, с мезонином и палисадничком. Днем старуха шебуршит горшками, стряпает. А больше ничего и не видать.

А вечером — кабаре.

Денежки припасай, и все будет. Денежки только припасай. На ночь — сотню отдай — не горюй — любая девочка!

Два раза гулял Гришка у «Воробья» — текли денежки. На третий раз похабный случай вышел: побили матроса за контрреволюцию.

Грозил матрос донести, хвалился знакомством «под шпилем». Да только сам виноват.

Сидит в дезбелье у Катюши и треплется. И мысли выражает:

— Нынче, — говорит, — я на все очень плюю, и, например, на политику тоже. Мне жить охота, а политика заела мою молодость.

А Гришка рядом у Настеньки.

— Нравишься, — говорит, — ты мне, Настенька. Очень даже нравишься. Очень ты личностью похожа на одну любимую особу. А имя той особочки — Наталья Никаноровна.

А тут, значит, матрос со словами о политике. Гришка туда.

— Это, — говорит, — кто так выражается про политику? А ну-ка, клеш, выходи.

А клеш смеется и не покоряется. Обиделся Гришка.

— Ты, — говорит, — может быть, и про революцию так же скажешь?

— Да, — говорит, — так же.

Гриша тут и посерел весь.

— Ах ты, — кричит, — волчья сыть, белогвардейщина.

Ударил матроса. А тут еще ребята с Косой улицы случились.

— Бей, — кричат, — его, Жоржика.

Ударили его и в грудь, и по животу и брюки — казенный клеш — на видном месте испортили.

Гришка после этого расстроился и ночевать не остался — домой пошел.

А утром к нему Иван Трофимыч жалует.

— Ты что же, — говорит, — Гриша?

А Гриша ему такое:

— А что ж я не могу и погулять у себя? Я, Иван Трофимыч, не афонский какой-нибудь монашек.

— Да ну? — удивился Иван Трофимыч. — Да я, Гриша, тебе только так. Любя. Голову, говорю, не защеми. Вот что. А вечером, Гриша, приходи-ка ко мне, невеста есть для тебя роскошная.

Не пошел Гриша вечером к Иван Трофимычу. Долго ходил по комнате очень серьезный и думал: А не жениться ли мне и в самом деле? Пожить, значит, семейной жизнью.

3

Утром Гриша по своим делам, а мамаша чаи распивает с сахаром. Жует старушка белый хлеб, разговаривает с соседками:

— Гришенька мой жениться придумал. Ищи, говорит, мать, невесту.

Охают соседки, дуют в блюдечки.

— Да что ты, Савишна?

— Да. Ей-богу, моя правда. Хочу, говорит, чтоб и красивенькая была и чтоб зря не трепалась.

— Что ж, — хрустят сахаром, — что ж, он это правильно требует. Да только нынче-то девки пошли очень бесстыжие. Косы пообстригли. Табак тоже легкий курят. Уж и подошло же времечко. Ох, и пришел последний час...

Да, очень много у баб всякого разговору. До вечера. А вечером Гриша приходит, посмеивается, шутит со старухой шутки, невесту требует.

Но только раз Гриша пораньше пришел. Сел, задумался и зеленым камушком не любуется.

— А что, — спрашивает, мамаша, помнишь ли дочку Никанора Филиппыча?

— Это Наталюшку-то, дочку дилектора?

— Ее, мать.

— Чего ж, — говорит, — не помнить. Очень даже помню. Покойника Никанор Филиппыча, царствие небесное, до смерти убили в леворюцию. А через год Наталюшка замуж пошла за инженера за длинноусого.

— Замуж? — вскричал Гришка. — Ну да ничего. Желаю, мамаша, жениться на Наталье Никаноровне. Встретил ее сегодня. Узнала. Щечками вспыхнула. Хотел в ножки броситься, поклониться. Одумался. «Дай, — думаю, — у старухи узнаю». Так замуж, говоришь?

Вечером перьями Гриша скрипит, пишет что-то. К ночи за чаем вытаскивает это самое, что писал.

— Вот, — говорит, — мамаша, письмишко написано:

«Лети, лети письмецо в белые ручки Натальи Никаноровны. Извиняюсь дерзостью письма и вспоминаю любимую особочку.

Некогда, шесть лет назад я, Гриша Ловцов, раб и прихвостень батюшки вашего, Никанора Филиппыча, тайную к вам имел любовь и три года помнил загорелые щечки и приятные ручки. Нынче забыл все насмешки ваши, нынче предлагаю свою жизнь на полном земном счастье. Ежели „да“ скажете — прибегу собачкой, „нет“ — так до свиданья, Гриша Ловцов, только тебя в Питере и видели. Прощай тогда, ясочка Наталья Никаноровна. Эх, сгорел Гришка, огнем сгорел. Тому подобного знакомства!»

А? Каково, мамаша? Письмишко-то каково, говорю, написано. Будет моей Наталюшка.

4

По улице бежит человек без шапки.

«Вор, — думают прохожие, — мошенник, наверное». Но это не вор, это Гриша Ловцов бежит на решительное свиданье с ясочкой.

В записке всего три слова было: «Приходите, Гриша, поскорей». Вот и бежит Гриша Ловцов, проглатывая холодный ветер.

На ходу думать плохо. На ходу одна мысль в голове гудит на мелкие голоса: плохо ясочке. К чему бы такая экстра?

А ясочке и в самом деле плохо. Сидит она у бледного окна, плачет, слезы капают на Гришино письмо.

Много раз перечла Наталья Никаноровна письмо это. Много раз подходила к зеркалу. Что ж! Она и в самом деле очень хороша. Так ли ей жить, как сейчас?

В сумерках всегда острей печаль, и в сумерках Наталье было жаль себя.

А тихий звон часов и брошенная книга на полу вдруг стали невыносимы.

«Уйду», — вдруг подумала Наталья Никаноровна.

А в это время Гриша через три ступеньки — в пятый этаж. Дух перевел. За звонок дернул. Дверь открыла Наталья Никаноровна.

А Гриша и не видит ничего.

— Здесь ли, — спрашивает, — проживает Наталья Никаноровна?

Улыбнулась — бровью повела Наталья.

— Проходите, — говорит, — Гриша, в ту горницу.

— Ага, — закричал Гриша и взял Наталью за руку. — Идем, ясочка. Идем сейчас. Ну, что думать-то? Все будет. Все на свете...

Ох, плохо знает Гришка женское сердце! Так ли нужно сказать? Так ли подойти?

— Вот как, Гриша? — с сердцем молвила Наталья Никаноровна. — Купить меня думаете? Так знайте — не за деньги я к вам решила. Не за деньги. Слово даю. Причина такая есть, да не понять вам. Ну да все равно, едем.

В дверях стоял человек с длинными усами и острым носом. Был это супруг Натальи Никаноровны.

— Едешь? — спросил он тихо и поправил от волнения усы свои длинные. — Едешь, — повторил и больно сжал ее руки. — Слушай, Наталья... Вот сейчас здесь я убью себя... Не веришь?.. Вот сосчитаю до пяти, если не передумаешь...

И стал считать, и, когда сказал «четыре», и голос дрогнул его, Наталья вдруг рассмеялась. Звонко, оскорбительно. Закинула голову назад и смеялась.

И за руку Гришу взяла, и засмеялась снова, и, тихонько и не глядя на мужа, вышла.

А по лестнице бежали они быстро и слышали за собой торопливый бег.

— Постойте, — кричал длинноусый. — Господи, да что ж это! Постойте же! Наталья!

На улице, на углу, у аптеки догнал их.

— Что? — спросила Наталья.

— Не веришь, — удивился длинноусый, нагнулся к ее ногам и поцеловал грязный снег.

— Нет, — молвила Наталья, — и пошла прочь.

5

Дивья тоже на Косой улице! Живет у Гришки дочь Никанора Филиппыча. Смешно очень! Дивятся люди, в окна засматривают.

А Гришка ходит — хвост трубой, любуется, подношения Наталеньке делает.

— Колечко это тебе, ясочка, за то, что длинноусому не поверила. А это за то, что невеста моя.

Утром на службу Гриша, а старухе приказ наистрожайший: ходить за Наташенькой, забавлять ее и ни в чем не препятствовать. Старуха очень ошалела, ходит за Натальей, глазом шевелит, а сама молчок. О чем и говорить — неведомо. Только утром про сны разговаривает.

— Будто, — говорит, — ударил кто под ложечку... Гляжу — мужчина с русой бородой и топор в руке. Это под пятницу-то, красавица. Вскочила я, крестом осеняюсь, крестом отмахиваюсь, а ён пырх — и нет его... Лампадку будто затеплила перед царицей-заступницей... Глядь в зеркало нечаянно, а личности-то у меня и нет. Пустое место. Рукой шарю — нету личности. А в зеркале фига дразнится.

Наталья Никаноровна молча слушает да про свое думает, а старушка глазом обижается — ведь под пятницу все-таки.

А вечером Гриша со службы. Чистый, причесанный и даже духами от него воняет. Ручку у Наталюшки Гришка поглаживает, нежит ручку-то и про свадьбу разговаривает.

— Свадьбу, — говорит, — сыграем, и — ну из Питера, ясочка. На людей посмотрим, по Волге поедем на пассажирском... Барские твои привычки сохраним. Живи, ясочка.

Молчит Наталья. Что ж? Не привыкла, стало быть.

— Эх, ясочка! Очень тебя люблю. Скажи — все сделаю... Свадьбу такую справим — дым в небо. Всех пригласим. Сам пойду умолю. Профессора одного знаю, писателя одного знаю тоже. Не скучно будет Натальюшке. А?

Молчит Наталья, ласкает Гришкину голову.

6

На высоком шкафу стоит лампа, крутит огненным языком, подпрыгивает. В комнате танец краковяк танцуют. Серьезный танец краковяк. Танцуют, молчат, никто и не улыбнется.

А очень великолепно старик на гармонии играет. Да только невесело. Нельзя слепцов на свадьбу звать, — душу всю вывернут. Ведь ишь ты, гадина, как тонко перебирает.

Ходит Гришка с невестой, с женой теперь то есть, гостям улыбается, а душа гудит.

И с чего б это было так невесело?

Все расчудесно вышло, благородства тоже во всем немало. Вот и старичок в сюртуке — не кто-нибудь — профессор Блюм мудрит с рыжим студентом.

А рядом в комнате старуха с девкой босой стол прибирают. На столе даже цветок есть — кому любопытно понюхать.

— Пожалуйста, дорогие гости, не побрезгуйте.

Сели за стол, да плохо сели. Молча пироги жуют. А как выпили раз-другой — смех пошел по столу. Смеются все, и причин уважительных нету.

И профессор Блюм улыбается, к рыжему студенту льнет.

— Сам, — говорит, — был таким. Люблю очень студентов. Выпьем за науку и за просвещение.

И вдруг Наташенька тоже стакан свой поднимает и улыбается.

Молчала все, а тут и я, дескать, с вами.

Обидно очень Гришке.

Да и рыжий на Наташеньку что-то засматривается. По-своему ей глазом мигает, да, может быть, и ножку, гадина, под столом ей жмет. Ох, а и противен же до чего Гришке этот рыжий! Так бы вот в зынзыло и дал.

Гришка с профессором беседует тонко, а сам на студента глазом:

— Вы, — говорит, — профессор, за науку выпиваете, а между прочим — тьфу ваша наука.

Профессору и крыть нечем. Сидит на стуле, беспокоится, ртом дышит. А Гришка ему все серьезное:

— Да-с. Я науку вашу очень презираю. Смешно! Про землю, например, скажем: шар и, так сказать, вертится... А что вы за такие, за правильные люди, что как раз и угадали? Вот, скажем, через пятьдесят лет или, может быть, меньше, возьмет кто-нибудь и объявит по науке вашей: а земля-то, скажет, и не вертится, да и не шар, да и... черт его знает, что скажет. Тьфу на вас!

Тут все на профессора уставились, дескать, вот так Гришка, широкий парень. А тут еще дьякон Гавриил словечко вставил:

— Мы, — говорит, — интеллигенция, хотя и очень уважаем вас, Григор Палыч, так сказать, почитаем совершенно, однако, земля досконально есть круг, установленный наукой и критикой, — сказал и на профессора этак вот ручкой.

Тонкая бестия этот дьякон Гавриил!

Да, крупный разговор вышел, ученый. Гришка то на профессора, то на студента глазом. А студент ничего — рыбу кушает. Не жалко, конечно, пускай кушает, а только зловредный же этот рыжий!

А профессору, должно быть, очень обидно за науку стало. Григорь-то Палычу он ни словечка — видит, сидит человек с круглыми глазами, — так он дьякону Гавриилу. И с чего бы это он дьякону Гавриилу?

— Вы, — говорит, — со своей гнусной философией тово...

А Гришка со стула вдруг, по столу кулаком.

— Бей, — кричит, — их... рыжую интеллигенцию.

Сгрудились гости, присели иные...

— Эх! — закричал Гришка и насел на студента.

7

Длинноусый шел на вокзал. Сегодня они уезжают из Питера.

«Этакая ведь скверная штука, — думал длинноусый. — С чего бы мне идти. Зря иду. Ей-богу, зря. Я вот на них взгляну одним глазком и уйду. Не из романтизма взгляну, не глазом, так сказать, любви... хе-хе, а издали, из великого любопытства... Гм. Я даже радуюсь. Мне, милостивые государи мои, на многое совершенно наплевать, мне, милостивые государи, смешны даже в некотором роде высокие чувства любви. Подумаете — врет? Вот, скажем, и Наталья подумает про меня — погиб из-за великой любви. Даже вот убиться хотел... Вздор. Совершенный вздор. То есть, может быть бы, и убился, если б, скажем, поверила. Вздор, сударь мой. Шарлатанство. Женская, так сказать, природа требует остроты, так вот — пожалуйста... хе-хе... А мне смешно. Честное слово, смешно. Ну что я могу поделать — смешны всякие трагические чувства. Конечно, плохо, что она с Гришкой. Я даже снова готов на всякие потрясения, но любовь... хе-хе...»

Тут длинноусый остановился у вокзала.

— Подождем, — сказал он громко. — Посмотрим, понаблюдаем. Они непременно под руку пойдут. Все-таки Гришке-то лестно. А она с этакой тонкой улыбочкой. У ней вечно этакая тонкая улыбочка. Накануне вот приходит. «Что?» — спрашиваю. «Не могу, — говорит, — с тобой жить. (А у самой этакая улыбочка.) Не могу, — говорит, — больше жить. Неживой ты. Ну, сделай что-нибудь человеческое. Убей меня, что ли, Гришку, наконец, убей».

Гм. Тонкая первопричина, тончайшая. Конечно, острота чувств... Да не в этом корень. Тут, можно сказать, историческая перспектива. Тут ух как широко! Тут, можно сказать, — история. Да-с, история и инстинкт женщины. Скажем, через сорок лет голубую кровь, хе-хе, им перельем. Вот оно что.

Может, я и не сопротивляюсь из-за этого... Ну куда ты, баба, прешь? Толкнуть можешь. Видишь, человек по делу стоит.

И точно: баба с мешком и корзиной пихнула длинноусого в живот.

— Дура, — сказал длинноусый. — Этакая чертова баба!

А за бабой в двух шагах двое под руку.

Они!

— А, — улыбнулся Гришка, — вы здесь.

Не ответил ничего длинноусый и пошел за ними вслед. Идут вдоль вагонов — не обернутся. И длинноусый сзади.

— Здесь, — сказал Гришка, — и вошел в вагон.

— Наталья.

— Что?

— Не веришь? — поглядел ей в глаза длинноусый.

— Нет, — молвила Наталья, — и вошла в вагон.

«Под вагон, что ли, упасть? — уныло подумал длинноусый, когда поезд, железом лязгая, двинулся с места. — Вот под тот».

Постоял длинноусый с секунду, поднял глаза, а в окне Гришка с Наташей. Наталья — та спиной, а Гришка ухмыляется и этак ручкой делает, дескать, — прощайте, счастливо оставаться.

Постоял длинноусый, постоял и поплелся тихонько к выходу.

ЛЯЛЬКА ПЯТЬДЕСЯТ

I

И какой такой чудак сказал, что в Питере жить плохо? Замечательно жить. Нигде нет такого веселья, как в Питере. Только были бы денежки. А без денег... Это точно, что пропадешь без денег. И когда же придет такое великолепное время, что человеку все будет бесплатно?

По вечерам на Невском гуляют люди. И не так чтобы прогулкой, а на углу постоят, полюбопытствуют на девочек, пройдут по-весеннему — танцуют ноги, и на угол снова... И на каждый случай нужны денежки. На каждый случай особый денежный расчет...

— Эх, подходи, фартовый мальчик, подходи! Угощай папиросочкой...

Не подойдет Максим. У Максима дельце есть на прицеле. Ровнехонько складывается в голове, как и что. Как начать и себя как повести. У Максима замечательное дельце. Опасное. Не засыпется Максим — холодок аж по коже, — в гору пойдет. Разбогатеет это ужасно как. Ляльку Пятьдесят к себе возьмет. Вот как. И возьмет.

Очень уж замечательная эта Лялька Пятьдесят. Деньги она обожает — даст Максим ей денег. Не жалко. Денег ей много нужно — верно. Такой-то немало денег нужно. Ковер, пожалуйста, на стене, коврище на полу, а в белой клетке — тропическая птица попугай. Сахар жрет... Хе-хе...

Конешно, нужны денежки. Нужны, пока не пришло человеку бесплатное время.

А Лялька Пятьдесят легка на помине. Идет — каблучками постукивает.

— Здравствуй, Ляля Пятьдесят... Каково живешь? Не узнала, милая?

Узнала Лялька. Как не узнать — шпана известная... Только корысти-то нет от разговоров. У Ляльки дорога к Невскому, а у Максима, может, в другую сторону.

Нелюбезная сегодня Лялька. В приятной беседе нет ей удовольствия. Не надо.

Подошел Максимка близко к ней, в ясные глазки посмотрел.

— Приду, — сказал, — к тебе вечером. С большими деньгами. Жди-поджидай.

Улыбнулась, засмеялась Лялька, да не поверила. Дескать, врет шпана. И зачем такое врет? Непонятно.

Но, прощаясь, на всякий случай за ручку подержалась.

Пошел Максим на Николаевскую, постоял у нужного дома, а в голове дельце все в тонкостях. Отпусти, скажет, бабка Авдотья, товарцу на десять косых. Отпустит бабка, а там как по маслу. Не будет никакого заскока. А заскока не будет — так придет Максимка к Ляльке Пятьдесят. Выложит денежки... «Бери, — скажет, — пожалуйста. Не имею к деньгам пристрастия. Бери за поцелуй пачечку...»

А Лялька в это время вышла к Невскому, постояла на углу, покачала бедрами, потопала ножками, будто чечетку пляшет, и сразу заимела китайского богача.

Смешно, конешно, что китайского ходю. Любопытно даже. Да только по-русски китаец говорит замечательно.

— Пойду, — говорит, — к тебе, красивая.

II

Написано мелом на дверях: портной. Да только нет здесь никакого портного. И никогда и не было. А живет здесь Авдотья спекулянтка. У ней закрытое мелочное заведение. Она и написала мелом на дверях для отвода глаз.

К этой-то бабке Авдотье и пошел Максим.

В дверь, где мелом «портной» сказано, постучал условно.

А когда открыли ему дверь — так сразу покосился весь Максимкин план. Не Авдотья, а муж бабки Авдотьи стоял перед Максимом.

Шагнул Максим за порог, лопочет непонятное. Сам соображает, как и что. Покосился план, да и только. Не вовремя приехал чертов муж...

Говорит Максимка глупые слова:

— Отпусти, — говорит, — бабка Авдотья, на десять косых...

Усмехнулся бабкин муж и в комнату пошел.

А Максим за ним.

Бабкин муж веса ставит, а Максимка примеряет: как и что. Да только покосился план, мыслимо ли сразу лазеечку найти. А бабкин муж интересуется:

— Какого же тебе товарцу, кавалер?

— Разного товарцу отпусти...

— Из кисленького, может быть, — интересуется, — капусточки?

— Из кисленького, бабка Авдотья.

Стал тут бабкин муж капусту класть из кадочки, а Максим метнул сюда-туда глазом. Максим схватил гирьку и трехфунтовой гирькой тюкнул по голове бабкиного мужа.

Рухнул бабкин муж у кадочки. В руке вилка. На вилке капуста.

А Максим к прилавку. На прилавке — ящик с деньгами. Шарит Максим — в пальцах дрожь. Вытащил деньги, да маловато денег. Где же такое денежки?

Роет Максим по комнате — нету денег. А в руки все ненужное лезет — гребенка, например, или блюдечко.

— Тьфу, бес, — где же денежки?

А в дверь на лестнице кто-то постучал условно.

Прикрыл Максим бабкиного мужа рогожкой. И к двери подошел. Слушает. Открыть, не открыть? Открою. Сердце успокоил и дверь открыл.

Малюсенький вошел старичок и тоненько сказал:

— Бабку бы Авдотью мне...

А Максим старичку такое:

— Нету, старичок, Авдотьи. Иди себе с богом. Иди, сделай милость.

Сказал это и видит: гирька трехфунтовая в руке. Испугался Максим, что старичок гирьку заметит, пихает ее в карман, прячет гирьку-то, а старичок бочком, бочком и протискался тем временем в комнату.

— Подожду, — говорит, — бабку Авдотью. У бабки Авдотьи славная картошечка... Э, да у ней и капустка, наверное, славная. Да. Ей-богу, славная капустка...

И такой говорун, научный старичок, Максимке бы с мыслями собраться, а старичок такое:

— Ну хорошо, человеку все бесплатно... Согласен. Да только, на мой научный взгляд, общественное питание — это уж, извините, это сущий вздор и совершенно ложные слова. На все согласен, а тут уж к бабке Авдотье пойду. Не могу... Извините... Я, скажем, головой поработал — рыбки захотел: фосфор в рыбке. Ты языком поболтал — молочную тебе диэту... А вы говорите — общественное питание. Из корыта... Да-с, молодой человек, на все соглашусь, а уж бабку-то Авдотью мне оставьте... Совершенно ложные слова.

— Да я ничего, — оробел Максимка.

И в коридор вышел. А там на лестницу, да по лестнице, да вниз через три ступеньки.

На улицу вышел, нащупал деньги в кармане.

— Эх, мало денег! Где ж такое были денежки?

И пошел покачиваясь.

III

— Эй, подходи, фартовый мальчик, подходи!

— Угощай папиросочкой...

Не полюбопытствовал Максим на девочек. Встал Максим на углу и к окну прислонился. Убить не убил человека и по голове ведь не шибко тюкнул, да человеку вредно, человека жаль...

Постоял Максим и подумал, а мысли-то уж все веселые идут.

Глядит Максим королем на всех. Глазами ищет Ляльку Пятьдесят. Да нету Лялечки.

А на углу белокуренькая папиросочкой дымит и Максиму улыбается. На ней высокие сапожки до колен и шелковая юбочка фру-фру... Повернется — шумит, и засмеется — шумит.

Зашумела и без слова к Максиму подошла. Подошла и тихо за руку взяла.

Да вдруг как зашумело все, затопало.

— Облава, дамочки, — вскричала белокуренькая и от Максима в сторону, в железные ворота.

За белокуренькой шагнул Максим, а на Максима человек. Весь в шпорах. Шпорами бренчит, саблей стучит, а в руке пятизарядный шпалер.

Задрожал Максим и пустился бежать.

И бежит и бежит Максим. Гремит сердце. Через Лиговку бежит — на него забор. Максим через забор, а в ноги кучи. Через кучи Максим... Пробежал еще и свалился в грязь. Да не сам свалился.

— Подножка, — сказал Максим и потрогал денежки.

А на Максима Черный вдруг насел. И мало того, что насел, а еще и душит.

— Пусти, — хрипло сказал Максим, — пусти... дышать трудно.

И Черный отпустил его слегка.

Сидит Черный на Максимке и разговаривает:

— Бежит, вижу, человек по кучам. Стой, думаю. Даром не побежит. Спасибо. Либо вор, либо от вора... Даешь денежки.

А сам уж по карманам шарит.

Ох, вытащил пачечку. Ох, вытащил другую. Ох, опять душит, сатана.

— А это что?

— Гирька, — сказал Максим и вспомнил бабкиного мужа.

— Гирька, — усмехнулся Черный и стукнул гирькой по Максимовой голове. — Беги теперь, да не оглядывайся. Беги, шпана, говорю... Стой. Гирьку позабыл. На гирьку.

Взял гирьку Максим и побежал. Пробежал немного и сел на кучу. Зачем же человека бить по голове!

IV

Посидел Максим на куче, унял сердце и в город пошел. Нужно бы домой, а ноги на Гончарную идут к Ляльке Пятьдесят. Идет Максим на Гончарную. На улицах пусто. И в сердце пусто...

А вот и Лялькин белый дом.

— Здравствуй, Лялькин милый дом.

Поднялся Максим и постучал и к Ляльке в комнату вошел. На стене ковер, на полу коврище, а в белой клетке попугай. А Лялька сидит на китайских коленях, ерошит ручкой китайские усы.

— Принес? — спросила Лялька и к Максиму подошла.

— Принес, — сказал Максим тихо. — Гони только китайскую личность. Смотреть трудно...

А китаец по-русски понимал замечательно. Обиделся и встал. И чашечку с кофеем на пол выплеснул.

— Зачем же, — говорит, — выносить такую резолюцию? Уйду и денег не заплачу.

Ушел китаец и дверкой стукнул. Максим тут к Ляльке подошел. К Ляльке наклонился и Ляльке целует щеку.

— Нет у меня денег, Лялька Пятьдесят.

— А, — вскричала Лялька Пятьдесят, — денег нет?

— Нету денег. Пожалей меня, Лялька! Очень мне трудно, без денег, пожалей, ну, скажи, что жалко.

Как закричала тут Лялька:

— А китайские убытки кто возместит?

— Есть в тебе сердце? — сказал Максим и на коврище сел и Лялькины ноги обхватил. — Есть ли сердце, спрашиваю? Птицу жалеешь? Жалеешь попку?

Как ударила тут Лялька Пятьдесят Максима — помутилось все.

Охнул Максим. Охнул и с полу поднялся. Гирьку нащупал в кармане. Вытащил гирьку, хотел ударить по Лялькиной голове, да не ударил. Рука не посмела.

Замахнулся Максим и ударил по птицыной клетке.

Ужасно тут закричал попугай, и тонко закричала Лялька. А Максим бросил гирьку и снова на коврище сел.

— Ну, скажи, что жалко, Лялька Пятьдесят!

РЫБЬЯ САМКА

(Рассказ отца дьякона Василия)

1

Неправильный это стыд — стесняться поповского одеяния, а на улице все же будто и неловкость какая и в груди стеснение.

Конечно, за три года очень ошельмовали попов. За три-то года, можно сказать, до того довели, что иные и сан сняли и от бога всенародно отреклись. Вот до чего довели.

А сколь великие притеснения поп Триодин претерпел, так и перечесть трудно. И не только от власти государственной, но и от матушки претерпел. Но сана не сложил и от бога не отрекся, напротив, душой даже гордился — гонение, дескать, на пастырей.

Утром вставал поп и неукоснительно говорил такое:

— Верую, матушка.

И только потом преуспевал во всех делах.

И можно ли подумать, что случится подобная крепость в столь незначительном человеке? Смешно. Вида-то поп никакого не имел. Прямо-таки никакого вида. При малом росте — до плечика матушке — совершенно рыжая наружность.

Ох, и не раз корила его матушка в смысле незначительности вида! И верно. Это удивительно, какая пошла нынче мелочь в мужчинах. Все бабы в уезде довольно крупные, а у мужчин нет такого вида. Все бабы запросто несут мужскую, скажем, работишку, а мужчины, повелось так, по бабьему даже делу пошли.

Конечно, таких мужчин расстреливать даже нужно. Но и то верно: истребили многих мужчин государственными казнями и войной. А остался кто — жизнь засушила тех.

Есть ли, скажем, сейчас русский человек мыслящий, который бы полнел и жиры нагуливал? Нет такого человека.

Конечно, попу это малое утешение, и поп говаривал:

— Коришь, матушка, коришь видом, а в рыбьей жизни, по Дарвину, матушка, рыбья самка завсегда крупней самца и даже пожирает его в раздражении.

А на такие поповы слова матушка крепко ставила тарелку или, например, чашечку, скажем, и чего — неведомо самой — обижалась.

2

И вот уж третий год пошел, как живет поп с женой розно.

И где бы матушке с душевной близостью подойти к попу, дескать, воистину трудно тебе, поп, от гонений, так вот, прими, пожалуйста, ласку, так нет того — не такова матушка. Верно: годы матушкины не преклонные, но постыдно же изо дня в день нос это рисовой пудрой и к вечеру виль хвостом.

А попу какое утешение в жизни, если поколеблены семейные устои?

Попу утешение — в преферансик, помалу, по нецерковным праздникам, а перед преферансиком — словесная беседа о государственных и даже европейских вопросах и о невозможности погибели христианской эпохи.

Чувствовал поп очень большую сладость в словах. И как это всегда выходит замечательно. Сначала о незначительном, скажем, хлеб в цене приподнялся — житьишко неважное, значит. А житьишко неважное — какая тому причина. Слово за слово — играет попова мысль: государственная политика, советская власть, поколеблены жизненные устои.

А как сказано такое слово: советская... так и пошло, и пошло. Старые счеты у попа с советскими. Очень уж было много обид и притеснений. Было такое дело, что пришли раз к нему ночью, за бороденку схватили и шпалером угрожали.

— Рассказывай, — говорят, — есть ли мощи какие в церкви, народу, дескать, нужно удостовериться в обмане. И какие святые мощи могут быть в церкви, если наибеднейшая церковка во всем Бугрянском уезде?

— Нету, — говорит поп, — нет никаких святых мощей, пустите бороденку, сделайте милость.

А те все угрожают и шпалером на испуг действуют. И не поверили попу.

— Веди, — говорят, — нас, одначе, разворачивай церковное имущество.

И повел их поп в церковь.

И ночное уж было дело. И чудно как-то вышло. И ведет, и ведет их поп по городу, а церкви нет. Испуг, что ли, бросился в голову — не по тем улицам поп пошел. Только вдруг сладость необычайная разлилась по жилам.

«Дело, — подумал поп, — подобное Сусанину».

И повел их аж в конец города, за толкучку. А те разъярились, вновь за бороденку сгрябчили и сами уж указали дорогу.

Ночью развернули имущество церковное, нагадили табачищем, наследили, но мощей не нашли.

— А, — сказали, — поповская ряса, нет мощей, так учредим, знаешь ли, в церкви твоей кинематограф.

С тем и ушли.

— И как же так — кинематограф? — говорил поп матушке. — Возможно ли учредить в церкви кинематограф? Не иначе, матушка, подобное для испуга сказано. Ведь не допустит же приход, хоть и ужасно в нем поколебалась религиозная вера, не допустит приход до этого.

Вот тут бы матушке и подойти с душевной близостью, да нет — свои дела у матушки. И какие такие, скажите, дела у матушки? Вот, пожалуйста, оделась, вот ушла — и слова не скажи. Нет никакого пристрастия к семейной жизни.

Но не только в поповом доме подобное, а все рассказывают: глядит, говорят, баба в сторону. И что такое приключилось с русской бабой?

3

А что ж такое приключилось с русской бабой? Смешного нет, что русская баба исполняет мужскую работишку и что баба косу, скажем, себе отрезала.

Вот у китайцев вышел такой критический год: всенародно китайцы стали отрезать косы. Ну что ж? Значит, вышла коса из исторической моды. Смешного ничего нет.

Да не в том штука. А штука в том: великое бесстыдство и блуд обуял бабу. И не раз выходил поп к народу в облачении и горькие слова держал:

— Граждане и прихожане и любимая паства. Поколебались семейные и супружеские устои. Тухнет огонь семейного очага. Опомнитесь в безверии и в сатанинском бесстыдстве.

И все поп такие прекрасные слова подбирал, что ударяли они по сердцу и вызывали слезы. Но блуд не утих.

И никогда еще, как в этот год, не было в народе такого бесстыдства и легкости отношений. Конечно, всегда весной бывает этакая острота в блуде, но

пойдите, пожалуйста, в военный клуб, послушайте, какие нестерпимые речи около женского класса. Это невозможно.

И что поделать?! Ведь если попова жена — нос рисовой пудрой и поп не скажи слова, то можно ли что поделать? И хоть понимал это поп очень, однако горькие речи держал неукоснительно.

И вот в такую-то блудную весну вселили к попу дорожного техника. Это при непреклонных-то матушкиных годах!

Стоек был поп и терпелив, но от удара такого потерял поп жизни не меньше как десять лет. Очень уж красивый и крупный был железнодорожный техник.

И при красоте своей был техник вежлив необычайно и даже мог беседовать на разные темы. И беседуя на разные темы, интересовался тонкостями, к примеру: как и отчего повелось в народе, что при встрече с духовным попом прохожий делает из пальцев шиш.

Но беседуя на разные темы и интересуясь тонкостями, оборачивал техник слова непременно к женскому классу и про любовь.

И пусть бы даже мог техник беседовать про европейские вопросы, не смог бы поп отнестись к нему любовно. Очень уж опасен был этот техник.

— Узко рассуждая, — говорил поп, — не в европейском размере, ну к чему такое гонение на пастырей?.. К чему, скажем, вселять железнодорожных техников? Квартиренка, сами знаете, неогромная, неравно какой карамболь выйдет или стеснение личности.

И на такие поповы слова качали головами собеседники, дескать, точно: сословию вашему туго, сословию вашему стеснение... А матушка нахально поводила плечиком.

4

И точно: вышел у попа с дорожным техником карамболь.

А случилось так, что пришли к попу партнеры и приятели его жизни — дьякон Веньямин и городской бывшего четырехклассного мужского училища учитель Иван Михайлович Гулька.

Началась, конечно, словесная беседа о незначительном, а потом о гонении на пастырей. А дьякон Веньямин — совершенно азартный дьякон и отвлеченной политикой нимало не интересуется.

Поп про нехристианскую эпоху, а дьякон Веньямин картишками любуется — дама к даме картишки разбирает. И чуть какая передышка в словах, он уж такое:

— Что ж, — говорит, — не теряя драгоценного времечка...

Беседу они прервали, сели за стол и картишки сдали. А поп тут и объявил: восемь игры, — кто вистует?

И сразу попу такой невозможный перетык вышел: дьякон Веньямин бубну кроет козырем, а учитель Гулька трефу почем зря бьет.

Очень тут заволновался поп и под предлогом вечернего чая вышел попить водички.

Выпил ковшичек и, идучи обратно, подошел к дверям матушки.

— Матушка, — сказал поп, — а матушка, не обижайся только, я насчет вечернего чая.

А в комнате-то матушки и не было. Поп на кухню — нет матушки, поп сюда-туда — нету матушки.

И заглянул тогда поп к технику. С дорожным техником в развратной позе сидела матушка.

— Ой, — сказал поп и дверь прикрыл тихонечко. И, на носочках ступая, пошел к гостям доигрывать.

Пришел и сел, будто с ним ничего не случилось. Играет поп — лицо только белое. Картишки сдает, головой мотнет, пальцами по столу потюкает, а сам такое:

— Сожрала нас рыбья самка?

И какая такая, скажите, рыбья самка?

И вдруг повезло попу. Учитель Гулька, скажем, туза бубен, а поп козырем, учитель Гулька марьяж виней отыгрывает, а поп козырем. И идет и идет к попу богатеющая карта.

И выиграл поп в тот вечер изрядно. Сложил новенькие бумажки и тяжко так улыбнулся.

— Это все так, — сказал, — но к чему такое гонение?

К чему вселять дорожных техников?

А дьякон Веньямин и учитель Гулька обиделись.

— Выиграл, — говорят, — раздел нас поп, а будто и недоволен. И чайком даже, поповская ряса, не попотчевал.

Обиженные ушли гости, а поп убрал картишки, прошел в спальную комнату и, не дожидаясь матушки, тихонько лег на кровать.

5

Великая есть грусть на земле. Осела, накопилась в разных местах, и не увидишь ее сразу.

Вот смешна, скажем, попова грусть, смешно, что попова жена обещала технику денег, да не достать ей, смешно и то, что сказал дорожный техник про

матушку: старая старуха. А сложи все вместе, собери-ка в одно — и будет великая грусть.

Поп проснулся утром, крестик на груди потрогал.

— Верую, — сказал, — матушка.

А сказав «матушка», — вспомнил вчерашнее.

Ой, рыбья самка! Сожрала, матушка. И не то плохо, что согрешила, а то плохо, что обострилось теперь все против попа, все соединилось вместе и нет ему никакой лазейки. Оделся поп, не посмотрел на матушку и вышел из дому, не пивши чая.

Эх! И каково грустно плачут колокола, и какова грустная человеческая жизнь. Вот так бы попу лежать на земле неживым предметом, либо такое сделать геройское, что казнь примешь и спасешь человечество.

Встал поп и тяжкими стопами пошел в церковь. К полдню, отслужив обедню, поп, по обычаю, слово держал.

— Граждане, — сказал, — и прихожане, и любимая паства. Поколебались и рухнули семейные устои. Потух огонь в семейном очаге. Свершилось. И, глядя на это, не могу примириться и признать государственную власть...

Вечером пришли к попу молодчики, развернули его утварь и имущество и увели попа.

ПОСЛЕДНИЙ БАРИН

1. Встреча

Его, Гаврилу Васильевича Зубова, я встретил в Смоленске.

Помню... Базар. Пшеничный хлеб. Свиная туша. Бабы. Молоко... И тут же, у ларьков — толпа. Зрители. Хохочут. Бьют в ладоши. А перед зрителями человек.

Я подошел.

Был это необыкновенного вида человек: босой, слоноподобный, с длинными, до плеч, седыми волосами. Он ходил этаким кренделем перед толпой, рыл ногами землю, бил себя по животу, хрюкал, приседал, ложился в грязь. Он танцевал.

Сначала я не понял. Понял, когда он взял с земли дворянскую фуражку и стал обходить зрителей. В фуражку клали ему все, кроме денег: кусочки грязи, навоз, иной раз хлеб. Хлеб он тут же пожирал. Все смеялись. Но это не было смешно. Это было страшно — лицо его не улыбалось.

Я протискался ближе и вдруг узнал: это — Зубов. Помещик Гаврила Васильевич Зубов. Я вдруг вспомнил: цугом двенадцать лошадей, гонец впе-

реди — его выезд, кровать под балдахином, лакей, читающий ему Пушкина из соседней комнаты (чтоб не видеть смерда!)...

Я положил в шапку его хлеб и сказал тихо:

— Гаврила Васильевич...

Он, усмехнулся как-то хитро, в нос, и, взглянув на меня, отошел.

Да, это был Гаврила Зубов. Странный, необыкновенный человек. Последний барин, которому следовало бы жить при Екатерине...

Я хотел было уйти, но вдруг подошел ко мне какой-то старичок. Был он чистенький, опрятненький, в сюртуке. В руке он держал ковер: продавал.

Старичок высморкался в розовый платок, поправил галстук, кашлянул и сказал почтительно:

— Извиняюсь, уважаемый товарищ, вы изволили по имени назвать Гаврилу Васильевича... Вы знали сего человека?

— Да, — сказал я, — однажды я с ним встретился...

— Однажды! — закричал на меня старичок. — Однажды! Только однажды! Так, значит, о нем вы ничего не знаете?

— Нет, — сказал я, — о нем я кое-что слышал. Старичок недовольно взглянул на меня.

— А что Зубово он сжег — знаете?

— Сжег Зубово? Нет, не знаю.

— Нет! — снова закричал старичок, размахивая руками. — Ну так, значит, вы ничего не знаете... А про Ленку знаете? А как Гаврила Васильевич князя Мухина высек?

Старичок засмеялся тоненько, поперхнулся, вынул розовый свой платок, высморкался и, взяв меня под руку, сказал, показывая пальцем на Зубова:

— Сжег. Сжег свое Зубово. Из великой гордости сжег, чтоб мужичкам ничего не досталось. И нагишом ушел. В белье только. Даже кольцо с пальца скинул и в пожар бросил. Мужички по сие время шуруют на пожарище.

Старичок снова засмеялся. На этот раз он смеялся продолжительно, дважды вытаскивал носовой платок, сморкался, махал рукой, вытирал себе слезы...

Я посмотрел на Гаврилу Васильевича. Он сидел на земле, поджав под себя ноги. Величайшее равнодушие застыло на его лице. Он тихо качался всем телом, и челюсти его медленно и равнодушно двигались: он жевал хлеб.

2. Рассказ старичка

— Ах, уважаемый товарищ, — сказал старичок, — много ли человек стоит? А стоит человек три копейки со всеми своими качествами. Вот взгля-

ните: сидит человек, сложив по-турецки ноги, — ему и горюшка никакого... Все забыл, все не помнит, и другая кровь течет у него по жилам. А кто это сидит, многоуважаемый товарищ?

А сидит это Гаврила Васильевич Зубов, самый в свое время замечательный, — самый наигордый человек во всей России. Лет тому тридцать назад каждый сопливый мальчишка знал это имя. Жил он в Москве и не тем был замечателен, что золотом свыше одного миллиона на француженок истратил, а был он замечателен необыкновенной своей гордостью.

Гордился он прямо-таки всем: фамилией своей, и ростом, и капиталом, и тем, что покойный царь с ним в шашки игрывал и по щекам его дружески хлопал...

Разные уморительные анекдоты существовали об его безмерном тщеславии.

Рассказывали, будто в любовницах всегда у него были самые красивейшие женщины. Красивей всех. А один известный барон вывез откуда-то столь необыкновенно прекрасную девицу, что сразу затмил Зубова. Не мог перенесть это Зубов. За огромные деньги перекупил он девицу эту и всюду на показ водил ее... А была девица эта из мещаночек. И при чудной красоте своей имела руки мужицкие, красные... Так два года перед тем продержал ее Гаврила Васильевич взаперти и два года не снимал с нее кожаных перчаток. А как снял, так руки стали у ней белейшие, с прожилками.

Ах, ей-богу, до чего был гордый человек!

Рассказывали, будто на визитных своих карточках, кроме корон и всяких наименований, печатал он собственный вес — 9 пудов. Но неизвестно, может быть, это была неправда.

Известно только, что в сорок лет он не смог ужиться с людьми и по великой своей гордости и презрению к людям выехал в имение свое Зубово. И там он от всех закрылся. Никуда не выезжал, и к нему никто не ездил. Наезжали, впрочем, к нему разные некрупные помещики, но Гаврила Васильевич принимал их строго: называл на «ты», руки не подавал и садиться перед собой не приказывал. И всех считал дрянью, разночинцами или купчишками. Некоторые дворянчики безмерно от того обижались, но ихняя обида оставалась при них.

Пять лет прожил он сиднем, на шестой все и случилось. А пять лет жил он до того скучно, что, будь это другой человек, непременно бы он повесился.

Была у него в любовницах Ленка — девка простая и, как все равно индюшка, глупая. Жила она в верхнем этаже, целые дни кушала халву и грецкие орехи и валялась на постелях.

Гаврила Васильевич поднимался к ней редко. И даже в такие дни с ней не разговаривал. Да и она сама перед ним робела.

А день у него проходил от еды до еды. Днем, без всякой на то нужды, ходил Гаврила Васильевич по своим апартаментам и на глаза никто не смел ему показываться. А к вечеру, бывало, на кровать он свою ляжет, балдахином прикроется и велит камердинеру Гришке книги читать.

Сядет Гришка в соседней комнате, дверь в барскую опочивальню прикроет и оглушительным басом кричит ему разные повести и романы.

Но иной раз, в добром душевном расположении, выходил Гаврила Васильевич в сад и приказывал палить из пушки. Стояла у него в саду пушка старинная, и стреляла она каменными ядрами. Ну, стрельнут из нее раз, другой, Гаврила Васильевич рукой махнет — дескать, достаточно, будет, и снова в свои апартаменты. И ходит, и ходит, даже посторонних тоска берет.

Иной раз устраивал Гаврила Васильевич балы. Да только это были совсем удивительные балы. Пятнадцать музыкантов на хорах трубили в инструменты вальсы и мазурки, а Гаврила Васильевич один во всем зале ходит взад и вперед, в кресла присаживается и опять ходит...

Так вот жил Гаврила Васильевич в своем Зубове побольше пяти лет. А был у него некий человек, вроде как бы его приказчик или управляющий. Ходил этот приказчик за барином своим в трех шагах, в разговоры не лез, молчал, как утопленник, и все припадал к барской ручке.

За это Гаврила Васильевич весьма его полюбил и даже приблизил. Его-то однажды Гаврила Васильевич позвал в свои апартаменты и сказал:

— Род мой древний и знаменитый, ежели в ближайшие сроки не женюсь, то окончится на мне фамилия. Угаснет род. Что делать — ума не приложу. А только требуется мне невеста хороших кровей.

Бросились люди по всей губернии... Стали разыскивать, опрашивать, где какая существует девица хороших кровей, но нигде не нашли. Все проживали мелкота и купчишки.

Стали наезжать к Гавриле Васильевичу старушки разные. Бывало, такая старушка придет, Гаврила Васильевич ее примет, послушает, а после как по столу тяпнет.

— Да ты про что врешь?

— Как это вру? Предлагаю, дескать, дворяночку.

— Кому предлагаешь? Говори, кому предлагаешь. Кто я такой?

— Зубов. Помещик Зубов.

Гаврила Васильевич только усмехался.

— Зубов! А кто такой Зубов? Да знаешь ли ты, матушка, что Зубов в бархатную книгу вписан? Да со мной император не раз в шашки играл!.. Да лучше я на девке простой женюсь, чем дворяночке поеду кланяться.

Приказчику Гаврила Васильевич заявил:

— Ежели в течение года невесты хороших кровей не найду, то непременно и обязательно женюсь на Ленке. Пущай весь мир погибает!

А вскоре отыскали эту невесту. Явился человек и доложил:

— Проживает в десяти верстах за Гнилыми Прудами старая княгиня Мухина. Богатством она не отличается, но кровей хороших и превосходных. При ней, дескать, дочка. А какова дочка, какой внешности и какой, например, у ней нос — никто не знает. Может быть, она и очень хороша, а может быть, и хроменькая — никто об этом не знает и ее не видал.

Ужасно тут обрадовался Гаврила Васильевич.

— Ладно, — говорит, — какая бы она ни была, но раз хороших кровей, то дело сделано.

Приказал он из пушки стрелять и в тот же день отбыл к князьям Мухиным.

Приехал. Ждет. Старушка к нему выходит. Старушка весьма гордая... Капот... Наколочка... Разговор все время французский...

Посмотрел на нее Гаврила Васильевич — остался доволен. Кровей, думает, хороших. Сомненья нету.

А она:

— Зачем, дескать, батюшка, пожаловали? По каким это делам? А мы-то тут сиднем сидим и из высшего света никого не видим.

Гаврила Васильевич ей отвечает:

— Насчет высшего света я с вами много не буду распространяться, я пожаловал сюда не мух ловить, а серьезное дело делать. Примите мое предложение — прошу ручку вашей дочери.

Старушка совершенно тут растерялась, про себя бубнит, по апартаментам мечется.

— Как? Что такое? Да разве вы знаете княжну Липочку?

— Нет, — отвечает ей гордо Гаврила Васильевич, — княжну я не знаю и знать не хочу, а прошу ее руки заочно. Пущай входит и мне представляется.

Ужасно тут забеспокоилась старушка.

— Ох, — говорит, — если так, то сейчас, сейчас. С минутку обождите. Кушайте пока чай с печеньями.

И сама за дверь вышла.

Осмотрел Гаврила Васильевич комнату. Видит, фамилия князей Мухиных небогатая: все стоит развалившись, мебель и диваны рваные.

«Ну, — думает, — мне это все равно, не за мебелью я приехал, мебель всегда заново обить можно, а мне кровь важна».

И вот выходит снова старушка, с дочкой, княжной Олимпиадочкой. Княжна хроменькая и собой столь ужасно некрасива, что и выразиться трудно. Носишко совсем малюсенький, рост и телосложение тем более мизерное, волосенки жидкие — ни кожи ни рожи.

Осмотрел ее Гаврила Васильевич и говорит:

— Ну, что ж делать! Мне с лица ее не воду пить. От слов своих не отрекаюсь — что сказал, то и свято. Приданым я интересуюсь мало — что дадите, то и ладно. Род мой старинный и знаменитый, и мне не купчиха нужна, а кровь хорошая. Объявляю ее своей невестой.

Была княгиня Мухина хоть и небогатая, но претензий и апломбу у ней было много.

— Так-то так, — говорит, — но вы с ней весьма мало знакомы, только раз и виделись. Ни любви, ни романа, ни ревности — это даже странно и не по этикету. Но если вы так торопитесь, то напишу-ка я сегодня Володичке в гвардейский полк, пусть над сестрой он сам распоряжается.

А княжна Олимпиадочка по апартаментам ходит, ножкой своей волочит и все соглашается:

— Ах, ма мер, да пусть он женится, я согласна.

Гаврила Васильевич сказал:

— Ладно. Пишите письмо. Ждать я еще могу. — Сказал он еще несколько светских слов по-французски и с тем и уехал.

Вот прошла неделя, две... Гаврила Васильевич веселится, из пушки бьет, балы устраивает...

Наконец — дежурный скачок. Докладывает: приехал, дескать, князь Мухин, только с парохода слез.

Целые сутки провел Гаврила Васильевич в нетерпении, на другой день велел собираться. Запрягли двенадцать лошадей, трубач впереди, сзади собак целая свора — и тронулись.

Но не доехал еще Зубов до Гнилых Прудов, как велел остановиться. Остановились. Стоят.

Гаврила Васильевич думает: «Что ж это я, как мальчишка, скачу? И к кому? К какому-то офицеришке! Я в бархатную книгу вписан, со мной император запросто в шашки играл... Назад!»

Вернулся Гаврила Васильевич в Зубово, лишь один скачок на княжеский двор приехал. А во дворе князю, поручику Мухину, лошадей запрягают. Расспросы: что? как? почему? Неизвестно. Велели распрягать.

К вечеру узнается: Гаврила Васильевич вернулся с пути, не доехав до Гнилых Прудов.

Проходит день, два и три — оба, из гордости, сидят дома. Наконец, через неделю, князь Мухин присылает в Зубово скачка.

Сидел в то время Гаврила Васильевич на балконе у Ленки и халву кушал.

Скачок с лошади не слез и ворот просил не запирать. Он посмотрел на Зубова с нахальством, шапки перед ним не снял и сказал на весь двор громко:

— Его сиятельство князь Мухин велели доложить, что им чихать хочется на ваше благородство.

Гаврила Васильевич едва не выпал из балкона. А скачок еще сказал:

— Его сиятельство князь Мухин велели доложить, что в свое время таких благородных они на конюшнях парывали.

Услышали люди такие слова, враз попрятались, и, как ни кричал Гаврила Васильевич, из робости никто не вышел.

Как ударил тут скачок коня, так за воротами и скрылся вмиг.

В ужасной ярости плевал Гаврила Васильевич вниз, ногами бил, кричал:

— Держи! Трави собаками!

Выбежал он сам во двор, но скачок был далеко. Моментально приказал Гаврила Васильевич выкатить пушку на дорогу и велел стрелять.

Три раза заряжали пушку и стреляли вслед, но скачка уж и не видно было — только пыль вздымалась по дороге.

Вернулся Гаврила Васильевич домой, поярился несколько дней и вдруг затих. Он призвал приказчика и сказал ему:

— Мнения своего не изменю. На хроменькой княжне женюсь, но прежде ужасно оскорблю и унижу князя Владимира. Но как это сделать — ума не приложу.

Бросились тут люди в Петербург и в Москву. За неделю разузнали, как и что. Доложили: проживает князь, поручик Мухин, в Петербурге, по кабакам ходит, кутит и в деньгах чересчур нуждается.

И неизвестно, как уж дальше вышло — деньгами или хитростью, но собрал Гаврила Васильевич против Мухина обличительные документы, расписки денежные и даже подпись одну фальшивую.

Написал ему письмо. Приезжайте, дескать, срочно, иначе угрожает вам каторга.

В три дня обернулся князь Мухин и прибыл в Зубово. Ужасно бледный, прошел он в апартаменты Гаврилы Васильевича, почтительно ему поклонился, но сказал с усмешкой:

— Вот, говорит, когда пришлось нам свидеться. Говорите скорей, что за документы требуете.

Гаврила Васильевич на поклон не ответил, лишь усмехнулся только и говорит:

— Решай: либо тебе в каторгу идти и тем самым навек погибнуть, либо я тебя высеку, документы отдам и на княжне Липочке женюсь.

Вскипел сначала князь Мухин, схватился даже за оружие, стрелять хотел. Раздумал. Хотел уйти, дошел до двери, вернулся.

«Что ж, — подумал, — я человек погибший, из полка мне все равно уйти, а тут — либо покориться и тем самым документы вернуть и честное имя восстановить, либо в каторгу».

Подошел он к Гавриле Васильевичу, говорит тихо:

— Делайте что хотите.

А сам мундир снял, погоны отвязал, бросил их на землю, растоптал ногами...

Крикнул тут Гаврила Васильевич камердинера Гришку, велел ему стегать князя Мухина, но не дался Мухин.

— Нет, — говорит, — такого уговора не было, чтоб меня лакей стегал.

Ужасно это понравилось Гавриле Васильевичу, рассмеялся даже.

— Ну, — говорит, — вижу, ты хороших кровей. Хвалю. Но мнения своего не изменю.

Взял он с этими словами арапник и самолично постегал князя Мухина. Поднялся князь Мухин, дрожит. Накинул на себя мундир.

— Давайте, — говорит, — документы.

— Нет, — сказал Гаврила Васильевич, — документов я тебе не дам.

Страшно побледнел князь Мухин, заплакал с досады, бросился во двор к лошадям... Гаврила Васильевич его вернул.

— Да, — говорит, — документов я тебе не дам. Пусть придет за ними сестра, княжна Липочка.

Заплакал снова от обиды князь Мухин, ничего не сказал и вышел.

И прошло несколько дней, является княжна Липочка. Явилась она вне себя, пешком, волосенки у ней сбились на сторону, идет — трясется.

Увидел ее из окна Гаврила Васильевич, усмехнулся, крикнул камердинера Гришку и велел передать ей бумаги. А сам не вышел. Только глянул в окно, как по двору она шла, постоял недолго, бросился после к воротам. Стоит и вслед смотрит, нахмурившись. А княжна Липочка идет по дороге, бумаги в руке зажала, торопится и по пыли за собой ножку волочит.

3. Конец

Старичок вынул розовый свой платок, высморкался, вытер свои глазки и замолчал. Я взглянул на Гаврилу Васильевича. Он все еще сидел на земле. Он собирал крошки в ладонь и высыпал их в рот.

— А дальше? — спросил я старичка.

— Все.

— Позвольте, а как он Зубово сжег — вы не рассказали. А Ленка что?..

Старичок посмотрел на меня косо.

— Ну и сжег, — сказал он. — Как про революцию услыхал, так и сжег. Сжег и нас не спросил. И нагишом ушел... А вы тут кто такой?

— Позвольте, — удивился я, — вы же сами рассказывали...

— Рассказывал! — закричал старичок, наседая на меня. — А вы кто такой? Чего вам нужно? С флагами, небось, ходили, идеи разные разглашали, ну и проходите себе... Не задерживайте людей расспросами.

В это время Гаврила Васильевич поднялся тяжело с земли и, странно покачиваясь и дергая как-то ногами, пошел с базара.

Мой старичок посмотрел на него, засуетился, махнул рукой и пошел от меня прочь.

— Позвольте, голубчик, — закричал я ему вслед. — А как же Зубов? Женился он на княжне Липочке?

Старичок остановился, вынул свой платок, покачал головой и сказал:

— Не женился. Утонула княжна Липочка. Как в тот день из Зубова ушла, так и домой не вернулась. В Гнилые Пруды бросилась.

Старичок заморгал глазками, махнул рукой и вдруг побежал. Я долго смотрел ему вслед.

Он бежал, размахивая ковром, смешно подбирая ноги. Потом он поравнялся с Зубовым и они пошли вместе.

КОЗА

1

Без пяти четыре Забежкин сморкался до того громко, что нос у него гудел, как труба иерихонская, а бухгалтер Иван Нажмудинович от испуга вздрагивал, ронял ручку на пол и говорил:

— Ох, Забежкин, Забежкин, нынче сокращение штатов идет, как бы тебе, Забежкин, тово, — под сокращение не попасть... Ну куда ты торопишься?

Забежкин прятал платок в карман и тряпочкой начинал обтирать стол и чернильницу.

Двенадцать лет сидел Забежкин за этим столом. Двенадцать лет! Подумать даже страшно, какой это срок немаленький. Ведь если за двенадцать лет пыль, скажем, ни разу со стола не стереть, так, наверное, и чернильницы не видно будет?

В четыре ровно Забежкин двигал нарочно стулом, громко говорил: «Четыре», четыре костяшки отбрасывал на счетах и шел домой. А шел

Забежкин всегда по Невскому, хоть там и крюк ему был. И не потому он шел по Невскому, что на какую-нибудь встречу рассчитывал, а так — любопытства ради: все-таки людей разнообразие, и магазины черт знает какие, да и прочесть смешно, что в каком ресторане люди кушают.

А что до встреч, то бывает, конечно, всякое... Ведь вот, скажем, дойдет Забежкин сейчас до Садовой, а на Садовой, вот там, где черная личность сапоги гуталином чистит, — дама вдруг... Черное платье, вуалька, глаза... И побежит эта дама к Забежкину... «Ох, — скажет, — молодой человек, спасите меня, если можете... Ко мне пристают, оскорбляют меня вульгарными словами и даже гнусные предложения делают...» И возьмет Забежкин даму эту под руку так, касаясь едва, и вместе с тем с необыкновенным рыцарством, и пройдут они мимо оскорбителей презрительно и гордо... А она, оказывается, дочь директора какого-нибудь там треста.

Или еще того проще — старичок. Старичок в высшей степени интеллигентный идет. И падает вдруг. Вообще, головокружение. Забежкин к нему... «Ах, ах, где вы живете?..» Извозчик... Под ручку... А старичок, комар ему в нос, — американский подданный... «Вот, — скажет, — вам, Забежкин, триллион рублей...»

Конечно, все это так, вздор, романтизм, бессмысленное мечтание. Да и какой это человек может подойти к Забежкину? Какой это человек может иметь что-либо вообще с Забежкиным? Тоже ведь и наружность многое значит. А у Забежкина и шея тонкая, и все-таки прически никакой нет, и нос загогулиной. Ну еще нос и шея куда ни шло — природа, а вот прически, верно, никакой нету. Надо будет отрастить в срочном порядке. А то прямо никакого виду.

И будь у Забежкина общественное положение значительное, то и делу был бы оборот иной. Будь Забежкин квартальным надзирателем, что ли, или хотя бы агрономом, то и помириться можно бы с наружностью. Но общественное положение у Забежкина не ахти было какое. Впрочем, даже скверное. Да вот, если сделать смешное сравнение, при этом смеясь невинно, если бухгалтера Ивана Нажмудиновича приравнять щуке, а рассыльного Мишку — из Союза молодежи — сравнить с ершом, то Забежкин, даром что коллежский регистратор бывший, а будет никак не больше уклейки или даже колюшки крошечной.

Так вот, при таких-то грустных обстоятельствах, мог ли Забежкин на какой-нибудь романтизм надеяться?

2

Но однажды приключилось событие. Однажды Забежкин захворал. То есть не то чтобы слишком захворал, а так, виски заломило это ужасно как.

Забежкин и линейку к вискам тискал, и слюнями лоб мазал — не помогает. Пробовал Забежкин в канцелярские дела углубиться.

Какие это штаны? Почему две пары? Не есть ли это превышение власти? Почему бухгалтеру Ивану Нажмудиновичу сверх комплекта шинелька отпущена и куда это он, собачий нос, позадевал шинельку эту? Не загнал ли, подлая личность, на сторону казенное имущество?

Виски заломило еще пуще.

И вот попросил Забежкин у Ивана Нажмудиновича домой пораньше уйти.

— Иди, Забежкин, — сказал Иван Нажмудинович и таким печальным тоном, что и сам чуть не прослезился. — Иди, Забежкин, но помни: нынче сокращение штатов...

Взял Забежкин фуражку и вышел.

И вышел Забежкин по привычке на Невский, а на Невском, на углу Садовой, помутилось у него в глазах, покачнулся он, поскреб воздух руками и от слабости необыкновенной к дверям магазина прислонился. А из магазина в это время вышел человек (так, обыкновенного вида человек, в шляпе и в пальто коротеньком) и, задев Забежкина локтем, приподнял шляпу и сказал:

— Извиняюсь.

— Господи! — сказал Забежкин. — Да что вы? Да пожалуйста...

Но прохожий был далеко.

«Что это? — подумал Забежкин. — Чудной какой прохожий. Извиняюсь, говорит... Да разве я сказал что-нибудь против? Да разве он пихнул меня? Это же моль, мошкара, мошка крылами задела... И кто ж это? Писатель, может быть, или какой-нибудь всемирный ученый... Извиняюсь, говорит. Ах ты, штука какая! И ведь лица даже не рассмотрел у него...»

— Ах! — громко сказал Забежкин и вдруг быстро пошел за прохожим.

И шел Забежкин долго за ним — весь Невский и по набережной. А на Троицком мосту вдруг потерял его из виду. Две дамы шли — шляпки с перьями — заслонили, и как в Неву сгинул необыкновенный прохожий.

А Забежкин все шел вперед, махал руками, сиял носом, просил извинения у встречных и после неизвестно кому подмигивал.

«Ого, — вдруг подумал Забежкин, — куда же это такое я зашел? Каменноостровский... Карповка... Сверну», — подумал Забежкин. И свернул по Карповке.

И вот — трава. Петух. Коза пасется. Лавчонки у ворот. Деревня, совсем деревня!

«Присяду», — подумал Забежкин и присел у ворот на лавочке.

И стал свертывать папиросу. А когда свертывал папиросу, увидел на калитке объявление:

«Сдается комната для одинокого. Женскому полу не тревожиться».

Три раза кряду читал Забежкин объявление это и хотел в четвертый раз читать, но сердце вдруг забилось слишком, и Забежкин снова сел на лавку.

«Что ж это, — подумал Забежкин, — странное какое объявление? И ведь не зря же сказано: одинокому. Ведь это что же? Ведь это, значит, намек. Это, дескать, в мужчине нуждаются... Это мужчина требуется, хозяин. Господи, твоя воля, так ведь это же хозяин требуется!»

Забежкин в волнении прошелся по улице и вдруг заглянул в калитку. И отошел.

— Коза! — сказал Забежкин. — Ей-богу, правда, коза стоит... Дай бог, чтоб коза ее была, хозяйкина... Коза! Ведь так, при таком намеке, тут и жениться можно. И женюсь. Ей-богу, женюсь. Ежели, скажем, есть коза — женюсь. Баста. Десять лет ждал — и вот. Судьба... Ведь ежели рассуждать строго, ежели комната внаймы сдается, — значит, квартира есть. А квартира — хозяйство, значит, полная чаша... Поддержка... Фикус на окне. Занавески из тюля. Занавесочки тюлевые. Покой... Ведь это же ботвинья по праздникам!.. А жена, скажем, дама солидная, порядок обожает, порядком интересуется. И сама в сатиновом капоте павлином по комнате ходит. И все так великолепно, все так благородно, и все только и спрашивает: «Не хочешь ли, Петечка, покушать?» Ах ты, штука какая! Хозяйство ведь. Корова, возможно, или коза дойная. Пускай коза лучше — жрет меньше.

Забежкин открыл калитку.

— Коза! — сказал он, задыхаясь. — У забора коза. Да ведь ежели коза, так и жить нетрудно, ежели коза, то смешно даже... Пускай Иван Нажмудинович завтра скажет: «Вот, дескать, слишком мне тебя жаль, Забежкин, но уволен ты по сокращению штатов...» Хе-хе, ей-богу, смешно... Удивится, сукин сын, поразится до чего, ежели после слов таких в ножки не упаду, просить не буду... Пожалуйста. Коза есть. Коза, черт меня раздери совсем! Ах ты, вредная штука! Ах ты, смех какой!.. А женскому-то полу плюха какая, женский-то пол до чего дожил — не тревожиться. Не лезь, дескать, комар тебе в нос, здесь его величество мужчина требуется...

Тут Забежкин еще раз прочел объявление и, выпятив грудь горой, с необыкновенной радостью вошел во двор.

3

У помойной ямы стояла коза. Была она безрогая, и вымя у ней висело до земли.

«Жаль, — с грустью подумал Забежкин, — старая коза, дай бог ей здоровья».

Во дворе мальчишки в чижика играли. А у крыльца девка какая-то столовые ножи чистила. И до того она с остервенением чистила, что Забежкин, забыв про козу, остановился в изумлении.

Девка яростно плевала на ножи, изрыгала слюну прямо-таки, втыкала ножи в землю и, втыкая, сама качалась на корточках и хрипела даже.

«Вот дура-то», — подумал Забежкин.

Девка изнемогала.

— Эй, тетушка, — сказал Забежкин громко, — где же это тут комната внаймы сдается?

Но вдруг открылось окно над Забежкиным, и чья-то бабья голова с флюсом, в платке вязаном, выглянула во двор.

— Товарищ, — спросила голова, — вам не ученого, или агронома, Пампушкина нужно будет?

— Нет, — ответил Забежкин, снимая фуражку, — не имею чести... я насчет, как бы сказать, комнаты, которая внаймы.

— А если ученого-агронома Пампушкина, — продолжала голова, — так вы не ждите зря, он нынче принять никак не может, он ученый труд пишет про что-то.

Голова обернулась назад и через минуту снова выглянула.

«Несколько слов в защиту огородных вредителей»...

— Чего-с? — спросил Забежкин.

— А это кто спрашивает? — сказал агроном, сам подходя к окну. — Здравствуйте, товарищ!.. Это, видите ли, статья «Несколько слов в защиту огородных вредителей»... Да вы поднимитесь наверх.

— Нет, — сказал Забежкин, пугаясь, — я комнату, которая внаймы...

— Комнату? — спросил агроном с явной грустью. — Ну, так вы после комнаты... Да вы не стесняйтесь... Третий номер, ученый-агроном Пампушкин... Каждая собака знает...

Забежкин кивнул головой и подошел к девке.

— Тетушка, — спросил Забежкин, — это чья же, например, коза будет?

— Коза-то? — спросила девка. — Коза эта из четвертого номера.

— Из четвертого? — охнул Забежкин. — Да это не там ли, извиняюсь, комната сдается?

— Там, — сказала девка. — Только сдана комната.

— Как же так? — испугался Забежкин. — Не может того быть. Да ты что, опупела, что ли? Как же так — сдана комната, ежели я и время потратил, проезд, хлопоты...

— А не знаю, — ответила девка, — может, и не сдана.

— Ну, то-то — не знаю, дура такая. Не знаешь, так лучше и не говори. Не извращай событий. Ты вот про кур лучше скажи — чьи куры ходят?

— Куры-то? Куры Домны Павловны.

— Это какая же Домна Павловна? Не комнату ли она сдает?

— Сдана комната! — с сердцем сказала девка, в подол собирая ножи.

— Врешь. Ей-богу, врешь. Объявление есть. Ежели бы объявления не было, тогда иное дело, — я бы не сопротивлялся. А тут — объявление. Колом не вышибешь... Заладила сорока Якова: «Сдана, сдана...» Дура такая. Ты лучше скажи: индейский петух — наверное уже не ее?

— Ее.

— Ай-я-яй! — удивился Забежкин. — Так ведь она же богатая дама?

Девка ничего не ответила, икнула в ладонь и ушла.

Забежкин подошел к козе и пальцем потрогал ей морду.

«Вот, — подумал Забежкин, — ежели сейчас лизнет в руку — счастье: моя коза».

Коза понюхала руку и шершавым тонким языком лизнула Забежкина.

— Ну, ну, дура! — сказал, задыхаясь, Забежкин. — Корку хочешь? Эх, была давеча в кармане корка, да не найду что-то... Вспомнил: съел я ее, Машка. Съел, извиняюсь... Ну, ну, после дам...

Забежкин в необыкновенном волнении нашел четвертую квартиру и постучал в зеленую рваную клеенку.

— Вам чего? — спросил кто-то, открывая дверь.

— Комната...

— Сдана комната! — сказал кто-то басом, пытаясь закрыть дверь. Забежкин крепко ее держал руками.

— Позвольте, — сказал Забежкин, пугаясь, — как же так? Позвольте же войти, уважаемый товарищ... Как же так? Я время потратил... Проезд... Объявление ведь...

— Объявление? Иван Кириллыч! Ты что ж это объявление-то не снял?

Тут Забежкин поднял глаза и увидел, что разговаривает он с дамой и что дама — размеров огромных. И нос у ней никак не меньше забежкинского носа, а корпус такой обильный, что из него смело можно двух Забежкиных выкроить, да еще кой-что останется.

— Сударыня, уважаемая мадам, — сказал Забежкин, снимая фуражку и для чего-то приседая, — мне бы хоть чуланчик какой-нибудь отвратительный, конурку, конуренушку...

— А вы из каких будете? — спросила изрядным басом Домна Павловна.

— Служащий...

— Ну что ж, — сказала Домна Павловна, вздыхая, — пущай тогда. Есть у меня еще одна комнатушка. Не обижайтесь только — подле кухни...

Тут Домна Павловна по неизвестной причине еще раз грустно вздохнула и повела Забежкина в комнаты.

— Вот, — сказала она, — смотрите. Скажу прямо: дрянь комната. И окно — дрянь. И вид никакой, а в стену. А вот с хорошей комнатой опоздали, батюшка. Сдана хорошая комната. Военному телеграфисту сдана.

— Прекрасная комната! — воскликнул Забежкин. — Мне очень нравятся такие комнаты подле кухни... Разрешите — я и перееду завтра...

— Ну что ж, — сказала Домна Павловна. — Пущай тогда. Переезжайте.

Забежкин низенько поклонился и вышел. Он подошел к воротам, еще раз с грустью прочел объявление, сложил его и спрятал в карман.

«Да-с, — подумал Забежкин, — с трудом, с трудом счастье дается... Вот иные в Америку и в Индию очень просто ездят и комнаты снимают, а тут... Да еще телеграфист... Какой это телеграфист? А ежели, скажем, этот телеграфист да помешает? С трудом, с трудом счастье дается!»

4

Забежкин переехал. Это было утром. Забежкин вкатил тележку во двор, и тотчас все окна в доме открылись, и бабья голова с флюсом, высунувшись из окна на этот раз по пояс, сказала: «Ага!» И ученый-агроном Пампушкин, оставив ученую статью «Несколько слов в защиту вредителей», подошел к окну.

И сама Домна Павловна милостиво сошла вниз.

Забежкин развязывал свое добро.

— Подушки! — сказали зрители.

И точно: две подушки, одна розовая с рыжим пятном, другая синенькая в полоску, были отнесены наверх.

— Сапоги! — вскричали все в один голос.

Перед глазами изумленных зрителей предстали четыре пары сапог. Сапоги были новенькие, и сияли они носками, и с каждой пары бантиком свешивались шнурки. И бабья голова с флюсом сказала с уважением: «Ого!» И Домна Павловна милостиво потерла полные свои руки. И сам ученый-агроном прищурил свои ученые глаза и велел мальчишкам отойти от тележки, чтобы видней было.

— Книги... — конфузясь, сказал Забежкин, вытаскивая три запыленные книжки.

— Книги?

И ученый-агроном счел необходимым спуститься вниз.

— Очень приятно познакомиться с интеллигентным человеком, — сказал агроном, с любопытством рассматривая сапоги. — Это что же, — продолжал он, — это не по ученому ли пайку вы изволили получить сапоги эти?

— Нет, — сказал Забежкин, сияя, — это в некотором роде частное приобретение и, так сказать, движимость. Иные, знаете ли, деньги предпочитают в брильянтах держать... а, извиняюсь, что такое брильянты? Только что блеск да бессмысленная игра огней...

— М-м, — сказал агроном с явным сожалением, — то-то я и смотрю — что такое? — будто бы и не такие давали по ученому. Цвет, что ли, не такой?

— Цвет! — сказал Забежкин в восторге. — Это цвет, наверное, не такой. Такой цвет — раз-два и обчелся...

— Катюшечка! — крикнул агроном голове с флюсом. — Вынеси-ка, голубчик, сапоги, что давеча по ученому пайку получали.

Сожительница агронома вынесла необыкновенных размеров рыжие сапоги. Вместе с сожительницей во двор вышли все жильцы дома. Вышла даже какая-то очень древнего вида старушка, думая, что раздают сапоги бесплатно. Вышел и телеграфист, ковыряя в зубах спичкой.

— Вот! — закричал агроном, обильно брызгая в Забежкина слюной. — Вот, милостивый государь, обратите ваше внимание!

Агроном пальцем стучал в подметку, пробовал ее зубами, подбрасывал сапоги вверх, бросал их наземь, — они падали как поленья.

— Необыкновенные сапоги! — орал агроном на Забежкина таким голосом, точно Забежкин вел агронома расстреливать, а тот упирался. — Умоляю вас, взгляните! Нате! Бросайте их на землю, бросайте — я отвечаю!

Забежкин сказал:

— Да. Очень необыкновенные сапоги. Но ежели их на камни бросать, то они могут не выдержать...

— Не выдержат? Эти-то сапоги не выдержат? Да чувствуете ли вы, милостивый государь, какие говорите явные пустяки? Знаете ли, что вы меня даже оскорбляете этим. Не выдержат! — горько усмехнулся агроном, наседая на Забежкина.

— На камни, безусловно, выдержат, — с апломбом сказал вдруг телеграфист, вылезая вперед, — а что касается... Под тележку, если, например, и тележку накатить враз — нипочем не выдержат.

— Катите! — захрюкал агроном, бросая сапоги. — Катите, на мою голову!

Забежкин налег на тележку и двинул ее. Сапоги помялись и у носка лопнули.

— Лопнули! — закричал телеграфист, бросая фуражку наземь и топча ее от восторга.

— Извиняюсь, — сказал агроном Забежкину, — это нечестно и нетактично, милостивый государь! Порядочные люди прямо наезжают, а вы боком... Это подло даже, боком наезжать. Нетактично и по-хамски с вашей стороны!

— Пускай он отвечает, — сказала сожительница агроному. — Он тележку катил, он и отвечает. Это каждый человек начнет на сапоги тележку катить — сапог не напасешься.

— Да, да, — сказал агроном Забежкину, — извольте теперь отвечать полностью.

— Хорошо, — ответил печально Забежкин, интересуясь телеграфистом, — возьмите мою пару.

Телеграфист, выплюнув изо рта спичку и склонившись над сапогами, хохотал тоненько с привизгиваньем, будто его щекотали под мышками.

«Красавец! — с грустью думал Забежкин. — И шея хороша, и нос нормальный, и веселиться может...»

Так переехал Забежкин.

5

На другой день все стало ясно: телеграфист Забежкину мешал.

Не Забежкину несла Домна Павловна козье молоко, не Забежкину пеклось и варилось на кухне, и не для Забежкина Домна Павловна надела чудный сиреневый капот. Все это пеклось, варилось и делалось для военного телеграфиста, Ивана Кирилловича.

Телеграфист лежал на койке, тренькал на гитаре и пел нахальным басом. В песнях ничего смешного не было, но Домна Павловна смеялась.

«Смеется, — думал Забежкин, слушая, — и, наверное, сидит в ногах телеграфистовых. Смеется... Значит, ей, дуре, весело, а весело, значит, ощущает что-нибудь. Так ведь и опоздать можно».

Целый день Забежкин провел в тоске. Наутро пошел в канцелярию. Работать не мог. И какая, к чертовой матери, работа, ежели, скажем, такое беспокойство. Мало того, что о телеграфисте беспокойство, так и хозяйство все-таки. Тоже вот домой нужно прийти. Там на двор. Кур проверить. Узнать — мальчишки не гоняли ли, а если, скажем, гонял кто — вздрючить того. Козе тоже корку отнести нужно... Хозяйство...

«А хоть и хозяйство, — мучился Забежкин, — да чужое хозяйство. И надежда малюсенькая. Малюсенькая, оттого что телеграфист мешает».

Придя домой, Забежкин прежде всего зашел в сарай.

— Вот, Машка, — сказал Забежкин козе, — кушай, дура. Ну, что смотришь? Грустно? Грустно, Машка. Телеграфист мешает... Убрать его, Машка, требуется. Ежели не убрать — любовь корни пустит.

Коза съела хлеб и обнюхивала теперь Забежкину руку.

— А как убрать его, Машка? Он, Машка, спортсмен, крепкий человек, не поддастся на пустяки. Он, сукин сын, давеча в трусиках бегал. Закаленный. А я, Машка, человек ослабший, на меня революция подействовала... И как убрать, ежели он и сам заметно хозяйством интересуется. Чего это он, скажи, пожалуйста, заходил в сарай давеча?

Коза тупо смотрела на Забежкина.

— Ну, пойду, Машка, пойду, может, и выйдет что. Тут с телеграфиста начать надо. Телеграфист — главная запятая. Не будь его, я бы, Машка, вчера еще с Домной Павловной кофей бы пил... Ну, пойду...

И Забежкин пошел домой. Он долго ходил по своей узкой комнате, бубнил под нос невнятное, размахивая руками, потом вынул из комода сапоги и, грустно покачивая головой, завернул одну пару в бумагу. И пошел к телеграфисту.

В комнату Забежкин вошел не сразу. Он постоял у двери Ивана Кирилловича, послушал. Телеграфист кряхтел, ворочался по комнате, двигал стулом.

«Сапоги чистит», — подумал Забежкин и постучал.

Точно: телеграфист чистил сапоги. Он дышал на них, внимательно обводил суконкой и ставил на стул то одну, то другую ногу.

— Пардон, — сказал телеграфист, — я ухожу, извиняюсь, скоро.

— А ничего, — сказал Забежкин, — я на секундочку... Я, как сосед ваш по комнате, и, так сказать, под одним уважаемым крылом Домны Павловны, почел долгом представиться: сосед и бывший коллежский регистратор Петр Забежкин.

— Ага, — сказал телеграфист, — ладно. Пожалуйста.

— И, как сосед, — продолжал Забежкин, — считаю своим долгом по кавказскому обычаю подарок преподнесть — сапожки.

— Сапоги? За что же, помилуйте, сапоги? — спросил телеграфист, любуясь сапогами. — Мне даже, напротив того, неловко, уважаемый сосед... Я не могу так, знаете ли.

— Ей-богу, возьмите...

— Разве что по кавказскому обычаю, — сказал телеграфист, примеряя сапоги. — А вы что же, позвольте узнать, уважаемый сосед, извиняюсь, на Кавказ путешествовали?.. Горы, наверное? Эльбрус, черт его знает какой?

Нравы... Туда, уважаемый сосед, и депеши на другой день только доходят... Чересчур отдаленная страна...

— Нет, — сказал Забежкин, — это не я. Это Иван Нажмудинович на Кавказ ездил. Он даже в Нахичевани был...

Еще Забежкин хотел рассказать про кавказские нравы, но вдруг сказал:

— Батюшка, уважаемый сосед, молодой человек! Вот я сейчас на колени опущусь...

И Забежкин встал на колени. Телеграфист испугался и закрыл рот.

— Батюшка, уважаемый товарищ, бейте меня, уничтожайте! До боли бейте.

Телеграфист, думая, что Забежкин начнет его сейчас бить, размахнулся и ударил Забежкина.

— Ну, так! — сказал Забежкин, падая и вставая снова. — Так. Спасибо! Осчастливили. Слезы у меня текут... Дрожу и решенья жду — съезжайте с квартиры, голубчик, уважаемый товарищ.

— Как же так? — спросил телеграфист, закрывая рот. — Странные ваши шутки.

— Шутки! Драгоценное слово — шутки! Батюшка сосед, Иван Кириллович, вам с Домной Павловной баловство и шутки, а мне — настоящая жизнь. Вот весь перед вами заголился... Съезжайте с квартиры, в четверг же съезжайте... Остатний раз прошу. Плохо будет.

— Чего? — спросил телеграфист. — Плохо? Мне до самой смерти плохо не будет... А если приспичило вам... да нет, странные шутки... Не могу-с.

— Батюшка, я еще чем-нибудь попрошу...

— Не могу-с... Да и за что же мне с квартиры съезжать? Мне нравится эта квартира. Да вы, впрочем, хорошенько попросите... Расход ведь в переездах, и, вообще, вы попросите. Я люблю, когда меня просят.

Забежкин бросился в свою комнату и через минуту вернулся.

— Вот! — сказал он, задыхаясь. — Вот сапожки и шнурки вот запасные.

Телеграфист примерил сапоги и сказал:

— Жмут. Ну, ладно. Дайте срок — съеду. Только странные ваши шутки...

Забежкин ушел в свою комнату и тихонько сел у окна.

6

Забежкин на службу не пошел. С куском хлеба он пробрался в сарай и сел перед козой на корячки.

— Готово, Машка. Шабаш. Убрал вчера телеграфиста. Кобенился и сопротивлялся, ну да ничего — свалил... Сапоги ему, Машка, отдал... Теперь что же,

Машка? Теперь Домна Павловна осталась. Тут, главное, на чувства рассчитывать нужно. На эстетику, Машка. Розу сейчас пойду куплю. Вот, скажу, вам роза — нюхайте... Завтра куплю, а нынче запарился я, Машка... Ну, ну, нету больше. Хватит.

Забежкин прошел в свою комнату и лег на кровать. Розу он купить не успел. Домна Павловна пришла к нему раньше. Она сказала:

— Ты что ж это сапогами-то даришься? Ты к чему это сапоги телеграфисту отдал?

— Подарил я, Домна Павловна. Хороший он очень человек. Чего ж, думаю, ему не подарить? Подарил, Домна Павловна.

— Это Иван Кириллыч-то хороший человек? — спросила Домна Павловна. — Неделю, подлец, не живет, и до свиданья. С квартиры съезжает... Это он-то хороший человек? Отвечай, если спрашиваю!

— А я, Домна Павловна, думал...

— Чего ты думал? Чего ты, раззява, думал?

— Я думал, Домна Павловна, — он и вам нравится. Вы завсегда с ним хохочете...

— Это он-то мне нравится? — Домна Павловна всплеснула руками. — Да он цельные дни бильярды гоняет, а после с девчонками... Чего я в нем не видала? Да он и внимания-то своего на меня не обратит... Ну и врать же ты... Да он, прохвост ты человек, при наружности своей любую тонконогую возьмет, а не меня. Ну и дурак же ты...

— Домна Павловна, — сказал Забежкин, — про тонконогую это до чего верно вы сказали — слов нет. Это такой человек. Домна Павловна... Он заврался давеча: люблю, говорит, тонконогих, а на полненькую и внимания не обращу. Ведь это он, Домна Павловна, про вас намекал.

— Ну? — спросила Домна Павловна.

— Ей-богу, Домна Павловна... Он тонкую возьмет, ей-богу, правда — уколоться об локоть можно, а он и рад, гадина. А вот я, Домна Павловна, я на крупную фигуру всегда обращу свое внимание. Я, Домна Павловна, такими, как вы, увлекаюсь.

— Ври еще!

— Нет, Домна Павловна, мне нельзя врать. Вы для меня это очень превосходная дама... И для многих тоже... Ко мне, помните, Домна Павловна, человек заходил — тоже заинтересовался. Это, спрашивает, кто же такая гранддам интереснейшая?

— Ну? — спросила Домна Павловна. — Так и сказал?

— Так и сказал, дай бог ему здоровья. Это, говорит, не актриса ли Люком?

Домна Павловна села рядом с Забежкиным.

— Да это какой же, не помню чего-то? Это не тот ли — рыжеватый будто и угри на носу?

— Тот, Домна Павловна. Тот самый, и угри на носу, дай бог ему здоровья!

— А я думала, он к Ивану Кириллычу прошел... Так ты бы его к столу пригласил. Сказал бы: вот, мол, Домна Павловна кофею просит выкушать... Ну, а что он еще такое говорил? Про глаза ничего не говорил?

— Нет, — сказал Забежкин, задыхаясь, — нет, Домна Павловна, про глаза это я говорил. Я говорил: люблю такие превосходные глаза, млею даже, как посмотрю... Вообще, многоуважаемые глаза...

— Ну, ну, уж и любишь? — удивилась Домна Павловна. — Поел, может, чего лишнего, — вот и любишь.

— Поел! — вскричал Забежкин. — Это я-то поел, Домна Павловна! Нет, Домна Павловна, раньше это точно я превосходно кушал, рвало даже, а нынче я, Домна Павловна, на хлебце больше.

— Глупенький, — сказала Домна Павловна, — ты бы ко мне пришел. Вот, сказал бы...

— А я вас, Домна Павловна, совершенно люблю! — вскричал Забежкин. — Скажите: упади, Забежкин, из окна — упаду, Домна Павловна! Как стелечка на камни лягу и имя еще прославлять буду!

— Ну, ну, — сказала Домна Павловна, конфузясь.

И ушла вдруг из комнаты. И только Забежкин хотел к козе пройти, как Домна Павловна снова вернулась.

— Побожись, — сказала она строго, — побожись, что верно сказал про чувства...

— Вот вам крест и икона святая...

— Ну, ладно. Не божись зря. Кольца купить нужно... Чтоб венчанье и певчие.

— И певчие! — закричал Забежкин. — И певчие, Домна Павловна. И все так великолепно, все так благородно... Дозвольте же в ручку поцеловать, Домна Павловна! Вот-с... А я-то, Домна Павловна, думал — чего это мне не по себе все? На службе невтерпеж даже, домой рвусь... А это чувство...

Домна Павловна стояла торжественно посреди комнаты. Вокруг нее ходил Забежкин и говорил:

— Да-с, Домна Павловна, чувство... Давеча я, Домна Павловна, опоздал на службу — размечтался на разные разности, а когда пришел, Иван Нажмудинович ужасно так строго на меня посмотрел. Я сел и работать не могу. Сижу и на книжке «де» и «пе» рисую. А Иван Нажмудинович галочки

сосчитал (у нас, Домна Павловна, всегда, кто опоздал, галочку насупротив фамилии пишут), так Иван Нажмудинович и говорит: «Шесть галочек насупротив фамилии Забежкин... Это не поперли бы его по сокращению штатов...»

— А пущай! — сказала Домна Павловна. — И так хватит.

Венчанье Домна Павловна назначила через неделю.

7

В тот день, когда телеграфист собрал в узлы свои вещи и сказал: «Не поминайте лихом, Домна Павловна, завтра я съеду», в тот день все погибло.

Ночью Забежкин сидел на кровати перед Домной Павловной и говорил:

— Мне, Домна Павловна, счастье с трудом дается. Иные очень просто и в Америку ездят, и комнаты внаймы берут, а я, Домна Павловна... Да вот, не пойди я тогда за прохожим, ничего бы и не было. И вас бы, Домна Павловна, не видеть мне как ушей своих... А тут прохожий. Объявление. Девицам не тревожиться. Хе-хе, плюха-то какая девицам, Домна Павловна!

— Ну, спи, спи! — строго сказала Домна Павловна. — Поговорил и спи.

— Нет, — сказал Забежкин, поднимаясь, — не могу я спать, у меня, Домна Павловна, грудь рвет. Порыв... Вот я, Домна Павловна, мысль думаю... Вот коза, скажем, Домна Павловна, такого счастья не может чувствовать...

— А?

— Коза, я говорю, Домна Павловна, не может ощущать такого счастья. Что ж коза? Коза — дура. Коза и есть коза. Ей бы, дуре, только траву жрать. У ней и запросов никаких нету. Ну, пусти ее на Невский — срамота выйдет, недоразумение... А человек, Домна Павловна, все-таки запросы имеет. Вот, скажем, меня взять. Давеча иду по Невскому — тыква в окне. Зайду, думаю, узнаю, какая цена той тыкве. И зашел. И все-таки человеком себя чувствуешь. А что ж коза, Домна Павловна? Вот хоть бы и Машку нашу взять — дура, дура и есть. Человек и ударить козу может, и бить даже может, и перед законом ответственности не несет — чист, как стеклышко. Домна Павловна села.

— Какая коза, — сказала она, — иная коза при случае и забодать может человека.

— А человек, Домна Павловна, козу палкой, палкой по башке по козлиной.

— Ну и коза, коза может молока не дать, как телеграфисту давеча.

— Как телеграфисту? — испугался Забежкин. — Да чего ж он ходит туда? Да как же это коза может молока не дать, ежели она дойная?

— А так и не даст!

— Ну уж это пустяки, Домна Павловна, — сказал Забежкин, расхаживая по комнате. — Это уж... Что ж это? Это бунт выходит.

Домна Павловна тоже встала.

— Что ж это? — сказал Забежкин. — Да ведь это же, Домна Павловна, вы про революцию говорите... А вдруг да когда-нибудь, Домна Павловна, животные революцию объявят. Козы, например, или коровы, которые дойные. А? Ведь может же такое быть когда-нибудь? Начнешь их доить, а они бодаются, копытами по животам бьют. И Машка наша может копытами... А ведь Машка наша, Домна Павловна, забодать, например, Иван Нажмудиныча может?

— И очень просто, — сказала Домна Павловна.

— А ежели, Домна Павловна, не Иван Нажмудиныча забодает Машка, а комиссара, товарища Нюшкина? Товарищ Нюшкин из мотора выходит, Арсений дверку перед ним — пожалуйте, дескать, товарищ Нюшкин, а коза Машка спрятавшись за дверкой стоит. Товарищ Нюшкин — шаг, и она подойдет да и тырк его в живот по глупости.

— Очень просто, — сказала Домна Павловна.

— Ну, тут народ стекается. Конторщики. А товарищ Нюшкин очень даже рассердится. «Чья, — скажет, — это коза меня забодала?» А Иван Нажмудиныч уж тут, задом вертит. «Это коза, — скажет, — Забежкина. У него, — скажет, — кроме того насупротив фамилии шесть галочек». «А, Забежкина, — скажет товарищ комиссар, — ну так уволен он по сокращению штатов». И баста.

— Да что ты все про козу-то врешь? — спросила Домна Павловна. — Откуда это твоя коза?

— Как откуда? — сказал Забежкин. — Коза, конечно, Домна Павловна, не моя, коза ваша, но ежели брак, хотя бы даже гражданский, и как муж в некотором роде...

— Да ты про какую козу брендишь-то? — рассердилась Домна Павловн. — Ты что, у телеграфиста купил ее?

— Как у телеграфиста? — испугался Забежкин. — Ваша коза, Домна Павловна.

— Нету, не моя коза... Коза телеграфистова. Да ты, прохвост этакий, идол собачий, не на козу ли нацелился?

— Как же, — бормотал Забежкин, — ваша коза. Ей-богу, ваша коза, Домна Павловна.

— Да ты что, опупел? Да ты на козу рассчитывал? Я сию минуту тебя наскрозь вижу. Все твои кишки вижу...

В необыкновенном гневе встала с кровати Домна Павловна и, покрыв одеялом обильные свои плечи, вышла из комнаты. А Забежкин прилег на кровать да так и пролежал до утра не двигаясь.

8

Утром пришел к Забежкину телеграфист.

— Вот, — сказал телеграфист, не здороваясь, — Домна Павловна приказала, чтобы в двадцать четыре часа, иначе — судом и следствием.

— А я, — закричала из кухни Домна Павловна, — а я, так и передай ему, Иван Кириллыч, скотине этому, я и видеть его не желаю.

— А Домна Павловна, — сказал телеграфист, — и видеть вас не желает.

Домна Павловна кричала из кухни:

— Да посмотри, Иван Кириллыч, не прожег ли он матрац, сукин сын. Курил давеча. Был у меня один такой субчик — прожег. И перевернул подлец — не замечу, думает. Я у них, у подлецов, все кишки наскрозь вижу. Сволочь!..

— Извиняюсь, — сказал телеграфист Забежкину, — пересядьте на стул.

Забежкин печально пересел с кровати на стул.

— Куда же я перееду? — сказал Забежкин. — Мне и переехать-то некуда...

— Он, Домна Павловна, говорит, что ему и переехать некуда, — сказал телеграфист, осматривая матрац.

— А пущай, куда хочет, хоть кошке под хвост! Я в его жизнь не касаюсь.

Телеграфист Иван Кириллыч осмотрел матрац, заглянул без всякой на то нужды под кровать и, подмигнув Забежкину глазом, ушел.

Вечером Забежкин нагрузил тележку и выехал неизвестно куда.

А когда выезжал из ворот, то встретил агронома Пампушкина. Агроном спросил:

— Куда? Куда это вы, молодой человек?

Забежкин тихо улыбнулся и сказал:

— Так, знаете ли... прогуляться...

Ученый-агроном долго смотрел ему вслед. На тележке поверх добра на синей подушке стояла одна пара сапог.

9

Так погиб Забежкин.

Когда против его фамилии значилось восемь галок, бухгалтер Иван Нажмудинович сказал:

— Шабаш. Уволен ты, Забежкин, по сокращению штатов.

Забежкин записался на биржу безработных, но работы не искал. А как жил — неизвестно.

Однажды Домна Павловна встретила его на Дерябкинском рынке. На толчке. Забежкин продавал пальто.

Был Забежкин в рваных сапогах и в бабьей кацавейке. Был он небрит, и бороденка у него росла почему-то рыжая. Узнать его было трудно!

Домна Павловна подошла к нему, потрогала пальто и спросила:

— Чего за пальто хочешь?

И вдруг узнала — это Забежкин. Забежкин потупился и сказал:

— Возьмите так, Домна Павловна.

— Нет, — ответила Домна Павловна, хмурясь, — мне не для себя нужно. Мне Иван Кириллычу нужно. У Ивана Кириллыча пальто зимнего нету... Так я не хочу, а вот что: денег я тебе, это верно, не дам, а вот приходи — будешь обедать по праздникам.

Пальто накинула на плечи и ушла.

В воскресенье Забежкин пришел. Обедать ему дали на кухне. Забежкин конфузился, подбирал грязные ноги под стул, качал головой и ел молча.

— Ну, как, брат Забежкин? — спросил телеграфист.

— Ничего-с, Иван Кириллыч, терплю, — сказал Забежкин.

— Ну, терпи, терпи. Русскому человеку невозможно, чтобы не терпеть. Терпи, брат Забежкин.

Забежкин съел обед и хлеб спрятал в карман.

— А я-то думал, — сказал телеграфист, смеясь и подмигивая, — я-то, Домна Павловна, думал — чего это он, сукин сын, икру передо мной мечет? А он вот куда сети закинул — коза.

Когда Забежкин уходил, Домна Павловна спросила тихо:

— Ну а сознайся, соврал ведь ты насчет глаз вообще?

— Соврал, Домна Павловна, соврал, — сказал Забежкин, вздыхая.

— Н-ну, иди, иди, — нахмурилась Домна Павловна, — не путайся тут!

Забежкин ушел.

И каждый праздник приходил Забежкин обедать. Телеграфист Иван Кириллович хохотал, подмигивал, хлопал Забежкина по животу и спрашивал:

— И как же это, брат Забежкин, ошибся ты?

— Ошибся, Иван Кириллыч...

Домна Павловна строго говорила:

— Оставь, Иван Кириллыч! Пущай ест. Пальто тоже денег стоит.

После обеда Забежкин шел к козе. Он давал ей корку и говорил:

— Нынче был суп с луком и турнепс на второе...

Коза тупо смотрела Забежкину в глаза и жевала хлеб. А после облизывала Забежкину руку.

Однажды, когда Забежкин съел обед и корку спрятал в карман, телеграфист сказал:

— Положь корку назад. Так! Пожрал, и до свиданья. К козе нечего шляться!

— Пущай, — сказала Домна Павловна.

— Нет, Домна Павловна, моя коза! — ответил телеграфист. — Не позволю... Может, он мне козу испортит по злобе. Чего это он там с ней колдует?

Больше Забежкин обедать не приходил.

АПОЛЛОН И ТАМАРА

1

Жил в одном городе на Большой Проломной улице свободный художник — тапер Аполлон Семенович, по фамилии Перепенчук.

Фамилия эта — Перепенчук — встречается в России нечасто, так что читатели могут даже подумать, что речь сейчас идет о Федоре Перепенчуке, о фельдшере из городского приемного покоя, тем более что оба они жили в одно время и на одной и той же улице, и по характеру не то чтобы были схожи, но в некотором скептическом отношении к жизни и в образе своих мыслей ихние характеры как-то перекликались.

Но только фельдшер Федор Перепенчук помер значительно пораньше, да и, вернее, не сам помер, не своей то есть смертью, а он удавился. И случилось это незадолго до IV конгресса.

Об этом газеты своевременно трубили: покончил, дескать, с собой при исполнении служебного долга фельдшер из городского приемного покоя Федор Перепенчук, причина — разочарование в жизни...

Этакую, правда, нелепость могут досужие репортеришки написать. Разочарование в жизни... Федор Перепенчук и разочарование в жизни... Ах, какие это пустяки. Какая несусветная околесица!

Это правда: поверхностно размышляя, точно, жил, жил человек, задумывался о бессмысленном человеческом существовании и руки на себя наложил. Точно, на первый взгляд — разочарование. Но тот, кто поближе знал Федора Перепенчука, не сказал бы таких пустяков.

Это к Аполлону Перепенчуку, таперу и музыканту, могло бы подойти это слово — разочарование. Жил потому что человек, бездумно наслаждался прелестью своего бытия, а после от причин исключительно материальных и физических и от всяких катастроф и коллизий ослаб и к жизни, так сказать, потерял вкус. Но не будем забегать вперед, о нем, об Аполлоне Перепенчуке и будет наше повествование.

А вот Федор Перепенчук... Вся сила его личности была в том, что не от бедности, не от катастроф и коллизий он пришел к своим мыслям, нет, мысли

его родились путем зрелого, логического размышления значительного человека. О нем не только что рассказ написать, о нем целые тома сочинений написать можно было бы. Но только не каждый писатель взялся бы исполнить труд этот. Не каждый бы мог быть биографом и, так сказать, жизнеописателем дел и мыслей этого выдающегося человека. Тут потребовался бы сочинитель величайшего ума и огромной эрудиции, а также и знание мельчайших вещей и вещичек — и о происхождении человека, и о зарождении вселенной, и всякие философские воззрения, теория относительности и другие там разные теории, и где какая звезда расположена, и даже хронология исторических событий — все это потребовалось бы для изучения личности Федора Перепенчука.

И в этом отношении Аполлону Перепенчуку ни в какой мере с ним не сравниться.

Аполлон Перепенчук был прямо-таки перед ним пустяковый человек, дрянцо даже... Не в обиду будет сказано его родственникам. А впрочем, родственников по прямой линии у него и не осталось, разве что тетка его по отцу, Аделаида Перепенчук. Ну да и та в изящной словесности, пожалуй что, ничего не понимает. Пущай обижается.

Приятелей у него тоже не осталось. Да у таких людей, как Федор и Аполлон Перепенчуки, и не могло быть приятелей. У Федора никогда не было, а Аполлон растерял их, как впал в нищету.

И какой это мог быть приятель у Федора Перепенчука, ежели людей он не любил, презирал, вернее, образ своей жизни вел замкнутый, строгий даже, и с людьми если и разговаривал, то для того, чтобы механически высказать накопившиеся воззрения, а не затем, чтобы услышать возгласы одобрения и критику.

Да и кто, какой человек величайшего ума смог бы ответить на его гордые мысли: «Для чего существует человек? Есть ли в жизни у него назначение, и если нет, то не является ли жизнь, вообще говоря, отчасти бессмысленной?»

Конечно, какой-нибудь приват-доцент или профессор на государственном золотом обеспечении сказал бы с неприятной легкостью, что человек существует для дальнейшей культуры и для счастья вселенной. Но все это туманно и неясно, и для простого человека даже омерзительно. И тогда и всплывают разные удивительные вещи: для чего, скажем, существует жук или кукушка, которые явно никому никакой пользы не приносят, а тем более для дальнейшей культуры, и в какой мере жизнь человека важнее жизни кукушки, птицы, которая могла бы и не жить, и мир от этого бы не изменился.

Но тут нужно гениальное перо и огромные знания, чтобы хоть отчасти отразить величественные замыслы Федора Перепенчука.

И может, и не следовало бы тревожить тень замечательного человека, если б в свое время отчасти не дошел бы до этих мыслей ученик по духу и дальний его родственник — Аполлон Семенович Перепенчук, тапер, музыкант и свободный художник, проживавший на Большой Проломной улице.

Он проживал на этой улице за несколько лет до войны и революции.

2

Слово это — тапер — ничуть для человека не унизительно. Правда, некоторые люди, и в том числе сам Аполлон Семенович Перепенчук, до некоторой степени стеснялись произносить это слово на людях, а в особенности в дамском обществе, превратно полагая, что дамы от этого конфузятся. И если Аполлон Семенович и называл себя тапером, то непременно с прибавлением — артист, свободный художник или еще как-нибудь по-иному.

Но это несправедливо.

Тапер — это значит музыкант, пианист, но пианист, стесненный в материальных обстоятельствах и вынужденный оттого искусством своим забавлять веселящихся людей.

Профессия эта не столь ценна, как, скажем, театр или живопись, однако и это есть подлинное искусство.

Конечно, существует в этой профессии множество слепых старичков и глухонемых старушек, которые снижают искусство это до обыкновенного ремесла, бессмысленно ударяя по клавишам пальцами, наигрывая разные там польки, полечки и мажоры.

Но под этот разряд ни в какой мере нельзя было отнести Аполлона Семеновича Перепенчука. Истинное призвание, темперамент артиста, лиризм и вдохновение его — все шло вразрез с обычным пониманием ремесла тапера.

Был при этом Аполлон Семенович Перепенчук в достаточной мере красив и даже изыскан. От лица его веяло вдохновением и необыкновенным благородством. И всегда гордо закушенная нижняя губа и надменный профиль артиста делали фигуру его похожей на изваяние.

Даже кадык, простой, обыкновенный кадык, или, как он еще иначе называется — адамово яблоко, то, что у других людей было омерзительно и вызывало насмешки, у него, у Аполлона Перепенчука, при постоянно гордо закинутой голове выглядело благородно и даже напоминало что-то греческое.

А ниспадающие волосы! А бархатная блуза! А темно-зеленый до пояса галстук! Собственно говоря, необыкновеннейшей красотой наделен был человек.

А те моменты, когда он появлялся на балу своей стремительной походкой и статуей замирал в дверях, как бы окидывая все общество надменным взглядом... Да, неотразимейший был человек. Не одна женщина лила по нем обильные слезы. А как сердито сторонились его мужчины! Как прятали от него жен под предлогом, что неловко, дескать, жене государственного, скажем, чиновника трепаться с каким-то таперишкой.

А то незабываемое событие, когда старший делопроизводитель казенной палаты получил анонимное письмо с объяснением, что жена его состоит в нежных отношениях и в предосудительной связи с Аполлоном Перепенчуком!.. Та уморительная сцена, когда делопроизводитель этот два часа караулил на улице Аполлона Семеновича, чтобы помять ему бока, и по ошибке, введенный в заблуждение длинными волосами, избил секретаря городской управы...

Ах, смешные были дела! И что всего смешнее, что все скандалы, записочки и дамские слезы не имели под собой никакой почвы. Имея счастливую внешность ловеласа, романтика и разорителя чужих семей, Аполлон Семенович Перепенчук был, напротив того, необыкновенно робкий и тихий человек.

Он даже чуждался женщин, сторонился их, считая, что настоящий, истинный артист не должен связывать ничем своей жизни...

Правда, женщины писали ему записки и письма, где назначали ему тайные свидания и называли его ласкательными и уменьшительными именами, но он был непоколебим.

Записочки и письма он бережно хранил в шкатулке, в свободное время разбирая их, нумеруя и связывая по пачкам. Но жил уединенно и даже замкнуто. И всем знакомым своим при случае любил сказать:

— Искусство — это выше всего.

А в искусстве он был не последним. Конечно, существуют такие виртуозы, которые на одних лишь черных клавишах могут исполнить разные мотивы, до этого Аполлону Перепенчуку было далеко, однако он имел-таки собственную композицию — вальс «Нахлынувшие на меня мечты»...

Вальс этот он весьма успешно исполнял, при огромном стечении публики, в стенах Купеческого собрания.

Это было в тот год, о котором пойдет речь, год наибольшей его славы и известности. К этому счастливому времени относится и другое его сочинение, неоконченная «Фантази реаль», написанная в мажорных тонах, что не исключало в ней очаровательной лирики. Эта «Фантази реаль» посвящалась некоей Тамаре Омельченко, той самой девице, что сыграла такую решающую и роковую роль в жизни Аполлона Семеновича Перепенчука.

3

Но тут автор должен объясниться с читателями. Автор уверяет дорогих читателей, что он ни в какой мере не будет извращать событий. Напротив, он будет их восстанавливать именно так, как они и проистекали, сохраняя при этом самые мельчайшие подробности, как например: внешность героев, образ их мыслей или даже сентиментальные мотивы, которые так не по душе самому автору.

Автор заверяет дорогих читателей, что с необыкновенным прискорбием и даже с болезненным напряжением он вспоминает кое-какие сентиментальные сцены, о которых он должен рассказать, те сцены, когда, например, героиня плачет над портретом, или когда та же героиня зашивает порванную гимнастерку Аполлону Перепенчуку, или когда, наконец, тетушка Аделаида Перепенчук объявляет о распродаже гардероба Аполлона Семеновича.

Эти описания пойдут, так сказать, вразрез со вкусом автора, но все это будет сделано ради истины. Ради истины автор сохраняет даже подлинные имена героев. Пусть читатель не думает, что автор из эстетических соображений назвал своих героев столь редкими, исключительными именами — Тамара и Аполлон. Нет, именно так они и прозывались. И это, впрочем, ничуть не удивительно. Автору доподлинно известно, что все девицы в семнадцать и в восемнадцать лет на Большой Проломной улице прозывались именно Тамарами или Иринами.

А произошло такое исключительное событие по причинам достаточно уважительным. Семнадцать лет назад стоял здесь полк каких-то гусар. И такой это был замечательный полк, такие красавцы все были эти гусары и так они воздействовали на горожан с эстетической стороны, что все младенцы женского пола, родившиеся в то время, названы были с легкой руки супруги начальника губернии Тамарами или Иринами.

Так вот, в тот счастливый, полный головокружительного успеха год, Аполлон Семенович Перепенчук встретил впервые и нежно полюбил девицу Тамару Омельченко.

Было ей тогда неполных восемнадцать лет. Была она не то чтобы красавица, а была она лучше красавицы — такая у ней была во всем благородная закругленность форм, такая плывущая поступь и такое очарование нежной юности. Все мужчины, проходящие мимо, будь то на улице или даже в обществе, называли ее булочкой, пончиком или пампушечкой. И при этом глядели на нее с большим вниманием и удовольствием.

В тот год она тоже полюбила Аполлона Семеновича Перепенчука.

Они встретились на балу в стенах клуба Купеческого собрания. Это было в начале европейской всемирной войны. Ее поразил вид его, необыкновенно благородный, с гордо закушенной нижней губой. Он был восхищен ее нетронутой свежестью.

В тот вечер он был в особенном ударе. Он бил по роялю со всей силой своего вдохновения так, что дежурный старшина пришел попросить его играть потише, оправдываясь тем, что действительные члены клуба обижаются.

В этот момент Аполлон Перепенчук понял, какой он, в сущности, незначительный еще и мизерный человек. Он, в силу своей профессии прикрепленный к музыкальному инструменту, не сможет даже подойти к любимой девушке. И, раздумывая так, он выражал звуками всю свою тоску и отчаяние несвободного человека.

Она кружилась в вальсах и мазурках со многими представительными мужчинами, но глаза ее все время останавливались на вдохновенном лице Аполлона Перепенчука.

И в конце вечера, преодолевая девичий стыд, она сама подошла к нему, попросив сыграть что-нибудь из его любимых мотивов. Он сыграл вальс «Нахлынувшие на меня мечты».

Этот вальс решил дело. Она, охваченная трепетом первого чувства, взяла его руку и прижала к своим губам.

Злобная молва о новом марьяже Аполлона Перепенчука тотчас охватила все здание Купеческого клуба. Никто не старался скрыть своего любопытства. Мимо них фланировали люди, подсмеиваясь и хихикая. Даже те, кто одевался уже внизу, сбросили свои шубы и снова поднялись наверх, чтобы самим воочию убедиться в правильности пикантных слухов.

Так началась эта любовь.

Аполлон Перепенчук и Тамара стали встречаться по праздникам на углу Проломной и Кирпичного и, гуляя до вечера, говорили о своей любви и о том замечательном, незабываемом вечере, когда они встретились впервые, вспоминая при этом каждую мелочь, прикрашивая все и восторгаясь друг другом.

Это длилось до осени.

А в тот день, когда Аполлон Семенович Перепенчук, одетый в жакет, с букетом олеандров и с коробкой постного сахара, пришел просить руки Тамары, она, с рассудочностью зрелой женщины, знающей себе цену, отказала ему, невзирая на просьбы своей матери и домочадцев.

— Мамаша, — сказала она, — да, я люблю Аполлона со всей страстью девичьего чувства, но замуж за него сейчас я не пойду. Когда он будет знаменитым музыкантом, когда слава будет у его ног, я сама приду к нему. И я верю, что

это будет скоро. Я верю, что он будет известным, знаменитым человеком, умеющим обеспечить свою жену.

Во время ее реплики Аполлон Перепенчук стоял тут же, впервые низко опустив свою голову.

Весь вечер он плакал у ее ног и с невыразимой страстью и тоской целовал ее колени. Но она была настойчива. Она не хотела рисковать, она боялась бедности и необеспеченной жизни, той жизни, которую влачат почти все люди.

Аполлон Перепенчук бросился к себе. Он жил несколько дней в каком-то тумане, в остервенении каком-то, стараясь придумать способ стать знаменитым, прославленным музыкантом. Но то, что раньше казалось ему легким и простым, теперь представлялось необыкновенной трудностью, даже невозможным.

В его уме мелькали разные планы: уехать в другой город, бросить музыку, бросить искусство и искать счастья и славы в другой профессии, на другом поприще, стать, например, отважным авиатором, делающим мертвые петли над родным городом, над кровлей любимой девушки, или, наконец, стать изобретателем, путешественником, хирургом... Но это были все только планы. Аполлон Перепенчук тут же разрушал их, смеясь над своей фантазией.

Он послал в Петербург сочинение свое — вальс «Нахлынувшие на меня мечты», но неизвестно, что сталось с рукописью: затерялась ли она на почте, или какой-нибудь человек присвоил ее себе, впоследствии выдавая ее за свою композицию, — неизвестно. В свет она так и не вышла.

Нынче даже мотив ее позабыт. Разве что тетушка Аделаида Перепенчук сохранила его в своей памяти. Ах, она так любила напевать этот вальс!

К этому времени относится и другое сочинение Аполлона Перепенчука — неоконченная «Фантази реаль», неоконченная не в силу творческой беспомощности. Она была не кончена, ибо новый удар сразил нашего бедного героя.

Аполлон Семенович был призван в ряды армии как ратник второго разряда, могущий нести службу в тылу действующих войск.

То, что в фантазиях своих он думал: уехать, искать счастья на стороне, теперь исполнилось.

В декабре шестнадцатого года Аполлон Перепенчук пришел проститься с любимой девушкой.

Даже самые циничные люди, самые зачерствелые сердца плакали, глядя на их нежное расставание.

Прощаясь, Аполлон Перепенчук торжественно сказал, что он или совсем не вернется, или вернется прославленным, знаменитым человеком. Он сказал, что ни война, ни что другое не остановит его стремления к этому.

И девушка, благодарно смеясь, сквозь слезы сказала, что она вполне ему верит и что она непременно будет его женой, когда он вернется таким, как она это хочет, ради их взаимного счастья.

4

И вот прошло несколько лет. Четыре с лишком года прошло с тех пор, как Аполлон Семенович Перепенчук уехал в действующую армию.

Огромные изменения произошли за это время. Социальные идеи в значительной мере покачнули и ниспровергли прежний быт. Много прекрасных людей отошло к праотцам в вечность. Так, например, скончался от сыпняка Кузьма Львович Горюшкин, бывший попечитель учебного округа, добродушнейший и культурный человек. Помер Семен Семенович Петухов, отличнейший тоже человек и не дурак выпить. Смерть фельдшера Федора Перепенчука относится к тому же времени.

Жизнь в городе чрезвычайно изменилась. Наступившая революция стала создавать новый быт. Но жить было нелегко. И люди боролись за право свое прожить.

И никто за это время не вспомнил Аполлона Семеновича Перепенчука. Разве что Тамара Омельченко да еще тетушка его, Аделаида Перепенчук. Конечно, может быть, и еще какая-нибудь девица подумала о нем, но подумала как о романтическом герое, а не как о тапере и музыканте. Как о тапере о нем никто не вспоминал и не пожалел. В городе таперов не было, да они были и не нужны. С условиями нового быта многие профессии стали ненужными, среди них профессия тапера была вымирающей.

На всех вечерах подвизался теперь маэстро Соломон Беленький с двумя первыми скрипками, контрабасом и виолончелью. На всех вечерах, благотворительных балах, на свадьбах и на крестинах работал с успехом, несомненно головокружительным, этот неизвестно откуда появившийся человек. Его все полюбили. И верно: никто так, как он, не смог бы вертеть скрипку в руках, переворачивая ее и в паузе ударяя по деке смычком. Мало того, он играл попурри из любимейших мотивов, мог исполнять разнообразнейшие танцы и заатлантические танцы, как то: «тремутар» или «медведь». При этом не сходящая с его лица улыбка и даже некоторое добродушное подмигиванье танцующим окончательно сделали его любимцем веселящейся публики. Он был, так сказать, артист современности. И он вытеснил из памяти горожан и в прах растоптал Аполлона Семеновича Перепенчука.

А в тот год, когда Аполлона Перепенчука стала забывать Тамара и даже тетушка Аделаида Перепенчук, считая племянника своего без вести погиб-

шим, вывесила на воротах записку, объявляющую гражданам о распродаже гардероба Аполлона Перепенчука, как то: двух пар малоношеных брюк, бархатной тужурки с темно-зеленым галстуком, пикейного жилета и еще кое-каких вещей, — в тот год он вернулся в родной город.

Он ехал в теплушке с солдатами и, подложив под голову мешок, лежал на нарах всю дорогу. Он казался больным. Он страшно переменился. Солдатская шинель, рваная, прожженная на спине, армейские ботинки, штаны широкие, цвета защитной материи, хриплый голос делали его неузнаваемым. Казалось, что это был другой человек.

Даже губа, его гордо закушенная губа, была вытянута в ленточку от постоянного общения с кларнетом.

Никто никогда не узнал, какая катастрофа разразилась над ним. И была ли катастрофа? Вернее всего, что ее не было, а была жизнь, простая и обыкновенная, от которой только два человека из тысячи становятся на ноги, остальные живут, чтобы прожить.

Никогда никому он не рассказывал, как жил эти пять лет и что делал, чтобы вернуться в славе и с почестями.

Единственная вещь — кларнет, который он привез, дала повод людям заподозрить его в том, что славы он искал по-прежнему в искусстве. По-видимому, он был музыкантом в каком-нибудь полковом оркестре. Но ничего не известно доподлинно. Он писем никому не писал, не желая, вероятно, сообщать о незначительных фактах своей жизни.

В общем, неизвестно.

Известно только, что вернулся он не только не знаменитым, — вернулся он больным, голодным, даже иным человеком — с морщинами на лбу, с удлиненным носом, с побелевшими глазами и низко опущенной головой.

Он, как вор, вернулся в дом своей тетушки, как вор, бежал по улицам от вокзала, стараясь, чтоб никто его не увидел. Но его если и видели, то не узнавали. Ничего не оставалось в нем старого. Был это другой Аполлон Перепенчук.

Самое возвращение его было ужасно. Новый удар, едва перешагнул он порог, обрушился на его голову. Вещи, его прекрасные вещи: бархатная тужурка, штаны, жилет — погибли безвозвратно. Тетушка, Аделаида Перепенчук, все распродала, вплоть до безопасной бритвы.

С некоторым даже равнодушием и брезгливостью выслушал Аполлон Семенович тетушкины рыдания и, не упрекнув ее, только переспросив еще раз о бархатной тужурке, бросился к Тамаре.

Он бежал к ней, задыхаясь и ни о чем не думая, по Большой Проломной. Все псы выбегали ему навстречу и лаяли, пытаясь схватить его за ободранные штаны.

Наконец еще усилие — ее дом, Тамарин дом... И Аполлон Перепенчук стучит кулаком в дверь.

Она, Тамара, встретила его испуганно, стараясь тотчас, сию минуту понять, что с ним случилось. И, глядя на его рваную блузу, на изможденное лицо, поняла.

Он смотрел пристально, пронзительно в ее глаза, пытаясь проникнуть в ее думы, понять. Но ничего не понял.

Так они долго стояли друг перед другом, не проронив слова. Потом он стал перед ней на колени и, не зная, о чем сказать, тихо заплакал. Она тоже плакала над ним, по-детски всхлипывая и часто сморкаясь.

Наконец она села в кресло, а Аполлон, опустившись перед ней, бессмысленно лепетал какие-то пустяки. Тамара смотрела на него, но ничего не понимала и ничего не видела, она видела лишь загрязненное его лицо, свалявшиеся волосы и рваную гимнастерку. Ее сердечко, сердечко благоразумной женщины, сжималось. Она принесла нитки и ножницы и, попросив его, не сосчитав за труд, вдеть нитку в иглу, принялась зашивать ему гимнастерку, время от времени укоризненно покачивая головой.

Но тут автор должен сказать, что он не мальчик продолжать описание этой сентиментальной сцены. И хотя осталось немного, автор переходит к психологии героя, нарочно опустив две-три сентиментальных и интимных подробности, как, например: она расчесывает своим гребнем свалявшиеся его волосы, она обтирает его изможденное лицо полотенцем и прыскает на него «Персидской сиренью»... Автор заявляет, что ему нет дела до этих подробностей, его интересует психология.

Так вот, благодаря этому нежному вниманию со стороны Тамары, Аполлон Перепенчук подумал, что все идет по-прежнему, что по-прежнему она его любит, и с криком восторга он бросился к ней, пытаясь заключить ее в свои объятия.

Но она сказала, нахмурившись:

— Любезный Аполлон Семенович, я, кажется, когда-то наговорила вам много лишнего... Надеюсь, вы не приняли мой невинный девичий лепет за чистую монету.

Он не поднимался с колен, с трудом понимая ее слова. Она встала, прошла по комнате и с сердцем промолвила:

— Может быть, я и виновата перед вами, но вашей женой я не буду.

Аполлон Перепенчук вернулся домой и дома вдруг понял, что ничто теперь не в состоянии вернуть ему прежней жизни и что прежняя жизнь смешна и наивна. И смешно и наивно было его желание стать великим музыкантом и знаменитым прославленным человеком. И еще понял: всю свою жизнь он жил не так, как нужно, не то делал и не то говорил... Но как было нужно, он и теперь не знал.

И, ложась спать, он усмехнулся с горечью, как некогда усмехался фельдшер Федор Перепенчук, стараясь наконец понять, проникнуть в сущность явлений.

5

В короткое время Аполлон Семенович Перепенчук страшно обеднел. Больше того: это была бедность, даже нищета, человека, потерявшего всякие надежды на улучшение. Правда, он и приехал без ничего, однако первое время он не хотел и не смел признаться в своей ужасающей бедности.

Теперь он с недоброй усмешкой говорил об этом тетушке своей Аделаиде Перепенчук:

— Я, тетушка, беден, как испанский нищий.

Тетушка, чувствуя свою вину перед ним, старалась его успокоить, утешить, ободрить, говоря, что еще не все окончательно потеряно, что его жизнь еще вся впереди, что вместо проданного темно-зеленого галстука она сделает ему очаровательный лиловый из корсажа вечернего своего туалета и что, наконец, бархатную тужурку за недорого взялся бы сделать знакомый ей дамский портной Рипкин.

Но Аполлон Перепенчук только усмехался.

Он не сделал ни одного шага, ни одной попытки как-нибудь изменить, поставить на прежний лад свою городскую жизнь. Это, впрочем, произошло с тех пор, как он узнал, что в городе на всех вечерах подвизается теперь маэстро Соломон Беленький. До этого какие-то неясные мечты, ускользающие планы теснились в его возбужденном мозгу.

Маэстро Соломон Беленький и исчезновение бархатной куртки сделали Аполлона Перепенчука безвольным созерцателем.

Он целыми днями лежал теперь в постели, выходя на улицу для того, чтобы найти оброненный окурок папиросы или попросить у прохожего на одну завертку щепоточку махорки. Тетушка Аделаида его кормила.

Иногда он вставал с постели, вынимал из матерчатого футляра завязанный им кларнет и играл на нем. Но в его музыке нельзя было проследить ни мотива, ни даже отдельных музыкальных нот — это был какой-то ужасающий, бесовский рев животного.

И всякий раз, когда он начинал играть, тетушка Аделаида Перепенчук менялась в лице, вынимала из шкафика различные банки и баночки со всякими препаратами и нюхательными солями и ложилась в постель, глухо стоная.

Аполлон Семенович бросал кларнет и снова искал успокоения в кровати.

Он лежал и проницательно думал, и мысли приходили к нему те же, что некогда тревожили Федора Перепенчука. Иные мысли по силе и глубине ничуть не уступали мыслям его значительного однофамильца. Он думал о человеческом существовании, о том, что человек так же нелепо и ненужно существует, как жук или кукушка, и о том, что человечество, весь мир, должны изменить свою жизнь для того, чтоб найти покой и счастье, и для того, чтоб не подвергаться таким страданиям, как произошло с ним. Ему однажды показалось, что наконец-то он узнал и понял, как надо жить человеку. Какая-то мысль коснулась его мозга и снова исчезла неоформленная.

Это началось с малого. Аполлон Перепенчук как-то спросил тетушку Аделаиду:

— Как вы полагаете, тетушка, есть ли у человека душа?

— Есть, — сказала тетушка, — непременно есть.

— Ну а вот обезьяна, скажем... Обезьяна человекоподобна... Она ничуть не хуже человека. Есть ли, тетушка, у обезьяны душа, как вы полагаете?

— Я думаю, — сказала тетушка, — что у обезьяны тоже есть, раз она похожа на человека.

Аполлон Перепенчук вдруг взволновался. Какая-то смелая мысль поразила его.

— Позвольте, тетушка, — сказал он. — Ежели есть душа у обезьяны, то и у собаки, несомненно, есть. Собака ничем не хуже обезьяны. А ежели у собаки есть душа, то и у кошки есть, и у крысы, и у мухи, и у червяка даже...

— Перестань, — сказала тетушка. — Не богохульствуй.

Я не богохульствую, — сказал Аполлон Семенович. — Я, тетушка, ничуть даже не богохульствую. Я только факты констатирую... Значит, у червяка тоже есть душа... А что вы теперь скажете? Возьму-ка я, тетушка, и разрежу червяка надвое, напополам... И каждая половина, представьте себе, тетушка, живет в отдельности. Так? Это что же? Это, по-вашему, тетушка, душа раздвоилась? Это что же за такая душа?

— Отстань, — сказала тетушка и испуганно посмотрела на Аполлона Семеновича.

Позвольте, — закричал Перепенчук. — Нету, значит, никакой души. И у человека нету. Человек — это кости и мясо... Он и помирает, как последняя

тварь, и рождается, как тварь. Только что живет по-выдуманному. А ему нужно по-другому жить...

Но как нужно было жить, Аполлон Семенович не мог объяснить своей тетушке — он не знал. Тем не менее мыслями своими Аполлон Семенович был потрясен. Ему казалось, что он начал понимать что-то. Но потом в голове его снова все мешалось и путалось. И он признавался себе, что он не знает, как, в сущности, надо было бы жить, чтоб не испытывать того, что он сейчас чувствует. А он чувствует, что его игра проиграна и что жизнь спокойно продолжается без него.

Он несколько дней кряду ходил по комнате в страшном волнении. А в тот день, когда волнение достигло наивысшего напряжения, тетушка Аделаида принесла письмо на имя Аполлона Семеновича Перепенчука. Это письмо было от Тамары.

Она, с жеманностью кокетливой женщины, писала в грустном лирическом тоне о том, что нынче она выходит замуж за некоего иностранного коммерсанта Глоба и что, делая этот шаг, она не хочет оставить о себе дурных воспоминаний в памяти Аполлона Перепенчука. Она, дескать, просит его всепокорнейше извинить за все то, что она с ним сделала, она прощенья просит, ибо знает, какой смертельный удар ему нанесла.

Тихо смеялся Аполлон Перепенчук, читая это письмо. Однако ее непоколебимая уверенность в том, что он, Аполлон Перепенчук, погибает из-за нее, ошеломила его. И, думая об этом, он вдруг отчетливо понял, что ему ничего не нужно, даже не нужна та, из-за которой он погибает. И еще ясно, окончательно понял, что он погибает, в сущности, не из-за нее, а погибает оттого, что он не так жил, как нужно. И тут снова все в голове его мешалось и путалось.

И он хотел тотчас пойти к ней и сказать, что не она виновата, а он сам виноват, что он сам совершил ошибку в своей жизни.

Но не пошел, потому что он не знал, в чем заключалась его ошибка.

6

Аполлон Семенович Перепенчук пошел к Тамаре спустя неделю. Это произошло неожиданно. Однажды вечером он тихо оделся и, сказав тетушке Аделаиде, что у него болит голова и что он хочет поэтому пройтись по городу, вышел. Он долго и бесцельно бродил по улицам, не думая о том, что пойдет к Тамаре. Необыкновенные думы о бессмысленном существовании не давали ему покоя. Он, сняв фуражку, бродил по улицам, останавливаясь у темных деревянных домов, заглядывая в освещенные окна, стараясь наконец понять, проникнуть, узнать, как живут люди и в чем их существование. В освещенных

окнах он видел за столом мужчин в подтяжках, женщин за самоваром, детей... Иные мужчины играли в карты, иные сидели не двигаясь, бессмысленно смотря на огонь, женщины мыли чашки или шили и почти все — ели, широко и беззвучно открывая рты. И за двумя рядами стекол, Аполлону Перепенчуку казалось, что он слышит их чавканье.

От дома к дому переходил Аполлон Семенович и вдруг очутился у дома Тамары.

Аполлон Перепенчук прильнул к окну ее комнаты. Тамара лежала на диване и казалась спящей. Вдруг Аполлон Семенович неожиданно для самого себя постучал по стеклу пальцами.

Тамара вздрогнула, вскочила, прислушиваясь. Потом подошла к окну, стараясь в темноте узнать, кто стучал. Но не узнала и крикнула: «Кто?»

Аполлон Семенович молчал.

Она выбежала на улицу и, узнав его, повела в комнаты. Она стала сердито говорить, что не для чего ему приходить к ней, что все, наконец, кончено, что неужели ему недостаточно ее письменных извинений...

Аполлон Перепенчук смотрел на ее красивое лицо и думал, что незачем ей говорить о том, что не она виновата, а он виноват, что он не так жил, как нужно, — она не поймет и не захочет понять, оттого что в этом у ней была какая-то радость и, может быть, гордость.

И он хотел уж уходить, но вдруг что-то остановило его. Он долго стоял посреди комнаты, напряженно думая, странное успокоение пришло к нему. И он, оглядев комнату Тамары, бессмысленно улыбаясь, вышел.

Он вышел на улицу, прошел два квартала, надел фуражку. Остановился.

— Что такое?

В тот момент, когда он стоял в ее комнате, какая-то счастливая мысль мелькнула в его уме. Он забыл ее... Какая-то мысль, исход какой-то, от которого на мгновение стало ясно и спокойно.

Аполлон Перепенчук стал вспоминать каждую мелочь, каждое слово. Не уехать ли? Нет... Не поступить ли в письмоводители? Нет... Он забыл.

Тогда он бросился опять к ее дому. Да, конечно, он должен сейчас, сию минуту проникнуть в ее дом, в комнату ее и там, придя на старое место, вспомнить эту проклятую мысль.

Он подошел к двери. Хотел постучать. Но вдруг заметил — дверь открыта. За ним не заперли. Он тихо прошел по коридору, никем не замеченный, и остановился на пороге Тамариной комнаты.

Тамара плакала, ничком уткнувшись в подушки. В руке она держала его фотографию, его — Аполлона Перепенчука.

Пусть на этом месте читатель плачет, сколько ему угодно, — автору все равно, ему ни холодно ни жарко. Автор бесстрастно переходит к дальнейшим событиям.

Аполлон Перепенчук посмотрел на Тамару, на карточку в ее руке, на окно, на цветок, на вазочку с пучком сухой травы, и вдруг вспомнил.

— Да!

Тамара вскрикнула, увидав его. Он бросился прочь, стуча сапогами. За ним бежал кто-то из кухни.

Аполлон Семенович выбежал на улицу. Пошел быстро по Проломной. Потом побежал. Провалился в рыхлый снег. Упал. Встал. Опять побежал.

— Вспомнил!

Он бежал долго, задыхаясь. Уронил фуражку и, не стараясь ее найти, бросился дальше. В городе было тихо. Ночь. Перепенчук бежал.

И вот уже окраина города. Слобода. Заборы. Семафор. Будки. Канава. Полотно.

Аполлон Перепенчук упал. Пополз. И, уткнувшись в рельсы, лег.

— Вот эта мысль.

Он лежал в рыхлом снегу. Сердце его переставало биться. Ему казалось, что он умирает.

Кто-то с фонарем прошел два раза мимо него и, снова вернувшись, пихнул его ногой в бок.

— Ты чего? — сказал мужик с фонарем. — Чего лег?

Перепенчук молчал.

— Чего лег? — с испугом повторил мужик. Фонарь в его руке дрожал.

Аполлон Семенович поднял голову. Сел.

— Люди добрые... Люди добрые... — сказал он.

Какие люди? — тихо сказал мужик. — Да ты чего задумал-то? Пойдемкась в будку. Я здешний... Стрелочник...

Мужик взял его под руку и повел в сторожку.

— Люди добрые... Люди добрые... — бормотал Перепенчук.

Вошли в сторожку. Душно. Стол. Лампа. Самовар. За столом сидел мужик в расстегнутой поддевке. Баба щипцами крошила сахар.

Перепенчук сел на лавку. Зубы его стучали.

— Ты чего лег-то? — спросил опять стрелочник, подмигивая мужику в поддевке. — Не смерти ли захотел? Или рельсину, может, открутить хотел? А?

— А чего он? — спросил мужик в поддевке. — Лег, что ли, на рельсы?

— Лег, — сказал стрелочник. — Я иду с фонарем, а он, курва, лежит, как маленький, уткнувшись харей в самую то есть рельсину.

— Гм, — сказал мужик в поддевке, — сволочь какая.

— Подожди, — сказала баба, — не ори на него. Видишь, трясется человек. Не из радости трясется. На-кась чайку, попей.

Аполлон Перепенчук, стуча по стакану зубами, выпил.

— Люди добрые...

— Обожди, — сказал стрелочник, снова подмигивая и для чего-то толкая под бок мужика в поддевке. — Дай-кась я его спрошу по порядку.

Аполлон Семенович сидел неподвижно.

— Отвечай по порядку, как на анкету, — строго сказал стрелочник. — Фамилия.

— Перепенчук, — сказал Аполлон Семенович.

— Так, — сказал мужик. — Не слыхал.

— Лет от роду?

— Тридцать два.

— Зрелый возраст, — сказал мужик, чему-то радуясь. — А мне пятьдесят первый, значит... Возраст все-таки... Безработный?

— Безработный...

Стрелочник усмехнулся и снова подмигнул.

— Эта худа, — сказал он. — Ну а ремесло какое понимаешь? Знаешь ли какое ремесло?

— Нет...

— Эта худа, — сказал стрелочник, покачав головой. — Как же это, брат, без рукомесла-то жить? Это, я тебе скажу, немыслимо худа. Человеку нужно непременно понимать рукомесло. Скажем, я — сторож, стрелочник. А теперь, скажем, поперли меня, сокращенье там или что иное... Я от этого, братишка, не пропаду. Я сапоги знаю работать. Буду я работать сапоги, рука сломалась — мне и горюшка никакого. Буду-ка я зубами веревки вить. Вот она какое дело. Как же это можно без рукомесла. Нипочем не можно... Как же существуешь-то?

— Из дворян, — усмехнулся мужик в поддевке. — Кровь у них никакая... Жить не могут. В рельсы ткаются.

Аполлон Перепенчук встал и хотел уйти из будки. Сторож не пустил, сказал:

— Сядь. Я тебя сейчас великолепно устрою.

Он подмигнул мужику в поддевке и сказал:

— Вася, ты бы его присобачил по своему делу. Дело у тебя тихое, каждый понимать может. Что ж безработному человеку гибнуть?

— Пущай, — сказал мужик, застегивая поддевку, — это можно: приходи-ка ты, гражданин, на Благовещенское кладбище. Спроси заведующего. Меня то есть.

— Да пущай он с тобой пойдет, Вася, — сказала баба. — Мало ли что случится.

— А пущай! — сказал мужик, вставая и надевая шапку. — Идем, что ли. Прощайте.

Мужик вышел из будки вместе с Аполлоном Перепенчуком.

7

Аполлон Семенович Перепенчук вышел в третий и последний период своей жизни — он вступил в должность нештатного могильщика. Почти год Аполлон Семенович проработал на Благовещенском кладбище. Он снова чрезвычайно переменился.

Он ходил теперь в желтых обмотках, в полупальто, с медной бляхой на груди — № 3. От спокойного, бездумного лица его веяло тихим блаженством. Все морщины, пятна, угри и веснушки исчезли с его лица. Нос принял прежнюю форму. И только глаза порою пристально и не мигая останавливались на одном предмете, на одной точке этого предмета, ничего больше не видя и не замечая.

В такие минуты Аполлон думал, вернее, вспоминал свою жизнь, свой пройденный путь, и тогда спокойное лицо его мрачнело. Но воспоминания эти шли помимо его воли — он не хотел думать и гнал от себя все мысли. Он сознавал, что ему не понять, как надо было жить и какую ошибку он совершил в своей жизни. Да и была ли эта ошибка? Может быть, никакой ошибки и не было, а была жизнь простая, суровая и обыкновенная, которая только двум или трем человекам из тысячи позволяет улыбаться и радоваться.

Однако все огорчения были теперь позади. И счастливое спокойствие не покидало больше Аполлона Семеновича. Теперь он всякое утро аккуратно приходил на работу с лопатой в руках и, копая землю, выравнивая стенки могил, проникался восторгом от тишины и прелести новой своей жизни.

В летние дни он, проработав часа два подряд, а то и больше, ложился в траву или на теплую еще, только что вырытую землю и лежал не двигаясь, смотря то на перистые облака, то на полет какой-нибудь пташки, то просто прислушивался к шуму благовещенских сосен. И, вспоминая свое прошлое, Аполлон Перепенчук думал, что никогда за всю свою жизнь он не испытывал такого умиротворения, что никогда он не лежал в траве, и не знал, и не думал, что только что вырытая земля — тепла, а запах ее слаще французской пудры и гостиной. Он улыбнулся тихой, полной улыбкой, радуясь, что он живет и хочет жить.

Но однажды Аполлон Семенович Перепенчук встретил Тамару под руку с каким-то, довольно важного вида, иностранцем. Они шли по тропинке Ксении Блаженной и о чем-то беспечно болтали.

Аполлон Перепенчук крался за ними, прячась, как зверь, за могилами и крестами. Парочка долго гуляла по кладбищу, затем, найдя полуразрушенную скамейку, они сели, сжав друг другу руки.

Аполлон Перепенчук бросился прочь.

Но это было только раз. Дальше жизнь опять пошла спокойная и тихая. Дни шли за днями, и ничто не омрачало их тишины. Аполлон Семенович работал, ел, лежал в траве, спал... Иногда он ходил по кладбищу, читал трогательные и аляповатые подписи, присаживался на ту или другую забытую могилу и сидел, не двигаясь и ни о чем не думая.

Девятнадцатого сентября по новому стилю Аполлон Семенович Перепенчук помер от разрыва сердца, работая над одной из могил.

А семнадцатого сентября, то есть за два дня до его смерти, от родов скончалась Тамара Глоба, урожденная Омельченко.

Аполлон Семенович Перепенчук об этом так и не узнал.

II. Рассказы Назара Ильича господина Синебрюхова

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я такой человек, что все могу... Хочешь — могу землишку обработать по слову последней техники, хочешь — каким ни на есть рукомеслом займусь, — все у меня в руках кипит и вертится.

А что до отвлеченных предметов — там, может быть, рассказ рассказать или какое-нибудь тоненькое дельце выяснить, — пожалуйста: это для меня очень даже просто и великолепно.

Я даже, запомнил, людей лечил.

Мельник такой жил-был. Болезнь у него, можете себе представить, — жаба болезнь. Мельника того я лечил. А как лечил? Я, может быть, на него только и глянул. Глянул и говорю: да, говорю, болезнь у тебя жаба, но ты не горюй и не пугайся, — болезнь эта внеопасная, и даже прямо тебе скажу — детская болезнь.

И что же? Стал мой мельник с тех пор круглеть и розоветь, да только в дальнейшей жизни вышел ему перетык и прискорбный случай...

А на меня многие очень удивлялись. Инструктор, товарищ Рыло, это еще в городской милиции, тоже очень даже удивлялся. Бывало, придет ко мне, ну, как к своему задушевному приятелю:

— Ну, что, — скажет, — Назар Ильич, товарищ Синебрюхов, не богат ли будешь печеным хлебцем?

Хлебца, например, я ему дам, а он сядет, запомнил, к столу, пожует-покушает, ручками этак вот раскинет.

— Да, — скажет, — погляжу я на тебя, господин Синебрюхов, и слов у меня нет. Дрожь прямо берет, какой ты есть человек. Ты, говорит, наверное, даже державой управлять можешь.

Хе-хе, хороший был человек инструктор Рыло, мягкий.

А то начнет, знаете ли, просить: расскажи ему что-нибудь такое из жизни. Ну, я и рассказываю.

Только, безусловно, насчет державы я никогда и не задавался: образование у меня, прямо скажу, никакое, а домашнее. Ну, а в мужицкой жизни я вполне драгоценный человек. В мужицкой жизни я очень полезный и развитой.

Крестьянские эти дела-делишки я ух как понимаю. Мне только и нужно раз взглянуть, как и что.

Да только ход развития моей жизни не такой.

Вот теперь, где бы мне хозяином пожить в полное свое удовольствие, я крохобором хожу по разным гиблым местам, будто преподобная Мария Египетская.

Да только я не очень горюю. Я вот теперь дома побывал и нет — не увлекаюсь больше мужицкой жизнью.

Что ж там? Бедность, блекота и слабое развитие техники.

Скажем вот про сапоги.

Были у меня сапоги, не отпираюсь, и штаны, очень даже великолепные были штаны. И можете себе представить, сгинули они — аминь — во веки веков в собственном своем домишке.

А сапоги эти я двенадцать лет носил, прямо скажу, в руках. Чуть какая мокрень или непогода — разуюсь и хлюпаю по грязи... Берегу.

И вот сгинули...

А мне теперь что? Мне теперь в смысле сапог — труба.

В германскую кампанию выдали мне сапоги штиблетами — блекота. Смотреть на них грустно. А теперь, скажем, жди. Ну, спасибо, война, может, произойдет — выдадут. Да только нет, годы мои вышли и дело мое на этот счет гиблое.

А все, безусловно, бедность и слабое развитие техники.

Вот для наглядности сюжета взять иностранную державу, ну, скажем Америку... Хорошо-с... Взяли: идет человек по улице, мужик американский, такой же, как и не я... Пальтишко на нем демисезон. Шляпка, полусапожки, может быть, замечательные...

Подходит он демонстративно к стене, поворачивает какую-нибудь там еле зримую фитюльку и:

— Ало? — говорит, откеда?

Говорит, а сам по камню так и точет нарочно каблучком, не боится, жаба, что сапог испортит.

Ему что? Там богатство и жизненное великолепие Европы. А у нас бедность и блекота.

Ну, а рассказы мои, безусловно, из жизни и все воистинная есть правда.

ВЕЛИКОСВЕТСКАЯ ИСТОРИЯ

Фамилией бог меня обидел — это верно: Синебрюхов, Назар Ильич.

Ну, да обо мне речь никакая, — очень я даже посторонний человек в жизни. Но только случилось со мной великосветское приключение, и пошла оттого моя жизнь в разные стороны, все равно как вода, скажем, в руке — через пальцы, да и нет ее.

Принял я и тюрьму, и ужас смертный, и всякую гнусь... Да только все, может, впустую... Нету здесь такого человека, молодого князя вашего сиятельства.

Может, и ушел он из России вон, а может, и неживой теперь — казнь принял.

Так-то вот!

Был у меня задушевный приятель. Ужасно образованный человек, прямо скажу — одаренный качествами. Ездил он по разным иностранным державам в чине камендинера, понимал он даже, может, по-французскому и виски иностранные пил, а был такой же, как и не я, все равно — рядовой гвардеец пехотного полка.

На германском фронте в землянках, бывало, удивительные даже рассказывал происшествия и исторические всякие там вещички.

Принял я от него немало. Спасибо! Многое через него узнал и дошел до такой точки, что случилась со мной гнусь всякая, а сердцем я и по сей час бодрюсь.

Знаю: Пипин Короткий... Встречу, скажем, человека и спрошу: а кто за есть такой Пипин Короткий?

И тут-то и вижу всю человеческую образованность все равно как на ладони. Да только не в этом штука.

Было тому... сколько?.. четыре года взад. Призывает меня ротный командир в чине — гвардейский поручик и князь ваше сиятельство. Ничего себе. Хороший человек.

Призывает. Так, мол, и так, говорит, очень я тебя, Назар, уважаю и вполне ты прелестный человек... Сослужи, говорит, мне еще одну службишку.

Произошла, говорит, Февральская революция. Отец староватенький, и очень я даже беспокоюсь по поводу недвижимого имущества. Поезжай, говорит, к старому князю в родное имение, передай вот это самое письмишко в самые то есть его ручки и жди, что скажет. А супруге, говорит, моей, прекрасной полячке Виктории Казимировне, низынько поклонись в ножки и ободри каким ни на есть словом. Исполни, говорит, это, для ради бога, а я, говорит, осчастливлю тебя суммой и пущу в несрочный отпуск.

— Ладно, — отвечаю, — князь ваше сиятельство, спасибо за ласку, только, может, я и не стою таких ваших слов.

А у самого сердце огнем играет: эх, думаю, как бы это исполнить.

А был князь ваше сиятельство со мной все равно как на одной точке. Уважал меня по поводу незначительной даже истории. Конешно, я поступил геройски. Это верно.

Стою раз преспокойно на часах у княжей земляночки на германском фронте, а князь ваше сиятельство пирует с приятелями. Тут же между ними, запомнил, сестричка милосердия.

Ну, конешно: игра страстей и разнузданная вакханалия... А князь ваше сиятельство, из себя пьяненький, песни играет.

Стою. Только слышу вдруг шум в передних окопчиках. Шибко так шумят, а немец, безусловно, тихий, и будто вдруг атмосферой на меня пахнуло.

«Ах ты, — думаю, — так твою так — газы!»

А поветрие легонькое этакое в нашу, в русскую сторону.

Беру преспокойно зелинскую маску (с резиной), взбегаю в земляночку...

— Так, мол, и так, — кричу, — князь ваше сиятельство, дыши через маску — газы.

Очень тут произошел ужас в земляночке.

Сестричка милосердия — бяк, с катушек долой, — мертвая падаль.

А я сволок князеньку вашего сиятельства на волю, кострик разложил по уставу. Зажег. Лежим, не трепыхнемся... Что будет... Дышим.

А газы... Немец — хитрая сука, да и мы, безусловно, тонкость понимаем: газы не имеют права осесть на огонь.

Газы туды и сюды крутятся, выискивают нас-то... Сбоку да с верхов так и лезут, так и лезут клубом, вынюхивают...

А мы, знай, полеживаем да дышим в маску...

Только прошел газ, видим — живые.

Князь ваше сиятельство лишь малехонько поблевал, вскочил на ножки, ручку мне жмет, восторгается.

— Теперь, — говорит, — ты, Назар, мне все равно как первый человек в свете. Иди ко мне вестовым, осчастливь. Буду о тебе пекчись.

Хорошо-с. Прожили мы с ним цельный год прямо-таки замечательно.

И вот тут-то и случилось: засылает меня ваше сиятельство в родные свои места.

Собрал я свое барахлишко.

«Исполню, — думаю, — показанное, а там — к себе. Все-таки дома, безусловно, супруга нестарая и мальчичек».

Хорошо-с. В город Смоленск прибыл, а оттуда славным образом на пароходе на пассажирском в родные места старого князя.

Иду — любуюсь. Прелестный княжеский уголок и чудное, запомнил, заглавие — вилла «Забава».

Вспрашиваю: здесь ли, говорю, проживает старый князь ваше сиятельство? Я, говорю, очень по самонужнейшему делу с собственноручным письмом из дейстующий армии.

Это бабенку-то я вспрашиваю.

А бабенка:

— Вон, — говорит, — старый князь ходит грустный из себя по дорожкам.

Безусловно: ходит по садовым дорожкам ваше сиятельство.

Вид, смотрю, замечательный — сановник, светлейший князь и барон. Бородища баками пребелая-белая. Сам хоть и староватенький, а видно, что крепкий.

Подхожу. Рапортую по-военному. Так, мол, и так, совершилась, дескать, Февральская революция, вы, мол, староватенький, и молодой князь ваше сиятельство в совершенном расстройстве по поводу недвижимого имущества. Сам же, говорю, жив и невредимый и интересуется, каково проживает молодая супруга, прекрасная полячка Виктория Казимировна.

Тут и передаю секретное письмишко.

Прочел это он письмишко.

— Пойдем, — говорит, — милый Назар, в комнаты. Я, говорит, очень сейчас волнуюсь... А пока — на, возьми, от чистого сердца рубль.

Тут вышла и представилась мне молодая супруга Виктория Казимировна с дитей.

Мальчик у ней — сосун млекопитающийся.

Поклонился я низынько, вспрашиваю, каково живет ребеночек, а она будто нахмурилась.

— Очень, — говорит, — он нездоровый, ножками крутит, брюшком пухнет, — краше в гроб кладут.

— Ах ты, — говорю, — и у вас, ваше сиятельство, горе такое же человеческое.

Поклонился я в другой раз и прошусь вон из комнаты, потому понимаю, конешно, свое звание и пост.

Собрались к вечеру княжие люди на паужин. И я с ними. Харчим, разговор поддерживаем. А я вдруг и вспрашиваю:

— А что, — говорю, — хорош ли будет старый князь ваше сиятельство?

— Ничего себе, — говорят, — хороший, только не иначе как убьют его скоро.

— Ай, — говорю, — что сделал?

— Нет, — говорят, — ничего не сделал, вполне прелестный князь, но мужички по поводу Февральской революции беспокоятся и хитрят.

Тут стали меня, безусловно, про революцию вспрашивать. Что к чему.

— Я, — говорю, — человек неосвещенный. Но произошла, говорю, Февральская революция. Это верно. И низвержение царя с царицей. Что же

в дальнейшем — опять, повторяю, не освещен. Однако произойдет отсюда людям немалая, думаю, выгода.

Только встает вдруг один, запомнил, из кучеров. Злой мужик. Так и язвит меня.

— Ладно, — говорит, — Февральская революция. Пусть. А какая такая революция? Наш уезд, если хочешь, весь не освещен. Что к чему и кого бить, не показано. Это, говорит, допустимо? И какая такая выгода? Ты мне скажи, какая такая выгода? Капитал?

— Может, — говорю, — и капитал, да только нет, зачем капитал? Не иначе как землишкой разживетесь.

— А на кой мне, — ярится, — твоя землишка, если я буду из кучеров? А?

— Не знаю, — говорю, — не освещен. И мое дело сторона.

А он говорит:

— Недаром, — говорит, — мужички беспокоятся — что к чему... Старосту Ивана Костыля побили ни за про что, ну и князя, безусловно, кончат.

Так вот поговорили мы славным образом до вечера, а вечером ваше сиятельство меня кличут. Усадили меня, запомнил, в кресло, а сами такое:

— Я, — говорит, — тебе, Назар, по-прямому: тени я не люблю наводить, так и так, мужички не сегодня-завтра пойдут жечь имение, так нужно хоть малехонько спасти. Ты, мол, очень верный человек, мне же, говорит, не на кого положиться... Спаси, говорит, для ради бога, положение.

Берет тут меня за ручки и водит по комнатам.

— Смотри, — говорит, — тут саксонское серебро черненое, и драгоценный горный хрусталь, и всякие, говорит, золотые излишества. Вот, говорит, какое богатое добрище, а все пойдет, безусловно, прахом и к чертовой бабушке.

А сам шкаф откроет — загорюется.

— Что ж, — говорю, — ваше сиятельство, я не причинен.

А он:

— Знаю, — говорит, — что не причинен, но сослужи, говорит, милый Назар, предпоследнюю службу: бери, говорит, лопату и изрой ты мне землю в гусином сарае. Ночью, говорит, мы схороним что можно и утопчем ножками.

— Что ж, — отвечаю, — ваше сиятельство, я хоть человек и неосвещенный, это верно, а мужицкой жизнью жить не согласен. И хоть в иностранных державах я не бывал, но знаю культуру через моего задушевного приятеля, гвардейского рядового пехотного полка. Утин его фамилия. Я, говорю, безусловно, согласен на это дело, потому, говорю, если саксонское черненое серебро, то по иностранной культуре совершенно невозможно его портить.

А сам тут хитро перевожу дело на исторические вещички. Испытываю, что за есть такой Пипин Короткий. Тут и высказал ваше сиятельство всю свою высокую образованность. Хорошо-с...

К ночи, скажем, уснула наипоследняя собака. Беру лопату — и в гусиный сарай.

Место ощупал. Рою.

И только берет меня будто жуть какая. Всякая то есть гнусь и невидаль в воспоминанье лезет.

Копну, откину землишку — потею и рука дрожит. А умершие покойники так и представляются, так и представляются...

Рыли, помню, на австрийском фронте окопчики и мертвое австрийское тело нашли...

И зрим: когти у покойника предлинные-длинные, больше пальца. Ох, думаем, значит, растут они в земле после смерти. И такая на нас, как сказать, жуть напала — смотреть больно. А один гвардеец дерг да дерг за ножку австрийское мертвое тело... Хороший, говорит, заграничный сапог, не иначе как австрийский... Любуется и примеряет в мыслях и опять дерг да дерг, а ножка в руке и осталась.

Да-с. Вот такая-то гнусь мертвая лезет в голову, но копаю самосильно, принуждаюсь. Только вдруг как зашуршит что-то в углу. Тут я и присел.

Смотрю: ваше сиятельство с фонарчиком лезет — беспокоится.

— Ай, — говорит, — ты умер, Назар, что долго? Берем, говорит, сундучки поскореича — и делу конец.

Принесли мы, запомнил, десять претяжеленных-тяжелых сундучков, землей закрыли и умяли ножками.

К утру выносит мне ваше сиятельство двадцать пять целковеньких, любуется мной и за ручку жмет.

— Вот, — говорит, — тут письмишко к молодому вашему сиятельству. Рассказан тут план местонахождения клада. Поклонись, — говорит, — ему — сыну и передай родительское благословение.

Оба тут мы полюбовались друг другом и разошлись.

Домой я поехал... Да тут опять речь никакая.

Только прожил дома почти-то два месяца и возвращаюсь в полк. Узнаю: произошли, говорят, события, отменили воинскую честь и всех офицеров отказали вон. Вспрашиваю: где ж такое ваше сиятельство?

— Уехал, — говорят, — а куда — неизвестно.

Хорошо-с...

Штаб полка.

Являюсь по уставу внутренней службы. Так и так, рапортую, — из несрочного отпуска.

А командир, по выбору, прапорщик Лапушкин — бяк меня по уху.

— Ах ты, — говорит, — княжий холуй, снимай, говорит, собачье мясо, воинские погоны!

Здорово, думаю, бьется прапорщик Лапушкин, сволочь такая...

— Ты, — говорю, — по морде не бейся. Погоны снять — сниму, а драться я не согласен.

Хорошо-с.

Дали мне, безусловно, вольные документы по чистой, и...

— Катись, — говорят, — колбаской.

А денег у меня, запомнил, ничего не было, только рубль дареный, зашитый в ватной жилете.

Пойду, — думаю, — в город Минск, разживусь, а там поищу вашего сиятельства. И осчастливит он меня капиталом.

Только иду нешибко лесом, слышу — кличет кто-то.

Смотрю — посадские. Босые босячки. Крохоборы.

— Куда, — вспрашивают, — идешь-катишься, военный мужичок?

Отвечаю смиренномудро:

— Качусь, говорю, в город Минск по личной своей потребности.

— Тек-с, — говорят, —а что у тебя, скажи, пожалуйста, в вещевом мешочке?

— Так, — отвечаю, — кое-какое свое барахлишко.

— Ох, — говорят, — врешь, худой мужик!

— Нету, воистинная моя правда.

— Ну так объясни, если на то пошло, полностью свое барахлишко.

— Вот, — объясняю, — теплые портянки для зимы, вот запасная блюза гимнастеркой, штаны кой-какие...

— А есть ли, — вспрашивают, — деньги?

— Нет, — говорю, — извините худого мужика, денег не припас.

Только один рыжий такой крохобор, конопатый:

— Чего, — говорит, — агитировать: становись (это мне то есть), становись, примерно, вон к той березе, тут мы в тебя и штрельнем.

Только смотрю — нет, не шутит. Очень я забеспокоился смертельно, но отвечаю негордо:

— Зачем, отвечаю, относишься с такими словами? Я, говорю, на это совершенно даже не согласен.

— А мы, — говорят, — твоего согласия не спросим, нам, — говорят, — на твое несогласие ровно даже начихать. Становись, и все тут.

— Ну хорошо, — говорю, — а есть ли вам от казни какая корысть?

— Нет, корысти, — говорят, — нету, но мы, говорят, для ради молодечества казним, дух внутренний поддержать.

Одолел тут меня ужас смертный, а жизнь прельщает наслаждением. И совершил я уголовное преступление.

— Убиться я, — говорю, — не согласен, но только послушайте меня, задушевные босячки: имею я, безусловно, при себе тайну и план местонахождения клада вашего сиятельства.

И привожу им письмо.

Только читают, безусловно: гусиный сарай... саксонское серебро... план местонахождения.

Тут я оправился, путь, думаю, неблизкий, дам теку.

Хорошо-с...

А босячки:

— Веди, — говорят, — нас, если на то пошло, к плану местонахождения клада. Это, говорят, тысячное даже дело. Спасибо, что мы тебя не казнили.

Очень мы долго шли, две губернии, может, шли, где ползком, где леском, но только пришли в княжескую виллу «Забава». А только теку нельзя было дать — на ночь вязали руки и ноги.

Ну, — думаю, — быть беде — уголовное преступление против вашего сиятельства.

Только узнаем: до смерти убит старый князь ваше сиятельство, а прелестная полячка Виктория Казимировна уволена вон из имения.

А в имении заседает, дескать, комиссия.

Хорошо-с.

Разжились инструментом и к ночи пошли на княжий двор.

Показываю босячкам:

— Вот, — говорю, — двор вашего сиятельства, вот коровий хлев, вот пристроечки всякие, а вот и...

Только смотрю — нету гусиного сарая. Быдто должен где-то тут существовать, а нету. Фу ты, — думаю, — так твою так... Идем обратно.

— Вот, — говорю, — двор вашего сиятельства, вот хлев коровий...

Нету гусиного сарая. Прямо-таки нету гусиного сарая. Обижаться стали босячки. А я аж весь двор объелозил на брюхе и смотрю, как бы уволиться. Да за мной босячки — пугаются, что, дескать, сбегу.

Пал я тут на колени:

— Извините, — говорю, — худого мужика, — водит нас нечистая сила. Не могу признать местонахождения.

Стали тут меня бить босячки инструментами по животу и по внутренностям. И поднял я крик очень ужасный.

Хорошо-с.

Сбежались хрестьяне и комиссия.

Выяснилось: клад вашего сиятельства, а где — неизвестно.

Стал я богом божиться — не знаю, мол, что к чему, приказано, дескать, передать письмишко, а я не причинен.

Пока крестьяне рассуждали, что к чему, и солнце встало.

Только смотрю: светло, и, безусловно, нет гусиного сарая. Вижу: ктой-то разорил на слом гусиный сарай.

Ну, думаю, хорошо. Больно хорошо. Молчи теперь, помалкивай, Назар Ильич господин Синебрюхов.

А очень тут разгорелась комиссия. И какой-то, запомнил, советский комиссар так и орет горлом, так и прет пузом на меня...

— Ты, — говорю, — смотри пузом на меня не при, потому я, безусловно, не причинен.

А он:

— Это — говорит, — дело уголовное, и статья, говорит, есть такая... Рой, кричит, хрестьянские товарищи, землишку, выколачивай все сараи, выискивай на мою голову.

Разошлись все, безусловно, по сараям, копают — свист идет, а, безусловно, ничего нету. А босячки мои сгрудились — сиг через забор, — тольки их и видели.

А меня скрутили, связали руки, ударили нешибко по личности и отвезли в тюрьму. А посля на общественных работах мурыжили год.

А нашли клад или не нашли — я не знаю. Я в тех местах больше не бывал.

ВИКТОРИЯ КАЗИМИРОВНА

В Америке я не бывал и о ней, прямо скажу, ничего не знаю.

А вот из иностранных держав про Польшу знаю. И даже могу ее разоблачить.

В германскую войну я три года ходил по польской земле... И нет, не люблю я полячишек. В натуре у них, знаю, всякие хитрости.

Скажем — баба. Ихняя баба в руку целует. Только взойдешь в халупу:

— Ниц нема, пан...

И сама, стерва, в руку.

Русскому человеку это невозможно.

Мужик ихний — безусловно, хитрая нация. Ходит завсегда чисто, бороденка бритая, денежку копит.

Нация их и теперь выясняется. Скажем: Верхняя Силезия... Зачем, пожалуйста, полячку Верхняя Силезия? Зачем же издеваться над германской расой?

Ну, хорошо, живи отдельной державой, имей свою денежную единицу, а к чему же еще такое несбыточное требование?

Нет, не люблю я полячишек...

А вот поди ж ты: встретил польскую паненку — и такая у меня к Польше симпатия пошла, лучше, думаю, этого народа и не бывает.

Да только ошибся.

Нашло на меня, прямо скажу, такое чудо, такой туман: что она, прелестная красавица, ни скажет, то я и делаю.

Убить человека я, скажем, не согласен — рука дрогнет, а тут убил, и другого, престарелого мельника, убил. Хоть и не своей рукой, да только путем своей личной хитрости.

А сам, подумать грустно, ходил легкомысленно женишком прямо около нее, бороденку даже подстриг и в подлую ее ручку целовал.

Было такое польское местечко Крево. На одном конце — пригорок — немцы окопались. На другом — обратно пригорок — мы окопчики взрыли, и польское это местечко Крево осталось лежать между окопчиками в овраге.

Польские жители, конешно, уволились, а которые хозяева и, как бы сказать, добришко кому покинуть грустно — остались. И как они так существовали — подумать странно.

Пуля так и свистит, так и свистит над ними, а они — ничего, живут себе прежней жизнью.

Ходили мы к ним в гости.

Бывало, в разведку либо в секрет, а уж по дороге, безусловно, в польскую халупу.

К мельнику все больше ходили.

Мельник такой существовал престарелый. Баба его сказывала: имеет, говорит, он деньжонки капиталом, да только не говорит где. Будто обещал сказать перед смертью, а пока чегой-то пугается и скрывает.

А мельник, это точно, скрывал свои деньжонки.

В задушевной беседе он мне все и высказал. Высказал, что желает перед смертью пожить в полное семейное удовольствие.

— Пусть, — говорит, — они меня такого-то малехонько побалуют, а то скажи им, где деньжонки, — оберут как липку и бросят за свои любезные, даром что свои родные родственники.

Мельника этого я понимал и ему сочувствовал. Да только какое уж там, сочувствовал, семейное удовольствие, если болезнь у него жаба и ноготь, приметил я, синий.

Хорошо-с. Баловали они старичка.

Старик кобенится и финтит, а они так во взор его и смотрят, так перед ним и трепещут, пугаются, что не скажет про деньги.

А была у мельника семья: баба его престарелая да неродная дочка, прелестная паненка Виктория Казимировна.

Я вот рассказывал великосветскую историю про клад князя вашего сиятельства — все воистинная есть правда: и босячки-крохоборы, и что били меня инструментом, да только не было в тот раз прекрасной полячки Виктории Казимировны. И быть ее не могло. Была она в другой раз и по другому делу... Была она, Виктория Казимировна, дочка престарелого мельника.

И как это вышло? С первого даже дня завязались у нас прелестные отношения... Только, помню, пришли раз к мельнику. Сидим — хихикаем, а Виктория Казимировна все, замечаю, ко мне ластится: то, знаете ли, плечиком, то ножкой.

«Фу ты, — восхищаюсь, — так твою так — случай». А сам все же пока остерегаюсь, отхожу от нее да отмалчиваюсь.

Только попозже берет она меня за руку, любуется мной.

— Я, — говорит, — господин Синебрюхов, могу даже вас полюбить (так и сказала). И уже имею что-то в груди. Только, говорит, есть у меня до вас просьбишка: спасите, говорит, меня, для ради бога. Желаю, говорит, уйти из дому в город Минск или еще в какой-нибудь там польский город, потому что — сами видите — погибаю я здесь курам на смех. Отец мой, престарелый мельник, имеет капитал, так нужно выпытать, где хранит его. Нужно мне разжиться деньгами. Я, говорит, против отца не злоупотребляю, но не сегодня-завтра он, безусловно, помрет, болезнь у него — жаба, и пугаюсь я, что про капитал не скажет.

Начал я тут удивляться, а она прямо-таки всхлипывает, смотрит в мои очи, любуется.

— Ах, — говорит, — Назар Ильич господин Синебрюхов, вы — самый здесь развитой и прелестный человек и как-нибудь вы это сделаете.

Хорошо-с. Придумал я такую хитрость: скажу старичку, дескать, выселяют всех из местечка Крево... Он, безусловно, вынет свое добро... Тут мы и заставим его поделить.

Прихожу на завтра к ним, сам, знаете ли, бороденку подстриг, блюзу-гимнастерку новую надел, являюсь прямо-таки парадным женишком.

— Сейчас, — говорю, — Викторичка, все будет исполнено.

Подхожу демонстративно к мельнику.

— Так и так, — говорю, — теперь, говорю, вам, старичок, каюк-компания — выйдет завтра приказ: по случаю военных действий выселить всех жителей из местечка Крево.

Ох, как содрогнется тут мой мельник, как вскинется на постельке... И сам как был в нижних подштанниках — шасть за дверь и слова никому не молвил.

Вышел он на двор, и я тихонько следом.

А дело ночное было. Луна. Каждая даже травинка виднеется. И идет он весь в белом, будто шкелет какой, а я за сарайчиком прячусь.

А немец, помню, что-то тогда постреливал. Только прошел он, старичок, немного, да вдруг как ойкнет. Ойкнет и за грудь скорей. Смотрю — и кровь по белому каплет.

«Ну, — думаю, — произошла беда — пуля».

Повернулся он, смотрю, назад, руки опустил и к дому.

Да только, смотрю, пошел он как-то жутко. Ноги не гнет, сам весь в неподвижности, а поступь грузная.

Забежал я к нему, сам пугаюсь — хвать да хвать его за руку, а рука холодеет, и смотрю: в нем дыханья нет — покойник. И незримой силой взошел он в дом, веки у него закрыты, а как на пол ступит, так пол гремит — земля к себе покойника требует.

Закричали тут в доме, раздались перед мертвецом, а он дошел поступью смертной до постельки, тут и скосился.

И такой в халупе страх настал, — сидим и дышать даже жутко.

Так вот помер мельник через меня, и сгинули — аминь во веки веков — его деньжонки капиталом.

А очень тут загрустила Виктория Казимировна. Плачет она и плачет и всю неделю плачет — не сохнут слезы.

А как приду к ней — гонит и видеть меня не может.

Так прошла, запомнил, неделя, являюсь к ней. Слез, смотрю, нету и подступает она ко мне даже любовно.

— Что ж, — говорит, — ты сделал, Назар Ильич господин Синебрюхов? Ты, говорит, во всем виноват, ты теперь и раскаивайся. Достань ты мне хоть с морского дна какой-нибудь небольшой капитал, а иначе, говорит, ты первый для меня преступник, и уйду я, знаю куда, в обоз, — звал меня в любовницы прапорщик Лапушкин и обещал даже золотые часишки браслетой.

Покачал я прегорько головой, дескать, откуда мне такому-то разжиться капиталом, а она вскинула на плечи трикотажный платочек, поклонилась мне низынько:

— Пойду, — говорит, — поджидает-ждет меня прапорщик Лапушкин. Прощайте, пожалуйста, Назар Ильич господин Синебрюхов!

— Стой, — говорю, — стой, Виктория! Дай, говорю, срок, — дело это обдумать надо!

— А чего, — говорит, — его думать? Пойди да укради хоть с морского дна, только исполни мою просьбу.

И осенила тут меня мысль.

«На войне, — думаю, — все можно. Будут, может, немцы наступать — пошурую по карманам, если на то пошло». А вскоре и вышел подходящий случай.

Была у нас в окопах пушечка... Эх, дай бог память — тонкие заглавие. Морская пушечка Гочкис.

Дульце у ней тонехонькое, снаряд — и смотреть на него глупо, до того незначительный снаряд. А стреляет она всячески не слабо. Стрельнет и норовит взорвать, что побольше.

Над ней и командир был — морской подпоручик Винча. Подпоручик ничего себе, но — сволочь. Бить не бил, но под винтовку ставил запросто.

А очень мы любили эту пушечку и завсегда ставили ее в свой окоп.

Тут, скажем, пулемет, а тут небольшое насаждение из елок и — пушечка. Германии она очень досаждала. В польский костел она била по кумполу, потому был там германский наблюдатель.

По пулеметам тоже била.

И прямо немцам она не давала никакого спасения.

Так вот вышел случай.

Выкрали немцы в ночное время у ней главную часть — затвор. И притом унесли пулемет. И как это случилось — удивительно подумать. Время было тихое, я, безусловно, к Виктории Казимировне пошел, часовой у пушечки вздремнул, а подчасок, сволочь такая худая, в дежурный взвод пошел. Там в картишки играли.

Ну ладно. Пошел.

Только играет он в карты, выигрывает и, сучий сын, не поинтересуется посмотреть, что случилось.

А случилось: немцы пушечкин затвор стибрили.

К утру только пошел подчасок к пушечке и зрит: лежит часовой, безусловно мертвый, и кругом — кража.

Ох, и было же что тогда!

Морской подпоручик Винча тигрой на меня наскакивает, весь дежурный взвод ставит под винтовку и каждому велит в зубах по карте держать, а подчаску — веером три карты.

А к вечеру едет-волнуется генерал ваше превосходительство.

Ничего себе, хороший генерал.

Взглянул на взвод, и гнев его прошел. Тридцать человек как один в зубах по карте держат.

Усмехнулся генерал.

— Выходи, — говорит, — отборные орлы, налетай на немцев, разоряй внешнего врага.

Вышли тут, запомнил, пять человек, и я с ними. Генерал ваше превосходительство восхищается нами.

— Ночью, — говорит, — летите, отборные орлы. Режьте немецкую проволоку, изыскивайте хоть какой-нибудь пулемет и, если случится, — пушечкин затвор.

Хорошо-с...

К ночи мы и пошли.

Я-то играючи пошел. Мыслишку, во-первых, свою имел, а потом, имейте в виду, жизнь свою я не берег. Я, знаете ли, счастье вынул.

В одна тыща девятьсот, должно быть, что в шестнадцатом году, запомнил, ходил такой черный, люди говорили, румынский мужик. С птицей он ходил. На груди у него — клетка, а в клетке — не попка, — попка та зеленая, — а тут вообще какая-то тропическая птица. Так она, сволочь такая, ученая, клювом вынимала счастье — кому что. А мне, запомнил, планета Рак и жизнь предсказана до 90 лет.

И еще там многое что предсказано, что — я уж и позабыл, да только все исполнилось в точности.

И тут вспомнил я предсказание и пошел, прямо скажу, гуляючи.

Подошли мы к немецкой проволоке. Темь. Луны еще не было. Прорезали преспокойно лаз. Спустились вниз, в окопчики в германские. Прошли шагов с полста — пулемет — пожалуйста.

Уронили мы германского часового наземь и придушили тут же...

Очень мне это было неприятно, жутковато, и вообще, знаете ли, ночной кошемар.

Хорошо-с.

Сняли пулемет с катков, разобрали кому что: кому катки, кому ящики, а мне, запомнил, подсунули, так их так, самую что ни на есть тяжесть — тело пулемета.

И такой, провались он совсем, претяжеленный был: те налегке — шаг да шаг и скрылись от меня, а я пыхчу с ним — затрудняюсь. Мне бы наверх ползти, да смотрю — проход сообщения. Я в проход сообщения... А из-за угла вдруг германец прездоровенный-здоровенный, и наперевес у него винтовка. Бросил я пулемет под ноги и винтовку тоже против него вскинул.

Только чую — германец стрельнуть хочет, голова на мушке.

Другой оробел бы, другой — ух как оробел бы, а я ничего — стою, не трепыхнусь даже. А поверни я только спину, либо щелкни затвором — тут, безусловно, мне и конец.

Так вот стоим друг против дружки, и всего-то до нас пять шагов. Зрим друг друга глазами и ждем, кто побежит. И вдруг как задрожит германец, как обернется назад... Тут я в него и стрельнул. И вспомнил свою мыслишку. Подполз к нему, пошарил по карману — противно. Ну да ничего — перевозмог себя, вынул кабаньей кожи бумажник, вынул часишки в футляре (немцы все часишки в футляре носят), взвалил пулемет на плечо и наверх. Дошел до проволоки — нету лаза. Да и мыслимо ли в темноте его найти?

Стал я через проволоку продираться — трудно. Может быть, час или больше лез, всю прорвал себе спину и руки совсем изувечил. Да только все-таки пролез. Вздохнул я тут спокойно, залег в траву, стал себе руки перевязывать, — кровь так и льет.

И забыл совсем, чума меня возьми, что я еще в германской стороне, а уж светает. Хотел было я бежать, да тут немцы тревогу подняли, нашли, видимо, у себя происшествие, открыли по русским огонь, и, конешно, поползи я, тут бы меня приметили и убили.

А место, смотрю, вполне открытое было и подальше травы даже нет — лысое место. А до халуп шагов триста.

Ну, думаю, каюк-компания, лежи теперь, Назар Ильич господин Синебрюхов, благо трава спасет.

Хорошо. Лежу.

А немцы, может быть, очень обиделись: стибрили у них пулемет и двоих почем зря убили, — мстят — стреляют, прямо скажу, без остановки.

К полдню перестали стрелять, да только, смотрю, чуть кто проявится в нашей, в русской стороне, так они туда и метят. Ну, значит, думаю, безусловно, они настороже, и нужно лежать до вечера.

Хорошо-с.

Лежу час. И два лежу. Интересуюсь бумажником — денег немало, только все иностранные. Часишками любуюсь. А солнце прямо так и бьет в голову,

и дух у меня замирать стал. И жажда. Стал я тут думать про Викторию Казимировну, только смотрю — сверху на меня ворон спускается.

Я лежу живой, а он, может, думает, что падаль, и спускается.

Я на него тихонько шикаю:

— Ш-ш, — говорю, — пошел, провал тебя возьми!

Машу рукой, а он, может быть, не верит и прямо на меня наседает.

И ведь такая птичья сволочь — прямо на грудь садится, а поймать я никак его не поймаю — руки изувечены, не гнутся, а он еще бьется больно клювом и крылами.

Я отмахнусь — он взлетит и опять рядом сядет, а потом обратно на меня стремится и шипит даже. Это он кровь, гадюка, на руке чует.

«Ну, — думаю, — пропал Назар Ильич господин Синебрюхов! Пуля не тронула, а тут птичья нечисть, прости господи, губит человека зря. Немцы, безусловно, сейчас заприметят, что такое приключилось тут за проволокой. А приключилось: ворон при жизни человека жрет».

Бились так мы долго. Я все норовлю его ударить, да только перед германцем остерегаюсь, а сам прямо-таки чуть не плачу. Руки у меня и так-то изувечены — кровь текет, а тут еще он щиплет. И такая злоба к нему напала, только он на меня устремился, как я на него крикну: кыш, кричу, сволочь паршивая!

Крикнул, и, безусловно, немцы сразу услышали. Смотрю, змеей ползут германцы к проволоке.

Вскочил я на ноги — бегу. Винтовка по ногам бьется, а пулемет наземь тянет. Закричали тут немцы, стали по мне стрелять, а я и к земле не припадаю — бегу.

И как я добежал до первых халуп, прямо скажу — не знаю. Только добежал, смотрю — из плеча крова текет — ранен. Тут по-за халупами шаг за шагом дошел до своих и скосился замертво. А очнулся, запомнил, в обозе в полковом околотке.

Только хвать-похвать за карман — часишки тут, а кабаньего бумажника как не бывало. То ли я на месте его оставил — ворон спрятать помешал, то ли выкрали санитары.

Заплакал я прегорько, махнул на все рукой и стал поправляться.

Только узнаю: живет у прапорщика Лапушкина здесь в обозе прелестная полячка Виктория Казимировна.

Хорошо-с.

Прошла, может быть, неделя, наградили меня Георгием, и являюсь я в таком виде к прапорщику Лапушкину.

Вхожу в халупу.

— Вздравствуйте, — говорю, — ваше высокоблагородие, и вздравствуйте, пожалуйста, прелестная полячка Виктория Казимировна.

Тут, смотрю, смутились они оба. А он встает, ее заслоняет.

— Чего, — говорит, — тебе надобно? Ты, говорит, давно мне примелькался, под окнами треплешься. Ступай, говорит, отсюдова, так твою и так...

А я грудь вперед и гордо так отвечаю:

— Вы, говорю, хоть и состоите в чине, а дело тут, между прочим, гражданское, и имею я право разговаривать, как и всякий. Пусть, говорю, она, прелестная полячка, сама сделает нам выбор.

Как закричал он на меня:

— Ах, ты, — закричал, — сякой-такой водохлеб! Как же ты это смеешь так выражаться... Снимай, говорит, Георгия, сейчас я тебя наверно ударю.

— Нет, — отвечаю, — ваше высокоблагородие, я в боях киплю и кровь проливаю, а у вас, говорю, руки короткие.

А сам тем временем к двери и жду, что она, прелестная полячка, скажет.

Да только она молчит, за Лапушкину спину прячется.

Вздохнул я прегорько, сплюнул на пол плевком и пошел себе.

Только вышел за дверь, слышу кто-то топочет ножками.

Смотрю: Виктория Казимировна бежит, с плеч роняет трикотажный платочек.

Подбежала она ко мне, в руку впилась цапастенькими коготками, а сама и слова не может молвить. Только секундочка прошла, целует она меня прелестными губами в руку и сама такое:

— Низынько кланяюсь вам, Назар Ильич господин Синебрюхов... Простите меня такую-то, для ради бога, да только судьба у нас разная...

Хотел я было упасть тут же, хотел было сказать что-нибудь такое — да вспомнил все, перевозмог себя.

— Нету, — говорю, — тебе, полячка, прощения во веки веков.

ЧЕРТОВИНКА

Жизнь я свою не хаю. Жизнь у меня, прямо скажу, роскошная. Да только нельзя мне, заметьте, на одном засиженном месте сидеть да бороденку почесывать.

Все со мной чтой-то такое случается... Фантазии я своей не доверяю, но какая-то, может быть, чертовинка препятствует моей хорошей жизни.

С германской войны я, например, рассчитывал домой уволиться. Дома, думаю, полное хозяйство. Так нет, навалилось тут на меня, прямо скажу, за ни про что все-всякое. Тут и тюрьма, и сума, и пришлось даже мне, такому-то,

идти наниматься рабочим батраком к своему задушевному приятелю. И это, заметьте, при полном своем семейном хозяйстве.

Да-с.

При полном хозяйстве нет теперь у меня ни двора, ни даже куриного пера. Вот оно какое дело!

А случилось это вот как.

Из тюрьмы меня уволили, прямо скажу, нагишом. Из тюрьмы я вышел разутый и раздетый.

Ну, думаю, куда же мне такому-то голому идти — домой являться? Нужно мне обжиться в Питере.

Поступил я в городскую милицию. Служу месяц и два служу, состою все время в горе, только глядь-поглядь — нету двух лет со дня окончания германской кампании.

Ну, думаю, пора и ехать, где бы только разжиться деньжонками.

И вот вышла мне такая встреча.

Стою раз преспокойно на Урицкой площади, смотрю, какой-то прет на меня в суконном галифе.

— Узнаешь ли, — вспрашивает, — Назар Ильич господин Синебрюхов? Я, говорит, и есть твой задушевный приятель.

Смотрю: точно — личность знакомая. Вспоминаю: безусловно, задушевный приятель, — Утин фамилия.

Стали мы тут вспоминать кампанию, стали радоваться, а он, вижу, чего-то гордится, берет меня за руку.

— Хочешь, — говорит, — знать мою биографию? Я комиссар и занимаю вполне прелестный пост в советском имении.

— Что ж, — отвечаю, — дорогой мой приятель Утин, всякому свое, всякий, говорю, человек дает от себя какую-нибудь пользу. Ты же человек одаренный качествами, и я посейчас вспоминаю всякие твои исторические рассказы и переживания. И Пипина Короткого, говорю, помню. Спасибо тебе немалое!

А он вдруг мной восхитился.

— Хочешь, — говорит, — поедем ко мне, будем жить с тобой, в обнимку и по-приятельски.

— Спасибо, — говорю, — дорогой приятель Утин, рад бы, да нужно торопиться мне в родную свою деревеньку.

А он вынул откуда-то кожаный бумажник, отрыл десять косых.

— На, — говорит, — возьми, если на то пошло. Поезжай в родную свою деревню либо так истрать, — мне теперь все равно.

Взял я деньжонки и адрес взял.

«Что ж, — думаю, — и я ему немало сделал, а тут вполне прекрасный случай, — поеду теперь в деревню».

А это верно: на фронте я его всегда покрывал. Там, скажем, бой или разведка, я — прямо к ротному командиру. Так и так, отвечаю. Утина никак нельзя послать. Ну не дай бог, пуля его пристрелит, — человек он образованный и погибнет с ним большое знание.

И через меня устроили его на длинномер, — так он всю свою жизнь, всю то есть германскую кампанию и мерил шаги до германских окопчиков.

Так вот произошла такая с ним встреча, и вскоре после того собрался я и поехал в родные свои места.

И вот, запомнил, подхожу к своей деревеньке походным порядком, любуюсь каждой даже ветошкой, восторгаюсь, только смотрю — ползет навстречу поп.

«Ну, — думаю, — будет теперь беда-бедишка». А сам, безусловно, подхожу к нему.

— Вздравствуйте, — говорю, — батюшка отец Сергий! Вполне прелестный день.

Как шатнется он от меня в сторону.

— Ой-ё-ёй, — говорит, — взаправду ли это ты, Назар Ильич Синебрюхов, или мне это образ представляется?

Да, — говорю, — взаправду, батюшка отец Сергий, а что, говорю, случилось — ответьте мне, для ради бога.

— Да как же, — говорит, — что случилось? Я по тебе живому панихидки служу, и все мы почитаем тебя умершим покойником, а ты вон как... А супруга, говорит, твоя, можешь себе представить, живет даже в советском браке с Егор Иванычем.

— Ой-ё-ёй, — отвечаю, — что же вы со мной такоеча сделали!

Очень я растрогался, сам дрожу.

Ну, думаю, вот и беда-бедишка.

Ничего я попу больше не сказал и потрусил к дому.

Взбегаю в собственный, заметьте, домишко, смотрю — уже сидят двое: баба моя Матрена Васильевна Синебрюхова да Егор Иваныч. Чай кушают. Поклонился я низынько.

— Чай, — говорю, — вам да сахар! Что же тут такоеча приключилось, Егор Иваныч Клопов, не томите меня, для ради бога.

А сам не могу больше терпеть и по углам осматриваю свое добришко.

Вот, смотрю, спасибо, сундучок, вот и штаны мои любезные висят, и шинелька все на том же месте.

Только вдруг подходит ко мне Егор Иваныч, ручкой этак вот передо мной крутит.

— Ты, — говорит, — чужие предметы руками не тронь, а то, говорит, я сам за себя не отвечаю.

— Как же, — намекаю, — чужие предметы, Егор Иваныч, если это, безусловно, мои штаны? Вот тут даже, взгляните, химический подпис: Ен Синебрюхов.

А он:

— Нет тут твоих штанов и быть их не может, тут, — говорит, — все мое добришко пополам с Матреной Васильевной.

А сам берет Матрену Васильевну за локоток и за ручку, выводит ее, например, на середину.

— Вот, — говорит, — я, а вот — законная супруга моя, драгоценная Матрена Васильевна. И все, не сомневайтесь, по закону, и подпись Ленина.

Тут поклонилась мне Матрена Васильевна.

— Да, — отвечает, — воистинная все это правда. Идите себе с богом, Назар Ильич Синебрюхов, не мешайте, для ради бога постороннему счастью.

Очень я опять растрогался, вижу — все пошло прахом, и ударил я тут Егор Иваныча. И ударил, прямо скажу, не по злобе и не шибко ударил, а так, для ради собственного блезиру. А он, гадюка, упал нарочно навзничь. Ногами крутит и кровью блюет.

— Ой-ё-ёй, — кричит, — убийство!

Стали тут собираться мужички. И председатель тоже собрался. Фамилия — Рюха. Начали тут кричать, начали с полу Егор Иваныча поднимать...

А только смотрю — многие прямо-таки мной восхищаются, и за меня горой стоят, и даже подзюкивают в смысле Егор Иваныча.

— Побей, — подзюкивают, — Егор Иваныча, а мы, говорят, в общей куче еще придадим ему, и даже, может быть, нечаянно произойдет убийство.

Только замечаю: председатель Рюха перешептался с Егор Иванычем и ко мне подходит.

— Ты что ж это, — говорит, — нарушаешь тут беспорядки? Что ж ты, так твою так, выступаешь супротив Ленина? Контр твоя революция нам теперь вполне известна, и, даже если на то пошло, есть у меня свидетели.

Вижу — человек обижается, я ему тихеньким образом внедряю:

— Я, — говорю, — беспорядков не нарушаю. Ни отнюдь. Но, говорю, как же так, если это мое добришко, так имею же я право руками трогать? И штаны, говорю, мои, взгляните — химический подпис.

А он, гадюка, вынимает какую-нибудь там бумагу и читает.

— Нет, — говорит, — ничего тут не выйдет. Подпись Ленина. Лучше, говорит, ушел бы ты куда ни на есть. Сам посуди: суд да дело да уголовное следствие, — все это — год или два, а жрать-то тебе, безусловно, нужно. И к тому же, может быть, выяснится, что ты — трудовой дезертир.

И так он обернул все это дело, что поклонился я всем низынько.

— Ладно, — отвечаю, — уйду куда ни на есть. Прощайте, и бог вам свидетель! Только пусть ответит мне Матрена Васильевна, где же родной мой сын, мальчичек Игнаша?

А она, жаба, отвечает тихими устами:

— Сын ваш, мальчичек Игнаша, летось еще помер от испанской болезни.

Заскрипел я зубами, оглянулся на четыре угла — вижу все мое любезное висит, поклонился я в другой раз и вышел тихохонько.

Вышел я за деревню. Лес. Присел на пенек. Горюю. Только слышу кто-то трется у ноги.

И вижу: трется у ноги сучка небольшая, белая. Хвостиком она так и крутит, скулит, в очи мне смотрит и у ноги так и вьется.

Заплакал я прегорько, ласкаюсь к сучке.

— Куда же, — вспрашиваю, — нам с тобой, сучка, приткнуться?

А она как завоет тонехонько, как заскулит, как завьется задом, так пошла даже у меня сыпь по телу от неизвестного страха.

И вот тут я глянул на нее еще раз и задрожал.

«Откуда же, — думаю, — взяться тут сучке?»

Так вот подумал, вскочил быстренько и, безусловно, от нее ходу.

«Эге, — думаю, — это неспроста, это, может, и есть моя чертовинка во образе небольшой сучки».

Иду это я шибко, только смотрю — за мной катится.

Я за дерево схоронился, а она травинку нюх да нюх, понюхрила и, вижу, меня нашла, снова у ноги вьется и в очи смотрит. И такой на меня трепет напал, что закричал я голосом и побежал.

Только бегу по лесу — хрясь идет, а она за мной так скоком и скачет, так меня и достигает.

И сколько я бежал — не помню, только слышу будто внутренний голос просит: «Упань... упа-ань...»

Упал я тут наземь, зарылся головой в траву, и начался со мной кошемар. Ветер ли зашуршит поверху, либо ветошка обломится, — мне теперь все равно, мне все чудится, что достигает меня сучка, и вот-вот зубами взгрызется, и может быть, перекусит горло, и будет кровь сосать.

Так вот пролежал я час или, может быть, два, голову поднять не смею, и стал забываться.

Может быть, я тут заснул — не знаю, только утром встаю: трется у ноги сучка. А во мне будто страху никакого и нет и даже какой-то смех внутренний выступает.

Погладил я сучку по шерстке, сам, безусловно, еще остерегаюсь.

— Ну, — говорю, — нужно нам идти. Есть, говорю, у меня такой задушевный приятель Утин. К нему мы и пойдем. Будем с ним жить в обнимку и по-приятельски.

Так вот я сказал ей, будто у нас вчера ничего и не было. Встаю и иду тихонечко. Она, безусловно, за мной.

Прихожу, например, в одну деревню, расспрашиваю.

— Это, — говорят, — очень даже далеко, и идти туда нужно, может быть, пять ден.

— Ой-ё-ёй, — говорю, — что же мне такоеча делать? Дайте, говорю, мне, если на то пошло, полбуханки хлеба.

— Что ты, — говорят, — что ты, прохожий незнакомец, тут кругом все голодуют и сами возьмут, если дастишь.

Так вот не дали мне ничего, и в другой деревне тоже ничего не дали, и пошел я вовсе даже голодный с белой своей сучкой.

Да еще, не вспомню уж откуда, увязался за нами преогромный такой пес — кобель.

Так вот иду я сам-третий, голодую, а они, безусловно, нюх да нюх и найдут себе пропитание.

И так я голодовал в те дни, провал их возьми, что начал кушать всякую нечисть и блекоту и съел даже, запомнил, одну лягуху.

Теперь вот озолоти меня золотом — в рот не возьму, а тогда съел.

Было это, запомнил, к концу дороги. К вечеру я, например, очень ослаб, стал собирать грибки да ягодки, смотрю — скачет.

И вспомнил: говорил мне задушевный приятель, что лягух, безусловно, кушают, в иностранных державах, и даже вкусом они вкусней рябчиков. И будто сам он ел и похваливал.

Поймал я тогда лягуху, лапишки ей пообрывал. Кострик, может быть, разложил и на согретый камушек положил пекчись эти ножки.

А как стали они печеные, дал одну сучке, а та ничего — съела.

Стал и я кушать.

Вкуса в ней, прямо скажу, никакого, только во рту гадливость.

Может быть, ее нужно с солью кушать — не знаю, но только в рот ее больше не возьму.

Все-таки съел я ее, любезную. Поблевал малехонько. Заел еще грибками и побрел дальше.

И сколько я так шел — не помню, только дошел до нужного места.

Вспрашиваю:

— Здесь ли проживает задушевный приятель Утин.

— Да, — говорят, — безусловно, здесь проживает задушевный приятель Утин. Взойдите вот в этот домишко.

Взошел я в домишко, а сучка у меня, заметьте, в ногах так и вьется, и кобель сзади. И вот входит в зальце задушевный приятель и удивляется:

— Ты ли это, Назар Ильич товарищ Синебрюхов?

— Да, — говорю, — безусловно. А что, говорю, такоеча?

— Да нет, — говорит, — ничего. Я, говорит, тебя не гоню и супротив тебя ничего не имею, да только как же все это так?

Тогда я отвечаю ему гордо:

— Я, отвечаю, дорогой мой приятель Утин, вижу, что ты не рад, но я, говорю, пришел не в гости гостить и не в обнимку жить. Я, говорю, пришел в рабочие батраки наняться, потому что нету мне теперь ни кола, ни даже куриного пера.

Подумал это он.

— Ну, — говорит, — ладно. Лучше меня, это знай, человека нет! Я, говорит, каждому отец родной. Я, говорит, тебя чудным образом устрою. Становись ко мне рабочим по двору.

И вдруг, замечайте, всходит из боковой дверюшки старичок. Чистенький такой старикан. Блюза на нем голубенькая, подпоясок, безусловно, шелковый, а за подпояскам — платочек носовой. Чуть что — сморкается в него либо себе личико обтирает. А ножками так и семенит по полу, так, гадюка, и шуршит новыми полсапожками.

И вот подходит он ко мне.

— Я, — говорит, — рекомендуюсь: папаша Утин. Чего это ты, скажи пожалуйста, приперся с собаками? Я, говорит, имейте в виду, собак не люблю и терпеть их ненавижу. Они, мол, всюду гадят и кусаются.

А сам, смотрю, сучку мою все норовит ножкой своей толкануть.

И так он сразу мне не понравился, и сучке моей, вижу, не понравился, но отвечаю ему такое:

— Нет, говорю, старичок, ты не пугайся, они некусачие...

Только это я так сказал, сучка моя как заурчит, как прыгнет на старичка, как куснет его за левую ручку, так он тут и скосился.

Подбежали мы к старичку...

И вдруг, смотрю, исчезла моя сучка. Кобель, безусловно, тут, кобель, замечайте, не исчез, а сучки нету.

Люди после говорили, будто видели ее на дворе, да только не знаю, не думаю... Дело это совершенно темное и удивительное...

Так вот подошли мы к старичку. Позвали фершала.

Фершал ранку осмотрел.

— Да, — говорит, — это собачий укус небольшой сучки. Ранка небольшая. Маленькая ранка. Не спорю. Но, говорит, наука тут совершенно бессильна. Нужно везть старичка в Париж, — наверное сучка была бешеная.

Услышал это старичок, задрожал, увидел меня.

— Бейте, — закричал, — его! Это он подзюкал сучку, он на мою жизнь покусился. Ой-ё-ёй, говорит, умираю и завещаю вам перед смертью: гоните его отсюда.

«Ну, — думаю, — вот и беда-бедишка».

А подходит тут ко мне задушевный приятель Утин.

— Вот, — говорит, — бог, а вот тут — порог. Больше мы с тобой не приятели!

Взял я со стола ломоточек хлеба, поклонился на четыре угла и побрел тихохонько.

ГИБЛОЕ МЕСТО

Много таких же, как и не я, начиная с германской кампании, ходят по русской земле и не знают, к чему бы им такое приткнуться.

И верно. К чему приткнуться человеку, если каждый предмет, заметьте, свиное корыто даже, имеет свое назначение, а человеку этого назначения не указано.

А мне от этого даже жутко.

И таких людей видел я немало и презирать их не согласен. Такой человек — мне лучший друг и дорогой мой приятель.

Конечно, есть такие гиблые места, где и другие тоже ходят. Страшные. Но такого страшного жулика я сразу вижу. Взгляну и вижу, какой он есть человек.

Я их даже, гадюк, по походке, может быть, отличу, по самомалейшей черточке увижу.

Я вот, запомнил, встретил такого человека. О нем мне и посейчас жутковато вспоминать.

Я в лесу его встретил.

Так вот, представьте себе — пенек, а так — он сидит. Сидит и на меня глядит.

А я иду, знаете ли, смело и его будто и не примечаю.

А он вдруг мне и говорит:

— Ты, — говорит, — это что?

Я ему и отвечаю:

— Вы, — говорю, — не пугайтесь, иду я, между прочим, в какую-нибудь там деревню на хлебородное местечко в рабочие батраки.

— Ну, — говорит, — и дурак (это про меня то есть). Зачем же ты идешь в рабочие батраки, коли я, может быть, желаю тебя осчастливить? Ты, говорит, сразу мне приглянулся наружной внешностью, и беру я тебя в свои компаньоны. Привалило тебе немалое счастье.

Тут я к нему подсел.

— Да что ты? — отвечаю. — Мне бы, говорю, милый ты мой приятель, вполне бы неплохо сапожонками раздобыться.

— Гм, — говорит, — сапожонками... Дивья тоже. Тут, говорит, вопрос является побольше. Тут вопрос очень даже большой.

И сам чудно как-то хихикает, глазом мне мигун мигает и все говорит довольно хитрыми выражениями.

И смотрю я на него: мужик он здоровенный и высокущий, и волосы у него, заметьте, так отовсюду и лезут, прямо-таки лесной человек. И ручка у него тоже... Правая ручка вполне обыкновенная, а на левой ручке пальцев нет.

— Это что ж, — вспрашиваю, — приятель, на войне пострадал, в смысле пальцев-то?

— Да нет, — мигает, — зачем на войне? Это, говорит, дельце было. Уголовно-политическое дельце. Бякнули меня топором по случаю.

— А каков же, — вспрашиваю, — не обидьтесь только, случай-то?

— А случай, — говорит, — вполне простой: не клади лапы на чужой стол, коль топор вострый.

Тут я на него еще раз взглянул и увидел, что он за человек. А после немножко оробел и говорю:

— Нет, говорю, милый ты мой приятель. Мне с тобой не по пути. Курс у нас с тобой разный. Я, говорю, не согласен идти на уголовно-политическое дело, имейте это в виду.

Так вот ему рассказал это, встал и пошел. А он мне и кричит:

— Ну и выходит, что ты дурак и старая сука (это на меня то есть). Пошел, проваливай, покуда целый.

Я, безусловно, за березку да за сосну и теку.

И вот, запомнил, пришел в деревню, выбрал хату наибогатенькую. Зашел.

Жил-был там мужик Егор Саввич. И такой, знаете ли, прелестный говорун мужик этот, Егор Саввич, что удивительно даже подумать. Усадил он меня, например, к столу, хлебцем попотчевал.

— Да, — отвечает, — это можно. Я возьму тебя в работники. Пожалуйста. Что другое — не знаю, может быть, ну а это — сделайте ваше великое удовольствие — могу. Делов тут хоть и не много, да зато мне будет кое с кем словечком переткнуться. А то баба моя — совсем глупая дура. Ей бы все пить да жрать да про жизнь на картишках гадать. Можете себе представить. Только, говорит, приятный ты мой, по совести тебе скажу, место у нас тут гиблое. Народу тут множество многое до смерти испорчено. Босячки всякие так и ходят под флагом бандитизма. Поп вот тоже тут потонул добровольно, а летом, например, матку моей бабы убили по случаю. Тут, приятный ты мой, места вполне гиблые. Смерть так и ходит, косьем помахивает.

Так вот поговорили мы с ним до вечера, а вечером баба его кушать подает.

Припал я тут к горяченькому, а он, Егор Саввич, так и говорит, так и поет про разные там дела-делишки, и все клонит разговор на самые жуткие вещи и приключения, и сам дрожит и пугается.

Рассказал он мне тогда, запомнил, случай, как бабку Василису убили. Как бабка Василиса на корячках у помойной кучи присела, а он, убийца, так в нее и лепит из шпалера и все, знаете ли, мимо. Раз только попал, а после все мимо.

А дельце это такое было.

Пришли к ним, например, два человека и за стол без слова сели. А бабка Василиса покойница — яд была бабка. Может быть, матка у ней была из полячишек.

Ладно. Бабка Василиса видит, что смело они так сели, и к ним.

— Вы, — говорит, — кто ж такие будете, красные, может быть, или, наверное, белые?

Что они такое ответили — я не слышал, я, скажу по правде, за квасом в тот момент вышел.

Но только прихожу — бабка Василиса очень даже яростно с ними грызется и в голос орет. А один такой беловатый из себя уставился на нее, как козел на воду, и после хвать ее за руку без объяснения причин и потащил ко двору.

Да-с, вот каков был случай.

Я тогда Егор Саввича, запомнил, даже побранил по-всякому.

— Чего ж это ты, — побранил, — за бабку-то не вступился? Явление это вполне недопустимое.

А он:

— Да, — говорит, — недопустимое, сознаю, но, — говорит, — если б она мне родная была матка, то — да, то я, я очень вспыльчивый человек, я, может быть, зубами бы его загрыз, ну, а тут не родная она мне матка, — бабы моей матка. Сам посуди, зачем мне на рожон было лезть?

Спорить я с ним не стал, меня ко сну начало клонить, а он так весь и горит и все растравляет себя на страшное.

— Хочешь, — говорит, — я тебе еще про попа расскажу? Очень, говорит, это замечательное явление из жизни.

— Что ж, — отвечаю, — говори, если на то пошло. Ты, говорю, теперь хозяин.

Начал он тут про попа рассказывать, как поп потонул.

— Жил-был, — говорит, — поп Иван, и можете себе представить...

Говорит это он, а я слышу — стучит ктой-то в дверь и голос-бас войти просит.

И вот, представьте себе, всходит этот самый беспалый, с хозяином здоровается и мне все мигун мигает.

— Допустите, — говорит, — переночевать. Ночка, говорит, темная, я боюся. А человек я богатый.

И сам, жаба, кихикает.

А Егор Саввич так в мыслях своих и порхает.

— Пусть, — говорит, — пусть. Я ему про попа тоже расскажу. Жил-был, говорит, поп и, можете себе представить, ночью у него завыла собака.

А я взглянул в это время на беспалого, — ухмыляется, гадюка. И сам вынимает серебряный портсигарчик и папироску закуривает.

«Ну, — думаю, — вор и сибиряк. Не иначе как кого распотрошил. Ишь ты какую вещь стибрил».

А вещь — вполне роскошный барский портсигар. На нем, знаете ли, запомнил, букашка какая-нибудь, свинка...

Оробел я снова и говорю для внутренней бодрости:

— Да, — говорю, — это ты, Егор Саввич, например, про собаку верно. Это неправда, что смерть — старуха с косой. Смерть — маленькое и мохнатенькое, катится и кихикает. Человеку она незрима, а собака, например, ее видит, и кошка видит. Собака, как увидит — мордой в землю уткнется и воет, а кошка — та фырчит, и шерстка у ней дыбком становится. А я вот, говорю, такой человек, смерти хотя и не увижу, но убийцу замечу издали, и вора, например, тоже.

И при этих моих словах на беспалого взглянул.

Только я взглянул, а на дворе:

— У... у...

Как завоет собака, так мы тут и зажались.

Смерти я не боюсь, смерть мне очень даже хорошо известна по военным делам, ну а Егор Саввич — человек гражданский, частный человек.

Егор Саввич как услышал «у... у...», так посерел весь, будто лунатик, заметался, припал к моему плечику.

— Ох, — говорит, — как вы хотите, а это, безусловно, на мой счет. Ох, говорит, моя это очередь. Не спорьте.

Смотрю — и беспалая жаба сидит в испуге. Егора Саввича я утешаю, а беспалая жаба такое:

— С чего бы, — говорит, — тут смерти-то ходить? Давате, говорит, лягем спать поскореича. Завтра-то мне (замечайте) чуть свет вставать.

«Ох, — думаю, — хитрый мужик, сволочь такая, и как красноречиво выказывает свое намеренье. Ты только ему засни, а он тиликнет тебя, может быть, топориком и — баста, чуть свет уйдет. Нет, думаю, не буду ему спать, не такой я еще человек темный».

Ладно. Пес, безусловно, заглох, а мы разлеглись кто куда, а я, запомнил, на полу приткнулся.

И не знаю уж как вышло, может, что горяченького через меру покушал, — задремал.

И вот представилась мне во сне такая картина.

Сидим мы будто у стола, как и раньше, и вдруг катится, замечаем, по полу темненькое и мохнатенькое. Докатилось оно до Егора Саввича и — прыг ему на колени, а беспалый нахально хохочет. И вдруг слышим мы ижехерувимское пение, и деточка будто такая маленькая в голеньком виде всходит, и передо мной во фронт становится, и честь мне делает ручкой.

А я будто оробел и говорю:

— Чего, говорю, тебе, невинненькая деточка нужно? Ответьте мне, для ради бога.

А она будто нахмурилась, невинненьким пальчиком указует на беспалого.

Тут я и проснулся. Проснулся и дрожу. Сон, думаю, в руку. Так я об этом и знал. Дошел я тихоньким образом до Егор Саввича, сам шатаюсь.

— Что, — вспрашиваю, — жив ли, говорю?

— Жив, — говорит, — а что такоеча?

— Ну, — говорю, — обними меня, я твой спаситель, буди мужиков, вязать нужно беспалого сибирского преступника.

Разбудили мы мужиков, стали вязать беспалого, а он, гадюка, представляется, что не в курсе дела.

Ну, слово за слово, улики я против него собрал, портсигарчик тоже нашел, а он перешептался, может быть, с мужичками, подкупил их, наверно, и вышло тут дельце совершенно темное. Сами же мужички на меня насели.

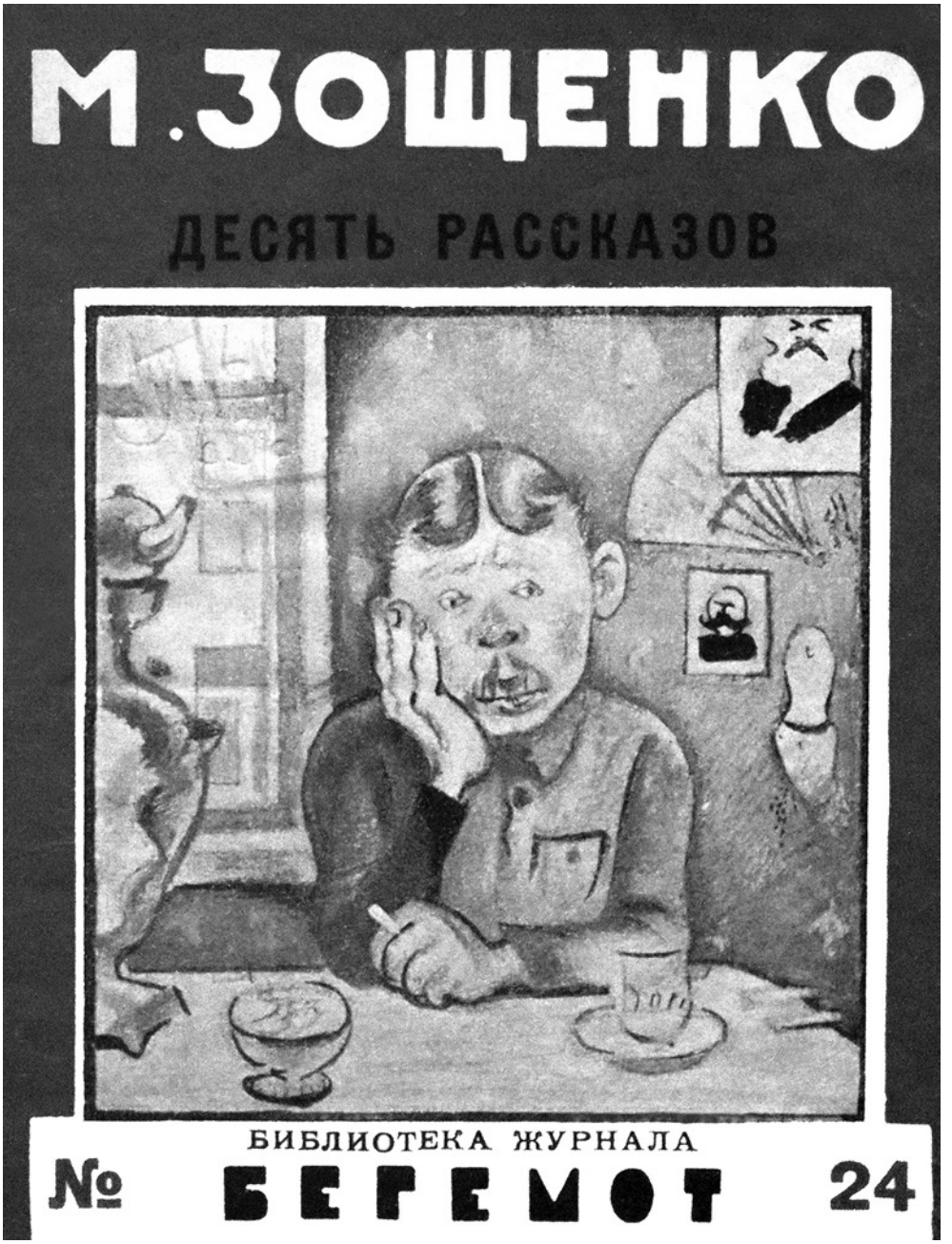
— Ступай, — говорят, — лучше из нашей губернии. Ты, говорят, только людей смущаешь, сучье мясо. Этот беспалый человек — это вполне прелестный человек. Заграничный продавец. Он для нас же, дураков, дело делает — спиртишко из-за границы носит.

— Ну, — говорю, — драться — вы не деритесь. Вы есть темные людишки, и обижаться мне на вас нечего. Обольстила вас беспалая жаба, ну да мне видение мое сонное вполне дороже.

Собрал я свое барахлишко и пошел.

А очень тут рыдал Егор Саввич. Проводил он меня верст аж за двадцать от гиблого места и все рассказывал разные разности.

Десять рассказов
(1926)



БЫВАЕТ

Ванюшка-то Леденцов работу получил. Истинная правда. В тресте теперь работает.

И кто бы мог подумать! У человека то есть ни протекции, ни особых знакомств или ячеек — ничего такого не было. И вот поди ж ты! Работает.

А говорят, что всюду кумовство и протекции и чужому человеку будто внедриться куда-нибудь трудно. Ай врут!

У Ванюшки Леденцова во всем то есть тресте ни единого знакомого человечка не было. Не только, скажем, какого-нибудь крупного ответственного знакомого, а вообще никого не было. Был один беспартийный грузчик, да и тот поденный. А много ли может сделать поденный грузчик?

А пришел Ванюшка Леденцов раз однажды к этому грузчику. Поставил ему пару пива и говорит:

— Вот что, друг! Протекций у меня, сам знаешь, нету, в ячейках я не состою — подсоби по возможности.

Грузчик говорит:

— Навряд ли, милый человек, подсобить смогу. Неможно ведь так, тяпляп, без протекции. Сам понимаешь.

Но так складно все случилось. В прошлом годе грузчик мебель перевозил трестовскому бухгалтеру.

— Так и так, — говорит, — уважаемый товарищ бухгалтер. Мебель я вам в свое время перевозил. Ничего такого не сломал, исключая одной ножки и умывальника. Ткните куда ни на есть Ванюшку Леденцова. Протекции у него, у подлеца, нету. Ничего такого нету. В ячейках не состоит. Ну прямо парень гибнет без протекции.

Бухгалтер говорит:

— Навряд ли, милый человек, можно без протекции. Прямо, говорит, не могу тебе обещать.

Но такая тут Ванюшке удача подошла. Планета такая ему, подлецу, выпала.

На завтра, например, приходит бухгалтер к коммерческому директору, подкладывает ему бумажонку для подписи и говорит:

— Знаете, товарищ директор, нынче без протекции прямо гроб.

— А что? — спрашивает директор.

— Да так, — говорит бухгалтер, — есть тут, мотается один парнишка без протекции, так не может никуда ткнуться. А и нам-то навряд ли можно его пихнуть.

— Да уж, — говорит директор, — без знакомства как его, дьявола, пихнешь. Худо ему без протекции.

А тут директор-распорядитель входит.

— Об чем, — говорит, — речь?

— Да вот, — говорят, — товарищ директор-распорядитель, парнишка тут есть один. Леденцов фамилия, никакой протекции у него, у подлеца, нету, не может никуда ткнуться, все мотается.

Директор-распорядитель говорит:

— Ну, пущай к нам придет. Посмотрим. Нельзя же, граждане, все по знакомству да по знакомству. Надо же человечка и без протекции уважить.

Так и уважили.

А говорят — всюду кумовство и протекции. Вот бывает же...

РЕЖИМ ЭКОНОМИИ

Как в других городах проходит режим экономии, я, товарищи, не знаю.

А вот в городе Борисове этот режим очень выгодно обернулся.

За одну короткую зиму в одном только нашем учреждении семь сажен еловых дров сэкономлено. Худо ли!

Десять лет такой экономии — это десять кубов все-таки. А за сто лет очень свободно три барки сэкономить можно. Через тысячу лет вообще дровами торговать можно будет.

И об чем только народ раньше думал? Отчего такой выгодный режим раньше в обиход не вводил? Вот обидно-то!

А начался у нас этот самый режим еще с осени.

Заведующий у нас — свой парень. Про все с нами советуется и говорит как с родными. Папироски даже, сукин сын, стреляет.

Так приходит как-то этот заведующий и объявляет:

— Ну вот, ребятишки, началось... Подтянитесь. Экономьте чего-нибудь там такое...

А как и чего экономить — неизвестно. Стали мы разговаривать, чего экономить. Бухгалтеру, что ли, черту седому, не заплатить, или еще как.

Заведующий говорит:

— Бухгалтеру, ребятишки, не заплатишь, так он, черт седой, живо в охрану смотается. Этого нельзя будет. Надо еще чего-нибудь придумать.

Тут, спасибо, наша уборщица Нюша женский вопрос на рассмотрение вносит:

— Раз, — говорит, — такое международное положение и вообще труба, то, говорит, можно, для примеру, уборную не отапливать. Чего там зря поленья перегонять? Не в гостиной!

— Верно, — говорим, — нехай уборная в холоде постоит. Сажен семь сэкономим, может быть. А что прохладно будет, так это отнюдь не худо. По морозцу-то публика задерживаться не будет. От этого даже производительность может актуально повыситься.

Так и сделали. Бросили топить — стали экономию подсчитывать.

Действительно, семь сажен сэкономили. Стали восьмую экономить, да тут весна ударила.

Вот обидно-то!

«Если б, — думаем, — не чертова весна, еще бы полкуба сэкономили».

Подкузьмила, одним словом, нас весна. Ну да и семь сажен, спасибо, на полу не валяются.

А что труба там какая-то от морозу оказалась лопнувши, так эта труба, выяснилось, еще при царском режиме была поставлена. Такие трубы вообще с корнем выдергивать надо.

Да оно до осени очень свободно без трубы обойдемся. А осенью какую-нибудь дешевенькую поставим. Не в гостиной!

ПРИСКОРБНЫЙ СЛУЧАЙ

Как хотите, товарищи, а Николаю Ивановичу я очень сочувствую.

Пострадал этот милый человек на все шесть гривен, и ничего такого особенно выдающегося за эти деньги не видел.

Только что характер у него оказался мягкий и уступчивый. Другой бы на его месте все кино, может, разбросал и публику из залы выкурил. Потому шесть гривен ежедневно на полу не валяются. Понимать надо.

А в субботу голубчик наш, Николай Иванович, немножко, конечно, выпил. После получки.

А был этот человек в высшей степени сознательный. Другой бы выпивший человек начал бузить и расстраиваться, а Николай Иванович чинно и благородно прошелся по проспекту. Спел что-то там такое.

Вдруг глядит — перед ним кино.

Дай, думает, все равно зайду в кино. Человек, думает, я культурный, полуинтеллигентный, чего мне зря по панелям в пьяном виде трепаться и прохожих задевать? Дай, думает, я ленту в пьяном виде посмотрю. Никогда ничего подобного не видел.

Купил он за свои пречистые билет. И сел в переднем ряду.

Сел в переднем ряду и чинно-благородно смотрит.

Только, может, посмотрел он одну надпись, вдруг в Ригу поехал. Потому очень тепло в зале, публика дышит и темнота на психику благоприятно действует.

Поехал в Ригу наш Николай Иванович, все чинно-благородно — никого не трогает, экран руками не хватает, лампочек не выкручивает, а сидит себе и тихонько в Ригу едет.

Вдруг стала трезвая публика выражать недовольствие по поводу, значит, Риги.

— Могли бы, — говорят, — товарищ, для этой цели в фойе пройтись, только, говорят, смотрящих драму отвлекаете на другие идеи.

Николай Иванович — человек культурный, сознательный — не стал, конечно, зря спорить и горячиться. А встал себе и пошел тихонько.

Чего, думает, с трезвыми связываться? От них скандалу не оберешься.

Пошел он к выходу. Обращается в кассу.

— Только что, — говорит, — дамочка, куплен у вас билет, прошу вернуть назад деньги. Потому как не могу картину глядеть — меня в темноте развозит.

Кассирша говорит:

— Деньги мы назад выдать не можем, ежели вас развозит — идите тихонько спать.

Поднялся тут шум и перебранка. Другой бы на месте Николая Иваныча за волосья бы выволок кассиршу из кассы и вернул бы свои пречистые. А Николай Иванович, человек тихий и культурный, только, может, раз и пихнул кассиршу:

— Ты, — говорит, — пойми, зараза, не смотрел я еще на твою ленту. Отдай, говорит, мои пречистые.

И все так чинно-благородно, без скандалу, — просит вообще вернуть свои же деньги. Тут заведующий прибегает.

— Мы, — говорит, — деньги назад не вертаем — раз, говорит, взято, будьте любезны досмотреть ленту.

Другой бы на месте Николая Ивановича плюнул бы в зава и пошел бы досматривать за свои пречистые. А Николай Иванычу очень грустно стало насчет денег, начал он горячо объясняться и обратно в Ригу поехал.

Тут, конечно, схватили Николая Ивановича как собаку, поволокли в милицию. До утра продержали. А утром взяли с него трешку штрафу и выпустили.

Очень мне теперь жалко Николая Ивановича. Такой, знаете, прискорбный случай: человек, можно сказать, и ленты не глядел, только что за билет

подержался — и пожалуйста, гоните за это мелкое удовольствие три шесть гривен. И за что, спрашивается, три шесть гривен?

КИНОДРАМА

Театр я не хаю. Но кино все-таки лучше. Оно выгодней театра. Раздеваться, например, не надо — гривенники от этого все время экономишь. Бриться опять же необязательно — в потемках личности не видать.

В кино только в самую залу входить худо. Трудновато входить. Свободно могут затискать до смерти.

А так все остальное очень благородно. Легко смотрится.

В именины моей супруги поперли мы с ней кинодраму глядеть.

Купили билеты. Начали ждать.

А народу многонько скопившись. И все у дверей мнутся.

Вдруг открывается дверь и барышня говорит: «Валяйте».

В первую минуту началась небольшая давка. Потому каждому охота поинтересней место занять.

Ринулся народ к дверям. А в дверях образовавшись пробка.

Задние поднажимают, а передние никуда не могут.

А меня вдруг стиснуло, как севрюгу, и понесло вправо.

Батюшки, думаю, дверь бы не расшибить.

— Граждане, — кричу, — легче, за ради бога. Двери, говорю, человеком расколоть можно.

А тут такая струя образовавшись — прут без удержу. А сзади еще военный на меня некультурно нажимает. Прямо, сукин сын, сверлит в спину. Я этого черта военного ногой лягаю.

— Оставьте, — говорю, — гражданин, свои арапские штучки.

Вдруг меня чуть приподняло и об дверь мордой.

Так, думаю, двери уж начали публикой крошить. Хотел я от этих дверей отойти. Начал башкой дорогу пробивать. Не пущают.

А тут вижу, штанами за дверную ручку зацепился. Карманом.

— Граждане, — кричу, — да полегче же, караул! Человека за ручку зацепило.

Мне кричат:

— Отцепляйтесь, товарищ! Задние тоже хочут!

А как отцеплять, ежели волокет без удержу и вообще рукой не двинуть.

— Да стойте же, — кричу, — черти! Погодите штаны-то сымать. Дозвольте же прежде человеку с ручки сняться. Начисто материал рвется.

Разве слушают? Прут...

— Барышня, — говорю, — отвернитесь хоть вы-то, за ради бога. Совершенно то есть из штанов вынимают против воли.

А барышня сама стоит посиневши и хрипит уже. И вообще смотреть не интересуется.

Вдруг, спасибо, опять легче понесло.

Либо с ручки, думаю, снялся, либо из штанов вынули.

А тут сразу пошире проход обнаружился.

Вздохнул я свободнее. Огляделся. Штаны, глянул, тут. А одна штанина ручкой на две половинки разодрана и при ходьбе полощется парусом.

Вон, думаю, как зрителей раздевают.

Пошел в таком виде супругу искать. Гляжу, забили ее в самый то есть оркестр. Сидит там и выходить пугается.

Тут, спасибо, свет погасили. Начали ленту пущать.

А какая это была лента — прямо затрудняюсь сказать. Я все время штаны зашпиливал. Одна булавка, спасибо, у супруги моей нашлась. Да еще какая-то добродушная дама четыре булавки со своего белья сняла. Еще веревочку я на полу нашел. Полсеанса искал.

Подвязал, подшпилил, а тут, спасибо, и драма кончилась. Пошли домой.

НА ПОСТУ

Очень худая профессия у врачей. Главное — пациент нынче пошел довольно грубоватый. Не стесняется. Чуть что не понял — драться лезет или вообще убивает врача каким-нибудь предметом.

А врач, может, человек интеллигентный, не любит, может, чтобы его убивали. От этого, может, он нервничает.

А только у нас в приемном покое привычки такой нет, чтобы врачей убивать. У нас, может, с начала революции бессменно на посту один врач стоит. Ни разу его не убили.

Фельдшера действительно раз отвозили по морде, а врача пальцем не тронули. Он за ширмой был спрятавшись.

А что один раз нашего врача шибко напугали, так в этом порока нету. Это случайно произошло. Да к тому же врач у нас вообще был довольно пугливый интеллигент. Бывало, пациента трубкой ковырнет и отбежит в сторонку этак шагов на сорок. И оттуда разговаривает. Довольно осторожный был интеллигент.

А когда Григорий Иванович Веревкин явился на прием, так врач уже был насторожившись нервно.

А приперся Григорий Иванович на прием по срочному делу. Надо ему было то есть до полного зарезу в отпуск ехать. В деревню. Батька его требовал.

Вот он приперся, разоблачился и стоит перед врачом в чем мама родила. И думает: «Хорошо бы, думает, этого интеллигента недельки на две опутать».

А врач, конечно, ковырнул его трубкой по брюху и отбежал за шкафик. И оттуда мямлит:

— Нету, — мол, — объективных болезней. Одевайтесь.

А Григорий Иванович расстроился и говорит ему с сердцем:

— Ты, говорит, дядя, хорошо меня слушай, а не ковыряй зря трубкой. Я, говорит, и сам ковырнуть могу.

Врач, конечно, расстроился и снова стал слушать. После отошел за шкафик и говорит:

— Ей-богу, говорит, вот вам крест — ничего такого нету. Одевайтесь.

Стал Григорий Иванович одеваться. Одевается.

И конечно, у Григория Ивановича, у голубчика и в мыслях не было врача, например, убить или фельдшера аукнуть. А просто-напросто расстроился человек, что отпуск у него рухнул. И в расстройстве чувств даже сплюнул в сторону. Даже руку в карман сунул, хотел платок достать — высморкаться для полного успокоения.

И только он руку в карман сунул — крики.

Врач, конечно, кричит: убивают. Фельдшер махает рукой, народ кличет.

Тут прибежал народ, схватил Григория Ивановича Веревкина, держит.

Веревкин говорит:

— Да что вы, братцы-сестрицы, очумели, что ли?

А фельдшер, зараза, отвечает:

— Он руку сейчас в карман сунул, хотел, может, нас, обоих медиков, зараз трахнуть.

Стали Григория Ивановича обыскивать, а только ничего такого, кроме махорки, не нашли.

А что про платок Григорий Иванович говорил, будто он хотел в платок интеллигентно высморкаться, то врет. Платка у него тоже не нашли.

Небось, просто так он сунул руку в карман.

А в этот момент и закричали.

Только напрасно закричали. У нас вообще привычки нет врачей убивать. Пущай живут. Жалко что ли?

КУЗНИЦА ЗДОРОВЬЯ

Крым — это форменная жемчужина. Оттуда народ приезжает — только диву даешься. То есть поедет туда какой-нибудь дряхлый интеллигентишка, а назад приезжает — и не узнать его. Карточку раздуло. И вообще масса бодрости, миросозерцания.

Одним словом, Крым — это определенно кузница здоровья.

С нашего двора поехал в Крым такой товарищ, Серега Пестриков.

Личность эта была форменно расхлябанная. Которые знали Серегу раньше, все подтвердят. То есть никакого в нем не было горения и миросозерцания.

Другие граждане в дому все-таки по праздникам веселятся. В горелки играют, пьют, в козла дуются. Вообще живут от полного сердца. Потому здоровые, черти.

А этот мракобес с работы, например, вернется, ляжет брюхом на свой подоконник и в книгу уткнется. Погулять даже не пойдет. Скелет у него, видите ли, ходить не может, растрясся за день.

И уж конечно, не пьет, не курит, женским персоналом не интересуется. Одним словом, лежит на своем окне и догнивает.

Вот какой это был нездоровый человек!

Родственники видят — неладно с парнем. Стали насчет Крыма хлопотать. А то сам не может. Схлопотали.

Поломался, поломался парень, но поехал.

Полтора месяца его там держали. Купали и в ногу какую-то дрянь вспрыскивали.

Наконец вернулся. Приехал.

Это ахнуть можно было от удивленья. Морда, конечно, черная. Лопнуть хочет. Глаза горят. Волосья дыбом стоят. И вся меланхолия пропала.

Раньше, бывало, этот человек мухи не тронет. А тут не успел приехать, в первый же день дворнику Федору морду набил. Зачем за сараем недоглядел — дрова раскрали.

Управдома тоже хотел за какую-то там мелочь застрелить из нагана. Жильцов всех раскидал, которые заступались.

Ну, видим, не узнать парня. Совершенно поправился. Починили человека. Отремонтировали капитально.

Пить даже начал от полноты здоровья. Девицу ни одну мимо себя не пропускал. Скандалов сколько с ним было — не сосчитать.

Крым — это форменная жемчужина, как человека обновляет!

Одно худо — хотят Серегу Пестрикова со службы снять. Потому прогуливать начал. Великая вещь это здоровье!

БЕШЕНСТВО

Натерпелись мы вчера страху. То есть форменный испуг на себе испытали.

Может, член правления Лапушкин до сих пор сидит у себя на квартире, трясется. А он зря не станет трястись. Я его знаю.

А главное, все эти дни были, сами знаете, какие жаркие. Не только, скажем, крупное животное — клоп и тот может по такой жаре взбеситься, если, конечно, его на солнцепеке подержать.

А тут еще в газетах сообщают: по двадцать шесть животных ежедневно бесятся.

Тут действительно сдрейфишь.

А мы, для примеру, у ворот стояли. Разговаривали.

Стоим у ворот, разговариваем насчет бешенства и вдруг видим — по нашей стороне, задрав хвост, собака дует.

Конечно, она довольно спокойно бежит. По виду нипочем не скажешь, что она бешеная. Хвостишко у ней торчит, и слюны пока не видать. Только что рот у ней подозрительно закрыт и глаза открыты.

В таком виде и бежит.

Добегла она до члена правления. Член правления, конечно, ее палкой.

Ляпнул ее по башке палкой. Видим — собака форменно бешеная. Хвост у ней после удара обмяк, книзу висит. И вообще начала она на нас кидаться. Хотя слюны пока не показывает.

Начала она кидаться, а дворник Володин не растерялся, вооружился камушком и тяпнул ее по башке.

Тяпнул ее по башке. Глядим — все признаки налицо. Рот раскрыт. Слюна вышибает. Хвост колбасой. И вообще накидывается.

Член правления кричит:

— Спасайся, робя! Бешеная...

Бросились мы кто куда. А дворник Володин в свисток начал свистеть.

Тут кругом на улице рев поднялся. Крики. Суматоха. Тут постовой бежит. Револьверы вынимает.

— Где тут, — кричит, — ребятишки, бешеная собака? Сейчас мы ее уконтрапупим!

Поднялась тут стрельба. Член правления из окон своей квартиры командует, куда стрелять и куда прохожим бежать.

Вскоре, конечно, застрелили собачку.

Только ее застрелили, вдруг хозяин ее бежит. Он в подвале сидел, спасался от выстрелов.

— Да что вы, — говорит, — черти, нормальных собак кончаете? Совершенно, говорит, нормальную собаку уконтрапупили.

— Брось, — говорим, — братишка! Какая нормальная, если она кидается.

А он говорит:

— Трех нормальных собак у меня в короткое время прикончили. Это же, — говорит, — прямо немыслимо! Нет ли, говорит, в таком случае свободной квартирки в вашем доме?

— Нету, — говорим, — дядя.

А он взял свою жучку на плечи и пошел. Вот чудак-то!

РАЧИС

На днях поперли со службы старого почтового спеца, товарища Крылышкина.

Тридцать лет принимал человек иностранные телеграммки и записывал их в особую книжицу. Тридцать лет служил человек по мере своих сил и возможностей. И вот нате вам! Подкопались под него враги, сковырнули с насиженного места и вытряхнули со службы за незнание иностранных языков.

Оно, действительно, товарищ Крылышкин этих иностранных языков не знал. Насчет языков, как говорится, ни в зуб толкнуть. Но между прочим, почтовое дело и иностранцы от этого факта ни капельки не страдали.

А бывало, как придет какая-нибудь телеграмма с иностранным названием, так товарищ Крылышкин, нимало не растерявшись, идет до какого-нибудь столика, до какой-нибудь там девицы, до какой-нибудь Веры Ивановны.

— Вера, — говорит, — Ивановна, да что ж это такое? Совершенно, говорит, слабею глазами. Будьте, говорит, добры — чего тут наляпано?

Ну, она ему говорит: из Лондона, например. Он возьмет и запишет.

Или принесет телеграммку до какого-нибудь интеллигентного работника.

— Ну, — говорит, — и почерки же нынче пошли! Куры, говорит, и те лучше ногами чиркают. Нуте-ка, погадайте, чего тут обозначено? Нипочем не угадаете.

Ну, скажут ему: из какого-нибудь Мюнхена.

— Правильно, — скажет, — а я думал, только спецы угадывать могут.

А другой раз, когда спешка, товарищ Крылышкин прямо к публике обращался:

— Тс-с-с-с... молодой человек, подойдите-ка до окошечка, поглядите-ка — чего тут нацарапано? У нас промежду служащих острый спор идет. Одни говорят то, другие это.

Тридцать лет сидел на своем посту герой труда, товарищ Крылышкин, и вот, нате вам, вытряхнули!

А влип Петр Антонович Крылышкин по ничтожному поводу. Можно сказать, несчастный случай произошел. Немного не так записал он название города, откуда пришла телеграмма. А пришла телеграмма из города Парижа. И было на ней обозначено по-французски: «Paris». Петр Антонович, от чистого сердца, возьми и подмахни — из города Рачиса.

После-то Петр Антонович говорил:

— Сбился, милый. Главное, название мне показалось чересчур русским — Рачис. И на старуху бывает проруха.

Тем не менее взяли Петра Антоновича Крылышкина и вытряхнули.

А очень мне его жалко! Ну куда теперь денется старый специалист по иностранным языкам? Пущай бы досиживал!

СИЛЬНОЕ СРЕДСТВО

Говорят, против алкоголя наилучше действует искусство. Театр, например, карусель. Или какая-нибудь студия с музыкой.

Все это, говорят, отвлекает человека от выпивки с закуской. И действительно, граждане, взять, для примеру, хотя бы нашего слесаря, Петра Антоновича Коленкорова. Человек пропадал буквально и персонально. И вообще жил, как последняя курица.

По будням после работы ел и жрал. А по праздникам и по воскресным дням напивался Петр Антонович до крайности. Беспредельно напивался.

И в пьяном виде дрался, вола вертел. И вообще пьяные эксцессы устраивал. И домой лежа возвращался.

И уж, конечно, за всю неделю никакой культработы не нес этот Петр Антонович. Разве что в субботу в баньку сходит, пополощется. Вот вам и вся культработа.

Родные Петра Антоновича от такого поведения сильно расстраивались. Стращали даже.

— Петр, — говорят, — Антонович! Человек вы квалифицированный, не первой свежести, ну мало ли, в пьяном виде трюхнетесь об тумбу — разобьетесь же! Пейте несколько полегче. Сделайте такое семейное одолжение.

Не слушает. Пьет по-прежнему и веселится.

Наконец нашелся один добродушный человек с месткома. Он, знаете ли, так и сказал Петру Антоновичу:

— Петр, — говорит, — Антонович, отвлекайтесь, я вам говорю, от алкоголю. Ну, говорит, попробуйте заместо того в театр ходить по воскресным дням. Прошу вас честью и билет вам дарма предлагаю.

Петр Антонович говорит:

— Ежели, говорит, дарма, то попробовать можно, отчего же? От этого, говорит, не разорюсь, ежели то есть дарма.

Упросили, одним словом.

Пошел Петр Антонович в театр. Понравилось. До того понравилось — уходить не хотел. Театр уже, знаете, окончился, а он, голубчик, все сидит и сидит.

— Куда же, — говорит, — я теперя пойду на ночь глядя? Небось, — говорит, — все портерные закрыты уж. Ишь, говорит, дьяволы, в какое предприятие втравили.

Однако поломался, поломался и пошел домой. И трезвый, знаете ли, пошел. То есть ни в одном глазу.

На другое воскресенье опять пошел. На третье — сам в местком за билетом сбегал.

И что вы думаете? Увлекся человек театром. То есть первым театралом в районе стал. Как завидит театральную афишку, — дрожит весь. Пить бросил по воскресеньям. По субботам стал пить. А баню перенес на четверг.

А последнюю субботу, находясь под мухой, разбился Петр Антонович об тумбу и в воскресенье в театр не пошел. Это было единственный раз за весь сезон, когда Петр Антонович пропустил спектакль. К следующему воскресенью, небось, поправится и пойдет. Потому — захватило человека искусство. Понесло.

МОНАСТЫРЬ

В святых я, братцы мои, давненько не верю. Еще до революции. А что до бога, то в бога перестал я верить с монастыря. Как побывал в монастыре, так и закаялся.

Конечно, все это верно, что говорят про монастыри, — такие же монахи люди, как и мы прочие: и женки у них имеются, и выпить они не дураки, и повеселиться, но только не в этом сила. Это давно известно.

А вот случилась в монастыре одна история. После этой истории не могу я спокойно глядеть на верующих людей. Пустяки ихняя вера.

А случилась это, братцы мои, в Новодеевском монастыре.

Был монастырь богатый. И богатство свое набрал с посетителей. Посетители жертвовали. Бывало, осенью как понапрут всякие верующие, как

начнут лепты вносить — чертям тошно. Один вносит за спасение души, другой за спасение плавающих и утопающих, третий так себе вносит — с жиру бесится.

Многие вносили — принимай только. И принимали. Будьте покойны.

Ну а конечно, который внесет — норовит уж за свои денежки пожить при монастыре и почетом попользоваться. Да норовит не просто пожить, а охота ему, видите ли, к святой жизни прикоснуться. Требует и келью отдельную, и службу, и молебны.

Ублаготворяли их. Иначе нельзя.

А только осенью келий этих никак не хватало всем желающим. Уж простых монахов вытесняли на время по сараям, и то было тесно.

А сначала было удивительно — с чего бы это народ сюда прет? Что за невидаль? Потом выяснилось: была тут и природа богатая, климат, и, кроме того, имелась приманка для верующих.

Жили в монастыре два монаха-молчальника, один столпник и еще один чудачок. Чудачок этот мух глотал. И не то, чтобы живых мух, а настойку из мух пил натощак. Так сказать, унижал себя и подавлял свою плоть.

Бывало, с утра пораньше народ соберется вокруг его сарайчика и ждет. А он, монах то есть, выйдет к народу, помолится, поклонится в пояс и велит выносить чашку. Вынесут ему чашку с настойкой, а он снова поклонится народу и начнет пить эту гнусь.

Ну, народ, конечно, плюется, давится, которые слабые дамы блюют и с ног падают, а он, сукин кот, вылакает гнусь до дна, не поморщится, перевернет чашку, дескать, пустая, поклонится и к себе. Только его и видели до другого дня.

Один раз пытались верующие словить его, дескать, ненастоящая это настойка из мух. Но только верно — честь-честью. Монах сам показал, удостоверил и сказал народу:

— Что я, бога, что ли, буду обманывать?

После этого слава пошла о нем большая.

А что до других монахов — были они не так интересны. Ну, хотя бы молчальники. Ну, молчат и молчат. Эка невидаль! Столпник тоже пустяки. Стоит на камне и думает, что святой. Пустяки!

Был еще один такой — с гирькой на ноге ходил. Этот нравился народу. Одобряли его. Смешил он верующих. Но только долго он не проходил — запил, гирьку продал и ушел восвояси.

А все это, конечно, привлекало народ. Любопытно было. Оттого и шли сюда. А шли важные люди. Были тут и фоны, и бароны, и прочая публика.

Но из всех самый почетный и богатый гость был московский купчик, Владимир Иванович.

Много денег он всадил в монастырь. Каялся человек. Грехи замаливал.

— Я, — говорил он про себя, — всю жизнь грешил, ну а теперь пятый год очищаюсь.

А старенький это был человек! Бороденка была у него совсем белая. И на первый взгляд он был похож на святого Кирилла или Мефодия. Чего такому-то не каяться?

А приезжал он в монастырь часто.

Бывало, приедет, остановит коляску версты за три и прет пешком.

Придет вспотевший, поклонится братии, заплачет. А его под ручки. Пот с него сотрут, и водят вокруг, и шепчут на ухо всякие пустяки.

Ну, отогреется, проживет недельку, отдарится и снова в город. А там опять в монастырь. И опять кается.

А каялся он прямо на народе. Как услышит монастырский хор — заплачет, забьется: «Ах я такой! Ах я этакий!»

Очень на него хор действовал. Жалел только старик, что не дамский это монастырь.

— Жаль, — говорил, — что не дамский, а то я очень обожаю самое тонкое пение сопран.

Так вот, был Владимир Иванович самый почетный гость. А от этого все и случилось.

Продавалось рядом с монастырем имение. Имение дворянское. «Дубки». Имение удобное — земли рядом. Вот игумен и разгорелся на него. Монахи тоже.

Стал игумен вместе с экономом мозгами раскидывать — как бы им подобрать к своим рукам. Да никак. Хоть и денег тьма, да купить нельзя. По закону не показано. По закону мог монастырь землю получить только в дар.

Вот игумен и придумал механику. Придумал он устроить это дело через Владимир Иваныча. Посетитель почтенный, седой — купит и подарит после. Только и делов.

Ну, так и сделали.

А купчик долго отнекивался.

— Нет, — говорил, — куда мне! От мирских дел я давно отошел, мозги у меня не на то самое направлены, а на очищение и на раскаяние — не могу, простите.

Но уломали. Мраморную доску обещали приклепать на стене с заглавием купчика. Согласился купчик.

И вот дали ему семьдесят тысяч рублей золотом, отслужили молебствие с водосвятием и отправили покупать.

Покупал он долго. Неделю. И приехал назад в монастырь вспотевший и вроде как не в себе. Приехал утром. С экипажа не слез, к игумену не пошел, а велел только выносить свои вещи из кельи.

Ну, а монахи, конечно, сбежались — увидели. И игумен вышел.

— Здравствуйте, — говорит. — Сходите.

— Здравствуйте, — говорит. — Не могу.

— Отчего же, — спрашивает, — не можете? Не больны ли? Как, дескать, ваше самочувствие и все такое?

— Ничего, — говорит Владимир Иванович, — спасибо. Я, говорит, приехал попрощаться да вещички кой-какие забытые взять. А сойти с экипажа не могу — ужасно тороплюсь и вообще.

— А вы, — говорит игумен, — через не могу. Какого черта! Нужно нам про дело говорить. Купили?

— Купил, — отвечает купчик, — обязательно купил. Такое богатое имение не купить грешно, отец настоятель.

— Ну, и что же? — спрашивает игумен. — Оформить надо... Дар-то...

— Да нет, — отвечает купчик. — Я, говорит, раздумал. Я, говорит, не подарю вам это имение. Разве мыслимо разбрасываться таким добром? Что вы?

Чего тут и было после этих слов — невозможно рассказать. Игумен, конечно, ошалел, нос у него сразу заложило — ни чихнуть, ни сморкнуться не может. А эконом — мужчина грузный — освирепел, нагнулся к земле и за неимением под рукой камня схватил гвоздь этакий длинный, барочный, и бросился на Владимир Иваныча. Но не заколол — удержали. Владимир Иванович побледнел, откинулся в экипаже.

— Пущай, — говорит, — пропадают оставленные вещи.

И велел погонять.

И уехал. Только его и видели.

Говорили после, будто он примкнул к другому монастырю, в другой монастырь начал жертвовать, но насколько верно — никто не знает.

А история эта даром не прошла. Которые верующие монахи стали расходиться из монастыря. Первым ушел молчальник.

— Ну, — говорит, — вас к чертям собачьим!

Плюнул и пошел, хотя его и удерживали.

А засим ушел я. Меня не удерживали.

Мелочи жизни
(1927)

МЕЛКОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

Вчера с нашим дачным поездом недоразумение стряслось.

Подъезжаем, знаете, до Ленинграду, вдруг — стоп, остановка. Приехали. Не доезжая четыре версты, около какой-то там будки.

Остановка резкая. Народ не то чтобы с места попадал, но испугался. Которые даже хотели в окна кидаться. Потому всего ожидать можно в связи с текущими английскими событиями. А дачный поезд долго ли сковырнуть.

Бросился народ к окнам. Начал глядеть, чего там произошло. Вдруг видят, ничего такого не произошло. Но видят — машинист кроет стрелочника.

Стрелочник стоит на своем трудовом посту. Одной ногой нажимает стрелку. В другой руке флажок держит.

Машинист орет с паровоза:

— Гляди, каким флагом махаешь-то, козлиная голова?

Стрелочник говорит:

— Обыкновенно каким — зеленым. Если худо видишь — очки возьми в руку.

Машинист говорит:

— Тьфу на тебя вместе с флагом. Это же невозможно цвет разобрать. Я думал это красный — ехать нельзя.

Поглядел народ на флаг. Действительно, флажок мутный. И до того он грязный, что за двадцать шагов нет возможности разобрать: или он красный или зеленый.

Машинист расстраивается:

— Зря, — говорит, — машину остановил. Пополощи хоть без мыла свое орудие производства, благо, невдалеке река протекает. Ишь, на ем грязи сколько!

Стрелочник говорит:

— Смешные слова говоришь. Ему нечего чистым быть. За него ежедневно руками браться приходится.

Тут народ начал советовать:

— Ты бы, дядя, заместо флага лопух сорвал бы. И лопухом бы помахивал. За тыщу шагов зеленый цвет разобрать можно.

Стрелочник говорит:

— Да ну вас всех в болото! Вот пристали-то. Поезжайте с богом. Мне чай пить пора.

Тут оскорбленный народ побранился еще слегка со стрелочником и велел машинисту дальше ехать.

Машинист плюнул на стрелочника и пошел. Опоздания не было. Последние три версты машинист поднажал.

А в самом деле! Почему бы в летнее время лопухом не махать? Чисто и безобидно. И ближе к природе. И небольшую экономию соблюсти можно.

Подумайте!

ИГРА ПРИРОДЫ

Конечно, не всем жить в столицах. Некоторые, например, людишки запросто живут на станции Рыбацкий поселок.

Удобств на этой станции, конечно, поменьше будет, чем в столице. Там, скажем, проспектов нету. А вышел со станции и при по шпалам. А не хочешь по шпалам — сиди всю жизнь на вокзале.

Один наш знакомый, коренной житель Рыбацкого поселка, не выдержал однажды и пошел прогуляться. А дело было еще весной.

Так вышел он с вокзала и идет по шпалам. Весной было дело. В апреле. Перед самой Пасхой.

Идет он по шпалам. А дорога, сами знаете какая, — шпалы. А тут еще весенняя слякоть, лужи. В сторону сойти, прямо скажем, нехорошо — утонуть можно. Потому весна. Природа тает. Распускается.

Так вот, идет наш знакомый вдоль линии. Идет и о чем-то размечтался. А дело, я говорю, весной было. После Пасхи. В конце апреля. Птички порхают. Чириканье такое раздается. Воздух этакий сумасшедший.

Вот идет, знаете, наш знакомый и думает, дескать, птичкам-то хорошо сверху чирикать, а пусти птичку по шпалам, небось, заглохнет.

Так вот он подумал и в эту минуту оступился в сторону. А дело, надо сказать, еще весной было. На Пасху. Мокро.

Оступился он в сторону и попал ногой в яму. И окунулся по колено в воду. Вынул ногу наш знакомый. Побледнел.

«Хорошо еще, — думает, — что я без барышни иду. А нуте, пусти меня с барышней — срамота. Нога, сволочь, мокрая. Капает. Подштанники развязались. Штрипки висят. Сапоги второй год не чищены. Морда жуткая. Срамота».

Очень рассердился наш знакомый.

«Ах, так! — думает. — Колдобины с водой? На путях государственного строительства. Пущай, значит, шпалы гниют? И народ пущай окунается? Так и запишем».

Пришел наш знакомый домой. Разулся. И, разувшись, стал писать.

И написал небольшую обличительную заметку. И послал ее в «Красную газету». Дескать, проходя и так далее, окунулся на путях строительства, и, может быть, гниют шпалы...

Эта заметка была напечатана в конце апреля.

Вот тут-то и развернулись главные события со всей ужасной быстротой.

Пока заметку эту читали, да пока в правлении обсуждали, да пока комиссию снаряжали — прошло четырнадцать лет.

Оно, конечно, прошло меньше. Но время сейчас бурное, переходное. Каждый день за год сосчитать можно.

Одним словом, в начале июня комиссия выехала на станцию Рыбацкий поселок обследовать пути.

Приехали. Видят — явная ложь. Никакой воды. Напротив того — пыльно. Жара. И сухо, как в Сахаре.

Горько так комиссия про себя усмехнулась — дескать, до чего складно врут люди, и отбыла.

В начале июля появилось в газете опровержение. Дескать, явная ложь и выдумка. И вообще, дескать, никакой воды на станции не оказалось. Даже в графине.

А в правлении и сейчас думают, что наш знакомый наврал.

Пущай думают. В правоте жить легче.

ГРОБ

(Из повестей Белкина)

Девяносто лет назад убили на дуэли Александра Сергеевича Пушкина.

Вся Россия, можно сказать, горюет и слезы льет в эту прискорбную годовщину. Но между прочим, больше всех горюет и убивается Иван Федорович Головкин.

Этот милый человек при одном только слове — Пушкин — ужасно вздрагивает и глядит в пространство.

И как же ему, братцы, не глядеть в пространство, если обнаружилась такая, можно сказать, печальная, теневая сторона жизни гениального поэта.

Мы, конечно, начнем нашу повесть издалека, чтобы не оскорбить память знаменитого гения. Начнем примерно с 1921 года. Тогда будет все наглядней.

В 1921 году, в декабре месяце, приехал из армии в родной свой городок Иван Федорович Головкин.

А тут как раз нэп начался. Оживление. Булки стали выпекать. Торговлишка завязалась. Жизнь, одним словом, ключом забила.

А наш приятель Головкин, несмотря на это, ходит по городу безуспешно. Помещения не имеет. И спит по субботам у знакомых. На собачьей подстилке. В передней комнате.

Ну и, конечно, через это настроен скептически.

— Нэп, — говорит, — это форменная утопия. Полгода, — говорит, — не могу помещения отыскать.

В 1923 году Головкин все-таки словчился и нашел помещение. Или он въездные заплатил, или вообще фортуна к нему обернулась, но только нашел.

Комната миленькая. Два окна. Пол, конечно. Потолок. Это все есть. Ничего против не скажешь.

А очень любовно устроился там Головкин. На шпалеры разорился — оклеил. Гвозди куда надо приколотил, чтоб уютней выглядело. И живет, как падишах.

А время, конечно, идет. Вот уже восемьдесят седьмая годовщина ударяет со дня смерти нашего дорогого поэта Пушкина. Потом восемьдесят восьмая.

На восемьдесят девятой годовщине разговоры, конечно, поднялись в квартире. Пушкин, дескать. Писатель. Жил, дескать, в свое время в этом помещении. Осчастливил, дескать, жилплощадь своим нестерпимым гением. Не худо бы в силу этого какую ни на есть досточку приклепать с полным обозначением в назидание потомству.

Иван Федорович Головкин тоже сдуру участие принял в этой дощечке, на свою голову.

Только вдруг в квартире ропот происходит. Дамы мечутся. Кастрюльки чистят. Углы подметают.

Комиссия приходит из пяти человек. Помещение осматривает.

Увидела комиссия разную домашнюю требуху в квартире — кастрюли и пиджаки — и горько так вздохнула.

— Тут, — говорит, — когда-то Александр Сергеевич Пушкин жил. А тут наряду с этим форменное безобразие наблюдается. Вон метла стоит. Вон брюки висят — подтяжки по стене развеваются. Ведь это же прямо оскорбительно для памяти гения!

Ну одним словом, через три недели выселили всех жильцов из этого помещения.

Головкин, это верно, очень ругался. Крыл. Выражал свое особое мнение открыто, не боясь никаких последствий.

— Что ж, говорит, это такое? Ну пущай он гений. Ну пущай стишки сочинил: «Птичка прыгает на ветке». Но зачем же средних людей выселять? Это же утопия, если всех жильцов выселять.

Хотел Головкин в Пушкинский заповедник поехать — ругаться, но после занялся подыскиванием помещения.

Он и сейчас еще ищет. Осунулся, поседел. Требовательный такой стал. Все расспрашивает, кто да кто раньше жил в этом помещении. И не жил ли здесь, оборони создатель, Демьян Бедный или Мейерхольд. А если жил, то он, Головкин, и даром не возьмет такого помещения.

А это верно: как это некоторые крупные гении легкомысленно поступают — мотаются с квартиры на квартиру, переезжают. А после такие печальные результаты.

Да вот недалеко ходить, в наше время наш знакомый поэт Митя Цензор, Дмитрий Михайлович. Да он за последний год не менее семи комнат сменил. Все, знаете, никак не может ужиться. За неплатеж.

А ведь может, он, черт его знает, гений!

Ох, и обложат же его лет через пятьдесят за эти семь комнат.

Единственно, может быть, кризис несколько ослабнет к тому времени. Одна надежда.

ДУШЕВНАЯ ПРОСТОТА

Может, помните — негры к нам приезжали. В прошлом году. Негритянская негрооперетта.

Так эти негры очень даже довольны остались нашим гостеприимством. Очень хвалили нашу культуру и вообще все начинания.

Единственно были недовольны уличным движением.

— Прямо, — говорят, — ходить трудно: пихаются и на ноги наступают.

Но конечно, эти самые негры избалованы европейской цивилизацией, и им, действительно, как бы сказать, с непривычки. А поживут год-два, обтешутся и сами будут шлепать по ногам. Факт.

А на ноги у нас, действительно, наступают. Ничего не скажешь. Есть грех.

Но только это происходит, пущай негры знают, по простоте душевной. Тут, я вам скажу, злого умысла нету. Наступил и пошел дальше. Только и делов.

Вот давеча я сам наступил на ногу одному гражданину. Идет, представьте себе, гражданин по улице. Плечистый такой, здоровый парень.

Идет и идет. А я сзаду его иду. А он впереди идет. Всего на один шаг от меня.

И так мы, знаете, мило идем. Аккуратно. Друг другу на ноги не наступаем. Руками не швыряемся. Он идет. И я иду. И прямо, можно сказать, не трогаем друг друга. Одним словом, душа в душу идем. Сердце радуется.

Я еще подумал: «Славно идет прохожий. Ровно. Не лягается. Другой бы под ногами путался, а этот спокойно ноги кладет».

И вдруг, не помню, я на какого-то нищего засмотрелся. Или, может быть, на извозчика.

Засмотрелся я на нищего и со всего маху моему переднему гражданину на ногу наступил. На пятку. И повыше.

И наступил, надо сказать, форменно. Со всей возможной силой.

И даже я замер тогда в испуге.

Остановился.

Даже от волнения «извините» не сказал.

Думаю: развернется сейчас этот милый человек и влепит в ухо. Ходи, дескать, прилично, баранья голова.

Замер, я, говорю, в испуге, приготовился понести должное наказание, и вдруг ничего.

Идет этот милый гражданин дальше и даже не посмотрел на меня. Даже башки не обернул. Даже, я говорю, ногой не тряхнул.

Так и прошел как миленький.

Я же говорю. У нас это бывает.

Но тут душевная простота. Злобы нету. Ты наступил, тебе наступили — валяй дальше.

Чего там. Какие могут быть разговоры.

А этот милый человек так, ей-богу, и не обернулся.

Я долго шел за ним. Все ждал — вот обернется и посмотрит строго. Нет. Прошел. Не заметил.

КАТОРГА

То есть каторжный труд — велосипеды теперь иметь. Действительно верно, громадное через них удовольствие, физическое развлечение и все такое. На собак, опять же, можно наехать. Или куренка попугать.

Но только, несмотря на это, от велосипеда я отказываюсь. Я тяжко захворал через свою машину, через свой этот аппарат.

Я надорвался. И теперь лечусь амбулаторно. Грыжа у меня открылась. Я теперь, может быть, инвалид. Собственная машина меня уела.

Действительно, положение такое — на две минуты машину невозможно без себя оставить — упрут. Ну, и приходилось в силу этого машину на себе носить в свободное от катанья время. На плечах.

Бывало, в магазин с машиной заходишь — публику за прилавок колесьями загоняешь. Или к знакомым в разные этажи поднимаешься. По делам. Или к родственникам.

Да и у родственников тоже сидишь — за руль держишься. Мало ли какое настроение у родственников. Я не знаю. В чужую личность не влезешь.

Отвертят заднее колесо или внутреннюю шину вынут. А после скажут: так и было.

В общем, тяжело приходилось.

Неизвестно даже, кто на ком больше ездил. Я на велосипеде или он на мне.

Конечно, некоторые довоенные велосипедисты пробовали оставлять на улице велосипеды. Замыкали на все запоры. Однако не достигало — угоняли.

Ну и приходилось считаться с мировоззрением остальных граждан. Приходилось носить машину на себе.

Конечно, человеку со здоровой психикой не составляет труда понести на себе машину. Но тут обстоятельства для меня сложились неаккуратно.

А понадобился мне в срочном порядке целковый. На пропой души.

«Надо, — думаю, — где-нибудь забодать».

Благо машина есть — сел и поехал. Заехал к одному приятелю — дома нету. Заехал к другому — денег дома нету, а приятель дома.

А один приятель хотя проживает в третьем этаже, зато другой в седьмом. Туда и назад с машиной смотался — и язык высунул.

После того поехал к родственнице. На Симбирскую улицу. К родной тетке.

А она, зануда, на шестом этаже живет.

Поднялся со своим аппаратом на шестой этаж. Смотрю, на дверях записка. Дескать, приду через полчаса.

«Шляется, — думаю, — старая кочерыжка».

Ужасно я расстроился и сгоряча вниз сошел. Мне бы с машиной наверху обождать, а я сошел от расстройства чувств. Стал внизу тетку ждать.

Вскоре она приходит и обижается на меня, зачем я с ней наверх идти не хочу.

— У меня, — говорит, — с собою около гривенника. Остальные деньги на квартире.

Взял я машину на плечо, пошел за теткой. И чувствую, икота поднимается и язык наружу вылезает. Однако дошел. Получил деньги сполна. Пошамал для подкрепления организма. Накачал шину и вниз сошел.

Только дошел донизу — гляжу, парадная дверь закрыта. У них в семь часов закрывается.

Ничего я тогда не сказал, только ужасно заскрипел зубами, надел на себя велосипед и стал опять подниматься. Сколько времени я поднимался — не помню. Шел прямо как сквозь сон.

Начала меня тетка выпущать с черного хода. Сама, зануда, смеется.

— Ты бы, — говорит, — машину наверху оставлял, если внизу боишься.

После перестала смеяться — видит, ужасная бледность разлилась по моему лицу. А я, действительно, держусь за руль и качаюсь.

Однако вышел на улицу. Но ехать от слабости не мог. А теперь обнаружились последствия — хвораю через эту каторгу.

Утешаюсь только тем, что мотоциклистам еще хуже. Вот, небось, переживают!

И хорошо еще, что у нас небоскребов не удосужились построить. Сколько бы народу полегло!

ЗАЛЕЧИЛСЯ

Лично я, братцы мои, к врачам хожу очень редко.

То есть в самых крайних, необходимых случаях. Ну, скажем, возвратный тиф или с лестницы ссыпался.

Тогда, действительно, обращаюсь за медицинской помощью. А так я не любитель лечиться. Природа, по-моему, сама органы регулирует. Ей видней.

Конечно, я иду не против медицины. Эта профессия, я бы сказал, тоже необходимая в общем механизме государственного строительства. Но особенно увлекаться медициной, я скажу, нехорошо.

А таких любителей медицины как раз сейчас много.

Тоже вот, мой приятель Сашка Егоров. Форменно залечился. А хороший был человек. Развитой, полуинтеллигентный, не дурак выпить. И вот пятый год лечится.

А сначала у него ничего такого особенного и не было. А просто был худощавый субъект. Ну, сами знаете — во время голода жрали худо, ну и обдергался человек. И начал лечиться.

Начал лечиться. Стал поправляться.

Поправляется и поправляется. И через два года до того его разнесло, что собственные дети начали пугаться его излишней полноты и выраженья глаз.

А выраженье было обыкновенно какое — испуганное. Все-таки испугался человек, что его так разносит. Хотел было прекратить леченье, да видит: поздно. Видит: надо от ожиренья лечиться.

Начал лечиться от ожиренья.

Доктор говорит:

— Ожирение — главная причина вашей неподвижной жизни. Или наоборот. Побольше, — говорит, — ходите взад и вперед, может быть, от этого факта похудеете.

Начал ходить мой приятель. Ходит и ходит, как сукин сын. Целый день ходит, а к вечеру до того у него аппетит разыгрывается — удержу нет. И сон такой отличный стал — прямо беда. Одним словом, опять прибавил человек за короткое время больше пуда. И стал теперь весить пудов девять.

Врач говорит:

— Нету, — говорит, — вам ходить вредно. Остановитесь, наверное, ездить нужно. Поезжайте на курорт.

Теперь мой приятель собирается поехать на курорт. Или в Ессентуки, или в Боржом. Я не знаю. Одним словом, рассчитывает, что польза будет.

Я, со своей стороны, тоже рассчитываю, что курорт принесет ему пользу. Постоит человек за железнодорожным билетом ночки две, потреплется за справками да за получением денег — спустит как миленький пуда два, если не больше.

Да оно и понятно. Тут будет, можно сказать, непосредственное воздействие природы на человеческий организм.

ГРИМАСА НЭПА

На праздники я обыкновенно в Лугу езжу. Там, говорят, воздух очень превосходный — сосновый и еловый. Против бронхита хорошо помогает. Врачи так говорят. Я не знаю. Не думаю.

Главное, что в Лугу ездить — сущее наказание. Народу больно много. Пихаются. На колени садятся без разрешения. Корзинки и тючки на головы ставят. Не только бронхит — скарлатину получить можно.

Прошлый раз по пути из Луги на какой-то станции, несмотря на форменное переполнение, в вагон еще какой-то тип влазит. Нестарый еще. С усиками. Довольно франтовато одетый. В русских сапогах. И с ним — старуха. Такая обыкновенная старуха с двумя тюками и с корзинкой.

Собственно, сначала эта старуха в вагон влезла со своим багажом. А за ней уж этот тип со своими усиками.

Старуха, значит, впереди идет — пробивается сквозь публику, а он за ней небрежной походкой. И все командует ей:

— Неси, — кричит, — ровней корзинку-то. Просыпешь чего-то там такое... Становь теперича ее под лавку! Засупонивай, я говорю, ее под лавку. Ах, чертова голова! Узел-то не клади гражданам на колени. Клади временно на головы... Обожди, сейчас я подниму его на верхнюю полку. Фу ты, я говорю, дьявол какой!

Только видят пассажиры — действия гражданина ненастоящие — форменное нарушение уголовного кодекса труда. Одним словом, пассажиры видят: нарушена норма в отношении старослужащего человека.

Некоторые начали вслух выражать свое неудовольствие, дескать, не пора ли одернуть, если он зарвался и кричит и командует одной прислугой. Где ж это возможно одной старухе узлы на головы ложить? Это же форменная гримаса нэпа.

Около окна просто брожение среди публики началось.

— Это, — говорят, — эксплоатация трудящихся! Нельзя же так кричать и командовать на глазах у публики. Это унижает ейное старушечье достоинство.

Вдруг один наиболее из всех нервный гражданин подходит до этого, который с усиками, и берет его прямо за грудки.

— Это, — говорит, — невозможно допущать такие действия. Это издевательство над несвободной личностью. Это форменная гримаса нэпа.

То есть, когда этого нового взяли за грудки, он побледнел и откинулся. И только потом начал возражать.

— Позвольте, — говорит, — может быть, никакой гримасы нету? Может быть, это я с моей мамашей в город Ленинград еду? Довольно, — говорит, — оскорбительно слушать подобные слова о нарушении кодекса.

Тут среди публики некоторое замешательство произошло. Некоторый конфуз: дескать, вмешались не в свои семейные дела. Прямо неловко. Оказывается, это всего-навсего мамаша.

Наиболее нервный человек, не сразу конечно, сдался.

— А пес, — говорит, — ее разберет! На ней афиши не наклеено — мамаша или папаша. Тогда объявлять надо при входе.

Но после сел у своего окна и говорит:

— Извиняюсь все-таки. Мы не знали, что это ваша преподобная мамаша. Мы подумали как раз, знаете, другое. Мол, это, подумали, домашняя прислуга. Тогда извиняемся.

До самого Ленинграда который с усиками оскорблялся задним числом за нанесенные ему обиды.

— Это, — говорит, — проехаться не дадут — сразу беруть за грудки. Затрагивают, у которых, может быть, билеты есть? Положите, мамаша, ногу на узел — унести могуть... Какие такие нашлись особенные... А может, я сам с 17-го года живу в Ленинграде.

Другие пассажиры сидели молча и избегали взгляда этого оскорбленного человека.

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ВОСТОРГ

Хочется рассказать про одного начальника. Очень уж глубокоинтересная личность.

Оно, конечно, жалко — не помню, в каком городе эта личность существует. В свое время читал об этом начальнике небольшую заметку в харьковской газете. А насчет города — позабыл. Память дырявая.

Ну да это не суть важно. Пущай население само разбирается в своих героях. Небось, узнают — фамилия Дрожкин.

Так вот, извольте видеть, было это в небольшом городе. Даже, по совести говоря, не в городе, а в местечке.

И было это в воскресенье.

Представьте себе — весна, весеннее солнышко играет. Природа, так сказать, пробуждается. Травка, возможно что, зеленеть начинает.

Население, конечно, высыпало на улицу. Панели шлифует.

И тут же среди населения гуляет собственной персоной помощник начальника местной милиции тов. Дрожкин. С супругой. Прелестный ситцевый туалет. Шляпка. Зонтичек. Галоши.

И гуляют они ну прямо как простые смертные. Не гнушаются. Прямо, так и прут под ручку по общему тротуару.

Доперли они до угла бывшей Казначейской улицы. Вдруг стоп. Среди, можно сказать, общего переходного тротуара свинья мотается. Такая довольно крупная свинья, пудов, может быть, на семь.

И пес ее знает, откуда она забрела. Но факт, что забрела и явно нарушает общественный беспорядок.

А тут, как на грех, — товарищ Дрожкин с супругой.

Господи, твоя воля! Да может, товарищу Дрожкину неприятно на свинью глядеть? Может, ему во внеслужебное время охота на какую-нибудь благородную часть природы поглядеть? А тут свинья. Господи, твоя воля, какие неосторожные поступки со стороны свиньи! И кто такую дрянь выпустил наружу? Это же прямо невозможно!

А главное — товарищ Дрожкин вспыльчивый был. Он сразу вскипел.

— Это, — кричит, — чья свинья? Будьте любезны ее ликвидировать.

Прохожие, известно, растерялись. Молчат. Начальник говорит:

— Это что ж делается средь бела дня! Свиньи прохожих затирают. Шагу не дают шагнуть. Вот я ее сейчас из револьверу тяпну.

Вынимает, конечно, тов. Дрожкин револьвер. Тут среди местной публики замешательство происходит. Некоторые более опытные прохожие, с большим, так сказать, военным стажем, в сторону сиганули в рассуждении пули.

Только хотел начальник свинку угробить — жена вмешалась. Супруга.

— Петя, — говорит, — не надо ее из револьверу бить. Сейчас, может быть, она под ворота удалится.

Муж говорит:

— Не твое гражданское дело. Замри на короткое время. Не вмешивайся в действия милиции.

В это время из-под ворот такая небольшая старушка выплывает. Выплывает такая небольшая старушка и что-то ищет.

— Ахти, — говорит, — господи! Да вот он где, мой кабан. Не надо его, товарищ начальник, из пистолета пужать. Сейчас я его уберу.

Товарищ Дрожкин обратно вспылил. Может, ему хотелось на природу любоваться, а тут, извиняюсь, неуклюжая старуха со свиньей.

— Ага, — говорит, — твоя свинья! Вот я ее сейчас из револьверу трахну. А тебя в отделение отправлю. Будешь свиней распущать.

Тут опять жена вмешалась.

— Петя, — говорит, — пойдем, за ради бога. Опоздаем же на обед.

И конечно, по глупости своей супруга за рукав потянула — дескать, пойдем.

Ужасно побледнел начальник милиции.

— Ах так, — говорит, — вмешиваться в действия и в распоряжения милиции! За рукава хватать! Вот я тебя сейчас арестую.

Свистнул тов. Дрожкин постового.

— Взять, — говорит, — эту гражданку. Отправить в отделение. Вмешивалась в действия милиции.

Взял постовой неосторожную супругу за руку и повел в отделение. Народ безмолвствовал.

А сколько жена просидела в милиции и каковы были последствия семейной неурядицы — нам неизвестно.

КОЛПАК

У нас в коммунальной квартире в передней колпак разбился. На электрической лампочке.

Один из жильцов, сукин сын, явился домой под мухой и начал что-то со столиком делать, играть, что ли. Подкидывать, что ли, начал. И сбил колпак. Хороший такой был, плоский матовый колпачок.

А после, не желая платить за этот колпак, съехал с квартиры.

Целый год жильцы собирали деньги на колпак. И когда собрали, то единогласно поручили мне приобрести эту вещицу.

Вчера я пошел покупать. А знаете, как нынче покупать? Горе!

Зашел в один магазин — нету колпаков.

Зашел в другой — есть колпаки, но уличные. Со столбами...

В третьем магазине работник прилавка подает мне небольшой, как будто подходящий колпак, но усталым голосом заявляет, что этот колпак взят с выставки, с витрины, и потому не продается.

В пятом магазине сказали:

— На что вам, товарищ, колпак? Купите выключатель. Или вот эту люстру. В крайнем случае на ней можно повеситься...

В седьмом заведывающий сердито махнул на меня рукой, когда я проник в магазин, и сказал, что сегодня продажи не производится по случаю переучета украденных вещей за текущий месяц.

Девятый и десятый магазины были закрыты по случаю годового учета.

В тринадцатом магазине произошел такой исторический разговор.

Я говорю:

— Нет ли у вас...

Заведывающий уныло высморкался в рукав и сказал:

— Нету...

— Позвольте, — говорю, — я же еще не сказал, что мне нужно.

— Да нету, — сказал заведывающий. — Ну что вы, в самом деле, — маленький, что ли!

Тогда, не заходя в четырнадцатый магазин, я отправился прямо в древтрест и купил на собранные деньги небольшую подставку для палок и зонтиков.

Жильцы, между прочим, даже обрадовались.

— Оно, — говорят, — и к лучшему. А то опять кто-нибудь наклюкается и сковырнет этот хрупкий предмет.

И если подумать глубже и философски, то на черта человеку сдался колпак?

РУБАШКА-ФАНТАЗИ

В прошлую субботу после службы заскочил я в магазин. Мне надо было рубашку купить.

В воскресенье у нас вечеринка предстояла. Охота было, знаете, поприличней одеться. Хотелось какую-нибудь рубашку покрасивей купить. Какую-нибудь этакую фантази.

Выбрал. Такую небесного цвета, с двумя пристяжными воротниками. Ну, ничем не хуже заграничной продукции.

Бросился поскорей домой. Примерил. Роскошно. Картинка. Загляденье!

«На вечеринке, — думаю, — все барышни кидаться будут».

А надо сказать, я человек ужасно какой чистоплотный. Вот примерил эту рубаху и как-то не по себе стало. «Черт их знает, — думаю. — Ну мало ли кто руками хватался за эту рубаху. Не плохо бы, — думаю, — простирнуть ее. Всего и разговору — двугривенный. А зато приятно надеть».

Побежал к прачке. В нашем дворе живет. Лукерья Петровна.

— Голубушка, — говорю, — расстарайся! Завтра вечеринка. Надо к завтрему. Могу ли надеяться?

— Надеяться, — говорит, — можно. Приходи, — говорит, — в аккурат перед вечеринкой и надевай свою рубаху. Будет она стираная и глаженая, с двумя пристяжными воротничками.

На другой день перед вечеринкой заскочил я к прачке.

Взял от нее рубаху. Бегу скорее переодеваться.

Надеваю рубаху. Что за мать честная! Какая-то маленькая рубаха: воротник не сходится, и манжетки — на локтях. Что за черт!

Побежал поскорей к прачке.

Прачка говорит:

— Это обыкновенно. Это ничего. Новые рубашки теперича завсегда садятся. Или такая продукция. Или материал не стирают. Это ничего.

— Да как же, — говорю, — ничего! На горло не лезет. Было, — говорю, — 38 сантиметров, а теперь, небось, 32.

Прачка говорит:

— Это, — говорит, — еще скажите спасибо. Давеча я бухгалтеру стирала, так с сорока сантиметров, дай бог, ему пять осталось. За это мне бухгалтер морду грозил набить. А я тут при чем?

Ах, черт! Чего, — думаю, — делать?

А время мало. Пора на вечеринку идти.

Надел я эту рубаху, а сверху еще для отвода глаз старенькую рубашку напялил, чтоб без хамства было, и побежал на вечеринку.

Ничего. Незаметно. Сошло.

Социальная грусть
(1927)

СОЦИАЛЬНАЯ ГРУСТЬ

Давно я, братцы мои, собирался рассказать про комсомольца Гришу Степанчикова, да все как-то позабывал. А время, конечно, шло.

Может, полгода пробежало с тех пор, когда с Гришей произошла эта собачья неприятность.

Конечно, уличен был парнишка во вредных обстоятельствах — мещанские настроения и вообще подрыв социализма. Но только дозвольте всесторонне осветить эту многоуважаемую историю.

Произошло это, кажется что, в Москве. А может, и не в Москве. Но сдается нам, что в Москве. По размаху видим. Однако точно не утверждаем, «Красная газета» в подробности не вдавалась. Только мелким полупетитом отметила — дескать, в Семеновской ячейке.

А было это так. В Семеновской то есть ячейке состоял этот самый многострадальный Гриша Степанчиков. И выбили как-то раз этому Грише три зуба. По какому делу выбили — опять же нам неизвестно. Может, излишки физкультуры. А может, об дерево ударился. Или, может быть, в младенческие годы сладкого употреблял много. Только знаем, что не по пьяной лавочке кинули ему зубы. Не может этого быть.

Так вот живет этот Гриша без трех зубов. Остальные все стоят на месте. А этих, как на грех, нету...

А парень молодой. Всесторонний. Неинтересно ему, знаете, бывать без трех зубов. Какая же жизнь с таким отсутствием? Свистеть нельзя. Жрать худо. И папироску держать нечем. Опять же шипит при разговоре. И чай выливается.

Парень уже так и сяк — и воском заляпывал, и ситником дырку покрывал, — никак.

Сколотил Гриша деньжонок. Пошел к врачу.

— Становьте, — говорит, — если на то пошло, три искусственных зуба.

А врач попался молодой, неосторожный. Не вошел он в психологию Семеновской ячейки. Врач этот взял и поставил Грише три золотых зуба.

Действительно, слов нет, вышло богато. Рот откроет — картинка. Загляденье. Ноктюрн.

Стали в ячейке на Гришу коситься. То есть как рот откроет человек — говорит или шамает, — так все глядят. Дескать, в чем дело? Почему такое — парень обрастает?

Мелкие разговорчики пошли вокруг события. Откуда, дескать, такие нэпмановские замашки? Почему такое мещанское настроение? Неужели же нельзя простому комсомольцу дыркой жевать и кушать?

И на очередном собрании подняли вопрос — допустимо ли это самое подобное. И вообще постановили: «Признать имение золотых зубов явлением, ведущим к отказу от социализма и его идей, и мы, члены ВЛКСМ Семеновской ячейки, объявляем против ихних носителей борьбу, как с явлением, разрушающим комсомольские идеи. Зубы — отдать в фонд безработных. В противном случае вопрос будет стоять об исключении из рядов союза» («Красн. газ.»).

Тут председатель от себя еще подбавил пару. Мужчина, конечно, горячий, невыдержанный. Наговорил много горьких слов.

— Я, — говорит, — даром, что председатель, и то, — говорит, — не замахиваюсь на золотые безделушки. А у меня, — говорит, — давно заместо задних зубов одни корешки торчат. И ничего — жую. А как жую — один бог знает. Пальцами, может, помогаю, жевать то есть. Но не замахиваюсь.

Всплакнул, конечно, Гриша Степанчиков. Грустно ему отдавать такие зубы в фонд безработных. Начал объяснять: дескать, припаяны, выбивать трудно.

Так и не отдал.

А поперли его из союза или нет — мы не знаем. Сведений по этому делу больше не имели. Но наверное, поперли.

ДВА КОЧЕГАРА

Было это в Хабаровске. Или в крайнем случае во Владивостоке. Где-то, одним словом, в тех краях.

Началось все с сущих пустяков.

Жили, например, два кочегара. Одного кочегара фамилия, не любим сплетничать, — Рыжиков. Другого — Шеляев.

А был у Рыжикова сын — партийный пионер Костька. У Шеляева же — беспартийный младенец Васька, пяти лет.

Однажды парнишки подрались между собой. С чего это у них началось — не могу вам сказать. Или, может быть, Васька языком подразнил пионера. Или, может быть, Костя-пионер сказал какие-нибудь стишки, например: «Васька-Васенок — свиной поросенок». Но только драка у них произошла форменная.

Победил пионер Костя, — надрал вихры своему противнику.

Беспартийный же Васька с громким ревом подрал жаловаться к своему папаше.

А папаша, кочегар Шеляев, сильно расстроился. Вечером пошел принимать дежурство от Рыжикова и говорит ему:

— Ну, — говорит, — берегися, Рыжиков! Я, — говорит, — твоему щенку голову оторву с корнем, ежели что. Пущай не бьется с моим Васькой в другой раз.

А папаша Рыжиков был гордый папаша.

— Не стращай, — говорит. — Не испужался! Ишь ты, — говорит, — какой нашелся характерный — детские головы с корнем отрывать. А ежели они — нам смена? Да я тебя за такие слова расстрелять, бродягу, могу.

— Ах так! — удивился Шеляев. — Кочегаров расстреливать? Которые в союзе состоят расстреливать? Да я тебя за это в Соловки могу спрятать, сукинова сына!

Ну, слово за слово. Рассердились они друг на друга. Рыжиков ушел с дежурства, плюнул и думает.

«Я, — думает, — подсижу тебя, бродягу. Я тебе такую пакость состряпаю — не зарадуешься».

Кочегар Шеляев принял дежурство и тоже думает.

«Погоди, — думает. — Я тебя, гадюку, подковырну. Я тебе чего-нибудь в котле испорчу. Или вот, например, возьму да с одиннадцати атмосфер на восемь спущу... Оправдывайся, бродяга, после... Будешь знать, как кочегаров расстреливать...»

Сказано — сделано.

Снизил Шеляев пар до восьми атмосфер.

На другой день принял дежурство Рыжиков.

«Эге, — думает, — пакости мне строить? Погоди, я тебе на шесть атмосфер спущу. Накось выкуси!»

Сказано — сделано.

Спустил Рыжиков пар до шести атмосфер.

Падающая энергия, конечно, упала. Народ дивуется, а, однако, что к чему и почему — не понимает.

На другой день принял дежурство обратно Шеляев.

«Эге, — думает, — шесть атмосфер? Да я тебе, бродяге, четыре устрою. И воду, подлецу, с резервного котла спущу. Пущай все к чертовой матери лопается».

Сказано — сделано.

Спустил кочегар до четырех атмосфер. И пар из резервного котла выпустил. Ждет, что будет.

На другой день хотел Рыжиков до двух атмосфер спустить и крантик вообще отломить к чертовой бабушке. Но не пришлось.

Специальная комиссия взяла кочегаров в оборот.

Теперь чего будет — неизвестно.

А впрочем, если раскинуть мозгами, то предвидеть можно.

Сыновья, Вася с Костей, непременно помирятся.

Потому счастливое, безоблачное детство.

Кочегары, скорей всего, тоже помирятся. Все-таки в одном союзе состоят и живут на одной улице.

А вот со стороны комиссии предвидим едкие неприятности.

И верно: Хабаровская газета «Рабочий путь» пишет: «Райком постановил уволить этих двух кочегаров и внести в членские книжки выговор».

Будет, ох, будет теперь время у безработных кочегаров подумать о случившемся!

НАСЧЕТ ЭТИКИ

Конечно, некоторым товарищам неизвестно это слово — этика.

Некоторые товарищи, небось, думают, что это какое-нибудь испанское трехэтажное словечко. Но это не так, дорогие товарищи. Это довольно хорошее, симпатичное слово. Его даже употребляют на некоторых собраниях. Даже говорят: союзная этика...

А означает оно, ну, вроде, что ли, как бы сказать, поведение или правильное отношение. А впрочем, черт его разберет! Уж очень заковыристое слово. А главное, понимают его по-разному. В одних местах так, в других — этак. А, например, Земетчинский сахарный завод и совсем глупо понимает.

Сейчас расскажем про этот завод. Все отпоем.

Держись, братцы! Начинается.

Однажды тяжкое горе постигло этот завод. Любимого, можно сказать, начальника и друга, директора Григория Федоровича Каратаева перевели на другой завод. А именно — к боринцам.

Очень горевали земетчинцы.

— Братцы, — говорят, — надо хотя ознаменовать уход этого дорогого директора. Давайте, товарищи, поднесем ему душевный адрес с указанием, так сказать, всех его драгоценных качеств.

Согласились. И, не заявляя в завком, взяли и написали.

«Глубокоуважаемый... Вы — этот, который... Отдали силы... Тяжелые условия... Мы лишаемся... Желаем... Многие годы...» И прочее тому подобное.

Написали и поднесли.

Григорий Федорович прочел и едва не прослезился. Спрятал адрес в карман, распрощался дружески и отбыл на Боринский завод.

Тут-то все и начинается.

Узнал об этом адресе земетчинский завком и в срочном порядке собрание собрал. И на собрании объявил:

— Выдача всяких адресов и аттестатов может происходить только через завком, как через союзную организацию. В данном случае вы нарушили союзную этику. Надо потребовать адрес обратно.

Тут начали робко возражать, дескать, какой же это аттестат? Это так, вроде как в альбом на память написано.

Никаких возражений не стал слушать завком и через боринский завком потребовал:

— Возвратить случайно выданный адрес.

Тут-то все и началось. Земетчинцы кричат:

— Отдайте адрес! Потому — это явное нарушение союзной этики.

Боринцы отвечают:

— Адреса не отдам. Потому адреса назад отдавать — это против союзной этики. И за это оскорбление мы вам еще хвост накрутим.

А сам Григорий Федорович тихонько охает:

— Братцы, — говорит, — да я-то при чем? Я же не против этики. Берите все назад. Ну вас к лешему!

Вот тут, граждане, и разберись. Одно небольшое слово, а как понимают его в разных уездах!

А мы, Ленинградского уезда, совсем от этого с толку сбились.

А москвичи, например, не сбились. И говорят, будто даже ЦК сахарников уволил земетчинского предзавкома за нарушение союзной этики.

Вот оно как!

А чего думают про это слово в Дорогобуже — неизвестно. Скорей всего — ничего. Не дошло, небось, до них это слово. Ну, и к лучшему.

КУЗНЕЦА ОБИДЕЛИ

Лесопильное дело — легкое и веселое производство. Вредности в нем никакой. Опилки хотя и летят, так ведь не в рот летят. И ежели рта не раскрывать во время работы, так и не вредно получается.

Кузнечное дело — это другой коленкор. Тут угли все-таки, огонь, дым. Обжечься опять же можно. Или захворать от дыма. Это, безусловно, вредное производство.

Ну а вот теперь взять, к примеру, кузнеца и поставить его на работу в кузницу на лесопильный завод? Нуте, чего получится? Вредно или не вредно?

Вопрос этот оказался до того тонкий и ехидный, что вокруг него целая каша заварилась. Каша заварилась, а мы — расхлебывай!

Все произошло на ст. Енисей на лесозаводе.

Поступил туда кузнецом наш задушевный друг и приятель дорогой товарищ Ушкалов. Поработал он год и просит выдать ему денег заместо отпуска за вредность. И подает он заявление в РКК.

РКК думает: «Раз это кузнец, то, хотя он и на лесозаводе работает, дело и вредность от того не меняются. И пущай кузнец за эту вредность огребает деньги лопатой».

Одним словом, разрешили. Только послали свое постановление начальнику района Сибтранслеса, чтоб утвердил.

Начальник района на эту бумажку отвечает заносчиво: «Пущай, дескать, РКК укажет пункт законодательства о вредности лесопильного производства».

Прочел эту резолюцию начальник завода товарищ Филимонов и не растерялся. Написал даже завкому: «Препровождаю бумагу для конкретного указания законодательства о вредности работ на лесозаводе».

Одним словом, плакали кузнецовы денежки. Отказали ему начальники. И хотя этих начальников слегка и обложили в газете «Красноярский рабочий», но будет ли с того какой толк — не знаем. Не ручаемся. Уж очень вопрос сложный.

На этот вопрос массу мозгов растратить нужно. А мозги-то нынче в большой цене. Издалека видно.

Эх, не видать, кажись, кузнецу денег, как своих ушей!

Сочувствуем, братишечка.

БОЖЕСТВЕННОЕ

Первого ноября (1923 года) был католический праздник Всех святых. Во время этого праздника ксендз Смоленского костела обратился к прихожанам, как сообщает газета «Рабочий путь» (№ 265), с такой проповедью: «Я, как хозяин костела, нанял органиста Дашкевича. Костельный совет платил органисту сначала 150 миллионов, потом 200, потом 400. Все с него мало. Теперь мы платим ему даже 5 рублей золотом по курсу дня. Кроме того, я ежедневно даю обед Дашкевичу. Но нужно сказать, что этот органист за троих ест. Такой обжора...»

Так сообщает газета. Дальше, нам думается, было так. Ксендз поднял руку для благословения прихожан, но раздумал и, потирая свою бритую полную щеку, продолжал:

— Ей-богу, обжора, каких мало. Таких обжор и свет не видывал!

— А чего он, съедает что ли много? — спросил кто-то из прихожан.

— Съедает много, — сказал ксендз. — Я же и говорю: жрет и жрет, сукин кот. Дашь ему обед — он и первое блюдо слопает, и второе. И хлеб еще трескает.

Прихожане оживились. И, закрыв молитвенники, стали рассуждать о дороговизне.

— Ужас, как жрет! — снова начал ксендз. — Обед слопает, а после еще чаю просит.

— С сахаром? — спросил кто-то.

— Дай ему с сахаром, он и с сахаром вылакает. Ему что? Не его сахар. Давеча дал я ему сахару два куска. На месяц, говорю. А он враз слопал.

— Врет! — раздался чей-то голос.

Позади ксендза появилась растрепанная фигура органиста. Был органист высокий и худой, и костюм на нем висел, как на палке.

— Врет! — снова сказал органист. — Кусок он мне дал, а не два.

Прихожане встали со своих мест и с явным любопытством разглядывали органиста.

— А хоть бы и кусок, — сказал ксендз, махая на органиста руками. — Кусок тоже денег стоит... Уйди, собачий нос! Я хозяин костела!

Органист потоптался на одном месте и ушел под свист публики. Ксендз поднял руку для благословения, но снова раздумал и, опустив руку, продолжал печальным голосом:

— Или еще того чище: штаны с френчем просит. Купите, говорит, мне штаны с френчем. А я ему говорю: видал, как лягушки скачут...

В публике засмеялись. Ксендз в третий раз поднял руку и, бормоча что-то себе под нос, благословил прихожан. Началось молебствие. На крыше тихонько плакали херувимы.

ТАРАКАНЫ

Конечно, не такое сейчас время, чтоб про мелкие вещи писать. Тем более про тараканов. Гаврила признает, что про тараканов прямо даже неприлично сейчас писать. Тем не менее придется все-таки слегка коснуться этого мелкого насекомого.

Вниманья долго не задержим, потому много писать нет охоты — башка с непривычки к таким мелким сюжетам пухнет от напряжения.

Начнем прямо с материалов и фактов.

Вот выписка из протокола:

«Протокол № 1242

заседания Пленума заводского комитета при заводе «Красн. Профинтерн», 5 января 1925 г.

Слушали: Охрана труда и жилищные условия.

Постановили: вторично предложить принять меры к уничтожению тараканов в общежитиях рабочих...»

Теперь каждому мало-мальски сознательному читателю охота, небось, узнать, какая последовала резолюция управляющего заводами по поводу этого протокола.

Конечно, иной управляющий, идущий нога в ногу с наукой и техникой, вынес бы резолюцию: извести, например, тараканов по последнему слову техники — каким-нибудь мором, или ядом, или вообще специальным тараканьим средством.

Но не такой это человек наш герой управляющий...

Гаврила предполагает, что в душе этот управляющий — отсталый кустарь, идущий вразрез с научными достижениями. И в самом деле: он предпочитает ручной способ.

И резолюцию он поставил такую:

«Резолюция: предложить живущим перебить тараканов. О чем довести до сведения завкома».

Теперь Гаврила сгорает от любопытства. Охота бы знать: перебили ли живущие всех тараканов, или часть тараканов не поддалась ручному способу и продолжает резвиться в общежитии?

Сообщите, братцы! Помираем от любопытства!

А управляющему кланяйтесь и спросите его, много ли он сам передавил тараканов. И чем давил — рукой, ногой или еще чем.

А вообще говоря, тараканий мор продается в любой лавке.

О ВРЕДЕ ГРАМОТНОСТИ

Председателя Ногинского сельсовета гражданина Захарова мы не хаем. Работник он чудный. Специальный работник. Орел прямо-таки.

И насчет денежных сумм — ни-ни. Не растратит.

Вот разве только бумагу иной раз растрачивает зря. Такой уж у него, знаете ли, характер отчаянный. Чуть что — пишет. И всё официальные бумаги пишет. Надо ему, например, стакан чаю принести — пишет. Стол передвинуть — опять пишет.

Газета «Рабочий край» сообщает:

«Ногинский сельсовет очень уж увлекается канцелярией. Даже пишет официальные отношения исполкомовской сторожихе. Сторожиха же, Павлова Клеопатра, живет тут же, через стенку. В один прекрасный момент (а таких моментов было много!) она получает пакет».

А в пакете, дорогие граждане, черным по белому сказано:

«СССР, Ногинский Сельский Совет, крест. депут. Ногин, в., Серед, у.

Гр. Павловой-Клеапатре Ивановне

Ногинский сельсовет предлагает вам примыться в здании Исполкома в обоих комнатах завтра. За неисполнение вами настоящего будут приняты меры к удалению из квартиры.

Пред. Захаров».

И хорошо, ежели Клеопатра Иванна — грамотная бабочка. Тогда полбеды. Прочтет бумажку, дескать, примыться требуется — пойдет и примоется.

А каково, если Клеопатра Иванна неграмотная?

Ну, получит бумажку — побежит к родственнику. Да хорошо, ежели родственник не надрался с утра, а сидит трезвый и хомут чинит. А ежели надрался? Куда бежать Клеопатре Иванне? К Гавриле не побежишь. К Гавриле пущай председатель бежит. Надо бы посмотреть, какой он с наружности.

Ну да, впрочем, председателя мы не хаем. Дорвался до бумаги, так и пущай пока пишет. Потому мы вполне понимаем, по каким причинам у него такая канцелярская блажь. Вот только нам Клеопатру Иванну ужас как жалко.

Ах, Клеопатра Иванна, Клеопатра Иванна! Трудно, небось, вам живется при вашей малограмотности у столь грамотного председателя.

А так все остальное хорошо и отлично. Дела идут, сельсовет пишет. И бумажный кризис изживается.

ЮРИСТ ИЗ ПРОВИНЦИИ

Оно, конечно, Гаврила вузов не кончал. Это действительно верно, не спорим. Но промежду прочим в юридических тонкостях Гаврила очень даже свободно разбирается.

Единственно не понять Гавриле юридических тонкостей в городе Екатеринославе. Там действительно толкуют законы очень даже неожиданно и скандально.

И кто толкует — уважаемый, полупочтенный товарищ с высшим образованием, юрист одного почтенного учреждения.

Дозвольте уж начать от печки.

Дело случилось, конечно, в Екатеринославе. В доме по Чумацкому переулку. Может знаете — третий дом от угла, двухэтажный такой небоскреб. И был хозяином этого небоскреба гражданин Котков, кажись, что из нэпманов.

А промежду прочим жил в этом же доме квартирант Горбатов. И снимал он небольшую квартирку у Коткова. И был он, можно сказать, жилец чистой пролетарской воды.

И натурально, было ему противно ежедневно встречать и видеть своего домохозяина — кровавого нэпмана Коткова.

А нэпман Котков тоже, конечно, в свою очередь, не одобрял своего квартиранта и спуску ему не давал. Ну, и ссорились они от этого ежедневно.

Так вот однажды они поссорились. А домохозяин Котков от полноты хозяйских чувств взял да и выбил стекла в квартире Горбатова.

Очень от этого факта расстроился Горбатов.

— Будь, — говорит, — еще летний месяц, я бы, — говорит, — и внимания на это не обратил, но зимой, — говорит, — с дыркой в окне неинтересно жить, — дует, снег моросит и вообще скучновато.

Однако ничего он на это домохозяину не сделал и даже морды ему не набил. А решил скрепя сердце поступить строго по закону.

И вот оделся Горбатов потеплее и пошел в одно довольно видное профсоюзное учреждение за советом: как ему быть, и чем окно заткнуть, и нельзя ли вообще притянуть кровавого нэпмана Коткова.

Юрист надел пенсне на нос и отвечает:

— Побейте и вы ему окна, только чтоб никто не видал.

Квартирант Горбатов гордо побледнел, плюнул в урну и вышел. Вышел и домой пошел.

Побил ли он дома стекла — мы не знаем. Газета «Звезда» (961) про этот факт ничего лишнего не говорит. Мы же из пальца тоже высосать не можем. А факт остается фактом. А факт такой, что — унеси ты мое горе...

А вообще мамаша юриста напрасно на высшее образование сынку разорялась. Стекла побить или морду набить очень свободно можно и со средним образованием.

ГИБЕЛЬ СТРОИТЕЛЕЙ

Оказывается, граждане, в Слепцовской станице Дворец труда имеется. Прямо что в Москве. Только что климат другой и постройка не та.

Постройка, прямо скажем, на манер хаты. Три оконца, дверка, ручка и труба. Вот вам и весь дворец.

Но раз так называется дворцом, то и пущай называется. Москва от зависти не подохнет.

А жизнь в этом дворце роскошная. Даже специальная уборщица имеется. Мало ли — убрать чего или, например, подмести какую-нибудь нужную бумажку.

И размещены в этом дворце разные союзы. Вообще всякие. Только что строителей нету. Был этот союз, да весь вышел. Ликвидировали его.

А почему его ликвидировали? Потому, товарищи, что он не в состоянии был поддерживать шикарную дворцовую жизнь.

Все, например, союзы плакали, а вносили уборщице свою долю — 3 р. 61 к. А строителям не по карману была такая безумная роскошь и мотовство. Они не вносили. Раз или два внесли и разорились вчистую.

Тут их и к ногтю.

— Либо, — говорят, — восстанавливайтесь в своих делах и вообще уборщице вносите, либо ликвидируйтесь налево.

Ну и ликвидировали.

«Потому, — думают, — на кой черт нам эти строители? И чего вообще они будут без денег строить? Только небо коптят».

Ну и распустили.

И стоит этот дворец в станице, в Сунженском округе, что на Северном Кавказе. Разные там союзы имеются. А строителей нету. Погибли строители. Не выдержали роскошной жизни.

И жалко нам этот союз. Хороший был союз, нужный!

Со временем мог бы он и построить что-нибудь. Например, настоящий дворец заместо хижины. Или, например, крылечко починить, если сломается. Или трубу вычистить.

Зря уели этот союз!

ОПАСНАЯ ПЬЕСКА

Нынче все пьют помаленьку. Ну и артисты тоже, конечно, не брезгают.

Артистам, может, сам Госспирт велел выпить.

Вот они и пьют.

Во многих местах пьют. А на Ср. Урале в особицу.

Там руководители драмкружка маленько зашибают. Это которые при Апаевском рабочем клубе.

Эти руководители, как спектакль, так обязательно даже по тридцать бутылок трехгорного требуют. В рассуждении жажды.

Ну а раз дорвались эти артисты до настоящей пьесы. Там по пьесе требуется подача вина.

Обрадовались, конечно, артисты.

— Наконец-то, — говорят, — настоящая художественная пьеса современного репертуара!

Потребовали артисты у клуба сорок рублей.

— Потому, — говорят, — неохота перед публикой воду хлебать. И вообще для натуральности надо обязательно покрепче воды.

Выдал клуб от чистого сердца двадцать целковых. Артисты говорят:

— Мало. Для наглядности не менее как на сорок требуется.

И приперлись эти артисты на спектакль со своими запасами.

Которые горькую принесли, которые — пиво. А некоторые и самогону раздобыли.

Вот спектакль и начался.

Мы-то на этом спектакле не были. И потому не можем описать в подробностях. Но один знакомый парнишка из зрителей сообщает нам с явным восхищением и завистью:

— По ходу пьесы спиртные напитки подавались в таком огромном изобилии, что к концу второго действия все артисты были пьяны вдребезги.

И еще спасибо, благородные артисты оказались. Другие бы, наклюкавшись, стали блевать в публику или, например, декорациями кидаться. А эти — ничего. Эти тихо и благородно, без лишних криков и драки опустили занавес и попросили публику разойтись от греха.

Публика, конечно, и разошлась.

Гаврила предлагает в срочном порядке и вообще поскорей снять эту современную пьеску с репертуара, как явно опасную и несозвучную с эпохой.

ВРЕДНЫЕ МЫСЛИ

Вот, граждане, иную газетку прочтешь, и настроение станет паскудное.

Давеча попалась нам под руку ростовская газета. Взяли мы эту ростовскую газету и пошли на травке поваляться. После обеда это очень даже симпатично выходит... Лежишь, а тут, знаете ли, кругом природа, птички и букашки порхают, червячки чирикают...

Так пришли мы с этой газеткой. И надо бы эту газетку не читать, а от мух, например, ею прикрываться. А мы сдуру читать начали. А в газетине такие вещи напечатаны, что не только себе, а и дорогим своим читателям сейчас настроеньице попортим. Уж извините. Не можем иначе.

А дело все в работниках просвещения шахтинского совпрофа. Захотели эти отчаянные просвещенцы, представьте себе, собственный клуб иметь. Ну, и, натурально, шахтинскому окрсовпрофу сообщили об этом своем безумном желании. Дескать, разрешите. А совпрофу это оказалось — нож вострый. Нету, говорят, не разрешим. Атанде!

В письменной форме этот отказ звучит примерно так:

«Межсоюзная организация никогда не допустит, чтобы работники просвещения имели свой клуб, потому что это — стремление к кастовой замкнутости.

Извольте работать в межсоюзном клубе...»

Ну и не допустили.

И действительно, наглость этих работников просвещения не поддается описанию. Ишь, черти, чего захотели: собственный клуб иметь!

Да это если так пойдет, то и металлисты тоже того же захотят. А там, глядишь, и деревообделочники туда же сунутся.

И чего, собственно, смотрит шахтинский окрсовпроф? Под самым евонным носом находятся такие, можно сказать, вредные «кастовые» организации, как разные там союзы — просвещенцы и прочие, а совпроф их не распускает. Распустить надо этих отчаянных крамольников. За глаза хватит одного совпрофа. А то от этих союзов одни только вредные мысли идут насчет клубов и всякие неприятности этому шахтинскому окрсовпрофу.

А неприятностей ему теперь действительно не обобраться.

Мы при всей нашей доброте сердечной и то с удовольствием пихнем. На те!

ДЫМ ОТЕЧЕСТВА

А вот, граждане, тихая акварельная картинка нашей провинциальной жизни.

Представь, читатель.

Вечер. Снег под ногами похрустывает. Фонарики небольшие этакие светят. И стоит себе будка этакая, тоже небольшая, корявенькая. Воду она подает жителям.

А у будки — две домашние хозяйки с ведрами. Одна хозяйка нацедила себе два ведра, присобачивает их к коромыслу. Сейчас пойдет.

А другая хозяйка сердито отчитывает сторожа в будке.

— Почему, — говорит, — у тебя с ведра пятак, а в других будках по три? Небось, бродяга, зажиливаешь две народные копейки?

Из окошечка сердито лезет лохматая голова. Голова сморкается, ловко надавив нос одним пальцем, и говорит с хрипом:

— Наживешь с вас, дьяволов! Приказано пятак — только и делов.

— Делов, делов, — возражает хозяйка. — Вода, что ли, у тебя, у бродяги, вкусней?

Хозяйки, еще побранившись слегка, отходят от будки, делясь впечатлениями.

— Я бы, — говорит одна, — нипочем бы не стала деньги растрачивать, потому — жалко. Я бы сама на реку ходила, да только неинтересно, милая, под лед падать. Страсть склизко...

— Да уж, — говорит другая, — под лед, это верно, прохладно падать. Лучше уж я пятак заплачу, а уж чтоб с конфортом...

Хозяйки скрываются в тени.

Поскрипывает снег под ногами. Луна соперничает светом с фонарем. Тихо. Где-то жалко играет гармоника. Вот тихая провинциальная картинка!

— Где ж это такой медвежий уголок? — ядовито спросит читатель.

Как где? А в Ленинграде, милый читатель! На Большой Охте. Неужто не признал?

Водопроводов там нету, а водой торгуют разно: где три копейки берут, а где и пятак. От этого жители сильно обижаются.

А ученые профессора проекты строят: воздушные сады на крышах, фонтаны и радиоприемники.

Эхма! Кабы денег тьма...

НОВОЕ В ИСКУССТВЕ

Есть такая пьеса «Кто виноват?». Не знаете? Ну так вот, очень любопытная пьеса. Советую посмотреть.

В одном акте там шайка грабителей купца грабит. Очень натурально выходит. Купец кричит, ногами отбивается. Жуткая пьеса. Обязательно посмотрите!

Эта пьеса шла, между прочим, в Астрахани. Любители-водники ставили в клубе имени Демьяна Бедного.

А один артист, Чесалкин (может, знаете? Он в астраханском техникуме учится. Хороший такой парнишка), — так Чесалкин этот играл роль купца.

Так вот, играет он роль купца — кричит, значит, ногами отбивается и чувствует, будто ктой-то из любителей действительно в боковой карман к нему лезет.

Запахнул Чесалкин пиджачок свой.

«Игра, — думает, — игрой, а зачем же по карманам шарить?»

И сам, конечно, в сторону от артистов, которые грабителей играют. А те наседают. Вынули бумажник с деньгами (18 червонцев) и к часам прутся.

Ну конечно, Чесалкин закричал тут не своим голосом. Караул, дескать, всерьез грабят.

От этого полный натурализм получился. Публика в совершенном восторге в ладоши жарит. А купцу не до публики.

— Последние, — кричит, — сбережения всерьез сперли. Честью прошу отдать!

Ну, которые спецы — видят — неладно. Не по пьесе слова. Суфлер тут из будки вылезает.

— Кажись, — говорит, — на самом деле бумажник у купца свистнули.

Дали занавес. Отпоили купца водой. Допросили.

— Да, — говорит, — какой-то из любителей по ходу пьесы бумажник вынул.

Немедленно устроили обыск у любителей. Однако денег не нашли. А пустой бумажник кто-то подкинул в кулисы.

Доиграл Чесалкин пьесу совершенно расстроенный и с пустым бумажником ушел домой.

Это истинное происшествие из мира искусства произошло 4 января 1925 года.

А так, на остальном культурно-просветительном фронте, все обстоит благополучно. Дела идут, контора пишет.

Отдайте, черти, бумажник! Не срамите!

ДАМСКИЕ ШТУЧКИ

В каком городе это произошло, я уж, извините-простите, не знаю. Квалификации у нас такой нет, чтоб все насквозь знать, и все понимать, и за каждым союзом присматривать.

Одно известно, — что случилось это в Союзе химиков.

Вот и пущай сами химики разбираются в этом химическом происшествии.

А состояла, между прочим, в этом союзе такая гражданочка средних лет, Савина Александра. И работала она на заводе.

Работала она на заводе, только вдруг ей скучновато стало работать на заводе. Или, может быть, она замуж вышла — неизвестно. Квалификации у нас такой нет, — про все знать и за каждой гражданкой присматривать.

Так вот, стало ей скучновато работать, и просит она ослобонить ее от работы по своему желанию.

Обрадовались на заводе — ослобонили.

— Пожалуйста, — говорят, — сделайте ваше такое разлюбезное одолжение. Между прочим, что ж вы раньше молчали и голоса не подавали; мы бы давно вас ослобонили.

Ну, одним словом, гражданка Савина ушла с завода. Хотя, конечно, из союза не ушла. В союзе она осталась на всякий пожарный случай.

Мало ли, — думает, — и союз, — думает, — в нашем дамском деле пригодится.

Так оно, знаете, и вышло.

Летом погуляла наша симпатичная гражданочка, загорела на солнышке и вообще расцвела, что пиён, и мужа своего, конечно, осчастливила — стала ему младенца ждать.

К осени она стала младенца ждать, а на пятом месяце, маленько не дождавшись, заявилась на завод, как будто, ну, ничего у ней такого нет и вообще никакого младенца не предвидится.

— Хочу, — говорит, — обратно поработать на пользу химической промышленности.

А сама думает: «Месяц как-нибудь протяну. А там мне отпуск. И денежки самотеком потекут. Вот вам и вся химия!»

Да, спасибо, управляющий заметил неладное.

— Да вы, — говорит, — гражданка, не младенчика ли ждете? Как-то так стоите неуверенно.

Ну и кажись, не принял. А может, и принял. Неизвестно.

У нас квалификации такой нет, чтобы все знать и за всем следить. Нам на каждого химика, знаете, не разорваться.

Может, вы еще спросите, девочка или мальчик у ей родился. А мы почем знаем? Мы у ей ребят не крестили.

ЧЕРТ ЗНАЕТ ЧТО ТАКОЕ

1. Национальное самосознание

Оказывается, Титюковская ячейка РКСМ работает самосильно. Шадринская «Трудовая правда» печатает следующее ее постановление:

«Единогласно постановили иностранное название „галифе“ заменить словом „бутыльники“...»

Неплохо придумано. Галифе — бутыльники. Значит, полугалифе — полубутыльники. Не назвать ли трусики — мерзавчиками?

2. На театральном фронте

Разные бывают актеры. Бывают хорошие, бывают плохие. А бывают и этакие. Газета «Красноярский рабочий» печатает письмо, полученное Ботаневским сельсоветом от одного этакого актера:

«СССР.

Артис Бибишев Распор. Алексеенко Отправ. № 16.

16 апреля.

С нарочным.

В Ботаневский сельсовет.

Прошу Вас Товарыш Притчедатель приготовить помещение для Рапклуба и Цырклуба. Приедим 19 апрел Мы сычьяс в селе Знаменки устраиваем канцерту, а именно бьем на груди камень 25 пуд. Колем на лбу дрова. После канцертины ставим пиеску вдвух девствиях. А именно живая карусель, адин на плахе семерых будет таскать, и второе дествии на парю любой не сташит нащего артиста спола за уши или за волосное правление. Дак вот, прошу подыскать подходящую помещению.

Артис Бибишев, Распорядитель Алексеенко.

А вот Гаврила любого вашего актера берется стащить с пола за уши и за волосное правление. Больше того — Гаврила всю эту многоуважаемую труппу берется стащить из союза рабис в другой, более подходящий союз. А так как труппа дрова на лбу колет, то, на наш взгляд, более подходящий союз — деревообделочников. Хотя и те не примут. Факт».

3. Кстати о деревообделочниках

«На общем собрании союза деревообделочников был поднят вопрос о недостаточности товарного индекса для имеющих большую семью. На что докладчик ответил:

„Государство ничуть не виновато, что у данного рабочего явилось перепроизводство семьи“» («Трудовая правда»).

Это верно. Не виновато. И еще государство не виновато в том, что и среди деревообделочников бывают ученые, передовые люди.

А любопытно знать: пять человек детей — это перепроизводство или недобор?

4. Веселый директор

Крестьяне — народ, конечно, темный. Крестьянин увидит, например, окно и непременно сядет на подоконник. Ежели особенно в комнате скамеек нету.

А директора сахзавода (им. Карла Маркса, что на Уманщине) это сильно раздражало. Думал он, думал, как отучить крестьян на окна присаживаться, и придумал.

По распоряжению директора в передней конторы, где крестьяне ожидают часами всяких справок и выдач, к подоконнику был прибит кусок доски, утыканный острыми гвоздями.

А то можно еще фунта два нитроглицерина заложить. Сядет, например, мужичонко по глупости на окно, а его как дерганет. Куда руки, куда ноги. Еще смешней.

А то можно еще лишнюю скамеечку в приемной поставить. Тоже действует.

5. Подкрепил

Газета «Красный Север» сообщает, что крестьянин деревни Лермонтово получил на предмет освобождения от налога такое удостоверение:

«Курочкин по деревни Лермонтово ничего не имеет, только есть единственная одна жена и та в положении».

Старший милиционер волости нашел, что удостоверение это недостаточно ясное и, обмозговав все дело, приписал:

«Курочкин хозяйства не имеет, ни дому, ни двора и скотины нету, кроме его жены».

Бедный Курочкин! Каково ему? Можно сказать, единственная одна жена у него и та получает такое незаслуженное оскорбление.

6. Скверный анекдот

Марью-то Петровну, оказывается, из Союза работников искусств выперли. В Бухаре дело было.

Гаврила навел справочку, отчего и почему выперли бедную Марью Петровну. Оказывается, по нижеследующим причинам:

«Девица Марья Петровна Ш. имеет незаконного мужа. В высшей степени недисциплинированный член союза, обливающий грязью всех членов союза, не имея на то права и данных».

Прав-то, может, и нет у Марьи Петровны грязью обливать, а вот данные-то есть. Сами теперь видим. Не спрячешь. Ишь, черти, за что барышню уволили!

7. Позвольте выйти!

В Сибири собрания проходят иначе, чем в Москве. Разница ощутимая. Иркутская газета «Власть труда» описывает одно такое собрание в художественной форме:

«Губоно. Собрание коллектива после конца занятий. Месткомщик бегает по комнатам и переписывает сотрудников. Персонально и под номерами.

Переписаны. Сторож запирает дверь на замок и становится часовым.

А которые, например, захотят оправиться, — поднимают руку и робко спрашивают:

— Позвольте выйти, тов. председатель!

На что председатель, небось, отвечает:

— Обождите гражданин. Двое уже вышедши. Ну и ждут, ежели можно».

8. Бедность

Газета «Красный Курган» пишет:

«Некий Иванов Ефим, житель деревни Камышное Утятского района, не имея средств, принес в сельсовет четверть самогонки вместе с окладным листком на уплату налога в три рубля.

Даже сдачи не попросил. Отдал и хотел идти. Да не пустили. И под суд еще отдали».

Теперь Иванов Ефим бороденку скребет и затылок чешет.

«И за что, — думает, — меня под суд? Цена божеская — три рубля четверть... Пущай каждый скажет... Жидкость правильная. Может, муха в ее, что ли, попала?»

Когда на суде выяснится, что и мухи в самогоне не было, — Иванов Ефим сплюнет в сторону и подумает: «Блажат людишки, так их за ногу. С жиру бесятся. Зря народ под суд отдают».

9. Строгий местком

Местком станции Карасук, по сообщению «Сибирского гудка», прислал своему фельдшеру такую бумажку:

«Предлагается вам выехать на дежурство с лошадью, так как вы служите, а ваша лошадь не служит...»

У фельдшера есть еще корова. Не пришлет ли местком фельдшеру такое предписание: предлагается, дескать, вам с сего числа давать по пять бутылок молока, так как ваша корова дает, а вы нет.

Бедный фельдшер!

10. Научное сообщение

Вы знаете, что такое Япония? Нет, братцы, вы не знаете, что такое Япония! А каждый сознательный гражданин к шестой годовщине Революции должен знать. Ну да ничего, сейчас узнаете.

«Япония, — пишет „Костромская коммуна“, — представляет собой ряд островов вулканического происхождения, около которых расположены города и столица Токио...

Ну да... Чего вы смеетесь? Не на самом острове, а рядом. Тут, скажем, остров вулканического происхождения, а тут, немного пройдя по воде, — и город. Костромичам там море по колено.

11. Василий Исаевич

Из села К. Саратовской славной губернии, — низкий поклон. И между прочим, — жалоба. Такая:

«Председельсовета Василий Исаевич вывесил черную доску на селе, где написал: „1-я категория — 3 рубля штрафу, 2-я — 8 р. 50 коп., 3-я категория — 15 руб.“ На эту доску заносят тех, кто на собраниях высказывается против местной власти или возражает...»

Гаврила, между прочим, представляет такой порядок распределения штрафов: по первой категории штрафуют, если человек просто возразит. По второй — если Василия Исаевича выругают или ударят. По третьей категории, небось, штрафуют, если Василия Исаевича попрут с председательской должности.

Ох, придется, кажется, Гаврилу оштрафовать по третьей категории. Готовим 15 рублей. На хорошего человека и денег не жалко.

12. Новый метод преподавания

Только что окончивший губкурсы учитель Л. сделал доклад о комплексном методе преподавания.

Вот этот доклад, по сообщению симферопольской газеты «Власть труда»:

«Я скажу только то, что понял. Вот представьте себе, что у вас идет урок русского языка. В это время летит воробей, и вы сейчас же принимаетесь за него. Пробежала собака — бросаете воробья и беретесь за собаку. Ну-с, вот и все.

Нет, извините, не все. Беретесь за собаку и науськиваете ее на учителя Л. Когда учитель убежит, вы гладите собаку и снова беретесь за воробья и перед ним робко извиняетесь за учителя. Ну-с, вот теперь все».

13. С перепугу

Итак, снова о неграмотности. Выясняются, так сказать, подробности ликвидации.

Рыбаковский сельсовет Порезской волости Нолинского уезда, однажды рассердился и послал такую бумажку одному из деревенских исполнителей:

«С получением сего Рыбаковский сельсовет в боевом порядке приказывает вам немедленно, тотчас же выслать неграмотных взрослых в школу учиться. Если будут отказываться, то отправляйте конвойным порядком. А в тех случаях, если не будет вами это исполнено, — я предаю вас к суду, как за неподчинение властям и за преступление по должности.

Председьсовета Яговкин.»

Деревенский исполнитель ехидно так обрезал сельсоветчиков. Пишет ответ:

«Взрослых неграмотных у нас нет.

Деревенский исполнитель неграмотный, а потому за него расписался Зубков» («Вятская правда» № 79).

Ежели деревенского исполнителя да хорошенько попугать, так он и не такое еще ответит. А ответит, что вообще даже и взрослых-то нет в деревне. Одни грамотные младенцы ползают. А за неграмотностью их опять же может тот же Зубков подмахнуть. Чего не сделаешь с перепугу!

14. Деликатные машинисты

У машинистов М.-О. ж. д. есть деликатная просьбишка. Они просят... Ах, дорогие товарищи, вы думаете, что машинисты просят спецодежду или просят поторопиться с жалованьем... Нет. У них все есть. И спецодежда, и жалованье им вовремя платят... Они, дорогие товарищи, просят заменить конторщицу на XI участке — мужчиной. В письме так и говорится: «Нужно поставить мужчину, а барышня неуместна, потому что разнервнеченные машинисты от всевозможных неудачей во время службы выражаются всевозможными неприличными словами...»

Что при девице не так-то уж и ловко.

И вот на такую-то деликатнейшую просьбу коварная администрация XI участка никак не отзывается. Экая скверная администрация! Глядите в оба. Как бы она вторую барышню не поставила для ликвидации ругани.

15. 25%

По словам «Уральского рабочего», с тех пор, как бригада стала получать 25 % с каждого штрафа, на станции практикуется форменная охота. Так, например, выпускают пассажиров с билетами на перрон до объявления посадки... Пассажир вышел на перрон, а там его с нетерпением ждет контролер. Увидел и представил к штрафу.

И хорошо еще, что бригада получает 25 %. А если бы 50? За 50 % бригада хватала бы пассажиров за что попало и силой бы загоняла на перрон.

А если 100 %? Товарищи! Голубчики! И подумать даже страшно, что будет с пассажирами, если бригаде дать 100 %.

16. Удостоверение

В Вологде некий председатель домкома выдал удостоверение г. Федуловой для регистрации на бирже труда. По словам газеты «Красный Север», удостоверение это, подписанное в милиции, выглядит так:

«1) Кому выдано — Мария Маркеловна Федуловой.

2) Семейное положение — муж и 4 детей.

3) Имущественное положение с указанием имени и возраста — дочь Елизавета, 12 л., Анна, 11 л., сын Дмитрий, 10 л., и сын Валерий.

4) Социальное положение — деревянный одноэтажный дом мужа».

Важное удостоверение! С таким удостоверением не пропадешь. Хочешь представляй его на биржу труда, хочешь — печатай в юмористическом журнале. На все годится.

17. Герой труда

Видал Гаврила героев труда, сам герой, а такого, как вот маляр Вася Давыдов, не видал. Вот справочка о работе маляра Васи Давыдова. Выдана она Томской жел. дор., Мариинского уч. Справочка эта непонятно написана, так мы ее для наглядности сюжета по пунктикам разобьем:

«1) Дана сия гр. Давыдову в том, что он состоял на службе маляром по поденному расчету с 1 августа 1914 года.

2) с 1 августа 1918 г. уволен за неимением кредита.

3) с 1 февраля 1919 г. определен десятником.

4) с 1 апреля 1919 г. уволен за неимением кредита.

5) с 1 июня 1919 г. выполнял должность десятника.

6) с 1 августа 1919 г. уволен за неимением кредита.

7) с 1 января 1920 г. определен десятником по поденному расчету.

8) с 1 марта 1921 г. уволен за неимением кредита.

9) с 1 августа 1921 г. принят маляром по поденному расчету.

10) с 1 февраля 1923 г. уволен по собственному желанию».

Человек, можно сказать, еле ноги унес от такой жизни, а они пишут — по собственному желанию. Если за неимением кредита человека ежедневно бить по башке, то он обязательно уйдет по собственному желанию.

18. Тонкое соображение

«Брянский рабочий» сообщает о том, что завед. бондарной мастерской цементного завода постановил:

«Тем, у кого есть баба, не надо выдавать спецодежды. Баба, говорит он, может сшить...»

Это верно. Ежели бабу приучить, то она не только шить, она фальшивые деньги научится делать.

Большую экономию можно нагнать, ежели, скажем, женатым рабочим и жалованья не выдавать.

19. Просвещенный человек

«Рабочая газета» сообщает читателям о том, как и почему прокатчик В. бьет свою жену. Оказывается:

«Я бью свою жену по привычке, сознается прокатчик. Она скажет глупость — ее и стукнешь... Я так думаю, что жен больше бьют за их глупость и темноту. Будь она у меня хоть грамотная, я бы ее пальцем не тронул.

Сам прокатчик В. грамотный и просвещенный человек. Ну а как же просвещенному человеку не ударить темной бабы? Нельзя. Надо ударить. Надо же ей, дуре-бабе, показать свое просвещение».

20. Землемер

Газета «Красный Алтай» сообщает о том, как крестьяне села Подстепного производили размежевание земли. Для этой цели они наняли за пустяковую плату какого-то агронома, который немедленно приступил к делу.

Инструменты по обмеру у этого агронома особенные: вместо ленты и рулетки — веревка, а теодолит заменяет простое колесо с телеги.

Чего агроном делает с этим колесом — никому не известно. Может, он катит его перед собой, а может, и сам на нем катится. Вообще, землемер что надо.

Такого землемера не стыдно и с Новым годом поздравить. С Новым годом, гражданин хороший! Катитесь к нам в Питер на колесе! Не пропадете — на праздниках будут вас в цирке показывать.

Веселые проекты

(ТРИДЦАТЬ СЧАСТЛИВЫХ ИДЕЙ)

(1928)

На обложке рисунок левой рукой: «Н. Радлов и М. Зощенко за научными изысканиями».

Который повыше — Радлов. Среднего роста — Зощенко.

Молодые, энергичные ученые зарисованы в своем кабинете на Мойке. Там же сдается угол холостому научному сотруднику или кустарю-одиночке.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга — плод нашего труда.

Здесь собраны наиболее счастливые идеи, осенившие наши головы.

Не открывая новых несбыточных горизонтов и идя, так сказать, вровень с нашей скромной действительностью, мы предлагаем вниманию покупателя тридцать оригинальных проектов, связанных с последними достижениями техники.

Эти проекты, придуманные в тиши кабинета, имеют все же актуальное практическое обоснование. Их легко и просто осуществить на деле при самой скромной растрате.

Научное изложение сделано простым, суконным языком, доступным самому тупому читателю.

Даже неграмотный, рассматривая эту книгу, наглядно может увидеть всю высоту гениальной человеческой мысли.

Если этими проектами заинтересуется Академия наук или Филармония — просьба обращаться лично: Фонтанка, 57, ред. журн. «Бегемот». На месяц — 60 коп.

Во избежание путаницы в истории живописи и литературы, по причине отсталости население, необходимо заявить, что рисунки принадлежат перу художника Н. Радлов, текст — писателя М. Зощенко. А не наоборот.

От благодарного населения мы не ждем памятника. Памятника нам не надо. Лучше на эти деньги покройте крыши, которые протекают. И проведите водопровод на Охту.

Также не надо повышать нашу квартплату в связи с выпуском этой книжонки. Гонорар был маленький.

Особенно горячо благодарим Ленинградскую метеорологическую станцию за ее четкую работу.

Также выражаем свою признательность скромному труженику науки В. Воинову и красному изобретателю тов. Краеву за некоторые первоначальные идеи, вдохновившие нас на полезную плодотворную деятельность.

Ленинград, 1928 г.

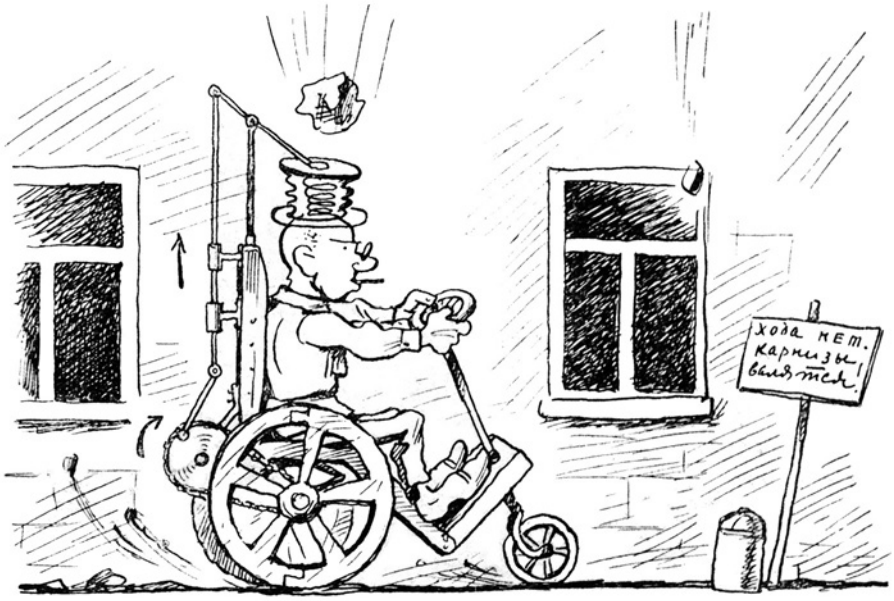
КАРНИЗОМОБИЛЬ

Наша машина проста и оригинальна. Вы видите перед собой легкий, изящный экипаж на одну персону.

Для движения экипажа нами использованы естественные силы природы — падение карниза или части его.

Быстрота движения в некоторых районах может быть доведена до 100 километров в час и больше.

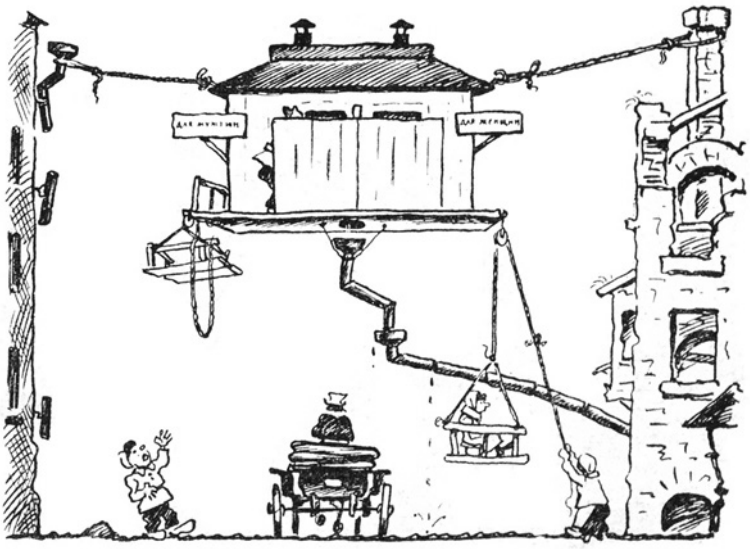
Годен только для городского движения.



ВОЗДУШНАЯ УБОРНАЯ

Победоносное шествие культуры не дает спокойно спать Откомхозу. В ближайшее время Откомхоз предполагает построить подземную уборную на площади Восстания. Так пишут газеты об этом смелом культурном начинании.

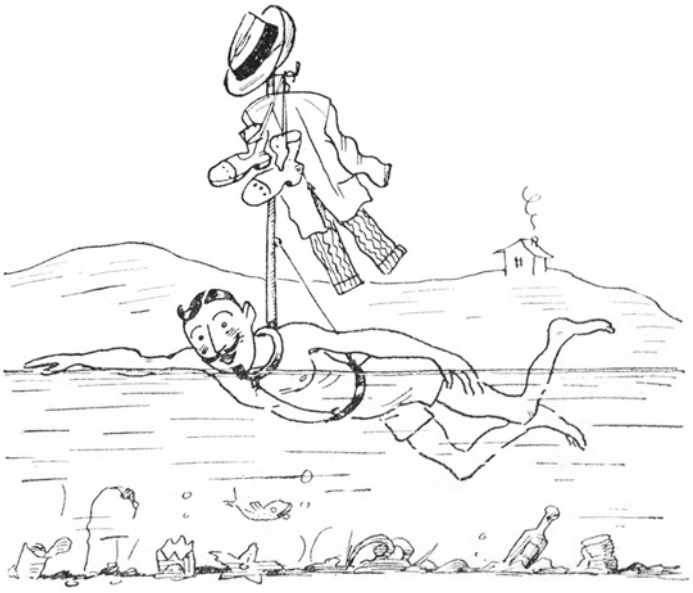
Однако мы предполагаем, что подземная уборная вскочит Откомхозу в копеечку. Не лучше ли построить подвесную уборную? Это дешевле и красивее. И не надо рыть землю.



ВЕШАЛКА «ПРИМА»

Купальный сезон имеет свои недочеты. Купающиеся граждане почему-то крайне неохотно оставляют свое барахло на берегу реки. Многие граждане отказываются даже в силу этого от здорового развлечения.

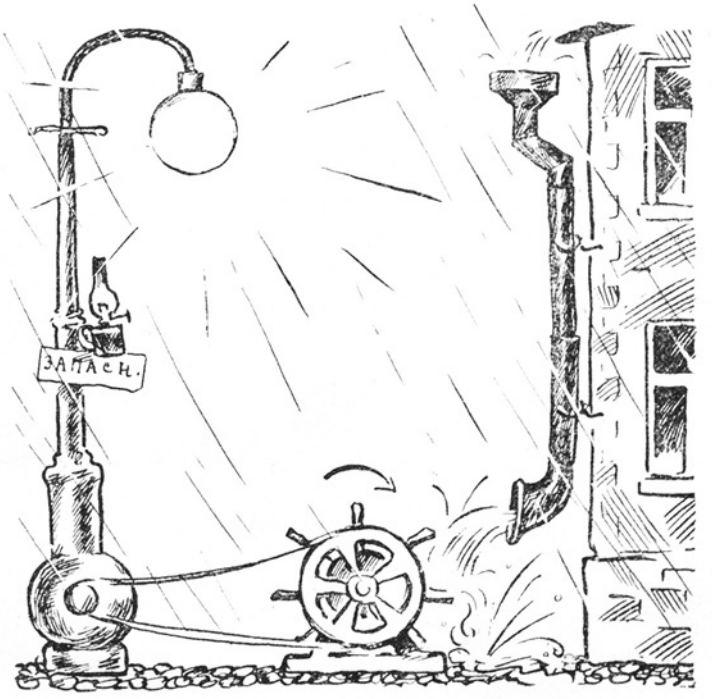
Нами изобретена небольшая вешалка «Прима», дозволяющая гражданам не пугаться за свое движимое имущество.



ТРУБОСТРОЙ

Пора использовать до конца естественные силы природы. Жалко и больно глядеть, когда даровая энергия пропадает впустую. Взять, например, дождевые трубы. Сколько благодатной воды пропадает задаром!

Стоит только установить небольшую турбину в 2–3 собачьих силы, и проблема решена.



ЯДРО-КОТТЕДЖ

Сколько шуму, сколько разговору было насчет полета на Луну! Американский профессор кислых щей Годард построил даже специальное ядро для полета на вышеуказанную планету. Однако в последний момент профессор пошел на попятный. Отказался. Летите, говорит, сами, а мне и тут хорошо.

Таким образом, ядро осталось неиспользованным.

Пущай Откомхоз обратит на него свое благосклонное внимание. Ядро вполне можно приспособить под небольшие квартирки теперешней формации.

ВНИМАНИЮ БОЛЬНЫХ

Пузырьки в аптеках по-прежнему выпущаются без капельниц. Нечем капать! Ядовитые лекарства приходится глотать без счету, в ущерб народному здоровью. И это на 7-й год нэпа!

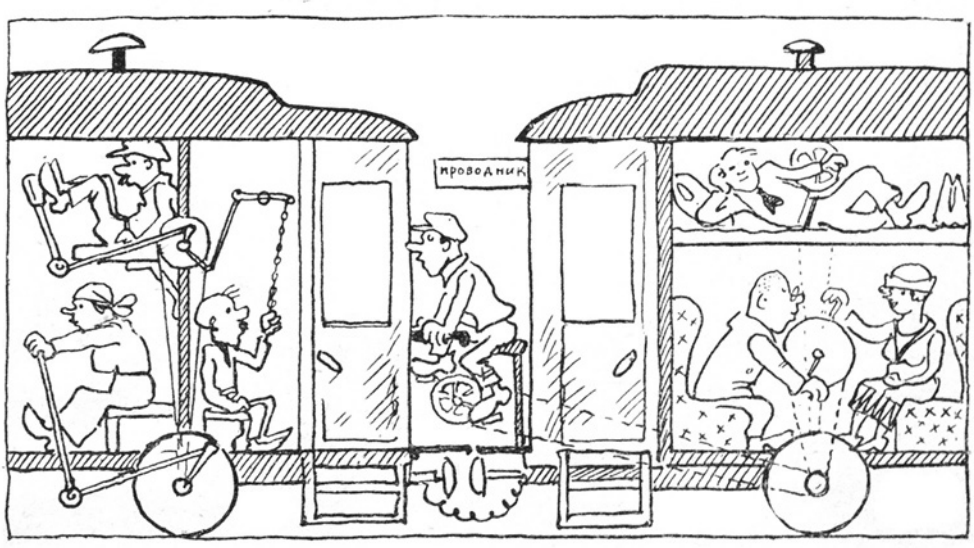
Нами решена сложная проблема — как обойтись без капельницы. Люди, у которых почему-либо сохранился нос, вполне обеспечены правильным счетом.

ПОЕЗД «МАКСИМ МАКСИМЫЧ»

Пора на 100 % использовать силу пассажиров. Многие пассажиры, садясь в поезд, нагло разваливаются на диванах и на скамейках и праздно едут до места назначения, несмотря на острую дороговизну топлива.

Здесь мы даем продольный разрез нашего проекта. Наглядно видна актуальная работа пассажиров как мягкого, так и жесткого вагонов.

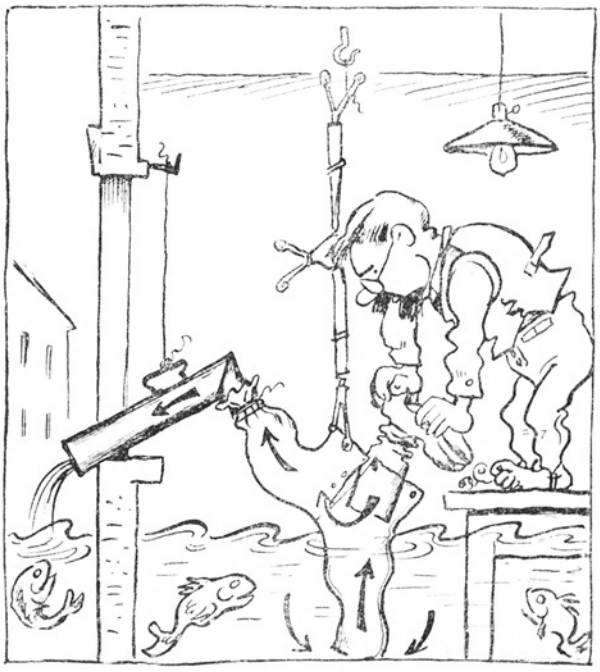
Громадная экономия топлива! Полное отсутствие копоти и дыма!



НАСОС «ДЬЯБОЛО»

Многие жители страдают от наводнений. Вода безжалостно заливает ихние скромные жилища. Рыбы резвятся под столом и под кроватью. Скучно и неуютно жить в такой дохлой, сырой обстановке. А между тем насосов нету, а если они и есть, то купить их невозможно по причине ужасной дороговизны.

Вот проект, как легко и просто можно обезвредить слепую стихию.

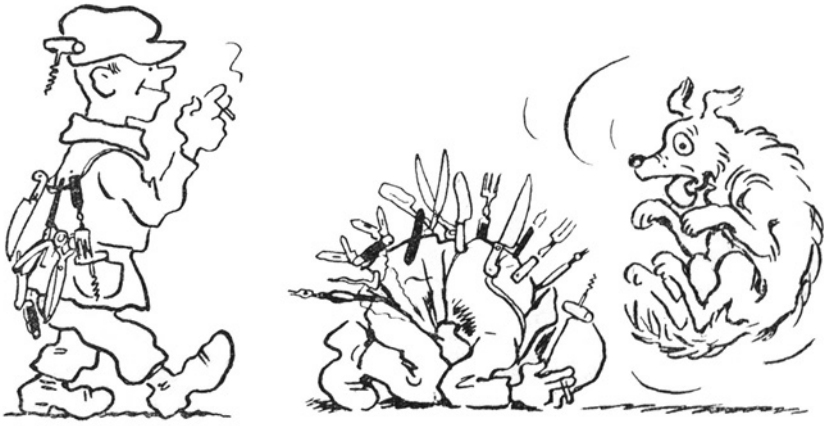


ПЛАЩ «СОБАЧЬЕ ГОРЕ»

Население встревожено эпидемией бешенства собак. Эти животные нападают среди дня на лучших представителей человечества и кусают их за разные нужные места.

Предлагаем вниманию граждан небольшой проектик защитного плаща. Можно устроить из столового сервиза.

Наилучшее средство из всех, введенных до сих пор.



АППАРАТ «СУКИН СЫН»

Предыдущий проект доступен не всем гражданам. Многие холостые люди не имеют для этой цели достаточного количества ножей и других семейных мелочей.

Таким холостякам достаточно иметь наш аппарат, и ихняя драгоценная жизнь — спасена. Наш аппарат немедленно делает вспрыскивание на ходу. Не надо ездить в Пастеровский институт и тратить на трамвай 7 копеек.

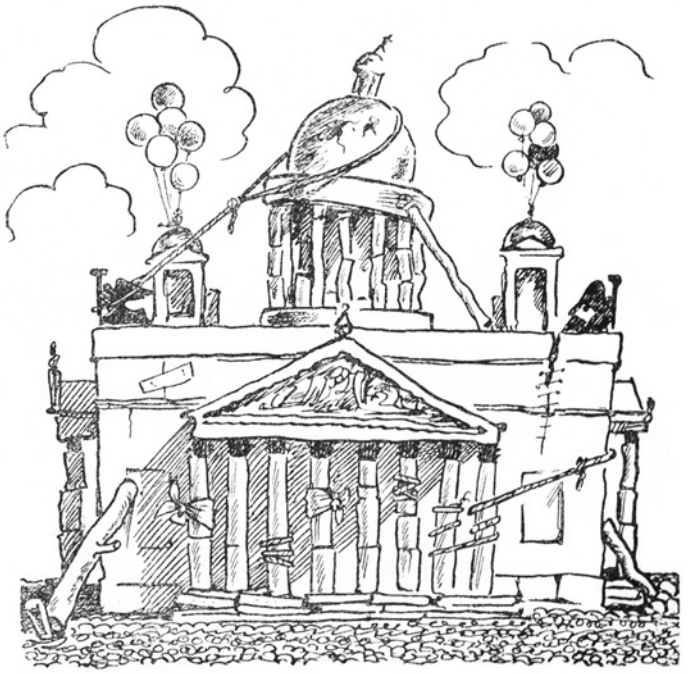
Временно наш аппарат назван «Сукин сын».

ПОСИЛЬНАЯ ПОМОЩЬ

Рушится памятник старины! Оседает гениальный Исаакиевский собор. Оказывается, почва Ленинграда не приспособлена под такие монументальные сооружения. Чего смотрели цари с высоты своих тронов?

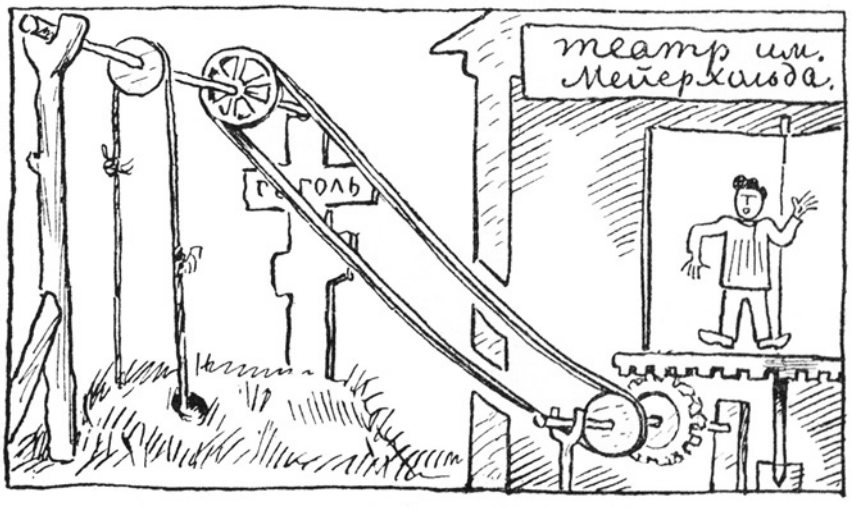
Уже во многих местах фундамент дал трещины, ступеньки покривились, колонны не выдерживают тяжести, уборные не действуют. Одним словом, гибнет великое творение Айвазовского!

Пока комиссии будут подсчитывать сметы капитального ремонта — предлагаем во избежание катастрофы принять временные меры.



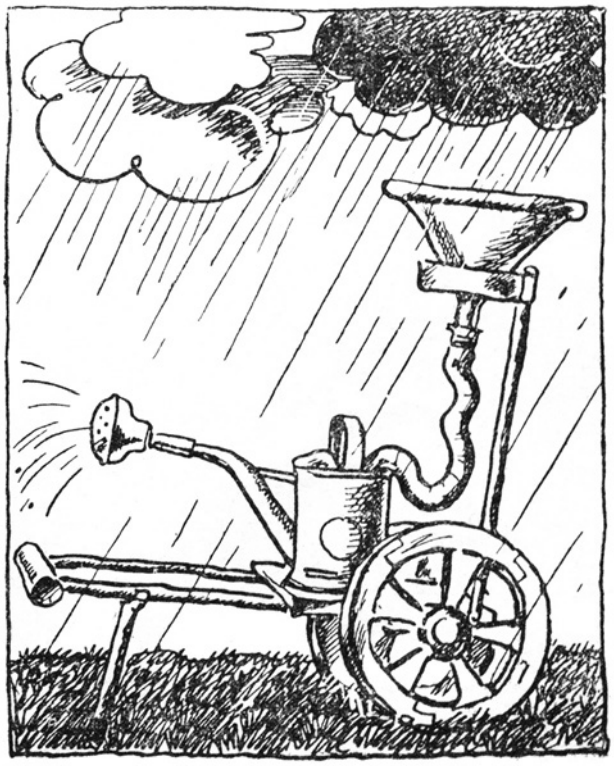
ПЕРПЕТУУМ ГОГОЛЕ

Принцип вечного движения близок к разрешению. Для этой благородной цели можно использовать вращение Гоголя в своей могиле по поводу постановки его «Ревизора» нашим гениальным современником.



ДОЖДЕВАЛЬЩИК

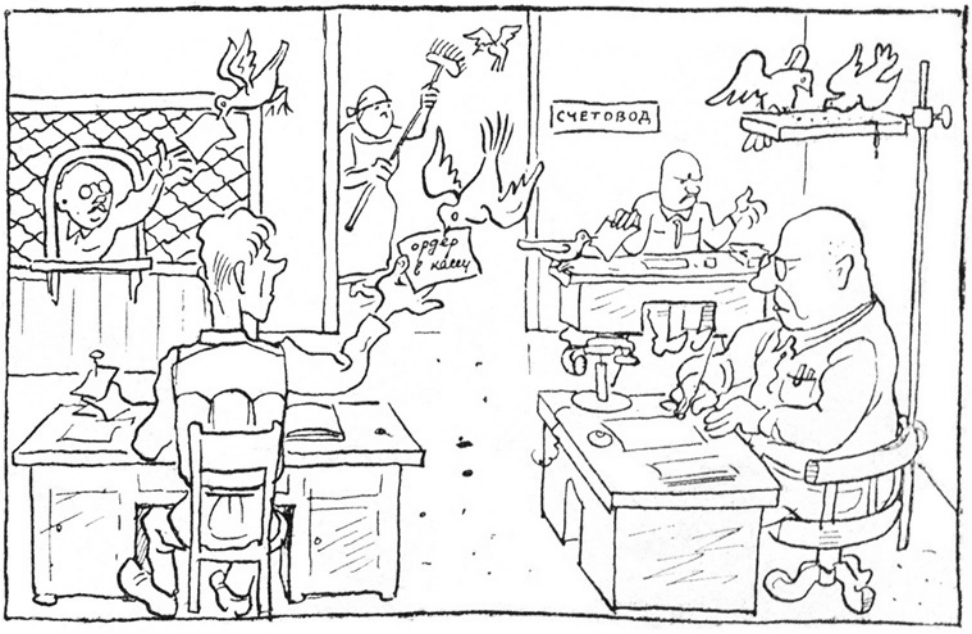
Засуха в южных губерниях заставляет нас снова и снова подумать об искусственном дождевании. Здесь нами почти разрешена задача. В очень засушливых местностях, где дождя почти не бывает, наш аппарат пригоден для каких-нибудь иных целей — картошку можно держать в воронке или квас в лейке. В более же сырых пунктах наш аппарат является незаменимым механическим дождевальщиком.



ГОЛУБИНИЗАЦИЯ УЧРЕЖДЕНИЙ

Всем известно, что голуби запросто могут переносить небольшие пакеты и конверты с деловыми письмами. Еще с древних времен существовала голубиная почта. Пора использовать эту птичью особенность на канцелярском фронте. Пора заменить дорогостоящего курьера — небольшой птицей. Неповоротливый человек не может свободно порхать по воздуху — он ходит медленно, часто теряет пакеты и все время просит денег. Тогда как птица и жрет мало, и не пьет, и бюллетеня не просит, и вполне допущает себя эксплоатировать. А если птица при своих служебных полетах будет по несознательности слегка гадить на канцелярских работников, то это явление легко можно устранить, оборудовав небольшие металлические покрышки над ответственными работниками.

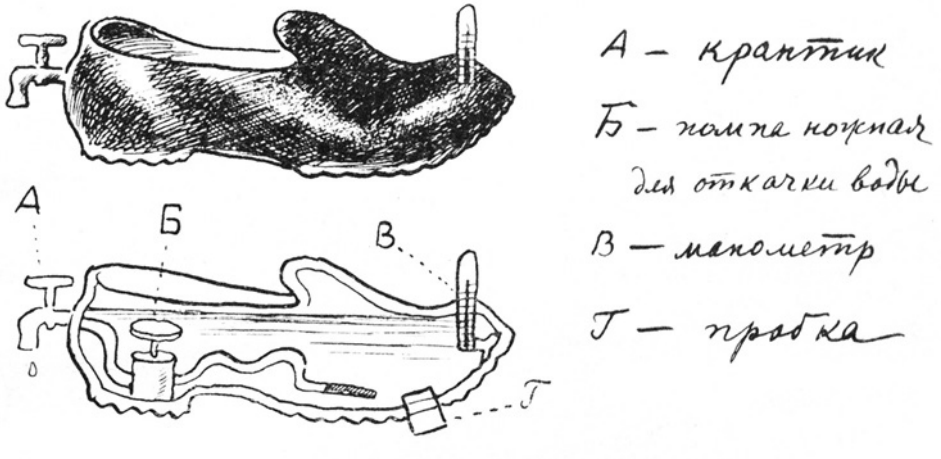
Голубинизация учреждений внесет новую оригинальную струю в канцелярскую волокиту.



МИРОВАЯ ГАЛОША

Население обижается на довольно быструю изнашиваемость галошной продукции. Три года, говорят, носим, а на четвертый уже протекают.

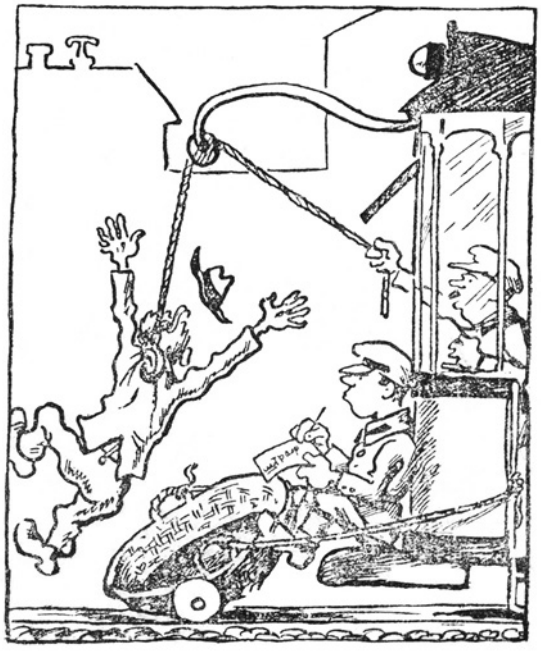
Даем наружный вид и разрез мировой галоши применительно к качеству продукции и потребностям населения.



УНИФОРМА

С этого года для извозчиков вводится новая форма. Для письмоносцев уже введена. На очереди стоят мороженщики.

Предлагаем принять наш оригинальный проект формы мороженщика.



АНТИТРАМВАЙНЫЙ АППАРАТ «КОРЗИНО-КРЮК»

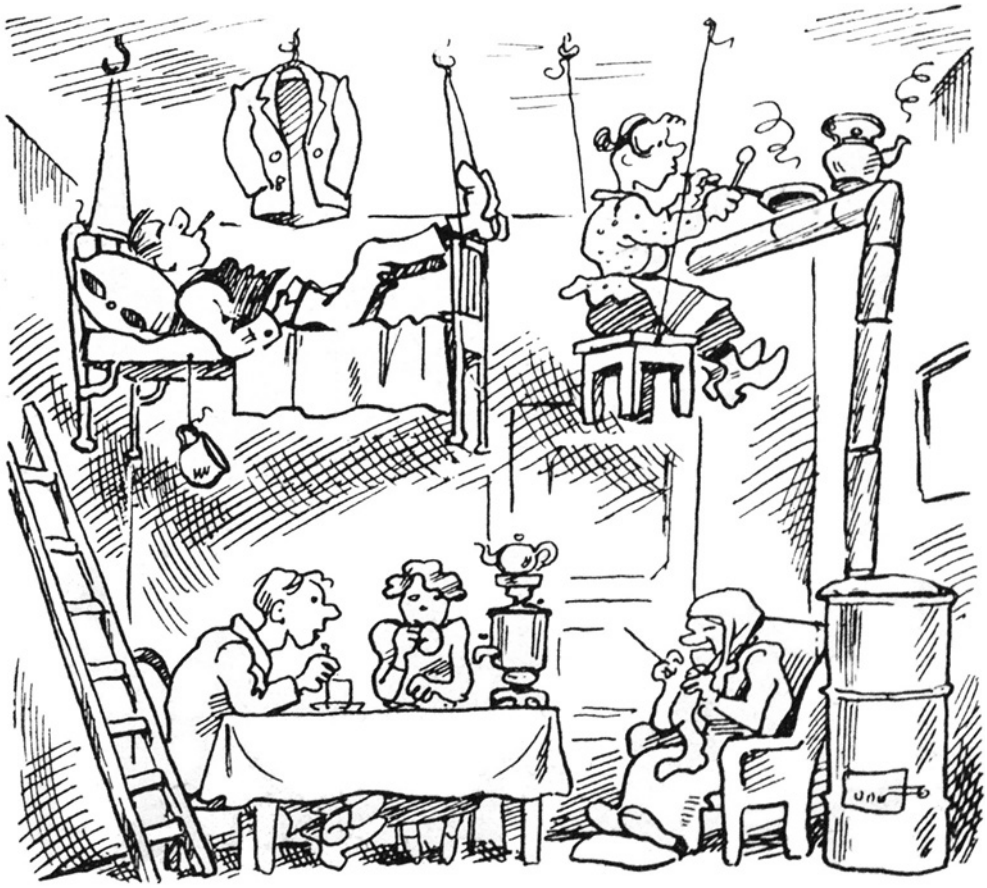
Число трамвайных жертв с каждым днем увеличивается. В срочном порядке мы уделяем внимание этому гражданскому вопросу. Любовь к человечеству толкает нас на этот рискованный шаг.

Конструкция нашего аппарата проста и гениальна. Расход окупается усиленным штрафом, которым можно облагать зазевавшихся граждан.

НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

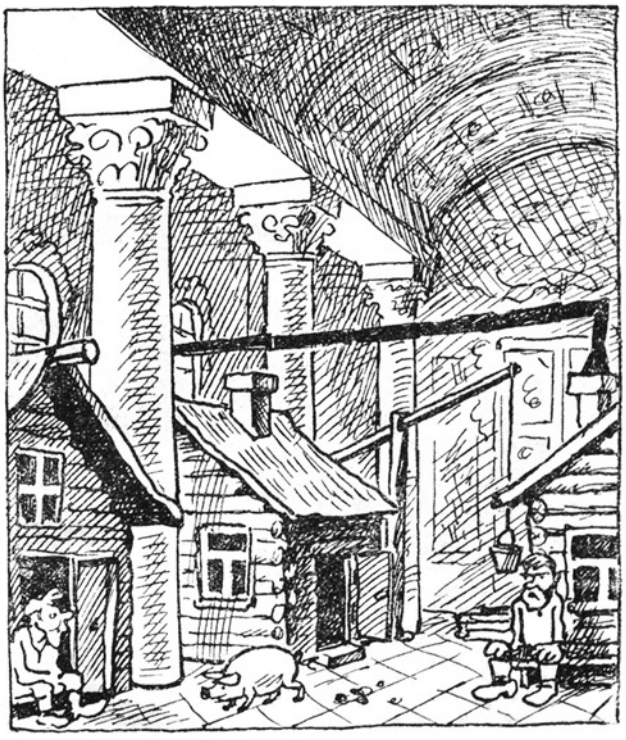
Не так легко и просто уменьшить остроту жилищного кризиса. Однако назрела необходимость поторопиться с этим тяжелым вопросом. Предлагаем вниманию крупных жактов наш очередной проект использования жилплощади потолка.

Этот проект нами уже послан в Откомхоз под девизом: «На миру и смерть красна».



МАШИНИЗАЦИЯ ХЛЕБОПЕЧЕНИЯ

На многих заводах хлебопечение поставлено правильно. Хотя отсутствует фордизация и стандартизация. Гвозди, тараканы и окурки кладутся в хлеб без всякой системы, отчего одному едоку попадает два гвоздя, а другому ничего. Пора изжить эту несправедливость! Пора механизировать хлебопечение.



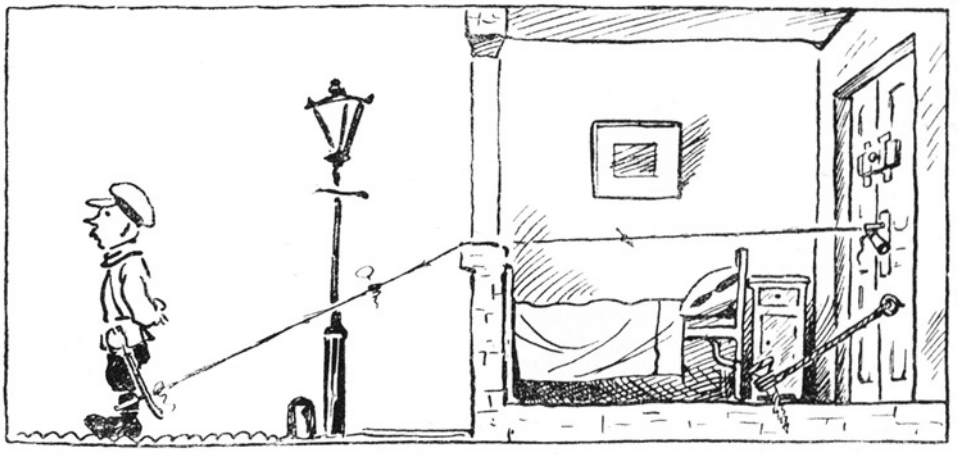
КОНТР-ПРОЕКТ

Снова начались разговоры о заселении больших пустующих дворцов. Пора приступить к этому.

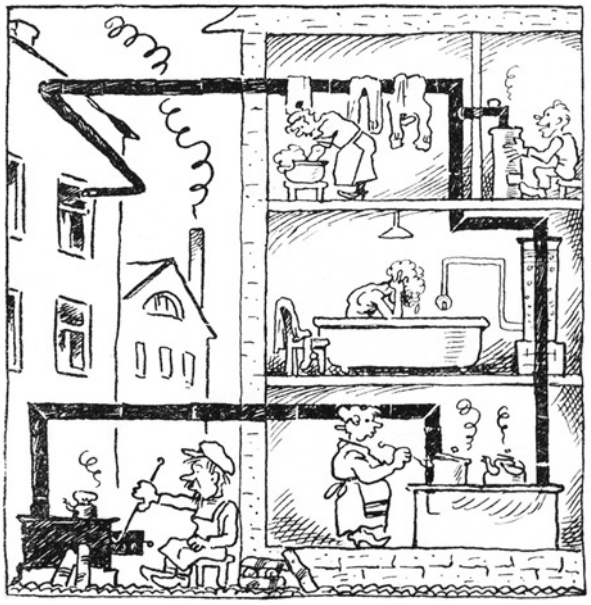
Многие интеллигентные инженеришки подают свой голос за устройство обычных квартирных перегородок. Однако эти интеллигентские идейки не выдерживают никакой суровой критики. На наш взгляд, наилучше всего строить небольшие отдельные халупки.

РУССКО-ФРАНЦУЗСКИЙ ЗАМОК

Нами усовершенствована система дверных запоров. Полнейшая гарантия от ограблений. Дешевизна. Простота. Не уступает сложным заграничным жульническим изделиям.



ТЕПЛОФИКАЦИЯ

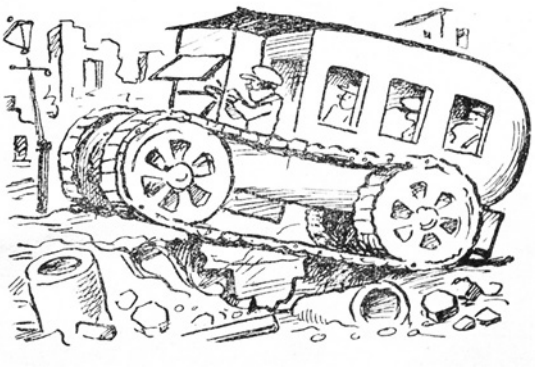


К сожалению, теплофикация Ленинграда до сих пор не осуществлена. Вот временные меры домашней теплофикации, доступной каждому небогатому жакту.

Конечно, нельзя закрывать глаза на возможность злоупотреблений со стороны малосознательной части населения. В верхнем правом углу нами изображен теплокрад, — этот паразит рабочей семьи.

Борьба с теплокрадством должна вестись путем домашних собеседований и лекций.

РОССИЙСКАЯ ТЕЛЕГА ИЛИ ТАНК?



Сейчас всюду идет дискуссия, каким же нам, наконец, пользоваться транспортом — автомобилем или телегой. На наш ничтожный взгляд, для российских дорог наилучше всего пригоден танк, что и видно из прилагаемого проекта.

Для городского уличного движения нами проработан особый проект гусеничного автобуса (сокращенно — гусенобуса).

ОХРАНА ПАМЯТНИКОВ СТАРИНЫ

Кражи участились. Крадут разные вещицы и белье. В последнее время стали красть не очень громоздкие части памятников. Отбивают медные шишечки у решеток и разные довольно нужные художественные штучки. Однако слух о том, что у Петра Великого сперли змею, еще не подтвердился. Пока не поздно, даем временный проект охраны памятников старины. Для охраны понадобится не более двух сторожей.

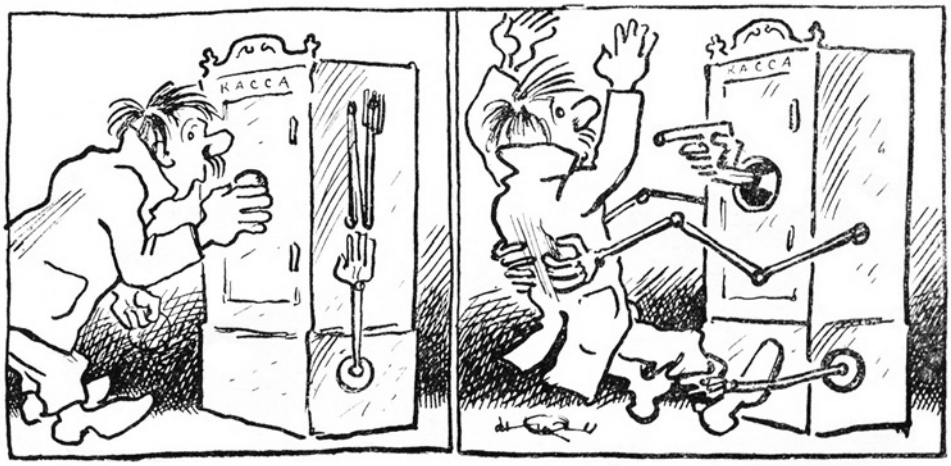
МАШИНИЗАЦИЯ ДОМАШНЕГО БЫТА

Полная машинизация домашнего быта крайне важна домашней хозяйке и кустарю-одиночке. Сохраняет время и здоровье.

Мы твердо верим, что лет через шесть этот наш проект осуществится в жизни.

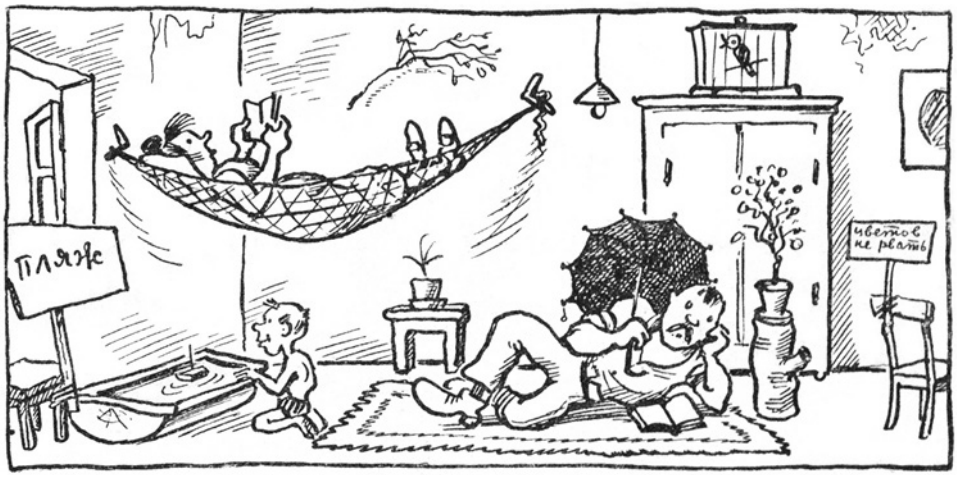
БЕЗОПАСНЫЙ ДЕНЕЖНЫЙ ШКАФ

Вот проект безопасного денежного шкафа. Самые опытные взломщики попадаются, как маленькие дети. Кроме денег, в нем смело можно хранить разные фамильные ценности — сахар, галоши и мануфактуру.



I. ДАЧА НА ДОМУ

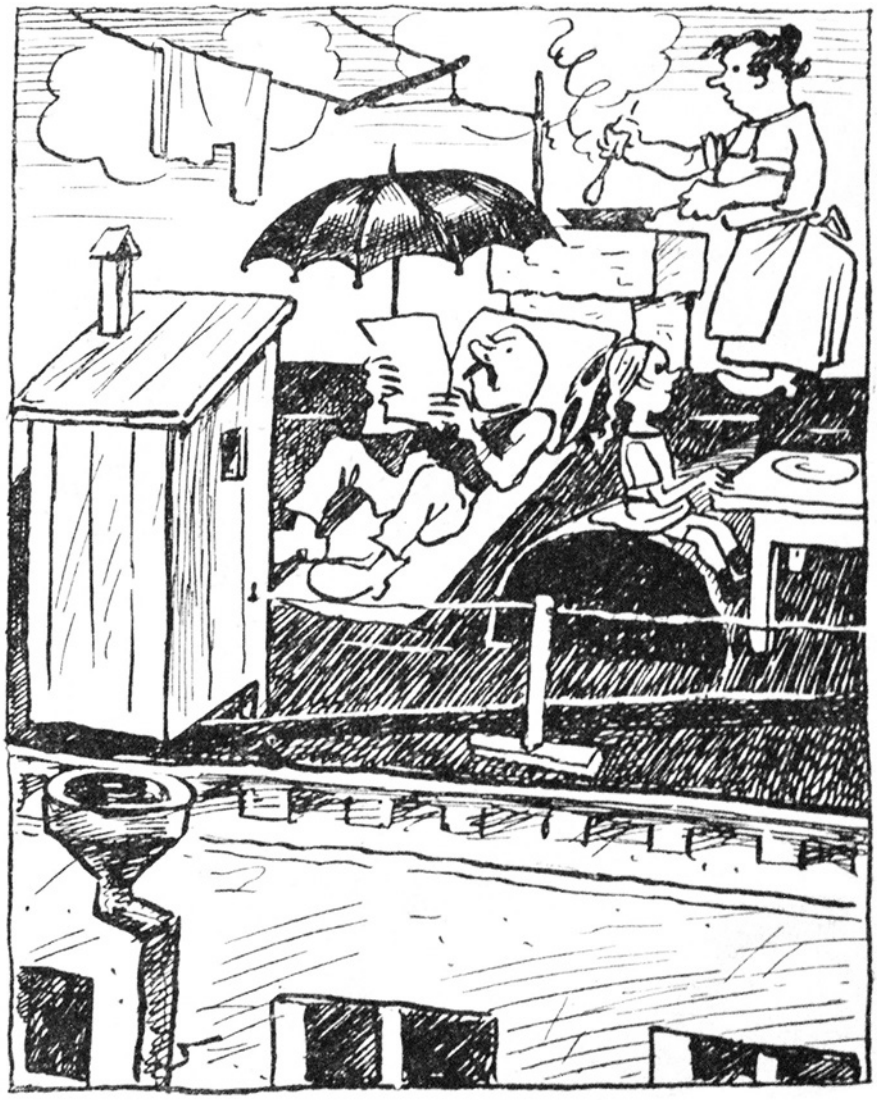
Не все кустари могут выехать на дачу. И не всем рабочим доступен еловый воздух. Вопрос о том, как устроить дачу на дому, беспокоит многих и многих небогатых граждан. Даем схематический рисунок дачного оборудования. Себестоимость — от рубля до полтинника. Дешево и сердито!



II. ДАЧА НА ДОМУ

Этот проект еще более заманчив обилием воздуха, бесплатным топливом и красивым видом на луну.

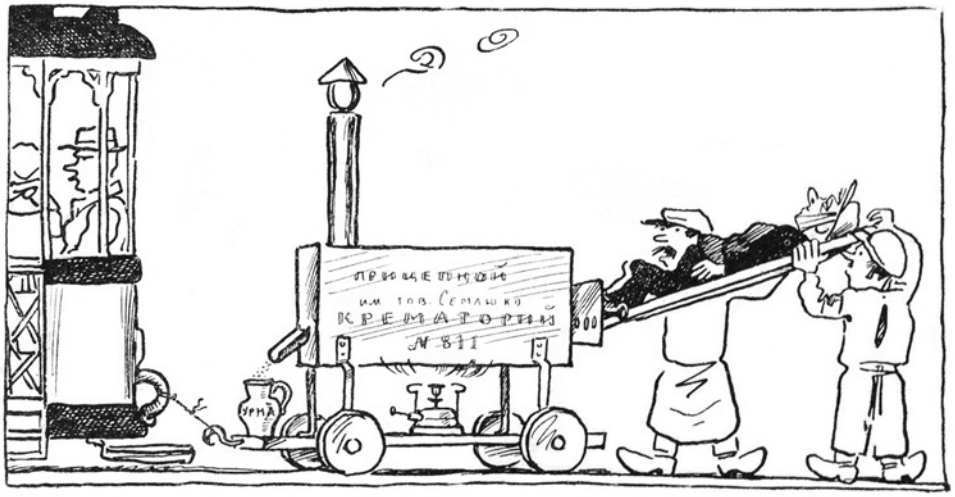
И человек, поживший в такой открытой, свободной атмосфере, уже не захочет ехать в Сестрорецк или в Крым, где происходят землетрясения и толчки. Тем более что толчки могут и тут происходить в связи с оседанием или разрушением дома. И полная иллюзия с южными курортами открывает новые громадные перспективы.



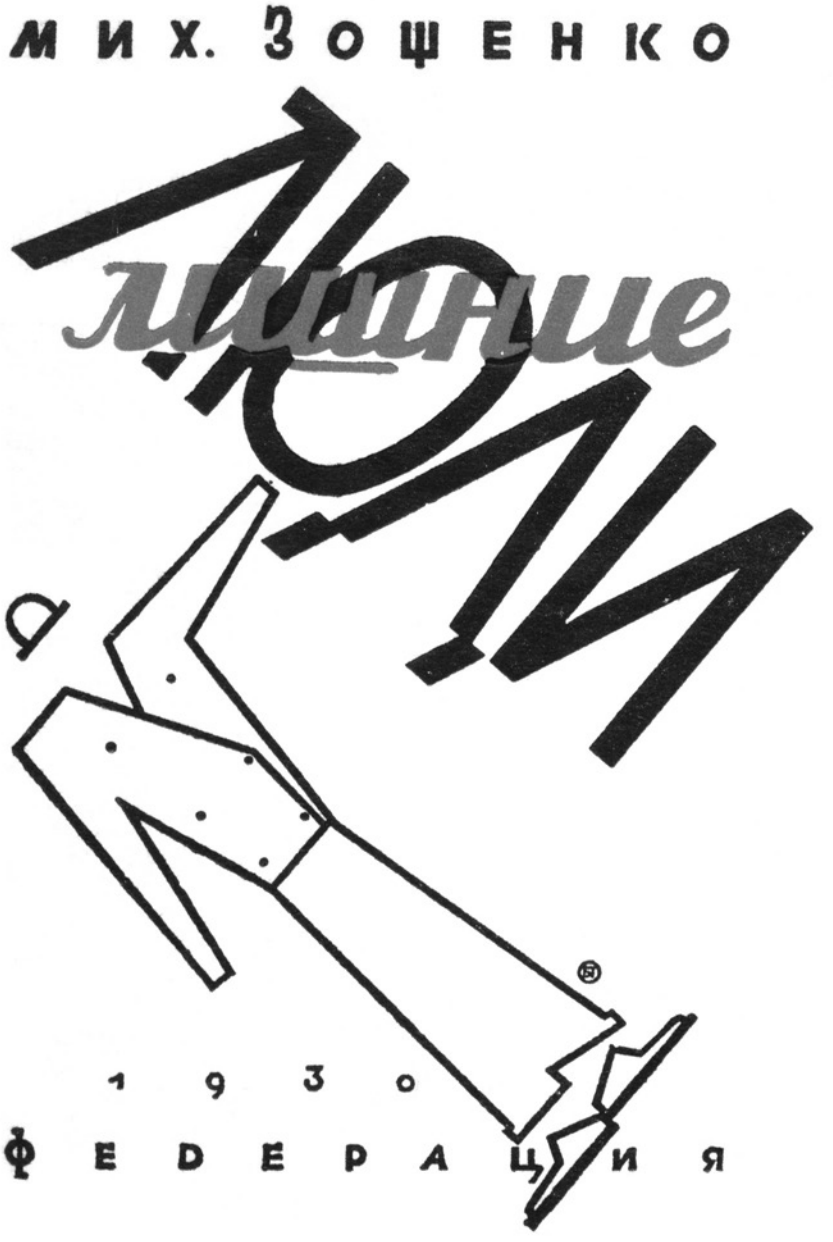
ПОХОДНЫЙ КРЕМАТОРИЙ

Три года идет идейный спор, где же, наконец, построить крематорий. Желая раз навсегда покончить с этим наболевшим вопросом, предлагаем вниманию кого следует наш проект подвижного, походного крематория.

Исключительная дешевизна, полная доступность широким слоям населения. Незаменим для трамвайных жертв.



Лишние люди
(1930)



ПЕЧКА

Печка у меня очень плохая. Вся моя семья завсегда угорает через нее. А чертов жакт починку производить отказывается. Экономит. Для очередной растраты.

Давеча осматривали эту мою печку. Вьюшки глядели. Ныряли туда вовнутрь головой.

— Нету, говорят. Жить можно.

— Товарищи, говорю, довольно стыдно такие слова произносить: жить можно. Мы завсегда угораем через эту вашу печку. Давеча кошка даже угорела. Ее тошнило давеча у ведра. А вы говорите — жить можно.

Чертов жакт говорит:

— Тогда, говорит, устроим сейчас опыт и посмотрим, угорает ли ваша печка. Ежли мы сейчас после топки угорим — ваше счастье — переложим. Ежли не угорим — извиняемся за отопление.

Затопили мы печку. Расположились вокруг ее. Сидим. Нюхаем.

Так, у вьюшки, сел председатель, так — секретарь Грибоедов, а так, на моей кровати, — казначей.

Вскоре стал, конечно, угар по комнате проноситься. Председатель понюхал и говорит:

— Нету. Не ощущается. Идет теплый дух, и только.

Казначей, жаба, говорит:

— Вполне отличная атмосфера. И нюхать ее можно. Голова через это не ослабевает. У меня, говорит, в квартире атмосфера хуже воняет, и я, говорит, не скулю понапрасну. А тут совершенно дух ровный.

Я говорю:

— Да как же, помилуйте, — ровный. Эвон, как газ струится.

Председатель говорит:

— Позовите кошку. Ежели кошка будет смирно сидеть, значит, ни хрена нету. Животное завсегда в этом бескорыстно. Это не человек. На нее можно положиться.

Приходит кошка. Садится на кровать. Сидит тихо. И ясное дело, тихо — она несколько привыкшая.

Затопили мы печку. Расположились вокруг ее. Сидим. Нюхаем

— Нету, — говорит председатель, — извиняемся.

Вдруг казначей покачнулся на кровати и говорит:

— Мне надо, знаете, спешно идти по делу. — И сам стоит зеленый и прямо на ногах качается.

Председатель говорит:

— Сейчас все пойдем.

И сам подходит до окна и в щелку дышит. Я его оттянул от окна.

— Так, говорю, нельзя экспертизу строить.

Он говорит:

— Пожалуйста. Могу отойти. Мне ваш воздух вполне полезный. Натуральный воздух, годный для здоровья. Ремонта я вам не могу делать. Печка нормальная.

А через полчаса, когда этого самого председателя ложили на носилки и затем задвигали носилки в каретку скорой помощи, я опять с ним разговорился.

Я говорю:

— Ну, как?

— Да нет, говорит, не будет ремонта. Жить можно.

Так и не починили.

Ну, что ж делать. Привыкаю. Человек не блоха — ко всему может привыкнуть.

МЕДИЦИНСКИЙ СЛУЧАЙ

Можно сказать, всю свою жизнь я ругал знахарей и всяких таких лекарских помощников.

А сейчас горой заступаюсь.

Уж очень святое наглядное дело произошло.

Главное, все медики отказались лечить эту девчонку. Руками разводили, черт ее знает, чего тут такое. Дескать, медицина в этом теряется.

А тут простой человек, без среднего образования, может, в душе сукин сын и жулик, поглядел своими бельмами на девчонку, подумал, как и чего, и пожалуйста — имеете заместо тяжелого недомогания здоровую личность.

А этот случай был с девчонкой.

Такая небольшая девчонка. Тринадцати лет. Ее ребятишки испугали. Она была вышедши во двор по своим личным делам. А ребятишки, конечно, хотели подшутить над ней, попугать. И бросили в нее дохлой кошкой. И у нее через это дар речи прекратился. То есть она не могла слова произносить после такого испуга. Чего-то бурчит, а полное слово произносить не берется. И кушать не просит.

Такая небольшая девчонка. Тринадцати лет

А родители ее были люди, конечно, не передовые. Не в авангарде революции. Это были небогатые родители, кустари. Они шнурки к сапогам производили. И девчонка тоже чего-то им вертела. Какое-то колесо. А тут и вертеть не может, и речи не имеет.

Вот родители мотали, мотали ее по всем врачам, а после и повезли к одному специальному человеку. Про него нельзя сказать, что он профессор или врач тибетской медицины. Он просто лекарь-самородок.

Вот привезли они своего ребенка в Шувалово, до этого специалиста. Объяснили ему, как и чего.

Лекарь говорит:

— Вот чего. У вашей малютки прекратился дар речи через сильный испуг. И я, говорит, так мерекаю. Нуте я ее сейчас обратно испугаю. Может, она, сволочь такая, снова у меня заговорит. Человеческий, говорит, организм достоин всеобщего удивления. Врачи, говорит, и разная профессура сама, говорит, затрудняется узнать, как и чего и какие факты происходят в человеческом теле. И я, говорит, сам с ними то есть совершенно согласен и, говорит, затрудняюсь вам сказать, где у кого печенка лежит и где селезенка. У одного, говорит, тут, а у другого, может, не тут. У одного, говорит, кишки болят, а у другого, может, дар речи прекратился, хотя, говорит, язык болтается правильно. А только, говорит, надо на все находить свою причину и ее выбивать поленом. И в этом, говорит, есть моя сила и учение. Я, говорит, дознаюсь до причины и ее искореняю.

Конечное дело, родители забоялись и не советуют девчонку поленом ударять. Медик говорит:

— Что вы, что вы! Я, говорит, ее поленом не буду ударять. А я, говорит, возьму махровое или, например, вафельное полотенце, посажу, говорит, вашу маленькую лахудру на это место, и пущай она сидит минуты три. А после, говорит, я тихонько выбегу из-за дверей и как ахну ее полотенцем. И может, она протрезвится. Может, она шибко испугается, и, я так мерекаю, может, она снова у нас разговорится.

Тогда вынимает он из-под шкафа вафельное полотенце, усаживает девчонку куда надо и выходит.

Через пару минут он тихонько подходит до нее и как ахнет ее по загривку.

Девчонка как с перепугу завизжит, как забьется.

И, знаете, заговорила.

Говорит и говорит, прямо удержу нету. И домой просится. И за свою мамку цепляется. Хотя взгляд у ней стал еще более беспокойный и такой вроде безумный. Родители говорят:

— Скажите, она не станет после этого факта дурочкой?

Лекарь говорит:

— Этого я не могу вам сказать. Мне, говорит, дело сообщить ей дар речи. И это есть налицо. И, говорит, меня не так интересует ваша трешка, а мне, говорит, забавней видеть подобные результаты.

Родители подали ему трешку и отбыли.

А девочка действительно заговорила. Действительно верно, она немного в уме свихнулась, немножко она такая стала придурковатая, но говорит, как пишет.

ШАПКА

Только теперича вполне чувствуешь и понимаешь, насколько мы за десять лет шагнули вперед!

Ну, взять любую сторону нашей жизни — то есть во всем полное развитие и счастливый успех.

А я, братцы мои, как бывший работник транспорта, очень наглядно вижу, чего, например, достигнуто и на этом довольно-таки важном фронте.

Поезда ходят взад и вперед. Гнилые шпалы сняты. Семафоры восстановлены. Свистки свистят правильно. Ну прямо приятно и благополучно ехать.

А раньше. Да бывало, в том же восемнадцатом году. Бывало, едешь, едешь — вдруг полная остановка. Машинист, значит, кричит с головы состава, дескать, сюды, братцы.

Ну, соберутся пассажиры. Машинист им говорит:

— Так и так. Не могу, робя, дальше идтить по причине топлива. И если, говорит, кому есть интерес дальше ехать — вытряхайся с вагонов и айда в лес за дровами.

Ну, пассажиры побранятся, поскрипят, мол, какие нововведения, но все-таки идут до лесу пилить и колоть.

Напилят полсажени дров и далее двигаются. А дрова, ясное дело, сырые, чертовски шипят и едут плохо.

А то, значит, вспоминается случай — в том же девятнадцатом году. Едем мы этаким скромным образом до Ленинграду. Вдруг резкая остановка на полпути. Засим — задний ход и опять остановка.

Значит, пассажиры спрашивают: зачем остановка, к чему это все время задний ход? Или, боже мой, опять идти за дровами, машинист разыскивает березовую рощу, или, может быть, бандитизм развивается?

Помощник машиниста говорит:

— Так и так. Произошло несчастье. Машинисту шапку сдуло, и он теперича пошел ее разыскивать.

Видим — действительно машинистова шапка,
зацепившись, на кустах висит

Сошли пассажиры с состава, расположились на насыпи. Вдруг видят, машинист из лесу идет. Грустный такой. Бледный. Плечами пожимает.

— Нету, говорит, не нашел. Пес ее знает, куда ее сдуло.

Поддали состав еще на 500 шагов назад. Все пассажиры разбились на группы — ищут.

Минут через двадцать один какой-то мешочник кричит:

— Эй, черти, сюда! Эвон где она.

Видим — действительно машинистова шапка, зацепившись, на кустах висит.

Машинист надел свою шапку, привязал ее к пуговке шпагатом, чтоб обратно не сдуло, и стал разводить пары́.

И через полчаса благополучно тронулись.

Вот я и говорю. Раньше было полное расстройство транспорта.

А теперь не только шапку — пассажира сдунет, и то остановка будет не более одной минуты.

Потому — время дорого. Надо ехать.

ПУСТОЕ ДЕЛО

Знаете, в нашем доме маленькая неприятность случилась. Подкололи одного человечка.

А только надо отдать справедливость — все произошло очень культурно.

В другом, более мещанском доме началась бы перед этим фактом разная буза, драка, мордобой. Стали бы почем зря стекла выбивать, перила портить и так далее.

А тут тихо и смирно поругались два частника по семейному делу, и один другого немного подколол. И спасибо, у того были надеты ввиду холодного времени ватник, жилетка и три рубахи. А то так бы и помер в страшных мучениях.

Ну, ясное дело, вызвали скорую помощь. Милицию. Одного туда. Другого сюда. Рассовали. И на этом дело окончилось.

Хотя как сказать.

Начали жильцы высказывать свои первые впечатления насчет убийства — кому, дескать, теперича комната достанется. Дескать, частник Костя Пономарев, дай бог ему добра, арестован и тем самым, так сказать, очищает свою жилплощадь. Так вот — кому ее дать? Кандидатов чересчур много. Все в нетерпении. И у некоторых стаж, может, с 17-го года.

А тут еще сам убитый начал встревать в это дело. Прислал фельдшера из больницы. И просит Костину комнату за ним оставить. И мало того —

вскоре сам появляется на нашем горизонте. Ему там в больнице подправили его дырку, и вот он снова заявляется, набравшись сил. И начинает предъявлять разные немыслимые требования. Дескать, кого подкололи, тому и комната. Дескать, такой декрет есть.

Председатель товарищества говорит:

— Я извиняюсь, хотя такого декрета определенного нету и это есть чистая демагогия, но, говорит, надо войти в положение потерпевшего объекта. Тем более он, сукин сын, проживает на кухне и дышит разным вредным перегаром, и все-таки его подкололи, а не другого.

А тот, холера, нарочно ходит сгорбленно, охает и все время берется ручкой за свое подколотое место, дескать, он чересчур страдает.

Ну, жильцы вроде как отступились. Потому видят — убитый совершенно осатанел и своего добра не выпустит.

Ну, махнули рукой. Дескать, пущай владеет. Пес с ним! Его счастье!

Хотя как сказать. Счастье оказалось не горазд крупное. Косте Пономареву дали всего полгода.

А очень убитый через это расстраивался. То есть жалко было на него глядеть. Даже другие кандидаты начали его успокаивать.

— Да вы, говорят, особенно не горюйте, молодой человек. Не убивайтесь так. Вы рассудите, ну за что ему больше дать? Что он деньги растратил или по морде вам дал при исполнении служебных обязанностей?

Убитый говорит:

— Да, это верно. Я понимаю. Дело пустое. А только я так думаю, что полгода мне маловато. Мне это только-только обжиться в его комнате.

Ему говорят:

— Ну может, он вернется и еще раз вас подколет. Может, он увидит, что вы в его комнате проживаете, и угробит вас. Может, ему тогда крупней дадут. Может, ему года полтора дадут?

Убитый говорит:

— Нету, братцы. Я вижу, что меня зря подкололи. Ну, хорошо. Костя через полгода вернется. А ну-те он на днях вернется? Ну-те он скорей всего попадет под амнистию и завтра явится? А я, значит, так и жди его?

Так убитый и не переехал в Костину комнату. И пожалуй, хорошо сделал.

Поругались два частника по семейному делу, и один другого немного подколол... У того были надеты ввиду холодного времени ватник, жилетка и три рубахи

КЛАД

Тут одна ленинградская дамочка вкапалась в довольно поганую историю.

Главное нехорошо, что она за собой еще одного человечка потянула. Одного водника.

Только его обвинять не надо. Он определенно вкапался благодаря мелкобуржуазному окружению. Его, может, подбили на это дело. Эта самая дама, может, сама за ним сбегала. А он, может быть, шел и упирался.

А сидит раз однажды эта самая дама у себя на квартире. Она жила в бывшей генеральской квартире. Бывшего генерала Лебедева. Она там комнату имела. На солнечной стороне. Бельэтаж. Парадный вход. И все на свете. Даже ей было поставлено мягкое кресло при разделе бывшего имущества генерала Лебедева.

А сидит она раз однажды в этой своей квартире. В этом самом кресле. Думает, наверное, какие-нибудь свои жульнические мысли и вдруг видит — перед ней стена. Другими словами — обыкновенная стенка в бывшей квартире генерала Лебедева.

И глядит она на эту стенку своими погаными глазами. И видит, будто в стенке какая-то неловкость. Или, я так скажу, выпуклость какая-то четырехугольная.

Или она сразу подумала, что это денежный ящик. Или ей мелькнула идея, будто генерал замазал в стенку свои разные ценности, перед тем как драпануть за границу. Одним словом, неизвестно, что она подумала.

Только вскочила она на свои жидкие ноги. Начала руками хвататься за стенку. Начала обойки отрывать.

Только видит — ей неможно своими дамскими руками капитальную стенку разобрать. И тогда она бежит крупной рысью до своего знакомого Головкина.

Бежит она, эта типичная выразительница мелкобуржуазной стихии, до своего знакомого, пролетария Григория Ефимовича Головкина. Говорит ему разные мелкобуржуазные слова. И тянет его до своей квартиры.

Приходят они в ее квартиру и производят осмотр.

Товарищ Головкин говорит:

— Вот чего. Без сомненья, чего-то там есть. Я еще не знаю чего, но чего-то, одним словом, есть. Тем более кирпич лежит не так, как ему следует лежать.

И тогда они оба два кидаются на эту стенку. Срезают обои. Колупают известку. Дорываются до народных кирпичей. И вынимают эти кирпичи.

Вынимают они по кусочкам кирпичи и видят: ничего нету. То есть абсолютно, совершенно ничего нету, кроме небольшого оседания капитальной

А сидит раз однажды эта самая дама у себя на квартире

стенки. И через это кирпичи лежат несколько боком и навевают разные мысли и грезы.

Тогда они начали поскорей обратно кирпичи всовывать. А только это у них очень безобразно получилось. Так что это дело невозможно было скрыть. Тем более ихний сосед услыхал суетню и тоже, не будь дурак, начал рыться в стене со стороны своей комнаты. И тоже дорылся до самых кирпичей.

Так что произошла форменная огласка делу.

А очень их троих крыл уполномоченный. И даже как будто бы теперь хочет дело передать в суд за жульнические мысли и за порчу государственного имущества.

Так что, собственно говоря, это дело еще не закончилось.

И хотя дело не закончилось, тем не менее наша молодая критика может предъявить свои права.

Позвольте, скажут, а чего, собственно, автор хотел сказать этим художественным произведением? Чего он хотел выяснить? И откуда, скажут, видать развитие наших командных высот? Или, может, это чистое искусство для искусства. И может быть, вообще автор нытик и сукин сын?

Дозвольте тогда объясниться.

Тут просто-напросто рассказан небольшой фактик с нашей ленинградской жизни.

И в крайнем случае под этот фактик можно подвести базу. Дескать, мелкобуржуазная стихия зашевелилась. Копает стену. Ищет клад. И тем самым хочет поправить свои пошатнувшиеся делишки.

Теперь все получилось в порядке дня.

Извините за беспокойство.

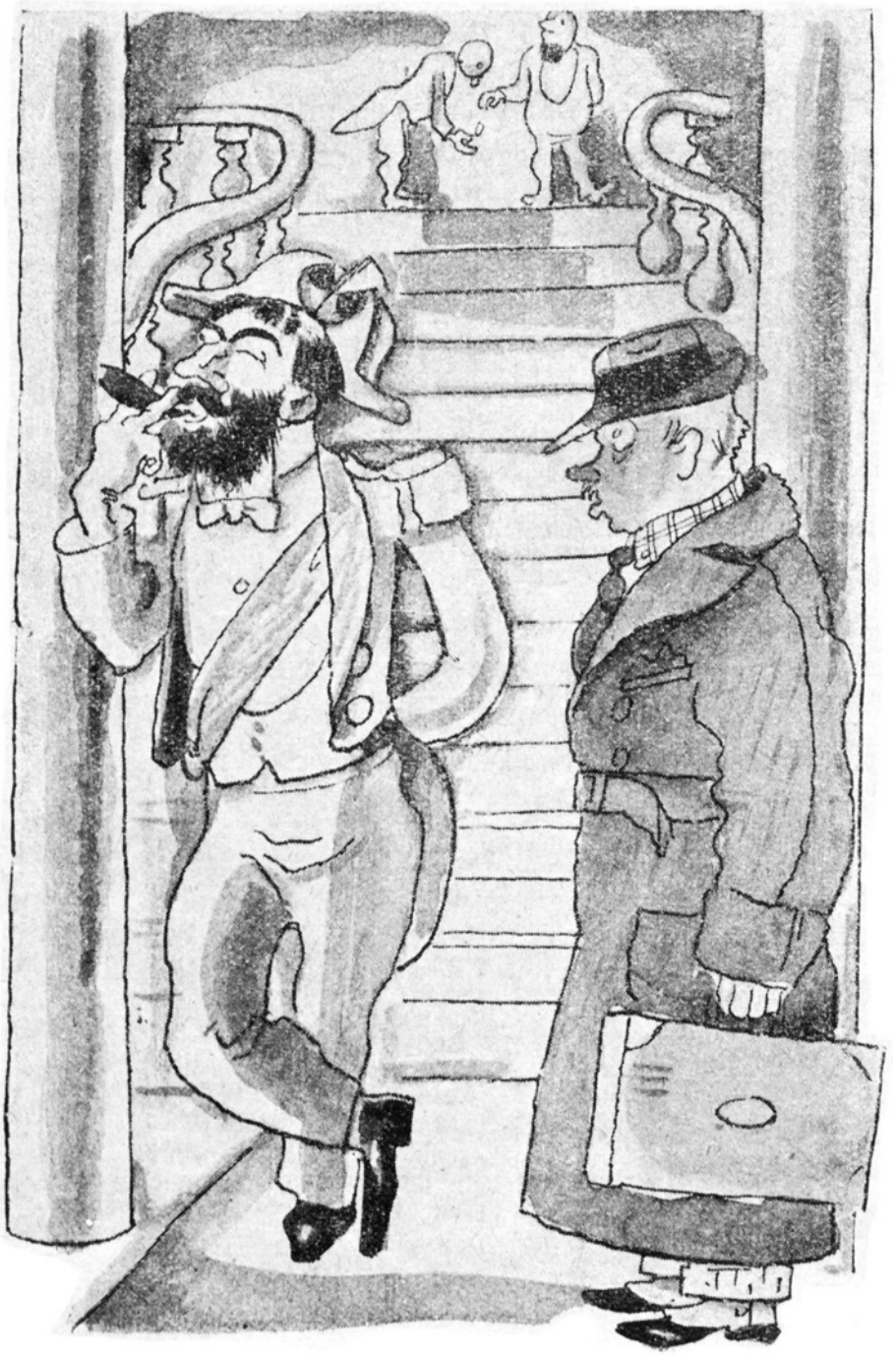
ХАМСТВО

Я-то сам не был за границей, так что не могу вам объяснить, чего там такое происходит.

Но вот недавно мой друг и приятель из-за границы прибыл, так он много чего оригинального рассказывал.

Главное, говорит, там капитализм заедает. Там без денег прямо, можно сказать, дыхнуть не дадут. Там деньги у них на первом месте. Сморкнулся — и то гони пфенниг.

У нас деньги тоже сейчас довольно-таки часто требуются. Можно сказать, куда ни плюнь — за все вытаскивай портмоне. Но все-таки у нас гораздо как будто бы легче.



Остановился в гостинице... Лакеи морды воротят

У нас, например, можно на чай не дать. Ничего такого не произойдет. Ну, скривит официант морду или стулом двинет, — дескать, сидел тоже, рыжий пес... И все.

А некоторые, наиболее сознательные, так и стульями двигать не станут. А только вздохнут, — дескать, тоже, публика.

А там у них за границей, ежели, для примеру, на чай не дать — крупные неприятности могут произойти. Я, конечно, не был за границей — не знаю. А вот с этим моим приятелем случилось. Он в Италии был. Хотел на Максима Горького посмотреть. Но не доехал до него. Расстроился. И назад вернулся.

А все дело произошло из-за чаевых.

Или у моего приятеля денег было мало, или у него убеждения хромали и не дозволяли, но только он никому на чай не давал. Ни в ресторанах, ни в гостиницах — никому.

А то, думает, начнешь давать — с голым носом домой вернешься.

Там ведь служащего народу дьявольски много. Это у нас, скажем, сидит один швейцар у дверей и никого не беспокоит. Его даже не видно за газетой. А там, может, одну дверь тридцать человек открывают. Нуте, попробуй, всех одели!

Так что мой приятель никому не давал.

А приехал он в первую гостиницу. Приняли его там довольно аккуратно. Вежливо. Шапки сымали, когда он проходил.

Прожил он в таком почете 4 дня и уехал в другой город. И на чай, конечно, никому не дал. Из принципа.

Приехал в другой город. Остановился в гостинице. Смотрит, не тот коленкор. Шапок не сымают. Говорят сухо. Нелюбезно. Лакеи морды воротят. И ничего быстро не подают.

Мой приятель думает: хамская гостиница. Возьму, думает, и перееду.

Взял и переехал. Переехал он в другую гостиницу. Смотрит — совсем плохо. Только что по роже не бьют. Чемоданы роняют. Подают худо. На звонки никто не является. Грубят.

Больше двух дней не мог прожить мой приятель и в страшном огорчении поехал в другой город.

В этом городе, в гостинице, швейцар чуть не прищемил моего приятеля дверью — до того быстро ее закрыл. Номер же ему отвели у помойки, рядом с кухней. Причем коридорные до того громко гремели ногами около его двери, что мой приятель прямо-таки захворал нервным расстройством. И, не доехав до Максима Горького, вернулся на родину.

И только перед самым отъездом случайно встретил своего школьного товарища, которому и рассказал о своих неприятностях.

Школьный товарищ говорит:

— Очень, говорит, понятно. Ты, небось, чаевые давал плохо. За это они тебе наверное минусы на чемоданы ставили. Они завсегда отметки делают. Которые дают — плюс, которые хамят — минус.

Прибежал мой приятель домой. Действительно, на левом углу чемодана — четыре черточки.

Стер эти черточки мой приятель и поехал на родину.

ИНОСТРАНЦЫ

Иностранца я завсегда сумею отличить от наших советских граждан.

У них, у буржуазных иностранцев, в морде что-то заложено другое. У них морда, как бы сказать, более гордо и неподвижно держится, чем у нас. Как, скажем, взято у них одно выражение лица, так и смотрится этим выражением лица на все остальные предметы.

Некоторые иностранцы для полной выдержки монокли в глазах носят. Дескать, это стеклышко не уроним и не сморгнем, чего бы ни случилось.

Это, надо отдать справедливость, здорово.

А только иностранцам иначе и нельзя. У них жизнь довольно беспокойная. Без такой выдержки они могут ужасно осрамиться.

Как, например, один иностранец костью подавился. Курицу, знаете, шамал и заглотал лишнее. А дело происходило на званом обеде. Мне про этот случай один знакомый человечек из торгпредства рассказывал.

Так дело, я говорю, происходило на званом банкете. Кругом, может, миллионеры пришли. Форд сидит на стуле. И еще разные другие.

А тут, знаете, наряду с этим человек кость заглотал.

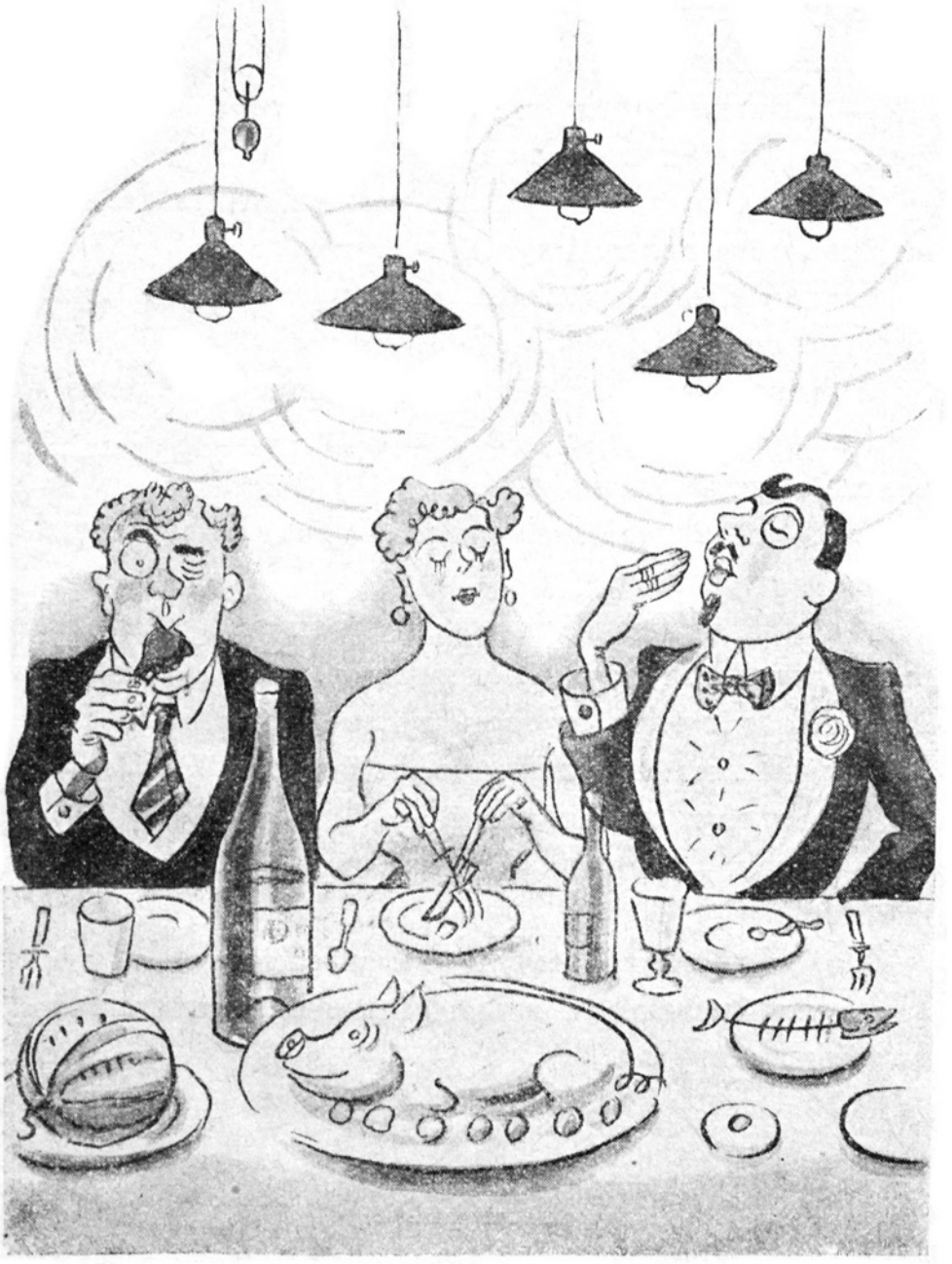
Конечно, с нашей свободной точки зрения в этом факте ничего такого оскорбительного нету. Ну, проглотил и проглотил. У нас на этот счет довольно быстро. Скорая помощь есть. Мариинская больница. Смоленское кладбище.

А там этого нельзя. Там уж очень избранное общество. Кругом миллионеры расположились. Форд на стуле сидит. Опять же фраки. Дамы. Одного электричества горит, может, больше как на двести свечей.

А тут человек кость проглотил. Сейчас сморкаться начнет. Харкать. За грудку хвататься. Ах, боже мой! Моветон и черт его знает что.

А выйти из-за стола и побежать в ударном порядке в уборную — тоже нехорошо, неприлично. Ага, скажут, побежал до ветру. А там этого абсолютно нельзя.

Так вот этот француз, который кость заглотал, в первую минуту, конечно, смертельно испугался. Начал было в горле копаться. После ужасно побледнел.



Начал дамам посылать разные воздушные поцелуи

Замотался на своем стуле. Но сразу взял себя в руки. И через минуту заулыбался. Начал дамам посылать разные воздушные поцелуи. Начал, может, хозяйскую собачку под столом трепать. Хозяин до него обращается по-французски:

— Извиняюсь, говорит, может вы чего-нибудь действительно заглотали несъедобное. Вы, говорит, в крайнем случае скажите.

Француз отвечает:

— Коман? В чем дело? Об чем речь? Извиняюсь, говорит, не знаю как у вас, а у меня все в порядке.

И начал опять воздушные улыбки посылать. После на бламанже налег. Скушал порцию.

Одним словом, досидел до конца обеда и никому виду не показал.

Только когда встали из-за стола, он слегка покачнулся и за брюхо рукой взялся — наверное, кольнуло. А потом опять ничего.

Посидел в гостиной минуты три для приличия и пошел в переднюю.

Да и в передней не особо торопился, с хозяйкой побеседовал, за ручку подержался, за галошами под стол нырял вместе со своей костью. И отбыл.

Ну, на лестнице, конечно, поднажал.

Бросился в свой экипаж.

— Вези, — кричит, — куриная морда, в приемный покой!

Подох ли этот француз, или он выжил — я не могу вам этого сказать, не знаю. Наверное, выжил. Нация довольно живучая.

ХОРОШИЙ ЗНАКОМЫЙ

Пущай читатель за свои деньги чувствует — я печатаю этот рассказ прямо с опасностью для здоровья.

Это есть истинное происшествие. Все, так сказать, взято из источника жизни. И я побаиваюсь, как бы главное действующее лицо не набило бы мне морды за разглашение подобных фактов.

Ну да может, как-нибудь мирно обернется. А факт уж очень густой. Прямо не могу молчать.

А было это в Москве. И жил в этой Москве, на Зацепе, такой московский гражданин А. Ф. Царапов.

Особенно он ничем таким не отличался. Только тем он отличался, что в свое время учился в одной и той же прогимназии с одним очень ответственным товарищем. Одним словом, с наркомом. Вот только я позабыл, с каким наркомом.

Или с наркомом труда или собеса. А может быть, и чего-нибудь другого. Я не запомнил.

Ну и конечно, в силу этого он любил похвалиться этим обстоятельством своей жизни. Дескать, они и в перышки вместе игрались. И будто, я извиняюсь, за волосья друг друга дергали. И даже будто раз однажды товарищ нарком французскую булку у него скушал. Франзоль.

Про этот факт А. Ф. Царапов особенно любил наворачивать. И при этом у него завсегда слезы в глазах горели от разных гуманных чувств и переживаний.

Только, товарищи, предупреждаю. Я за это дело не отвечаю. Тем более, может, это вранье со стороны Царапова. Хотя факт вполне допустимый. Тем более правительство рабоче-крестьянское. Вожди из народа. Не министры. Это министры, действительно верно, в детском возрасте, может, пирожки с кремом жрали, а от простой французской булки морды отворачивали. А тут вполне допустимое явление.

Так вот, раз однажды, когда А. Ф. Царапов обратно начал касаться этой французской булки, подходит до него один такой безработный жилец и так ему говорит:

— Вот, — говорит, — вы разные слова произносите и, говорит, кормите наркома французской булкой... Чего я вас попрошу... Закиньте пару словец насчет меня... Как я, — говорит, — есть безработный с одна тысяча девятьсот двадцать второго года и не могу найти службу... А тут как раз слышу подобные речи и факты.

А. Ф. Царапов говорит:

— Ладно! Специально я ехать к нему не буду. У него делов и без нас хватает. Но, — говорит, — как-нибудь, отчего же. Об чем разговор...

Все многолюдное общество и сам безработный так ему говорят:

— Да вы, — говорят, — не откладайте это дело. Вы, — говорят, — звякните ему.

И конечно, приперли к стенке Царапова. И пришлось ему позвонить.

Или нарком действительно узнал в нем своего бывшего одноклассника. Или просто не хотел грубить по телефону. Только он так ему говорит:

— Насчет протекции это хуже. Я гляжу против протекции, хвостизма и спецеедства, но, говорит, поговорить на разные темы, отчего же, можно.

И велит, значит, Царапову приехать к часу дня.

И вот на другой день А. Ф. Царапов под громкие аплодисменты и овации всего дома отбыл к наркому, совершенно не предполагая, что в пути произойдет с ним непредвиденное обстоятельство, которое нарушит весь торжественный ход событий. Только не подумайте — не встреча с наркомом. Другое.

А подходит товарищ Царапов до трамвая. И садится. Он садится в трамвай и ожидает движения. А движения, видит, нету.

Он любил похвалиться этим обстоятельством своей жизни. Дескать, они и в перышки вместе игрались... И даже будто раз однажды товарищ нарком французскую булку у него скушал

А надо сказать, это была конечная трамвайная станция. И сразу там, конечно, движения не бывает. Надо и кондуктору погреться в помещении и, может, ведомость написать.

Одним словом, нет и нет движения.

Начал Царапов слегка волноваться — не опоздать бы.

Вышел на площадку. Легонько про себя ругается. Тут же какой-то гражданин стоит. Такой у него неопределенный облик. Хотя, видать, трудящийся. В ватном полупальте. И тоже выражает неудовольствие.

— Беруть, — говорит, — по 8 копеек, а, между прочим, стоя́т.

А. Ф. Царапов ему говорит:

— Главное, товарищ, мне надо к наркому ехать. А они определенно не чешутся.

Трудящийся говорит:

— Они так завсегда. Деньги им подай, а ехать они не хочут. На стоянках отыгрываются. Ток экономят... Эвон глядите — вожатый, как более сознательный, идет, а кондукторша, зараза, еще греется.

Начал Царапов говорить, зачем он едет и вообще про французскую булку и вдруг, знаете, позвонил. Дернул сигнал, дескать, можно ехать.

Чего у него в эту минуту было на душе — остается тайной природы. Но только он позвонил. И так говорит:

— Пущай без кондукторши поедем. Как-нибудь обойдемся, раз мы имеем от них такие поступки. Не опаздывать же.

И вагон, конечно, поехал.

Едут. Доехали до трамвайной остановки. Вошла публика. Царапов обратно дает сигнал. Опять поехали.

Через три остановки начала публика глядеть, где кондуктор. Глядит — нету. Глядит — пассажир и звонки названивает, и денег не берет, и жалованья не требует.

Пожалуйста, думают. Дешевле ехать. И молчат.

Так бы, может, и доехал наш Царапов до своего знакомого наркома, но тут очень видную роль сыграла служба связи.

Поднялась, конечно, тревога на конечном пункте. Дескать, трамвай ушел, — задержать и все такое. Ну и задержали на шестой остановке.

Конечно, схватили Царапова. Окружили. Начали его ругать. А сильнее всех ярился вожатый. Он даже хотел своей медной рукояткой личность ему разбить за такое нахальство. Только удержали.

Из публики говорят:

— Одно не понять, чего он, обалдуй, с окружающих граждан денег не брал. Все равно сидеть.

А. Ф. Царапов, конечно, умоляет и вообще вопит, что его зарезали этим делом, что теперь он может опоздать к наркому.

Однако, как он ни бился и как ни кусался, его не выпустили и доставили в милицию.

Правда, через два часа его освободили, но к наркому он уже не поехал. Безработный жилец остался безработным с 22-го года. И вся жизнь потекла по прежнему руслу.

А этим художественным произведением автор хочет сказать: не гордись. А ежели гордишься, поезжай в крайнем случае на извозчике.

ЗАБАВНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

Лиговский поезд никогда шибко не идет. Или там путь не дозволяет, или семафоров очень много настановлено — сверх нормы — я этого не знаю. Но только ход поезда удивительно медленный. Прямо даже оскорбительно ехать.

И, конечно, через такой ход в вагоне бывает ужасно как скучно. Прямо скажем — делать нечего.

На публику глядеть, конечно, мало интереса. Обидятся еще. «Чего, — скажут, — смотришь? Не узнал?» Ударят еще. А своим делом заняться тоже не всегда можно. Читать, например, нельзя. Лампочки особо мутные. И ужасно высоко присобачены. Прямо как угольки сверху светят, а радости никакой.

Хотя насчет лампочки это зря сказано. Эта веселенькая история произошла днем. Но оно и днем скучно ехать.

Так вот, в субботу днем в вагоне для некурящих пассажиров ехала Феклуша. Фекла Тимофеевна Разуваева. Она из Лигова до Ленинграда ехала за товаром. Она яблоками и семечками торгует в Лигове на вокзале.

Так вот, эта самая Феклуша поехала себе на Щукин. На Щукин рынок. Ей охота была приобрести ящик браку антоновки.

И присела она с Лигова у окошка и поехала. Едет и едет. А напротив ее едет Федоров, Никита. Рядом, конечно, Анна Ивановна Блюдечкина — совслужащая из Соцстраха. Все литовские. На работу едут.

А вскоре после Лигова еще новый пассажир входит. Военный. Он до этого времени на площадке ехал. И садится он наискось от Феклы Тимофеевны Разуваевой. Садится он наискось и едет.

Фекла Тимофеевна, пущай ей будет полное здоровье и благополучие, развязала косынку и, развязавши, стала свободно размышлять на торговые темы, мол, сколько в ящике может быть антоновки и так далее.

После поглядела она в окно. А после, от полной скуки, стала Фекла Тимофеевна подремывать. Что ли в теплом вагоне ее, милую, развезло или

скучные картины природы на нее подействовали, но только начала Фекла Тимофеевна клевать носом. И зевнула.

Первый раз зевнула — ничего. Второй раз зевнула во всю свою ширь — аж все зубы можно пересчитать. Третий раз зевнула еще послаще. А военный, который наискось сидел, взял и добродушно сунул ей палец в рот. Пошутил. Ну, это часто бывает — кто-нибудь зевнет, а ему палец в рот. Но, конечно, это бывает, между, скажем, настоящими друзьями, заранее знакомыми или родственниками со стороны жены. А этот совершенно незнакомый. Фекла Тимофеевна в первый раз его видит.

По этой причине Фекла Тимофеевна, конечно, испугалась. И, с перепугу, поскорей захлопнула свой чемодан. И довольно сильно тяпнула военного за палец.

Ужасно тут закричал военный. Начал кричать и выражаться. Мол, палец ему почти начисто оттяпали. Полез было драться, но пассажиры остановили. Тем более, что палец совершенно не оттяпали, а просто немного захватили зубами. И крови-то почти не было — не больше полстакана. Началась легкая перебранка. Военный говорит:

— Я, — говорит, — ну, просто пошутил. Если бы, говорит, я вам язык оторвал или что другое, тогда кусайте меня, а так, говорит, я не согласен. Я, говорит, военнослужащий и не могу дозволить пассажирам отгрызать свои пальцы.

Фекла Тимофеевна говорит:

— Ой! Если бы ты мне за язык взялся, я бы тебе полную кисть руки оттяпала. Я не люблю, когда меня за язык хватают.

Начала тут Фекла Тимофеевна на пол сплевывать, дескать, может, и палец-то, черт знает какой грязный, и черт знает, за что брался, — нельзя же такие вещи строить — негигиенично.

Но тут ихняя дискуссия была нарушена — подъехали к Ленинграду.

Фекла Тимофеевна еще слегка полаялась со своим военным и пошла на Щукин.

ЗУБНОЕ ДЕЛО

С этого года у Егорыча зубное дело покачнулось. Начали у него зубы падать.

Конечно, годы идут, само собой. Организм, так сказать, разрушается. Кость, может быть, по непрочности довоенного материала выветривается.

Одним словом, у Иван Егорыча Колбасьева, проживающего в нашем доме, начали с этого года зубы крошиться и выпадать.

Один-то зуб ему, это верно, выбили при разговоре. А другие самостоятельно начали падать. Так сказать, не дожидаясь событий. Скажем, жует человек или говорит о заработной плате, и вообще рядом поблизости никаких

В клинике ему говорят:
— Пожалуйста. Можно поставить. Только у нас правило: восемь зубов должно не хватать

людей нету, а зубы сыпятся. Прямо удивительно. Шесть зубов в короткое время потерял.

Но только Егорыч этого никогда не боялся. Он не боялся остаться без зубов. Человек он застрахованный. Ему всегда обязаны на свое место зубы поставить.

С этими мыслями он так и жил на свете. И всегда говорил:

— Я, говорит, зубами никогда не стесняюсь. Мне выбивать можно. По другому предмету или по носу я никогда не позволю себя ударить, а зубное дело у меня тихое и спокойное. У нас, у застрахованных, завсегда полное спокойствие в этом смысле.

И когда, значит, Иван Егорыч потерял шесть зубов, тогда он решил устроить себе капитальный ремонт. Захватил он с собой документы и пошел, кажется что, в клинику.

В клинике ему говорят:

— Пожалуйста. Можно поставить. Только у нас правило: восемь зубов должно не хватать. Ежели больше — ваше счастье, наше несчастье. А мелкими подрядами клиника не занимается. Такой закон для застрахованных.

Егорыч говорит:

— У меня шесть.

— Нету, говорят, невозможно тогда, товарищ. Подождите своего времени.

Тут Егорыч даже рассердился.

— Да что ж это, говорит, поленом что ли мне остальные зубы вышибать?

— Вышибать, говорят, не надо. Зачем же природу портить. Обождите, может, на ваше счастье, они сами выпадут.

В полном расстройстве чувств пошел Егорыч домой.

Такое, думает, было спокойное зубное дело и какие, знаете, неожиданности.

Начал Егорыч ждать, когда выпадут у него эти лишние незаконные зубы.

Вскоре один выпал. А другой Егорыч начал рашпилем трогать — подчищать и тоже сковырнул со своего насиженного места.

Побежал Егорыч в клинику.

— Теперича, говорит, как в аптеке — в аккурат 8 зубов.

— Пожалуйста, говорят, ему, теперь совершенно можно. У вас как, подряд 8 зубов не хватает, или как? А то у нас правило: надо, чтоб подряд не хватало. Если не подряд, а в разных местах, то мы не беремся — потому, такой зубной гражданин жевать еще может. Егорыч говорит:

— Нету. Не подряд.

— Тогда, говорят, не можем.

Ничего на это Егорыч не сказал, только заскрипел остатними зубами и вышел из клиники.

Эва, думает, какие неожиданности. Такое было аккуратное душевное состояние, а теперь ничего подобного.

Сейчас Егорыч живет тихо, пищу ест жидкую и остатние свои зубы чистит щеточкой три раза в день. В этом отношении клиническое правило обернулось выгодно.

НАУЧНОЕ ЯВЛЕНИЕ

Давеча у нас в Гавани какая интересная история развернулась. Иду по улице. Вижу — народ собирается около пустыря.

— Что такое?

— Так что, говорят, странное подземное явление, товарищ. Не землетрясение, нет, но какая-то подземная сила народ дергает. Нету никакой возможности гражданам вступать на этот боевой участок, около этой лужи. Толчки происходят.

А тут ребята дурака валяют — пихают прохожих до этого опасного участка. Меня тоже, черти, пихнули.

И всех, которые вступают, отчаянно дергает. Ну прямо устоять нет никакой возможности, до того пронизывает.

Тут один какой-то говорит:

— Скорей всего, это кабель где-нибудь лопнувши — ток сквозь сырую землю проходит. Ничего удивительного в этом факте нету.

Другой тоже говорит:

— Я сам бывший электротехник. Давеча я сырой рукой за выключатель схватился, так меня так дернануло — мое почтенье. Это вполне научное явление около лужи.

А народу собралось вокруг этого факта много. Вдруг милиционер идет. Публика говорит:

— Обожди, братцы. Сейчас мы его тоже втравим. Пущай его тоже дернет.

Подходит милиционер до этого злополучного участка.

— Что, говорит, такое? Какое такое подземное явление?

И сам прет по незнанию в самый опасный промежуток.

Вступил он ногами на этот промежуток — и ничего, не дергает.

Тут прямо в первую минуту население обалдело. Потому — всех дергает, а милицию не дергает.

Милиционер строгой походкой проходит сквозь весь участок и разгоняет публику.

Ничего на это милиционер не сказал, только строго посмотрел на население, скинул свои галоши и подошел к луже. Тут у лужи его и дернуло!

Тут один какой-то кричит:

— Так он, братцы, в галошах! Резина же не имеет права пропущать энергию.

Ничего на это милиционер не сказал, только строго посмотрел на население, скинул свои галоши и подошел к луже. Тут у лужи его и дернуло!

После этого народ стал спокойно расходиться. А вскоре прибыл электротехник и начал ковырять землю.

А милиционер еще раз, когда народ разошелся, подошел без галош до этого участка, но его снова дернуло.

Тогда он покачал головой — дескать, научное явление — и пошел стоять на свой перекресток.

СЕМЕЙНЫЙ КУПОРОС

Тут недавно поругалась одна наша жиличка со своим фактическим супругом.

Безусловно, у них каждую неделю какой-нибудь семейный купорос случался, но это превзошло ожидания. Они, сукины дети, начали вещами кидаться.

Он в нее самоварным крантиком кинулся. А самовар, знаете, потек. Она рассердилась — и в него блюдечком. А он осколок подобрал от этого разбитого блюдечка и нарочно ковырнул этим осколком свою потертую личность. И орет, дескать, произошло зверское мужеубийство.

Но она, то есть его супруга Катюша Белова, оказалась более сознательная.

— Ах так, говорит!

Ну, одним словом, сами понимаете, что она говорит.

— Я, говорит, может сейчас же перестану с тобой жить. Вот сейчас же, говорит, соберу свое имущество и тогда кидайте крантики в своих соседей, а с меня довольно.

Он говорит:

— Ах, говорит, скажите, как напужали. Пожалуйста, говорит. Чище воздух будет.

Тут у них снова произошло некоторое оживление, так сказать, небольшая стычка семейного характера. После чего Катя собрала свои вещички. Завернула их в простыню. Плюнула в своего фактического подлеца. И пошла себе.

Она пошла до своей родной матери. До своей мамы. А ее мама не слишком обрадовалась прибытию. Одним словом, не прыгала вокруг своей дочки.

— Так что, говорит, я сама угловая жиличка, и, говорит, как вам известно, у меня нету комнатных излишков.

Катя говорит:

— Так что я всего, может, на пару дней, до приискания комнаты.

Старушка не проявила идеологического шатания в этом вопросе.

— Знаем, говорит. Другие, говорит, по шестьдесят лет ищут комнаты и находить не могут, — а ты, говорит, нашлась какая веселая.

Ну, дочка видит, что мама склокой занимается — положила узел в углу и пошла до своей подруги. У ней подруга была — Тося.

Тося говорит:

— Очень, говорит, я тебе сочувствую. Можешь, говорит, рассчитывать на мою моральную поддержку, но, говорит, я сама с мужем проживаю в одной небольшой комнатке, так что рассуждения излишни.

Тогда побегла Катюшка еще до одной знакомой дамы, но ничего такого не получилось.

А уже вечер приближается. Надо куда-нибудь деться. Не на юге.

Побегла Катя еще в одно место. После зашла в гостиницу бывш. «Модерн». В «Модерне» ей говорят:

— Так что, у нас допущают только приезжающих. А то, говорят, процветает разврат. А вот, говорят, если б вы жили, для примеру, в Москве, то, говорят, мы охотно допустили бы вас, как приезжую, а так, говорят, извиняемся.

Тогда еще немного походила по улицам Катюшка и пошла тихими шагами к своему потухшему семейному очагу. Ее фактический муж говорит:

— Ага, вернулись! Ножки-то, говорит, извиняюсь, не промочили ли, трепавшись по улицам?

После чего, слегка поругавшись, они отужинали и легли спать.

А она видела во сне, будто кто-то ей сказал, что где-то сдается комната.

А вообще, квартирный вопрос, несомненно, укрепляет семейную жизнь.

Некоторые товарищи говорят, будто семейные устои шатаются, будто разводы часты и так далее. Нет, это неверно!

Брак сейчас довольно крепкий. Крепковатый.

РОСТОВ

Кстати, о Ростове. Симпатичный город. Я там был этой осенью. Проездом.

Славный, спокойный город. И климат довольно мягкий. Кроме того — полное отсутствие хулиганства. Даже немного удивительно, с чего бы это.

Молоденькая девица одна может свободно пройти ночью по улицам. Никто ее не затронет.

Ну, как — одна, я, конечно, не знаю. Не ручаюсь. Но вдвоем или небольшой группой очень даже свободно может идти. Никаких таких лишних возгласов. Даже по тротуарам допущают ходить. Зря не сталкивают. Ругаться-то, конечно, ругаются. Но промежду себя. Не в сторону прохожих.

Гляжу — какой-то незнакомый человек в трусиках через меня прыгнул

Это явление, в смысле полного отсутствия хулиганства, я думаю, происходит за счет физкультуры. Физкультура завсегда отвлекает граждан от хулиганства. А физкультура в этом южном городе поставлена на полную высоту. Футбол, эстафетный бег, нырянье и плаванье — это на каждом шагу. Это удивительный город в этом отношении.

Я сам был свидетелем такого спортивного случая.

Сижу я в городском саду. Читаю, как сейчас помню, газету. «Дискуссионный листок».

А кругом мягкая осенняя погода. Солнце золотится. На скамейках публика сидит. Такая тихая осенняя картинка без слов.

Тут же по аллейкам небольшой парнишка шляется. С ящиком. За пятачок сапоги чистит.

Увязался этот парнишка и до меня. Начал мне мусолить сапог за пятачок.

Вычистил один. Только взялся за другой, вдруг сзади кто-то как ахнет мне на плечи. Гляжу — какой-то незнакомый человек в трусиках через меня прыгнул.

Только я хотел его обругать, сукина сына, зачем он через незнакомых прыгает, вдруг сзади опять — хлоп — другой прыгнул. Всего их прыгнуло четверо. Вот, думаю, и хулиганство налицо.

Вдруг гляжу — нету хулиганства. Чистая физкультура. Чехарда. В чехарду молодежь играет. Славно так через сидячих людей прыгают.

Парнишка, который сапоги чистит, говорит:

— Вы не пугайтесь. Они тут завсегда в чехарду упражняются. Давайте второй сапог дотру. Садитесь!

Ну что ж, думаю, пущай лучше чехарда, чем хулиганство.

Однако второго я не стал дочищать. Выдал парнишке пятачок и заторопился поскорей к выходу. А то, думаю, на ходу прыгнут — еще опрокинут, черти. Потом вставай.

Вышел на улицу — опять спокойно. Чисто, славно. Никаких лишних возгласов. С тротуара не сталкивают. Прямо не город — акварельная картинка.

НЕПРИЯТНАЯ ИСТОРИЯ

Это было давно. Кажись, что в 1924 году. Одним словом, когда нэп развернулся во всем своем пышном объеме.

Нэп-то, можно сказать, ни при чем. А тут просто говорится про одну смешную московскую историю.

Эта история развернулась на почве страха перед некоторыми обстоятельствами. Ну да сами увидите, в чем дело.

Так вот, произошло это событие в Москве. Как раз на квартире Зусева Егор Митрофаныча. Может, знаете такого московского товарища. Лицо свободной профессии.

Он как-то в субботу у себя вечеринку устроил. Без всякой причины. Просто так, слегка повеселиться.

Народ собрался, конечно, молодой, горячий. Все, так сказать, молодые, начинающие умы.

И не успели, можно сказать, собраться, как сразу у них энергичные споры поднялись, разговоры, дискуссии.

И как-то случилось, что разговор вскоре перекинулся на крупные политические события.

Один гость что-то сказал насчет книжки товарища Троцкого. Другой поддержал. Третий говорит: это вообще троцкизм.

Четвертый говорит:

— Да, говорит, это так, но, может быть, и не так. И вообще, говорит, еще неизвестно, как товарищ Троцкий понимает это слово — «троцкизм».

Вдруг один из гостей — женщина, товарищ Анна Сидорова, побледнела и говорит:

— Товарищи! Давайте сейчас позвоним товарищу Троцкому, а? И спросим его.

Тут среди гостей тишина наступила. Все в одно мгновенье посмотрели на телефон. Товарищ Сидорова побледнела еще сильней и говорит:

— Вызовем, например, Кремль... Попросим к аппарату товарища Льва Троцкого и чего-нибудь его спросим...

Поднялись крики, гул.

— Верно, говорят... В самом деле... Правильно!.. Позвоним и спросим... Дескать, так и так, Лев Давыдович...

Тут один энергичный товарищ Митрохин подходит к аппарату твердой походкой и говорит:

— Я сейчас вызову. — Снимает трубку и говорит: — Будьте любезны... Кремль...

Гости затаили дыхание и встали полукругом у аппарата. Товарищ Анна Сидорова сделалась совсем белая как бумага и пошла на кухню освежиться.

Жильцы, конечно, со всей квартиры собрались в комнату. Явилась и квартирная хозяйка, на имя которой записана была квартира, — Дарья Васильевна

Пилатова. Она остановилась у дверей и с тоской глядела, как развертываются события.

А события развертывались с ужасной быстротой. Энергичный товарищ Митрохин говорит:

— Будьте любезны попросить к телефону тов. Троцкого... Что?..

И вдруг гости видят, что тов. Митрохин переменился в лице, обвел блуждающим взором всех собравшихся, зажал телефонную трубку между колен, чтоб не слыхать было, и говорит шепотом:

— Чего сказать?.. Спрашивают — по какому делу? Откуда говорят?.. Секретарь, должно быть...

Тут общество несколько шарахнулось от телефона. Кто-то сказал:

— Говори: из редакции... Из «Правды»... Да говори же, подлец этакий...

— Из «Правды», — глухо сказал Митрохин. — Что-с? Вообще насчет статьи.

Кто-то сказал:

— Завели волынку. Теперь расхлебывайте. Погодите, будут неприятности.

Квартирная хозяйка Дарья Васильевна Пилатова, на чье благородное имя записана была квартира, покачнулась на своем месте и сказала:

— Ой, тошнехонько! Зарезали меня, подлецы. Что теперь будет? Вешайте трубку! Вешайте в моей квартире трубку! Я не позволю в моей квартире с вождями разговаривать...

Товарищ Митрохин обвел тоскливым взглядом общество и повесил трубку.

И снова в комнате наступила отчаянная тишина.

Некоторые из гостей тихонько встали и пошли по домам.

Оставшееся общество минут пять сидело в неподвижности.

И вдруг раздался телефонный звонок.

Сам хозяин Зусев подошел к аппарату и с мрачной решимостью снял трубку.

И стал слушать. И вдруг глаза у него стали круглые и лоб покрылся потом. И телефонная трубка захлопала по уху.

В трубке гремел голос:

— Кто вызывал тов. Троцкого? По какому делу?

— Ошибка-с, — сказал Зусев. — Никто не вызывал. Извиняюсь...

— Никакой нет ошибки! Звонили от вас.

Гости стали выходить в прихожую. И, стараясь не глядеть друг на друга, молча одевались и выходили на улицу.

И никто не догадался, что этот звонок был шуточный.

Узнали об этом только на другой день. Один из гостей сам признался. Он вышел из комнаты сразу после первого разговора и позвонил из телефонной будки.

Тов. Зусев с ним поссорился. И даже хотел набить ему морду.

СЕРЕНАДА

Вот интересно. Подрались два человека. Схватились два человека, и слабый человек, то есть совершенно ослабевший, золотушный парнишка, наклепал сильному.

Прямо даже верить неохота. То есть как это слабый парень может, товарищи, нарушить все основные физические и химические законы? Чего он сжулил? Или он перехитрил того?

Нет! Просто у него личность преобладала. Или я так скажу — мужество. И он через это забил своего врага.

А подрались, я говорю, два человека. Водолаз, товарищ Филиппов. Огромный такой мужчина, с буденовскими усами. И другой парнишка, вузовец, студент. Такой довольно грамотный, полуинтеллигентный студентик. Между прочим, однофамилец нашего знаменитого советского романиста Малашкина.

Водолаз Филиппов, я говорю, был очень даже здоровый тип. В водолазном деле слабых, конечно, не употребляют, но это был ужасно какой здоровый, дьявол.

А студент был, конечно, мелковатый, непрочный субъект. И он красотой особой не отличался. Чего-то у него завсегда было на морде. Или золотуха. Я не знаю.

Вот они и подрались.

А только надо сказать, промежду них не было классовой борьбы. И тоже не наблюдалось идеологического расхождения. Они оба два были совершенно пролетарского происхождения. У них драка возникла на любовной подкладке.

Они просто, скажем грубо, не поделили между собой бабу! На этом году революции они не поделили бабу! Это ж прямо анекдот.

Такая была Шурочка. Так, ничего себе. Ротик, носик — это все есть. Но особенно такого сверхъестественного в ней не наблюдалось.

А водолаз, товарищ Филиппов, был в нее сильно и чересчур влюбившись.

А она с ним немножко погуляла и перекинулась на сторону полуинтеллигенции. Она на Малашкина кинулась. Может, он ей разговорчивей показался. Или у него руки были чище. Я не знаю. Только она действительно отошла к нему. И у нее с ним возникла пылкая любовь.

А тот, знаете, и сам не рад своему счастью. Потому, глядит, очень ужасный у него противник. Однако виду не показывает. Ходит довольно открыто и водит свою мадам в разные места. И водит храбро, под ручку. Так через двор и ведет. В то время как водолаз на них смотрит. Но студент виду не показывает, что робеет, и знамя своей любви высоко держит.

А водолаз, конечно, его задевает. Прямо не дает ему дыхнуть.

Называет его разными хамскими именами и при случае в грудь пихает. Пихнет и говорит:

— А ну, выходи на серенаду! Сейчас я тебе, паразит, башку отвинчу.

Ну, конечное дело, студент терпит. Отходит.

А раз однажды стоят ребята во дворе дома. Тут все правление. Члены. Контрольная комиссия. Водолаз тоже сбоку стоит. И вдруг идет по двору Костя Малашкин со своей Шурочкой. И так как-то мило идут. Любовно. А водолаз нарочно громко говорит контрольной комиссии:

— На морде, — говорит, — проказа, а, между прочим, любовь крутит и барышень до самых дверей провожает.

Тогда студент провожает свою даму и возвращается назад.

Он возвращается назад, подходит до компании и ударяет товарища водолаза по морде. Водолаз, конечно, удивляется такому нахальству и хлоп, в свою очередь, студента. Студент брык наземь. Водолаз к нему подбегает и хлоп его обратно по брюху и по разным важным местам.

Тут, конечно, контрольная комиссия оттеснила водолаза от студента. Поставили того на ноги. Натерли его слабую грудку снегом и отвели домой.

Тот ничего, отдышался и вечером вышел подышать свежей прохладой.

Он вышел подышать прохладой и на обратном ходу встречает водолаза. И тогда он снова быстрым темпом ходит до водолаза и обратно бьет его в харю.

Только на этот раз не было контрольной комиссии, и водолаз, товарищ Филиппов, порядочно отутюжил нашего студента. Так что пришлось его на шинельке домой относить.

Только проходит, может, полторы недели. Студент совершенно поправляется, встает на ножки и идет на домовое собрание.

Он идет на домовое собрание и там обратно встречает водолаза.

Водолаз хочет его не увидеть, а тот подходит до него вплотную и снова ударяет его по зубам.

Тут снова происходит безобразная сцена. Студента кидают, вращают по полу и бьют по всем местам. И снова уносят на шинельке.

Только на этот раз дело оказалось серьезней. У студента буквально, как говорится, стали отниматься передние и задние ноги.

Он возвращается назад, подходит до компании
и ударяет товарища водолаза по морде

А дело было к весне. Запевали птички, и настурции цвели. И наш голубчик студент после этой битвы ежедневно сидел у раскрытого окна — отдыхал. И водолаз завсегда отворачивался и проходил мимо. А когда к водолазу подходил народ, даже хотя бы с контрольной комиссии, он ужасно сильно вздрагивал и башку назад откидывал, будто его бить собирались.

Через недели две студент еще три раза бил водолаза и два раза получил сдачи, хотя не так чувствительно.

А в третий и в последний раз водолаз сдачи не дал. Он только потер побитую морду и говорит:

— Я, — говорит, — перед вами сдаюсь. Я, — говорит, — через вас, товарищ Костя Малашкин, совершенно извелся и форменно до ручки дошел.

Тут они полюбовались друг другом и разошлись.

Студент вскоре расстался со своей Шурочкой. А водолаз уехал на Черное море нырять за «Черным принцем».

На этом дело и кончилось.

Так что сила силой, а против силы имеется еще одно явление.

И этот рассказ есть удивительнейшее событие из любовной жизни.

А что касается коварства, то нам вспоминается такое забавное происшествие. И оно отчасти тоже удивительное.

МАТЕРИНСТВО И МЛАДЕНЧЕСТВО

Вот кому я не завидую — это старухам. Вот старухам я, действительно верно, почему-то не завидую. Мне им, как бы сказать, не с чего завидовать.

Это народ негибкий. Они в жизни обертываются худо. Или я так скажу: неумело. К тому же в силу возраста они не могут заняться физкультурой, отчего имеют постоянную душевную меланхолию и непонимание путей строительства. И вообще цепляются за старый быт.

Только я ничего не говорю — бывают разные пансионы для престарелых старух, разные, так сказать, богадельни. Их туда принимают. Им там кушать дают. Там им светло и тепло. И они там чай пьют, и мягкие булки жрут, и котлетами закусывают.

Конечно, попасть туда не все могут. А то бы, знаете, чересчур набилось. Некоторым, может, трудового стажа не хватает туда попасть. Опять же некоторые бывают классово невыдержанные старушки. Этим я тоже не завидую. Жалеть не жалею, но не завидую.

Такая была А. С. Баранова. Такая немолодая старуха. Ей невозможно было пенсион схлопотать по причине ее ненастоящего происхождения. Ее супруг был, я извиняюсь, бывший торговец. Он при царизме ларек держал.

Так что в этом житейском отношении старушке была труба. Главное, родственнички ее все как один подохли за бурные годы нэпа. А супруг ее, бывший торговец, тоже не очень давно скончался от расстройства сердечной деятельности. И осталась эта гражданка ни при чем.

То есть что значит — ни при чем. Она имела какое-то барахлишко. Она имела некоторую мебель, некоторые лампы и абажуры и всякие разные вещицы от ее бывшего затхлого мещанского быта.

Только про это она так располагала.

Ну, думает, прожру я эти бывшие вещицы, а может, я еще 35 лет протяну. Это же надо понимать.

А тут начали, конечно, ей разные жильцы советы преподавать.

— Ты, — говорят, — цветки делай на пасхальные дни. Или, говорят, перекинься на антисанитарный фронт — полы мой или окошки протирай.

А был среди домашних жильцов такой вообще сукин сын Петров-Тянуев. Вообще интеллигент. Он так ей говорит:

— Допустим, говорит, человек должен прокормиться. И допустим, он ничего не знает, ничего не понимает, цепляется за старый быт и в союзе не состоит. На какой он фронт должен тогда податься? А он должен податься на детский фронт. Пущай происходят разные колебания, но, промежду прочим, такое явление, как материнство и младенчество, завсегда остается в силе. Или, говорит, еще кухня. Хотя, говорит, это последнее потерпело некоторые изменения. Разные произошли общественные столовые и, вообще, раскрепощение домашних хозяек.

А. С. Баранова отвечает:

— Кухню я, безусловно, не могу. Я, говорит, от жары чрезвычайно сильно задыхаюсь и имею крупное сердцебиение. А что касается младенчества, то, говорит, я их и в руках никогда не имела и их не понимала.

Петров-Тянуев так ей говорит:

— А вам, говорит, ничего такого и не надо. Я, говорит, сам очень огорчаюсь и сочувствую, что я не дама, я бы, говорит, свободно заимел тогда легкую и приятную жизнь. Я бы, говорит, ходил себе по садикам, ходил бы по бульварам. Я бы, говорит, разных ребят похваливал. Или бы маме чего-нибудь похвальное сказал в смысле ихнего малыша или младенца. Родители, говорит, это очень обожают и за это в долгу не останутся. А вы, говорит, тем более такая старушка чистенькая. Вам копейку неловко подать. Вам две копейки дадут. А кто и три. Или велят клистирчик малютке поставить. Или попросят кашку сварить. Одним словом, вам очень прилично пойти на детский фронт.

Или он ее еще уговаривал, или она сразу раскумекала, как и чего, только действительно пошла по такой легкой тропинке.

Недели, может, три или две она славно жила. Она имела мягкие булки и детские квадратные печенья. Она имела бутерброды и детские игрушки. Но потом ей не понравилось это дело, и она перекинулась на санитарный фронт.

То есть не то чтобы ей не понравилось. Ей понравилось. А только невозможно было работать. Нерентабельно. Ей младенца подсудобили.

Она имела разговор на бульваре. Ей девочка понравилась. Она ее маме об этом сказала.

Мамаша, чей младенец, так ей говорит:

— Вы, говорит, действительно так детей обожаете?

— Да уж, говорит, прямо горю, как на их гляжу.

— А ну, говорит, подержите девочку.

Сначала подержите, потом поносите. И сошла с круга.

Наша А. С. Баранова ждала и волновалась, но после отдала младенца в милицию. А очень над ней в доме хохотали. Петров-Тянуев говорит:

— Это говорит, просто несчастный случай. Конечно, особенно захваливать не требуется, но это верное, святое дело — материнство и младенчество. Умоляю вас, не бросайте!

Однако А. С. Баранова бросила это дело и перекинулась на санитарный фронт. И живет не так худо. Хотя и не так хорошо.

НЕ ВСЕ ПОТЕРЯНО

Очень даже удивительно, как это некоторым людям жить не нравится.

Кругом, можно сказать, происходят разные занимательные факты, происходит борьба, развертываются какие-нибудь там события, происшествия, кражи.

Кругом, можно сказать, природа щедрой рукой раздает свои бесплатные блага. Светит солнышко, трава растет, муравьи ползают.

И тут же наряду с этим находятся меланхолики, которые насчет всего этого скулят и ничего выдающегося в этом не видят и вообще не знают, как им прожить на этом белом свете.

Они не знают, как прожить на этом свете и чем, значит, им заняться, или, может быть, им нечем заняться и, может быть, выгодней нырнуть хотя бы в ту же реку Фонтанку.

Конечно, эти люди по большей части дряблые меланхолики и беспочвенные интеллигенты, утомленные своим средним образованием. Они и раньше,

при всяком режиме, разводили свою меланхолию. Так что особенно уж сваливать вину на текущие события не приходится.

И дозвольте заместо этой голой философии рассказать про одного такого утомленного человека. О том, как он перестал грустить и вроде как бы отыскал настоящий смысл жизни. Факт абсолютно правильный и достойный всеобщего внимания.

Одним словом, этот рассказ особо полезно прочитать интеллигентным людям, которые к сорока годам не знают еще, в чем, так сказать, цель жизни. Пущай они будут спокойны, еще не все потеряно на ихнем житейском фронте.

А жил в нашем доме, на Васильевском острове, довольно-таки дряблый бездетный интеллигент Иннокентий Иванович Баринов со своей супругой.

Супруга его была дамочка, как бы сказать, менее беспочвенная. Она круглые дни занималась с кошкой, выводила ее гулять, кормила печенкой и по этой причине особой безвыходной тоски не испытывала.

Иннокентий же Иванович кошки не понимал и не находил в ней особого счастья. Он цельные дни ходил вверх и вниз по лестнице или, знаете, стоял у дома и довольно скучным взором глядел, чего вокруг него делается.

Это был форменный меланхолик. И простой, пролетарской душе глядеть на него было то есть совершенно, абсолютно невыносимо.

Он выпивать не любил, физкультурой не занимался и на общих собраниях под общий смех говорил все неактуальные вещи: дескать, например, мусор во дворе пахнет, — нету возможности окно открыть на две, видите ли, половинки.

Я говорю, простому рабочему человеку не было удовольствия глядеть на такого жильца и квартиранта.

А раз однажды спущается этот наш квартирант со своего этажа.

Спущается он со своего этажа и подходит к нему тут же, на лестнице, наш председатель и говорит:

— Так что, — говорит, — как вам известно, средний флигель угрожает падением, и по случаю этого стихийного бедствия предвидятся некоторые перемены.

— Какие, — говорит, — перемены?

— Перемены, — говорит, — обыкновенно какие: комиссия выселяет жильцов по разным другим квартирам. Комната у вас большая, опять же кухня, и придется вам потесниться по причине такого бедствия.

Одним словом, объяснил, что вселяют ему в квартиру двух жильцов со среднего флигеля.

Иннокентий Иванович говорит:

— Я на это не соглашаюсь. Я, говорит, с самого начала революции проживаю в этой квартире и не дозволю, говорит, производить над собой разные эксперименты.

Председатель говорит:

— Так что особого дозволения у вас не спросим. Нам, говорит, это ваше дозволение необязательно.

Тут Иннокентий Иванович ужасно изменился в лице, начал хвататься за председателя. Просит его и умоляет.

— Я, — говорит, — больной и нездоровый интеллигентный человек, и мне, говорит, нипочем невозможно слушать в своей квартире посторонний шум и разные разговоры. Я, говорит, сам едва-едва проживаю вместе со своей супругой. А если, говорит, еще добавить две-три персоны, то, говорит, за послед–ствия не ручаюсь.

Председатель говорит:

— В крайнем случае болезни мне ваши неизвестны, и вы, говорит, напрасно за меня хватаетесь. А если, говорит, вы такой чересчур интеллигентный человек, то представьте удостоверение, в силу чего вам полагается отдельная площадь.

Очень горячо ухватился за эти слова Иннокентий Иванович.

Кинулся он наверх, в свою квартиру. Надел поскорее прорезиненное свое пальтецо и побежал узнавать, как и что, и где ему раздобыть свидетельство, и на какую комиссию ему податься.

Кинулся Иннокентий Иванович по этим неотложным делам и впопыхах от полного расстройства чувств позабыл закрыть свою квартиру.

А надо сказать, что супруга его в это беспокойное время где-то прогуливала свою кошечку и никак не предполагала, что течение ихней жизни несколько изменится.

Или Иннокентий Иванович совершенно не прихлопнул дверь и она, так сказать, навела на определенные мысли проходящих граждан, или кто-нибудь проследил движение обстоятельств, только, одним словом, эту квартиру в ударном порядке обчистили. И не так чтобы очень сильно обчистили, но все же кой-какие вещицы вынесли.

Очень ужасный крик подняла мадам Баринова, вернувшись назад со своей кошечкой.

Весь дом сбежался на этот дамский крик.

Начали соседи брызгать водой в мадам Баринову. Начали ее приводить в христианский вид. Начали успокаивать и подсчитывать ее убытки.

Тут Иннокентий Иванович ужасно изменился в лице, начал хвататься за председателя. Просит его и умоляет

Определенно не хватало осеннего пальто, бинокля, галош и еще разного другого семейного инвентаря.

И вот в это время является Иннокентий Иванович после успешного окончания своих дел.

Надо сказать, он довольно геройски перенес эту кошмарную драму.

Он в первую голову разогнал из своей квартиры собравшихся жильцов, чтоб они, так сказать, под горячую руку не вынесли остальное имущество. Затем, не снимая своего международного пальто, побежал делать заявление в уголовный розыск.

Весь следующий день Иннокентий Иванович бегал по своим делам: дважды заявлялся в угрозыск, ходил по рынкам и, так сказать, глядел, не поступили ли в продажу его унесенные вещи.

Следующие дни Иннокентий Иванович также не присел. Он ходил на комиссию, хлопотал, чтоб прислали ищейку и дежурил на рынках.

В довершение всего на девятый день Иннокентий Иванович, мотаясь по своим делам, ссыпался с лестницы и вывихнул себе правую руку.

Он мужественно перенес и это испытание. Еще лежа на лестнице, он твердым голосом командовал и отдавал приказания. Он велел вызвать карету скорой помощи и поехал в больницу с полным сознанием исполненного долга.

А через несколько дней Иннокентий Иванович со своей забинтованной ручкой снова принялся за свои срочные дела.

Утром он ходил по своим делам, днем ездил в больницу — массировать свою ручку, и вечером в кругу своих знакомых и родственников Иннокентий Иванович отчитывался, так сказать, за истекшие сутки.

И этот человек, этот беспочвенный интеллигент, в короткое время сильно переменился.

Раньше морда у него была грустная, кожа бледная и прыщеватая, а сейчас кровь заиграла на его лице и привились разные бодрые жесты и движения.

Он форменно воспрянул духом и весь превратился в энергичного, достойного гражданина.

Конечно, нельзя сказать, будет ли у него такая душевная смелость на всю жизнь. Но, может быть, и на всю жизнь. Смотря как обернутся его дела. Может быть, председатель в суд на него подаст за неплатеж. А там, может, угрозыск снова вызовет его по поводу похищенных вещей. А там, может, бегая по своим делам, Иннокентий Иванович снова сломает еще одну ручку или вывихнет ногу. И может, помрет счастливый, в полном довольстве. И, помирая, будет думать о своих делах, которые наполнили ему жизнь, и о той борьбе, которую он с честью вынес на своих плечах.

Недаром в свое время товарищ Буденный воскликнул: «И вся-то наша жизнь есть борьба».

СИЛЬНЕЕ СМЕРТИ

Нэпманам, разным нашим богачам и вообще иностранным капиталистам завидовать не приходится.

Жизнь у них, безусловно, тяжелая.

У них масса лишних переживаний в связи со своими деньжатами. Приходится всю жизнь следить за своим добром, прятать, дрожать, чтоб не уперли.

Тоже и подыхать при деньгах несладко. В ад-то с собой монету не возьмешь.

А очень такую удивительную денежную историю я слышал про одного нэпмана. История очень наглядно рисует капиталистов со всех ихних сторон. Вообще, это есть отчаянная сатира, обернутая против нэпманов, а также против всяких людей, которые деньги обожают больше жизни.

А жил в Ленинграде такой П. Я. Сисяев. Такой довольно арапистый человек. Он в начале нэпа парикмахерскую держал. Только, кроме стрижки и брижки, он еще иностранной валютой торговал и вообще разные темные делишки обстряпывал. Ну и конечно, засыпался.

Он засыпался в 26-м году летом. Маленько посидел, где следует. И вскоре его, голубчика, выперли из Ленинграда куда-то подальше. Ему чего-то, одним словом, дали — минус 7, или плюс 7, или 8, черт его разберет. Я в этих делах пока что слабо понимаю. Одним словом, его, как плута и спекулянта, выслали в Нарымский край.

И значит, он, хочешь не хочешь, поехал.

А надо сказать, он своего ареста ожидал. У него сердце не было спокойно. Он еще за неделю сказал своим компаньонам, дескать, как бы не угадать куда-нибудь.

И конечно, на всякий случай он взял старую кожаную тужурку, подпорол ей бортик и зашил туда десять царских золотых монет и один золотой квадратик. Может быть, помните — государство в 24-м году выпустило такие золотые квадратики для технических надобностей.

Вот он, значит, на всякий пожарный случай и подзашил свое добро в тужурку, и прямо из этой тужурки он больше не вылезал. Да еще в брюки он тоже зашил разные бумажные деньги.

И стал поджидать.

Только он недолго ждал. Вскоре после того его взяли вместе с тужуркой. И осенью он поехал куда следует.

Только неизвестно, как он там жил. Может быть, скорей всего, он не очень худо жил. Тем более бумажных денег у него было вдоволь припасено. Он знай себе подпарывал брюки и вынимал что-то из бумажника. А до золота он, между прочим, не дотрагивался.

Только живет он так больше года. И вдруг хворает.

Он хворает воспалением легких. Он там простудился. Его там просквозило на работе. И он там захворал.

Конечно, кашель поднялся, насморк, хрипы, температура — минус 40 градусов. В боку колет. Аппетита нету. И вообще человек чувствует приближение собственной кончины.

И тогда ночью сымает он с себя кожаную свою тужурку и вновь подпарывает ей бортик.

Он подпарывает ей бортик, кладет на язык золотые монетки и глотает их в порядке живой очереди.

Только, может, он проглотил их пять или шесть штук, как вдруг замечает эти преступные действия один из его приятелей. Их там по 7 человек вместе жило.

Заметил это приятель, поднял тарарам и не допустил глотать остальные деньги.

И хотя тот за того хватался и умолял, но этот говорит:

— Мне, говорит, не так золото жалко. Я себе золота не возьму. Но я, говорит, не могу допустить проглатывать. Тем более воспаление легких иногда проходит. А тут и денег не будет и, вообще, засорение желудка.

Короче говоря, вскоре больной поправился. Грудь ему освободило. Дыхание вернулось. Но является новая беда — в желудке колет, кушать неохота, и слюни не идут.

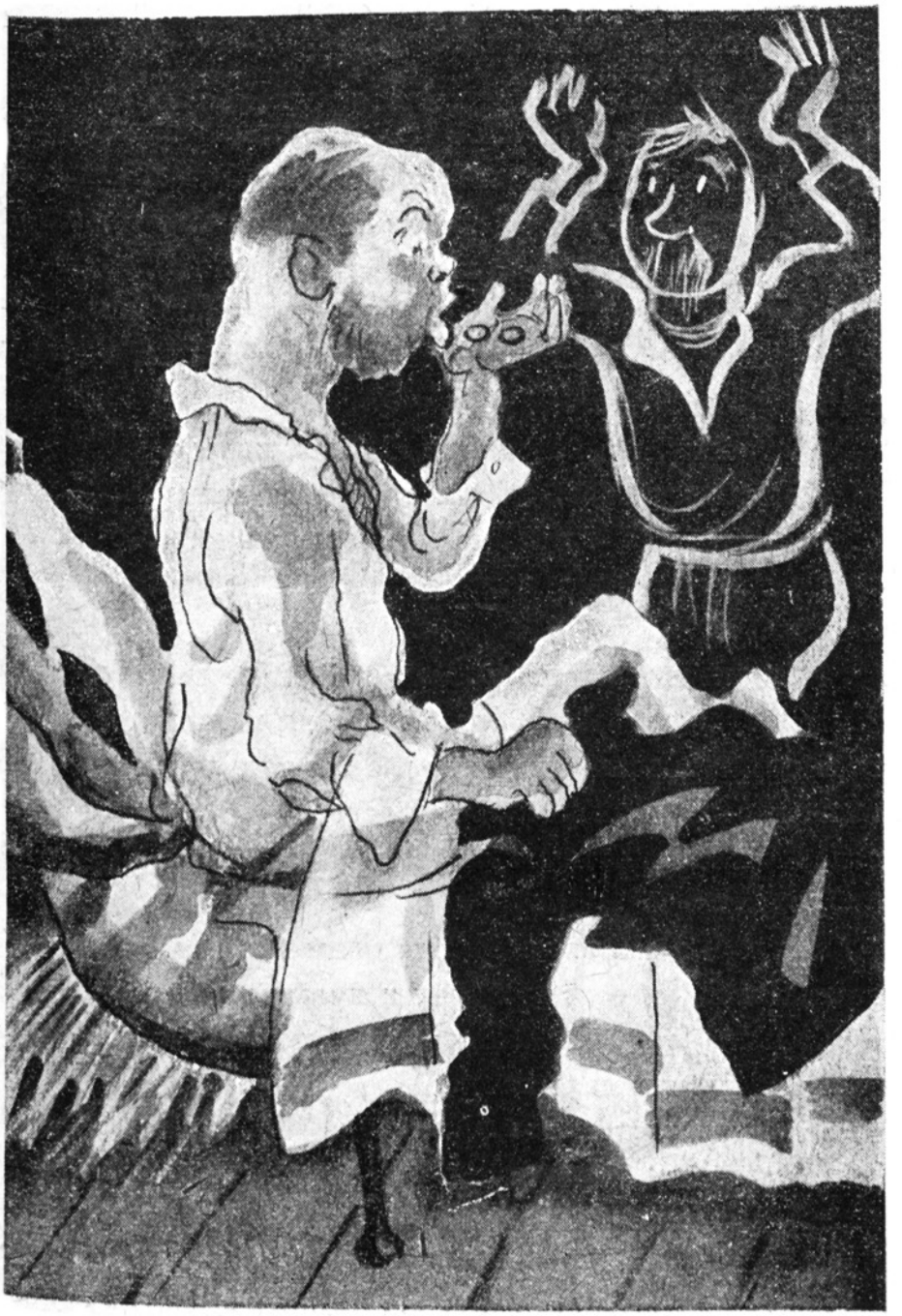
И спасибо, что больной не все монеты заглотал. А то бы совсем невозможно получилось.

Конечно, можно было больному схлопотать в Томск поехать, на операцию лечь. Но только он сам не захотел. Ему здоровье не дозволяло. Да и он, может, пугался, что во время хлороформа он не досмотрит и хирурги разворуют его монеты.

Он только допустил разные внутренние средства и дозволил себя массировать.

Разные сильные средства, конечно, выгнали монеты наружу, но по подсчету их оказалось меньше чем следует.

Тут вообще дело темное. Или уперли во время тарарама несколько монет, или они в желудке остались.



Он подпарывает ей бортик, кладет на язык золотые монетки и глотает их в порядке живой очереди

Так что ежели считать, что в желудке ничего нету, то недостает трех монет и одного квадратика. Тогда, значит, действительно уперли. И тогда, значит, надо прекратить массаж и лечение.

Но зачем на людей тень наводить? Может быть, монеты лежат себе в желудке. Тем более для здоровья это не играет роли. Золото не имеет права давать ржавчину, так что оно может лежать до бесконечности.

Конечно, жалко, что валюта лежит без движения. Но может, она и в движении у других граждан.

ВСТРЕЧА

Скажу вам откровенно: я очень люблю людей. Другие, знаете ли, на собак растрачивают свои симпатии. Купают их и на цепочках водят. А мне как-то человек милее.

Однако не могу соврать: при всей своей горячей любви не видел бескорыстных людей.

Один было парнишка светлой личностью промелькнул в моей жизни. Да и то сейчас насчет него нахожусь в тяжелом раздумье. Не могу решить, чего он тогда думал. Пес его знает, какие у него были мысли, когда он делал свое бескорыстное дело.

А шел я, знаете, из Ялты в Алупку. Пешком. По шоссе.

Я в этом году в Крыму был. В доме отдыха. Так иду я пешком. Любуюсь крымской природой. Налево, конечно, синее море. Корабли плавают. Направо — чертовские горы. Орлы порхают. Красота, можно сказать, неземная.

Одно худо — невозможно жарко. Через эту жару даже красота на ум нейдет. Отворачиваешься от панорамы.

И пыль на зубах скрипит.

Семь верст прошел и язык высунул.

А до Алупки еще черт знает сколько. Может, верст десять. Прямо не рад, что и вышел.

Прошел еще версту. Запарился. Присел на дорогу. Сижу. Отдыхаю. И вижу — позади меня человек идет. Шагов, может, за пятьсот.

А кругом, конечно, пустынно. Ни души. Орлы летают.

Худого я тогда ничего не подумал. Но все-таки при всей своей любви к людям не люблю с ними встречаться в пустынном месте. Мало ли чего бывает. Соблазну много.

Встал и пошел. Немного прошел, обернулся — идет человек за мной.

Тогда я пошел быстрее, — он как будто бы тоже поднажал.

Прислонился я к скале. Стою.
Подбегает до меня небогато одетый человек.
В сандалиях. И заместо рубашки — сетка

Иду, на крымскую природу не гляжу. Только бы, думаю, живьем до Алупки дойти.

Оборачиваюсь. Гляжу — он рукой мне машет. Я ему тоже махнул рукой. Дескать, отстань, сделай милость.

Слышу, кричит чего-то.

Вот, думаю, сволочь, привязался!

Ходко пошел вперед. Слышу, опять кричит. И бежит сзади меня.

Несмотря на усталость, я тоже побежал.

Пробежал немного — задыхаюсь.

Слышу, кричит:

— Стой! Стой! Товарищ!

Прислонился я к скале. Стою.

Подбегает до меня небогато одетый человек. В сандалиях. И заместо рубашки — сетка.

— Чего вам, говорю, надо?

— Ничего, говорит, не надо. А вижу — не туда идете. Вы в Алупку?

— В Алупку.

— Тогда, говорит, вам по шаше не надо. По шаше громадный крюк даете. Туристы тут завсегда путаются. А тут по тропке надо идти. Версты четыре выгоды. И тени много.

— Да нет, говорю, мерси-спасибо. Я уж по шоссе пойду.

— Ну, говорит, как хотите. А я по тропинке. Повернулся и пошел назад. После говорит: — Нет ли папироски, товарищ? Курить охота.

Дал я ему папироску. И сразу как-то мы с ним познакомились и подружились. И пошли вместе. По тропинке.

Очень симпатичный человек оказался. Пищевик. Всю дорогу он надо мной смеялся.

— Прямо, говорит, тяжело было на вас глядеть. Идет не туда. Дай, думаю, скажу. А вы бежите. Чего ж вы бежали?

— Да, говорю, чего не пробежать.

Незаметно по тенистой тропинке пришли мы в Алупку и здесь распрощались.

Весь цельный вечер я думал насчет этого пищевика.

Человек бежал, задыхался, сандалии трепал. И для чего? Чтобы сказать, куда мне надо идти. Это было очень благородно с его стороны.

А теперь, вернувшись в Ленинград, я думаю: пес его знает, а может, ему курить сильно захотелось? Может, он хотел папироску у меня стрельнуть. Вот и бежал. Или, может, идти ему было скучно — попутчика искал. Так и не знаю.

ТРЕЗВЫЕ МЫСЛИ

Я не говорю, что пьяных у нас много. Пьяных не так чтобы много. За весь месяц май я всего одного в лежку пьяненького встретил.

А лежал он поперек панели. И чуть я на него, на черта, в потемках не наступил.

Гляжу — лежит выпивший человек, ревет и шапкой морду утирает.

— Вставай, говорю, дядя! Ишь разлегся на двухспальной.

Хотел я его приподнять — не хочет. Ревет.

— Чего, говорю, ревешь-то, дура-голова?

— Да так, говорит, обидно очень...

— Чего, говорю, обидно?

— Да так, говорит, люди — какая сволота.

— Чем же сволота?

— Да так, мимо шагают... Прут без разбору... Не могут тоже человеку в личность посмотреть: какой это человек лежит — выпивший, или, может, несчастный случай...

— Да ты же, говорю, выпивший...

— Ну да, говорит, конечно, выпивший. А мог бы я и не выпивший упасть. Мало ли... Нога, скажем, у меня, у невыпившего, неаккуратно подогнулась... Или вообще дыханье у меня сперло... Или, может, меня грабители раздели... А тут, значит, так и шагай через меня, через невыпившего, так и при, так и шляйся по своим делам...

— Фу ты, говорю! Да ты же выпивши.

— Да, говорит, конечно, нетрезвый. Теперича-то еще маленько протрезвел. Два часа нарочно лежу... И чтобы за два часа ни один пес не подошел — это же помереть можно от оскорбленья. Так, значит, тут и околевай невыпивший под прохожими ногами? Это что же выходит? Это выходит — сердца у людей теперича нету. Бывало, раньше упадешь — настановятся вокруг. Одеколон в нос суют. Растирают. Покуда, конечно, не увидят, в чем суть. Ну, увидят — отвернутся. А теперича что?

Поднял я моего пьяненького, поставил на ноги. Пихнул его легонько вперед, чтобы движение ему дать. Ничего — пошел.

Только прошел шагов пять — сел на приступочек.

— Нету, говорит, не могу идтить. Обидно очень. Слезы, говорит, глаза застилают. Люди — какие малосердечные.

Гляжу — лежит выпивший человек, ревет и шапкой морду утирает

ЛЕТНЯЯ ПЕРЕДЫШКА

Конечно, заиметь собственную отдельную квартирку — это все-таки какникак мещанство.

Надо жить дружно, коллективной семьей, а не запираться в своей домашней крепости.

Надо жить в коммунальной квартире. Там все на людях. Есть с кем поговорить. Посоветоваться. Подраться.

Конечно, имеются свои недочеты.

Например, электричество дает неудобство.

Не знаешь, как рассчитываться. С кого сколько брать.

Конечно, в дальнейшем, когда наша промышленность развернется, тогда можно будет каждому жильцу в каждом углу поставить хотя по два счетчика. И тогда пущай сами счетчики определяют отпущенную энергию. И тогда, конечно, жизнь в наших квартирах засияет, как солнце.

Ну а пока, действительно, имеем сплошное неудобство.

Для примеру, у нас 9 семей. Один провод. Один счетчик. В конце месяца надо к расчету строиться. И тогда, конечно, происходят сильные недоразумения и другой раз мордобой.

Ну хорошо, вы скажете: считайте с лампочки.

Ну хорошо, с лампочки. Один сознательный жилец лампочку-то, может, на пять минут зажигает, чтоб раздеться или блоху поймать. А другой жилец до 12 ночи чего-то там жует при свете. И электричество гасить не хочет. Хотя ему не узоры писать.

Третий найдется такой, без сомнения интеллигент, который в книжку глядит буквально до часу ночи и больше, не считаясь с общей обстановкой.

Да может быть, еще лампочку перевертывает на более ясную. И алгебру читает, что днем.

Да закрывшись еще в своей берлоге, может, тот же интеллигент на электрической вилке кипяток кипятит или макароны варит. Это же понимать надо!

Один у нас такой был жилец — грузчик, так он буквально свихнулся на этой почве. Он спать перестал и все добивался, кто из жильцов по ночам алгебру читает и кто на вилках продукты греет. И не стало человека. Свихнулся.

И после того как он свихнулся, его комнату заимел его родственник. И вот тогда и началась форменная вакханалия.

Каждый месяц у нас набегало по счетчику, ну, не более 12 целковых. Ну, в самый захудалый месяц, ну, 13. Это, конечно, при контроле жильца, который свихнулся. У него контроль очень хорошо был поставлен. Он, я говорю, бук-

вально ночи не спал и каждую минуту ревизию делал. То сюда зайдет, то туда. И все грозил, что топором разрубит, если найдет излишки. Еще удивительно, как другие жильцы с ума не свихнулись от такой жизни.

Так вот, имели в месяц не свыше 12 рублей.

И вдруг имеем 16. Пардон! В чем дело? Это какая же собака навертела такое количество? Или это вилка, или грелка, или еще что.

Поругались-поругались, но заплатили.

Через месяц имеем обратно 16.

Которые честные жильцы, те прямо говорят:

— Неинтересно жить. Мы будем, как подлецы, экономить, а другие току не жалеют. Тогда и мы не будем жалеть. Тогда и мы будем вилки зажигать и макароны стряпать.

Через месяц мы имели по счетчику 19.

Ахнули жильцы, но все-таки заплатили и начали наворачивать. Свет не тушат. Романы читают. И вилки зажигают.

Через месяц имели 26.

И тогда началась полная вакханалия.

Одним словом, когда докрутили счетчик до 38 рублей, тогда пришлось прекратить энергию. Все отказались платить. Один интеллигент только умолял и за провод цеплялся, но с ним не посчитались. Обрезали.

Конечно, это сделали временно. Никто не против электрификации. На общем собрании так и заявили: дескать, никто не против и в дальнейшем похлопочем и включимся в сеть. А пока и так ладно. Дело тем более к весне. Светло. А там лето. Птички поют. И свет ни к чему. Не узоры писать. Ну а зимой — там видно будет. Зимой, может, снова включим электрическую тягу. Или контроль устроим, или еще что.

А пока надо летом отдохнуть. Устали от этих квартирных делов.

ВЫГОДНАЯ КОМБИНАЦИЯ

В настоящее время жить как-то стало, братцы мои, очень выгодно.

С одной стороны, полная дешевка — иголка 3 копейки стоит. А с другой стороны, все время какие-то выгодные комбинации случаются. Ежедневно какая-то выгода происходит. То одно, то другое... То чего-нибудь не купишь, то не пошамаешь.

А давеча, смешно сказать, двугривенный заработал. За что? За какой свободный труд? Да просто так. Постоял три часа с небольшим и заработал. А сначала предстоял мне полный убыток.

Тетка из Тамбова ужасно жалостливое письмо прислала:

«Пришли, пишет, за ради бога, фотографическую карточку. Я, говорит, тебя все-таки на руках носила и соской кормила. И теперича 29 лет не видела. Наверное, с тех пор ты очень изменился. Пришли свою карточку — охота поглядеть».

Делать, конечно, нечего. Настрочил тетке подходящий ответ, вложил в конверт фотографическую карточку, где в профиль снят, и побежал на почту это заказное письмо отправлять.

Прибежал на почту — кругом у каждого окна очередь.

— Так что, говорю, где тут заказные отправляют?

— Эвон у того окна. Становись в эту очередь.

А очередь до двери, черт ее побери!

Встал в очередь. Начал, конечно, про тетку думать. Потом про всех родственников. Потом про знакомых. Вдруг очередь подходит.

Подаю письмо.

Почтовый служащий, блондин, говорит:

— А марки где?

Я говорю:

— У вас марки. У вас, говорю, почтовое отделение, а не у меня. Вот примите деньги.

Он говорит:

— Вы, говорит, деньги мне зря не суйте. Я, говорит, сам сунуть могу. Тут, говорит, идет, как раз наоборот, приемка заказной корреспонденции. А марки — второе окно налево. Пора бы на одиннадцатый год разбираться в вопросах.

Хотел я схлестнуться с этим блондином, но задние рады, к сожалению, меня в этот момент оттиснули от окна.

Это, думаю, худо. Зря в очереди стоял. Однако делать нечего — пошел ко второму окну.

Встал в очередь. За марками. Начал, конечно, про знакомых думать. Потом про бабушку. Потом вообще о государственном строительстве. Вдруг моя очередь подходит.

Купил на 16 копеек марок. Побежал до своей заказной очереди. Гляжу — она стала еще длинней. Хотел было сунуться без очереди — не разрешают, оттягивают.

Встал тогда в очередь. Начал про всякую чепуху думать. Бабушка чегой-то опять на память пришла. Вообще разные старушки в голове начали мелькать и тесниться. Вдруг подходит моя очередь.

Подаю письмо.

Служащий, блондин, прикинул письмо на весы и говорит:

— Так что письмо тяжелее обыкновенного. Что вы туда камней напихали, что ли? Еще, говорит, прикупите копеек на пять разных марок.

Хотел я опять схлестнуться с этим блондином — опять оттеснили.

Побежал я до окошечка с марками. Стал в очередь. Купил на пятачок марок.

Побежал с марками обратно до своей заказной очереди. Встал в затылок. Стою. Отдыхаю.

Стоял, стоял, вдруг передние граждане что-то зашумели. Что такое? Так что, говорят, вечер приближается. Служащие кончают работу. Нельзя же их цельный день эксплоатировать. А которая публика заказную корреспонденцию отправляет, пущай на телеграф сдает, — третье окно направо.

Ринулась публика туда. Только я один не ринулся.

Я положил письмо в боковой карман, подсчитал в уме чистую прибыль от сегодняшней комбинации и пошел до дому.

ДОМАШНЕЕ СРЕДСТВО

Неохотно нынче народ на собрания ходит! Чего с ним сделалось — непонятно.

Писалось про это множество раз. Сколько перьев испортили! Один даже общественный работник от этого чесоткой захворал. Истинная правда. Конечно, может, он и от знакомого пуделя заразился, — не в этом дело.

Теперь он поправился. А дело насчет собраний не улучшилось. Выходит, что зря болел, бедняга.

Вот тоже, например, в Ростове. Фабрика там такая есть.

Трудно так выговаривается — Донгостабфабрика. Фабком уж и так и сяк уговаривал рабочих ходить на собрания — не слушают. Тогда фабком плакатик вывесил, дескать, музыка будет играть на собраниях. Духовой оркестр.

Не знаем, подействовало это или нет. А то, если не подействовало, пущай фабком не горюет. Много есть еще домашних средств привлекать на собрания. Танцы, например, буфет с прохладительными напитками или, скажем, выдавать всем пришедшим на собрания какие-нибудь недорогие вещички или бутерброды с колбасой. А то можно еще за ногу веревкой привязать человека и тащить его.

Масса средств имеется в природе. А какие употреблять — зависит от общего развития граждан. Например, про себя Гаврила скажет: развития среднего, за ногу тащить не надо, достаточно, чтоб с музыкой.

Так-то, братцы! Ходи веселей!

ЛОШАДИНАЯ ИСТОРИЯ

Это было в городе Сарапуле. Я так, конечно, думаю, что в Сарапуле. Потому что это событие описано в сарапульской газете «Красное Прикамье» (№ 287). И надо полагать, что газета описывает свои собственные уездные происшествия и делишки, а не наши ленинградские.

Так вот в городе Сарапуле произошла раз однажды крупная лотерея. То есть обыкновенная выигрышная лотерея с разрешения начальства.

Были указаны разные заманчивые выигрыши. И среди них был объявлен самый главный, знаменитый выигрыш — живая лошадь с упряжкой. А которые не захотят лошадь, тем пятьсот монет чистоганом. Так было в афише указано.

И вот поперло счастье одному рабочему пролетарию. Взял он всего один билет и выиграл эту самую лошадь.

Ну ясное дело, обрадовался.

— Лошадка, думает, мне, конечно, не требуется. Я на ней ездить не приучен. А дай, думает, заместо этой лошадки приму деньги.

Начал он требовать свои пречистые пятьсот рублей, — не дают.

— Так что, говорят, извиняемся, денег мы не дадим, а лошадь в крайнем случае, если хотите, — берите. Только, говорят, приплатите нам 108 рублей за ее харчи.

Конечное дело, выигравший расстроился.

— За что же, говорит, помилуйте, 108 рублей?

— То есть, говорят, как за что? Лошадь-то мы кормили ай нет?

— Ну, говорит, кормили.

— А раз, говорят, кормили, то, говорят, деньги тратили. И, значит, платите 108 рублей и уносите скорее своего коня, а то он стоит не жравши с момента выигрыша.

Счастливый рабочий говорит:

— Братцы, да может, вся ваша лошадь вместе со своим хвостом стоит 106 рублей. Как же так? Я же выиграл, я же еще и докладать два рубля должен? Войдите, говорит, в положение выигравшего человека.

Ему говорят:

— Ты, говорят, выиграл, а не мы. Ты, говорят, и разбирайся в вопросах. А только ты нас должен крайне благодарить, что мы своевременно кормили твоего коня. Ну-те вообрази — мы бы его не кормили! Он бы взял и подох или стоял бы при смерти! Чего бы ты тогда выиграл? Ну разве тебе приятно мертвое лошадиное тело выигрывать?

Счастливый рабочий заплатил деньги и увел своего коня.
Что он теперь с ним делает — неизвестно

— Да, говорит, действительно неприятно.

— А раз, говорят, так, то об чем речь?

Ну, тут, конечно, они еще поторговались и сошлись на 50 руб. Счастливый рабочий заплатил деньги и увел своего коня. Что он теперь с ним делает — неизвестно. А конь, говорят, уже нажрал рублей на двести. Бывают в жизни огорчения!

Между прочим, главное огорчение выпало заведующему товарищу Гришину. Его пришили к делу. А конь все жрет и жрет и ничем больше не интересуется.

ПОЖАР

А очень, братцы мои, любопытный факт произошел в наши дни.

Газета «Гудок» отметила это выдающееся событие на своих славных страницах. Но мы еще желаем слегка подбавить пару. Уж очень невозможно получилось.

Однако, не желая конфузить перед судом серых героев этого события, не будем указывать в своем художественном произведении точного ихнего местопребывания. Скажем только, что произошло это на Сызр.-Вяз. жел. дор.

А станцию, я говорю, указывать не стоит. А то еще поезда начнут подолгу задерживаться в этом пункте. Ведь всем охота поглядеть, что там за люди-человеки. Так вот. Сейчас увидите.

Была-находилась недалеко от станции лавка гражданина Федора Балуева. Мелочная торговля. Ну одним словом, — частное предприятие. Частник, одним словом, в этом населенном месте раскинул свои сети и заманивал туда покупателей. Кровь сосал.

И вот раз однажды, в субботу вечером, возьми и загорись этот частник.

Говорят, от оброненной папироски у него товар вспыхнул. Небрежность какая! Докидался, темная личность.

Значит, вспыхнул пожар. Произошла тревога. Дым столбом. Крики.

В набат не звонили — потому церковь была на сносе. Электрической сигнализации тоже здесь не было. Не в Ленинграде. А просто один гражданин-любитель побежал на своих ногах до этой пожарной команды.

Добежал до этой команды. Кричит:

— Эй, черти! Пожар горит! Выезжайте!

Тогда выходит на этот крик ихний брандмейстер на крылечко. Яблоко жует. После котлет закусывает.

— Чего, говорит, орешь, балда?

— Так что, говорит, пожар горит. Можно выезжать.

Ихний брандмейстер говорит:

— Видим. Не слепые!

А видеть, действительно, можно было. Пламя довольно высоко к небу поднималось. Искры, конечно, сыплются. И дым глаза ест.

Ихний брандмейстер говорит:

— Довольно вам странно, гражданин, орать.

— А что?

— А то! Кто горит? Балуев горит? А кто есть Балуев? Кооперация? Балуев есть частник. Ну и пущай его горит. Чище воздух будет. А вы, говорит, товарищ, не нарушайте тут классовой линии своими криками. Не то знаешь, чего бывает.

Гражданин-любитель, конечно, сконфузился за свою отсталую идеологию и поскорее смылся.

Особенного переполоха среди населения не было. На этот раз массы довольно сознательно отнеслись к факту. Тем более что лавка стояла несколько в стороне от селения. И ветру в ту пору не было. Погода была ясная. Так что особого беспокойства, я говорю, не произошло. Хотя народу довольно много собралось поглядеть на это зрелище.

Сам частник сидел на камушках напротив пожара и особенно в огонь за имуществом не кидался.

— Нехай, — говорит. — В крайнем случае мое имущество застраховано. Не тушите.

Вскоре, значит, пожар догорел и народ разошелся по своим халупам.

А частник пошел ночевать к своим родственничкам.

Вскоре, говорят, над пожарниками состоится показательный суд за ихний, так сказать, левый уклон и убеждения. А тоже ведь сразу не угадаешь, чего требуется.

НЕПРЕДВИДЕННОЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВО

Можно меня поздравить. Нашел квартиру. Одна комната и кухня. С небольшим ремонтом.

Ремонтик совершенно ерундовый — потолок слегка побелить, а то балки оттуда виднеются, и известка вместе с верхними жильцами на башку сыпется. А так остальное все исправно.

Я взял и побелил этот потолок. Починил и побелил.

Гляжу, при таком ослепительном потолке — стены стали нехороши. Очень уж грязные и обдрипанные.

Сам частник сидел на камушках напротив пожара
и особенно в огонь за имуществом не кидался

Купил дешевенькие шпалеры. Наклеил. Стало как будто немного интеллигентней. Единственно пол подгулял. При плохих стенах он не так в глаза бросался. А теперь на пол посмотреть страшно. Ямы. Колдобины. Ну прямо идешь как по панели, — до того неровно.

Купил бракованную клеенку. Покрыл пол. Стала комнатка хоть куда. Веселенькая. Дверь вот только жуткая. Не дверь, а черт знает что.

Починил дверь. Ручку для красоты вставил. Краской подновил. И надо было бы мне дверь с одной стороны только окрасить. Со стороны комнаты. А я дурака свалял — и со стороны кухни подмалевал. Прямо в кухню стало невозможно входить. Потому дверь хороша, а рядом сплошная дрянь. Стены аховые. Плита стоит развалившись. Крантик оторван, еле держится. Пола почти нету. Потолок жутковатый, все время на тебя валится.

Начал ремонт производить. После бросил. Потрохов, думаю, не хватит. Кухню, думаю, отделаю — уборная нехороша.

Бака нету. Четвертой стены не хватает. Уборную, скажем, отделаю — в коридор не войдешь. Коридор отделаю — входная дверь не годится. Входную отделаю — лестница плоха. Перил нету. Лестницу отделаю — дом худой. Не дом, а горе.

А дом, товарищи, я не могу пока отделывать. Я 47 руб. жалованья получаю.

Так и живу, как на вулкане. И о ремонте больше не думаю. К этому делу надо подходить осторожно и задумчиво.

Понимать надо
(1931)

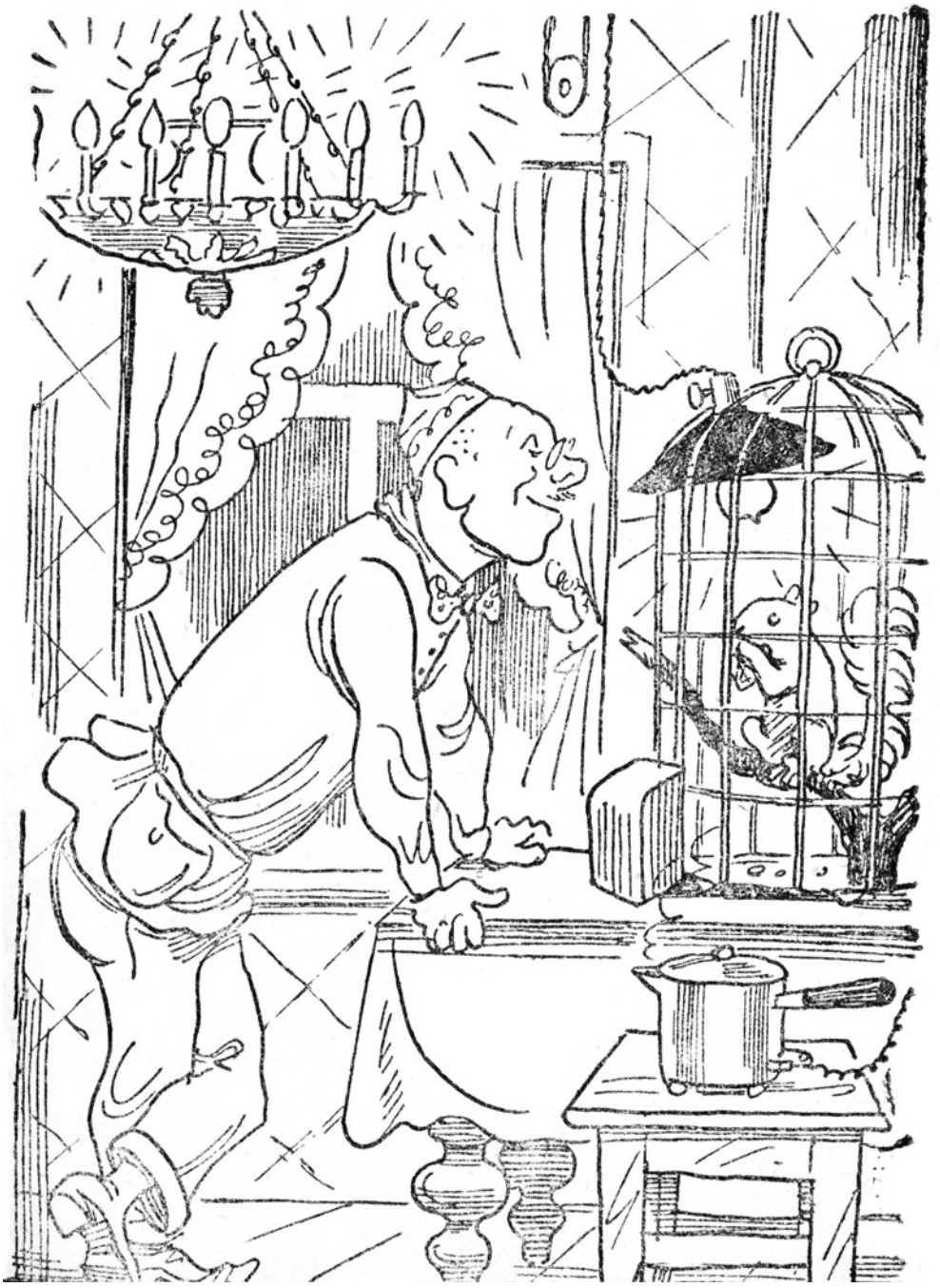
понимать надо!

Тут у нас в Ленинграде произошел довольно интересный случай. Один квартирант имел небольшую квартиру.

Вот имеет он небольшую квартиру, и в этой небольшой квартире сжигает он электричества рублей на тридцать в месяц. Другие сжигают на такой площади рублей на пять, а он — на тридцать.

Он любитель электричества. У него день и ночь сияют лампочки. У него в каждом углу свет.

Даже одну лампочку он в клетку провел. У него в клетке жила небольшая белка. Так вот он и белку электрифицировал.



Даже одну лампочку он в клетку провел.
У него в клетке жила небольшая белка.
Так вот он и белку электрифицировал

— Мне, — говорит, — интересно белку наблюдать при полном освещении.

Только однажды на собрании ему председатель жакта говорит:

— Вы, — говорит, — уж очень электричество не бережете. У вас, говорят, день и ночь в окнах свет играет. Надо полегче. Надо экономить.

Квартирант с обидой в голосе отвечает:

— Я, — говорит, — очень удивлен вашим грубым замечанием. У меня, — говорит, — счетчик. Я, — говорит, — дармового электричества не имею. За каждый, — говорит, — сожженный ампер-вольт я, — говорит, — плачу госу-

дарству наличные деньги. И я так понимаю, что государство тем более заинтересовано, что я больше жгу. От этого государство крупные деньги имеет.

Тут встает один жилец, некто такой Жуков. Бывший партизан. Рабочий сейчас. Он очень горячо говорит, но немного, к сожалению, заикается:

— В-вы, — говорит, — я из-виняюсь, ф-ф-форменный д-д-ду-рак. Гос-государство, — говорит, — х-хочет освещать не только вашу паршивую квартиру, но и деревни, колхозы и так далее, и в силу этого, — говорит, — расход энергии и топлива очень увеличился. Надо, чтобы все пока что понемногу пользовались... А вы — вы, — говорит, — л-лезете со своими д-деньгами. Это, — говорит, — есть бур-бур-буржуазный подход к делу. В данном, — говорит, — случае в-ваши тридцать рублей гос-государству нужны как с-собаке пятая нога. Вы, — говорит, — лучше с этих пор поменьше жгите, а то я могу на вас р-рассердиться.

Тут председатель от себя добавляет:

— Да, — говорит, — Жуков правильные мысли развивает. И кроме того, в этой электроэнергии нуждаются заводы и фабрики, поскольку машины приводятся этим в действие. Так что, — говорит, — тут даже можно усмотреть в действиях вышеуказанного квартиранта некоторое вредительство на фронте пятилетки.

Тут сначала любитель электричества начал ругаться, но после заробел и говорит:

— Я, — говорит, — извиняюсь, конечно, но я про это не подумал. Я подумал, что это даже тем лучше, что я много жгу. Ладно, — говорит, — я белке перестану энергию подавать.

И начал с тех пор экономить. И рублей пятнадцать в месяц сэкономил. И ему, д-д-дураку, польза, и государству: может быть, лишних пять лампочек в деревню проведет. И драгоценное топливо сохранилось на эту сумму.

На этом дело и кончилось. Началась экономия.

А рассказали мы эту историю вот к чему. Нам пишут, что учком 181-й ФЗС не только не экономит электроэнергии, но форменно небрежно относится к этому делу. В школе зачастую бесполезно горит свет. Тушить позабывают. И вообще этим вопросом не интересуются.

И нам теперь желательно, чтобы учком хором прочел наш небольшой рассказ.

Ну, еще мещанский жилец со своей белкой нам понятен, но тут видеть равнодушие у пролетарских ребят мы прямо не можем. У нас, может быть, сердце кипит от огорчения. Потому — понимать же надо, товарищи!

Запутались

Сегодня мы, товарищи, хотим рассказать про 3-ю детско-сельскую школу.

Там произошло такое запутанное дело, что многие ребята караул кричат.

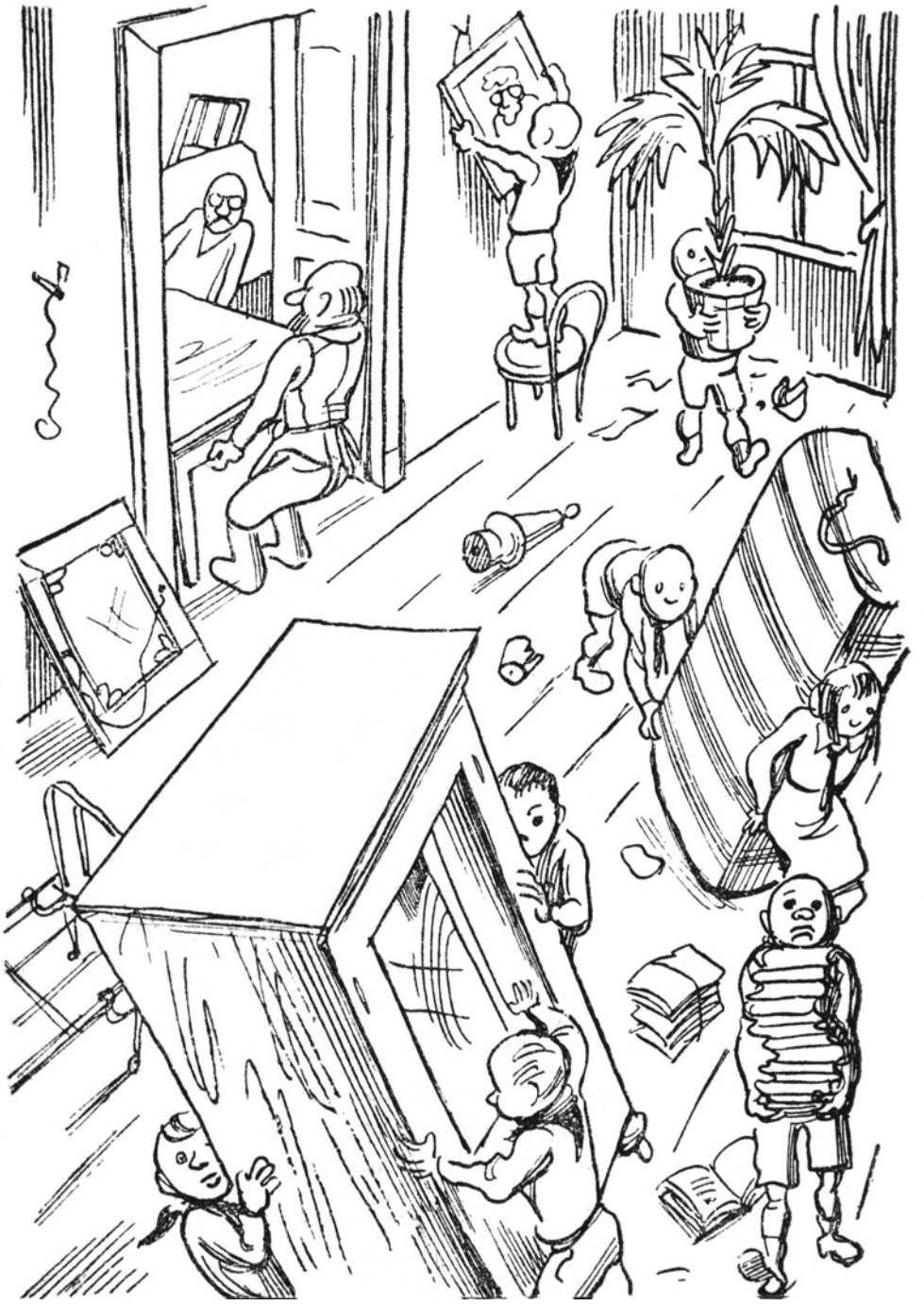
Но погодите, ребята, кричать караул. Сейчас «Баклажка» разберется в этом деле.

Сначала все было хорошо. Ребята имели клуб в две комнаты, столовую, классы, садик. В саду росли деревья. Птички чирикали.

Ну, все — прямо как на заказ. Аккуратно. Мило. Так и надо.

Только вдруг однажды смещают заведующую школой Балинскую. Ей дают должность зава учебной частью. А на ее место из Ленинграда засылают более энергичного, стойкого педагога, от которого ожидают всего хорошего.

Вот, значит, приезжает новый заведующий и, конечно, поскорее занимает квартиру Балинской. А Балинскую, конечно, поскорее помещают в клубе.



Вот тогда берут столовую, вытаскивают оттуда столы и скамейки. Вешают на стены портреты. И, значит, клуб есть

Дают ей эти две клубные комнаты. И велят ей там жить. Или она сама туда переехала. Неизвестно.

Вот живет она себе в клубе. Вдруг возникает вопрос: мол, без клуба как-то нехорошо, неловко — ребятам заниматься негде.

Вот тогда берут столовую, вытаскивают оттуда столы и скамейки. Вешают на стены портреты. И, значит, клуб есть.

Вдруг возникает вопрос: а как же, мол, ребятам без столовой? Ребятам, мол, без столовой неуютно — им кушать негде.

Вот тогда берут коридор. Ставят туда столы и стулья. Кладут на столы вилки и ложечки. И, значит, ребята имеют столовую.

Конечно, придумали очень мило. Но, конечно, имеются неудобства. Давайте тогда придумаем улучшения.

Дадим, предположим, Балинской две клубные комнаты и столовую. Тогда клуб — в коридор, коридор — в переднюю. Переднюю — в сад. Сад — на улицу... Нет, погодите, не так.

Дадим Балинской две комнаты и коридор. Тогда коридор — в столовую. Столовую — в переднюю. Переднюю — в клуб. Клуб — в сад. Сад — на крышу. Крышу — на улицу... Фу, подождите, запутались.

Дадим Балинской две комнаты, коридор и столовую. Тогда коридор — на улицу. Улицу — в сад. Сад — в квартиру заведующего. Заведующего — на крышу. Крышу — на заведующего... Нет, погодите. Не выходит. Дайте отдышаться. Вот как сделаем.

Дадим Балинской временно одну комнату в клубе. В другой комнате останется клуб. В столовой остается столовая, коридор — в коридоре.

Ну, теперь, кажется, лучше получилось.

Совсем будет хорошо, если заведующий потеснится и даст в своей квартире одну комнату Балинской. Вот тогда совсем будет хорошо и отлично.

Так что, ребята, прежде чем кричать караул, надо всегда в «Баклажку» обращаться. Ох, «Баклажка» в таких делах очень умеет разбираться. «Баклажка» в таких делах собаку съела.

Восемнадцатого марта был День Парижской коммуны. День, конечно, торжественный, но вместе с тем и печальный — коммуна просуществовала 72 дня и, можно сказать, была залита морем крови парижских коммунаров.

Но есть люди, которые думают, что в этот день вполне прилично протанцевать краковяк и поиграть в кошки-мышки.

В 73-й школе Нарвского района приблизительно так и подумали.

Правда, там довольно торжественно подошли к этому делу. Там была устроена торжественная беседа с ребятами и даны были разные художественные номера. Великолепная программа висела на стене. Из этой программы можно было узнать, что по окончании художественной части будут «коллективные танцы и игры».

Мы, так сказать, не имеем опыта в танцевальном искусстве и не знаем, что такое «коллективные танцы». Заглавие хорошее и даже созвучное эпохе. Понимаем, что это не па-де-патинер и не полька-бабочка, а что-нибудь более

общее, возвышенное, какая-нибудь, может быть, общая кадриль или прыжки на месте с поворотами. Одним словом, не знаем.

Знаем только, что само школьное начальство не танцевало.

Но когда начальству заявили насчет танцев, что сегодня, пожалуй, это не совсем удобно, начальство этого неудобства не нашло.

— Помилуйте, это же не танцулька. Пущай ребята немного попляшут.

Конечно, в том, что ребята повеселятся и попляшут, нет преступления. Но вот какая-то неловкость, какая-то нетактичность все же, пожалуй, имеется в этом деле. В этот день вместо танцев лучше всего было бы какое-нибудь коллективное письмецо написать парижским пионерам. Или еще чего-нибудь такое придумать. На все — свое время.

Нам вспоминается сказочка про одного чудака, который ну никак не мог попасть в тон жизни. Встречая похоронную процессию, он плясал и пел, а при виде веселой свадьбы — плакал и рвал на себе волосы. Бывают такие чудаки. У них обычно в голове не все дома.

А ежели так, то даем 73-й школе наставление на ближайший праздник.

Тут скоро будет праздник 1 Мая. Не извольте же в этот день плакать и рвать на себе волосы. Пойте, танцуйте свои «коллективные танцы». Мы придираться не будем. Напротив, может даже сами тряхнем стариной и заедем в школу потанцевать. Так что — ждите приезда.

А пока — до свидания!

Некрасивая история

Сегодня, ребята, придется вам рассказать про одну довольно некрасивую историю.

История эта произошла у нас в Ленинграде, в 5-й школе ФЗС.

А учился в этой школе один такой парнишка с нерусской фамилией. У него была нерусская фамилия, поскольку он сам нерусский. Он татарин.

Парнишка очень такой старательный, вежливый, деловой. И очень он горел желанием получше учиться.

Но конечно, получилось у него не очень великолепно. Поскольку русский язык ему не родной — вот он и терялся в этом языке. Он не так правильно говорил и писал, чего-то такое, не то, что нужно. Одним словом, отставал.

И заместо слова «тетрадь» говорил «тритрадь».

Но только в этом нету ничего смешного. Нуте-ка, нашего ленинградского парнишку завезти в Татреспублику и заставить его говорить по-ихнему.

Но между прочим, нашлись в школе несознательные ребята, которые стали дразнить и задевать нашего маленького нерусского товарища

Он, небось, такое начнет лопотать, что наш маленький татарин прямо будет Пушкин против него.

Так что ничего смешного и удивительного нету в этом факте.

Но между прочим, нашлись в школе несознательные ребята, которые стали дразнить и задевать нашего маленького нерусского товарища.

Они стали его дразнить, цукать. Стали ему разные названия давать. Пугали его, что он не перейдет в следующий семестр. Одним словом, травили.

Ну и конечно, парнишка чувствовал себя неуютно и находился в школе как чужой.

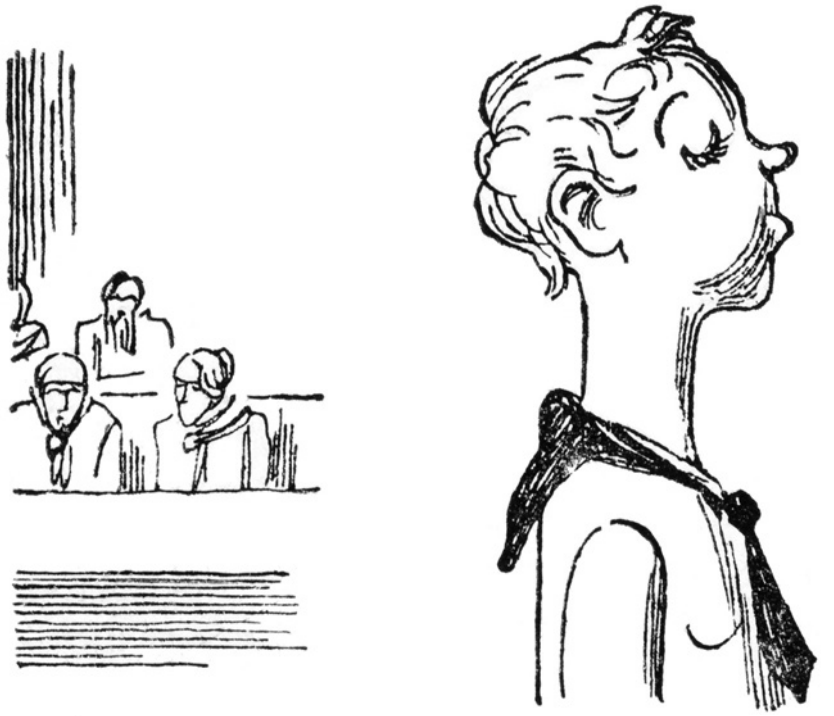
Ребята начинают смеяться над ним, а он отойдет в сторону и, наверное, думает по-татарски: «Вот так пионеры! Вот так советские ребята! А еще называются интернационалистами...»

А мы по-татарски не говорим, но по-русски примерно то же самое думаем. О чем заявляем в печати.

Вот чего, ребята, — исправляйте свою ошибку. Берите парнишку на буксир и помогайте ему в русском языке. Небось, забыли о наказе — помогать неуспевающим товарищам. Так вот — напоминаем.

А которые не бросят издеваться и смеяться над своим товарищем, — с теми мы поговорим серьезно. Мы всех их насквозь знаем.

Пока до свидания.



Андрюша отказался

Сегодня, товарищи, мы хотим продернуть одного пионера. Проживает он в Череповецком округе. Деревня Казарино.

Так вот, именно его мы и желаем продернуть.

Конечно, ничего не говорим, может быть, он очень умный, хороший парнишка. Может быть, он учится великолепно и зубы себе два раза в день чистит. Может быть, он, наконец, дельный пионер и несет разную общественную работу. Против этого мы ничего не говорим. И если желаем его продернуть, так только вот за что: он отказался обучать неграмотных.

А это, товарищи, прямо даже удивительно слышать такие слова.

Пионер — и вдруг он, знаете, отказывается участвовать в ликвидации неграмотности.

Вдруг он по горло перегружен работой...
Может быть, он занят в какой-нибудь текущей кампании

Ведь это чего получается? Ну-ка, давайте разберем.

Как известно, социализм нельзя построить в стране неграмотных. Значит, чтоб построить социализм, надо иметь побольше грамотных. Чтобы иметь побольше грамотных — надо побольше обучить неграмотных. Чтобы побольше обучить неграмотных — надо, чтоб каждый передовой грамотный чего-то такое внес в это дело.

А грамотный Андрей Смирнов, пионер и, так сказать, юный строитель социализма, отказался участвовать в этом деле.

Ведь это, братцы, чего-то такое некрасивое получается.

Тогда давайте войдем в положение Андрюши Смирнова и попробуем разобраться в его отказе.

Перво-наперво надо подумать так: а ну вдруг ему некогда. Вдруг он по горло перегружен работой. И может быть, у него важные государственные дела лежат в портфеле. Может быть, он занят в какой-нибудь текущей кампании. Может быть, там ликвидация неграмотности или там... То есть чего это мы пустяки говорим — он же отказался от этой кампании...

Значит, чего-то такое другое.

Ну может, предположим тогда, что он не уверен в своих научных силах?

Может быть, он «собаку» через два «бэ» пишет («соббака») и «ворону» через «ф» («фарона»)? И в силу этого пугается, так сказать, передать свои мелкие знания другим гражданам.

Но нет! Он — пионер и ученик V группы Абакановской ШКМ. И надо полагать, «собаку» научился более или менее сносно писать.

Так что кругом выходит, что Андрюша Смирнов зря отказался.

Мы уверены, что Андрюша Смирнов, прочтя наши слова, почешет свой затылок и скажет: «Да, черт возьми, пожалуй, действительно верно, я маленько недооценил эту важную политическую кампанию».

И начнет дооценивать.

Вот тогда мы с удовольствием пожмем руку юному товарищу Андрею Смирнову.

Шире шаг, дорогой товарищ!

Не плетись в хвосте. А то, чего доброго, отстанешь.

1. ВЕСЕЛЫЙ ДЕТКОР

Из деревни Горки Минецкого районца нам шлют привет и, между прочим, пишут про одного удивительного деткора. Вот, что нам пишут:

«Ученик 1-й ступени, деткор Тихонов Федя, льет воду в почтовую кружку, куда опускают письма. Прошу дать ему выговор, чтобы он не лил воду в кружку».

Вот так деткор! Другие деткоры в кружку опускают письма, а этот маленький шелопай водой их поливает. Наверное, это он не со зла, а по глупости. Но только нам глупых деткоров как раз и не требуется. А если у него такой веселый характер и ему хочется посмеяться, то в крайнем случае пускай льет воду себе за шиворот. И смешно и весело, и письма не портятся.

Одним словом, не надо нам такого деткора.

2. СЕРДИТАЯ ПИОНЕРКА

В городе Бобруйске в 4-м классе 3-й школы есть ученица Зубова. Она пионерка, член класскома и вообще общественница.

Однажды ее прохватили в стенной газете. Она на уроках перебрасывается записками, кричит, смеется, а учительница ей почему-то не делает замечаний. Вот ее вместе с учительницей и прохватили в газете. Ядовитую статейку написали про них.

Стали разбирать эту статейку на собрании, дескать, правильно ли там изложены факты.

Один ученик встал и говорит: «Да, правильно».

На это, как нам пишут, сердитая пионерка закричала: «Убью, убью!»

Очень оказалась свирепой пионерка. Прямо боимся ее выругать. Еще, чего доброго, драться приедет в Ленинград.

Вы уж, товарищи пионеры, поговорите с ней. Пущай она немножко будет потише и людей пущай не убивает.

3. ЗАДАЧА

В Большой Форской школе ученики постановили собрать для земли удобрения по пяти стаканов золы с человека.

Было высчитано, что со всей школы соберут 590 стаканов.

Однако до сего времени собрано всего... 15 стаканов.

Спрашивается: сколько всего учеников в школе и сколько из них хороших активистов? И еще спрашивается: соберут ли ребята полностью золу к концу пятилетки при таких черепашьих темпах?

Неловко, ребята, получается. Хороших слов наговорили, а дело не делается.

Счастливые идеи
(1931)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Два года назад мы выпустили в свет научное сочинение — альбом «Веселые проекты».

Читатель терпеливо отнесся к нашей научной деятельности, и альбом разошелся без остатка, подарив авторам славу и рублей двести денег.

Воспоминания об этих счастливых днях не дают нам спокойно почить на лаврах. В настоящее время, после двухлетней кропотливой работы, мы вновь выпускаем однотомный труд под общим заглавием «Счастливые идеи».

С одной стороны, это как бы продолжение «Веселых проектов», с другой стороны, это уже нечто иное, более фундаментальное, более солидное по своему исполнению и мировоззрению.

Если «Веселые проекты» — проба пера, первый научный лепет, первый лабораторный опыт, то настоящая книга есть зрелый труд, достойный всякого внимания и удивления.

Однако серьезная научная установка не вредит делу. Труд, как и прежде, проникнут жизнерадостной философией, в которой, так сказать, сквозит грусть сквозь слезы.

Одним словом, мы выпускаем подарочное издание с картинками.

Некоторая техническая невозможность лишает нас радости выпустить альбом на меловой или слоновой бумаге; это последнее обстоятельство, естественно, прибедняет наше издание, но пущай читатель терпеливо и снисходительно отнесется к этому факту.

Быть может, впоследствии счастливые наши потомки, почтя вставаньем нашу светлую память, издадут более роскошно наше научное сочинение.

Гонорар с того издания пущай потомки отчислят на благоустройство города, на полную ликвидацию неграмотности и на окончательное разрешение жилищного кризиса.

Остаток денег можно в крайнем случае употребить на устройство памятника двум нашим ближайшим сотрудникам — профессору Ущемихину и приват-доценту Прищемихину.

В памятнике можно упомянуть каким-нибудь образом и третьего нашего сотрудника — Андрэ Васильевича Госфикуса, о котором речь будет в конце альбома.

Приносим сердечную благодарность Откомхозу, Академии наук и прочим организациям, деятельно помогавшим нам в составлении альбома.

Июнь, 31 года.
Ленинград.

«ПРОГРЕСС»

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ
КОНСУЛЬТАЦИЯ

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ «ПРОГРЕСС»

Читатели должны знать своих ученых!

Н. Э. Ущемихин родился в бедной крестьянской семье. До сорока пяти лет он был простым коровьим пастухом, а потом сделался доктором и ученым.

М. М. Прищемихин, напротив того, до 45 лет был ученым, а потом поступил на службу в научно-техническую консультацию «Прогресс».

Основатель столовой при научно-техн. консульт.
профессор Н. Э. Ущемихин

Непременный секретарь
приват-доцент и академик М. М. Прищемихин

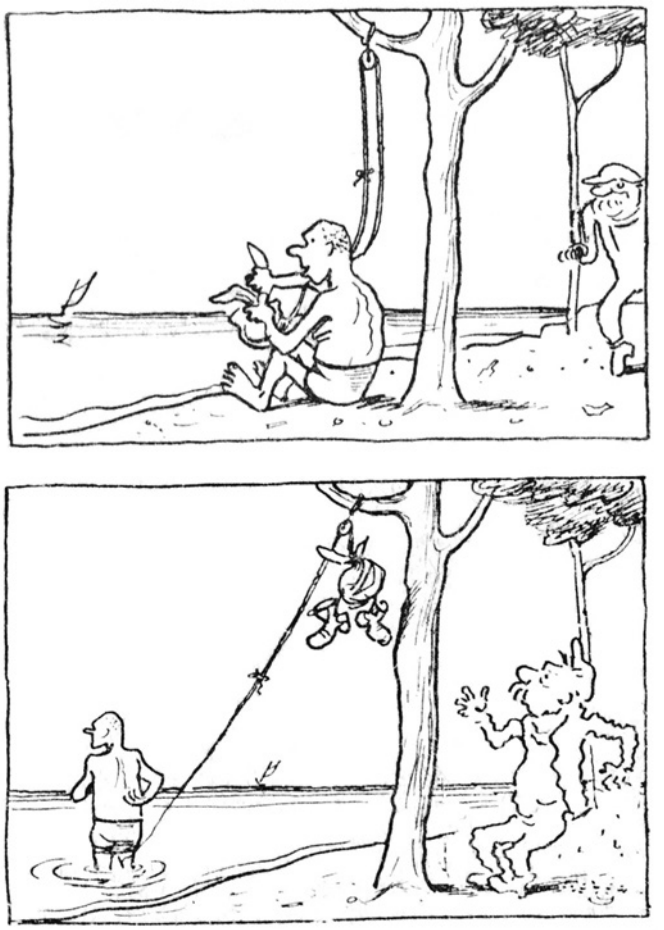
Ученые обещают отдать свой талант на пользу молодой общественности. Они будут давать разные советы, предсказывать погоду, стряпать и вообще без дела сидеть не будут.

Весной ученые предполагают поехать за границу для поднятия своего культурного уровня и для пополнения недостающего гардероба.

Перед открытием консультации ученые собрались в конференц-зале, где им и были выданы парусиновые варежки и майки ходовых размеров.

Академики, довольные и сияющие, разошлись, оживленно и остро беседуя на разные культурные темы.

АППАРАТ «ВОЗДУШНАЯ МЕЧТА»

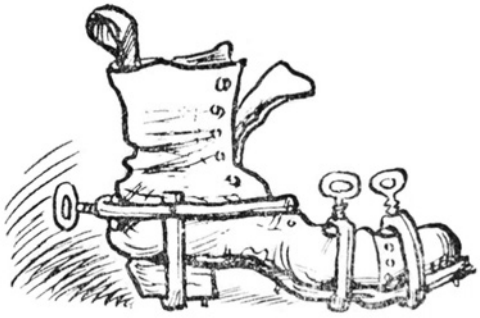


Наступает жаркое лето. Купальный сезон в разгаре. Консультацией получено 49 писем с просьбой дать ответ: как во время купанья сохранить свое белье на берегу.

Ныне мы разрешаем этот вопрос простым и элегантным способом.

Узелок с бельем подвешивается на ближайшее дерево. Свободный конец привязывается к ноге купающегося. По мере удаления владельца от своего имущества узелок естественными силами природы подтягивается выше и выше. По мере выхода купающегося из воды — узелок с кальсонами и другим носильным бельем гармонично опущается книзу и дает полную радость своему владельцу.

ПОПУЛЯРНЫЙ ПРИБОР «АНТИПОТЕРЯЙ»



Многие покупатели обуви обижаются на качество этой последней.

То, говорят, во время хода каблук отвалится, то какая-нибудь еще более нужная часть сапога исчезает.

Все это, безусловно, создает неправильный вид ноги и делает картину ходьбы нездоровой, лишенной красоты и элегантности.

Наш популярный прибор «Антипотеряй» не дает товару рассыпаться. И даже рассыпанный товар во время хода остается на месте и дозволяет думать, что это так и было.

Пользование аппаратом чрезвычайно простое, вполне доступное даже детям.

Прибор заимствован нами из римской жизни.

ШЛЯПА «ФЕНИКС»

Уличная пыль — это форменный бич трудящихся. При малейшем ветерке нет никакой возможности ходить по улицам с открытой мордой. И хотя эти последние поливаются в сырую погоду, тем не менее этого недостаточно. За границей мостовые обмываются мыльной водой, но это средство малодоступно, а главное, жиртрест может быстро расторговаться.

Костюм не так страдает от пыли. Наибольше всего пыль садится на личность. Бактерии и микроорганизмы свободно проходят в пищеглотку и вызывают брожение и так далее.

Моральное действие пыли также велико. Пыль часто толкает граждан на скользкий путь алкоголя и оппортунизма.

Здесь нами продумана шляпка «Феникс». Легкий пропеллер при ходьбе приходит в движение и рассеивает пыль.

Наша шляпа несет оздоровление и резко снижает эпидемические заболевания. Государственным учреждениям и частным лицам — скидка.

МЫСЛИ О КРАСОТЕ И БЛАГОУСТРОЙСТВЕ ГОРОДА

Красоте и благоустройству нашего города сильно мешала плохая окраска наших домов.

Еще недавно выкрашенный дом после небольшого дождя линяет, как сукин сын, и стоит обшарпанный и грязный, будто его красили в последний раз при Екатерине II.

Секрет красоты и прочности краски, видимо, потерян навсегда.

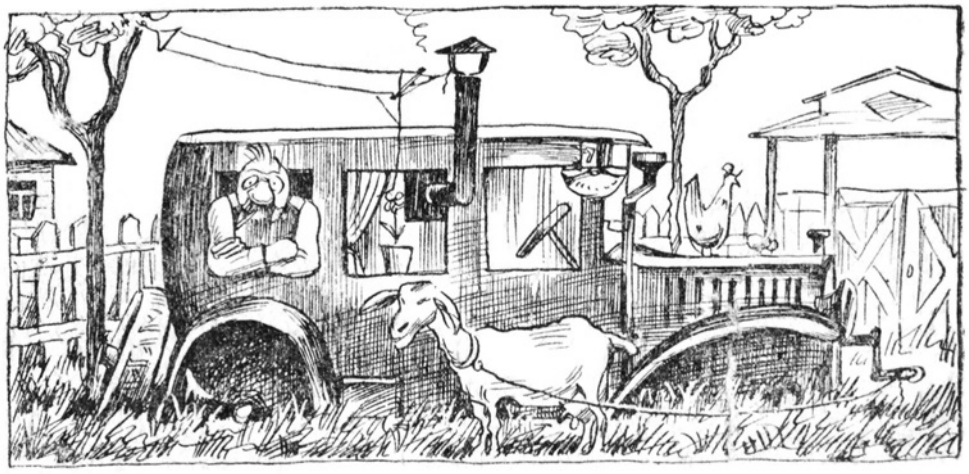
Как быть? Чего делать? Неужели же дома должны стоять некрашенные и оголенные? Чего скажут иностранцы, когда увидят такое зрелище?

Или оклеивать дома обоями? Или синькой замазывать ихние стены?

Нет! Особый громадный зонт, установленный на крыше такого дома, позволил бы нам красить стены прежней дрянью.

Гениальный ум человека в каждой беде находит свой выход.

АВТОДОМ



Через год-два автомобиль станет обыденным явлением нашего культурного быта.

Уже Автодор устраивает лекции, как управлять машиной и как в крайнем случае ехать по нашим дорогам.

Уже, кажется, приступили к постройке автомобильного завода. Однако никто еще не поднял вопроса о том, как и куда население будет ставить свои автомобили. В самом деле: сараев нет, гаражей тоже нет, а если есть, то давно оборудованы под жилье. Куда же ставить свои машины? Здесь наши ученые подходят вплотную к этому вопросу.

При создавшемся остром положении население принуждено будет оставлять свои машины во дворе дома. Однако это имеет свои хорошие стороны. Поставленный во дворе автомобиль может служить прекрасным местом отдыха владельца. Жилая площадь может не превышать норму. Крыша не протекает. И зеркальные стекла свободно пропускают ультрафиолетовые лучи. Если обнести машину частоколом, то получится небольшой уютный домик с садом. Для того чтобы в ночное время этот домик не угнали, достаточно будет отвинтить колесья. В ненастную, прохладную погоду помещение можно отапливать установленной для этой цели буржуйкой. В садике можно посадить грушу или сирень. По утрам можно на всякий случай привинчивать колесья. Если спешка — можно воспользоваться трамваем. Во всяком случае население должно до конца использовать все возможности, связанные с катастрофически быстрым развитием автомобильной промышленности.

МЫСЛИ ОБ УДОБСТВЕ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ

Кому неизвестны сердитые и подчас свирепые лица работников прилавка?! Грубое выражение лица, недовольный взгляд на покупателя, — мол, ах ты опять, подлец, приперся! Все это, несомненно, снижает кооперацию.

А в другой раз охота увидеть в магазине веселое, жизнерадостное лицо, которое, мило улыбаясь, предлагает вам товар, приветливо разворачивая его перед вами.

В дальнейшем такие лица, конечно, будут заурядным явлением, но пока наука идет навстречу запросам публики. Консультация предлагает свой механический зажим для лица.

Каждый работник прилавка, даже бывший лавочник, надев наш аппаратик, имеет легкое, выдающееся выражение лица, абсолютно не отпугивающее покупателя.

* * *

Нельзя обойти вниманием заборные книжки — все-таки их конструкция неудобна.

Изволь, вырезай ножницами талоны, слюни пальцы, перелистывай замызганные страницы.

Наш катушечный аппарат несет в этом смысле значительное улучшение и оздоровление быта потребителя.

Легко и удобно носить, красиво, руки свободны, и карманы не загромождаются излишней требухой и чертовщиной.

Катушки следует иметь разных цветов, для того чтоб работник прилавка сразу понял, за что хвататься.

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ КОМОД ДЕ-ВАЛЯЙ

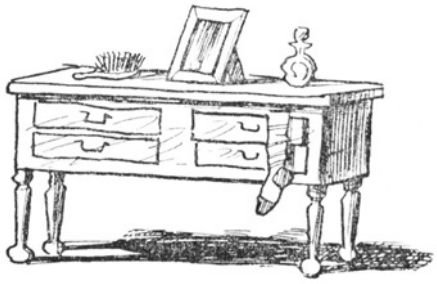


Рис. 1

Население грустит и жалуется на громоздкую мебель, изготовляемую нашим древтрестом. Жалоба вполне резонна и основательна.

Много ли действительно можно поставить на законные 8 метров?

Здесь наши ученые обдумали интересную новинку — проект специального комода, который может обслуживать все случаи нашей небогатой жизни.

Вы видите перед собой небольшой обыкновенный комод в стиле Людовика XIV (рис. 1).

Покрыв этот комод легкой скатертью, вы имеете хороший обеденный стол, мало чем отличающийся от других грубых кустарных подделок (рис. 2). Спокойно ставьте на него тарелки и тяжелые бутылки — он выдержит.

Рис. 2

Сытно покушав и заправившись, вы, естественно, хотите пойти в гости или в театр. Вам необходимо для этого переменить костюм и посмотреть в зеркало, как выглядит ваша личность при такой обстановке.

Извольте. Вы имеете вещь — зеркальный шкаф (рис. 3). Доставайте костюм, одевайтесь.

Рис. 3

И идите со спокойной совестью развлекаться. Мебель не уйдет со своего поста.

В е ч е р о м, утомленный танцами, вы возвращаетесь домой. Вам охота насладиться законным сном. Извольте. Вы имеете хорошую кровать с шариками в стиле Людовика XVI–XV (рис. 4). Спите спокойно — завтра вы будете снова иметь комод и другие нужные вещи.

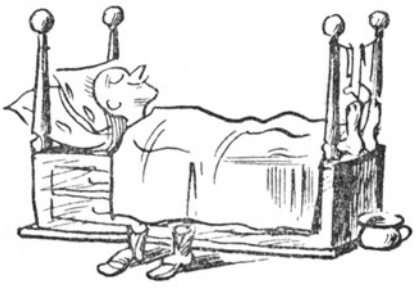
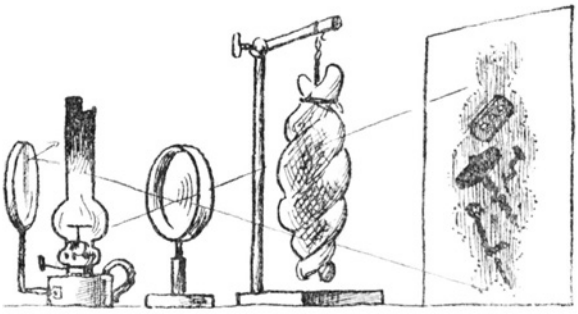


Рис. 4

БУЛКОСКОП



Неизвестно, как в других зоологических садах, а в московском саду кормление зверей происходит бойко и без перебоев.

Не очень давно один из посетителей кинул слону французскую булку, в которой при рассмотрении оказался ножик от безопасной бритвы «Жиллет».

Этот грустный факт, отмеченный московскими газетами, наделал много шуму и нашел живой отклик в нашей научной среде.

Для предотвращения столь печальных инцидентов предлагаем использовать наш аппарат «Булкоскоп». Не только изнеженному зверю, но и привыкшему к таким излишествам человеку наш аппарат может принести порядочную пользу. Важно при покупке ситника и других печеных изделий.

ПРОЕКТ ДЛЯ АНТИПЕРЕМАНИВАНИЯ СПЕЦОВ

В настоящее время большим бедствием является переход технического персонала с одной фабрики на другую.

Технический персонал, отличаясь крайней политической неустойчивостью, прельщается ставками и то и дело переходит с места на место и тем самым тормозит производство.

Как помочь этому делу? Как избавиться от беды? Наша консультация предъявляет проект, в котором использован небезызвестный принцип Откомхоза. Как известно, Откомхоз выпускает лампочки с надписью: «Украдена у Откомхоза».

Небольшая изящная золотая сережка может сослужить отличную службу и тем самым разрешить наболевший вопрос.

Сережки можно снабжать в крайнем случае драгоценными уральскими камнями и самоцветами.

МЕХАНИЧЕСКИЙ НАПОМИНАТЕЛЬ

Надо со всей резкостью сказать, что разные старые календари, разные отрывные, стенные, настольные, табель-календари и прочий и тому подобный мусор достаточно устарел и мало соответствует своему назначению.

Все эти календари пригодны обывателям с их узкой психологией и идеологией.

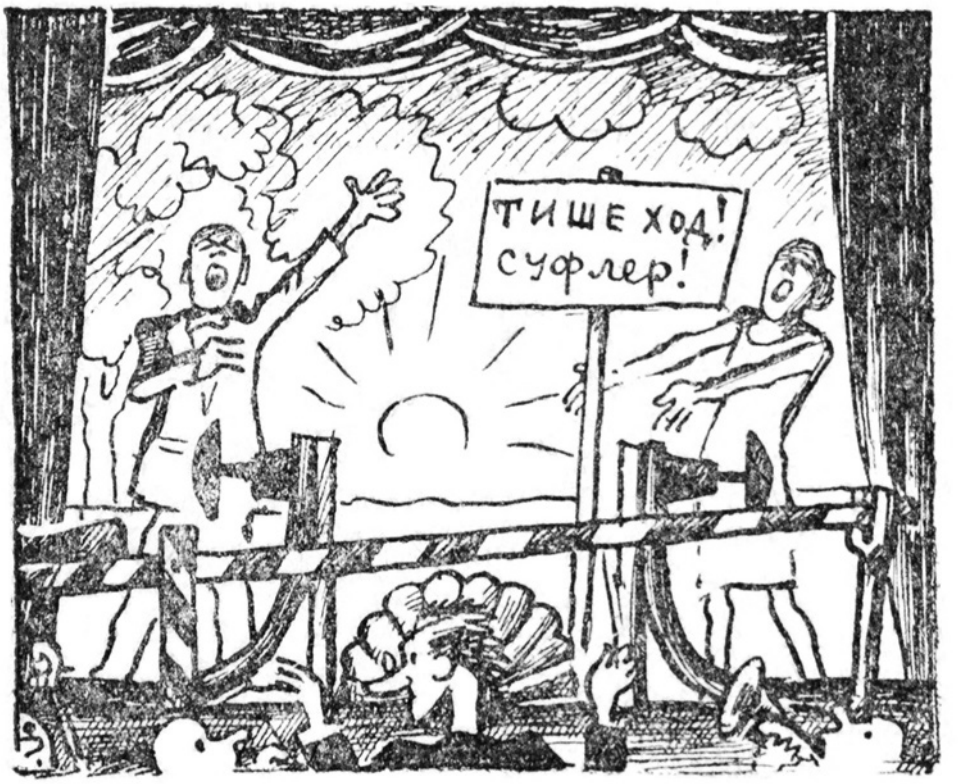
Но что делать хозяйственнику? Какой ему приличней всего иметь? Тут не может быть двух мнений. Каждому хозяйственнику необходимо приобрести наш предметный календарь «Механический напоминатель».

Пользоваться этим календарем крайне просто и приятно. Конструкция его доступна пониманию самого отупелого чиновника.

При отрывании листика приходит в движение сложная система «напоминателя», которая и выкидывает на изящном блоке какой-нибудь предмет из верхнего аппарата. И этот предмет без слов говорит, за что сейчас надо хозяйственнику браться и хвататься.

Например, выпадает полено. Это значит — пора думать о дровяных заготовках. Выпадает мешок — надо подумать о таре. И так далее. И тому подобное.

ТЕАТРАЛЬНЫЕ БУФЕРА «ОСТОРОЖНОСТЬ»



Последнее время театральные постановки отличаются особой сложностью. Театральные работники, не желая отставать от века, выносят на подмостки все, что созвучно нашей эпохе: разные станки, машины, танки, маховики, шестеренки и тому подобное.

Недавно, как сообщают газеты, в одном театре выпустили на сцену цельный настоящий трактор весом в 200 пудов.

Тракторист от непривычной обстановки оробел и понес.

Он, одним словом, не мог сразу остановить свою машину. И, наехав на суфлерскую будку, расшиб ее вместе с суфлером.

Наша артель, срочно обдумав создавшееся положение на театральном фронте, предлагает вниманию администрации следующее неприхотливое приспособление на случай танков, бронепоездов и т. д.

Суфлерская будка снабжается парой буферов, которые отлично ограждают суфлеров от мелких театральных неприятностей.

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ АКТ

Пассажирские составы наших дачных поездов по-прежнему до крайности перегружены.

Как устранить это явление?

Неужели же строить новые поезда и прокладывать двойные рельсы?

Наши ученые предлагают следующий простой и дешевый выход.

Всем известно, что физкультура широким и мощным потоком входит в наш заплесневелый быт. Не только грудные дети, но и взрослые отдают должное этому прекрасному начинанию.

Отчего бы не использовать это средство на наших желдорогах?

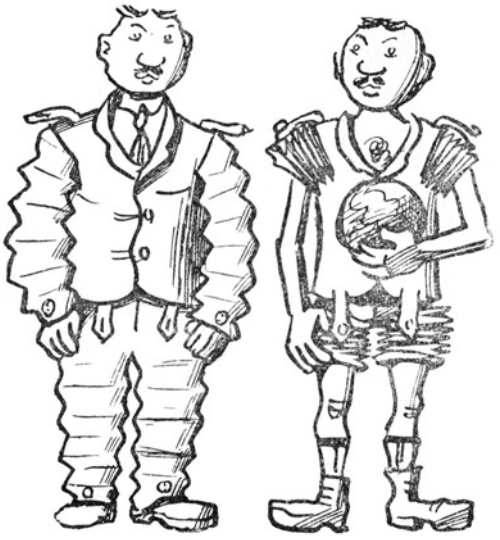
Пущай часть публики упражняется на снарядах. Это несколько разгрузит загроможденную площадь вагонов и позволит пассажирам ехать более комфортабельно. И волки сыты, и овцы целы.

КОСТЮМ «ФИЗГАРМОНИЯ» (ФИЗКУЛЬТУРА И ГАРМОНИЯ)

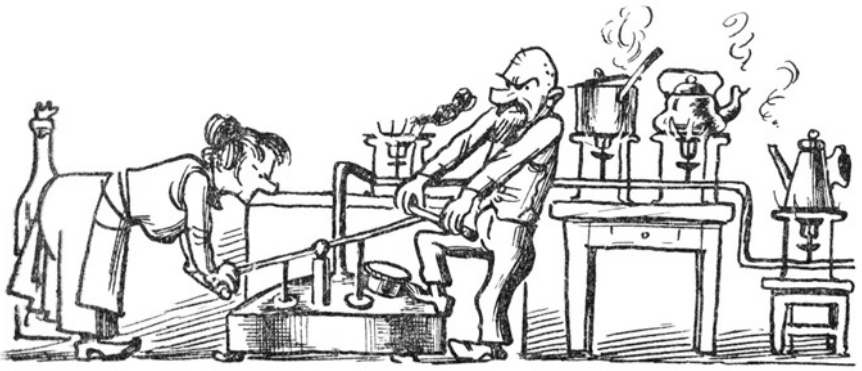
До сих пор мы в плену у буржуазных мод, не имеющих никакой практической целесообразности.

Предлагаемый нами рационализированный костюм «Физгармония» не имеет этих недостатков. Он удобен в носке, годен на всякий рост и легко превращается в спортивный.

Нашими учеными здесь остроумно использован принцип гармонии-баяна, этого излюбленного народного инструмента.



ПРИМУС «НАВСЮКВАРТИРУС»



Как известно, примус занимает в нашем быту далеко не последнее место. Иной раз на кухне скапливается до 20 примусов. Домашние хозяйки мечутся, буквально не зная, куда поставить аппарат, чтобы вскипятить суп, картошку и так далее. В силу этого происходят нередко шум, крики и потасовка. Иной раз примус служит орудием обороны и нападения.

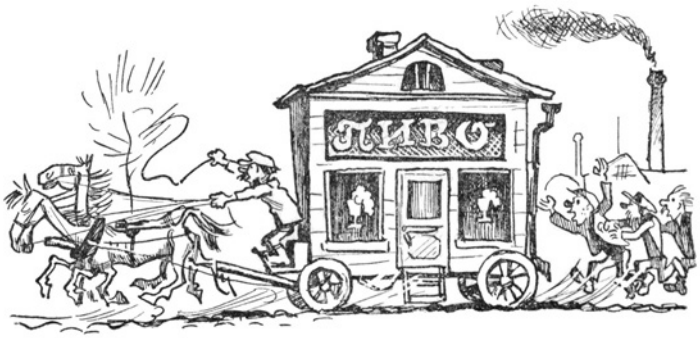
Научно-техническая консультация предлагает интересную новинку сезона — примус «Навсюквартирус».

Если потребуется, например, одному жильцу, можно и одному. В таком случае остальные горелки запираются особым крантиком.

ТРЕЗВЫЕ МЫСЛИ О ПЬЯНСТВЕ

Противоалкогольная кампания в полном разгаре. Уже закрыто около 10 пивных. Но наиболее сильный удар по зеленому змию нанесен тем, что некоторые пивные переведены из одного района в другой.

Смертельный удар можно нанести следующим проектом. Надо устроить пивную на особой передвижной платформе. В случае большого скопления публики — передвижку отправлять в другое, более пустынное место. Можно угонять, например, в лес или в открытое поле и там устраивать дымовую завесу.



МЫСЛИ И АФОРИЗМЫ ОБ УЛУЧШЕНИИ РАБОТЫ АВТОМАТОВ

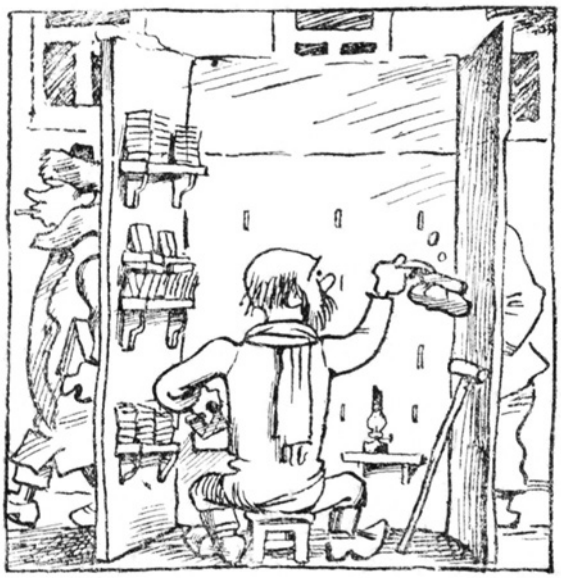
1. Фасад.

Механизация и машинизация нашей жизни понемножку входят в быт. Уже снова отремонтированы автоматы для продажи почтовых марок. И скоро по примеру Москвы на улицах появятся автоматы-киоски для продажи разных изделий.

Однако практика многих лет показала, что эти бездушные машины не отличаются четкостью работы, а также мало пригодны для нашего сурового климата и жуликоватой публики, пихающей в аппарат не те монеты и деше-

венькие перламутровые пуговицы. Одним словом, эти автоматы зачастую для удобства публики находятся в простое и тем самым, может быть, делают щель в нашей тяжелой индустрии. Однако можно избежать этого, стоит только использовать все средства для полнейшей механизации.

Здесь мы даем наглядное изображение — как поднять производительность наших автоматов на все 100 %.



2. Разрез.

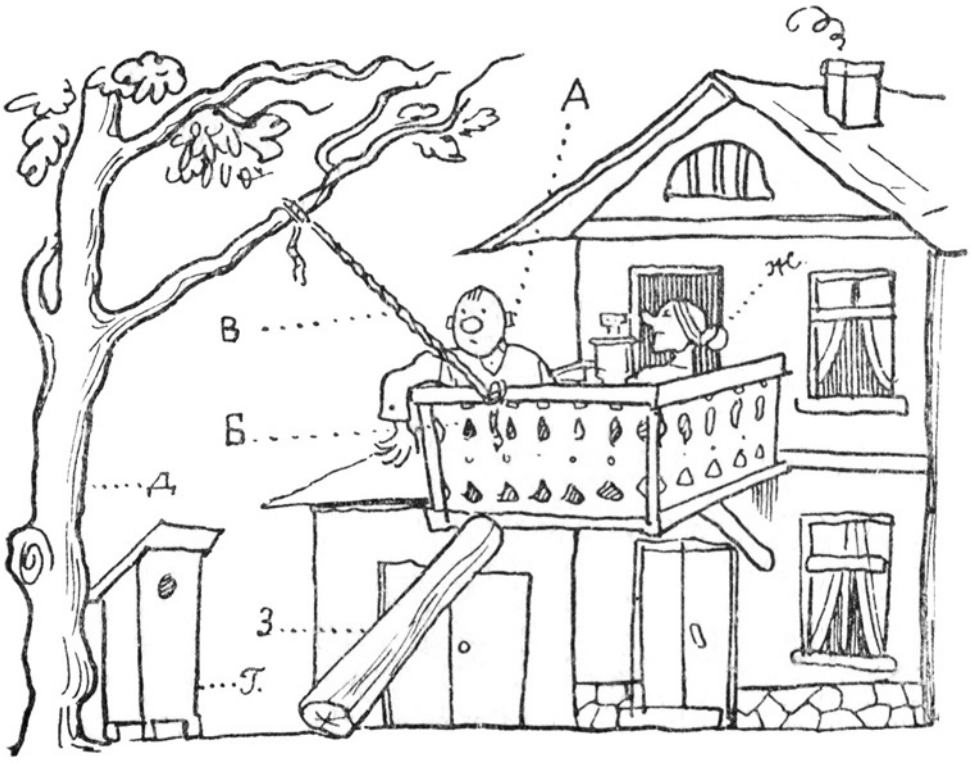
РАССУЖДЕНИЕ О БАЛКОНАХ

Много запросов мы получили о том, как предохранить дачные балконы от неожиданного падения. И как обезопасить жизнь дачников, вышедших подышать вечерней прохладой.

Этот вопрос решается просто и безболезненно.

Если против дома или поблизости имеется пара деревьев, то проблема решена.

Небольшой прочный канат свободно выдерживает от 3 до 7 дачников, не считая детей и собак.



А – владелец дачи И. Антонов с женой (Ж.)
Б – балкон, В. – веревка, Д. – дерево,
З. – запасная балка, Т. – уборная.

ДОРОЖНЫЙ АППАРАТ «ЗА РУЛЕМ»

Наши дороги мало пригодны для автомобильного движения. Наши дороги в силу исторических законов и географического положения более приспособлены для развития пешеходного движения и эстафетного бега.

Однако быстрое развитие автомобильного дела заставляет нас задуматься о дальнейшей судьбе наших дорог. Лучшие умы, напрягая свои силы, обдумывают создавшееся положение.

Ученые нашей консультации коллективным творчеством сочинили аппарат, который может перевернуть заново всю автомобильную технику.

Вы видите перед собой автомобиль с собственным подвижным шоссе.

СПОРТИВНЫЙ ШКАФИК «НЕ РЫДАЙ»

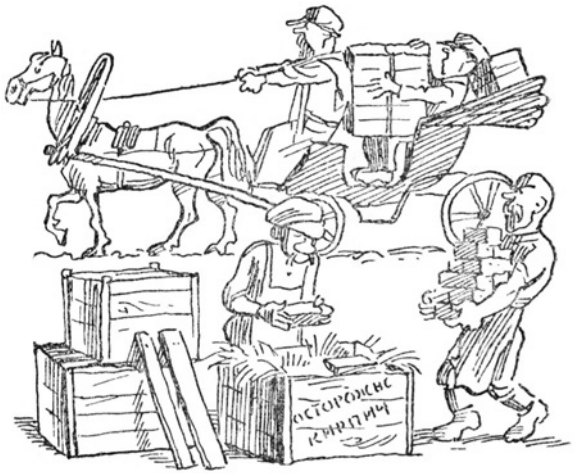
«Красная газета» сообщает о следующем безотрадном факте:

«На катках не хватает вешалок, и значительная часть катающихся вынуждена бегать на коньках с шубой и галошами в одной руке и с чемоданом и ботинками — в другой...

Это форменное безобразие необходимо закончить не позднее весны!!!»

Наша консультация горячо к сердцу приняла это сообщение, в результате чего был срочно удуман небольшой спортивный спинной шкапчик, который вполне развязывает руки катающимся гражданам и служит молчаливым укором катковой администрации. Шкапчик назван бодро и оптимистически: «Не рыдай».

МЫСЛИ ХОЗЯЙСТВЕННИКА



Многие строители жалуются на качество кирпича. А между тем никто не подумает о менее варварской перевозке этого хрупкого и полезного в деле строительства предмета. Этот дорогостоящий материал везут обычно в безрессорной подводе, грубо накладывая кирпич на кирпич. Немудрено, что на место кирпич поступает трухлявый и мелкий, вроде сахарного песку.

Предлагаем вниманию хозяйственников более аккуратный способ доставки. Стружка или солома, а еще лучше гигроскопическая вата прекрасно могут предохранять этот драгоценный материал.

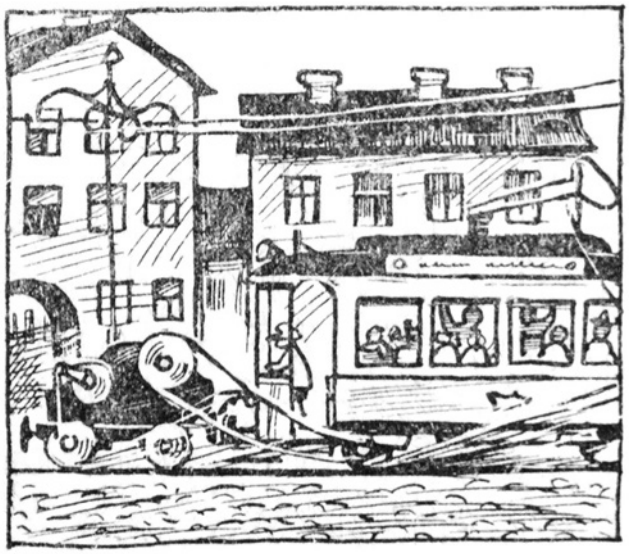
РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ЖИЗНИ

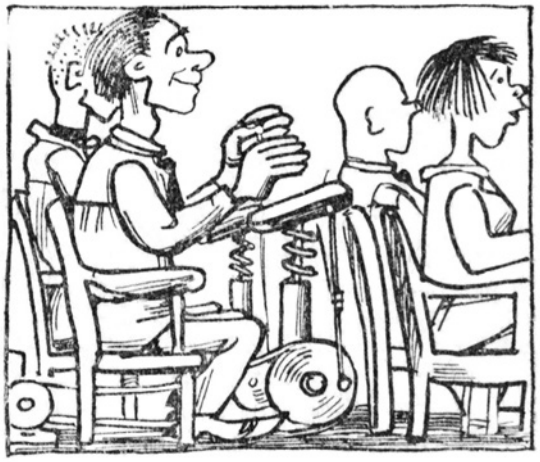
I. Трамваи — самая большая язва электрификации. Трамваи наибольше всего пожирают тока. В этом отношении они стоят на первом месте. На втором месте стоят театры.

Как же наконец ограничить ихние аппетиты? Как привести в норму эту трамвайную свистопляску?

Наивыгодней всего нам представляется следующая механика.

Впереди трамвая катится небольшая платформа с динамо-машиной, которая нагуливает ток при движении. Так что верхний трамвайный





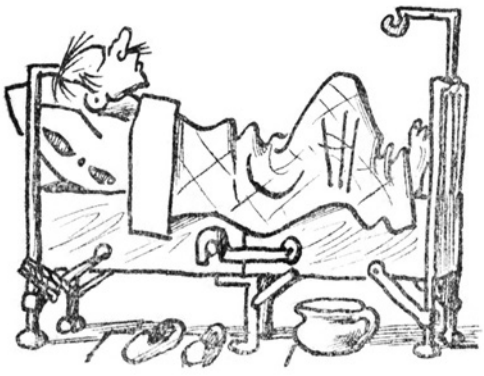
провод будет служить только для разгона, а потом трамвай будет катиться на своем хозрасчете.

II. Что касается театров, то в театрах для пополнения энергии можно использовать бурные аплодисменты публики. Пущай публика бьет не по своим ладоням, а по специальным подставкам. Эти подставки будут давать гулкий звук, причем сила удара будет использована по принципу Волховстроя.

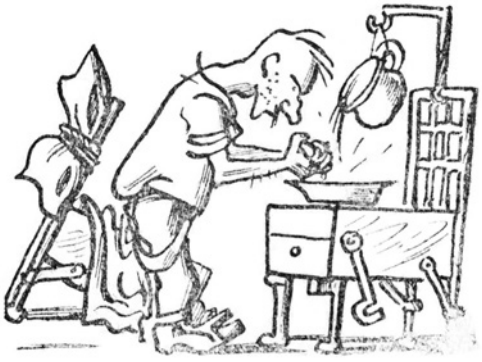
Таким образом, излишки энергии можно кинуть на культурный фронт — кино, электролото и так далее.

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ШКАФ «ЧТО ХОЧЕШЬ»

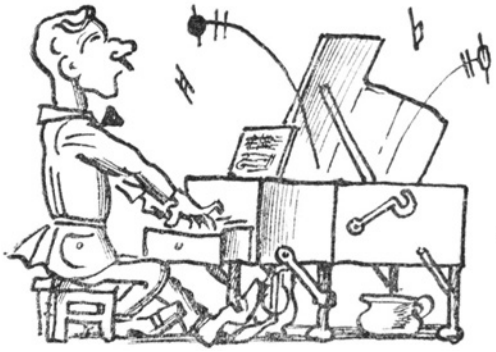
Крупный моральный успех нашего универсального комода «Де-Валяй» окрылил наших ученых-академиков. Дружной, совместной работой ученые придумали еще новинку в этой области — универсальный шкаф «Что хочешь».



1. Спит, скажем, человек на своем шкафу. Тихо, спокойно. Блохи не кусают.

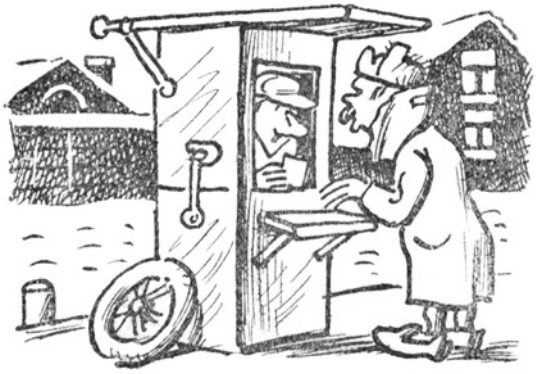


2. Продрал очи. Желательно мордочку сполоснуть. Была кровать, а теперича умывальник.

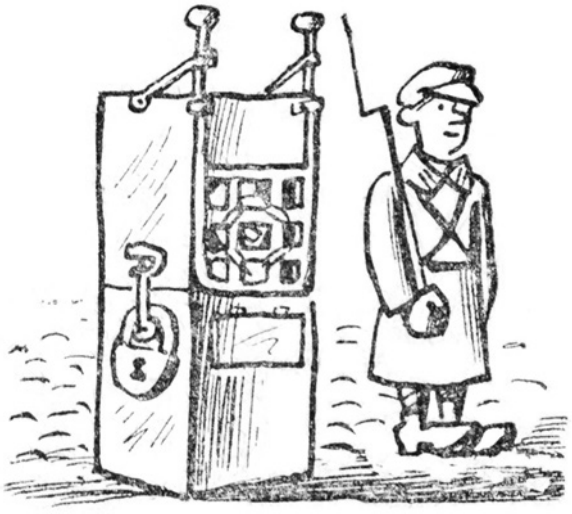


3. Помылись. Не хотите ли сыграть «Собачий вальс» Шопена? Был умывальник, а теперича рояль.

4. Поиграли для слуха Шопена — можно и на работу ехать. Заместо гудка можно свистеть в пальцы.

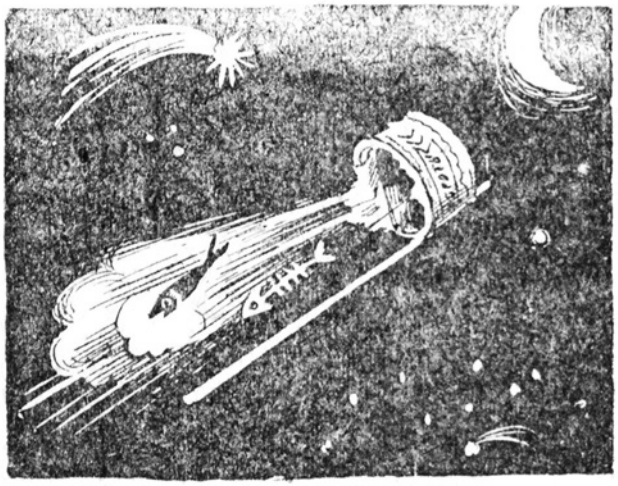


5. А если ты, предположим, инвалид и торгуешь папиросами — сделай одолжение. Станови свой ларек на углу и открывай лавочку.



6. А ежели растратил или деньги упер — тот же незабвенный шкаф может сослужить приличную службу.

РУЧНАЯ ГРАНАТА ИМЕНИ СЕВЗАПСОЮЗА



Испорченные консервы — довольно заурядное явление. Борьба с этим требует жестких мер и решительных распоряжений.

Недавно произошло возмутительное дело, всколыхнувшее нашу общественность. Газеты сообщают:

«Для рабочих Хибинских апатитовых разработок были присланы 15 000 банок мясных консервов. Когда начали вскрывать банки, консервы оказались гнилыми. Консервы были присланы Севзапсоюзом».

Некоторые банки не пришлось даже вскрывать — они сами взрывались от образовавшихся газов. По новой терминологии это называется бомбаж.

Однако использовать этот бомбаж пока не представляется возможным. Многие крупные изобретатели ломали себе голову, но ничего подходящего не могли придумать.

В дальнейшем, когда наука достигнет высокого развития, из такого бомбажа будут, вероятно, делать особые ракеты для междупланетных сообщений по примеру германской ракеты Оберта.

Пока же наша артель «Прогресс» ничего не может предложить сколько-нибудь достойного внимания. Разве что можно из такого бомбажа устроить ручные гранаты.

На нашем радиоснимке показан ряд образцов ручных гранат имени Севзапсоюза.

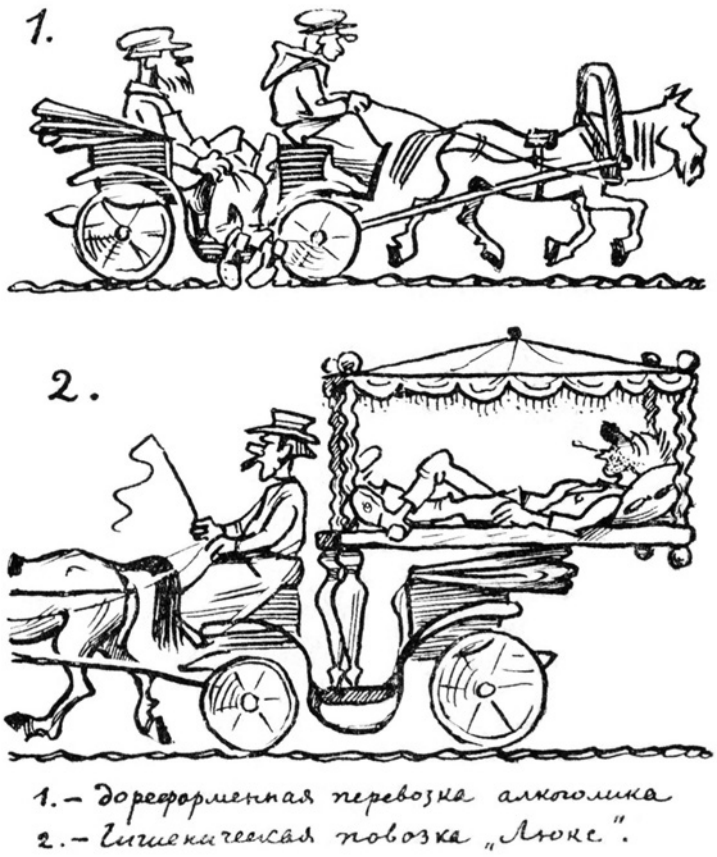
ПРОЛЕТКА «ЛЮКС» ИМЕНИ АКАДЕМИКА ПРИЩЕМИХИНА

Приходится констатировать грустный факт. С выпившим человеком у нас обращаются крайне небрежно. Некультурно сваливают его на извозчика, кладут ему на грудь ноги и т. д.

Пора прекратить хищническую перевозку людей.

Предлагаем 2 проекта.

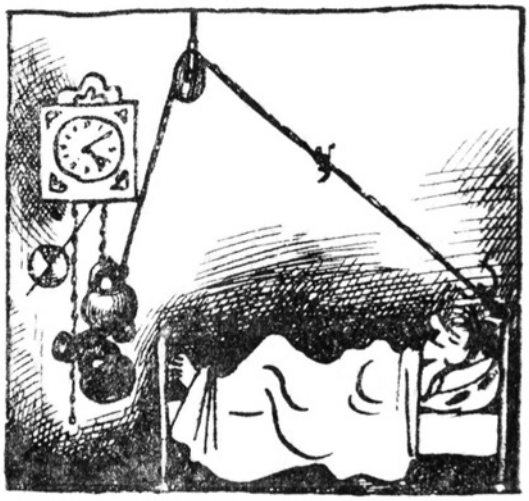
1. Не напиваться до безобразия.
2. Переделать извозчичьи пролетки для нужд гуляющей части населения.



Задок пролетки откидывается, и выпивший человек едет что богатый до ближайшего отделения.

Патент на пролетку «Люкс» академиком Прищемихиным заявлен в Эстонии и Чехословакии.

АППАРАТ «ХОДИКИ», ИЛИ «ПОРА ВСТАВАТЬ»

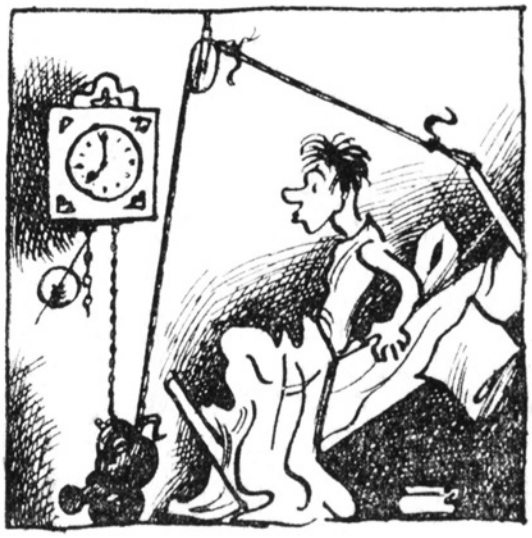


Будильников в продаже определенно нету. Трудящиеся просыпают, опаздывают на работу и в силу этого нервничают, ложась спать, что вредно отражается на производстве.

Это последнее обстоятельство заставило наших ученых потрудиться и на этом фронте точной механики.

Заместо заграничных изделий консультация предлагает домашний аппарат «Ходики», действие которых точно обозначено на рисунках.

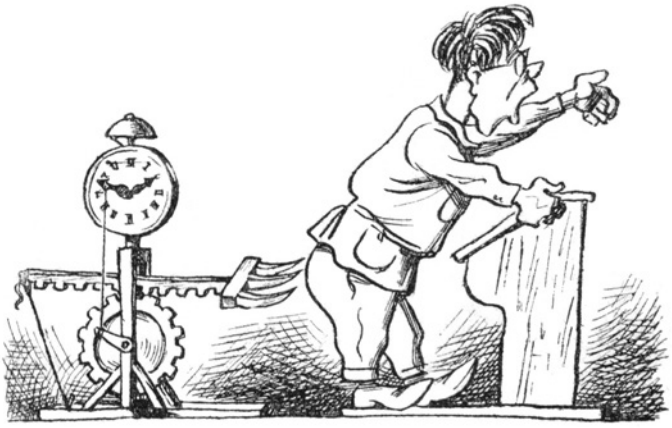
Хрупкие будильники не могут конкурировать с нашим аппаратом.



АППАРАТ «МЕХАНИЧЕСКИЙ ОГРАНИЧИТЕЛЬ»

Многие ораторы, дорвавшись до кафедры или трибуны, теряют стыд и совесть и буквально часами не слезают с возвышения, произнося разные слова и отмежевываясь от того или другого.

Для механического ограничения времени наши ученые сообразили следующий доступный аппарат. Механическая вилка, связанная системой рычагов



с часовым механизмом, слегка укалывает оратора в строго определенное время и тем самым корректно сообщает ему о необходимости кончить речь.

Если оратор тем не менее не покинет кафедры, то пущай пеняет на себя.

ДУШ-САМОТЕК ИМЕНИ АКАДЕМИКА УЩЕМИХИНА

Жарко. Лето. Нечем дышать. Откомхоз или Главнаука обещали поставить на улицах специальные души, для того чтобы трудящиеся могли забежать и освежиться; однако эта превосходная идея так и погибла в дебрях бюрократизма.

Но, дожидаясь следующего лета, наши ученые сконструировали переносный аппарат-душ.

Просто. Удобно. Портативно. Вес всего 17 кило с ручкой. Вы легонько тянете за эту ручку, и прохладная бодрящая жидкость обливает истомленные члены.

БЕССМЕРТНЫЕ ГАСТРОЛИ АНДРЭ ГОСФИКУСА

СЕГОДНЯ И ЕЖЕНЕДЕЛЬНО МИРОВОЙ БОЕВИК!

Первая гастроль Андрэ Госфикуса

В настоящем номере нашей программы предлагаем вниманию исключительно грандиозную панораму — каждому желающему Андрюша Госфикус будет отрубать башку и вставлять ее на место. Профессора и приват-доценты, свидетельствовавшие нашего маэстро, заявили, что пульс и пищеварение у него нормальные и что никакой ответственности за его действия они на себя не берут.

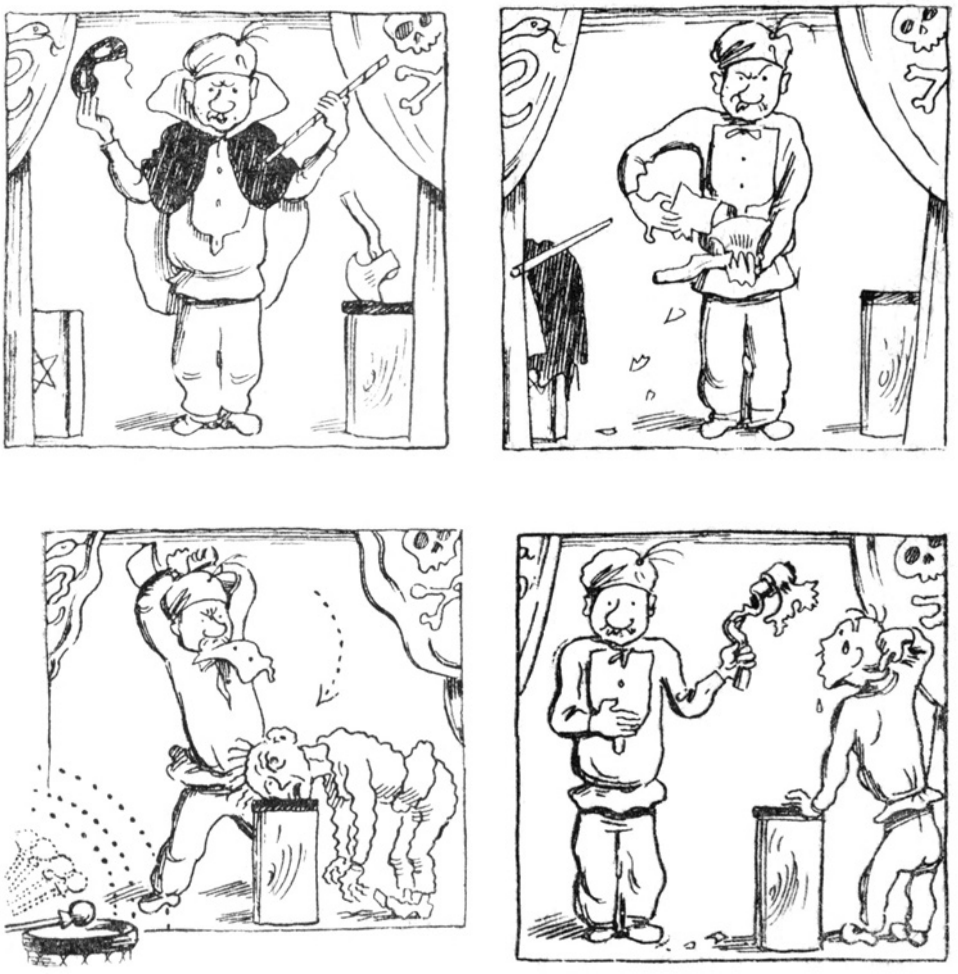
Берется обыкновенный топор, острота которого наглядно видна из небольшого научного опыта. Тонкая бумага режется, как солома, и не вызывает никаких сомнений. Сейчас наш мировой боевик Андрэ Госфикус будет этим топором порубать шеи желающим гражданам. Ахала-махала...

Несколько желающих вызвалось на это рискованное дело. Андрюша Госфикус отобрал одного и велел ему положить свою голову на деревянный валик.

Андрэ Госфикус произносит заклинательные слова и резко взмахивает топором.

Сем-селебем, симбу-сембе. Мекеке-рекеке, собака.

Блестящая сталь падает на белую шею желающего, и через секунду этот человек обратно встает как миленький. Голова у него на месте и никаких повреждений не усматривается, за исключением топора, который смялся в лепешку. Гром аплодисментов. Андрюша Госфикус раскланивается и дает научное объяснение: «Никаких чудес, а просто ловкость рук рабочих Павловских заводов (Нижегор. губ.). Топорик выпуска 29-го года».



Бурные аплодисменты. Крики: «Деньги назад!»

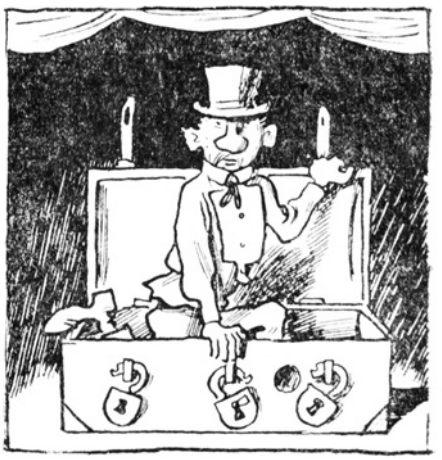
МИРОВАЯ ГАСТРОЛЬ АНДРЭ ГОСФИКУСА

Человек в сундуке, или Андрюша не боится никаких запоров

Прибытие грандиозной аппаратуры дозволяет Андрэ Госфикусу показать сегодня небывалый иллюзионный акт — человек в сундуке, или сила внутри нас.

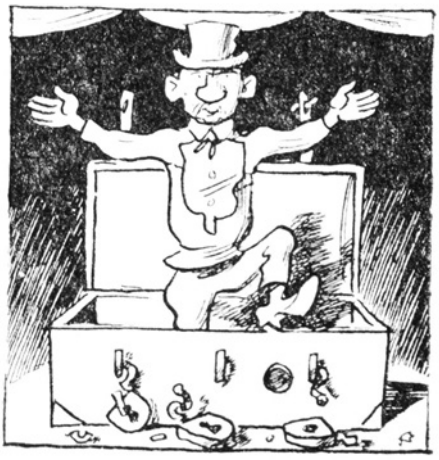
Андрэ Госфикус будет ложиться в сундук и оттуда будет выходить как миленький, несмотря на все запоры и полное освещение в зале. Спешите видеть, спешите знать.

1. Перед небывалым опытом американские врачи свидетельствуют здоровье нашего мирового иллюзиониста Андрэ Госфикуса. Пульс у него ослабший, ноги дрожат, температура — 37 и 2. Наблюдается острый насморк, чихание и качание всего организма. Тем не менее Андрэ Васильевич Госфикус будет продолжать свое культурное дело.



2. Вы имеете обыкновенный сундук из карельской березы. Никаких приспособлений в нем нету. При полном освещении, на глазах всей публики, Андрэ Госфикус ложится в этот сундук, произнося петушиные слова: «Сем-селебем, симбу-сембе. Мекеке-рекеке, собака». Смертельная бледность покрывает черты лица утомленного иллюзиониста. Алаверды к вам, дорогой Андрэ Госфикус!

3. Мировой боевик Андрэ Госфикус лежит в обыкновенном сундуке. Сундук заперт на все замки. Ключи от замков завязаны в платок и отданы в публику. Дорогой Андрюша! Покажите уважаемой публике, что вы находитесь в сундуке, — протяните пальчик. Вот в специальной обыкновенной дыре вы имеете пальчик Андрэ Госфикуса. Сейчас Андрюша выйдет как миленький из этого аппарата.



4. Мекеке-рекеке, собака. Вуаль-вуаля! Человеку не страшны запоры! Андрюша вышел из сундука и стоит теперича перед публикой и под гром оваций дает научное разъяснение. Нету загадок и нету тайн природы. Все имеет себе объяснение. Сундук был закрыт на 3 замка, изготовленные в Туле. Замочки вполне дозволяют производить подобные иллюзионные акты. Гип-гип-ура!

БЕССМЕРТНЫЕ ГАСТРОЛИ АНДРЭ ГОСФИКУСА

Чудесное исчезновение предметов, или Кричу кирпичу

Высококультурная просветительная деятельность Андрэ Васильевича Госфикуса вызывает полное одобрение в рядах рабочих и служащих.

Всегда чистые руки, опрятный костюм и красота движений — вот отличные качества нашего маэстро. Не обладая дорогостоящей аппаратурой, Андрэ Госфикус сумел все же завоевать широкие симпатии масс наших подписчиков, которые вместе с Академической филармонией ходатайствуют о предоставлении Госфикусу звания заслуженного артиста республики заместо уехавшего за границу Чехова.

Сообщаем об этом факте с чувством полного удовлетворения.

1. Сегодня будут проделаны необычайные чудеса с твердыми предметами. Предметы будут исчезать, не оставляя никаких последствий.

Андрюша просит у зрителей одолжить ему шляпку или кепочку, куда бы можно положить предмет. Зритель, конечно, жмется и пугается за свою шапочку, думая, что Андрюша будет в ней суп варить или прожжет ее на видном месте.

2. Но нашелся более сознательный передовой товарищ, пожелавший остаться неизвестным, который и предоставил свою кепочку в распоряжение науки и искусства.

Вот вы теперь наглядно видите кирпич и шляпку. Сейчас в эту шляпку Андрюша Госфикус загонит кирпич, который по истечении времени исчезнет оттуда как миленький.

3. Сем-селебем, сембе-симбу! Кирпич положен в шляпу. И Андрюша предлагает кому-нибудь из зрителей взять эту шляпу в руки и потрясти ее с лежащим там твердым предметом.

Андрюша тем временем считает до десяти и произносит свои международные слова: мекеке-рекеке, собака.

4. Вуаль-вуаля! Был кирпич и весь вышел. Вы имеете пустую шляпку.

Бурные аплодисменты и крики «ура». Андрюша дает научное объяснение: кирпич взят обыкновенный, недавнего изготовления. От тряски он превратился в песок, а песок, в свою очередь, просыпался на арену через редкую материю кепочки, купленной у частника. А что на полу почти ничего не заметно — так это недавно пол ремонтировали — доски ссохлись, и песок ушел в щели. Аплодисменты. Крики: «Позор».

ЧЕЛОВЕК-ФАКИР

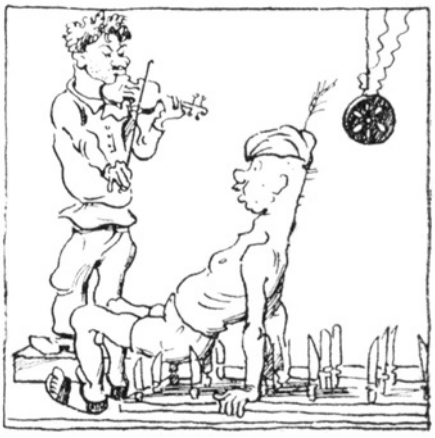
или Андрюша ложится на ножи

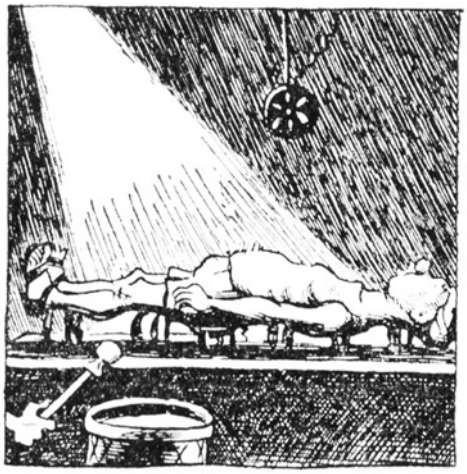
Всем известны индийские йоги и факиры, которые имеют привычку показывать разные затруднительные опыты. Эти факиры глотают огонь почем зря, ложатся на гвозди, подбрасывают канат в воздух и влезают туда на самую верхотуру.

Однако теперь эти факиры нам больше не нужны. Отныне импорт этих заграничных шпагоглотателей может быть прекращен. Наш талантливый маэстро Госфикус делает все, что делают йоги и факиры, и еще от себя кое-что добавляет. Сегодня Андрэ Госфикус будет показывать выдающийся фокус, достойный общественной грусти и сожаления.

1. Андрэ, полный решимости, стоит раздевшись и разувшись и дает науке возможность выслушать свои внутренние объективные признаки. Сбоку стоит обыкновенная доска, утыканная обыкновенными ножами.

2. Андрюша с задумчивой улыбкой присаживается на эту научную дощечку все равно как на обыкновенный подоконник. Пульс у факира бодрый — 176 и 8 десятых. Скрипка исполняет любимую мелодию: «Мама, мама».





3. Еще минута — и Андрюша ложится на ножи все равно как на кровать или, к примеру, на рояль. Сверху привешен обыкновенный микрофон, который передает по Союзу полный шумовой эффект этого научного опыта: «Слушайте, слушайте — говорит Ленинград».

4. Эйн, цвей, фир, фюнф — и Андрюша стоит на своих ножках и дает объяснение. «Черт возьми, — говорит он, — на таких ножах, я извиняюсь, одно удовольствие лежать. Они, по словам газеты, изготовляются „Арминстроем“ и мало на что годятся, кроме таких научных опытов».

МИРОВОЙ ИЛЛЮЗИОНИСТ В НОВОМ РЕПЕРТУАРЕ!

Андрэ Госфикус дает сеанс массового гипноза

Сегодня Андрэ Госфикус покажет новые чудеса природы — гипноз многих зрителей на расстоянии. Многие медики и шарлатаны также пользуются этим могучим средством для выкачивания денег из кармана трудящихся граждан, в то время как Андрэ Госфикус за те же деньги покажет научный фокус, имея целью разъяснить, что нет больше тайн природы, а есть голые факты, взятые из газет.

1. Андрюша Госфикус в своем оригинальном наряде выходит до публики со скрещенными ручками и делает

поклон, как бы извиняясь за свой скромный вид и за те дела, которые происходят в Ленинграде и окрестностях.

Оркестр играет вальс «Вера».

В публике крики: «Довольно! Даешь фокус!»

2. Андрей Васильевич садится на стулик и интимным тоном объясняет публике предстоящие научные переживания. Он говорит: «Сейчас я вам чего-нибудь прикажу, и вы будете исполнять мои приказания. Чего я вам скажу, то и будет. Хочу — любое дело вам прикажу, а вы как миленькие произведете его». (Крики: «Слабó! Чудес не бывает! Долой!»)

3. Андрюша простирает свои ручки и говорит: «Не слабó. Сейчас для примеру вот вам приказание. Ваши, говорит, руки каменные. Они наливаются свинцом! Каждая ручка весит по 20 килограммов! Вам не поднять ваши ручки! Которые могут поднять, те пущай поднимают. Только они не могут поднять».

Начали граждане стараться поднять свои руки, да не тут-то было!

4. «Вот видите, — сказал Андрюша Госфикус, показывая снятый пиджачок, — ручки свои вы действительно не могли поднять. Только это не есть восьмое чудо природы, а это „Ленинградодежда“ так делает свои пиджачки, что определенно невозможно поднять руку.

Вот имеете пиджак, по которому наглядно видать качество продукции.

На этом и был построен наш многоуважаемый опыт».

1 ГОСФИКУС 1

Воздушный акт, или Прыжок смерти

Свободный и энергичный характер Андрэ Госфикуса не дозволяет ему замкнуться в узкие рамки эстрады и цирковой площадки. Его творческий полет фантазии ищет все новых и новых путей. И в настоящее время Андрэ Госфикус выносит свое популярное искусство на улицу, чтоб массы могли наглядно все видеть, наблюдать, любоваться и совершенствоваться.

С воздушным приветом вас, дорогой Андрэ Госфикус!

1. Андрюша появляется на дворе дома № 98 по Пушкарской улице. Детвора и небогатые жильцы дома обступают артиста. Помощник Госфикуса играет на балалайке «Шел по улице малютка». Другой помощник стоит с барабаном. Андрюша снял пиджачок и раскланивается перед публикой.

Из окна выглядывает лицо свободной профессии.

2. Андрюша всходит на 3-й этаж. Открывает окошечко. И стоит на подоконнике, объясняя публике знаками, что сейчас он сиганет вниз. Другой бы цирковой работник в эту неспокойную минуту крестился бы, привязывал бы себя канатом, а наш голубчик с легкой улыбкой на устах стоит и кушать не просит.

Внизу гремит барабан.

3. Эйн, цвей, дрей.

И Андрей Васильевич товарищ Госфикус сигает из окна на двор.

Собравшиеся пролетарии ахают.

Детвора плачет и жмется к матерям. Наиболее честные специалисты и ученые, глядящие из окон, отворачиваются, чтоб не видеть гибели заслуженного артиста.

Во втором этаже нахально хохочет нэпман, украдкой закрывая свое едало.

4. Но что это? Какое чудо случилось в наши реальные дни? Андрюша наперекор стихии объясняет публике теорию своего падения. Он говорит, указывая на газету: «Большинство наших домов мало заботится о чистоте. На дворах и лестницах непроходимая грязь, пыль и мусор». Так что на таком дворе не токмо с 3-го, а и с 6-го этажа можно смело сигать, как на перину.

Музыка играет вальс. Аплодисменты.

В ГОСТЯХ У СТУДЕНТОВ

Андрэ Госфикус-общественник

Энергичный, общедоступный характер Андрэ Васильевича не дозволяет ему отдавать свое творчество только платной публике. Андрюша часто выступает безвозмездно в своем жакте, надеясь, что ему скинут квартплату. Но особенно любит он вузовскую молодежь. «Вот именно эти насквозь меня понимают», — не раз говорил Андрэ Васильевич.

1. Приглашенный однажды на вечеринку Андрэ Васильевич решил блеснуть полной силой своего дарования.

— Вот тут на доске, — сказал Андрюша, — я начертил в научном смысле часы и ступку. Сейчас я у кого-нибудь возьму часы, растолчу их в ступке,

покрою все обыкновенным носовым платком...

3. Порывшись в карманах, Андрюша доложил публике, что свой платок он, к сожалению, позабыл дома, что же касается часов, то и часов он при себе не имеет. Галоши, да, действительно, у него есть, но часов нету.

— Устроить ли перерыв или сразу на этом закончить фокусы? — спросил Андрюша.

2. ...И через несколько минут соберу эти разбитые часы в одно научное целое. Кто из вас, — сказал Андрюша, — одолжит на пользу науки одни карманные часы и один носовой платок? — В зале воцарилось молчание. Кое-кто, порывшись в карманах, тяжко вздохнул. — Ну если нету платка, — сказал Андрюша, — тогда я употреблю свой.

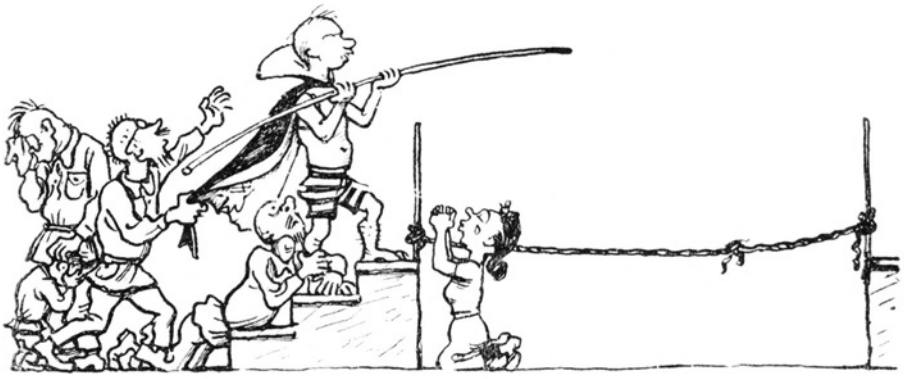
4. Все единодушно высказали желание закончить фокусы теперь же. После чего любимца публики качали до потери сознания и кричали «ура», «бис» и «браво».

Бисировать Андрюша не стал за поздним временем и отбыл на грузовом такси домой счастливый и освеженный.

ЧЕЛОВЕК-БАБОЧКА, ИЛИ ЧЕТЫРЕ ПУДА НА КАНАТЕ

Андрэ Госфикус на волосок от смерти. Неповторимое зрелище

Сегодня предполагается оживленный вечер веселья и ловкости — наш неувядаемый маэстро Госфикус хотел пройти 6 метров по натянутому канату. Однако ряд учреждений и отдельных лиц отговорили заслуженного артиста Сев.-Зап. области от такого рискованного номера. Тем более что канат, надо полагать, может не выдержать энергичного напора человеческого тела, и сочный артист может погибнуть в полном расцвете сил и творчества.



На рисунке — ряд учреждений и лиц отговаривают артиста. Вблизи — плачущая семья не велит ходить без предохранительной сетки.

Андрюша не пойдет. Он еще нужен культуре и цивилизации.

В ПОСЛЕДНЮЮ МИНУТУ

(временный отъезд любимца публики Андрэ Госфикуса)

В связи с предстоящей чисткой аппарата и переквалификацией циркачей Андрэ Госфикус временно покидает пределы Северо-Западной области.

Андрэ Васильевич, не дожидаясь чистки, в ударном порядке выезжает на пару гастролей в провинцию, после чего Андрюша Госфикус снова будет выступать в своем научно-культурном репертуаре.

Привет, дорогой Андрюша! Добро пожаловать!

Возвращайтесь! Пишите открытки с пути! Не простудитесь!

Андрюша выезжает в провинцию со своей семьей.

На рисунке нацарапано: панорама отъезда Андрэ Васильевича. Вид сбоку. (Духовой оркестр играет вальс «Светит месяц».)

ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ

Небезызвестный иллюзионист Андрэ Госфикус, сумевший в короткое время завоевать массовые симпатии, вчера снова прибыл в Ленинград и остановился на жительство временно в 1-м гос. ночлежном доме.

Спрошенный нашим сотрудником о ближайших перспективах, Андрэ Васильевич сказал, что, как только прибудет его аппаратура, так он снова развернет свою культурную работу на страницах наших научных изданий.

Кстати намечены новые постановки: «Бар сатаны», «Сапоги в желудке» и др.

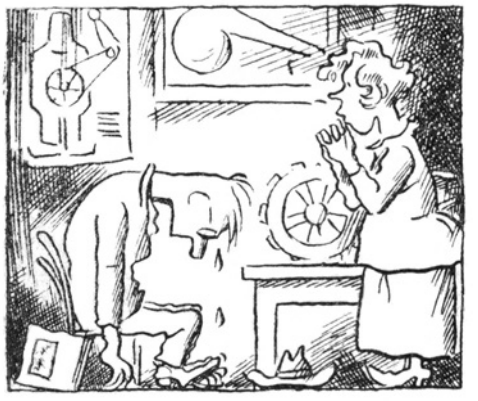
Взяв под аванс 6 рублей, Андрэ Васильевич любезно попрощался и полез на верхнюю полку.

О провинции Андрэ Госфикус отзывается неопределенно. Пьют, говорит, и денег не платят.

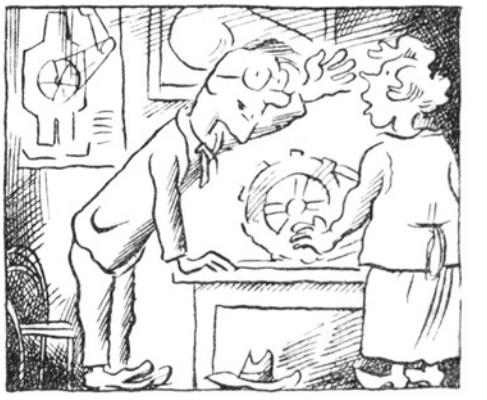
БЕСПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ ОБ ИЗОБРЕТАТЕЛЯХ

«НЕРВЫ НЕ ВЫДЕРЖАЛИ»

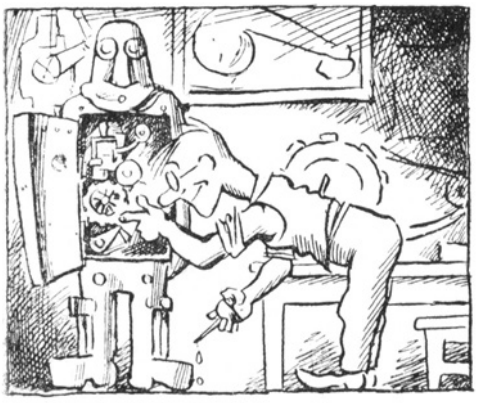
Настоящий отрывок из посмертной повести проф. Ущемихина выдержан в чеховских тонах. В нем мало бодрящих слов, однако он дает все же здоровую зарядку и зовет на борьбу с Цекбризом.



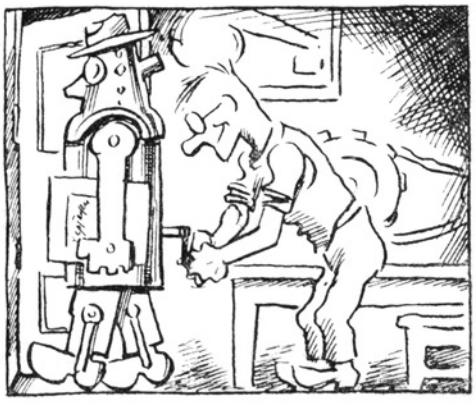
1. ...И вернулся изобретатель *** домой и сказал: «Больше не могу! Тут нужен не человек, а автомат...»



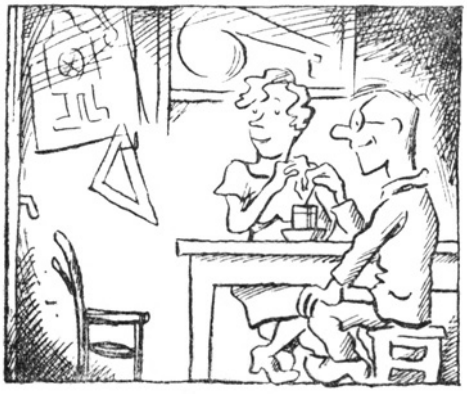
2. И пришла изобретателю *** гениальная мысль.



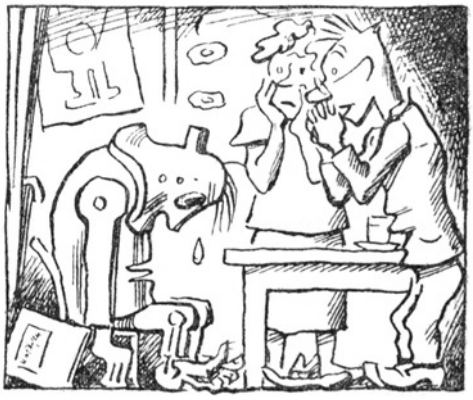
3.



4.



5.



6. ...И вернулся автомат изобретателя *** домой.

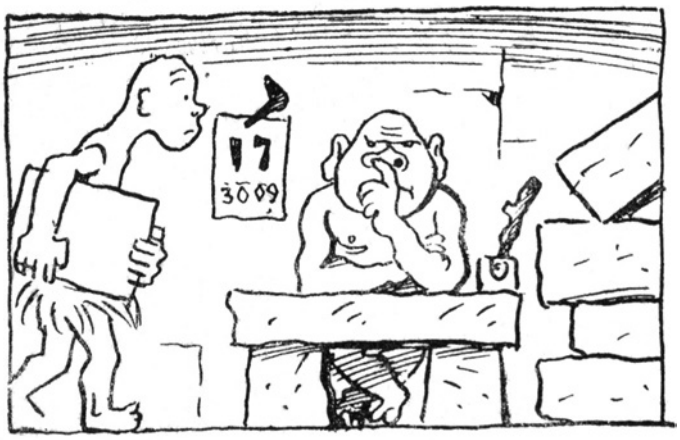
ИСТОРИЯ ОДНОГО ИЗОБРЕТЕНИЯ

Изобретателям завсегда несладко жилось. Так, например, беспримерная волокита случилась в свое время с открытием огня.

1. Пещерный житель некто К. задумал изобрести чего-нибудь такое ценное, доступное пониманию своих современников.

2. Стал он от нечего делать вертеть две деревяшки, и вдруг у него вспыхнуло. «Никак огонь?» — подумал изумленный изобретатель.

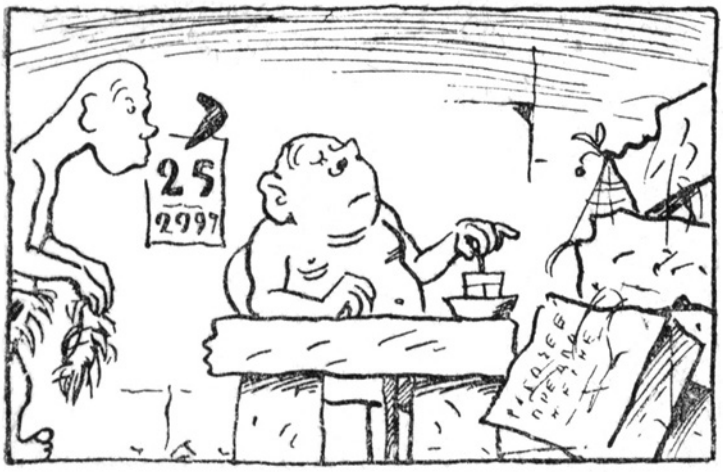
3. Очень он обрадовался. Сейчас, думает, сочиню заявление и патент схвачу. Вот он написал на камушке чего следует.



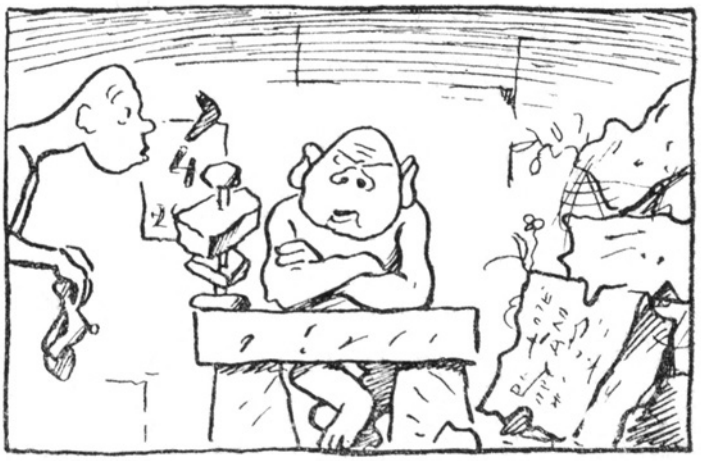
4. Побрился, надел новенькую шкурку и понес заявление в главный комитет мер и весов и тому подобных изобретений. «Руками оторвут», — решил изобретатель.

5. «Много вас тут шляется, лучше бы вам жалование прибавили», — подумал старый волокитчик.

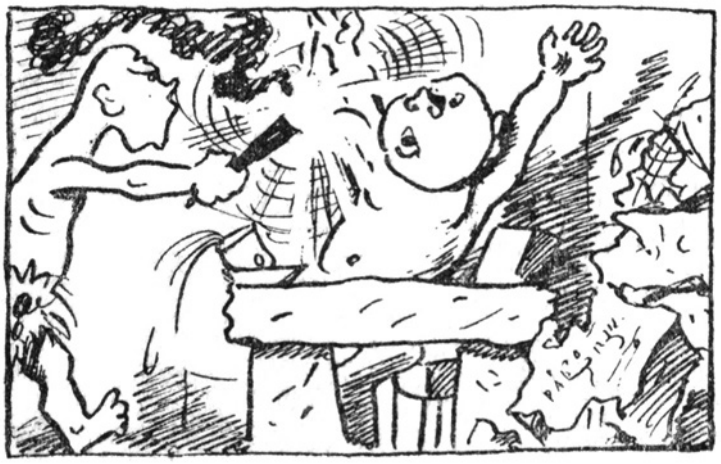
— Зайдите через недельку.



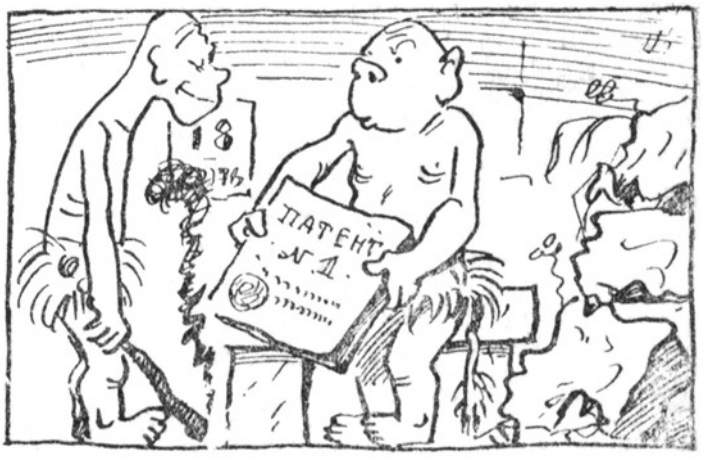
6. Зашел наш изобретатель «через недельку». — Помилуйте, — говорит, — очень ведь интересное открытие — огонь.



7. — Подумаешь — огонь, — сказал чиновник. — Тем более это уж где-то такое как будто было.

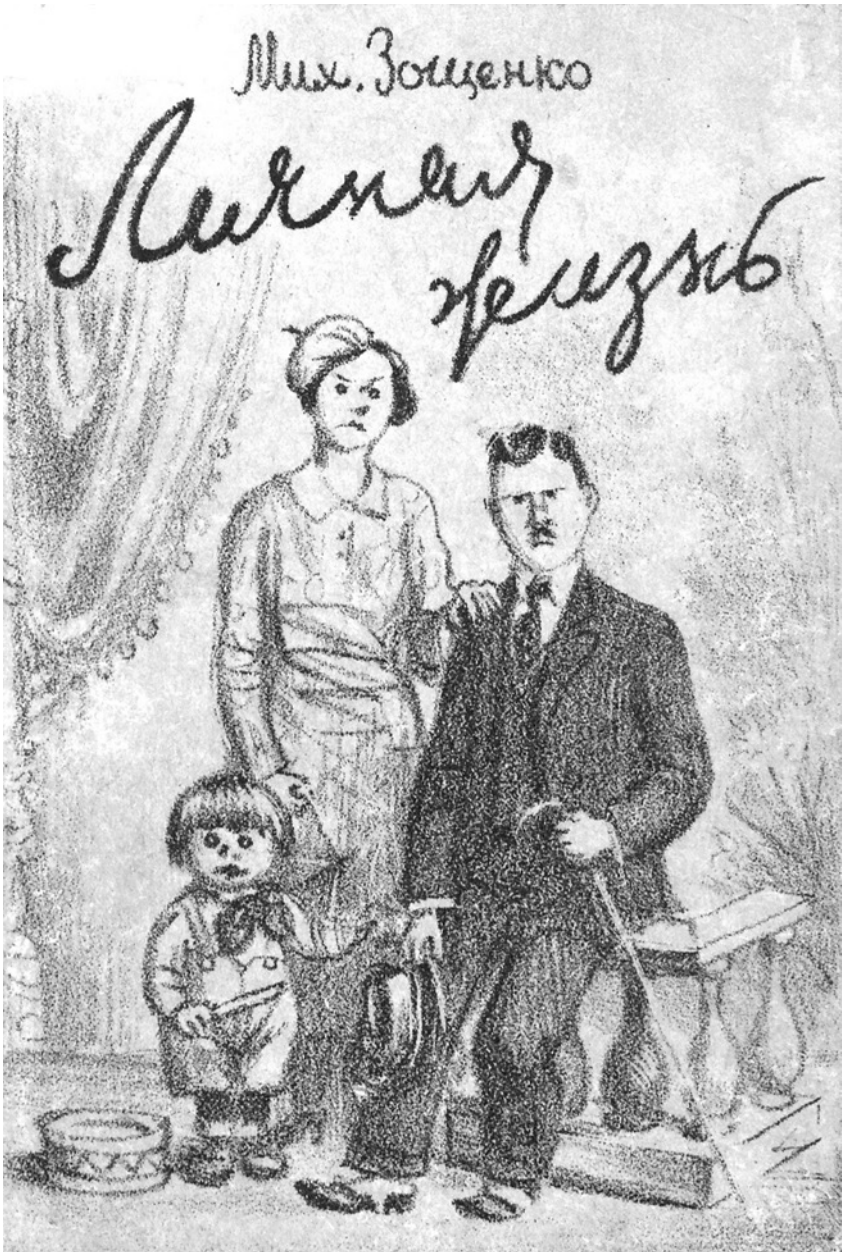


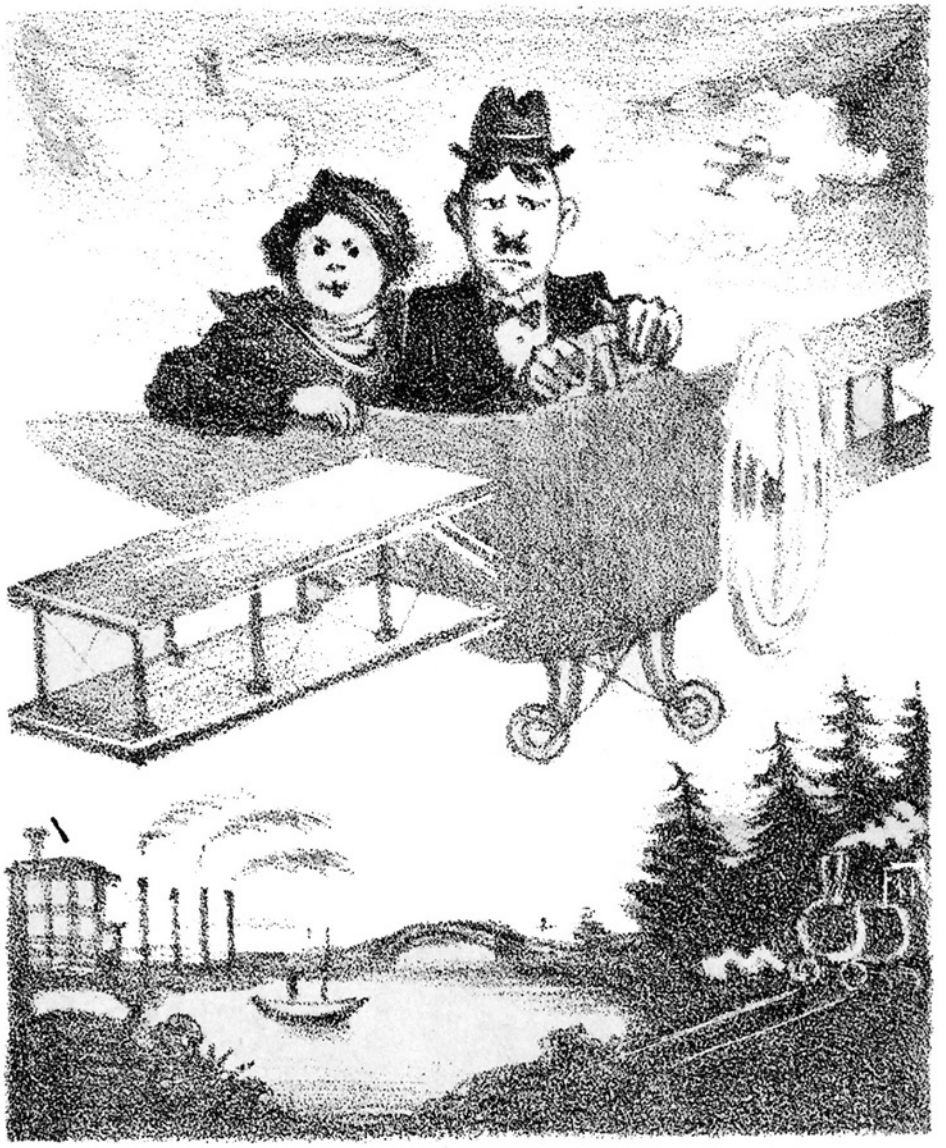
8. Так и погибло бы это довольно ценное изобретение, если б не могучий характер изобретателя. Он ворвался со своим огнем в главный комитет, спалил бороденку старшему чиновнику и натворил разных делов.



9. Так спасено было это важное открытие. Одним словом, сами понимаете, — без крепкого характера в это дело лучше не соваться. Затрут.

Личная жизнь
(1934)



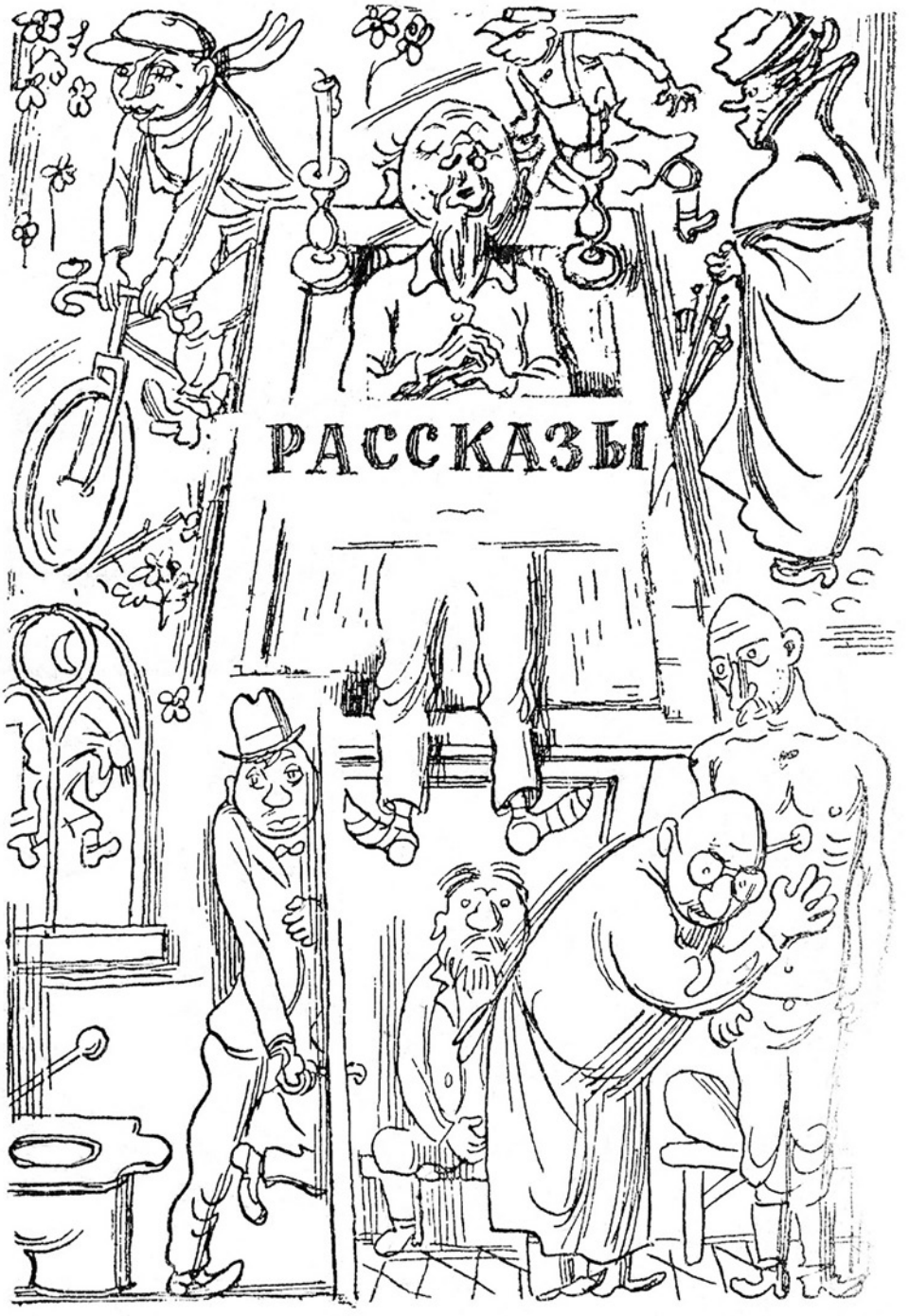


Рисунки 1934 Н. Радлова

Мих. Зощенко

Личная жизнь

ОГИЗ • ГИХЛ • ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ • 1934


РАССКАЗЫ

СМЕШНАЯ ИСТОРИЙКА

Стою я раз в кино и дожидаюсь одну даму.

Тут, надо сказать, одна особа нам понравилась. Такая довольно интересная бездетная девица. Служащая.

Ну конечно, любовь. Встречи. Разные тому подобные слова. И даже сочинения стихов на тему, никак не связанную со строительством, чего-то такое: «Птичка прыгает на ветке, на небе солнышко блестит... Примите, милая, привет мой... И что-то такое, не помню — та-та-та-та... болит...»

Любовь в этом смысле всегда отрицательно отражается на мировоззрении отдельных граждан. Замечается иной раз нытье и разные гуманные чувства. Наблюдается какая-то жалость к людям и к рыбам и желание им помочь. И сердце делается какое-то чувствительное. Что совершенно излишне в наши дни.

Так вот раз однажды стою в кино со своим чувствительным сердцем и дожидаюсь свою даму.

А она, поскольку служащая и не слишком дорожит местом, — она любит опаздывать. На службе-то, конечно, за это строго. Ну а тут она знает — за два опоздания ее не уволят. Вот она и отыгрывается на личной почве и на гуманных чувствах.

Так вот стою как дурак в кино и дожидаюсь. Так очередь у кассы струится. Так дверь раскрыта на улицу — заходите. Так я стою. И как-то так энергично стою, весело. Охота петь, веселиться, дурака валять. Охота кого-нибудь толкнуть, подшутить или схватить за нос. На душе пенье раздается, и сердце разрывается от счастья.

И вдруг вижу — стоит около входной двери бедно одетая старушка. Такой у нее рваненький ватерпруф, облезлая муфточка, дырявые старинные башмачонки.

И стоит эта старушка скромно у двери и жалостными глазами смотрит на входящих, ожидая, не подадут ли.

Другие на ее месте обыкновенно нахально стоят, нарочно поют тонкими голосами или бормочут какие-нибудь французские слова, а эта стоит скромно и даже как-то стыдливо.

Гуманные чувства заполняют мое сердце. Я вынимаю кошелек, недолго роюсь в нем, достаю рубль и от чистого сердца, с небольшим поклоном, подаю старухе.

И у самого от полноты чувств слезы, как брильянты, блестят в глазах.

Старушка поглядела на рубль и говорит:

— Это что?

— Вот, — говорю, — примите, мамаша, от неизвестного.

И вдруг вижу — у ней вспыхнули щеки от глубокого волнения.

— Странно, — говорит, — я, кажется, не прошу. Чего вы мне рубль пихаете?.. Может быть, я дочку жду — собираюсь с ней в кино пойти. Очень, — говорит, — обидно подобные факты видеть.

Я говорю:

— Извиняюсь... Как же так... Я прямо сам не понимаю... Пардон... — говорю. — Прямо спутался. Не поймешь, кому чего надо. И кто за чем стоит. Шутка ли, столько народу...

Но старуха поднимает голос до полного визга.

— Это что же, — говорит, — в кино не пойди — оскорбляют личность! Как, — говорит, — у вас руки не отсохнут производить такие жесты? Да я лучше подожду дочку и в другое кино с ней пойду, чем я буду с вами сидеть рядом и дышать зараженным воздухом.

Я хватаю ее за руки, извиняюсь и прошу прощения. И поскорей отхожу в сторонку, а то, думаю, еще, чего доброго, заметут в милицию, а я даму жду.

Вскоре приходит моя дама. А я стою скучный, и бледный, и даже несколько обалдевший, и стыжусь по сторонам глядеть, чтобы не увидеть моей оскорбленной старухи.

Вот я беру билет и мелким шагом волочусь за своей дамой.

Вдруг подходит ко мне кто-то сзади и берет меня за локоть.

Я хочу развернуться, чтоб уйти, но вдруг вижу — передо мной старуха.

— Извиняюсь, — говорит она, — это не вы ли мне давеча рубль давали?

Я что-то невнятное лепечу, а она продолжает:

— Тут не помню кто-то мне давал сейчас рубль... Кажется, вы. Если вы, тогда ладно, дайте. Тут дочка не рассчитала, а вторые места дороже, чем мы думали. А в третьих местах я ничего не увижу по причине слабости глаз. Прямо хоть уходи. Извиняюсь, — говорит, — что напомнила.

Я вынимаю кошелек, но моя дама впускает следующие слова:

— Совершенно, — говорит, — ни к чему швыряться деньгами. Уж если на то пошло, я лучше нарзану в буфете выпью.

Я говорю:

— Нарзан вы получите, не скулите. Но рубль я должен дать. Мало ли какие бывают денежные заминки. Надо, — говорю, — по-товарищески относиться.

Нет, я все-таки дал старухе рубль, и мы в растрепанных чувствах стали глядеть картину.

Под музыку дама меня пилила, говоря, что за две недели знакомства я ей пузырек одеколону не мог купить, а, между прочим, пыль в глаза пускаю и раздаю рубли направо и налево.

Под конец стали показывать веселую комедию, и мы, забыв обо всем, весело хохотали.

А эта старуха сидела со своей дочкой недалеко от нас и тоже иногда весело похрюкивала.

И я был очень рад, что доставил ей это культурное удовольствие. И даже если бы она у меня попросила два рубля, я бы тоже ей дал не моргнув глазом.

СТРАДАНИЯ МОЛОДОГО ВЕРТЕРА

Я ехал однажды на велосипеде.

У меня довольно хороший велосипед. Английская марка — «БСА».

Приличный велосипед, на котором я иногда совершаю прогулки для успокоения нервов и для душевного равновесия.

Очень хорошая, славная современная машина. Жалко только — колесья не все. То есть колесья все, но только они сборные. Одно английское — «Три ружья», а другое немецкое — «Дукс». И руль украинский. Но все-таки ехать можно. В сухую погоду.

Конечно, откровенно говоря, ехать сплошное мученье, но для душевной бодрости и когда жизнь не особенно дорога — я выезжаю.

И вот, стало быть, еду однажды на велосипеде.

Каменноостровский проспект. Бульвар. Сворачиваю на боковую аллею вдоль бульвара и еду себе.

Осенняя природа разворачивается передо мной. Пожелтевшая травка. Грядка с увядшими цветочками. Желтые листья на дороге. Чухонское небо надо мной.

Птички щебечут. Ворона клюет мусор. Серенькая собачка лает у ворот.

Я гляжу на эту осеннюю картинку, и вдруг сердце у меня смягчается, и мне неохота думать о плохом. Рисуется замечательная жизнь. Милые, понимающие люди. Уважение к личности. И мягкость нравов. И любовь к близким. И отсутствие брани и грубости.

И вдруг от таких мыслей мне захотелось всех обнять, захотелось сказать что-нибудь хорошее. Захотелось крикнуть: «Братцы, главные трудности позади. Скоро мы заживем, как фон-бароны».

Но вдруг раздается вдалеке свисток.

«Кто-нибудь проштрафился, — говорю я сам себе, — кто-нибудь, наверное, не так улицу перешел. В дальнейшем, вероятно, этого не будет. Не будем так часто слышать этих резких свистков, напоминающих о проступках, штрафах и правонарушениях».

Снова недалеко от меня раздается тревожный свисток и какие-то окрики и грубая брань.

«Так грубо, вероятно, и кричать не будут. Ну, кричать-то, может быть, будут, но не будет этой тяжелой, оскорбительной брани».

Кто-то, слышу, бежит позади меня. И кричит осипшим голосом:

— Ты чего ж это, сука, удираешь, черт твою двадцать! Остановись сию минуту.

«За кем-то гонятся», — говорю я сам себе и тихо, но бодро еду.

— Лешка, — кричит кто-то, — забегай, сволочь, слева. Не выпущай его из виду!

Вижу — слева бежит парнишка. Он машет палкой и грозит кулаком. Но я еще не вижу, к кому относятся его угрозы.

Я оборачиваюсь назад. Седоватый почтенный сторож бежит по дороге и орет что есть мочи.

— Хватай его, братцы, держи! Лешка, не выпущай из виду!

Лешка прицеливается в меня, и палка его ударяет в колесо велосипеда.

Тогда я начинаю понимать, что дело касается меня. Я соскакиваю с велосипеда и стою в ожидании.

Вот подбегает сторож. Хрип раздается из его груди. Дыханье с шумом вырывается наружу.

— Держите его! — кричит он.

Человек десять доброхотов подбегают ко мне и начинают хватать меня за руки. Я говорю:

— Братцы, да что вы, обалдели? Чего вы с ума спятили совместно с этим постаревшим болваном?

Сторож говорит:

— Как я тебе ахну по зубам, — будешь оскорблять при исполнении служебных обязанностей... Держите его крепче... Не выпущайте его, суку.

Собирается толпа. Кто-то спрашивает:

— А что он сделал?

Сторож говорит:

— Мне пятьдесят три года, — он, сука, прямо загнал меня. Он едет не по той дороге... Он едет по дорожке, по которой на велосипедах проезду нет...

И висит, между прочим, вывеска. А он, как ненормальный, едет... Я ему свищу. А он ногами кружит. Не понимает, видите ли. Как будто он с луны свалился... Хорошо, мой помощник успел остановить его.

Лешка протискивается сквозь толпу, впивается своей клешней в мою руку и говорит:

— Я ему, гадюке, хотел руку перебить, чтоб он не мог ехать.

— Братцы, — говорю я, — я не знал, что здесь нельзя ехать. Я не хотел удирать.

Сторож, задыхаясь, восклицает:

— Он не хотел удирать! Вы видели наглые речи. Ведите его в милицию. Держите его крепче. Такие у меня завсегда убегают.

Я говорю:

— Братцы, я штраф заплачу. Я не отказываюсь. Не вертите мне руки.

Кто-то говорит:

— Пущай предъявит документы, и возьмите с него штраф. Чего его зря волочить в милицию? Провинность у него, в сущности, не так крупная.

Сторожу и нескольким добровольцам охота волочить меня в милицию, но под давлением остальной публики сторож, страшно ругаясь, берет с меня штраф и с видимым сожалением отпускает меня восвояси.

Я иду со своим велосипедом, покачиваюсь. У меня шумит в голове и в глазах мелькают круги и точки. Я бреду с развороченной душой.

Я по дороге сгоряча произношу нелепую фразу: «Боже мой». Я массирую себе руки и говорю в пространство: «Фу!»

Я выхожу на набережную и снова сажусь на свою машину, говоря:

— Ну ладно, чего там. Подумаешь — нашелся фон-барон, руки ему не верти.

Я тихо еду по набережной. Я позабываю грубоватую сцену. Мне рисуются прелестные сценки из недалекого будущего.

Вот я, предположим, еду на велосипеде с колесьями, похожими друг на друга как две капли воды.

Вот я сворачиваю на эту злосчастную аллейку. Чей-то смех раздается. Я вижу — сторож идет в мягкой шляпе. В руках у него цветочек — незабудка или там осенний тюльпан. Он вертит цветочком и, смеясь, говорит:

— Ну куда ты заехал, дружочек? Чего это ты сдуру не туда сунулся? Экий ты, милочка, ротозей. А ну, валяй обратно, а то я тебя оштрафую — не дам цветка.

Тут, тихо смеясь, он подает мне незабудку. И мы, полюбовавшись друг другом, расстаемся.

Эта тихая сценка услаждает мое страдание. Я бодро еду на велосипеде. Я верчу ногами. Я говорю себе: «Ничего. Душа не разорвется. Я молод. Я согласен сколько угодно ждать».

Снова радость и любовь к людям заполняют мое сердце. Снова им хочется сказать что-нибудь хорошее или крикнуть: «Товарищи, мы строим новую жизнь, мы победили, мы перешагнули через громадные трудности, — давайте все-таки уважать друг друга».

С переполненным сердцем я вернулся домой и записал эту сценку, которую вы сейчас читаете.

Это случилось в прошлом году, и с тех пор подобных происшествий с нами уже не было, из чего мы заключаем, что подобное боевое настроение среди служащих по охране зеленых насаждений идет на убыль. И это очень хорошо. А то это слишком неприятная неудача, с которой следует бороться со всей энергией.

ЗАПАДНЯ

Один мой знакомый парнишка — он, между прочим, поэт — побывал в этом году за границей.

Он объездил Италию и Германию для ознакомления с буржуазной культурой и для пополнения недостающего гардероба.

Очень много чего любопытного видел.

Ну конечно, говорит, — громадный кризис, безработица, противоречия на каждом шагу. Продуктов и промтоваров очень много, но купить не на что.

Между прочим, он ужинал с одной герцогиней.

Он сидел со своим знакомым в ресторане. Знакомый ему говорит:

— Хочешь, сейчас я для смеха позову одну герцогиню. Настоящую герцогиню, у которой пять домов, небоскреб, виноградники и так далее.

Ну конечно, наворачивает.

И значит, звонит по телефону. И вскоре приходит такая красоточка лет двадцати. Чудно одетая. Манеры. Небрежное выражение. Три носовых платочка. Туфельки на босу ногу.

Заказывает она себе шнельклопс и в разговоре говорит:

— Да, знаете, я уже, пожалуй, неделю мясного не кушала.

Ну, поэт кое-как по-французски и по-русски ей отвечает, дескать, помилуйте, у вас а ла мезон столько домов, врете, дескать, наворачиваете, прибедняетесь, тень наводите. Она говорит:

— Знаете, уже полгода, как жильцы с этих домов мне квартплату не вносят. У населения денег нет.

Этот небольшой фактик я рассказал так, вообще. Для разгона. Для описания буржуазного кризиса. У них там очень отчаянный кризис со всех сторон. Но между прочим, на улицах у них чисто.

Мой знакомый поэт очень, между прочим, хвалил ихнюю европейскую чистоту и культурность. Особенно, говорит, в Германии, несмотря на такой вот громадный кризис, наблюдается удивительная, сказочная чистота и опрятность.

Улицы они, черт возьми, мыльной пеной моют. Лестницы скоблят каждое утро. Кошкам не разрешают находиться на лестницах и лежать на подоконниках, как у нас.

Кошек своих хозяйки на шнурочках выводят прогуливать. Черт знает что такое.

Все, конечно, ослепительно чисто. Плюнуть некуда.

Даже такие второстепенные места, как, я извиняюсь, уборные, и то сияют небесной чистотой. Приятно, неоскорбительно для человеческого достоинства туда заходить.

Он зашел, между прочим, в одно такое второстепенное учреждение. Просто так, для смеху. Заглянул — верно ли есть отличие, — как у них и у нас.

Оказывается, да. Это, говорит, ахнуть можно от восторга и удивления. Волшебная чистота, голубые стенки, на полочке фиалки стоят. Прямо уходить неохота. Лучше, чем в кафе.

«Что, — думает, — за черт. Наша страна, ведущая в смысле политических течений, а в смысле чистоты мы еще сильно отстаем. Нет, — думает, — вернусь в Москву — буду писать об этом и Европу ставить в пример. Конечно, у нас многие ребята действительно относятся ханжески к этим вопросам. Им, видите ли, неловко писать и читать про такие низменные вещи. Но я, — думает, — пробью эту косность. Вот вернусь и поэму напишу — мол, грязи много, товарищи, — не годится... Тем более у нас сейчас кампания за чистоту — исполню социальный заказ».

Вот наш поэт находится за закрытой дверью. Думает, любуется фиалками, мечтает, какую поэму он отгрохает. Даже приходят к нему рифмы и строчки. Чего-то там такое:

Даже сюда у них зайти очень мило —
Фиалки на полках цветут.
Да разве ж у нас прошел Аттила,
Что такая грязь там и тут.

А после, напевая последний немецкий фокстротик «Ауфвидерзейн, мадам», хочет уйти на улицу.

Он хочет открыть дверь, но видит — дверь не открывается. Он подергал ручку — нет. Приналег плечом — нет, не открывается.

В первую минуту он даже слегка растерялся. Вот, думает, попал в западню.

После хлопнул себя по лбу.

«Я, дурак, — думает, — позабыл, где нахожуся, — в капиталистическом мире. Тут у них за каждый шаг, небось, пфенниг плати. Небось, — думает, — надо им опустить монетку — тогда дверь сама откроется. Механика. Черти. Кровопийцы. Семь шкур дерут. Спасибо, — думает, — у меня в кармане мелочь есть. Хорош был бы я гусь без этой мелочи».

Вынимает он из кармана монеты. «Откуплюсь, — думает, — от капиталистических щук. Суну им в горло монету или две».

Но видит — не тут-то было. Видит — никаких ящиков и отверстий нету. Надпись какая-то есть, но цифр на ней никаких не указано. И куда именно пихать и сколько пихать — неизвестно.

Тут наш знакомый прямо даже несколько струхнул. Начал легонько стучать. Никто не подходит. Начал бить ногой в дверь.

Слышит — собирается народ. Подходят немцы. Лопочут на своем диалекте.

Поэт говорит:

— Отпустите на волю, сделайте милость.

Немцы чего-то шушукаются, но, видать, не понимают всей остроты ситуации. Поэт говорит:

— Геноссе, геноссе, дер тюр, сволочь, никак не открывается. Компренешен. Будьте любезны, отпустите на волю. Два часа сижу.

Немцы говорят:

— Шпрехен зи дейч?

Тут поэт прямо взмолился:

— Дер тюр, — говорит, — дер тюр отворите. А ну вас к лешему!

Вдруг за дверью русский голос раздается:

— Вы, — говорит, — чего там? Дверь, что ли, не можете открыть?

— Ну да, — говорит. — Второй час бьюсь.

Русский голос говорит:

— У них, у сволочей, эта дверь механическая. Вы, — говорит, — наверное, позабыли машинку дернуть. Спустите воду, и тогда дверь сама откроется. Они это нарочно устроили для забывчивых людей.

Вот знакомый сделал, что ему сказали, и вдруг, как в сказке, дверь открывается. И наш знакомый, пошатываясь, выходит на улицу под легкие улыбки и немецкий шепот.

Русский говорит:

— Хотя я есть эмигрант, но мне эти немецкие затеи и колбасня тоже поперек горла стоят. По-моему, это издевательство над человечеством...

Мой знакомый не стал, конечно, поддерживать разговор с эмигрантом, а, подняв воротничок пиджака, быстро поднажал к выходу.

У выхода сторож его почистил метелочкой, содрал малую толику денег и отпустил восвояси.

Только на улице мой знакомый отдышался и успокоился.

«Ага, — думает, — стало быть, хваленая немецкая чистота не идет сама по себе. Стало быть, немцы тоже силой ее насаждают и придумывают разные хитрости, чтоб поддержать культуру. Хотя бы у нас тоже чего-нибудь подобное сочинили».

На этом мой знакомый успокоился и, напевая «Ауфвидерзейн, мадам», пошел в гости как ни в чем не бывало.

БЕСПОКОЙНЫЙ СТАРИЧОК

У нас в Ленинграде один старичок заснул летаргическим сном.

Год назад он, знаете, захворал куриной слепотой. Но потом поправился. И даже выходил на кухню ругаться с жильцами по культурным вопросам.

А недавно он взял и неожиданно заснул.

Вот он ночью заснул летаргическим сном. Утром просыпается и видит, что с ним чего-то такое неладное. То есть, вернее, родственники его видят, что лежит бездыханное тело и никаких признаков жизни не дает. И пульс у него не бьется, и грудка не вздымается, и пар от дыхания не садится на зеркальце, если это последнее преподнести к ротику.

Тут, конечно, все соображают, что старичок тихо себе скончался, и, конечно, поскорей делают разные распоряжения.

Они торопливо делают распоряжения, поскольку они всей семьей живут в одной небольшой комнате. И кругом — коммунальная квартира. И старичка даже поставить, извините, некуда, — до того тесно. Тут поневоле начнешь торопиться.

А надо сказать, что этот заснувший старикан жил со своими родственниками. Значит, муж, жена, ребенок и няня. И вдобавок он, так сказать, отец, или, проще сказать, папа его жены, то есть ее папа, бывший трудящийся. Все, как полагается. На пенсии.

И нянька — девчонка шестнадцати лет, принятая на службу на подмогу этой семье, поскольку оба два — муж и жена, то есть дочь его папы, или, проще сказать, отца, — служат на производстве.

Вот они служат и, значит, под утро видят такое грустное недоразумение — папа скончался.

Ну конечно, огорчение, расстройство чувств: поскольку небольшая комнатка и тут же лишний элемент.

Вот этот лишний элемент лежит теперь в комнате, лежит этакий чистенький, миленький старичок, интересный старичок. Он лежит свеженький, как увядшая незабудка, как скушанное крымское яблочко.

Он лежит и ничего не знает, и ничего не хочет, и только требует до себя последнего внимания.

Он требует, чтобы его поскорей во что-нибудь одели, отдали бы последнее прости и поскорей бы где-нибудь захоронили.

Он требует, чтобы это было поскорей, поскольку все-таки одна комната и вообще стеснение. И поскольку ребенок вякает. И нянька пугается жить в одной комнате с умершими людьми. Ну, глупая девчонка, которой охота все время жить, и она думает, что жизнь бесконечна. Она пугается видеть трупы. Она дура.

Муж, этот глава семьи, бежит тогда поскорей в районное бюро похоронных процессий. И скорее оттуда возвращается.

— Ну, — говорит, — все в порядке. Только маленько с лошадьми зацепка. Колесницу, — говорит, — хоть сейчас дают, а лошадей раньше как через четыре дня не обещают.

Жена говорит:

— Я так и знала. Ты, — говорит, — с моим отцом завсегда при жизни царапался и теперь не можешь ему сделать одолжение — не можешь ему лошадей достать.

Муж говорит:

— А идите к черту! Я не верховой, я лошадьми не заведую. Я, — говорит, — и сам не рад дожидаться столько времени. Очень, — говорит, — мне глубокий интерес все время твоего папу видеть.

Тут происходят разные семейные сцены. Ребенок, не привыкший видеть неживых людей, пугается и орет благим матом.

И нянька отказывается служить этой семье, в комнате которой живет покойник.

Но ее уговаривают не бросать профессию и обещают ей поскорей ликвидировать в комнате смерть.

Тогда сама мадам, уставшая от этих делов, поспешает в бюро, но вскоре возвращается оттуда бледная как полотно.

— Лошадей, — говорит, — обещают не так скоро. Если б мой муж, этот дурак, оставшийся в живых, записался, когда ходил, тогда через три дня. А коляску, — говорит, — действительно, хоть сейчас дают.

И сама одевает поскорей своего ребенка, берет орущую няньку и в таком виде едет в Сестрорецк — пожить у своих знакомых.

— Мне, — говорит, — ребенок дороже. Я не могу ему с детских лет показывать такие туманные картины. А ты как хочешь, так и делай.

Муж говорит:

— Я, — говорит, — тоже с ним не останусь. Как хотите. Это не мой старик. Я, — говорит, — его при жизни не особенно долюбливал, а сейчас, — говорит, — мне в особенности противно с ним вместе жить. Или, — говорит, — я его в коридор поставлю, или я к своему брату перееду. А он пущай тут дожидается лошадей.

Вот семья уезжает в Сестрорецк, а муж, этот глава семьи, бежит к своему брату.

Но у брата в это время всей семьей происходит дифтерит, и его нипочем не хотят пускать в комнату.

Вот тогда он вернулся назад, положил заснувшего старичка на узкий ломберный столик и поставил это сооружение в коридор около ванной. И сам закрылся в своей комнате и ни на какие стуки и выкрики не отвечал в течение двух дней.

Тут происходит в коммунальной квартире сплошная ерунда, волынка и неразбериха.

Жильцы поднимают шум и вой.

Женщины и дети перестают ходить куда бы то ни было, говорят, что они не могут проходить мимо без того, чтобы не испугаться.

Тогда мужчины нарасхват берут это сооружение и переставляют его в переднюю, что, естественно, в высшей степени вызывает панику и замешательство у входящих в квартиру.

Заведующий кооперативом, живущий в угловой комнате, заявил, что к нему почему-то часто ходят знакомые женщины и он не может рисковать ихним нервным здоровьем.

Спешно вызвали домоуправление, которое никакой рационализации не внесло в это дело.

Было сделано предложение поставить это сооружение во двор.

Но управдом заявил:

— Это, — говорит, — может вызвать нездоровое замешательство среди жильцов, оставшихся в живых, и, главное, невзнос квартирной платы, которая и без того задерживается.

Тогда стали раздаваться крики и угрозы по адресу владельца старичка, который закрылся в своей комнате и сжигал теперь разные стариковские ошметки и оставшееся ерундовое имущество.

Решено было силой открыть дверь и водворить это сооружение в комнату.

Стали кричать и двигать стол, после чего покойник тихонько вздохнул и начал шевелиться.

После небольшой паники и замешательства жильцы освоились с новой ситуацией.

Они с новой силой ринулись к комнате. Они начали стучать в дверь и кричать, что старик жив и просится в комнату.

Однако запершийся долгое время не отвечал. И только через час сказал:

— Бросьте свои арапские штучки. Знаю — вы меня на плешь хотите поймать.

После долгих переговоров владелец старика попросил, чтобы этот последний подал свой голос.

Старик, не отличавшийся фантазией, сказал тонким голосом:

— Хо-хо...

Этот поданный голос запершийся все равно не признал за настоящий.

Наконец он стал глядеть в замочную скважину, предварительно попросив поставить старика напротив.

Поставленного старика он долго не хотел признать за живого, говоря, что жильцы нарочно шевелят ему руки и ноги.

Старик, выведенный из себя, начал буянить и беспощадно ругаться, как бывало при жизни, после чего дверь открылась, и старик был торжественно водворен в комнату.

Побранившись со своим родственником о том о сем, оживший старик вдруг заметил, что имущество его исчезло и частично тлеет в печке. И нету раскидной кровати, на которой он только что изволил помереть.

Тогда старик по собственному почину, со всем нахальством, присущим этому возрасту, лег на общую кровать и велел подать ему кушать. Он стал кушать и пить молоко, говоря, что он не посмотрит, что это его родственники, а подаст на них в суд за расхищение имущества.

Вскоре прибыла из Сестрорецка его жена, то есть дочь этого умершего папы.

Были крики радости и испуга. Молодой ребенок, не вдававшийся в подробности биологии, довольно терпимо отнесся к воскресению. Но нянька, эта шестнадцатилетняя дура, вновь стала проявлять признаки нежелания служить этой семье, у которой то и дело то умирают, то вновь воскресают люди.

На девятый день вдруг приехала белая колесница с факелами, запряженная в одну черную лошадь с наглазниками.

Муж, этот глава семьи, нервно глядевший в окно, чтоб забыться, первый увидел это прибытие.

Он говорит:

— Вот, папаня, наконец за вами приехали лошади.

Старик начал плеваться и говорить, что он больше никуда не поедет.

Он открыл форточку и начал плевать на улицу, крича слабым голосом, чтоб кучер уезжал поскорей и не мозолил бы глаза живым людям.

Кучер в белом сюртуке и в желтом цилиндре, не дождавшись выноса, поднялся наверх и начал грубо ругаться, требуя, чтоб ему наконец дали то, за чем он приехал, и не заставляли бы его дожидаться на сырой улице.

Он говорит:

— Я не понимаю низкий уровень живущих в этом доме. Всем известно, что лошади остродефицитные. Нет, — говорит, — я в этот дом больше не ездок.

Собравшиеся жильцы совместно с ожившим старичком выпихнули кучера на площадку и ссыпали его с лестницы вместе с сюртуком и цилиндром.

Кучер долго не хотел отъезжать от дома, требуя, чтоб ему в крайнем случае подписали какую-то путевку. Без чего он никуда не поедет.

Оживший старик плевался в форточку и кулаком грозил кучеру, с которым у них завязалась острая перебранка.

Наконец кучер, охрипнув от крика, утомленный и побитый, уехал, после чего жизнь потекла своим чередом.

На четырнадцатый день старичок, простудившись у раскрытой форточки, захворал и вскоре по-настоящему помер.

Сначала никто этому не поверил, думая, что старик по-прежнему валяет дурака, но вызванный врач успокоил всех, говоря, что на этот раз все без обмана.

Тут произошла совершенная паника и замешательство среди живущих в коммунальной квартире.

Многие жильцы, замкнув свои комнаты, временно выехали кто куда.

Жена, то есть проще сказать, дочь ее папы, пугаясь заходить в бюро, снова уехала в Сестрорецк с ребенком и ревущей нянькой.

Муж, этот глава семьи, хотел было устроиться в дом отдыха. Но на этот раз колесница неожиданно прибыла на второй день. И все кончилось вполне благополучно.

Так что тут была скорей нечеткость работы с колесницами, чем постоянное запоздание. Оно не повторялось всякий раз, а бывало, что ли, случайно. Раз на раз, как говорится, не придется. Ну была неудача, недоразумение.

Но теперь это у них сгладилось. И они подают так, что прямо красота. Лучше не надо.

ИСПЫТАНИЕ ГЕРОЕВ

Я, товарищи, два раза был на фронте: в царскую войну и во время революции, в Гражданскую. Воевал, можно сказать, чертовски.

Однако особых героев я не знал.

А вообще говоря, герои были. Но особенно сильно запал мне в душу один человек.

Этот человек не был такой, что ли, очень крупный революционер или там народный предводитель, вождь или покоритель Сибири.

Это был обыкновенный помощник счетовода, некто Николай Антонович. Его фамилию я даже, к сожалению, позабыл.

А работал этот Николай Антонович совместно с нами в управлении советского хозяйства в городе Арюпино.

Нет, я никогда не был любитель работать в канцелярии! Мне завсегда хотелось найти более чего-нибудь грандиозное — какой-нибудь там простор полей, какие-нибудь леса, белки, звери, какой-нибудь там закат солнца. Хотелось ездить на велосипедах, на верблюдах, хотелось говорить разные слова, строить здания, сараи, железнодорожные пути и так далее и тому подобное.

Нет, я не был любитель перья в чернильницу макать.

Но между прочим, пришлось мне поработать и на этом чернильном фронте.

Меня заставил пуститься на это дело целый ряд несчастных обстоятельств.

Я работал до этого в совхозе. Я имел командную должность — инструктор по кролиководству и куроводству.

Вот, имею я эту должность, и происходит у меня чудовищная пренеприятность.

А именно: стали у меня утки в пруде тонуть. То есть скажите мне, бывшему инструктору по кролиководству и куроводству, что утка может в воде потонуть, я бы никогда этому не поверил и даже, наверное, грубо рассмеялся бы в ответ. Утка, можно сказать, существо вовсе и даже совершенно приспособленное к воде. Ей по своей природе вода доступна. Она плавает и ныряет прямо как утка, как рыба. И тонуть ей, ну, просто свыше не разрешается.

Однако у нас по неизвестной причине стали утки в проруби тонуть. Куры, конечно, тоже параллельно с ними тонули. Но куры — это неудивительно, курам по своей природе тонуть допустимо. Но утка — это уже, знаете, слишком.

Тем не менее утки стали у меня тонуть. И за месяц потонуло у меня тридцать шесть уток.

Вот тонут у меня эти утки. А я — инструктор по кролиководству и птицеводству. И от этих делов у меня сердце замирает, руки холодеют и ноги отнимаются.

Стали мы наблюдать за этим делом. Видим — все в порядке. Прорубь на озере. Утки плавают и ныряют.

Вот они плавают, ныряют и забавляются. И видим мы, что обратно на лед они выйти не могут.

Другие утки, более мощные и которые похитрее, — те выходят при помощи своих собратьев по перу. Они нахально становятся другим уткам на голову и на что попало и после прыгают на лед.

А последние утки, более растерявшиеся и которым не на что опереться, — те, к сожалению, тонут. Они плавают подряд несколько часов, кричат нечеловеческими голосами и после от полного утомления и от невозможности выйти на высокий лед тонут.

Тут крестьяне из соседнего совхоза стали давать советы:

— Что вы, — говорят, — арапы, делаете с своей живностью! Вы, — говорят, — обязаны лед несколько поддолбить и песком его посыпать, а иначе, — говорят, — у вас вся птица на дно пойдет.

Тут, действительно верно, с нашей стороны был преступный недосмотр и, главное, незнание всей сути. И хотя в то время кой-какой экзамен на звание куровода мы и сдавали, однако о всех куриных тонкостях понятия не имели, тем более что экзамены мы сдавали во время голода, так что, собственно, даже и не до того было, не до экзаменов. К тому же мы сдавали в более южном районе, где зима бывает слабая и льду никакого нету. Так что таких вопросов, ну, просто не приходилось затрагивать.

Что касается своих совхозских ребят, то они, вероятно, кое-чего знали и понимали, но молчали. Тем более это им было на руку — они утонувших утей после составления акта жарили, парили и варили и, несмотря на утонутие, с наслаждением кушали их с кашей и с яблоками.

Вот потонуло у меня тридцать шесть утей, и, значит, дело дошло это до высшего начальства.

Вот начальство вызывает нас в управление, кричит и говорит разные гордые, бичующие слова, дескать, человек вы, без сомнения, в своем деле весьма опытный, ценный и понимающий, даже были ранены в начале Гражданской войны, но поскольку, черт возьми, у вас утки стали тонуть, то это экономическая контрреволюция и шпионаж в пользу английского капитала. И если это так, то вы, скорей всего, не соответствуете своему назначению. Вас, говорят, мы, конечно, не увольняем, только сделайте милость, не рабо-

тайте больше. А идите себе в управление — входящие бумаги, черт возьми, в папку зашивать.

Такие бичующие слова говорит мне высшее начальство и велит становиться в канцелярию.

Вот являюсь в канцелярию, в управление совхозов, и приступаю к своим прямым обязанностям.

А комиссаром в этом управлении был некто такой Шашмурин. Он был черноморский моряк. Очень такой отчаянный человек и дважды раненный герой Гражданской войны. Но между прочим, тем настоящим героем был не он. Настоящим героем оказался счетовод Николай Антонович.

Так вот этот комиссар Шашмурин дело держал строго. Он опаздывать не разрешал, чуть что — ужасно ругался и всех работников канцелярии подозревал в том, что они мало сочувствуют делу коммунизма. И от этого вопроса он сильно страдал и волновался.

— Ну конечно, — говорит, — еще бы, все вы, чуть что, морды свои отвернете. Нуте, придет белая гвардия, и вы, — говорит, — обратно начнете свои канцелярские спины выгибать и разные чудные царские и дворянские слова говорить.

Белый же фронт, действительно верно, был от нас не очень далеко. Нет, он до нас не дошел. Но пока что он подвигался, и даже одно время мы ожидали падения города Арюпино Смоленской губернии.

И чем более, знаете, подвигался белый фронт, тем ужасней был наш военный комиссар Шашмурин.

Он очень всех ругал последними словами, волновался и выспрашивал каждого — какие кто имеет мысли и кому больше сочувствует — коммунистическому ли движению во главе с III Интернационалом или, может быть, дворянским классам.

Но конечно, все уверяли его в полной своей преданности, божились, клялись и даже оскорблялись, что на них падает такое темное подозрение.

Одним словом, однажды комиссар Шашмурин устроил у нас в канцелярии штуку, за которую он впоследствии слетел со своей должности. Он получил строгий выговор, и, кроме того, его убрали в другой город за право-левацкий загиб и превышение власти.

А захотел он проверить, кто у него из вверенных ему служащих действительно враждебно настроен и кто горячо сочувствует власти трудящихся.

Нет, сейчас вспомнить про это просто удивительно. Это была сделана грубая комедия. Все шито-крыто было белыми нитками, но в тот момент никто комедии сгоряча не заметил, и все было принято за чистую монету.

Вот что устроил военный комиссар Шашмурин.

Белый фронт был тогда близко, и даже каждый день ждали появления неприятелей и смены власти.

И вот комиссар Шашмурин подговаривает одного своего идейного товарища пойти на такую сделку. Он одевает его получше, в желтый китель, он дает ему в руки хлыстик с серебряным шариком, надевает лучшую кепку на голову, высокие шевровые сапоги. И с утра пораньше в таком наряде сажает его в свой кабинет как представителя новой дворянской власти.

А сам он помещается рядом в чулане, взбирается там на стул и своими глазами глядит из окошечка.

Нет, конечно, сейчас совершенно смешно представить эту проделку, до того все было заметно. Но служащие, которые были нервные и панически настроены и каждый день ожидали падения большевизма, ничего особенного не заметили.

Вот утром собрались служащие.

Сторож Федор, который тоже был подговорен комиссаром, замыкает тогда двери на ключ, произносит какой-то дворянский лозунг и говорит, — дескать, вот, робя, падение большевизма совершилось. И пущай каждый служащий по очереди заходит в кабинет к новому начальству на поклон.

Вот служащие совершенно оробели и начали по очереди являться в кабинет.

Вот видят — стоит новое начальство в гордой дворянской позе. Вот в руке у него стек. Глаза у него сверкают. И слова он орет громкие, не стесняясь присутствием машинистки.

— Я, — говорит, — выбью из вас красную заразу, трам-тарарам. Я, — говорит, — покажу вам революционные начинания. Я, — говорит, — трам-тарарам, не позволю вам посягать на дворянские земли и устраивать из них совхозы, колхозы и разные там силосы...

Вот, конечно, вошедший служащий жмется и извиняется, разводит руками, — дескать, какая там, знаете, революция, какие там силосы — не смешите. Да разве мы что... Мы очень рады и все такое...

А начальник в своем кителе орет и орет и заглушает своим голосом Шашмурина, который в своем чулане скрипит зубами и чертыхается.

Из десяти служащих опросили только шесть.

Трое говорили неопределенные слова, моргали ресницами и пугались. Один, скотина, начал нашептывать новому начальству о всяких прошлых событиях и настроениях. Другой начал привирать, что хотя он сам будет не из дворянства, но давно сочувствует этому классу и в прежнее время даже часто у них находился в гостях и завсегда был доволен этим кругом и пышным угощением в виде тартинок, варенья и маринованных грибов.

Вот Шашмурин смотрит из своего окошечка, лязгает зубами, но молчит.

Вдруг приходит счетовод Николай Антонович.

Он говорит:

— Погодите вы, не кричите и своим хлыстиком не махайте. А спрашивайте меня вопросы. А я вам буду отвечать.

Тот ему говорит:

— Будешь, трам-тарарам, служить нашей старой дворянской власти?

Николай Антонович отвечает:

— Служить, — говорит, — вероятно, придется, поскольку у меня семья, но особого сочувствия я к вам не имею.

— То есть, — говорит, — трам-тарарам, как это не имеешь?

Николай Антонович отвечает твердо:

— Я, — говорит, — хотя и не коммунист, но я в революцию кровь проливал. И я, — говорит, — завсегда стоял на платформе советской власти и никогда не ожидал от дворянской власти ничего хорошего. И я, — говорит, — считаю своим долгом высказать свое мировоззрение, а вы как хотите.

Сказал он эти слова — и вдруг смотрит, — который в желтом кителе — улыбается.

И вдруг слышен треск и шум в чулане. Это комиссар Шашмурин от волнения со стула падает.

Он падает со стула и вбегает в комнату.

— Где, — говорит, — он?! Дайте, я его обниму! Ну, — говорит, — дружок, Николай Антонович, я, — говорит, — теперича тебя не позабуду. Теперича я тебе молочный брат и кузен.

И берет он его в охапку, обнимает, нежно целует в губы и ласково ведет к своему столу. Там он потчует его чаем, угощает лепешками и курятиной и ведет длинные политические разговоры о том о сем.

Тут все понимают, что произошло. Все чересчур пугаются. Который нашептывал на ухо начальству, тот хотел в окно сигануть, но его удержали.

Особенных последствий не было. И никаких наказаний не случилось. Все даже продолжали служить как ни в чем не бывало. Только стеснялись друг дружке в глаза глядеть.

А на другой день после происшествия комиссара Шашмурина попросили к ответу за перегиб. И сразу перевели его работать в другой город.

Так и кончилась эта история.

Николай Антонович работал по-прежнему, и чего с ним случилось в дальнейшем — я не знаю.

Конечно, вы можете сказать — какой это герой, раз он даже служить у дворянства согласился.

Но дозвольте сказать: я много видел самых разнообразных людей. Я видел людей при обстоятельствах тяжелой жизни, знаю всю изменчивость ихних характеров и взглядов, и я имею скромное мнение, что Николай Антонович был настоящий мужественный герой.

А если вы с этим не согласны, то я все равно своего мнения не изменю.

КАКИЕ У МЕНЯ БЫЛИ ПРОФЕССИИ

Я не знаю, сколько есть разных профессий. Один знакомый интеллигент мне сказал, будто всего на земном шаре триста девяносто профессий.

Ну, это он, конечно, перехватил, но, вероятно, все же около ста профессий имеется.

Нет, все сто профессий я не имел, но вот пятьдесят профессий я действительно испытал.

И вот перед вами человек, который испытал на себе пятьдесят профессий.

Интересно, кем я только не был.

Нет, я, конечно, не был там каким-нибудь экономистом, химиком или там пиротехником, скульптором и так далее. Нет, я не был академиком или там профессором анатомии, алгебры или французского языка. Я не скрою от вас — я не занимал разные интеллигентские посты, не смотрел в подзорные трубы, чтоб видеть разные небесные явления, планеты и кометы, не шлялся по шоссе с такой, знаете, маленькой трубочкой на треножнике для измерения высоты поверхности. Не строил мосты или там здания для посольства. И не затемнял свой рассудок математическими вычислениями количества белых шариков в крови.

Да, эти профессии, не скрою от вас, я не испытывал. Мне не хватало для этого всей высоты образования и знания иностранных языков. Тем более что до революции я был малограмотный господин. Читать мог, но писать уже не всегда осмеливался.

И через это, конечно, к сожалению, не могу вам ничего рассказать про такие возвышенные профессии, которые основаны там на науке, или там технике, или медицине.

Хотя должен вам сказать, что с медициной я сталкивался и даже одно время был врачом. Меня избрали на этот пост свои же полковые товарищи вскоре после Февральской революции.

Я тогда служил в царской армии и был рядовым ефрейтором. Вот после революции ребята мне и говорят:

— У нас полковой врач — такая, извините, холера, что никому почти освобождения не дает, несмотря на Февральскую революцию. Очень бы хотелось его заменить. Вот бы, — говорят, — хорошо, если бы вы согласились на эту должность. Тем более, — говорят, — все должности сейчас выборные — вот бы мы тебя и выбрали.

Я говорю:

— Отчего же. Конечно, выбирайте. Я, — говорю, — человек, понимающий явления природы. Понимаю, что после революции ребятам хотелось бы смотаться по домам и поглядеть, как и чего. Керенский, — говорю, — этот артист на троне, завертел волынку до победного конца. И полковой врач ему в дудочку подыгрывает и нашего брата не отпускает. Выбирайте меня врачом — я вас почти всех отпущу.

Вот вскоре после того сменяют командира полка, сменяют подряд офицеров и нашего пресловутого медика. И на его место назначают меня приказом.

Работа оказалась, конечно, трудная и, главное, бестолковая.

Едва послушаешь больного в трубку, как он хнычет и отпрашивается домой. А если его не отпускаешь, он очень на врача наседает и чуть не хватает его за горло.

Профессия совершенно глупая и небезопасная для жительства.

А если больному дашь порошки — он их жрать не хочет, а швыряет порошки врачу в лицо и велит писать увольнительную.

Ну, для формы спросишь — какая у тебя болезнь? Ну, больной сам, конечно, назвать болезнь не может и тем самым ставит врача в тупик, поскольку врач не может все болезни знать наизусть и не может писать в каждой путевке только: брюшной тиф или там вздутие живота.

Другие, конечно, говорят:

— Пиши чего хочешь, только отпусти, поскольку душа болит — охота поглядеть на домашних.

Ну, напишешь ему: душевная болезнь, и с этой диетой отпускаешь.

Но вот вскоре надоедает мне эта бестолковая профессия. И вот пишу я сам себе путевку с обозначением: душевная болезнь первой категории.

Выезжаю с фронта и, значит, на этом заканчиваю эту свою профессию.

После судьба кидает меня в разные стороны — туда и сюда, как, извините за сравнение, скорлупку в бурном море.

Я делаюсь милиционером. После слесарем, сапожником, кузнецом. Я подковываю лягающих лошадей, дою коров, дрессирую бешеных и кусачих

собак. Играю на сценах. Поднимаю занавеси. И так далее и тому подобное и прочее.

При этом снова год нахожусь на фронте в Красной армии и защищаю революцию от многочисленных врагов.

Снова освобождаюсь по чистой. Занимаю должность инструктора по кролиководству и куроводству. Становлюсь агентом уголовного розыска. Делаюсь шофером. И по временам пишу критические отзывы и острые дискуссионные статьи относительно театра и литературы.

И вот перед вами человек, который имел в своей жизни пятьдесят, а может, даже и больше профессий.

Некоторые профессии были у меня странные и удивительные.

Была у меня до революции одна очень такая странная профессия.

А был я тогда в Крыму. И служил в одном имении. Там было четыреста коров. Масса коз, много курей и до черта баранов. Все это создавало почву для развития сельскохозяйственного дела.

И вот меня нанимают туда пробольщиком.

Одним словом, в мою обязанность входит пробовать качество масла и сыра.

Это масло и сыр отправлялись на пароходе за границу. И надо было все это пробовать, чтоб мировая буржуазия не захворала от недоброкачественного товара.

Конечно, дай вам попробовать масла или сыру — вы, небось, не откажетесь. Но если, предположим, пробовать эту продукцию с утра и до вечера, и ежедневно, и целый год, то вы волком завоете и свет перед вами померкнет.

Нет, я не был специалистом по этому делу. И совершенно случайно попал на эту профессию.

Мне тогда было двадцать три года. Все было тьфу и трын-трава. И я тогда шлялся по крымским дорогам, надеясь где-нибудь найти работу.

И вот иду по дороге и слышу — молочным хозяйством пахнет. А тут тем более я не ел два дня. И вот взял и пошел на этот приторный запах. Думаю, подкараулю какую-нибудь корову, подою маленько и тем самым подкреплю свои ослабшие силы.

Вижу — за забором сарай. Наверное, думаю, там коровы. Перемахнул через забор. Захожу в сарай. Вижу — там не коровы, а круги сыра лежат. Только я хотел стибрить кусок сыру — вдруг управляющий идет.

— Ты, — говорит, — что, из наших рабочих?

Нет, я особенно не смутился. Думаю, успею дать тигаля. Тем более кругом народу нету и забор близко. И поэтому отвечаю с некоторым даже нахальством:

— Нет, не из рабочих, но имею мечту на нечто подобное.

Он говорит:

— А к примеру, зачем же ты в руку сыр взял?

Я говорю не без нахальства:

— Хотел, знаете, этот сыр попробовать — сдается мне, что он кисловат на вкус. Не умеете делать, а беретесь.

Вижу — управляющий даже растерялся от моих слов. Даже видать, что не понимает, что к чему. Он говорит:

— Как это? Почему кисловат? Ты что, каналья, специалист, что ли, по молочному хозяйству?

Я думал, он шутит, чтоб себя разозлить, с тем чтобы покрепче меня ударить. И говорю:

— Вы угадали. По молочному хозяйству я есть первый специалист города Москвы. И мимо этих молочных продуктов не могу пройти, чтобы их не попробовать.

Вдруг управляющий улыбается, жмет мне руки и говорит:

— Голубчик!

Он говорит:

— Голубчик, если ты специалист, то я тебе дам преогромное жалование, только сделай милость, становись скорей на работу. Тут на днях заграничный пароход приходит, надо груз отправлять, а рассортировать товар и его попробовать некому. И сдается мне, что иностранная буржуазия наглотается негодных продуктов, и после неприятностей не оберешься. А у меня, как назло, один специалист холерой заболел и теперь категорически не хочет ничего пробовать.

Я говорю:

— Пожалуйста. А что надо делать?

Он говорит:

— Надо попробовать шестьсот двадцать бочек масла и тысячу кругов сыру.

У меня даже желудок задрожал от голоду и удивления, и я отвечаю:

— Пожалуйста. Об чем речь? Принесите мне буханку хлеба, и я сейчас к этому приступлю с преогромной радостью. Я, — говорю, — давно мечтал именно такую профессию себе найти — пробовать то и се.

И сам в душе думаю: нажрусь до отвалу, а там пущай из меня лепешку делают. И небось, не сделают — убегу на своих сытых ногах.

— Ну, — говорю, — несите поскорей буханку, я очень тороплив в работе. Если мне что загорится — мне сразу вынь и положь. Несите хлеб, а то я прямо соскучился без этой своей профессии.

Вижу — управляющий глядит на меня с недоверием.

Он говорит:

— Тогда я сомневаюсь, что ты есть лучший в мире специалист по молочному хозяйству. Молочные продукты пробуют без хлеба и без ничего, иначе не узнаешь, какой именно сорт и какой вкус.

Тут я вижу, что засыпался, но говорю:

— Это я сам знаю. И вы есть толстобрюхий дурак, если не понимаете. Я хлеб не для еды буду употреблять, а мне надо соприкасать эти два продукта, в силу чего я увижу окисление, и тогда, попробовав, не ошибусь в расчете, какая там есть порча. Это, — говорю, — есть последний заграничный метод. Я, — говорю, — удивляюсь на вашу серость и отсталость от Европы.

Тут меня торжественно ведут туда и сюда. Записывают. Одевают в белый балахон и говорят:

— Ну, пойдем к бочкам.

А у меня от страху душа в пятках и ноги еле двигаются.

Вот пошли мы к бочкам, но тут, на мое счастье, вызывают управляющего по спешному делу. Тут у меня на сердце отлегло. Я говорю рабочим:

— Выручайте, братцы, то есть ни черта не понимаю в этом деле. Хотя укажите поскорей, чем пробовать масло — пальцем или особой щепочкой.

Вот рабочие смеются надо мной, умирают со смеху, тем не менее рассказывают, чего надо делать и, главное, чего говорить.

Вот управляющий приходит — я ему прямо затемнил глаза. Говорю разные специальные фразы, правильно пробую. Вижу — человек даже расцвел от моей высокой квалификации.

И вот к вечеру, нажравшись до отвалу, я решил не уходить с этого хлебного места. И вот остался.

Профессия оказалась глупая и бестолковая. Надо пробовать масло особой такой тонкой ложечкой. Надо подковырнуть масло из глубины бочки и пробовать его. И чуть маленько горечь, или не то достоинство, или там лишняя муха, или соль — надо браковать, чтоб не вызвать недовольства среди мировой буржуазии.

Ну, сразу, конечно, я не понимал разницы — каждое масло мне чересчур нравилось, но после кое-чему научился и стал даже покрикивать на управляющего, который чересчур был доволен, что нашел меня. И даже написал своему владельцу письмо, где наплел про себя разные истории и просил себе надбавку или там какой-нибудь трудовой орден за отличные дела.

Так вот, конечно, первые дни мне профессия нравилась. Бывало, отхватишь сыру да навернешь масла — лучше, думаю, работы и не бывает на земном шаре.

После вижу — что-то не того.

Через две недели я начал страдать, вздыхать и мечтал уже с этим расстаться.

Потому за день напробуюсь жиров, и глаза ни на что не глядят. Хочешь чего-нибудь скушать, а душа не принимает. И внутри как-то тошно, жирно. Никакая пища не интересна, и жизнь кажется скучной и бестолковой.

И при этом еще строго запрещалось пить. Никакого вина или там водки нельзя было в рот брать. Потому алкоголь отбивает вкус, и через это можно натворить безобразных делов и перепутать качество.

Короче говоря, через две недели я ложился после работы вверх брюхом и неподвижно лежал на солнце, рассчитывая, что горячее светило вытопит у меня лишний жир и мне снова захочется ходить, гулять, кушать борщ, котлеты и так далее...

А был там у меня в этих краях один приятель. Один прекрасный грузин. Некто Миша. Очень чудный человек и душевный товарищ. И был он тоже дегустатор, пробольщик. Но только в другом деле. Он пробовал вино.

Там в Крыму были такие винные подвалы — удельного ведомства. Вот там он и пробовал.

И профессия его, чересчур бестолковая, была даже хуже моей.

Ему даже кушать не разрешалось. С утра до вечера он пробовал вино и только вечером имел право чего-нибудь покушать.

Меня мутило от жиров и в рот ничего не хотелось взять. И выпить не разрешалось. И аппетита не было.

А у него наоборот. Его распирало от вина. Он с утра насосется разных крымских вин и еле ходит, и прямо свет ему не мил.

Вот в другой раз встретимся мы с ним вечером — я сытый, он пьяный, и видим — наша дружба ни к чему. Говорить ни о чем неохота. Он хочет кушать, я, наоборот, хочу выпить. Общих интересов мало, и вкус во рту мерзкий. И сидим мы, вроде как обалделые, и в степь глядим. А в степи ничего. А над головой — небо и звезды. А где-то, может быть, идет жизнь, полная веселья и радости... Вот я ему однажды и говорю:

— Надо, — говорю, — уходить. И хотя у меня контракт до осени, но я, безусловно, этого не выдержу. Я отказываюсь кушать масло. Это унижает мое человеческое достоинство. Я смотаю удочки, стибрю круг сыру — и только меня толстобрюхий управляющий и видел.

Он говорит:

— До осени уходить не расчет. Работы сейчас не найти. А надо нам с тобой чего-нибудь такое оригинальное придумать. Дай срок — я подумаю, голь на выдумки хитра.

И вот однажды он мне и говорит:

— Знаешь чего — давай временно поменяемся профессией. Давай, я буду пробовать масло, а ты временно пробуй вино. Неделю или две поработаем так, а после опять поменяемся. А потом опять. Вот оно и получится у нас какое-то равновесие. И главное, отдохнем, если они, черти, не дают отпуска, а заставляют без отдыха жрать и пить.

Я очень радуюсь этим словам, но выражаю сомнение, что наши управляющие захотят этого. Он говорит:

— Это я берусь уладить.

И вот берет он меня за руку и ведет к своему управляющему по винной части.

— Вот, — говорит, — этот низенький опытный господин смело может меня заменить на две недели. Тут ко мне тетка из Тифлиса приехала, и я интересуюсь ее повидать. А он за меня будет пробовать и соблюдать ваши интересы.

Управляющий говорит:

— Ладно. Покажите ему, какие тут вина и как чего надо делать. И через две недели возвращайтесь. А то мы натворили тут делов. Заместо столового вина взяли «Аликоте» в Москву отправили. Чистое безобразие.

Вот тогда я, в свою очередь, беру Мишу за руку и веду его к своему толстобрюхому управляющему:

— Вот, — говорю, — этот высокий опытный господин смело может заменить меня на две недели. Тут ко мне тетка из Тифлиса приехала, и я интересуюсь ее повидать и покалякать с ней о разных разностях.

Управляющий говорит:

— Ладно. Покажите ему, как и чего, и через две недели приезжайте. А то и так у нас беспорядок. Заместо сливочного масла мы отправили в Персию сметану. Персы могут обидеться и не захотят ее кушать.

Вот стали мы на свою новую работу.

Я пробую вино. А Миша пробует масло.

Но тут с нами происходит чушь и неразбериха.

В первый же день Миша наедается масла и сыру до того, что заболевает судорогами. А я с первых же двадцати глотков от непривычки пить до того захмелел, что подрался с Мишиным управляющим. И хотел его в винную бочку поковырнуть за то, что он сказал плохие слова про моего приятеля.

Тут на другой день мне дали по шапке и велели убираться.

И Мише дали расчет и тоже велели убираться.

Вот встречаемся мы с ним и смеемся. Думаем — наплевать. Отдохнули пару дней, и теперь снова можем приняться за свое ремесло.

Но тут случается так, что оба наши управляющие снюхались и узнали наш обман: и какие у нас две недели, и какая у нас тетка в Тифлисе, и какой у нас опыт.

Оба они призывают нас, кричат страшными голосами и велят убираться.

Нет, мы особенно не горевали. Я взял круг сыру, а Миша вина. И всю дорогу мы шли и пели песни. А после устроились на другую работу.

А вскоре разразилась война. Потом революция. И я потерял своего друга из виду.

А недавно узнаю, что он проживает на Кавказе и имеет хорошую, чудную командную должность.

И я мечтаю к нему поехать. Мечтаю встретить его, поговорить и сказать ему: «Молодец!»

Ох, он, наверное, обрадуется, когда увидит меня! Тоже, может быть, скажет мне: «Молодец!» И велит подать лучший шашлык.

Тут мы с ним будем кушать и вспоминать, кем мы были и кем стали.

ВРАЧЕВАНИЕ И ПСИХИКА

1

Вчера я пошел лечиться в амбулаторию. Народу чертовски много. Почти как в трамвае. И главное, интересно отметить, — самая большая очередь к нервному врачу, по нервным заболеваниям. Например, к хирургу всего один человек со своей развороченной мордой, с разными порезами и ушибами. К гинекологу две женщины и один мужчина. А по нервным — человек тридцать. Я говорю своим соседям:

— Я удивляюсь, сколько нервных заболеваний. Какая несоразмерная пропорция.

Такой толстоватый гражданин, наверное бывший рыночный торговец или черт его знает кто, говорит:

— Ну еще бы. Ясно. Человечество торговать хочет, а тут извольте — глядите на ихнюю торговлю. Вот и хворают. Ясно...

Другой, такой желтоватый, худощавый, в тужурке, говорит:

— Ну вы не очень-то распущайте свои мысли. А не то я позвоню куда следует. Вам покажут — человечество... Какая сволочь лечиться ходит...

Такой, с седоватыми усишками, глубокий старик, лет пятидесяти, так примиряет обе стороны:

— Что вы на них нападаете? Это просто, ну, ихнее заблуждение. Они про это говорят, забывши природу. Нервные заболевания возникают от более глубоких причин. Человечество идет не по той линии... цивилизация, город,

трамвай, бани — вот в чем причина возникновения нервных заболеваний... Наши предки в каменном веке и выпивали, и пятое-десятое, и никаких нервов не понимали. Даже врачей у них, кажется, не было.

Бывший торговец говорит с усмешкой:

— А вы чего — бывали среди них или там знакомство поддерживали? Седоватый, а врать любит...

Старик говорит:

— Вы произносите глупые речи. Я выступаю против цивилизации, а вы несете бабью чушь. Пес вас знает, чем у вас мозги понабиты.

Желтоватый, в тужурке, говорит:

— Ах, вам цивилизация не нравится, строительство... Очень я слышу милые слова в советском учреждении. Вы, — говорит, — мне под науку не подводите буржуазный базис. А не то знаете, чего за это бывает.

Старик робеет, отворачивается и уж до конца приема не раскрывает своих гнилых уст.

Советская мадам в летней шляпке говорит, вздохнувши:

— Главное, заметьте, все больше пролетарии лечатся. Очень расшатанный класс...

Желтоватый, в тужурке, отвечает:

— Знаете, я, ей-богу, сейчас по телефону позвоню. Тут я прямо не знаю, какая больная прослойка собравшись. Какой неглубокий уровень! Класс очень здоровый, а что отдельные единицы нервно хворают, так это еще не дает картины заболевания.

Я говорю:

— Я так понимаю, что отдельные единицы нервно хворают в силу бывшей жизни — война, революция, питание... Так сказать, психика не выдерживает такой загрубелой жизни.

Желтоватый начал говорить:

— Ну знаете, у меня кончилось терпение...

Но в эту минуту врач вызывает: «Следующий».

Желтоватый, в тужурке, не заканчивает фразы и спешно идет за ширмы.

2

Вскоре он там начинает хихикать и говорить «ой». Это врач его слушает в трубку, а ему щекотно.

Мы слышим, как больной говорит за ширмой:

— Так-то я здоров, но страдаю бессонницей. Я сплю худо, дайте мне каких-нибудь капель или пилюль.

Врач отвечает:

— Пилюль я вам не дам — это только вред приносит. Я держусь новейшего метода лечения. Я нахожу причину и с ней борюсь. Вот я вижу — у вас нервная система расшатавши. Я вам задаю вопрос: не было ли у вас какого-нибудь потрясения? Припомните.

Больной сначала не понимает, о чем идет речь. Потом несет какую-то чушь и наконец решительно добавляет, что никакого потрясения с ним не было.

— А вы вспомните, — говорит врач, — это очень важно — вспомнить причину. Мы ее найдем, развенчаем, и вы снова, может быть, оздоровитесь.

Больной говорит:

— Нет, потрясений у меня не было.

Врач говорит:

— Ну может быть, вы в чем-нибудь взволновались... Какое-нибудь очень сильное волнение, потрясение?

Больной говорит:

— Одно волнение было, только давно. Может быть, лет десять назад.

— Ну, ну, рассказывайте, — говорит врач, — это вас облегчит. Это значит, вы десять лет мучились и по теории относительности вы обязаны это мученье рассказать, и тогда вам снова будет легко и будет хотеться спать.

Больной мямлит, вспоминает и наконец начинает рассказывать.

3

— Возвращаюсь я тогда с фронта. Ну, естественно, — Гражданская война. А я дома полгода не был. Ну, вхожу в квартиру... Да. Поднимаюсь по лестнице и чувствую — у меня сердце в груди замирает. У меня тогда сердце маленько пошаливало, — я был два раза отравлен газами в царскую войну, и с тех пор оно у меня пошаливало.

Вот поднимаюсь по лестнице. Одет, конечно, весьма небрежно. Шинелька. Штанцы. Вши, извиняюсь, ползают.

И в таком виде иду к супруге, которую не видел полгода.

Безобразие.

Дохожу до площадки.

Думаю, некрасиво в таком виде показаться. Морда неинтересная. Передних зубов нету. Передние зубы мне зеленая банда выбила. Я тогда перед этим в плен попал. Ну, сначала хотели меня на костре спалить, а после дали по зубам и велели уходить.

Так вот, поднимаюсь по лестнице в таком неважном виде и чувствую — ноги не идут. Корпус с мыслями стремится, а ноги идти не могут. Ну естественно, только что тиф перенес, еще хвораю.

Еле-еле вхожу в квартиру. И вижу: стол стоит. На столе выпивка и селедка. И сидит за столом мой племянник Мишка и своей граблей держит мою супругу за шею.

Нет, это меня не взволновало. Нет, я думаю: это молодая женщина — чего бы ее не держать за шею. Это чувство меня не потрясает.

Вот они меня увидели, Мишка берет бутылку водки и быстро ставит ее под стол. А супруга говорит:

— Ах, здравствуйте.

Меня это тоже не волнует, и я тоже хочу сказать «здравствуйте». Но отвечаю им «те-те»... Я в то время маленько заикался и не все слова произносил после контузии. Я был контужен тяжелым снарядом и, естественно, не все слова мог произносить.

Я гляжу на Мишку и вижу — на нем мой френч сидит. Нет, я никогда не имел в себе мещанства! Нет, я не жалею сукно или материю. Но меня коробит такое отношение. У меня вспыхивает горе, и меня разрывает потрясение.

Мишка говорит:

— Ваш френч я надел все равно как для маскарада. Для смеху.

Я говорю:

— Сволочь, сымай френч.

Мишка говорит:

— Как я при даме сыму френч?

Я говорю:

— Хотя бы шесть дам тут сидело, сымай, сволочь, френч.

Мишка берет бутылку и вдруг ударяет меня по башке.

4

Врач перебивает рассказ. Он говорит:

— Так-так, теперь нам все понятно. Причина нам ясна... И значит, с тех пор вы страдаете бессонницей? Плохо спите?

— Нет, — говорит больной, — с тех пор я ничего себе сплю. Как раз с тех пор я спал очень хорошо.

Врач говорит:

— Ага. Но когда вспоминаете это оскорбление, тогда и не спите? Я же вижу — вас взволновало это воспоминание.

Больной отвечает:

— Ну да, это сейчас. А так-то я про это и думать позабыл. Как с супругой развелся, так и не вспоминал про это ни разу.

— Ах, вы развелись...

— Развелся. Вышел за другую. И затем за третью. После за четвертую. И завсегда спал отлично. А как сестра приехала из деревни и заселилась в моей комнате вместе со своими детьми, так я и спать перестал. В другой раз с дежурства придешь, ляжешь спать — не спится. Ребятишки бегают, веселятся, берут за нос. Чувствую — не могу заснуть.

— Позвольте, — говорит врач, — так вам мешают спать?

— И мешают, конечно, и не спится. Комната небольшая, проходная. Работаешь много. Устаешь. Питание все-таки среднее. А ляжешь — не спится...

— Ну а если тихо? Если, предположим, в комнате тихо?

— Тоже не спится. Сестра на праздниках уехала в Гатчину с детьми. Только я начал засыпать, соседка несет тушилку с углями. Оступается и сыплет на меня угли. Я хочу спать и чувствую: не могу заснуть — одеяло тлеет. А рядом на мандолине играют. А у меня ноги горят...

— Слушайте, — говорит врач, — так какого же черта вы ко мне пришли?! Одевайтесь. Ну хорошо, ладно, я вам дам пилюли.

За ширмой вздыхают, зевают, и вскоре больной выходит оттуда со своим желтым лицом.

— Следующий, — говорит врач.

Толстоватый субъект, который беспокоился за торговлю, спешит за ширмы.

Он на ходу машет рукой и говорит:

— Нет, неинтересный врач. Верхогляд. Чувствую — он мне тоже не поможет.

Я гляжу на его глуповатое лицо и понимаю, что он прав, — медицина ему не поможет.

ИНТЕРЕСНАЯ КРАЖА В КООПЕРАТИВЕ

Воровство у нас есть. Но его как-то значительно меньше.

Кое-кто успел перековаться и больше не ворует. А некоторых не удовлетворяет, как бы сказать, выбор ассортимента. Некоторые же, не видя собственников и миллионеров, перестроились и крадут теперь у государства.

Но конечно, естественно, крадут не так, как они это раньше производили.

Нынче только дурак крадет, не понимая современности.

А многие современность отлично понимают и уже осваивают новейшие течения.

Например, недавно в нашей кооперации произошла кража. Так за этой кражей видна, по крайней мере, философская мысль.

Вот как это было.

Кооперация. Вообще кооператив. Так сказать, открытый распределитель.

Естественно, много товаров. Экспортные утки лежат на окне. Семга почему-то. Свиные, я извиняюсь, туши. Сыр. Это из еды. И из вещей тоже много всего. Дамские чулки. Гребенки. И так далее.

Все это в изобилии набросано и, так сказать, очень выигрышно лежит на витрине.

И конечно, естественно, это привлекло чей-то взор.

Короче говоря: кто-то такой с заднего входа влез в ночное время в магазин и сильно там похозяйничал.

И главное, дворник у ворот спал, ничего такого не заметил.

— Какие-то сны, — говорит, — мне действительно в эту ночь показывали, но ничего такого потустороннего я не слыхал.

А он очень, между прочим, перепугался, когда это воровство обнаружили. Бегал по магазину, за всех цеплялся. Умолял его не подводить. И так далее.

Заведующий говорит:

— Твое дело маленькое. Что ты спал, за это тебя, конечно, по головке не погладят, но навряд ли тебе пришьют какое-нибудь обвинение. Так что ты не пугайся. Не путайся тут под ногами и не нервируй работников прилавка своими восклицаниями. А иди себе и досыпай дома.

Но дворник не уходит. Он стоит и расстраивается. Главное, его расстраивает, что так много уперли.

— Вот этого, — говорит, — я прямо не могу понять. Я сплю завсегда чутко и ноги протягиваю вдоль ворот. Не может быть, чтобы через меня два мешка сахару перенесли. Мне это очень странно.

Заведующий говорит:

— Дюже крепко спал, сукин сын! Это ужасти подобно, сколько уперли!

Дворник говорит:

— Чтоб много уперли, этого не может быть. Я бы проснулся.

Заведующий говорит:

— А вот сейчас составим акт и увидим, какая ты есть ворона — какой неимоверный убыток государству причинил.

Тут они начали составлять акт в присутствии милиции. Начали говорить цифры. Подсчитывать. Прикидывать. И все такое.

Бедняга дворник только руками всплескивает и чуть не плачет — до того, видать, гражданско страдает человек, сочувствует государству и унижает себя за сонное состояние.

Заведующий говорит:

— Пишите: «Девять пудов рафинаду. Папирос — сто шестьдесят пачек. Дамские чулки — две дюжины. Восемь кругов колбасы...»

Он диктует, а дворник прямо подпрыгивает при каждой цифре.

Вдруг кассирша говорит:

— Из кассы, — запишите, — сперли боны на сто тридцать два рубли. Три чернильных карандаша и ножницы.

При этих словах дворник начал даже хрюкать и приседать — до того, видать, огорчился человек от громадных убытков.

Заведующий говорит милиции:

— Уберите этого дворника! Он только мешает своим хрюканьем.

Милиционер говорит:

— Слушай, дядя, уходи домой! Тебя попросят, когда надо будет.

В это время счетовод кричит из задней комнаты:

— У меня висело шелковое кашне на стене — теперь его нету. Прошу записать, — я потребую возместить понесенные мне убытки.

Дворник вдруг говорит:

— Ах он подлец! Я не брал у него кашне. И восемь кругов колбасы — это прямо издевательство! Взято два круга колбасы.

Тут наступила в магазине отчаянная тишина. Дворник говорит:

— Пес с вами! Сознаюсь. Я своровал. Но я сравнительно честный человек. И меня, может быть, возмущает такое составление акта. Я не дозволю лишнее приписывать.

Милиционер говорит:

— Как же это так? Значит, дядя, выходит, что это ты проник в магазин?

Дворник говорит:

— Я проник. Но я не трогал эти боны, и ножницы, и это сволочное кашне. Я, — говорит, — взял, если хотите знать, полмешка сахару, дамские чулки — одну дюжину и два круга колбасы. И я, — говорит, — не дозволю иметь такое жульничество под моим флагом. Я стою на страже государственных интересов. И меня как советского человека возмущает, что тут делается, — какая идет нахальная приписка под мою руку.

Заведующий говорит:

— Конечно, мы можем ошибиться. Но мы проверим. Я очень рад, если меньше украли. Сейчас мы все это прикинем на весы.

Кассирша говорит:

— Пардон, боны завалились в угол. Боны не взяты. Но ножниц нету.

Дворник говорит:

— Ах, я ей плюну сейчас в ее бесстыжие глаза! Я не брал у нее ножней. А ну, ищи лучше, куриная нога! Или я тебя сейчас из кассы выну.

Кассирша говорит:

— Ах, верно, ножницы нашлись. Они у меня за кассу завалились. И там лежат.

Счетовод говорит:

— Кашне тоже найдено. Оно у меня в боковом кармане заболталось.

Заведующий говорит:

— Вот что, перепишите акт. Сахару действительно не хватает полмешка.

Дворник говорит:

— Считай, холера, колбасу. Или я за себя не отвечаю. У меня, если на то пошло, есть свидетельница — тетя Нюша.

Вскоре подсчитали товар. Оказалось, украли все, как сказал дворник.

Его взяли под микитки и увели в отделение.

И его тетю Нюшу тоже задержали. У ней эти продукты были спрятаны.

Так что, как видите, — тут сперли на копейку, а навернули на тысячу. И в этом видна, так сказать, игра коварной фантазии и кое-какая философская мысль.

А без этого, говорят, сейчас никак нельзя. Без этого только дурак ворует. И вскоре попадается.

Так что в этом деле хитрость и коварство вступили в свои права. И даже в другой раз братья Кант и Ницше кажутся прямо щенками против современной мысли.

ГРУСТНЫЕ ГЛАЗА

Мне нравятся веселые люди. Нравятся сияющие глаза, звонкий смех, громкий говор. Крики.

Мне нравятся румяные девушки с коньками в руках. Или такие, знаете, в майках, в спортивных туфельках, прыгающие вверх и вниз.

Я не люблю эту самую поэзию, где грусть и печаль, и разные вздохи, и разные тому подобные меланхолические восклицания вроде: эх, ну, чу, боже мой, ох, фу ты и так далее.

Мне даже, знаете, смешно делается, когда хвалят чего-нибудь грустное или, например, говорят при виде какой-нибудь особы:

— Ах, у нее, знаете, такие прекрасные грустные глаза. И такое печальное поэтическое личико.

Я при этом думаю: «За что ж тут хвалить? Напротив, надо сочувствовать и надо вести названную особу на медицинский пункт, чтоб выяснить, какие болезни подтачивают ее нежный организм и почему у нее сделались печальные глаза».

Нет, у людей бывает очень странный взгляд на вещи. Восхищаться грустными вещами. Восторгаться печальными фактами. Прямо даже не понять, как это бывает.

Вот прежние интеллигенты и вообще, знаете, старая Россия как раз особенно имела такой восторг ко всему печальному. И находила чего-то в этом возвышенное.

Как у Пушкина сказано. Не помню только, как там строчки расположены. Нынешняя поэзия меня в этом смысле окончательно сбила с панталыку. Одним словом, сказано:

От ямщика
До
Первого поэта
Мы
Все
Поем
уныло...
...Печалию согрета
Гармония
И
Наших
Дев
И муз.

Очень жаль. И гордиться, так сказать, этим не приходится. Нынче мы желаем развенчать эту грусть. Мы желаем, так сказать, скинуть ее с возвышенного пьедестала.

А как-то, знаете, однажды зашел ко мне в гости мой приятель. Ну, мы с ним на «ты». Вообще, со школьной скамьи. Делимся новостями. И друг у друга в долг занимаем.

Вот он приходит ко мне и говорит, что он влюбился в одну особу до потери сознания и вскоре на ней женится.

И тут же начинает расхваливать предмет своей любви.

— Такая, — говорит, — она у меня красавица, такие у нее грустные глазки, что я и в жизни никогда таких не видывал. И эти, — говорит, —

глазки такой, как бы сказать, колорит дают, что из хорошенькой она делается премированная красавица. Личико у нее нельзя сказать, что интересное, и носик немножко подгулял, и бровки какие-то странные — очень косматые, но зато ее грустные глаза с избытком прикрывают все недостатки и делают ее из дурнушки ничего себе. Я, знаешь, — говорит, — ее и полюбил-то за эти самые глаза.

— Ну и дурак, — говорю я ему. — Вот и выходит, что ты форменный дурак. Прошляпился со своей женитьбой. Раз у нее грустные глаза, значит, у нее в организме чего-нибудь не в порядке — либо она истеричка, либо почками страдает, либо вообще чахоточная. Ты, — говорю, — возьми да порасспроси ее хорошенько. Или поведи к врачу, посоветуйся.

Ох, тут он очень возмутился, начал швыряться вещами, кричать и срамить меня за излишнюю склонность к грубому материализму.

— Я, — говорит, — жалею, что к тебе зашел. У меня такое было поэтическое настроение, а ты своими ручищами загрязнил мое чувство.

Стал он прощаться и уходить.

Я пытался ему рассказать, как я однажды встретил в Кисловодске одного носильщика с такими грустными глазами, что можно обалдеть. И при расспросе оказалось, что у него было ущемление грыжи. И теперь он должен бросить свою профессию.

Однако приятель не стал до конца слушать и, обидевшись еще сильней за нетактичные параллели и сравнения, холодно подал мне руку и при этом бормотал разные оскорбительные слова, — дескать, ты черта лысого понимаешь в поэзии. Сам прошляпил красоту в жизни.

Вот проходит что-то около полгода. Я позабываю эту историю. Но вдруг однажды встречаю своего приятеля на улице.

Он идет с расстроенным лицом и хочет не заметить меня.

Я подхожу к нему и спрашиваю, что случилось.

— Да так, — говорит, — разные неприятности. Ты мне накаркал — у жены, знаешь ли, легочный процесс открылся. Не знаю, теперь на юг мне ее везти или в санаторию положить.

Я говорю:

— Ну, ничего, поправится. Но, конечно, — говорю, — если поправится, то не будет иметь такие грустные глаза.

Он усмехнулся, махнул рукой — дескать, отвяжись — и пошел от меня.

И вот этой весной я встречаю его снова.

Он идет, подняв воротничок своего пальто. Вижу — морда у него расстроенная. Глаза блестят, но смотрят грустно и даже уныло.

— Вот, — говорит, — теперь сам, черт возьми, захворал туберкулезом. После гриппа. Конечно, может быть, и от жены заразился. Но вряд ли. Скорей всего от усталости захворал.

— А жена? — говорю.

Он говорит:

— Она поправилась. Только я с ней развелся. Мне нравятся поэтические особы, а она после поправки весь свой стиль потеряла. Ходит, поет, изменять начала на каждом шагу...

— А глаза? — говорю.

— А глаза, — говорит, — какие-то у ней буркалы стали, а не глаза. Никакой поэзии не осталось.

Тут я попрощался со своим приятелем и пошел по своим делам. И по дороге сочувственно поглядывал на тех прохожих, у кого грустные глаза.

С ЛУНЫ СВАЛИЛСЯ

1

За последние два года жизнь резко изменилась.

Главное, интересно отметить — почти прекратилось воровство.

Все стали какие-то положительные, степенные. Воруют мало. И взяток вовсе не берут.

Прямо, перо сатирика скоро, небось, заржавеет.

Конечно, насчет взяток дело обстоит сложней.

Взяток не берут, но деньги, в другой раз, получают. Тут в смысле перевоспитания публика туго поддается новым моральным течениям. При этом из боязни такого тумана напускают, что сразу и не поймешь, что к чему и почему.

Давеча на юге я столкнулся на этом фронте с одной хитростью. И вот желаю осветить это дело, чтоб другим неповадно было.

Одним словом, в одной гостинице хотели за номер содрать с меня въездные. Ну, другими словами — хотели взятку взять.

Конечно, раньше, несколько лет назад, на эту простенькую тему я бы написал примерно такой рассказец.

2

И вот, стало быть, еду я, братцы, на пароходе.

Ну, кругом, конечно, Черное море. Красота неземная. Скалы. Орлы, конечно, летают. Это все есть. Чего-чего, а это, конечно, есть.

И гляжу я на эту красоту и чувствую какое-то уважение к людям.

«Вот, — думаю, — человек — властитель жизни: хочет — он едет на пароходе, хочет — на орлов глядит, хочет — на берег сейчас сойдет и в гостинице расположится».

И так оно как-то радостно на душе.

Только, конечно, одна мысль не дозволяет радоваться. Где бы мне, думаю, по приезде хотя бы паршивенький номеришко достать.

И вот плыву я грустный на пароходе, а капитан мне и говорит:

— Прямо, — говорит, — милый человек, мне на вас жалостно глядеть. Ну куда вы едете? Ну на что вы рассчитываете? Что вы, с луны свалились?

— А что? — говорю.

— Да нет, — говорит. — Но только как же это так? Что вы — ребенок? Ну где вы остановитесь? Чего вы поехали? Я даже согласен назад теплоход повернуть — только чтоб вам туда не ехать.

— А что, — говорю, — помилуйте?

— Как что? Да разве у вас есть знакомства — номер получить, или, может быть, у вас портье — молочный брат? Я, — говорит, — прямо удивляюсь на вас.

— Ну, — говорю, — как-нибудь. Я, — говорю, — знаю одно такое петушиное слово, супротив которого в гостинице не устоят.

Капитан говорит:

— А ну вас к черту! Мое дело — предупредить. А вы там как хотите. Хоть с корабля вниз сигайте.

И вот, значит, приезжаю.

В руках у меня два места. Одно место — обыкновенная советская корзинка, на какую глядеть мало интереса. Зато другое место — очень такой великолепный фибровый, или, вернее, фанерный, чемодан.

Корзинку я оставляю у газетчика, выворачиваю наизнанку свое резиновое международное пальто с клетчатой подкладкой и сам в таком виде со своим экспортным чемоданом вламываюсь в гостиницу.

Швейцар говорит:

— Напрасно будете заходить — номерей нету.

Я подхожу до портье и говорю ему ломаным языком:

— Ейн шамбер-циммер, — говорю, — яволь?

Портье говорит:

— Батюшки-светы, никак иностранец к нам приперся.

И сам отвечает тоже ломаным языком:

— Яволь, яволь. Она, шамбер-циммер, безусловно, яволь. Битте-дритте сию минуту. Сейчас выберу номер какой получше и где поменьше клопов.

Я стою в надменной позе, а у самого поджилки трясутся. Портье, любитель поговорить на иностранном языке, спрашивает:

— Пардон, — говорит, — господин, извиняюсь. Ву зет Германия, одер, может быть, что-нибудь другое?..

«Черт побери, — думаю, — а вдруг он, холера, по-немецки кумекает?»

— Но, — говорю, — их бин ейне шамбер-циммер Испания. Компрене? Испания. Падеспань. Камарилья.

Ох, тут портье совершенно обезумел.

— Батюшки-светы, — говорит, — никак к нам испанца занесло. Сию минуту, — говорит. — Как же, как же, — говорит, — знаю, слышал — Испания, падеспань, эспаньолка...

И у самого, видать, руки трясутся. И у меня трясутся. И у него трясутся. И так мы оба разговариваем и трясемся. Я говорю ломаным испанским языком:

— Яволь, — говорю, — битте-цурбитте. Несите, — говорю, — поскорей чемодан в мою номерулю. А после, — говорю, — мы поговорим, разберемся, что к чему.

— Яволь, яволь, — отвечает портье, — не беспокойтесь.

А у самого, видать, коммерческая линия перевешивает.

— Платить-то как, — говорит, — будете? Инвалют одер все-таки неужели нашими?

И сам делает из своих пальцев знаки, понятные приезжим иностранцам, — нолики и единицы. Я говорю:

— Это я как раз не понимает. Неси, — говорю, — холера, чемодан поскорее.

Мне бы, думаю, только номер занять, а там пущай из меня лепешку делают.

Вот хватает он мой чемодан. И от старательности до того энергично хватает, что чемодан мой при плохом замке раскрывается.

Раскрывается мой чемодан, и, конечно, оттуда вываливается, прямо скажем, разная дрянь. Ну там, бельишко залатанное, полукальсоны, мыльце «Кил» и прочая отечественная чертовщина.

Портье поглядел на это имущество, побледнел и сразу все понял.

— А нуте, — говорит, — подлец, покажи документ.

Я говорю:

— Не понимает. А если, — говорю, — номерей нету, я уйду.

Портье говорит швейцару:

— Видали? Эта дрянь пыталась пройти под флагом иностранца.

Я собираю поскорей свое имущество и ходу. А в другой гостинице все же номер получил — под это же самое плюс пятьдесят рублей.

3

Вот, примерно, в таком легком виде года три-четыре назад сочинил бы я рассказ на эту тему.

Ну конечно, молодость. Беспечность в мыслях. Пустяковый взгляд на вещи.

А нынче как-то оно не то. Нынче охота быть поближе к правде. Неохота преувеличивать, выдумывать и кувыркаться. Неохота сочинять разные там побасенки и фарсы с переодеванием.

Одним словом, желательно быть поправдивей и желательно говорить без всякого вранья.

И рассказ на эту тему, вернее, истинное происшествие, без прикрас и без одного слова выдумки, рисуется нам уже в таком академическом виде.

Прямо с парохода я отправился в гостиницу. Портье, криво усмехаясь, говорит скорее в пространство, чем мне:

— Нет, знаете, я прямо удивляюсь на современную публику. Как пароход приходит, так все непременно к нам. Как нарочно. Как будто у нас тут для них номера заготовлены. Что вы, с луны упали? Не понимаете ситуации.

Я хочу уйти, а швейцар, тихонько вздыхая, говорит мне:

— Да уже, знаете... Прямо беда с этими номерами. Нигде нет номеров. У нас-то, конечно, нашлось бы, но... Да вы поговорите хорошенько с портье...

— Черт возьми, — говорю, — вы это про что?

Портье со своей конторки говорит швейцару через мою голову:

— Я удивляюсь на вас, Федор Михайлович. Где же у нас свободные номера? С чего вы взяли? Да, есть один номер, но он, вы же знаете, без ключа. Если хочет — пущай берет.

Я говорю:

— Хотя бы дайте без ключа.

— Ах, вам без ключа, — говорит портье, — берите. Только у нас кражи. Воруют. Упрут портьеры, а вам за них отвечать.

Я говорю:

— В крайнем случае я из номера не буду выходить. Только допустите. А то меня на море закачало — еле стою.

— Берите, — говорит портье, — только предупреждаю: у нас ключ потерян, а номер заперт. А вы, наверное, думали наоборот — номер не заперт, а ключ потерян.

— Помилуйте, — говорю, — на что же мне такой номер, в который не войти...

— Не знаю, — говорит портье, — как хотите.

Швейцар подходит ко мне и говорит:

— Я бы мог дать совет.

Даю ему трешку.

— Мерси, — говорит. — Если хотите, я сбегаю во двор. У нас там работает наш слесарь. Он может отмычкой открыть ваш номер.

Вот приходит слесарь.

— Да, — говорит, — конечно, об чем речь, еще бы. Ясно. Дверь открыть — делов на копейку, но мне, — говорит, — мало расчета подниматься в верхние этажи. Я, — говорит, — каждый час своего времени буквально на валюту считаю.

Даю слесарю пять рублей.

Он открывает отмычкой дверь и дружелюбным тоном говорит:

— Да, конечно. Еще бы. Ясно. Без ключа мало интереса жить. Все-таки вам, наверное, захотится покушать или куда-нибудь выйти попить водички, — а тут сиди как болван.

— Да уж, — говорю, — прямо хоть человека нанимай.

— Ну, это, — говорит, — вам влетит в копеечку, а вот рублей бы за восемь я бы вам схлопотал какой-нибудь ключишко из старья.

И вот ключ подобран. Я лежу на кровати, как фон-барон. Я слушаю патефон из соседнего номера — пенье господина Вертинского. Я гуляю и хожу туда и сюда. И со своим ключом чувствую себя на одном уровне с соседями. Вечером иду на прогулку, а портье мне говорит:

— Знаете, мы вам с этим ключом заморочили голову. Мы думали, он потерян, а он висит на другом гвозде.

— Здорово, — говорю, — номер стоит пять рублей, а накладных расходов — шестнадцать.

— То есть, — говорит, — как шестнадцать, а не восемь?

— Нет, — говорю, — шестнадцать. Швейцару — три, слесарю — пять, да за ключ — восемь.

— За какой ключ?

— Да, — говорю, — слесарь мне подобрал.

— Позвольте, — говорит, — да он, подлец, не продал ли вам наш ключ? Ну да, — говорит, — так и есть. Вот он тут висел, а сейчас нету. Ну, погодите, я ему...

— Тут у вас, — говорю, — кажется, шайка-лейка...

Портье начал чего-то врать и бормотать про небольшие заработки, после махнул рукой и отвернулся поговорить с вновь приезжим.

И я слышал, как он сказал:

— Да, есть один номерок, но без ключа.

Вскоре я уехал из этой гостиницы.

Между прочим, думал, что и с железнодорожными билетами будет такая же волынка и такие же накладные расходы, но оказалось — ничего подобного. Билет я получил по знакомству и заплатил за него именно столько, сколько он стоил по казенной цене. Так что я вернулся с юга в душевном равновесии.

ЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ

Иду я раз однажды по улице и вдруг замечаю, что на меня женщины не смотрят.

Бывало, раньше выйдешь на улицу этаким, как говорится, кандебобером, а на тебя смотрят, посылают воздушные взгляды, сочувственные улыбки, смешки и ужимки.

А тут вдруг вижу — ничего подобного!

Вот это, думаю, жалко! Все-таки, думаю, женщина играет некоторую роль в личной жизни.

Один буржуазный экономист или, кажется, химик высказал оригинальную мысль, будто не только личная жизнь, а все, чего мы ни делаем, мы делаем для женщин. И стало быть, борьба, слава, богатство, почести, обмен квартиры и покупка пальто и так далее и тому подобное — все это делается ради женщины.

Ну, это он, конечно, перехватил, собака, заврался на потеху буржуазии, но что касается личной жизни, то я с этим всецело согласен.

Я согласен, что женщина играет некоторую роль в личной жизни.

Все-таки, бывало, в кино пойдешь, не так обидно глядеть худую картину. Ну там, ручку пожмешь, разные дурацкие слова говоришь, — все это скрашивает современное искусство и бедность личной жизни.

Так вот, каково же мое самочувствие, когда раз однажды я вижу, что женщины на меня не смотрят!

Что, думаю, за черт? Почему на меня бабы не глядят? С чего бы это? Чего им надо?

Вот я прихожу домой и поскорей гляжусь в зеркало. Там, вижу, вырисовывается потрепанная морда. И тусклый взор. И краска не играет на щеках.

«Ага, теперь понятно! — говорю я сам себе. — Надо усилить питание. Надо наполнить кровью свою поблекшую оболочку».

И вот я в спешном порядке покупаю разные продукты.

Я покупаю масло и колбасу. Я покупаю какао и так далее.

Все это ем, пью и жру прямо безостановочно. И в короткое время возвращаю себе неслыханно свежий, неутомленный вид.

И в таком виде фланирую по улицам. Однако замечаю, что дамы по-прежнему на меня не смотрят.

«Ага, — говорю я сам себе, — может быть, у меня выработалась дрянная походка? Может быть, мне не хватает гимнастических упражнений, висения на кольцах, прыжков? Может, мне недостает крупных мускулов, на которые имеют обыкновение любоваться дамы?»

Я покупаю тогда висячую трапецию. Покупаю кольца и гири и какую-то особенную рюху.

Я вращаюсь, как сукин сын, на всех этих кольцах и аппаратах. Я верчу по утрам рюху. Я бесплатно колю дрова соседям.

Я, наконец, записываюсь в спортивный кружок. Катаюсь на лодках и на лодчонках. Купаюсь до ноября. При этом чуть не тону однажды. Я ныряю сдуру на глубоком месте, но, не достав дна, начинаю пускать пузыри, не умея прилично плавать.

Я полгода убиваю на всю эту канитель. Я подвергаю жизнь опасности. Я дважды разбиваю себе башку при падении с трапеции.

Я мужественно сношу все это и в один прекрасный день, загорелый и окрепший, как пружина, выхожу на улицу, чтобы встретить позабытую женскую одобрительную улыбку.

Но этой улыбки опять не нахожу.

Тогда я начинаю спать при открытом окне. Свежий воздух внедряется в мои легкие. Краска начинает играть на моих щеках. Морда моя розовеет и краснеет. И принимает даже почему-то лиловый оттенок.

Со своей лиловой мордой я иду однажды в театр. И в театре как ненормальный кручусь вокруг женского состава, вызывая нарекания и грубые намеки со стороны мужчин и даже толкание и пихание в грудь. И в результате вижу две-три жалкие улыбки, каковые меня мало устраивают.

Там же, в театре, я подхожу к большому зеркалу и любуюсь на свою окрепшую фигуру и на грудь, которая дает теперь с напружкой семьдесят пять сантиметров.

Я сгибаю руки, и выпрямляю стан, и расставляю ноги то так, то так.

И искренне удивляюсь той привередливости, того фигурянья со стороны женщин, которые либо с жиру бесятся, либо пес их знает, чего им надо.

Я любуюсь в это большое зеркало и вдруг замечаю, что я одет неважно. Я прямо скажу — худо и даже безобразно одет. Прекороткие штаны с пузырьками на коленях приводят меня в ужас и даже в содрогание.

Но я буквально остолбеваю, когда гляжу на свои нижние конечности, описанию которых не место в художественной литературе.

«Ах, теперь понятно! — говорю я сам себе. — Вот что сокрушает мою личную жизнь — я плохо одеваюсь».

И, подавленный, на скрюченных ногах, я возвращаюсь домой, давая себе слово переменить одежду.

И вот в спешном порядке я строю себе новый гардероб. Я шью по последней моде новый пиджак из лиловой портьеры. И покупаю себе брюки «Оксфорд», сшитые из двух галифе.

Я хожу в этом костюме, как в воздушном шаре, огорчаясь подобной моде.

Я покупаю себе пальто на рынке с такими широкими плечами, которых вообще не бывает на нашей планете.

И в выходной день однажды в таком наряде выхожу на Тверской бульвар.

Я выхожу на Тверской бульвар и выступаю, как дрессированный верблюд. Я хожу туда и сюда, вращаю плечами и делаю па ногами.

Женщины искоса поглядывают на меня со смешанным чувством удивления и страха.

Мужчины — те смотрят менее косо. Раздаются ихние замечания, грубые и некультурные замечания людей, не понимающих всей ситуации.

Там и сям слышу фразы:

— Эво какое чучело! Поглядите, как, подлец, нарядился! Как, — говорят, — ему не стыдно? Навернул на себя три километра материи.

Меня осыпают насмешками и хохочут надо мной.

Я иду, как сквозь строй, по бульвару, неясно на что-то надеясь.

И вдруг у памятника Пушкину я замечаю прилично одетую даму, которая смотрит на меня с бесконечной нежностью и даже лукавством.

Я улыбаюсь в ответ и три раза, играя ногами, обхожу памятник Пушкину. После чего присаживаюсь на скамеечку, что напротив.

Прилично одетая дама, с остатками поблекшей красоты, пристально смотрит на меня. Ее глаза любовно скользят по моей приличной фигуре и по лицу, на котором написано все хорошее.

Я наклоняю голову, повожу плечами и мысленно любуюсь стройной философской системой буржуазного экономиста о ценности женщин.

Я подмигиваю Пушкину: дескать, вот, мол, началось, Александр Сергеевич.

Я снова обращаюсь к даме, которая теперь, вижу, буквально следит немигающими глазами за каждым моим движением.

Тогда я начинаю почему-то пугаться этих немигающих глаз. Я и сам не рад успеху у этого существа. И уже хочу уйти. И уже хочу обогнуть памятник, чтобы сесть на трамвай и ехать куда глаза глядят, куда-нибудь на окраину, где нет такой немигающей публики.

Но вдруг эта приличная дама подходит ко мне и говорит:

— Извините, уважаемый... Очень, — говорит, — мне странно об этом говорить, но вот именно такое пальто украли у моего мужа. Не откажите в любезности показать подкладку.

«Ну да, конечно, — думаю, — неудобно же ей начать знакомство с бухты-барахты».

Я распахиваю свое пальто и при этом делаю максимальную грудь с напружкой.

Оглядев подкладку, дама поднимает истошный визг и крики. Ну да, конечно, это ее пальто! Краденое пальто, которое теперь этот прохвост, то есть я, носит на своих плечах.

Ее стенания режут мне уши. Я готов провалиться сквозь землю в новых брюках и в своем пальто.

Мы идем в милицию, где составляют протокол. Мне задают вопросы, и я правдиво на них отвечаю.

А когда меня, между прочим, спрашивают, сколько мне лет, я называю цифру и вдруг от этой почти трехзначной цифры прихожу в содрогание.

«Ах, вот отчего на меня не смотрят! — говорю я сам себе. — Я попросту постарел. А я было хотел свалить на гардероб недостатки своей личной жизни».

Я отдаю краденое пальто, купленное на рынке, и налегке, со смятенным сердцем, выхожу на улицу.

«Ну ладно, обойдусь! — говорю я сам себе. — Моя личная жизнь будет труд. Я буду работать. Я принесу людям пользу. Не только света в окне, что женщина».

Я начинаю издеваться над словами буржуазного ученого.

«Это брехня! — говорю я себе. — Это досужие выдумки! Типичный западный вздор!»

Я хохочу. Плюю направо и налево. И отворачиваю лицо от проходящих женщин.

Но вот что интересно — этот небольшой случай произошел со мной года два назад.

И хотя за эти два года я, казалось бы, еще больше постарел, но тем не менее этим летом я познакомился с одной особой, и она, представьте себе, мною сильно увлеклась. И главное, смешная подробность: я в это лето одевался, как нарочно, исключительно худо. Ходил черт знает в каких штанах и в дырявых спортивных туфлях.

И вот тем не менее это на любовь не повлияло. И я через это счастлив и доволен, и даже мы вскоре женимся по взаимной любви.

Театр

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

(Комедия в одном действии

Действующие лица:

Горбушкин, заведующий кооперативом.

Жена Горбушкина.

Брат жены.

Бананов, перекупщик.

Сосед.

Неизвестный.

Красноармеец.

Ломовик.

Квартира Горбушкина. Стол. Картины на стене. Висячая лампа под шелковым абажуром. Горбушкин с женой сидят за самоваром. Горбушкин просматривает газету.

Горбушкин *(читая)*. Ого... Эва как... Фу ты, фу ты... Ишь ты, как...

Жена. Ну, чего еще?

Горбушкин *(читает)*. Фу ты, фу ты... Ого, ого, ого... Ух ты, ух ты, ух ты.

Жена. Да говори ты толком — чего еще?

Горбушкин *(читает)*. Ух ты... ух ты... М-да... Вот так да... Угу.

Жена. Ну, мне буквально дурно делается от твоего мычанья... Ну?

Горбушкин. Вот и ну — высшая мера наказания за расхищение народного имущества.

Жена. А ты-то при чем? Ты-то чего крякаешь?

Горбушкин. А я разве сказал, что я при чем? Дура какая. Вообще говорю: за расхищение — высшая мера.

Жена. А чего ты расхищаешь-то? Подумаешь! Раз в год какое-нибудь гнилье принесет и после этого газеты читать не может — ему высшая мера снится.

Горбушкин. Я вообще говорю. Вот, мол, говорю, вышел революционный декрет.

Жена. Декрет! Другие заведующие несут, несут, несут — ставить некуда.

Горбушкин. А я не несу — я, по-вашему, розы нюхаю? Дура какая. А это что? А это чего? А на тебе чего? *(Глядит в газету.)* Ух ты, ух ты, ух ты...

Жена. Немного домой принес — в этом пороку нету. Другие на сторону продают и то без криков газеты читают...

Горбушкин. А сахар? Сахар-то я на сторону продал? *(Опять смотрит в газету.)* Ух ты, ух ты, ух ты.

В передней звонок. Разговор.

Жена. К нам кто-то пришедши.

Горбушкин. Кто ж это приперся с утра пораньше? Уж не братец ли ваш, подлец? *(Прячет сыр.)*

Жена. Братец попозже собирался.

Горбушкин. Ах, да это Бананов. Он мне деньги принес... за сахар... Ух ты, ух ты, ух ты.

Жена *(роняет вилку)*. Нет, не он. Вилка упавши. Должно быть, дама сейчас явится — я в эту примету глубоко верю.

Входит красноармеец. Жена Горбушкина ахает. Горбушкин, наливая чай, забывает закрыть кран самовара. Паника и замешательство.

Красноармеец. Извините, граждане. Не пужайтесь... Я от следователя послан... Гражданин Горбушкин... который тут?

Горбушкин показывает рукой на жену. Жена показывает на мужа. Замешательство.

Жена. Вот они... Они — Горбушкин.

Красноармеец. Тогда будьте любезны, пойдемте со мной. Только следователь велел спешно. Вот повестка.

Жена. Следователь?!

Горбушкин. Ух ты, ух ты, ух ты. *(Дрожащими руками берет повестку, читает.)* Бре... бре... кру... Не могу глядеть — буквы прыгают... Бре... бре... кру. П... п... п... по... делу... по делу...

Жена. По делу?!

Горбушкин. Вот я тебе говорил... я тебе говорил. А ты не верила... *(Смотрит на газету.)* Ух ты, ух ты... *(Мечется по комнате.)*

Красноармеец. Велели к десяти.

Горбушкин *(торопливо одевается, сует руку не в тот рукав)*. Ух ты, ух ты...

Жена. Возьмите хотя немного несъеденных продуктов. Кулек-то захватите.

Горбушкин *(застегивает пальто — верхнюю пуговицу на нижнюю петлю)*. Я г... г... готов... Ведите меня, товарищ.

Идут к выходу.

Жена *(одна)*. Что ж это, батюшки-светы!.. *(Мечется по комнате, вытаскивает сверток из-за картины, опять прячет.)* Куда ж это я теперича дену?

Телефонный звонок.

Где ж это опять звонят?.. Ах да... Але... я... але... Это, братец, вы стоите у телефона? Гришу-то, это самое, понимаете... Да нет, хуже... Ну да, да... Только сейчас. Не знаю. Ничего не знаю. Только скорей являйтесь. *(Снова берет сверток из-за картины.)* Ну куда ж это мне деть? *(Убегает.)*

Входит перекупщик Бананов с деньгами в руках.

Бананов. Эва, собака, как роскошно живет. А плачется, ворюга. Деньги

ему — вынь и положь. Сам, небось, хапнул сахар, а мне за него плати. Обидно. *(Кашляет.)* И ждать заставляет по полчаса. *(Присаживается на стул.)* Продуктов-то, продуктов-то насыпано! Мать честная! Небось, трескает без устали... А мне деньги носи. *(Подходит к столу. Кушает, осторожно озираясь.)* И таким иродам письма пишут. *(Читает брошенную повестку.)* «Срочно. Гражданину Горбушкину... Прошу вас явиться для дачи свидетельского показания по делу Щукина. Следователь Кемин». Скажите, пожалуйста, такого арапа еще в свидетели вызывают... А я ему зря ходи... Пущай тогда сам приходит. *(Идет к выходу. Возвращается.)* Продуктов-то! *(Снова ест, снова идет к выходу и опять возвращается, намазывает хлеб маслом. Запихивает в рот.)*

Входит жена Горбушкина со свертком в руках.

Жена *(испуганно)*. Ах!.. Это кто? Кто это?!

Бананов *(жуя бутерброд)*. Кхм... кхм...

Жена. Кто это? Я кричать буду.

Бананов *(прожевывая)*. Кхм... Извиняюсь... Это самое... сейчас скажу... Комок в горле застрял...

Жена. Что вам надо?

Бананов. Извиняюсь. Комок в горле — нервная спазма схватила... Я к Григорию Иванычу — Бананов... Но поскольку Григорий Иваныч...

Жена. Ах, вы знаете... Да, да... арестован Григорий Иваныч.

Бананов. А-арес-тован... Как арестован?.. Ну... Я уж пойду тогда... Я думал совсем напротив. Я думал по делу... свидетель... Ох ты черт...

Жена. И что теперича делать — ума не приложу...

Бананов. Да, это у них бывает... Сначала, знаете, свидетель, а после и не свидетель... Это часто бывает... Ну, я пойду, пойду. Ох ты черт... *(Поспешно уходит.)*

Жена *(Ставит стул на стол. Прячет сверток на лампу)*. Сюда, что ли, деть...

Входит сосед.

Сосед. Кхм, кхм...

Жена. Ктой-то? Кто это?

Сосед. Да что вы, Анна Васильевна, пужаетесь. Соседа уж своего узнавать перестали?

Жена. Ах, это вы... извиняюсь.

Сосед. Куда ж это вы, я извиняюсь, на потолок полезли?

Жена. Да это я так... Поглядеть — чего там делается... Паутина...

Сосед. Да, от таких делов полезешь... Вижу — ведут вашего супруга. Дай, думаю, зайду — успокою даму. Обыска-то еще не было?

Жена *(встревоженно)*. Обыска? Нет, не было.

Сосед. Ну, тогда будет.

Жена. Батюшки мои, неужели же будет?

Сосед. А как же, Щукина помните? Ну, который проворовался. Обыск и, говорят, полная конфискация имущества.

Жена. Полная конфискация?!

Сосед. Да вы оставьте беспокоиться. Я же специально пришел вас успокоить. Дама вы, так сказать, в цветущем возрасте... Можете еще нравиться. На вас, пожалуй, еще жениться могут. Мало ли чего бывает...

Входит брат жены.

Брат *(торопливо)*. Ну чего? Ну? По какому делу? *(К соседу.)* А этот еще чего?

Жена. Это сосед наш.

Сосед. Решил маленько успокоить даму. Вижу — повели голубчика. Ну, думаю, дама теперь чересчур встревожена... Пойду, думаю, успокою.

Брат *(к сестре)*. Дело-то какое, я говорю?

Жена. И сама, братец, не знаю.

Брат. Ну, бросьте свои дамские штучки. «Не знаю!» Ну, припомните, чего у него было.

Жена. И прямо, братец, сама теряюсь. Было. Конечно, было. Сахар и туалетное мыло... Наверное, конечно... мало ли...

Брат. Это плохо. Это тогда плохо. Тогда надо чего-нибудь спешно сейчас придумывать.

Сосед. Это, я так понимаю, полная конфискация имущества может сейчас произойти.

Брат. Чего? Конфискация? Ну да, я же и говорю. Тут надо на полных парах гнать. Сейчас же кругом все имущество продавайте. *(Тянет коврик, на котором стоят сосед и сестра. Свертывает.)*

Жена. Неужели же, братец, кругом все имущество продавать?

Сосед. Тут, я так понимаю, вам надо подчистую все продавать. Рафинад, для примеру, я себе возьму.

Брат. Сахар в продажу не поступает. Я на себя сахар беру. *(Подходит к телефону.)* Але. Семьсот шестнадцать — тридцать два.

Сосед. Тогда, может, из текстильного товару?

Брат *(сестре)*. Нюша, покажите им быстро пальто и костюмы. Им костюмы в аккурат будут. Только быстро у меня. Быстро!

Горбушкина показывает костюмы.

Сосед *(рассматривает на свет)*. Костюмы — это, конечно, мало интересу.

Хотелось бы чего-нибудь такое более вечное... Сколько за это сильно поношенное тряпье на круг хотите?

Брат *(в телефон)*. Але. Федор Палыч? Да, это я... Чего? Именно так. Кругом все продается. Полная спешная распродажа. Ну да, разная обстановка. Да, и шкапы. И картины, и картины. Чего? Чьих кистей? Каких кистей? Кистей? Кистей, кажись, нет. *(Смотрит на картину.)* Нету, картина без кистей. Ну, обыкновенная рама, и кистей, знаете, нету. Чего? А, это. *(К сестре.)* Он говорит: какие-то кисти.

Жена *(сердито)*. Какие кисти? Нет у меня кистей.

Брат. Але. Кистей у вдовы нету. Чего? Ах, это. А-а. (К сестре.) Он говорит: чьих кистей? Ну, какие мастера?

Жена. Да какие кисти? Без кистей!

Сосед. Нет, это так прежние буржуазные классы гуманно выражались: чьи кисти. Кто, одним словом, картины красил? Смех, ей-богу.

Жена. А пес их знает, кто их красил.

Брат. Фамильи. Он фамильи спрашивает. Только быстро отвечайте.

Жена. Ай, я не могу про это думать... Этот, как его, на «ой» фамилия. Или, погоди, на «ух»...

Сосед. Ахов? Чехов?

Брат *(в телефон)*. На «ух» фамилия начинается.

Жена. Или, погоди, — на «ай».

Брат. На «ай» начинается. Айвазовский? Ну да, этот, Айвазовский. Одним словом, на одной картине чудная сухая березовая роща — метров сорок сухих березовых дров, а на другой, извиняюсь, простая вода. За рощу не меньше трехсот, а за воду — сговоримся. Значит, ждем вас, Федор Палыч.

Сосед. Ну, я забираю этот товар, Анна Васильевна. А насчет супруга вы оставьте беспокоиться. Я на это так завсегда гляжу. Меня, например, лично это никогда не пугает. Только бы, думаю, не высшую меру. Высшую меру я действительно с трудом переношу, а остальное как-нибудь утрясется.

Брат. Деньги-то он, бродяга, уплатил? Чего он вам зубы заговаривает?

Сосед. Уплатил, уплатил. Не сомневайтесь. *(Уходит.)*

Брат. Давайте сюда деньги-то. Чего вам в руках держать-то.

Жена. Да ничего... Я бы подержала.

Брат. Тут надо, для примеру, очень все спешно провернуть. Тут надо — полная быстрота. Сейчас этот мебель возьмет. Этот — шкапы. Этот пущай — костюмы. Я тоже чего-нибудь возьму. Уж не оставлю вас по мере возможности. Помогу, чем могу.

Жена. Да уж спасибо, братец. Только как же это так? Ну, это прямо имущество на глазах уплывает.

Брат. А вы, сестра, не можете много понимать. Человек засыпавшись по такому важному делу. Неисчислимые убытки, может быть, государству нанесены. Тут нам с вами одной минуты зевать нельзя. Тут надо совершенно ударно провернуть. А которые придут — у вас и нет ничего. Жена в полной нищете на койке сидит... Да вы одеты-то как! Одеты-то вы как? Накрутили на себя, ну, ровно верблюд. А ну, оденьте темненькое платье победней. Остальное все продавайте... Куда вы сверток-то тычете, давайте его сюда.

Жена уходит. Входит, потирая руки Неизвестный (перекупщик мебели).

Брат. Федор Палыч! Очень приятно и все такое. Пожалуйста, глядите мебель. Только просьба поскорее.

Неизвестный. Так. Это можно купить... Так. Картины. *(Рассматривает через кулак.)* Можно... Сколько за этот хлам хотите?

Брат. Там еще чудная дамская спальня.

Неизвестный *(смотрит, открыв дверь)*. Можно. Это тоже можно. Сколько на круг за весь этот лом? Три возьмите.

Жена *(входит в тряпье)*. Ох-ох, три. Он дешево покупает, только домой не носит. Три!

Неизвестный. Ну, тогда четыре дам, и разговор кончен. *(Снимает картины. Ставит стулья на стол.)*

Брат. Соглашайтесь, сестра, соглашайтесь. Нам тут каждая минута дорога. Пишите ему расписку.

Жена. Батюшки мои! Да что ж это получается?! Да как же это так?! *(Пишет расписку, берет деньги.)*

Неизвестный. Тогда я лошадь сейчас пришлю. *(Уходит.)*

Брат. Только лошадь-то поскорей засылайте...

Брат. Тут, сестра, главное — быстрота. Вы мой характер знаете — я в панику не вхожу. Но дело делать — я понимаю. Тут надо провернуть в ударных темпах.

Жена. Да, я понимаю, конечно. Я вхожу в ваше положение. Но только мне имущества жалко. Это что же, мне теперича в своей квартире и сесть не на что будет?

Брат. Ах, да. А квартера? Квартеру-то ведь вы купили за десять тысяч. Тут надо сейчас и квартеру провернуть. *(Звонит по телефону.)* Але, три ноля — пятнадцать. Але. Я, я. Квартера — две комнаты. У застройщика. *(К сестре.)* Да не хватайтесь вы за меня руками. *(В телефон.)* Нет, мебель, к сожалению, уже продана. И костюмы проданы. Нет, это все продано. Вдова все продала. Тогда заходите насчет квартерки.

Входит сосед в новом широченном костюме.

Сосед. Пугаюсь я, что костюмчик на мне несколько широковато сидит. А?

Брат. Обыкновенно сидит.

Жена. Очень миленько на них сидит.

Сосед. Нет, чувствую, что широко.

Брат. Откуда же широко? *(Руками сзади зажимает костюм.)* Оно даже как бы скорей узко на вас.

Сосед *(чуть не плача)*. Где же, помилуйте, узко.

Брат. Известно, узко. Даже грудью дышать не можете.

Жена. Очень на них миленько сидит.

Сосед. Нет, знаете, чего-то не то. И плечо режет. Нет, узко мне. Чувствую, что узко.

Брат. Ну, знаете, вы фигуряете. Вы же только что говорили — широко.

Сосед. Разве я говорил — широко? Нет, я говорил — узко. Именно говорил — узко. Дышать трудно.

Брат. Ну, знаете, вас не поймешь. *(Отпускает пиджак.)* Где же узко, когда материя ложится свободными складками. Скорей уж широко.

Сосед. Или широко. Пес его знает. Ей-богу, широко.

Брат. И прямо никакой широты не наблюдается. Эвон как фигурку облепляет. Вы прямо не знаете, чего хотите.

Жена. Они сами не понимают, чего они хочут.

Сосед *(чуть не плачет)*. Тогда я колпак еще возьму. Как бы в премию. Меня такие колпаки немножко интересуют.

Брат. Берите колпак. Только быстро, быстро. На носках, прямо, ходите.

Сосед влезает на стол и отвязывает колпак.

Жена. Да что ж это на моих глазах делается? Куда ж ты, сатана, на стол-то вперся?!

Сосед. Извиняюсь. *(Уходит с колпаком, на ходу захватывая с собой пару стульев.)*

Брат. Стулья-то на место положьте. Мебель вся продана.

Сосед. Извиняюсь.

Брат. Этажерка тоже продана. Не хватайтесь за предметы руками. Кругом все продано. Квартерка только осталась.

Сосед. Квартерку я бы принял, ежели бы в рассрочку. Вашей квартеркой я завсегда не перестаю любоваться.

Жена. Братцы-батюшки! Что ж это такое?! А я-то, для примеру, где же буду находиться?

Брат. Ах, черт! Это верно. Где ж вдова-то находиться будет?

Сосед. Да в крайности ей угол уступить можно.

Брат. Пишите расписку. Или дайте я напишу. Вы только подпишитесь. Не цепляйтесь за меня руками.

Сосед уходит с колпаком и распиской.

Брат. Ну, теперича, кажись, все. Сейчас, этот мебель увезет, и можете дышать спокойно.

Жена. Это, ну, прямо что ж такое произошло?.. А ежели вызовут меня? Чего я скажу?

Брат. А если вызовут вас, вы им скажите: нет ничего, вот я вся тут.

Жена. Или, может быть, им сказать: на иждивении у брата нахожуся.

Брат. Еще чего! У брата! И прямо меня не упоминайте. Прямо меня забудьте. Прямо нет меня. Ай, ей-богу... Ах ты черт! Какое, скажут, родство да пятое-десятое. Может быть, вам, сестра, замуж выйти? Слушайте, не можете ли вы быстро жениться, замуж выйти, а? Только быстро.

Жена. Как это?

Брат. Тогда бы у нас очень великолепно получилось. Вещей нет, сама, дескать, на иждивении у мужа, пятое-десятое... Нет ли у вас какого-нибудь дурака на примете?

Жена. И прямо, братец, что вы говорите!

Брат. Только быстро, быстро. Ну, кто у вас есть?

Жена. Ну как же это так?

Брат. Ну, вот этот, что приходил — сосед. Он, как вы думаете, не женится? А ну, позовите его быстро. Быстро, быстро.

Жена. Да что ж это, ей-богу? Да как же так? Да вот он никак и сам идет.

Сосед. Ей-богу, не возьму костюмы. Кругом все смеются.

Брат. А, да перестаньте вы канючить. Вы мне лучше скажите: чего вы к моей сестре так часто в гости заскакиваете? Только, может, ее коньпроменьтируете.

Сосед. То есть как же, помилуйте, часто. За месяц только раз и зашел — успокоить даму!

Брат. «Успокоить даму»! Мы знаем это спокойствие. Еще врет. Он раз зашел. Да он, нахал, на моих глазах третий раз входит. Коньпроменьтирует. А если она вам нравится, то вы так и скажите.

Сосед. То есть кто это нравится, помилуйте...

Брат. Да сестра-то, я говорю, нравится вам — вот возьмите и женитесь на ней.

Сосед. Да я, разве я... разве я сказал, что она нравится?

Брат. Да, давеча-то говорили...

Сосед. Я? Ну, знаете... Я... я про костюмы говорил. И совсем даже в обратном смысле. Костюмы, говорил, мне нравятся.

Брат. Нет, вы мне баки не заколачивайте. А возьмите и женитесь на ней, если нравится. Только быстро, быстро. В ударных темпах.

Сосед *(чуть не плачет)*. Ну как же это так, помилуйте! За что же я буду жениться? Я прямо вас не понимаю.

Брат. А и понимать нечего — взял и женился.

Жена. Конечно, если они не хочут, то об чем же говорить.

Брат. Как не хочут! Хочут, да стесняются.

Сосед. Ей-богу же, не хочу... Я прямо не понимаю вас... Как же так, помилуйте! Я же ничего не говорил еще... Чего ж вы меня суете куда попало.

Брат. Ах, ему говорить надо... Вот вы и говорите: мол, хочу жениться. Я вам говорить не мешаю.

Сосед. Нет, я прямо чего-то не понимаю. Я не хочу... Я не хочу жениться. Чего ж это я сдуру возьму и вдруг — женюсь? Чего вы, ей-богу, ко мне пристали.

Жена. Об чем тогда говорить.

Брат. Такая интересная женщина. Я прямо не понимаю его. А если нету у человека вкуса, то так и скажите и не вводите людей в заблуждение.

Сосед. Я... я не ввожу в заблуждение. Я вкус имею... Только я говорю...

Брат. Вы имеете вкус? Не смешите меня. Такая славная, интересная женщина. А корпус, корпус у ней какой! Нет, я вижу, вы ничего в женщинах не понимаете.

Сосед. Нет, я понимаю... Я признаю, что это такая, что ли, интересная... Но только я... Я прямо не знаю, как же так...

Брат. Хорошая, стройная походка. Другая идет, как верблюд, а эта ровно кладет ноги. Ать-два, ать-два.

Сосед. Я это понимаю, признаю. Конечно, она мне нравится — у меня вкус есть... Но только как же это так, помилуйте!..

Брат. Сестра, подойдите к ним. Возьмите их за руку.

Сосед. Ну как же так, помилуйте! Я прямо теряюсь...

Брат. Тем более вы развестись всегда можете, и об чем толковать — я не понимаю.

Сосед. Ну да разве что если развестись, тогда я, пожалуй, женюсь.

Брат. Конечно, женитесь. Только быстро, быстро. Нюша, побегите сию минуту в загс — разведитесь... да заодно там кому-нибудь кухонную посуду загоните. Поцелуйтесь с ним.

Жена. Ну как же это так. *(Целуются. Уходит.)*

Брат. Ну вот, а хныкали. Какую жену оторвал!

Сосед. Да нет, я только говорил...

Брат. И говорить нечего... Взял и женился.

Сосед. Позвольте, позвольте... Ну хорошо, я женился, а зачем же я тогда костюмы у ей купил, а?

Брат. Вот и будете в них щеголять медовый месяц...

Сосед. Но я же за них деньги заплатил, а поскольку я женюсь, так это же мне вроде как все равно даром бы перешло. Это что, я, значит, у самого себя купил, а? Нет, знаете, я так не согласен...

Брат. Так вы сначала купили, а потом женились. Чего вы тень на плетень наводите? Только вводите в заблуждение.

Сосед. Как же так, помилуйте! Нет, я так не согласен. Раз я женюсь, значит, костюмы и так мои. Тогда отдайте мне деньги. Или я жениться не буду.

Брат. Нате, выкусите — отдайте ему деньги. Сестра, может быть, уже развелась, может быть, она женщина, может быть, у нее больное самолюбие. А он — жениться не будет.

Сосед. Как же так... И за квартиру я задаток дал. Как же так. Нет, ей-богу, я так не могу... Я... Я...

Брат. Об чем вы загораетесь? Ну хорошо, я вам отдам половину.

Входит ломовик.

Ломовик. Эту, что ли, мебель везти?

Брат. Эту, эту.

Сосед. Да, а мебель? А зачем вы тогда мебель продаете? Зачем же вы мою мебель продали? Не трогайте мою мебель. Ей-богу, я не буду жениться. Глядите, чего он делает — он роняет мою мебель.

Брат. А чего ж вы тянули канитель? Только своим поведением срамили женщину. Вот женились бы раньше, и мебель бы вам осталась.

Сосед. Как же, помилуйте, раньше — вы же мне только сию минуту сказали, чтоб я женился.

Брат. А сами вы не могли додуматься? Вот и отвечайте теперь за все.

Сосед. Ну как же так, ей-богу.

Брат. А идите вы к лешему! Вот глядите, никак невеста идет.

Входит жена.

Сосед. Анна Васильевна, что ж это такое? Я чего-то не пойму. Пущай они не трогают мою мебель.

Брат. Мебель продана — об чем толковать. *(Сестре.)* Ну что, развелась? Только быстро отвечайте.

Жена. Развелась. А кухонную посуду соседям продала.

Сосед *(визгливо)*. Как кухонную посуду?! Зачем же вы мою кухонную посуду продаете? А мы из чего кушать будем?

Брат *(сестре)*. Какой паскудный у вас жених попался. Мы так славно рас-

торговались, а он все недоволен — кричит, как сова. А мне как раз нездоровится сегодня — у меня голова болит.

Жена. Чего ж нам с ним довольным-то быть?

Сосед. Вот именно. Тогда пущай нам наши деньги отдает.

Брат. Ладно, заткнися. Сказал — дам половину. *(Ломовику.)* И вот это. Это тоже выносите.

Сосед. Прямо у меня голова как в тумане. Чего-то я ничего не понимаю.

Брат. Хоть к невесте-то подойдите. Стоит как болван.

Жена. Чего вы на них кричите — видите, совсем запутали человека. *(Подходит к нему. Нежно разговаривают. Целуются.)*

Брат. А ну, сестра, пригласите там каких-нибудь гостей, — охота маленько станцевать.

Сестра уходит.

Сосед. Ей-богу, я танцевать не буду. У меня сегодня настроение какое-то неподходящее — чего вы мне танцы навязываете.

Брат. А зачем женился? Не надо было жениться.

Входит Горбушкин.

Горбушкин *(поет)*. Колокольчики-бубенчики звенят, звенят. Про ошибки моей юности твердят...

Жена. Гриша!

Горбушкин *(не замечая разгрома в комнате)*. Очень вежливо поступили. Очень. — Извиняемся, говорят, что повестку не по почте прислали, — очень, говорят, вы срочно нам понадобились свидетелем. — Ага, говорю, конечно, я с этим и шел — свидетелем. Я говорю: колокольчики-бубенчики... По какому делу, говорю, я свидетелем? Они говорят, и так вежливо, красиво: расскажите, говорят, нам, чего знаете про Щукина. Он, говорят, в короткое время проворовался. — пожалуйста, говорю. Беру стул, присаживаюсь этак вот к сто... *(Испуганно смотрит на полупустую, развороченную комнату.)* Это чего? Это, я говорю, чего?

Брат жены на цыпочках осторожно смывается.

Жена. Это... это мы думали... Это мы, Григорий Иваныч...

Сосед. Прямо голова как в тумане.

Горбушкин *(орет)*. Это чего?! Это чего в моей камере происходит!

Входит ломовик.

Ломовик. Все, что ли?

Трое стоят, раскрывши рты.

СВАДЬБА

(Комедия в одном действии)

Действующие лица:

Отец.
Мать.
Дочь.
Жених.
Приятель жениха.
Жена гостя .

Мещанская комната. Три двери. В углу накрытый стол. У стола Отец пьёт рюмку водки. Левая Дверь открыта. Там гости танцуют под гармонь.
Входит Мать — нестарая молодящаяся женщина в шёлковом платке.

1

Мать. Ну что ж это такое? И пирог сейчас будет готов. И гости собравшись. А наших молодых еще нет...

Отец. А пущай хоть совсем не являются... Вот мое родительское слово: я стою против таких браков. Три дня знакомы, и вдруг — здравствуйте, пожалуйста, — муж и жена. Примите поздравление. Кушайте пироги. Бис и ура.

Мать. Где бы радоваться, что дочка замуж вышла, а он... Да ты что, обалдел — водку-то лакаешь, гостей не дождавшись!

Отец. «Лакаешь». Ну, пропустил одну баночку. Для равновесия. Тем более я, может, против таких скороспелых браков. Меня, может, такие браки не удовлетворяют... Три дня знакомы.

Мать. И не три, а неделю.

Отец. Ну неделю. Может, жених толком еще и не разглядел свою супругу? Может, он придет сейчас и от нее откажется? Эва, скажет, я думал, что она такая, а она без шляпки и без пальто вон какая. Что вы, скажет, такую муру выдаете...

Мать. А ну тебя к лешему! Надрался уж... А по-моему, очень хорошо. Ты у меня, никак, семь лет был женихом, а что толку-то? Эва, сидит какая зюзя! И нос синий.

Отец. У тебя голубой! Ты лучше не тронь моё самосознание.

Звонок.

Эвон никак приперлись.

Входит Дочь в пальто и в шляпе.

2

Дочь. Платье готово?

Мать. Ну, а твой-то где? Жених-то.

Дочь (*снимает пальто*). Он в парикмахерскую зашел за своим приятелем. И заодно причесаться. Сейчас придет. Дайте мне скорей переодеваться.

Отец (*издеваясь*). Очень мило. Невеста одна является. Молодой в парикмахерскую зашедши. Не мог заранее оболваниться. Очень мило. Очень современный брак. Да я, черт возьми, может, за месяц готовился к таинству брака! Может, я за полгода сходил в баню и в парикмахерскую!

Дочь. Ага, надрались уже. Поздравляю.

Отец. «Надрались»! Грубый век. Грубые нравы. Романтизму нету — человеку спокойно выпить не дают, задергивают.

Дочь. А ну вас к чёрту! Не мешайте мне переодеваться.

Звонок.

Ах, кажется, он... Дайте сюда платье. (*Убегает в правую дверь.*)

Входят гости — мужчина и женщина.

3

Мать. А, милости просим,— заходите. Уже все собравшись.

Отец. Только молодой в парикмахерской шевелюру завивает.

Мать. Здесь польта кладите.

Жена гостя. Примите наше поздравление. Очень рады.... Так неожиданно. Быстро. А правда, говорят, они в трамвае познакомились?

Мать. И вовсе нет. Не в трамвае.

Жена гостя. А нам говорили — в трамвае.

Мать. Нет, они увиделись в трамвае. А познакомились они, кажется, потом.

Отец. Ха! Три дня... Жена гостя. Прямо феерично...

Голос Дочери: «Мать, а мать, да пойдите же сюда. Помогите мне причесаться».

Звонок.

Мать. Ну прямо мне не разорваться. Сейчас, сейчас.
(*Гостям.*) Пройдите сюда к гостям.

Входят Жених и Приятель.

4

Приятель. Да сюда ли мы зашли? Жених, а не знаешь, куда идти.

Жених. Кажись, сюда. Или нет. Нет, погоди — какие-то незнакомые хари.

Приятель. Сюда, что ли?.. Жениху-то.

Мать. Ах, боже мой... Это ж молодой. Извиняюсь, я вас сразу не признала.

Приятель. Да что вы, помилуйте... Это они — женихи... А я ихний приятель.

Мать. Ах, извиняюсь... Я сразу не признала...

Жених. Я жених, я... Где же признать — мельком виделись. Мамаша? Очень рад.

Голос Дочери: «Мать, а мать, да пойдите же сюда».

Мать. Извините. Сейчас. Иду. Кладите польта сюда. (*Мужу.*) Займись с ними. Побеседуй. Проводи к гостям. У, зюзя! (*Уходит в правую дверь.*)

Отец. Очень рад. Не желаете ли трахнуть по маленькой? Присаживайтесь. А к гостям завсегда успеете выйти.

Жених. Мерси-с.

Приятель. Это никогда не помешает.

Отец. Ах, господа, господа! Романтизму нету — выпить спокойно не дают. Нет прежней красоты. В прежнее время невеста в ногах бы у меня валялась. А сейчас: «Ах, надрались». (*Кричит.*) В прежнее время жених у меня бы в пыли лежал!

Приятель бежит одеваться.

Жених. Ну уж знаете, вы, папаша, слишком загибаете. Я в пыли не согласен лежать.

Приятель. Ах, нет, это они так — фигурально выражаются. Ваше здоровье.

Отец. Кушайте на здоровье.

Жених. А к примеру — где же моя молодая супруга? (*Ломится в дверь.*)

Отец. Она прибирается.

Голоса: «Нельзя, нельзя».

Да вы плюньте на нее. Знаете чего: вы мне очень понравились. Я желаю с вами выпить на брудершафт. (*Шепчет.*) Там у меня бутылка шампанского в ванной комнате. Знаете, от гостей припрятал. Пойдемте ее поскорей раздавим... А приятель пущай к гостям, пройдет. На всех не напасешься. (*Уходят в среднюю дверь.*)

5

Приятель (*один*). Какой сволочной старикан. Нет того, чтоб и приятеля пригласить. Ну, погоди, я им тут наверну. (*Озираясь, пьет и закусывает.*)

Правая дверь открывается. Показываются Мать с Дочкой.
Приятель жениха шмыгает в левую дверь, к гостям.

6

Дочь. Ай, да не нервируйте меня, мамаша! Человек в первый раз будет меня видеть без пальто, а платье как из помойки вынутое...

Мать. Платьице очень изумительное.

Дочь. Где же изумительное! Простая дерюга.

Мать. Ну что ж, и дерюгой можно любоваться.

Дочь. «Любоваться»!

Мать. Тогда накинь мой платок сверху. Вот оно и не будет видать.

Дочь. Дайте хотя платок. (*Набрасывает на плечи платок.*)

Мать. Ну вот, сейчас совсем изумительно.

Дочь. «Изумительно»! Теперь платья почти не видать.

Мать. А ну тебя. Фигуряешь. Лучше пойди погляди — не готов ли пирог. У меня ноги трясутся от усталости.

Уходит в левую дверь. В среднюю дверь входят Жених и Отец.
Вслед за ними Приятель.

7

Отец (*жениху*). Шурик, ну дай я тебя поцелую. И в другой раз, Шурик, не женись быстро. От этого романтизм теряется.

Жених. Да уж ладно. Чего там. Полно вам врать.

Отец. Ну а уж если женился — пущай хоть сейчас всё будет по-старому. Прими сейчас невесту под руку и веди ее торжественно к столу. Как только пирог принесут.

Жених. Да ладно, ладно. А к примеру — где же она-то?.. Моя молодая супруга... Ах, приоделась и ушла. (*Идет в левую дверь.*)

Отец. Возьми ее под руку и веди. А за тобой пущай целая вереница гостей. Музыка играет. Бис и ура. А мы тем временем с приятелем пофилосовствуем — не желаете ли еще по одной?

Приятель. Я, папа, на вас прямо удивляюсь. Вы очень здоровы пить.

Отец (*пьянеет*). В прежнее время я свободно четверть мог выкушать. Ну, конечно, романтизм был, закуска. Да и сейчас — пью, пью, и все ни в одном глазу.

Быстро входит Жених.

8

Жених. Папаня, вы не видели ли мою — молодую супругу?

Отец. А плюнь-ка на нее.

Жених. Нет, папаня, я интересуюсь, где моя невеста. Я прямо не могу ее найти.

Отец. Да вон она ходит среди гостей.

Жених. Разве? (*Мнется у дверей, смотрит.)* Гриша, Гриша, пойди сюда.

Приятель. Ну?

Жених. Прямо, знаешь, я в полной панике. Не могу признать, где моя новая супруга.

Приятель. Ну как же так, что ты, ей-богу...

Жених. Черт ее знает... Главное, Гриша, без шляпки и без пальто я ее сроду никогда и не видел. А там, гляди, баб чертова уйма. Все вертятся, мотаются. Прямо не знаешь, к кому подойти. К одной подошел — она отстраняется.

Приятель (*хохочет*). Да ты что же, узнавать ее не можешь?

Жених. Нет, я могу ее узнавать... Вот ее и пальто. Но только мне ее к столу сейчас вести. Прямо первый раз со мной такое — не могу невесту отыскать.

Входит домработница.

9

Приятель. Шурик, не эта?

Жених (*раздраженно*). Да нет. Моя служащая была, интеллигентка... И сейчас мне ее к столу надо вести.

Приятель. Это тогда плохо. Да вот папа сидит. Ты расспроси поскорей у папы, какая она. Пока он, кажется, еще говорить может.

Жених. Ну как же я спрошу? Мне, как жениху, неловко спросить про такие интимные вещи. Спроси его осторожненько. Главное, скажи, что жених без шляпки ее никогда не видел.

Приятель. Папаня, вот тут жених интересуется — где его молодая супруга? Он чегой-то с ветру ее узнавать перестал.

Жених. То есть я, папаня, ее узнаю... Но только... Благодаря же вашим словам... Мне ее надо торжественно к столу вести. А я ее совершенно не узнаю.

Приятель. Папа, вы говорить можете? Будьте любезны, скажите им, где ихняя супруга. Они крайне интересуются. Они могут узнавать. Только они согласны вместе с пальтом ее узнавать.

Отец (*хохочет*). Вот три дня! Вот тебе плоды просвещенья!

Жених. Не три дня, но только мы, папаня, завсегда на улице встречались. Естественно, теперь, без шапочки, без пальто, я имею право растеряться.

Входит Гость с Женой.

10

Отец (*хохочет, подмигивает приятелю*). Да вон она идет. Вот. Подходит. Гляди — за ней какая-то собака волочится. (*Подмигивает приятелю.*)

Жених (*подходя к женщине*). А я вас всюду ищу. (*Оторопело на нее смотрит.*) Ах, вы очень интересны в этом платье. Так без шапочки вам идет — ну прямо другое лицо. И я теперь от вас не в себе.

Жена гостя. Позвольте... Что вы...

Жених. Только теперь, при полном электрическом свете, я вижу, какая вы есть полнейшая красавица. И я весь горю. (*Обнимает ее.*)

Жена гостя. Как же вы смеете? Нахал! (*Ударяет его по лицу.*)

Отец (*хохочет*). Вот тебе три дня!

Жених. То-то я гляжу... Ясно, что не она...

11

Приятель. Чего ты, действительно, сунулся... Видишь, папаня пошутили.

Жених. Ну, папаня, спасибо. Из-за вас я сейчас по морде съел... (*приятелю.*) Нет, я жалею, что это не она. Эта мне очень понравилась. Теперь подсунут какое-нибудь дерьмо — потом живи с ним.

Приятель. Да ты войди в комнату и скажи: мол, прошу к столу, прошу подойти ко мне мою супругу. Ясно, она и подойдет.

Жених (*мнется у двери*). Прямо не знаю. Не вышло бы опять чего.

Выходит из средней двери Дочь — молодая супруга в платке.
Задерживается у входа — разговаривает с гостем.

12

Приятель. Или погоди... Вон, гляди, ее мамаша идет. Возьми и спроси. А я с папой подремлю.

Жених. Разве это мамаша? По-моему, это не мамаша.

Приятель. Ясно, мамаша. Я ее по платку узнаю. Подойди и прямо руби с плеча — так и так. Или скажи, что у тебя куриная слепота — не можешь рельефно людей видеть. Пущай она тебе сама невесту подведет. Скажи — ослеп.

Жених (*смеется*). Ей-богу, скажу ее мамаше, что ослеп. Пущай сама подведет.

Дочь (*жениху*). А я вас ищу. Что же это вы зашли к гостям и сразу выскочили?

Жених. Да как-то, знаете. Взял и вышел. Тут как-то спокойней. Посижу, думаю, тут — поговорю с мамой на разные темы... Захлопотались, мамуля? Дозвольте уж мне теперь вас мамулечкой называть на родственных началах?

Дочь. Нет, мамулечка как-то нехорошо. Лучше вы меня киса называйте.

Жених. Киса? Ну как же так, мамуля? Я прямо не осмеливаюсь вас кисой называть. Я вас очень уважаю, но киса вам, ей-богу, затрудняюсь и говорить. Я прямо не знаю.

Дочь. Ну тогда как меня в детстве называли — чижик.

Жених (*растерянно*). То есть как это, помилуйте, чижик. *(Грозит пальцем.)* Захлопотались, мамулечка... Устали. Пироги... Угар... Конечно... Естественно.

Дочь. Мне хочется, чтоб вы меня называли как-нибудь нежно, любовно. Ну там — киса, птичка, рыбка...

Жених. Что вы, мамуля! Не могу же я в вашем возрасте... как же, помилуйте, рыбка. Какая же вы рыбка.

Дочь. Александр, я не понимаю вас... Я свои года не скрываю. Вы как-то странно себя ведете. Поцелуйте меня.

Жених (*косится на отца*). Ну нет, знаете... Я уж за это сейчас схлопотал от одной... Извольте, ручку поцелую. И вообще, мамуля, я вам хотел сказать про одну вещь. Я, знаете, очень забывчив на людей. Ну, память зрительная, конечно. Я в детстве куриной слепотой хворал. К вечеру плохо вижу... Вот я вас почти и не вижу... Мамуля, где вы?.. Вот я вас, одним словом, хотел спросить — где ваша дочь?..

Дочь (*растерянно*). До-дочь? М-моя дочка? Откуда вы знаете?

Жених. Пардон, мамуля, я вас что-то не понимаю. Нет, я говорю: где дочка?

Дочь. Ее здесь нет.

Жених. Ах, нет! То-то я, знаете, хожу как дурак по комнатам. И вижу — ее нету. А где же она?

Дочь. Она... она в деревне...

Жених. Кто в деревне? Нет, я, мамулечка, говорю: дочка где? Ваша дочка. Ну вот, где она тут?.. Дочка...

Дочь. Александр, я не хотела пока вас расстраивать. Но если вы все знаете... Она в деревне. Они вам ничего не будет стоить.

Жених. То есть как в деревне? А на чем же я тогда сейчас жени... Позвольте, я чего-то не понимаю. Кто в деревне?

Дочь. Ну, дочка. Я туда ее отправила...

Жених. Мамуля, тут кто-то из нас, знаете, того... свихнулся. Я говорю: до-очка-а... где-е?.. Не та, вторая, а эта. Ну?

Дочь. Какая вторая? Второй у меня не было. Ах да, действительно, я была в положении... ожидала, но когда... одним словом...

Жених. Мамуля, вы меня пугаете. Я говорю не та, которая поехала в деревню, и не эта, которой не было, а вот которая тут. Ну?

Дочь. Нет, тут ее никогда не было. Ах тут! Нет, это был мальчик. Сын...

Жених. Сын?!

Дочь. Он сейчас у бабушки. Он тоже вам ничего не будет стоить.

Жених. Мальчик? Мамуля. (*Дует ей в лицо.*) Киса... Успокойтесь. (*Приятелю.*) Гриша! (*Показывает жестами, что собеседница свихнулась.*)

Дочь. Вы ревнуете? Забудьте это.

Жених. Да я уж и забыл, мамуля. Мамуля... Агу... Забыл... Где дочка? Ну, покажи мне ее — какая она из себя, и все, и иди по своим делам. Приляг, отдохни.

Дочь. Ну хорошо, если вы настаиваете, я могу показать ее карточку.

Жених. Нет, зачем же мне ее карточку? Вы мне наглядно ее покажите. Во весь рост.

Дочь. Нет, она очень маленькая, любительская. Трудно разглядеть.

Жених. Нет, вы меня не поняли, мамуля, — я в детстве хворал куриной слепотой. А сейчас-то я разгляжу. Вы только покажите.

Дочь. Да и пожелтела она.

Жених. Что ж она, захворала?

Дочь. Нет, она здорова... Ну хорошо, я сейчас покажу. (*Уходит.*)

13

Жених (*приятелю.*) Гриша, Гриша! Да ну проснись же, черт! Тут, брат, чего-то происходит — я в толк не возьму. Мамуля прямо нехороша. Я не понимаю, чего ее держат среди здоровых. Не предупреждают. За столом она же может в кого-нибудь вилкой ткнуть.

Приятель (*равнодушно*). А что они — свихнувшись?.. Да ты плюй на них. В крайнем случае возьмем и уедем — делов на копейку.

Жених. Это я понимаю. Мне бы только минут пять на высоте продержаться.

Приятель. Плюй на них. Тут у стола разберутся, кого с женихом сажать.

Жених. Мне бы только до стола продержаться. Я очень скандалов не люблю. Сразу драться полезут! Я этот дом отлично понимаю...

14

Мать. Прошу всех к столу. (*Мужу.*) Да встань ты, олух. Гляди, слюни распустил.

Отец. Все к столу. Жених, ведите вашу невесту. Музыка, играй! Бис! Ура!..

Мать. Где же молодая?

Жених. Я, знаете, сам ее... ищу... Мамуля сказала... Сейчас ее... стало быть... приведет... Какая-то желтизна у ней выступила, что ли... Наверное, припудривается...

Входят гости и Дочь с гостьей. Дочь бледна и взволнованна.
Опирается на подругу, весьма некрасивую девицу.

Жених. Да вот они. (*Испуганно смотрит на подругу, которую он принимает за невесту.*) Не может быть...

15

Дочь (*подруге*). Нет, ты понимаешь, какие подлецы — в первый же день ему рассказали, что у меня дети. (*Жениху.*) Александр, пойдите сюда. Вот она... (*Протягивает карточку.*)

Жених. Что же это такое... Вот эта рыжая — моя невеста?! Не может быть...

Приятель. Отчего же не может быть? Раз ее мать привела — значит, так и есть. (*Смеется.*)

Отец. Все к столу. Молодой, возьмите под руку невесту. И все так благородно, элегантно. Молодой, целуйте вашу супругу. Ведите ее к столу. И все так чинно, благородно. Бис, ура!

Жених. Да как же это так! По-моему, это не та.

Мать. Не скандальничайте, молодой человек. Довольно стыдно крики поднимать из-за пустяков.

Жених. Какие же, помилуйте, пустяки! Это подлог! Не то подсовывают. Я не настолько выпивши, чтоб не разбираться.

Дочь. Ради бога... Я надеюсь на ваше благородство... Не разглашайте.

Приятель. Папаня, разрешите сомненья. Жених в своей невесте сомневается.

Отец. Музыка, играй! И все так благородно, романтично. Молодой, целуйте ее в губы. Горько, горько!..

Жених. Да уж я и не знаю, что подумать. (*Целует гостью.*) Пойдемте, что ли...

Дочь. Александр!

Отец. Это какой-то ненормальный!

Жена. Он на всех кидается.

Мать. Он пьяный, что ли?..

Приятель. Он на глазах жены с другой упражняется.

Жених. Я скандалов не люблю. Но мы после поговорим.

Дочь. Александр...

Жених. А, уйдите, мамуля. Прямо не до вас... Уберите от меня эту психическую.

Дочь. Что же это такое?..

Мать. Что вы безобразничаете, молодой человек!.. Гоните свою невесту.

Приятель. Шурик, гляди — вон твоя невеста. А это — мама.

Жених. Ай, да не смешите меня. Уберите, говорю, психическую, а то жениться перестану. Ах, эта моя невеста! У которой мальчик и три девочки.

Отец. И все так чинно, благородно, по-старому. (*На цыпочках подкрадывается к жениху и накрывает его пальто — делает «тёмную».*)

Жених (*вырывается*). Гриша! Наших бьют!

Приятель. Держись, Шурик, до моего прихода. А ну, разойдись!

Гости кидаются на Жениха и Приятеля, который спешно бросился одеваться. Происходит драка и потасовка. Мать спасает пирог. Гости окружают Жениха, хватают его.

Жених. Ну ладно, я уйду. Только дайте хоть пожрать-то — с утра не евши по такой канители...

Гости несут Жениха к выходу.

Жених. Ну ладно... Хорошо... Я согласен...

Приятель. Он согласен. Не ломайте ему руки...

Мать. Отпустите молодого — он согласен.

Дочь. Александр!

Отец. Все к столу. Парами, парами. И все так чинно, благородно, элегантно. Бис, ура!

Гости. Горько! Горько!

Растерзанный жених целует мать своей невесты, приняв ее за невесту. Шум и крики гостей.

Приятель. Да нет, Шурик. Это ее мама, а вон твоя невеста.

Все. Горько! Горько!

Жених целует невесту. Танцы.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ЭФИРУ.

Скетч

Комната. Диван. Стол. На столе — громкоговоритель.
На диване — ЧЕЛОВЕК в ночных туфлях. Читает газету.

Человек (*раздраженно*). А ну их! Пишут — сами не знают чего. Кажется, в каждом явлении хотят увидеть политику, классовое лицо, пятое-десятое, черта в ступе... (*Бросает газету.*) А ну их, знаете ли... Спокойно отдохнуть не дают. (*Вскакивает. Подходит к радиоприемнику. Поворачивает регулятор. Снова ложится на диван.*)

Радио. ...причем лучше всего менять солому ежедневно. Тельную корову не следует, кроме того, поить холодной водой. Это отра...

Человек. Еще чего!

Радио. ...жается как на качестве молока, так и на...

Человек. Завели волынку...

Радио. ...состоянии здоровья тельной коровы. А также может вызвать...

Человек (*вертится на диване*). А, черт!

Радио. ...заболевание внутренних органов, что нередко...

Человек (*вращается на диване*). О, черт!

Радио. ...выводит корову из строя...

Человек зарывается головой под подушку. Потом вскакивает и в раздражении бросается к радио.

И мы горячо рекомендуем...

Человек (*закрывает радио*). «Рекомендуем»! А мне плевать хочется, чего ты рекомендуешь... Дураки!.. Ослиные морды!.. (*Снова ложится на диван.*) Хочется отдохнуть, а тут слушайте ихние коровьи бюллетени. Что я — колхозник или кучер, что мне про коров слушать дают... Нет, это только у нас может быть такое неуважение к отдыхающей личности... Вот, например, за что я люблю Европу, вот там этого не может быть. Там и социальная революция произойдет, и то про коров не будут нашептывать. (*Смотрит на радио.*) Попробовать разве Европу поймать, отдохнуть? Да нет, черта с два. Небось, наши миляги весь эфир заняли под свои коровьи беседы... А вот, например, скажи я кому-нибудь, дескать, люблю буржуазную Европу. Тут мне намнут холку, покажут кузькину мать. Странно, скажут, подозрительно. А нет ли, скажут, у вас попа в родстве? Классовое лицо начнут шарить, пятое-десятое... А при чем тут классовое лицо? У меня просто критическое отношение к вещам. Я не имею слепого преклонения перед буржуазным строем. Если у них хорошая вещь, я говорю — хорошо, плохая у них вещь, я говорю — ничего

себе... сойдет... Ладно... Только давайте. При чем тут классовое лицо?.. А ну их с ихней диалектикой. Только башка пухнет... Отдохнуть, что ли... (*Подходит к столу. Поворачивает рычаг репродуктора.*) Да разве от них отстроишься... О... О... Позвольте... Ого... Есть... Красота...

Слышится какой-нибудь фокстрот или танго.
Установку можно сделать — патефон за сценой.
Хорошая слышимость необязательна. В данном случае музыка почти условна.

Вот видите. Вот мотив... чудно. Душа отдыхает. Это вам не коровьи рассуждения про телят и быков. Вон как наворачивают... тру-ру-ру-ру-ру... (*Танцует.*) Вот она, старая волшебница Европа. Это еще не видать, что там делается... А если на минуту представить себе картину. Ого! Европа. Бар. Мужчины в смокингах. Манжеты. Лорнеты. Пятое-десятое. Элегантность... (*Показывает, заплетаясь в своих войлочных туфлях, походку, жесты, движения.*) Толкают вежливо, с улыбкой... А у нас... Интересно, какая это страна? Может быть, черт возьми, сама госпожа великая Франция? Париж. Этакие дамочки вьются. Француженки. Легкость отношений. Всюду французская речь: пардон, мерси боку, кес ке се... На таком языке минуты две поговорить — и жить хочется. Дает бодрую зарядку. Бонбон... Бонтон... Бонфрер... А у нас — корова. Солома. Кобыла. Холера. Фрикаделька... Да, отсталая страна. Азия... Вот, скажем, язык. А как его перегонишь? Красавец язык. Пермете моа де ките ля клясс. Кома н сапле ву. Нет, язык не так уж красив. Некоторые выражения даже русские обороты речи напоминают. Но зато вежливость... А, закончили. Перерыв. Хороший мотивчик, черт их дери. Хорошая вещь, я всегда скажу — хорошо.

Радио. Говорит Москва.

Человек. М-Москва?

Радио. Опытный передатчик наркомпочтеля.

Человек. Как? Почтеля?.. Это что ж?.. Наши... Значит...

Радио. Волна семьсот сорок и восемь десятых метра.

Человек. А, черт! (*В крайнем раздражении бросается на диван, зарывает голову под подушку. Не слышит дальнейших слов, сказанных по радио.*)

Радио. Вы прослушали трансляцию заграничной станции из Стокгольма. Через одну минуту слушайте продолжение трансляции. На одну...

Человек (*высовывает голову из-под подушки*). Ах, черт возьми! Как это я, дурак, ошибся.

Радио. ...минуту перерыв.

Человек. Черт возьми, даже странно. Я думал — заграница, а это наши забавляются. Главное, меня смутил развлекательный мотив. Гм. Тоже. За ум

схватились. Понимают, что на одних коровах далеко не уедешь. Заграницу копируют... Все-таки большой сдвиг наблюдается. Легкую музыку дают. Этакий веселенький, но пошленький мотивчик. Да, собственно, не так и веселенький. Тру-ру-ру да тру-ру-ру... О... о... опять начали... Скажите пожалуйста... Тоже... Веселье разыгрывают. Главное, уменья на грош, а туда же. И фальшивят же... фальшивят-то как... А, черт, визг какой! Не могут эфир очистить. Это уж лучше бы про коров говорили. Не так раздражает. Тот еще мотивчик был ничего себе, а этот просто определенная дрянь. И вот спроси их: что можно под эту музыку делать, а? Разве что коров доить. (*Делает неуклюжие па.*) Нет, не умеют у нас... Не умеют. Азия... О, фальшивят как. Кто в лес, кто по дрова. Один — тру-ту-ту, другой — тю-тю-тю. А вместе — шиш и безобразие. Главное, музыкантов не видать, а вот чувствуешь, что сброд сидит. Так и чувствуешь: сидят этакие в толстовках, ноги растопырив. Морды небритые, рожи такие, лапы грязные. Бухают в свои инструменты — кто во что горазд... Капельдука, этакий брюхастый курицын сын, тыкает своей палочкой туда и сюда. И думает — артист. Композитор. Вагнер. Только, сволочь, сбивает музыкантов... Нет, вы поглядите, какую анафемскую музыку разводят. Рявкают — только народ раздражают. А, черт! Как нарочно, для расстройства нервов. Башка лопается. (*Ложится на диван. В раздражении вертится.*) Какое-то дикое завывание. О, черт! А, черт! (*Кладет подушку на голову. Лежит неподвижно. Снова приподымает голову.*) Играют еще. Тьфу, ей-богу. Какофония какая-то. Мазурики. *(Снова кладет подушку на голову. Покрывается толстым платком. Лежит в таком виде и не слышит слов по радио.)*

Радио. Говорит Москва. Вы прослушали передачу из Данцига. На этом заканчиваем трансляцию заграничных станций — путешествие по эфиру. Переходим к очередной передаче. Слушайте урок эсперанто. Аудате, аудате... А ин аискуле пролетаре детревена...

Человек (*высовывая голову из-под подушки*). Кончили, что ли?

Радио. Естас доцена пароле дефензива...

Человек. Какая-то заграничная станция встревает.

Радио. Атента пароле латуда дабужа ен момента...

Человек. Финны, что ли?

Радио. Парлерато де пертуте деорум...

Человек. Швеция, кажется...

Радио. Пляна констуаре социоль де дженераля кризис...

Пауза.

Человек. Вот не понимаешь шведского языка, а чувствуешь, что здорово.

Чувствуешь, что говорят не про телят и коров, а про что-нибудь этакое хорошее, общечеловеческое...

Радио. Аудатес парлорум Профинтерна естас грациа Италиа деорум...

Человек. Италия!

Радио. Уна момента левинтациа фините...

Пауза.

Человек. Италия! (*Стучит в стену.*) Фекла Васильевна, Италию поймал на коротких волнах.

Радио медленно повторяет сначала все сказанное раньше.

Италия! Боже мой!!! Синее небо. Солнце. Смуглые итальянцы ходят туда и сюда — потомки римлян. Чувствуется каменистый берег. Пляж... Этакая смуглая красоточка навстречу идет. Стреляет в тебя глазками и щебечет: парлеранта, парлеранта... А ты языка не понимаешь, но чувствуешь, какая парлеранта. Ах, Европа, Европа. Прими мой пламенный привет. Я иду по твоим стопам.

Радио. Теперь прослушайте перевод с эсперанто...

Человек. С... с... с эсперанто?

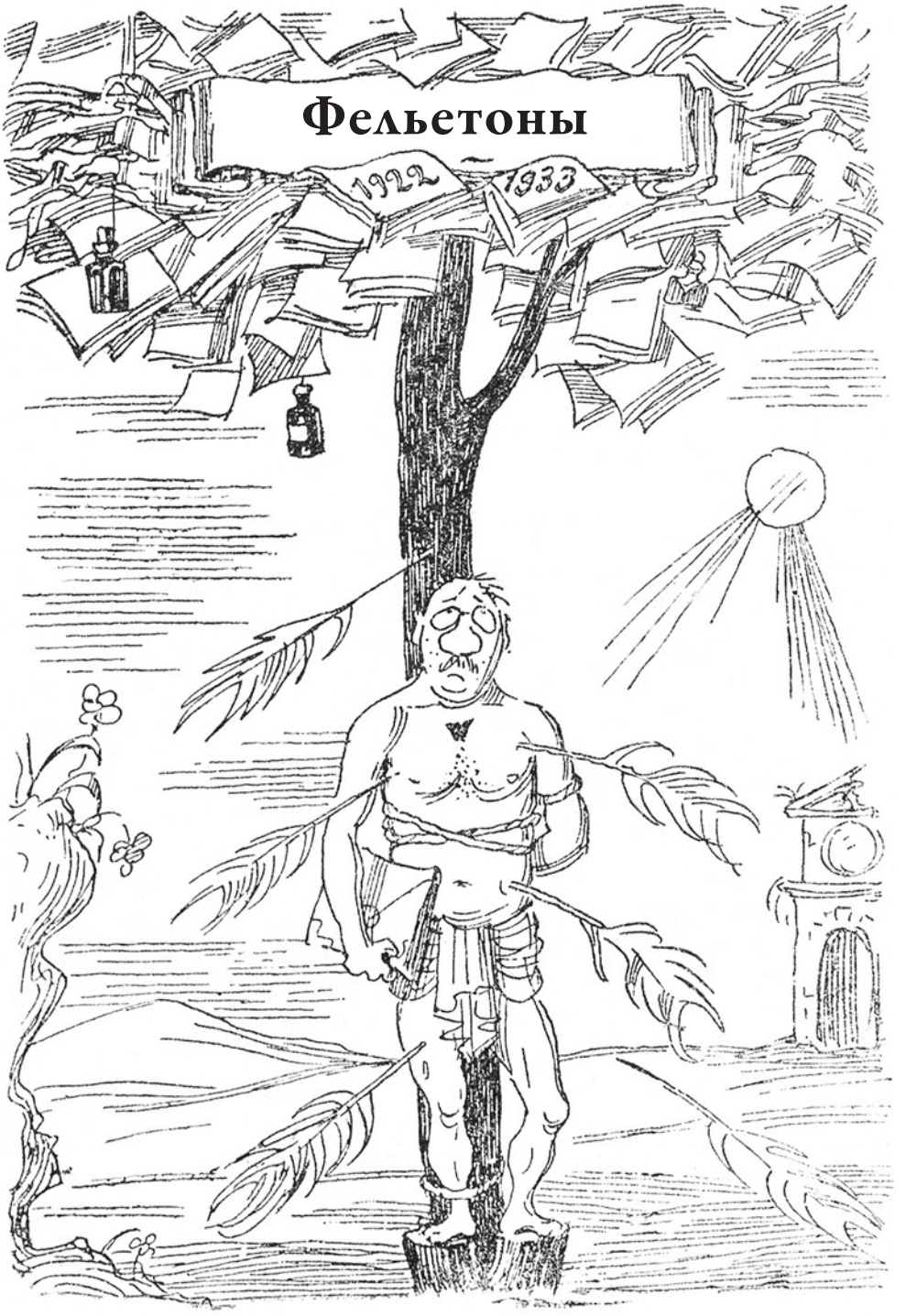
Радио. Слушайте, слушайте. Сообщаем политические новости на языке эсперанто...

Человек. Ах, это эсперанто! Да, да. Ну да, конечно. Ну вот. Вот и наши передают, а мне понравилось. Вот ваша диалектика. У меня нет слепого пристрастия к чему-нибудь. Вот дрянь была наша музыка — я говорю — дрянь. Хороший, интересный язык — мне сразу понравился. Напоминает какую-то Грецию. Италию. Конечно, особенно долго слушать (*выключает радио*) мало интереса, но послушать можно. Отчего же? Я беспристрастно сужу. С общечеловеческой точки зрения. А ну их к черту! Разве попробовать на сон грядущий кусочек Европы отхватить? Так сказать, для успокоения нервов. Есть. Играют музыку Чайковского. Нет, опять, кажется, наши. Ну да. Так и есть. Опять со своим Чайковским. В ушах навязло. Нет, безнадежная страна. Не умеют создать человеку сносных условий.

Радио (*по-немецки*). Майне херн унд дамен, ауфвидерзейн...

Человек. Стойте, стойте... Ах, это немцы передавали. Ах, ну да. Ну, для Германии это другое дело. Чайковский — отчего же. У нас это одно дело. А у них — почему же, правильно. Там это иначе звучит. (*Нежно.*) Ауфвидерзейн, мои дорогие.

Фельетоны



СЕМЕЙНОЕ ДЕЛО

Многие думают, что Волынкина деревня находится где-нибудь в Псковской губернии. А между прочим, она расположена в Ленинграде.

Это такой пригородный район. Ну, вроде как Малая Охта.

Так вот как раз в этом районе проживали два брата. Фамилия ихняя — Сергачевы. А имена неизвестны. Газета не отметила. Только буквочки проставлены — С. и Ф. Надо думать — Серега Сергачев и Федя.

Один брат, С. Сергачев, конечно, служил на заводе. А другой брат был безработный гражданин.

Только раз однажды который заводский загулял.

Он парень, конечно, нестарый, опять же работу имеет, деньги к нему плывут, положение. Одним словом, имея такие горизонты, парень загулял.

Он насосался вина, начал по улицам ходить, начал затрагивать женский элемент, после драться начал. И конечно, засыпался. И главное дело — его уличили в хулиганских поступках. Тем более он кому-то морду разбил.

Конечно, сейчас нету возможности разобраться в этом происшествии. Тем более один так говорит, а другой этак. А сам Серега прямо от всех делов открещивается. То есть, говорит, никого не трогал, шел, как ангел православный, и песни пел.

Тем не менее парня замели и под суд отдали.

Суд, конечно, видит — нарушен классовый инстинкт у парня. И дают ему, чтобы вперед неповадно было, два месяца.

Тут, конечно, взвыл человек. То есть, думает, беда. То есть, думает, теперича на заводе обратят такое внимание и примут к сведению и руководству. И по случаю чистки могут даже, конечно, выгнать под лозунгом: худая трава с поля вон.

Одним словом, видит человек: ему немыслимо в тюрьму сесть.

Тогда он говорит своему родному брату:

— Дескать, такое форменное положение. Ты, говорит, человек безработный. За тобой никакого присмотра нету. Опять же я тебе передачу буду носить и дам немного деньжонок. И тебе, говорит, прямо сплошная выгода в тюрьме сидеть.

Брат говорит:

— Ладно, говорит, давай. В крайнем случае я за тебя сяду.

Сговорились они полюбовно и по-семейному, и, конечно, Ф. Сергачев сел за брата.

И значит, сидит он полтора месяца. Все чинно, благородно. Брат на работу ходит. Все его любят и уважают. А этот знай себе сидит и молчит в тряпочку.

Только вдруг на заводе слух идет — дескать, судили, два месяца, хулиганство и так далее.

И значит, берут этого брата и имеют с ним разговор.

Дело, конечно, открывается. Братья удивляются: об чем речь? Разве это нельзя? Мы же по-семейному.

И вот заваривается новое дело. И вскоре обоих братьев будут судить за мошенничество.

Которые опытные юристы говорят, что дадут полгода.

А младшего братишку до чего жалко! Пострадал за братца.

ШУТКА

Вот не угодно ли — девятый год революции, пятый или шестой год нэпа, а между прочим, такая глупая некультурность наблюдается. Ходят граждане первого апреля вроде как обалдевши и друг друга обманывают.

По совести говоря, я и сам обманывал, да и меня обманывали во всякое время года, а вот первого апреля однажды на этом обжегся — два зуба себе выбил и имущества лишился, не считая еще того, что женина мамашка ногу себе вывихнула. Ну да с этим последним я не считаюсь. Пес с ней, с ногой. Тем более что очень уж вредная старушка, бог ей судья.

А сижу я раз однажды дома. И чай пью. Самовар кипит. Жена рядом сидит. А женина мамашка разговаривает.

— Вот, говорит, и первое апреля наступило. Надо бы, говорит, непременно кого-нибудь облапошить по этому поводу.

Стали мы, конечно, думать, кого бы нам облапошить. А жена говорит:

— Хорошо бы, говорит, граждане, Анну Васильевну, нижнюю жилицу, втравить в какую-нибудь такую этакую штуку. Чего-нибудь ей, дуре, крикнуть или на испуг взять, а после объявить, мол, шутка — с первым то есть вас с апрелем, Анна Васильевна.

Так вот обсуждаем мы, как бы эту чертову Анну Васильевну покрепче облапошить, — вдруг стук в дверь. Открываем. Стоит на площадке сама Анна Васильевна. И вся бледная. Мелко трясется. Кричит:

— Горим, граждане! Спасайся, кто может!

И сама вниз.

В первую минуту очень мы испугались. Женина мамашка схватила даже какую-то дрянь в руку, спасать хотела. После вдруг говорит:

— Вот ведь подлюга! Добилась-таки своего. Напугала, тварь такая. Хорошенькие первоапрельские шуточки.

Я говорю:

— Я всегда, мамаша, вам говорил — шестой год нэпа, а такие дикие поверья.

И сели мы обратно к столу. Хохочем. Вспоминаем всякие такие ядовитые обманы и рассуждаем, как это довольно натурально вышло у Анны Васильевны — вдруг как пахнет в нас гарью. И дым как плеснет в рожу. Батюшки, думаем, а ведь горим!

Бросились к выходу — ни в какую — огонь. Подбегли к окну и нырнули вниз, по очереди. Сначала дамы, потом перины, а после и я, грешный. Тут-то старушка и натрудила себе ногу.

Вот какие грубые шутки случаются на пятый год нэпа.

Конечно, если говорить правду, то всю эту историю я наврал. Никакого такого случая со мной не было. Да между прочим, и быть не могло. Где это видано, чтоб женщина на пожаре упреждала своих соседей об опасности да еще наверх за этим бегала?

Наврал, граждане, полностью наврал.

А вообще говоря, отчего не соврать, раз такой симпатичный обычай.

УЧИТЕЛЬ

Учитель второй ступени Иван Семенович Трупиков одернул куцый свой пиджачок, кашлянул в руку и робкими шагами вошел в класс.

— Вы опять опоздали? — строго спросил дежурный.

Иван Семенович сконфузился и, почтительно здороваясь с классом, тихо сказал:

— Это трамвай, знаете ли... Это я на трамвай не попал...

— Отговорочки! — усмехнулся дежурный.

Учитель робко присел на кончик стула и зажмурил глаза. Странные воспоминания теснились в его уме...

Вот он, учитель истории, входит в класс, и все ученики почтительно встают. А он, Иван Семенович Трупиков, крепким строгим шагом идет к кафедре, открывает журнал и... ах, необыкновеннейшая тишина водворялась тогда в классе! И тогда Трупиков строжайше смотрел в журнал, потом на учеников, потом опять в журнал и называл фамилию.

— Семенов Николай!

Учитель вздрогнул, открыл глаза и тихо сказал:

— Семенов...

— Чего надо? — спросил ученик, рассматривая альбом с марками.

— Ничего-с, — сказал учитель. — Это я так. Не придавайте значения.

— Чего так?

— Ничего-с... Это я хотел узнать — здесь ли молодой товарищ Семенов...

— Здесь! — сказал Семенов, разглядывая на свет какую-то марку.

Учитель прошелся по классу.

— Извиняюсь, молодые товарищи, — сказал он, — на сегодня вам задано... то есть я хотел сказать... предложено прочитать — реформы бывшего Александра I. Так, может быть, извиняюсь, кто-нибудь расскажет мне о реформах бывшего Александра I... Я, поверьте, молодые товарищи, с презрением говорю об императорах.

В классе засмеялись.

— Это я так, — сказал учитель. — Это я волнуюсь, молодые товарищи. Не истолковывайте превратно моих слов. Я не настаиваю. Я даже рад, если вы не хотите рассказывать... Я волнуюсь, молодые товарищи...

— Да помолчи ты хоть минуту! — раздался чей-то голос. — Трещит как сорока.

— Молчу. Молчу-с... — сказал учитель. — Я только тихонько. Я тихонько только хочу спросить у молодого товарища Семечкина, — какие он извлек политические новости из газеты «Правда»?

Семечкин отложил газету в сторону и сказал:

— Это вы что — намек? Газету, по-вашему, убрать? Эту газету убрать? Да знаете ли вы... Да я вас за это...

— Ничего-с... ничего-с... Ей-богу, ничего... То есть про бога я ничего не сказал... Не истолковывайте превратно.

Учитель в волнении заходил по классу.

— Да не мелькай ты перед глазами! — сказал кто-то. — Встань к доске!

Учитель встал к доске и, сморкаясь в полотенце, тихонько заплакал.

Нынче таких учителей, как мой бедный Трупиков, конечно, нету. Но были. Они были в 18-м году, в переходное время.

ТЕРПЕТЬ МОЖНО

Конечно, об чем говорить, каждая профессия имеет свой брак.

Взять хотя бы такое мелкое и глупое дело — парикмахерское. И то без брака там не обходится. Другой озверевший парикмахер в выходной день до того обработает своего пассажира, что после родная мама его не узнает.

Или, обратно, стекольщики. Газеты пишут, будто эти славные ребята имеют на круг пятнадцать процентов брака.

То есть, для примеру, произвели стекольщики сто графинов. Так из этих ста стеклянных вещиц — пятнадцать вовсе невозможно пустить в продажу. Остальные проценты тоже, собственно говоря, не следовало бы пускать на прилавок, но приходится. Надо же чем-нибудь торговать. Тем более покупатель — он купит. Действительно, будет плакать, отбиваться и морду отворачивать, но купит.

Или, обратно, повара и доктора. Они также имеют свой брак. Говорить об этом не приходится. Каждый кушал и после к врачам заходил.

Одним словом, какую профессию ни возьми — везде есть брак.

И только есть одна профессия. Она не имеет брака. Это, прямо скажем, — почтовое дело.

Ну сами посудите, сами раскиньте своим воображением. Ну какой может быть брак в этом культурном деле? Что ли, заместо марки на ладонь штемпель ставить? Или заказные письма проглатывать?

Прямо не может быть у них брака.

А это, может быть, очень обидно показалось почтовым начальникам.

То есть, говорят, каждый комиссариат имеет льготы, а мы вроде и не люди, а собаки.

Неизвестно, как в Сибири к этому отнеслись, но Средневолжское управление, утомленное такой несправедливостью, поправило это дело. Оно выработало свои нормы брака.

Эти святые строчки можно петь на мотив «Две гитары за стеной».

Средневолжское управление связи выработало нормы брака для корреспонденции. Этими нормами разрешалось безнаказанно терять двенадцать процентов писем, шесть процентов заказных писем, четыре процента телеграмм...

Одним словом, почтовики кое-как уравнялись с другими профессиями. Нормы допущены подходящие. Не зверские.

Другое бы управление, дорвавшись до такой полноты власти, махнуло бы сразу: «Теряй, робя, пятьдесят процентов на нашу голову». А это такие деликатные мальчики попались. Обдумали, чего сколько терять. И заметьте, как глубоко продумано. Например, четыре процента телеграмм. Не три и не пять, а четыре. Тонкость какая, замечаете?

При такой тонкости надо бы, я извиняюсь, и про денежные переводы чего-нибудь намекнуть, а они ни гугу. Помалкивают в тряпочку. Ну, надо полагать, тоже не свыше пятнадцати процентов.

Одним словом, терпеть можно. Пальто не снимают. Извиняюсь за обидное сравнение.

ШЕСТЕРЕНКА

Это, граждане, случилось из-за шестеренки.

Лопнула шестеренка. А может, она и не лопнула, а сломалась. Черт ее разберет! Я в этих семеренках не разбираюсь. Квалификации у меня такой нет, чтоб в этих восьмеренках разбираться.

Ну так вот, лопнула. И трепальные машины оттого стали. Не могут они, что ли, без этих шестеренок действовать. Не знаю я про это.

А было это, не люблю сплетничать, в текстильном техникуме.

Враз шестеренку где ж найти? Не найти.

А был в техникуме Александр Иванович Смирнов. Инструктор. Очень напористый мужчина и хороший техник.

— Ни хрена, говорит. Я, говорит, в лепешку разобьюсь, а уж шестеренку достану. Мне, говорит, плевое дело — шестеренку достать.

А была недалеко — как ее? — «Красная фабрика». Фамилья директора этой фабрики, не люблю сплетничать, Куликов. А имя и отчество его не знаю. Квалификации такой у меня нет, чтоб все знать.

Вот инструктор Смирнов и побежал до этого директора.

— Одолжите, говорит, свою шестеренку. Наша, говорит, пятеренка лопнула, будь она проклята.

— Нет, — говорит директор, — не могу одолжить. Зуб я имею против вашего начальника. Он у нас, каналья, лебедку зажилил. А шестеренка — да, действительно, есть свободная.

— Позвольте, — говорит инструктор, — общие же интересы. Общее достояние. Вы советские — мы советские. Ваши шестеренки — наши пятеренки...

— Интересы общие, — говорит директор, — а дать не могу. Несимпатичен мне чтой-то ваш начальник.

— Позвольте, — заплакал инструктор, — производству подрыв... Народные соки-денежки текут... Не велите казнить, велите миловать.

— Нету, — сказал директор. — Катитесь колбаской.

И инструктор покатился.

А директор Куликов, не любим сплетничать, показал шиш уходящему инструктору и, пробормотав «видал мин-дал», отвернулся к окну.

А за окном тихо плакало декабрьское небо, поплевывая дождем и снегом на стекло, за которым стоял директор.

Трепальные машины стояли в меланхолической неподвижности.

Примечание «Бегемота». Вы думаете, небось, так просто рассказ, для смеху? Ничего подобного. Факт во всем антураже. Не кто-нибудь — рабкор писал. С тем и съешьте.

ИГРУШКА

Конечно, ребенку покупать игрушки — это ужасно неприятная история. Особенно летом.

Главное, что никакого сезонного выбора нету.

Я, например своему сыну все время тачки покупаю. Второе лето. Мальчик даже обижаться начал. Плачет после каждой тачки.

А пущай войдет в отцовское положение. Чего покупать? Мячей нету. Непромокаемых пальто нету. Только тачки и вожжи.

А на днях я зашел в игрушечный магазин, — предлагают новую летнюю игру. Специально сработанную по заграничным образцам. «Дьяболо». Такая французская игра для детей. Такая веревочка на двух палках и катушка. Эту катушку надо подкидывать кверху и ловить на веревку. Только и всего.

Веселая, легкая игра. Специально на воздухе. Ах, эти французы, всегда они придумают чего-нибудь забавное!

Купил я эту игру. Подарил сыну.

Начал сын кидать катушку. И чуть себя не угробил. Как ахнет катушкой по лбу. Даже свалился.

Попробовал я на руку катушку, — действительно тяжеленная, дьявол. Не то что ребенка — верблюда с ног свалить может.

Пошел в магазин объясняться: зачем, дескать, такую дрянь производят.

В магазине говорят:

— Напрасно обижаться изволите. Эта игрушка приготовлена совершенно по заграничным образцам. Только что там резиновые катушки бывают, а у нас — деревянные. А так все остальное до мелочей то же самое... У них веревка — и у нас веревка. Только что наша немножко закручивается. Играть нельзя. Катушка не ложится. А так остальное все то же самое. Хотя, говоря по совести, ничего остального и нету, кроме палок.

Я говорю:

— Что же делать?

— А вы, говорят, для душевного спокойствия не давайте ребенку руками трогать эту игру. Прибейте ее гвоздем куда-нибудь над кроваткой. Пущай ребенок смотрит и забавляется.

— Вот, говорю, спасибо за совет! Так и буду делать.

Так и сделал.

Только прибил не над кроваткой, а над буфетом. А то, думаю, ежели над кроваткой — сорвется еще и за грехи родителей убьет ни в чем не повинного ребенка.

Отцы кушают виноград, а у детей — оскомина.

СЕМЕЙНОЕ СЧАСТЬЕ

На днях зашел я к своему знакомому, к Егорову. Он табельщиком на заводе служит.

Прихожу.

Сидит хозяин довольный такой за столом, газету читает. Жена рядом шьет что-то.

Увидел меня хозяин, обрадовался.

— А, говорит, заходи, дружище, заходи... Поздравляй нас...

— С чем же вас поздравлять, Митрофан Семеныч? — спросил я.

— А как же, говорит, с новой жизнью, с новыми переменами, с новыми семейными устоями.

— Не могу догадаться, — сказал я. — Уж не с прибавлением ли семейства?

— Нету, — засмеялся Егоров. — Не то. Не попал в цель... Да ты супругу лично спроси. Это ее больше касается... Гляди, какая она счастливая сидит и шьет... Словно фея... Пущай она сама тебе скажет про свое семейное счастье.

Я посмотрел на супругу Митрофана Семеныча. А та улыбнулась этак криво и говорит:

— Ах да, говорит, мы теперь, знаете ли, на кухне бросили стряпать... Без плиты обходимся. В столовую ходим.

— Да-с! — воскликнул довольный хозяин. — Баста! Новую жизнь начали. В болото все — плиту, кастрюли, лоханки... Пущай и баба свободу узнает... Такой же она человек, как и я.

Хозяин долго говорил о несомненных выгодах общественного питания, потом стал смеяться.

— И во всем, представьте себе, выгода и польза от этой перемены. Скажем, гости пришли. Ну, сидят, ждут. Прислушиваются — не подают ли на стол. А ты им, чертям, объявляешь между прочим, дескать, а мы, извините, в столовке питаемся. Хотите — идите, не хотите — не надо, — за волосы вас не потащим.

Хозяин захохотал и взглянул на свою жену.

— Да, — повторил он, — полная во всем выгода. Время теперь, скажем. Сколько теперь этого самого свободного времени остается! Уйма... Бывало, придет супруга с работы — мечется, хватается, плиту разжигает... Одних спи-

чек сколько изведет... А тут пришла, и делать ей, дуре, нечего. Шей хоть целый день. Пользуйся свободой.

— Это верно, — подтвердил я, — кухня много отнимает времени.

— Еще бы! — с новым восторгом воскликнул хозяин. — Тут по крайней мере пришла с работы и шей, кончила шить — постирай. Стирать нечего — чулки вязать можешь... А то еще можно заказы брать на шитье, потому времени свободного хоть отбавляй.

Хозяин помолчал, потом задумчиво продолжал:

— А в самом деле. Не брать ли тебе, Мотя, заказов? Шитье, скажем... Рубашки там, куртки, толстовки...

— Да что ж, — сказала жена, — отчего же не брать? Можно брать...

Хозяин, видимо, огорчился таким равнодушным ответом.

— «Можно, можно», — передразнил он жену. — Ты, Мотя, всегда недовольна. Другая бы прыгала и скакала, что ее раскрепостили, а ты надуешься, как мышь на крупу, и молчишь... Ведь, небось, довольна, что не приходится на кухне торчать? Ну, отвечай же гостю!

— Отчего же... Конечно, — уныло согласилась жена.

— Еще бы не довольна! Бывало, целый день ты торчала у плиты... Дым, чад, пар, жар, перегар... Фу... Ну шей, шей, Мотя. Пользуйся свободным временем. Надо же и тебе пожить.

Я посмотрел на хозяина. Он говорил серьезно.

— Послушайте, — сказал я, — а ведь хрен редьки не слаще.

— Что-с? — удивился Митрофан Семеныч.

— Я говорю: хрен редьки не слаще. То кухня, то шитье... А может быть, жене вашей газеты почитать охота? Может быть, ей и шить-то не хочется?

— Ну уж вы того, — обиделся хозяин. — Как же ей не шить, когда она баба.

Я встал, попрощался с хозяином и вышел. А когда уходил, то слышал, как хозяин сказал жене:

— Недоволен, черт. Обедать ему не дали, так и скулит, желчь свою на людей пущает... А хочешь обедать — иди в столовку, нечего по гостям трепаться... Ну шей, Мотя, шей, не поднимай зря голову.

НАХАЛЬСТВО

Тут на днях одна комсомольская ячейка разбирала бытовое дело насчет одного комсомольца.

Этот паренек показал себя с невыгодной стороны. Он гулял с тремя девицами и всем жениться наобещал. А сам он был давно женатый, и даже у него в колыбельке малютка копошился.

Про малютку и про жену он ничего не сказал вверенным ему девицам, а наплел им разных небылиц про свою одинокую, холостую жизнь.

Одной наплел, что он секретарь полпреда. И повезет ее в Ригу. Где и купит несколько пар чулок. К другой втерся в доверие и тоже чего-то такое набрехал несуразное. Одним словом, «молодец» и донжуан.

А донжуан, по буржуазной литературе, — это такой определенный сукин сын, который согласен сразу за всеми дамами ухаживать.

Вот наш комсомолец, проживающий на Песочной улице, расставил свои паутины во всех углах и не горюет. Посещает кино. Ходит на свидания. Врет. Конфеты трескает. И думает, что оно так и будет до старости лет.

Только стали доходить до комсомольской ячейки слухи: мол, поведение этого комсомольца довольно недостойное, поскольку он вводит в обман несколько пар женщин.

Вот вызывают этого комсомольца в ячейку и говорят ему разные слова.

— Объяснитесь, что вы за человек и почему за вами какая-то дрянь наблюдается?

Комсомолец говорит:

— Очень, говорит, странно. Это, говорит, есть всецело личное мое дело, и мне, говорит, просто удивительно слушать, чего вы ко мне прилипаете. За мной, говорит, никаких преступных делов нету. Я форменно удивлен вашим заявлением.

И значит, в полном негодовании уходит.

Только вскоре узнается, что с этим комсомольцем произошла совершенно уже некрасивая история.

Одна женщина ударяет его по лицу, или, правильней сказать, по морде, делает ему истерику в общественном месте и вообще устраивает скандал.

Тогда ячейка решает энергичней взяться за это дело. И назначает товарищеский суд и разбирательство.

Вызывают на суд этого комсомольца, но он упирается.

— Мне же, говорит, морду набили, меня же и судить будут. Очень, говорит, удивительно — какие хорошие юристы нашлись!

И в назначенный день заместо явки он присылает заявление.

В заявлении говорится:

«Товарищи, считаю, что вы поступаете в высшей степени некорректно, вмешиваясь в мои интимные дела. По этой причине не считаю более возможным оставаться в узких рамках ВЛКСМ. Мои политические убеждения остаются со мной независимо от членского билета».

Ну конечно, зачитывается эта бумага на собрании.

Происходят улыбки и смех. Некоторые ребята удивляются нахальству и глупости. И одним словом, решают не задерживать этого человека в «узких рамках» ВЛКСМ.

Вот теперь-то, небось, и наделает делов этот нахальный беспартийный молодой человек.

А зря его, товарищи, отпустили. Надо было его сначала нажучить хорошенько.

БЕССОННИЦА

Очень в Одессе любопытное, показательное дело произошло.

А главное — оно очень принципиальное. Тем более голоса разделились. Одни говорят: это издевательство. Другие говорят: что вы, что вы!

А мы тоже ничего издевательского не видим. Можно сказать — все в полном порядке.

А речь идет, я говорю, про Одессу. Про одесскую милицию. Там сам начальник гормилиции немного подзашился.

Ему перед самой чисткой обвинение кинули, — мол, сползает с классовой линии.

Что так? Почему такое? Парень выдающийся, боевой. Зачем ему сползать с линии?

— А как же, говорят, он издевается над младшим составом. Он их на карточку снимает, а после издевается.

— Что вы говорите! Не может того быть? Неужели на карточку снимает?

— Да, говорят, определенно.

А дело такое.

Может, знаете, такой порядок — некоторые начальники имеют обыкновение ловить с поличным. Ну, заснет часовой или постовой, а его и накроют. Винтовку отберут или шапку снимут. А после к ответу тянут.

Дело, безусловно, обыкновенное. Надо дисциплину соблюдать и не дрыхнуть без задних ног на ответственных постах.

Хотя надо сказать — такая ловля спящих мало действительна.

Другие такие нахальные попадаются — отопрутся, — и все.

— Я, говорит, и не спал. Я, говорит, только прищурил глазки, а этот ренегат, может, нажрался жирной пищи и налетает — шапку сразу сымает с головы... У них стрелочники завсегда виноваты.

Так что такая ловля, я говорю, не так уж достигает цели. А очень выдающийся способ изобрел начальник одесской гормилиции. Он ходит с аппаратом и чуть что — на карточку сымает. Такой у него фотоаппаратик девять на двенадцать.

Вот он с ним и ходит. Заметит какой-либо беспорядок и сымает моментально или с небольшой выдержкой.

Сымет, например, на карточку спящую милицию, проявит, отпечатает и после в стенную газету вклеивает. Позор!

Главное — и отвертеться нельзя. Улики, можно сказать, налицо. Сам сидишь, сам спишь, и морда твоя виднеется со всеми подробностями: там, скажем, глазки закрыты, изо рта пузыри вылетают. Одним словом, наглядная панорама.

А очень это фотографическое дело обернулось в неожиданную сторону.

Перед самой чисткой начальника гормилиции со своим аппаратом пришили к делу.

— Так что, говорят, помилуйте, это форменное издевательство. Немного задремлешь, а тебя уж на карточку чикают. Прямо всякий сон пропадает, и аппетит теряется. И бессонница наступает.

Ну, поднялась целая история и тарарам. Тройка встряла в это дело.

— Да, говорят, издевательство налицо. Поставить на сегодняшний день под сомнение его классовую личность и наложить взыскание.

Но тут, спасибо, чистка подошла. Ну и конечно, никакого издевательства не нашли. Так что можно в крайнем случае снова заняться фотографией.

Вот только жаль — аппаратов в продаже нету. Не делают. А пора бы небольшой заводик открыть. Чтобы было чем снимать дремлющую публику. Тем более таковой на сегодняшний день весьма порядочно.

ГОРЬКО

В нашей коммунальной квартире имеется такой ответственный работник товарищ П.

Про него, конечно, нельзя сказать, что он, например, интеллигент. Но он все-таки чего-то там такое знает. Чего-то такое читал и проходил. Так что он имеет полную ответственность и всецело должен отдавать отчет в своих действиях.

Так вот он, значит, в прошлом году женился.

Он женился в прошлом году на такой Верочке. Такая была тоже с нашего дома Верочка. Такая вообще барышня.

Она миленькая, ничего про нее не скажешь, но, безусловно, она передовых взглядов не имела. Она всецело мечтала о беличьем манто, о всяких разных чулочках, ленточках, каблучках и так далее и тому подобное.

И в силу своих взглядов она одевалась чересчур бойко. Завсегда коротенькая юбочка, шляпочка такая, шелковое пальтецо на пуговках.

И она губки свои очень отчаянно красила помадой. И с глазками своими тоже чего-то такое производила, какую-то махинацию. Что ли, она их карандашиком оттеняла. Давала им особую такую игру и выразительность. Так что все мужчины на нее засматривались и мечтали с ней сойтись.

Конечно, когда товарищ П. начал за ней ухаживать, он сразу взвесил все данные.

Да видит, барышня, безусловно, заметная, но, безусловно, так сказать, что ли, чуждый элемент. Придется заново ее воспитать и привить ей новые взгляды. Чтоб это, главное, был человек, а не обезьянка с бантиком.

Но, думает, на то я и передовой товарищ, чтоб за такие трудные делишки браться.

Так вот он подумал и развелся со своей прежней женой.

Развелся со своей прежней супругой и женился на этой хорошенькой барышне.

Конечно, многие усмехались. Мол, что ли, это неудобно. Неэтично, что ли, ему жениться на такой слишком яркой особе, у которой только и делов, что свою фигурку покрасивей нарядить.

Но он пресек все эти пересуды. Мол, не сомневайтесь, милые товарищи. Барышня действительно выражает собой, ну, что ли, мелкобуржуазную стихию нашего дома. Но не пройдет и полгода, как все это переменится, и это будет вполне сознательный товарищ, спутник трудовой жизни, полноправный гражданин, у которого на первом месте будут разные ответственные мысли и классовый интерес, а уж потом все такое остальное.

— Ну, — говорят ему, — глядите, товарищ. Не вкапайтесь. Многие крупные деятели общественной мысли пропадали по случаю того, что у них были такие мелкобуржуазные супруги с накрашенными губками.

Он говорит:

— Мне, право, смешно слышать, чего вы такое говорите. Будьте любезны поглядеть на мою воспитательную работу через полгода.

Начал он после женитьбы воспитывать эту девочку, начал ей разные вопросы задавать. Начал ее стыдить перед лицом советской общественности.

Мол, зачем вы, Верочка, губки свои красите. И зачем у вас, я извиняюсь, юбочки слишком коротки. И зачем у вас ножки. И почему глазки. И дескать, надо быть сознательным, вдумчивым гражданином, а не такой безответственной фигуркой на фоне общественной мысли.

Очень, конечно, от этого нажима барышня горевала и конфузилась, но потом довольно незаметно начала перевоспитываться.

Короче говоря, меньше чем через полгода эта барышня очень удивительно переменилась к лучшему.

Она перестала мазать свои губки. Она пошила себе длинные платьица. Она начала ходить с портфельчиком. И так далее и тому подобное.

Короче говоря, это была воспитательная работа, достойная всеобщего удивления.

В короткое время пустую барышню он превратил в достойного спутника своей жизни, с которым он пошел рука об руку к намеченным идеалам.

Правда, шли они так недолго. Месяца два или полтора, чего-то вроде этого. После чего тов. П. развелся с ней и женился на другой молодой барышне.

Слов нет. Эта последняя не была сознательным товарищем. Она ярко мазала свои губки. Она носила коротенькие юбочки. И кокетливо глядела на мужчин своими огненными глазами. Но тов. П. не смущали подобные крупные препятствия.

Короче говоря, он женился на этой новенькой малютке. И начал ее перевоспитывать, с тем чтобы из этой напудренной обезьянки сделать настоящего, достойного человека, с которым прилично будет ему идти рука об руку к намеченным идеалам.

А сколько времени он будет таким образом с ней идти — покажет дальнейшее будущее. Надо полагать, не менее полгода.

Одним словом, честь имеем поздравить дорогого новобрачного. Горько! Чрезвычайно горько.

ХИТРОСТЬ

А я настоящих изобретателей никогда не видел. Не приходилось. Так что не могу удовлетворить ваше любопытство. Не могу вам объяснить, что это за люди — изобретатели. И с чем их кушают.

Одного парнишку, впрочем, пришлось видеть. Он чего-то там такое мозговал, ковырялся, чего-то такое думал, но так ни черта и не придумал. Придумал, но это впоследствии что-то вроде примуса оказалось. Так что, собственно говоря, этого молодого человека нельзя причислить к лику изобретателей.

Вспоминаю еще про одну девицу, про одну гражданку Марусю Н. Но это тоже ерунда. Тоже не изобретение. Хотя изобретение, но пустяковое. Так, для собственных нужд. Ерунда! Даже патент неловко взять.

И к тому же цель изобретения — низкая, — охрана собственных вещичек.

Но поскольку собственность исчезает и жизнь в этом смысле перестраивается, то, пожалуй, будет интересно поглядеть на таких последних скромных

изобретателей. Как они ухитряются и на что идут, чтоб сберечь свои вещички в целости и сохранности.

Так вот про эту девицу. Какая она из себя — я не могу вам сказать. Я ее не видел. А мне про нее один студентик рассказал, один втузовец. Это было как раз в их общежитии. То есть рядом. В женском отделении.

Так вот, в этом отделении находилась одна довольно симпатичная девица, одна гражданка Маруся Н.

Довольно-таки кокетливая, вертлявенькая и вообще склонная к мещанскому уюту.

У ней перед кроватью стоял столик, завсегда прикрытый бархатной салфеточкой. А на салфеточке были расположены разные штучки — пудра, зеркальце, разная подмазка и духи во флакончике.

Вот через эти духи все и произошло.

А стала пропадать эта драгоценная влага. Так, видать, понемногу кто-то пользуется и отливает.

А девица, конечно, свободных денег не имеет на такую роскошь. И она только руками всплескивает. До того ей жалко этой жидкости.

Уж она и в столик прятала свои духи, и под подушку зарывала, — не помогает. Чья-то невидимая рука нет-нет — да и скрадет немного.

Стала она отметки делать на этикетке — сколько было. Тоже не помогает. Воры с этим не считались и при каждом удобном случае, знай себе, отливают.

Короче говоря, Маруся Н. придумала такую штуку. Она взяла и на баночке наклейку сделала — «яд» — и поверх наклейки изобразила череп с двумя костями. И этот флакончик на стол поставила.

С тех пор никто и не прикасался к жидкости.

За исключением, впрочем, одного раза. Одна истеричка зараз выпила всю жидкость.

Она, видите ли, с одним знакомым поссорилась. И сдуру заглотала всю жидкость, правда, без опасного вреда для себя.

А если б на этот случай изобретение было бы на высоте положения? Можно было бы даже патент хлопотать, — так сказать, за остроту мысли.

Но безусловно, изобретение несколько меркнет, ибо оно направлено на мещанские интересы — на охрану собственности.

Других изобретателей нам не приходилось видеть.

ЧЕЛОВЕКА ЖАЛКО

Наконец-то вышло обязательное постановление насчет пьющих граждан. Немного им поубавили свободу действия.

Раньше, бывало, захочет, например, пьяненький покататься на трамвае — пожалуйста, выезжайте, милый человек, освежайтесь поездочкой. Не хочет на трамвае, хочет на поезде — можно и на поезде.

Одним словом, раньше к ихним услугам был любой транспорт. На чем хочешь, на том и дуй.

Ну а теперь прекратили это удовольствие. Вышло постановление. Расклеено по всем трамваям. Мол, не допущайте и так далее пьяному влезать на транспорт. А то, мол, он может с пьяных глаз сунуться под колесья. А управление после плати.

Ей-богу, прочтешь такие гуманные слова, и с новой энергией жить охота. Потому — заботятся, берегут, не допущают тебя, архаровца, под колесья падать.

И надо отметить — это не только канцелярская отписка. Это живая жизнь. Давеча мы сами наблюдали, как это самое проводится на деле. Пьяному человеку нипочем не дозволили в трамвае ехать.

А сидит он в трамвае и едет. Слов нет, сидит он довольно тихо, никого по мордасам не ударяет. Но конечно, видать, что пьяный. Бубнит чего-то. Ручками махает. Елозит на своем месте. Но пока никого не бьет и не замахивается.

Едет он, едет, только вдруг группа пассажиров высказывает свое полное возмущение.

— Раз, говорят, обязательное постановление, то довольно странно наблюдать на транспорте такую категорию людей.

Кондукторша говорит:

— Да разве за ними углядишь! Они влезают как совершенно трезвые, а после их на транспорте развозит.

И подходит она до пьяного и велит ему сходить.

— А то, говорит, вы под колесья угодите, а я за вас отвечай!

А пьяного если тронуть, он обязательно характер обнаруживает. Так и тут.

Начал он оскорбляться. Замахиваться. Ногами пихаться — дескать, не подходите.

Но тут пассажиры поднавалились и начали дружно его ссаживать. Кое-кто, конечно, заступается:

— Да пущай, говорят, он едет. Чего там, ей-богу! Не троньте его. Действительно, вы его под колесья пихнете.

Ну, которые волокут, — высказывают свое соболезнование.

— Да уж, — говорят, — пьяному человеку долго ли до греха. Того и гляди — сунется.

И конечно, поскорей ссаживают.

Выволокли его на площадку. Остановили вагон. Выперли на мостовую.

А он орет, безобразничает, обратно протискивается, пытается вновь в трамвай войти. Его, конечно, спихивают, щекотят грудь, чтоб ему руки отцепить.

Тут, конечно, трамвай трогается, и пьяный падает со своих копыт прямо чуть не под колесья.

И еще довольно удачно упал. Ножки прямо на волосок от колеса. Еще бы полвершка — и ноги недочет.

А тут ничего. Только что морду разбил. И грудку ушиб.

Но ничего. Встал. Орет безобразно, кулаками грозится, — зачем, дескать, чуть не угробили...

Да, уж эти пьяные. Разве они соображают? Если о них трезвые не позаботятся, они, безусловно, сразу под колесья падать начнут.

Вот за них и хлопочут, издают правила движения, бумагу тратят и так далее.

Потому — жалко человека. Хоть и пьяный человек, а все грустно его навеки потерять.

КРОЛИКИ

Вчера в столовой я кушал кролика. И нет, ничего, знаете ли.

Сначала я, правда, с непривычки подумал, что мне какую-нибудь дрянь подсунули. А потом ничего, разъелся. Кушать можно.

Это мясо нежное и маленько курицей преподает. Или скорей цветной капустой. Очень приятно на вкус, только почему-то после этого выпить хочется. Но я это объясняю скорей психологическими причинами, чем воздействием этого мяса на организм.

А кролика я кушал в чужой столовой. В нашем учреждении с кроликами казус произошел.

У нас сорок служащих. Вот мы решили завести кроликов.

Ну конечно, собрание, разные гордые слова, пятое-десятое.

Служащие говорят:

— Может, нам лучше свинок завести? Все-таки у нас столовая, объедки, пятое-десятое.

Но начальство решает кроликов завести.

Ну, сложились по шестнадцати рублей на рыло. Купили кроликов. Клетки. Уборщицу. Пятое-десятое.

Вот имеем двадцать три кролика и ожидаем от них, согласно обещанию, чудовищного приплода.

Только вдруг мы замечаем, что кролики наши очень такие, что ли, привередливые насекомые. Они и то не жрут, и это не кушают. Их интересуют, видите ли, свеженькие овощи, листочки, сухарики. Еще чего! Очень в них барство наблюдается и капризы, чего даже не бывает у служащих.

В столовой у нас бывает много объедков — так они морды воротят. Они сырые объедки не едят. Они хотят свеженький хлеб, пятое-десятое. Пирожные, может быть.

Вот видим, начали у нас кролики сохнуть.

Начальники говорят:

— Пущай каждый служащий берет каждого кролика под свое шефство и пущай ежедневно своим подшефным чего-нибудь носит. Это и их не разорит, и всячески план будет выполнен.

Ну, стали служащие носить — которые корку принесут, которые печенье «Мария». А им все мало. У них только и делов — пожрать побольше. Это жуткое животное в смысле еды. У них никаких других идейных запросов не бывает. Им бы только пожрать.

Начальники говорят:

— Пес их знает — действительно много жрут. Вскочили нам эти кролики в копеечку.

Служащие говорят:

— Надо было свинок завести. Все-таки у нас объедки бывают.

Вскоре у нас кролики стали хворать. Главное, один кролик захворает, и от него все начинают хворать. Очень нежная тварь.

И чем лечить — неизвестно. Ихний врач говорит:

— Их надо едой лечить — это низшие животные. Они питание себе требуют.

Вскоре осталось у нас девять кроликов. Остальные дуба дали.

Ну, обрадовались служащие. Девять кроликов прокормить еще можно.

Вскоре наступила сырая погода. И хотя эти последние, как говорится, ходят в мехах, но тем не менее простужаются и, главное, боятся сквозняка. Еще чего!

Стали эти девять подлецов кашлять и чихать.

И вскоре осталось у нас всего две персоны.

Хотели мы их употребить в столовую. Но завхоз не позволил.

— Может, — говорят, — они одумаются и начнут нести потомство. Хотя это мало вероятно, поскольку это два самца. Но все-таки подождем. А нет — так тогда в столовую.

Наш бухгалтер устроил калькуляцию и подсчитал стоимость одного обеда из этих будущих кроликов. Он говорит:

— Один обед обойдется рублей в семьдесят.

Так что, кто из служащих получает сто рублей в месяц, тем, конечно, такой обед будет не по карману.

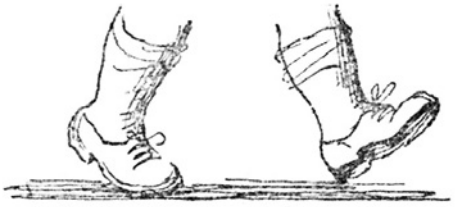
Ну, это, конечно, только у нас. Как в других учреждениях, я не знаю. Может, там кроликов по две копейки продают.

А у нас, извините, такой казус. Такое головотяпство. Ну, я понимаю, там, где нет столовой, там пущай кроликов разводят, а где есть объедки — там бы наилучше всего свинок.

И служащие у нас теперь прямо вздрагивают при слове «кролик». А при слове «свинья» улыбаются.

А так все остальное хорошо.

Рассказы
(1939)



БАРЕТКИ

Трофимыч с нашей коммунальной квартиры пошел своей дочке полсапожки купить. Дочка у него, Нюшка, небольшой такой дефективный переросток. Семи лет.

Так вот, пошел Трофимыч с этой своей Нюшкой сапоги приобретать. Потому как дело к осени, а сапожонок, конечно, у Нюшки нету.

Вот Трофимыч поскрипел зубами — мол, такой расход, — взял, например, свою Нюшку за лапку и пошел ей покупку производить.

Зашел он со своим ребенком в один магазин. Велел показать товар. Велел примерить. Все вполне хорошо — и товар хорош, и мерка аккуратная. Одно, знаете, никак не годится — цена не годится. Цена, прямо скажем, показалась Трофимычу очень высокой.

А Трофимыч, конечно, хотел подешевле купить эти детские недомерки.

Пошел тогда Трофимыч, несмотря на отчаянный Нюшкин рев, в другой магазин. В другом магазине спросили такую же цену. В третьем магазине опять то же самое. Одним словом, куда ни придут — та же история: и нога по сапогу, и товар годится, а с ценой форменные ножницы — расхождение и вообще Нюшкин рев.

В пятом магазине Нюшка примерила сапоги — хороши. Спросили цену. И тут начал Трофимыч упрашивать, чтоб ему скостили рубля три-четыре, а в это время Нюшка в новых сапожках подошла к двери и, не будь дура, вышла на улицу.

Кинулся было Трофимыч за этим своим ребенком, но его заведующий удержал:

— Прежде, — говорит, — заплатить надо, товарищ, а потом бежать по своим делам.

Начал Трофимыч упрашивать, чтоб обождали.

— Сейчас, — говорит, — ребенок, может быть, явится. Может, ребенок пошел промяться в этих новых сапожках.

Заведующий говорит:

— Это меня не касается. Я товару не вижу. Платите за товар деньги. Или с магазина не выходите.

Трофимыч отвечает:

— Я лучше с магазина не выйду. Я обожду, когда ребенок явится.

Но только Нюшка не вернулась.

Она вышла из магазина в новеньких баретках и, не будь дура, домой пошла.

«А то, — думает, — как пить дать, обратно не купит по причине все той же дороговизны».

Так и не вернулась.

Нечего делать — заплатил Трофимыч, сколько спросили, поскрипел зубами и пошел домой.

А Нюшка была уже дома и щеголяла в своих новых баретках.

Хотя Трофимыч ее слегка потрепал, но, между прочим, баретки так при ней и остались.

Теперь, после этого факта, может быть, вы заметили: в государственных магазинах начали отпущать на примерку по одному левому сапогу.

А правый сапог теперь прячется куда-нибудь, или сам заведующий зажимает его в коленях и не допускает трогать.

И действительно, в одном сапоге, как говорится, далеко не уйдешь.

Презабавная история произошла со мной на транспорте этой осенью.

Я ехал в Москву. Из Ростова. Вот подходит почтово-пассажирский поезд .

Сажусь в этот поезд.

Народу не так чтобы безобразно много. Даже в крайнем случа, сесть можно.

Прошу потесниться. Сажусь.

И вот гляжу на своих попутчиков.

А дело, я говорю, к вечеру. Не то чтобы темно, но темновато. Вообще сумерки. И огня еще не дают. Провода, может быть, экономят.

Так вот, гляжу на окружающих пассажиров и вижу — компания подобралась довольно славная. Такие все, вижу, симпатичные, не надутые люди.

Один такой без шапки, длинногривый субъект, но не поп. Такой вообще интеллигент в черной тужурке.

Рядом с ним — в русских сапогах и в форменной фуражке. Такой усатый. Только не инженер. Может быть, он сторож из зоологического сада или агроном. Только, видать, очень отзывчивой души человек. Он держит своими ручками перочинный ножик и этим ножичком нарезает антоновское яблоко на кусочки и кормит своего другого соседа — безрукого. Такой с ним рядом, вижу, безрукий гражданин едет. Такой молодой пролетарский парень. Без обеих рук. Наверное, инвалид труда. Очень жалостно глядеть.

Но он с таким аппетитом кушает. И поскольку у него нету рук, тот ему нарезает на дольки и подает в рот на кончике ножа.

Такая, вижу, гуманная бытовая картинка.

А напротив них сидит немолодой седоватый мужчина в черном картузе. И все он, этот мужчина, усмехается.

Может, до меня у них какой-нибудь забавный разговор был. Только, видать, этот пассажир все еще не может остыть и все хохочет по временам: «хе-е» и «хе-е».

А очень меня заинтриговал не этот седоватый, а тот, который безрукий.

И гляжу я на него с гражданской скорбью, и очень меня подмывает спросить, как это он так опростоволосился и на чем конечности потерял. Но спросить неловко.

Думаю, попривыкну к пассажирам, разговорюсь и после спрошу.

Стал посторонние вопросы задавать усатому субъекту, как более отзывчивому, но тот отвечает хмуро и с неохотой.

Только вдруг в разговор со мной ввязывается первый интеллигентный мужчина, который с длинными волосами.

Чего-то он до меня обратился, и у нас с ним завязался разговор на разные легкие темы: куда едете, почем капуста и есть ли у вас жилищный кризис на сегодняшний день?

Он говорит:

— У нас жилищного кризиса не наблюдается. Тем более мы проживаем у себя в усадьбе, в поместье.

— И что же, — говорю, — вы комнату имеете или собачью будку?

— Нет, — говорит, — зачем комнату. Берите выше. У меня девять комнат, не считая, безусловно, людских, сараев, уборных и так далее.

Я говорю:

— Может врете? Что ж, — говорю, — вас не выселили в революцию или это есть совхоз?

— Нет, — говорит, — это есть мое родовое дворянское имение. Да вы, — говорит, — приезжайте ко мне. Я иногда вечера устраиваю. Кругом у меня фонтаны брызжут. Симфонические оркестры поминутно вальсы играют.

— Что же вы, — говорю, — я извиняюсь, арендатор будете или вы есть частное лицо?

— Да, —говорит, — я частное лицо. Я, между прочим, помещик.

— То есть, — говорю, — как вас, позвольте, понимать? Вы есть бывший помещик? То есть, — говорю, — пролетарская революция смела же вашу категорию. Я, — говорю, — извиняюсь, чего-то не разобраться в этом деле. У нас, — говорю, — социальная революция, социализм, — какие у нас могут быть помещики?

— А вот, — говорит, — могут. Вот, — говорит, — я помещик. Я, — говорит, — сумел сохраниться через всю вашу революцию, и, — говорит, — я плевал на всех, — живу, как хочу. И нет мне дела до ваших, подумаешь, социальных революций.

Я гляжу на него с изумлением и прямо не понимаю, что к чему.

Он говорит:

— Да вы приезжайте — увидите. Ну, хотите, — сейчас заедем ко мне. Очень, —говорит, — роскошную барскую жизнь встретите.

«Что, — думаю, — за черт? Поехать, что ли, поглядеть, как это он сохранился сквозь пролетарскую революцию? Или он брешет?»

Тем более вижу — седоватый мужчина смеется. Все хохочет: «хе-е» и «хе-е».

Только я хотел сделать ему замечание за неуместный смех, а который усатый, который раньше нарезал яблоко, отложил перочинный нож на столик, дожрал остатки и говорит мне довольно громко:

— Да вы с ними перестаньте разговор поддерживать. Это психические. Не видите, что ли?

Тут я поглядел на всю честную компанию и вижу — батюшки мои! Да ведь это действительно ненормальные едут со сторожем. И который длинноволосый — ненормальный. И который все время хохочет. И безрукий тоже. На нем просто смирительная рубашка надета — руки скручены. И сразу не разобрать, что он с руками. Одним словом, едут ненормальные. А этот усатый — сторож. Он их перевозит.

Гляжу я на них с беспокойством и нервничаю — еще, думаю, черт их побери, задушат, раз они психические и не отвечают за свои поступки!

Только вдруг вижу — один ненормальный, с черной бородой, мой сосед, поглядел своим хитрым глазом на перочинный ножик и вдруг осторожно берет его в руку.

Тут у меня сердце екнуло, и мороз по коже прошел. В одну секунду я вскочил, навалился на бородатого и начал у него ножик отбирать.

А он отчаянное сопротивление мне оказывает. И прямо меня норовит укусить своими бешеными зубами.

Только вдруг усатый сторож меня назад оттягивает.

— Чего вы, — говорит, — на них навалились, как вам, право, не совестно! Это ихний ножик. Это не психический пассажир. Вот эти трое — да, мои психические. А этот пассажир просто едет, как и вы. Мы у них ножик одалживали — попросили. Это ихний ножик. Как вам не совестно!

Которого я подмял, говорит:

— Я же им ножик давал, они же на меня и накидываются. Душат за горло. Благодарю — спасибо. Какие странные поступки с ихней стороны! Да, может, это тоже психический. Тогда, если вы сторож, вы за ним получше глядите. Эвон, накидывается — душит за горло.

Сторож говорит:

— А может, и он тоже психический. Пес его разберет. Только он не с моей партии. Чего я за ним буду зря глядеть. Нечего мне указывать. Я своих знаю.

И поскольку у него нету рук, тот ему нарезает на дольки
и подает в рот на кончике ножа

Я говорю:

— Я извиняюсь, я думал — вы тоже ненормальный.

— Вы, — говорит, — думали! Думают индейские петухи...Чуть меня не задушили за горло. Разве не видите, что ли, ихний безумный взгляд и мой — натуральный?

— Нет, — говорю, — не вижу. Напротив, — говорю, — у вас тоже в глазах какая-то муть, и борода тычком растет, как у ненормального.

Один психический — этот самый помещик — говорит:

— А вы дерните его за бороду, — вот он и перестанет ненормальности говорить.

Бородатый хотел закричать, но тут мы приехали на станцию Игрень, и наши психические со своим проводником вышли. И вышли они в довольно строгом порядке. Только что «безрукого» пришлось слегка подталкивать.

А после кондуктор нам сказал, что на этой станции Игрень как раз имеется дом для душевнобольных, куда иной раз возят таких психических. И что как же их еще возить? Не в собачьей теплушке же. Обижаться нечего.

Да я, собственно, и не обижаюсь. А вот которого я подмял, тот действительно обиделся. Он долго глядел на меня хмуро и с испугом следил за каждым моим движением. А после, не ожидая от меня ничего хорошего, перешел с вещами в другое отделение.

Пожалуйста. Ничего не имею против.

Техника у нас шагнула на очень большую высоту.

Технические достижения уже перестали публику удивлять. Однако случаются некоторые факты, которые поражают своим величием. Они поражают своей неожиданностью. Еще десять лет назад, казалось бы, ничего подобного не могло быть на страницах нашей жизни. А сейчас это уже бытовой факт, дающий реальную пользу населению.

Короче говоря, вот что недавно произошло у нас в Ленинграде.

Один московский работник кинематографии прибыл в Ленинград по делам службы.

И он остановился в гостинице «Европа».

Прекрасный, уютный номер. Две постели. Ванна. Ковры. Картинки. Все это, так сказать, располагало нашего приезжего видеть людей и приятно проводить время.

В общем, к нему стали заходить друзья и приятели.

И как это всегда бывает, некоторые из его приятелей, приходя, принимали ванну. Поскольку многие живут в квартирах, где нет ванн. А в баню ходить многие, конечно, не так-то любят и вообще забывают об этой бытовой процедуре. А тут такой удобный случай: зашел к приятелю, поболтал, пофилософствовал и тут же помылся. Тем более тут горячая вода. Казенная простынка и так далее.

И многие, конечно, через это любят, когда у них есть приезжие друзья.

Короче говоря, дней через пять наш приезжий москвич несколько даже утомился от подобной неуклонной линии своих друзей.

Но конечно, крепился до самого последнего момента, когда наконец разыгралась катастрофа.

А к нему как-то вечером пришли почти что сразу шесть знакомых. Тары да бары, и тут же среди гостей образовалась до этой ванны небольшая очередь.

Трое быстро помылись и, попив чаю, ушли.

Но четвертая была старая дама. Родственница приезжего. И та мылась исключительно долго.

И даже, кажется, что-то стирала из своего гардероба. И до того она там долго возилась, что москвич и дожидавшиеся просто захандрили. Она час с четвертью не выходила из ванны.

Но поскольку она была родная тетка нашего москвича, то он и не разрешил своим друзьям никаких эксцессов по ее адресу.

Короче говоря, когда она вышла, было уже далеко за полночь.

Один из приятелей не стал больше ждать. А другой, удивительно настойчивый и нахальный, все-таки во что бы то ни стало пожелал непременно сегодня вымыться, чтоб ему для чего-то завтра быть чистым. И вот он дождался теткиного выхода. Вымыл ванну. И пустил горячую воду. И сам прилег на кушетку и стал дожидаться, когда ванна наполнится. И даже подумал : «Напущу полванны горячей воды, потом немного добавлю холодненькой и во что бы то ни стало сегодня вымоюсь».

Но тут как-то случилось, что от сильного утомления он заснул. И москвич вдобавок задремал на диване.

А вода, наполнив ванну, вышла наружу и в короткое время затопила номер и даже протекла в другой этаж. Но поскольку в нижнем этаже была гостиная и там никого не было, то катастрофу не сразу заметили.

Короче говоря, наши два приятеля проснулись от сильного тепла и пара. Причем москвичу, как он после рассказывал, снился сон, что он в Гаграх.

Но когда он проснулся, то увидел, что весь номер в воде и поверх плавают туфли, газеты, спички и разные деревянные изделия.

Горячая вода не дозволила, конечно, сразу прекратить наводнение, поскольку они не решались добежать до ванны, чтоб закрыть кран. Они, сидя на диванах, не решались спустить ноги в воду, от которой шел пар.

Но потом, кое-как передвигая стулья и перепрыгивая с одного стула на другой, перетрусивший приятель москвича добрался до ванны и закрыл кран.

И только он закрыл кран и вода стала куда-то утекать, как в номер вбегает администрация с побледневшими лицами. Осмотрев ванну и нижний этаж, администрация совместно с прибывшим инженером стала о чем-то совещаться.

А среди наших друзей завязался тяжелый спор: кто виноват и кому платить убытки?

Приятель москвича, еле дыша от страха, сказал, что рублей сорок он как-нибудь покроет, но все, что свыше, пусть оплачивает владелец номера, кото-

рый легкомысленно допускал мыться посторонних. Тут между ними завязался спор, который мог бы кончиться печально, если б рядом не было администрации.

Москвич дрожащим голосом говорит администраторам:

— А скажите, на какую сумму могут быть убытки?

Администрация говорит:

— Видите, внизу в гостиной размыло лепные украшения: одну крупную античную фигуру и трех херувимов. Так что это сильно увеличит расходы.

Услышав о лепных украшениях и херувимах, приятель москвича буквально задрожал. Москвич, с тоской взирая на администрацию, прошептал:

— А на какую сумму размыло... этих херувимов?

Инженер говорит:

— Тысчонок, мы так полагаем, семь-восемь будет стоить эта операция...

Сумма эта совершенно подкосила силы москвича, и он прилег на диван, мало чего соображая.

А приятель его выказал себя с нехорошей стороны. Он поступил как подлец, пытаясь, так сказать, дать тигаля. Но был задержан слабой, но честной рукой приезжего.

Приезжий москвич, еле ворочая языком, говорил администрации:

— Тысчонки бы за две нельзя? В крайнем случае пес с ним, с херувимами... Не такое сейчас время, чтоб платить за херувимов. Я, — говорит, — стою за антирелигиозность в архитектуре. Я, как работник кино, горячо протестую против амуров и херувимов.

Администрация говорит:

— Да вы напрасно, —говорит, — торгуетесь. Мы, кажется, с вас убытков не требуем.

Услышав эти слова, приятель москвича закрыл глаза, думая, что это сон. Но администрация говорит:

— На вас мы не возлагаем никакой вины. Тут наш технический недосмотр. Мы плохо рассчитали утечку воды, и это наша техническая слабость.

Инженер тут же дает научное пояснение. Он говорит, показывая на ванну:

— Видите, тут наверху ванны имеется дырка, в которую вода должна утекать по мере наполнения ванны. И при научно правильном расчете вода не имеет права выйти за пределы краев. Но тут мы выказали некоторую слабость, и дырка, как вы могли видеть, не успела поглотить текущую жидкость. Так что мы просим у вас извинения за причиненное беспокойство. В дальнейшем этого не будет. Мы исправим. Это технические неполадки, которым не место в нашей славной современности.

Услышав эти слова, приятель москвича хотел упасть на колени, чтоб возблагодарить администрацию и судьбу, но приезжий не разрешил ему это сделать.

Он сказал инженеру:

— Конечно, иначе не могло и быть. Но скажите, кто мне возместит убытки: у меня туфли промокли и чемодан подмок, и, может быть, там что-нибудь тоже испортилось благодаря вашей технической слабости.

Администрация говорит:

— Подайте заявление — мы возместим убытки.

На другой день москвич получил сорок шесть рублей за подмоченный чемодан.

Приятель москвича тоже хотел воспользоваться случаем, чтоб содрать небольшую сумму за счет техники, но это ему сделать не удалось, так как он не имел права ночью находиться в чужом номере.

На другой день он все же пришел в гостиницу и там принял ванну, несмотря на то что москвич был этим крайне недоволен и даже рассердился.

К одному жильцу с нашей коммунальной квартиры прибыл из деревни его отец.

Конечно, он прибыл по случаю болезни своего сына. Без этого он, наверное, до конца своих дней не увидел бы Ленинграда. Но поскольку захворал его сын, вот он и прибыл.

А сын его был наш жилец. И он служил в одном ресторане официантом. Он там порции подавал и был на хорошем счету.

И может быть, стараясь еще больше, он однажды, разгорячившись своим ночным трудом, выскочил на улицу, с тем чтобы пойти домой, и, конечно, через это простудился на своем, так сказать, кулинарном посту. Он захворал сначала насморком и семь дней чихал. Но потом простуда перешла к нему на грудь, и температура вдруг поднялась до плюс сорока градусов выше нуля.

Вдобавок еще до этого, желая в свободный день культурно провести время, он поехал в Павловск осмотреть дворцы, и там он немного надорвался, помогая своей супруге войти в вагон.

Так что все это, вместе взятое, дало печальную картину заболевания человека в полном расцвете его сил.

И, будучи от природы мнительным, наш бедный официант был уверен, что он уже не поправится и уже, как говорится, не приступит больше к исполнению своих прямых обязанностей.

И вот через это он и пригласил своего папу приехать в Ленинград, чтобы сказать ему последнее прости.

Не то чтобы он горячо любил своего папеньку, и вот теперь на закате своей жизни он во что бы то ни стало захотел его увидеть, напротив, он в течение сорока лет о нем не справлялся и совершенно как бы безучастно относился к факту его существования. Но его супруга, увидя у своего мужа такую невозможно высокую температуру, скорее из самолюбия, — мол, все,

как у людей, — дала папе телеграмму: дескать, приезжайте в Ленинград, ваш сын захворал.

И когда сын уже начал поправляться, в Ленинград, всем на удивление, прибыл из весьма далеких мест его папанька в лаптях, с мешком за спиной и с палкой. Правда, потом оказалось, что у старика в мешке были сапоги, но он их принципиально не носил, говоря об этом: «Богатый бережет рожу, а бедный — одежу».

Конечно, все, и в том числе сын, рассчитывали, что приедет скромный, отчасти даже религиозный старец лет семидесяти и будет тут произносить постные речи и всего пугаться. Но оказалось совершенно, как говорится, напротив.

Оказалось, что старикан был на редкость задиристый, немного скандалист, грубиян и брехун. И вдобавок он был не то чтобы контрреволюционер, но он отличался исключительной отсталостью в политическом смысле.

Он моментально во дворе дома схлестнулся с дворником и отодрал за уши одного подростка, пришедшего в гости к своему дяде, живущему тут двенадцать лет.

Потом он у нас в жакте резко беседовал с председателем, так что тот удивился, какие бывают взгляды на современность, и даже хотел об этом сообщить по месту его жительства.

В довершение всего приезжий отец напугал своего сына тем, что с места в карьер навел в конторе справку, не может ли он тут получить площадь для постоянного проживания в Ленинграде.

Конечно, сам по себе старик, наверное, был сравнительно хороший, но тут с первого дня его приезда почти все жильцы оказались не на высоте в смысле культуры. Они все начали над ним подтрунивать, шутили над ним, как над дураком, смеялись насчет его провинциальных, деревенских манер. И каждый старался сказать ему какую-нибудь чушь, вроде того, как ему при встрече всякий раз говорил дворник петушиным голосом: «С какого именно колхоза прибыли, молодой человек?»

Да и сын его, официант Гаврилов, тоже, конечно, не отставал от общего настроения и в другой раз, давясь от смеха, говорил старику, нарочно глядя в газету:

— Сегодня, папаня, не ходите на улицу — ожидается облава на седых и рыжих.

Конечно, все это делалось довольно любовно и без злобы, но все-таки, как говорится, это, наверное, не было чем-нибудь приятным для приезжего старика, который прожил семьдесят два года и был, наверное, умнее их всех,

И когда поезд тронулся, папа, стоя на площадке,
отдал всем провожающим честь

вместе взятых. А они думали, что это — простофиля, дурак и серый мужик, и вот что с ним делали.

И это, конечно, имело отрицательную реакцию на его поведение.

И сколько дней он тут прожил — столько скандалов имело место. Были крики, сцены, грубости и так далее.

В довершение всего на седьмой день своего пребывания он в пивной надрызгался и стал там буянить. И даже его хотели представить в милицию. Но он от всех скрылся и пошел шляться по улицам.

И вот он идет по улице и песни играет. А сам старенький, седенький и одетый по-деревенски, в высшей степени незатейливо.

И вот он идет по улицам и вдруг видит, что заблудился.

Конечно, это абсурд — тут заблудиться. Тем более он адрес знает. Но с пьяных глаз он испугался и даже протрезвел.

И спросил прохожего, куда ему идти. Но прохожий не знал и велел ему обратиться к органам милиции.

Конечно, наш старик оробел сразу подойти к стоящему на посту милиционеру и от волнения прошел еще два-три квартала.

Но потом подошел к постовому с опаской, думая, что тот засвистит и закричит на него.

Но тот, согласно внутренней инструкции, отдал честь подошедшему, приложив к козырьку свою руку в белой перчатке.

Приготовившись к скандалу и привыкши к этому, старик от неожиданности немного растерялся и залепетал разные слова, не идущие к делу.

А постовой, спросив у него, какая ему нужна улица, показал, куда идти, и, снова отдав честь, занялся своим делом.

Но этот маленький жест почтения и вежливости, рассчитанный в свое время на генералов и баронов, произвел исключительное впечатление на нашего приезжего старика.

Старик аж задрожал, когда ему постовой отдал честь вторично и, стало быть, тем самым показал, что тут ошибки не было, а было то, что ему полагалось.

И тогда старик, как потом выяснилось, снова еще раз подошел уже к другому милиционеру и снова получил приветствие, которое с еще большей силой запало в его слабую душу.

Конечно, я не знаю, может ли быть, чтоб это сразу отразилось на характере, но все заметили, что старикан вернулся в высшей степени сдержанный и, проходя мимо дворника, не вступил с ним в обычные пререкания, а молча отдал ему честь и проследовал к себе.

Не знаю, может ли быть, что такая мелочь и такой, в сущности, пустяк могли сыграть известную роль в смысле перековки характера, но все заметили, что с папашей Гавриловым что-то произошло другое и в высшей степени оригинальное.

Кое-кто видел, как он на углу около своего дома пару раз подходил к милиционеру и с ним вежливо беседовал.

И многие, грубоватые в своем уме, увидев перемену, приписали ее страху, который старик испытывал, когда его хотели волочить в милицию. Но некоторые поняли по-другому.

И один интеллигент с нашей квартиры, страдающий сахарной болезнью, сказал про этот случай:

— Я завсегда отстаивал ту точку зрения, что уважение к личности, похвала и почтение приносят исключительные результаты. И многие характеры от этого раскрываются, буквально как розы на рассвете.

Большинство с ним не согласилось, и даже у нас в квартире произошла безрезультатная дискуссия.

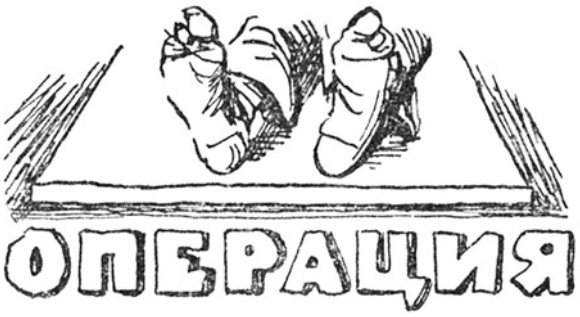
А дня через три папаша Гаврилов заявил своему сыну, что срочные дела требуют его отбытия в деревню.

Некоторые из нашей квартиры, желая загладить перед стариком свои неуклюжие шутки, пошли его провожать на вокзал.

И когда поезд тронулся, папа, стоя на площадке, отдал всем провожающим честь.

И все засмеялись, и папа засмеялся и уехал к себе на родину.

И там он, наверное, внесет теперь некоторую любезность в свои отношения к людям. И от этого ему в жизни станет еще более светло и приятно.



Эта маленькая грустная история произошла с товарищем Петюшкой Ящиковым. Хотя, как сказать — маленькая! Человека чуть не зарезали. На операции.

Оно, конечно, до этого далеко было. Прямо очень даже далеко. Да и не такой этот Петька, чтобы мог допустить себя свободно зарезать. Прямо скажем: не такой это человек. Но история все-таки произошла с ним грустная. Хотя, говоря по совести, ничего такого грустного не произошло. Просто не рассчитал человек. Не сообразил. Опять же, на операцию в первый раз явился. Без привычки.

А началась у Петюшки пшенная болезнь. Верхнее веко у него на правом глазу начало раздувать. И за три года с небольшим раздуло прямо в чернильницу.

Смотался Петя Ящиков в клинику. Докторша ему попалась молодая, интересная особа.

Докторша эта ему говорила:

— Как хотите. Хотите — можно резать. Хотите — находитесь так. Эта болезнь несмертельная. И некоторые мужчины, не считаясь с общепринятой наружностью, вполне привыкают видеть перед собой все время этот набалдашник.

Однако, красоты ради, Петюшка решился на операцию. Тем более и докторша ему понравилась. И вот он взял и согласился.

Тогда велела ему докторша прийти завтра.

Назавтра Петюшка Ящиков хотел было заскочить на операцию сразу после работы. Но после думает: «Дело это хотя глазное и наружное, и операция, так сказать, не внутренняя, но пес их знает — как бы не приказали костюм раздеть. Медицина — дело темное. Не заскочить ли, в самом деле, домой — переснять нижнюю рубаху?»

Побежал Петюшка домой.

Главное, что докторша молодая. Охота было Петюшке пыль в глаза ей пустить, — дескать, хотя снаружи и не особо роскошный костюм, но зато, будьте любезны, рубашечка — чистый мадеполам.

Одним словом, не хотел Петя врасплох попасть.

Заскочил домой. Надел чистую рубаху. Шею бензином вытер. Ручки под краном сполоснул. Усики кверху растопырил. И покатился.

Докторша говорит:

— Вот это операционный стол. Вот это ланцет. Вот это ваша пшенная болячка. Сейчас я вам все это сделаю. Снимите сапоги и ложитесь на этот операционный стол.

Петюшка слегка даже растерялся.

«То есть, — думает, — прямо не предполагал, что сапоги снимать. Это же форменное происшествие. Ой-ёй, — думает, — носочки-то у меня неинтересные. Если не сказать хуже».

Начал Петюшка Ящиков все-таки свой китель сдирать, чтоб, так сказать, уравновесить другие нижние недостатки.

Докторша говорит:

— Китель оставьте трогать. Не в бане. Снимите только сапоги.

Начал Петюшка хвататься за сапоги, за свои джимми. После говорит:

— Прямо, — говорит, — товарищ докторша, не знал, что с ногами ложиться. Болезнь глазная, верхняя — не предполагал. Прямо, — говорит, — товарищ докторша, — рубашку переменил, а другое, извиняюсь, не трогал. Вы, — говорит, — на них не обращайте внимания во время операции.

Докторша, утомленная высшим образованием, говорит:

— Ну, валяй скорей. Время дорого.

А сама сквозь зубы хохочет.

Так и резала ему глаз. Режет и хохочет. На ногу посмотрит и от смеха задыхается. Аж рука дрожит.

А могла бы зарезать со своей дрожащей рукой!

Разве можно так человеческую жизнь подвергать опасности?

Но между прочим, операция кончилась прекрасно. И глаз у Петюшки теперь без всякой опухоли.

Вот, братцы мои, и праздник на носу — Пасха православная.

Которые верующие, те, что бараны, потащат свои куличи святить. Пущай тащат! Я не потащу. Будет. Мне, братцы, в прошлую Пасху на кулич ногой наступили.

Главное, что я замешкался и опоздал к началу. Прихожу к церковной ограде, а столы все уже заняты. Я прошу православных граждан потесниться, а они не хотят. Ругаются.

— Опоздал, — говорят, — черт такой, так и станови свой кулич на землю. Нечего тут тискаться и пихаться — куличи посроняешь.

Ну, делать нечего, поставил свой кулич на землю. Которые опоздали, все наземь ставили.

И только поставил, звоны и перезвоны начались.

И вижу — сам батя с кисточкой трется.

Макнет кисточку в ведерко и брызжет вокруг. Кому в рожу, кому в кулич — не разбирается.

А позади бати отец дьякон благородно выступает с блюдцем, собирает пожертвования.

— Не скупись, — говорит, — православная публика! Клади монету посередь блюдца.

Проходят они мимо меня, а отец дьякон зазевался на свое блюдо и — хлоп ножищей в мою тарелку. У меня аж дух захватило.

— Ты что ж, — говорю, — длинногривый, на кулич-то наступаешь?.. В пасхальную ночь...

— Извините, — говорит, — нечаянно.

Я говорю:

— Мне с твоего извинения не шубу шить. Пущай мне теперь полную стоимость заплатят. Клади, — говорю, — отец дьякон, деньги на кон!

Прервали шествие. Батя с кисточкой заявился.

— Это, — говорит, — кому тут на кулич наступили?

— Мне, — говорю, — наступили. Дьякон, — говорю, — длинногривый черт, наступил.

Батя говорит:

— Я, — говорит, — сейчас кулич этот кисточкой покроплю. Можно будет его кушать. Все-таки духовная особа наступила...

— Нету, — говорю, — батя. Хотя все ведерко свое на его выливай, не согласен. Прошу деньги обратно.

Ну, спор поднялся. Кто за меня, кто против меня.

Звонарь Вавилыч с колокольни высовывается, спрашивает:

— Звонить, что ли, или пока перестать?

Я говорю:

— Обожди, Вавилыч, звонить. А то под звон они меня тут совсем объегорят.

А поп ходит вокруг меня, что больной, и руками разводит.

А дьякон, длинногривый дьявол, прислонился к забору и щепочкой мой кулич с сапога счищает.

После выдают мне небольшую сумму с блюда и просят уйти, потому, дескать, мешаю им криками.

Ну, вышел я за ограду, покричал на отца дьякона, посрамил его, а после пошел.

А теперь куличи жру такие, несвяченые.

Вкус тот же, а неприятностей куда как меньше.

А вкус даже лучше, поскольку никто ногой туда не наступал.

В ТРАМВАЕ

Давеча еду в трамвае. И стою, конечно, на площадке, поскольку я не любитель внутри ехать. Стою на площадке и любуюсь окружающей панорамой.

А едем через мост. И очень вокруг поразительно красиво. Петропавловская крепость с золотым шпилем. Нева со своим державным течением. Тут же солнце закатывается. Одним словом, очень, как раньше говорилось, божественно.

И вот стою на площадке, и душа у меня очень восторженно воспринимает каждую краску, каждый шорох и каждый отдельный момент.

Разные возвышенные мысли приходят. Разные гуманные фразы теснятся в голове. Разные стихотворения на ум приходят. Из Пушкина что-то такое выплывает в память: «Тятя, тятя, наши сети притащили мертвеца...»

И вдруг кондукторша разбивает мое возвышенное настроение, поскольку она начинает спорить с одним пассажиром. И тут я, как говорится, с высоты заоблачных вершин спускаюсь в надземный мир с его узкими интересами и мелкими страстями.

Молодая, интересная собой кондукторша ядовито говорит пассажиру:

— Что ж вы думаете: я даром вас повезу? Платите, короче говоря, деньги или сойдите с моего вагона.

И слова, которые она произносит, относятся к скромно одетому человеку. И стоит этот человек со своим постным лицом и, одним словом, не платит за проезд. Он отвиливает платить. И то роется в карманах и ничего там не находит, то говорит уклончиво:

— Такая славненькая кондукторша, и такие хорошенькие у нее губки, и так она сильно ерепенится и этим портит свою наружность... Ну нет у меня денег... Сейчас сойду, только одну остановку проеду...

— То есть никакой остановки я тебе даром не дам проехать, — говорит кондукторша. — А если у тебя денег нет, так зачем же ты, нахал, в трамвай влез? Вот чего я никак не пойму.

Пассажир говорит:

— Тоже пешком идти, — может быть, у меня пузыри на ногах. Какие нечувствительные люди в настоящее время. Совершенно не входят в положение человека. Только за все — деньги и деньги.

Гуманные чувства заполняют мое сердце. Мне становится жалко человека, у которого нет даже нескольких грошей на проезд в трамвае.

Я вынимаю деньги и говорю кондукторше:

— Примите за того, который с постным лицом. Я заплачу за него.

Кондукторша говорит:

— Никакой уплаты со стороны я не разрешаю.

— То есть, — говорю, — как же вы можете не разрешить? Вот тебе здравствуйте!

— А так, — говорит, — и не разрешу. И если у него нету денег, то и пущай он пешком шкандыбает. А на своем участке работы я не дозволю поощрять то, с чем мы боремся.

— Позвольте, — говорю, — это негуманно. К человеку надо гуманно относиться, когда ему плохо, а не наоборот. И вдобавок это, может быть, мой родственник, и я его желаю поддержать на основе родственных чувств.

— А вот я вашего родственника сейчас отправлю в одно местечко, — говорит кондукторша и, свесившись с трамвая, начинает трещать в свой свисток.

Пассажир с постным лицом говорит, вздохнувши:

— Какая попалась на этот раз ядовитая бабенка. А ну, брось свистеть и поезжай дальше: я сейчас заплачу.

Он вынимает из кармана три червонца и со вздохом говорит:

— Крупная купюра, и через это в трамвае мне ее не хотелось зря менять. Но поскольку эта особа с ума сходит и не дозволяет пассажирам производить поддержку, то вот примите, если, конечно, найдется сдачи, что вряд ли.

Кондукторша говорит:

— Чего вы суете мне в нос такие крупные деньги? У меня нету сдачи. Нет ли у кого разменять?

Я было хотел разменять, но, увидя суровый взгляд пассажира, отложил свои намерения.

— Вот то-то и оно, — сказал пассажир. — Через это я и не давал купюру, поскольку знаю, что это безрезультатно и в трамвае не могут ее разменять.

— Какая канитель с этим человеком, — говорит кондукторша. — Тогда я трамвай сейчас остановлю и его к черту ссажу. Он мне тормозит мою работу.

И она берется за звонок и хочет звонить.

Пассажир, вздохнувши, говорит:

— Эта кондукторша — что-нибудь особенное. То есть я в первый раз вижу такое поведение. А ну, погоди звонить: я сейчас заплачу.

Он роется в кармане и достает двугривенный.

Кондукторша говорит:

— Что ж ты, дармоед, раньше-то не давал? Небось, хотел на пушку проехать!

Пассажир говорит:

— Всем давать — потрохов не хватит. Прими деньги и заткни фонтан своего красноречия... Через такие мелочи трещит своим языком в течение часа. Прямо надоело.

— И хотя это мелочи, — сказала кондукторша, обращаясь к публике, — но они затрудняют плавный ход движения государственного аппарата. И я через это пропустила массу безбилетных пассажиров.

Через две остановки злополучный пассажир со своей мелкой, склочной душой сошел с трамвая. И тогда кондукторша сказала:

— Какие бывают отпетые подлецы!

Потом мы снова въехали на какой-то мост, и я снова увлекся картинами природы, позабыв о мелочах, связанных с движением транспорта.

Во время знаменитого крымского землетрясения жил в Ялте некто такой Снопков.

Он сапожник. Кустарь. Он держал в Ялте мастерскую. Не мастерскую, а такую каменную будку имел, такую небольшую халупку.

И он работал со своим приятелем на пару. Они оба — два приезжие были. И производили починку обуви.

И они жили определенно не худо. Особенно летом. У них летом работы чересчур хватало. Другой раз даже выпить было некогда. Ну, выпить-то, наверное, время хватало. Чего-чего другого...

Так и тут. Перед самым, значит, землетрясением, а именно, кажется, в пятницу одиннадцатого сентября, сапожник Иван Яковлевич Снопков, не дождавшись выходного дня, выкушал полторы бутылки русской горькой.

Тем более он кончил работу. И тем более было у него две бутылки запасено. Так что чего же особенно ждать. Он взял и выкушал. Тем более он еще не знал, что будет землетрясение.

И вот выпил человек полторы бутылки горькой, немножко, конечно, поколбасился на улице, спел чего-то там такое и назад к дому вернулся.

Он вернулся к дому назад, лег во дворе и заснул, не дождавшись землетрясения.

А он, выпивши, обязательно во дворе ложился. Он под крышей не любил в пьяном виде спать. Ему нехорошо было под потолком. Душно. Его мутило. И он завсегда чистое небо себе требовал.

Так и тут. Одиннадцатого сентября, в аккурат перед самым землетрясением, Иван Яковлевич Снопков набрался горькой, сильно захмелел и заснул под самым кипарисом во дворе.

Вот он спит, видит разные интересные сны, а тут параллельно с этим происходило знаменитое крымское землетрясение. Домишки колышутся, земля гудит и трясется, а Снопков спит себе и знать ничего не хочет.

А что до его приятеля, так его приятель с первого удара дал тигаля и расположился в городском саду, боясь, чтоб его камнем не убило.

Только рано утром, часов, может, около шести, продрал свои очи наш Снопков. Проснулся наш Снопков под кипарисом и, значит, свой родной двор нипочем не узнает. Тем более ихнюю каменную будку свалило. Не целиком свалило, а стена расползлась и забор набок рухнул. Только что кипарис тот же, а все остальное признать довольно затруднительно.

Продрал свои очи наш Снопков и думает: «Это куда ж это меня занесло? Неужели, — думает, — я в пьяном виде вчерась еще куда-нибудь зашел? Ишь ты, кругом какое разрозненное хозяйство! Только не понять — чье. Нет, — думает, — нехорошо так в дым напиваться. Алкоголь, — думает, — чересчур вредный напиток, ни черта в памяти не остается».

И так ему на душе неловко стало, неинтересно.

«Эва, — думает, — забрел куда. Еще спасибо, — думает, — во дворе прилег, а нуте на улице: мотор может меня раздавить или собака может чего-нибудь такое отгрызть. Надо, — думает, — полегче пить или вовсе бросить».

Стало ему нехорошо от этих всех мыслей, загорюнился он, вынул из кармана остальные полбутылки и тут же от полного огорчения выкушал.

Выкушал Снопков свою жидкость и обратно захмелел. Тем более он не жрал давно и тем более голова была ослабши с похмелюги.

Вот захмелел наш Снопков, встал на свои ножки и пошел себе на улицу.

Идет он по улице и с пьяных глаз нипочем улицу не узнает. Тем более после землетрясения народ стаями ходит. И все на улице, никого дома. И все не в своем виде, полуодетые, с перинами и матрацами.

Вот Снопков ходит себе по улице, и душа у него холодеет.

«Господи, — думает, — куда же это я, в какую дыру зашел? Или, — думает, — я в Батум на пароходе приехал? Или, может, меня в Турцию занесло. Эвон народ ходит раздевшись, как в тропиках».

Идет, пьяный, и прямо чуть не рыдает.

Вышел на шоссе и пошел себе, ничего не признавая.

Шел, шел и от переутомления и от сильного алкоголя свалился у шоссе и заснул как убитый.

Только просыпается — темно, вечер. Над головой звезды сверкают. И прохладно. А почему прохладно — он лежит при дороге раздетый и разутый. Только в одних подштанниках.

Лежит он при дороге совершенно обобранный и думает: «Господи, — думает, — семь-восемь, где же это я обратно лежу?»

Проснулся наш Снопков под кипарисом и, значит, свой родной двор нипочем не узнает

Тут действительно Снопков испугался, вскочил на свои босые ножки и пошел по дороге.

Только прошел он сгоряча верст, может, десять и присел на камушек.

Он присел на камушек и загорюнился. Местности он не узнает, и мыслей он никаких подвести не может. И душа и тело у него холодеют. И жрать чрезвычайно хочется.

Только под утро Иван Яковлевич Снопков узнал, как и чего. Он у прохожего спросил.

Прохожий ему говорит:

— А ты чего тут, для примеру, в кальсонах ходишь?

Снопков говорит:

— Прямо и сам не понимаю. Скажите, будьте любезны, где я нахожусь?

Ну, разговорились. Прохожий говорит:

— Так что до Ялты верст, может, тринадцать будет. Эва куда ты зашел!

Ну, рассказал ему прохожий насчет землетрясения и чего где разрушило и где еще разрушается.

Очень Снопков огорчился, что землетрясение идет и заспешил в Ялту.

Так через всю Ялту и прошел он в своих кальсонах. Хотя, конечно, никто и не удивился по случаю землетрясения.

После подсчитал Снопков свои убытки: уперли порядочно. Наличные деньги — шестьдесят целковых, пиджак — рублей восемь, штаны — рубля полтора, и сандалии почти что новенькие. Так что набежало рублей до ста, не считая пострадавшей будки.

Теперь Снопков собирался ехать в Харьков. Он хочет полечиться от алкоголя. А то выходит себе дороже.

Чего хочет автор сказать этим художественным произведением?

Этим произведением автор энергично выступает против пьянства. Жало этой художественной сатиры направлено в аккурат против выпивки и алкоголя.

Автор хочет сказать, что выпивающие люди не только другие более нежные вещи — землетрясение и то могут проморгать.

Или как в одном плакате сказано: «Не пей! С пьяных глаз ты можешь обнять своего классового врага!»

И очень даже просто.

Жили себе в Ленинграде муж и жена.

Муж был ответственный советский работник. Он был нестарый человек, крепкий, развитой и вообще, знаете ли, энергичный, преданный своему делу и так далее.

И хотя он был человек простой, из деревни и никакого такого в свое время высшего образования не получил, но за годы пребывания в городе поднаторел во всем и много чего знал и мог в любой аудитории речи произносить. И даже вполне мог вступать в споры с учеными разных специальностей — от физиологов до электриков включительно.

А жена его, Пелагея, между тем была женщина неграмотная. И хотя она приехала из деревни вместе с ним, но ничему такому не научилась, осталась неграмотной, и даже свою фамилию она не могла подписывать.

А муж Пелагеи, видя такую ситуацию, ужасно огорчался, страдал и не понимал, как ему выйти из беды. Тем более он сам был чересчур занят и не имел свободного времени на переподготовку своей супруги.

И он ей говорил:

— Ты бы, Пелагеюшка, как-нибудь научилась читать или хотя бы фамилию подписывать. Наша страна, — говорит, — постепенно выходит из вековой темноты и некультурности. Мы кругом ликвидируем серость и неграмотность. А тут вдруг супруга директора хлебозавода не может ни читать, ни писать, ни понимать, чего написано. И я от этого терплю невозможные страдания.

А Пелагея на это, конечно, так говорит. Она рукой махнет и так отвечает:

— Ах, — отвечает, — Иван Николаевич, об чем вы хлопочете. Мне этим ни к чему заниматься. В свое время я за это не взялась, а теперь мои годы постепенно проходят, и моя молодость исчезает, и мои руки специально не гнутся, чтобы, например, карандаш держать. На что мне теперь учиться и буквы выводить? Пущай лучше молодые пионеры занимаются, а я и так до старости лет доживу.

А муж Пелагеи, конечно, вздыхает с огорчением и говорит:

— Эх, эх, Пелагея Максимовна...

Но однажды все-таки Иван Николаевич принес домой учебник.

— Вот, — говорит, — Поля, новейший букварь-самоучитель, составленный по последним данным науки. Я, — говорит, — сам тебе буду показывать. И просьба — мне не противоречить.

А Пелагея усмехнулась тихо, взяла букварь в руки, повертела его и в комод спрятала: пущай, дескать, лежит,— может, потомкам пригодится.

Но вот однажды днем присела Пелагея за работу. Пиджак Ивану Николаевичу надо было починить, рукав протерся.

И села Пелагея за стол. Взяла иголку. Сунула руку под пиджак — шуршит что-то.

«Не деньги ли», — подумала Пелагея.

Посмотрела, — письмо. Чистый такой, аккуратный конверт, тоненькие буковки на нем, и бумага вроде как духами или одеколоном попахивает. Екнуло у Пелагеи сердце.

«Неужели же, — думает, — Иван Николаевич меня зря обманывает? Неужели же он сердечную переписку ведет с другими дамами и надо мной же, неграмотной дурой, насмехается?»

Поглядела Пелагея на конверт, вынула письмо, развернула — не разобрать по неграмотности.

Первый раз в жизни пожалела Пелагея, что читать она не может.

«Хоть, — думает, — и чужое письмо, а должна я знать, чего в нем пишут. Может, от этого вся моя жизнь переменится, и мне лучше в деревню ехать, на мужицкие работы».

И у самой в груди закипело от обиды и досады. И сердце перевернулось от огорчения.

«Все-таки, — думает, — я Ивана Николаевича чересчур люблю, если через это письмо я настолько страдаю. Как,— думает,— обидно, что я этого письма прочесть не могу. Я бы сразу узнала, в чем тут дело».

И вот она заплакала. И стала вспоминать разные мелочи про Ивана Николаевича. Да, он действительно как будто переменился в последнее время. Он стал об усиках своих заботиться — причесывать их. И руки часто моет. И надевает новую кепку.

Сидит Пелагея, думает эти мысли, смотрит на письмо и ревет. А прочесть письма, конечно, не может. А чужому человеку ей показать, конечно, совестно.

После она, поплакав, спрятала письмо в комод, дошила пиджак и стала поджидать Ивана Николаевича.

И когда пришел он, Пелагея и виду не показала. Напротив того: она ровным и спокойным тоном разговаривала с мужем и даже намекнула ему, что она не прочь бы поучиться и что ей чересчур надоело быть темной и неграмотной бабой.

Очень этому обрадовался Иван Николаевич.

— Ну и отлично, — сказал он. — Я тебе сам буду показывать.

— Что ж, показывай, — сказала Пелагея.

И в упор посмотрела на ровные, подстриженные усики Ивана Николаевича. И снова у ней сердце сжалось и в груди перевернулось от досады и огорчения.

Два месяца подряд Пелагея изо дня в день училась читать. Она терпеливо, по слогам составляла слова, выводила буквы и заучивала фразы. И каждый вечер вынимала из комода заветное письмо и пыталась разгадать его таинственный смысл.

Однако это было очень нелегко.

Только на третий месяц Пелагея одолела науку.

Утром, когда Иван Николаевич ушел на работу, Пелагея вынула из комода письмо и принялась читать его.

Она с трудом разбирала тонкий почерк. И только еле уловимый запах духов от бумаги подбадривал ее.

Письмо было адресовано Ивану Николаевичу.

Пелагея читала:

«Уважаемый товарищ Кучкин.

Посылаю вам обещанный букварь. Я думаю, что ваша жена в два-три месяца вполне может одолеть премудрость. Обещайте, голубчик, заставить ее это сделать. Внушите ей, объясните, как, в сущности, отвратительно быть неграмотной бабой.

Сейчас, к этой годовщине, мы ликвидируем неграмотность по всей республике всеми средствами, а о своих близких почему-то забываем.

Обещайте, Иван Николаевич, это сделать.

С коммунистическим приветом
Мария Блохина».

Пелагея два раза прочла это письмо и, чувствуя какую-то новую обиду, заплакала.

Но потом, подумав об Иване Николаевиче и о том, что в ее супружеской жизни все в порядке, успокоилась и спрятала в комод букварь и злополучное письмо.

Так, в короткое время наша Пелагея научилась читать и писать и стала грамотной.

И это был поразительный случай из истории ликвидации неграмотности у нас в Союзе.

Я, братцы мои, зря спорить не буду, кто важней в театре — актер, режиссер или, может быть, театральный плотник. Факты покажут. Факты всегда сами за себя говорят.

Дело это произошло в Саратове или в Казани, одним словом, где-то недалеко от Туркестана. В городском театре. Играли в этом городском театре оперу. Кроме выдающейся игры артистов, был в этом театре, между прочим, монтер — Иван Кузьмич Мякишев.

На общей группе, когда весь театр в двадцать третьем году снимали на карточку, монтера этого пихнули куда-то сбоку — мол, технический персонал. А в центр, на стул со спинкой, посадили тенора.

Монтер Иван Кузьмич Мякишев ничего на это хамство не сказал, но в душе затаил некоторую грубость.

А тут такое подошло. Сегодня, для примеру, играют «Руслан и Людмила». Музыка Глинки. Дирижер — маэстро Кацман. А без четверти восемь являются до этого монтера две знакомые ему барышни. Или он их раньше пригласил, или они сами приперлись — неизвестно. Так являются эти две знакомые барышни, отчаянно флиртуют и вообще просят их посадить в общую залу — посмотреть на спектакль.

Монтер говорит:

— Пожалуйста. С нашим удовольствием. Сейчас вам пару билетов сварганю. Посидите тут, у будки.

И сам, конечно, идет к управляющему.

Управляющий говорит:

— Сегодня вроде как выходной день. Народу пропасть. Каждый стул на учете. Не могу вам дать две контрамарки.

Монтер говорит:

— Ах так, — говорит. — Ну так я играть отказываюсь. Отказываюсь,

одним словом, освещать ваше производство. Играйте без меня. Посмотрим тогда, кто из нас важней и кого сбоку сымать, а кого в центр на стул со спинкой сажать.

И сам обратно в будку. Выключил по всему театру свет к чертовой бабушке, замкнул на все ключи будку и сидит — беседует со своими знакомыми девицами.

Тут произошла, конечно, форменная неувязка. Управляющий бегает. Публика орет. Кассир визжит, пугается, как бы у него деньги в потемках не украли. А бродяга, главный оперный тенор, привыкший всегда сыматься в центре, заявляется до дирекции и говорит своим тенором:

— Я в темноте петь тенором отказываюсь. Раз, — говорит, — темно — я ухожу. Мне, — говорит, — голос себе дороже. Пускай сам монтер поет.

Монтер говорит:

— Пущай не поет. Наплевать на него. Раз он в центре сымается, то и пущай одной рукой поет, другой свет зажигает. Думает — тенор, так ему и свети все время. Теноров нынче нету!

Тут, конечно, монтер схлестнулся с тенором.

Вдруг управляющий является, говорит:

— Где эти чертовы две девицы? Через них наблюдается полная гибель. Сейчас я их куда-нибудь посажу, корова их забодай!

Монтер говорит:

— Вот они, девицы! Только не через их гибель, а гибель через меня. Сейчас, — говорит, — я свет дам. Мне энергии принципиально не жалко.

Дал он сию минуту свет.

— Начинайте, — говорит.

Сажают тогда его девиц на выдающиеся места и начинают спектакль.

Теперь и разбирайтесь сами, кто важнее в этом сложном театральном механизме.

Говорят, граждане, в Америке бани очень отличные.

Туда, например, гражданин придет, скинет белье в особый ящик и пойдет себе мыться. Беспокоиться даже не будет — мол, кража или пропажа, — номерка даже не возьмет.

Ну может, иной беспокойный американец и скажет банщику: гуд бай, дескать, присмотри.

Только и всего.

Помоется этот американец, назад придет, а ему чистое белье подают — стиранное и глаженное. Портянки, небось, белее снега. Подштанники зашиты, залатаны. Житьишько!

А у нас бани тоже ничего. Но хуже. Хотя тоже мыться можно.

У нас только с номерками беда. Прошлую субботу я пошел в баню (не ехать же, думаю, в Америку), — дают два номерка. Один за белье, другой за пальто с шапкой.

А голому человеку куда номерки деть? Прямо сказать, некуда. Карманов нету. Кругом — живот да ноги. Грех один с номерками. К бороде не привяжешь.

Ну привязал я к ногам по номерку, чтоб не враз потерять. Вошел в баню.

Номерки теперича по ногам хлопают. Ходить скучно. А ходить надо. Потому шайку надо. Без шайки какое же мытье? Грех один.

Ищу шайку. Гляжу, один гражданин в трех шайках моется. В одной стоит, в другой башку мылит, а третью левой рукой придерживает, чтоб не сперли.

Потянул я третью шайку, хотел, между прочим, ее себе взять, а гражданин не выпускает ее из рук.

— Ты что ж это, — говорит, — чужие шайки воруешь? Как ляпну тебе шайкой между глаз — не зарадуешься.

Я говорю:

— Не царский, — говорю, — режим — шайками ляпать. Эгоизм, —

говорю, — какой. Надо же, — говорю, — и другим помыться. Не в театре, — говорю.

А он задом повернулся и моется.

«Не стоять же, — думаю, — над его душой. Теперича, — думаю, — он нарочно три дня будет мыться».

Пошел дальше.

Через час гляжу, какой-то дядя зазевался, выпустил из рук шайку. За мылом нагнулся или замечтался — не знаю. А только эту шайку я взял себе.

Теперича и шайка есть, а сесть негде. А стоя мыться — какое же мытье? Грех один.

Хорошо. Стою стоя, держу шайку в руке, моюсь.

А кругом-то, батюшки-светы, стирка самосильно идет. Один штаны моет, другой подштанники трет, третий еще что-то крутит. Только, скажем, вымылся — опять грязный. Брызжут, дьяволы. И шум такой стоит от стирки — мыться неохота. Не слышишь, куда мыло трешь. Грех один.

«Ну их, — думаю, — в болото. Дома домоюсь».

Иду в предбанник. Выдают на номер белье. Гляжу — все мое, штаны не мои.

— Граждане, — говорю. — На моих тут дырка была. А на этих эвон где.

А банщик говорит:

— Мы, — говорит, — за дырками не приставлены. Не в театре, — говорит.

Хорошо. Надеваю эти штаны, иду за пальтом. Пальто не выдают — номерок требуют. А номерок на ноге забытый. Раздеваться надо.

Снял штаны, ищу номерок — нету номерка. Веревка тут, на ноге, а бумажки нет. Смылась бумажка.

Подаю банщику веревку — не хочет.

— По веревке, — говорит, — не выдаю. Это, — говорит, — каждый гражданин настрижет веревок — польт не напасешься. Обожди, говорит, когда публика разойдется — выдам, какое останется.

Я говорю:

— Братишечка, а вдруг да дрянь останется? Не в театре же, — говорю. — Выдай, — говорю, — по приметам. Один, — говорю, — карман рваный, другого нету. Что касается пуговиц, то, — говорю, — верхняя есть, нижних же не предвидится.

Все-таки выдал. И веревки не взял.

Оделся я, вышел на улицу. Вдруг вспомнил: мыло забыл.

Вернулся снова. В пальто не впущают.

— Раздевайтесь, — говорят.

Я говорю:

— Я, граждане, не могу в третий раз раздеваться. Не в театре, говорю. Выдайте тогда хоть стоимость мыла.

Не дают.

Не дают. Пошел без мыла.

Конечно, читатель может полюбопытствовать: какая, дескать, это баня? Где она? Адрес?

Какая баня? Старая баня. А в новых я еще не бывал. Не могу поделиться впечатлениями.

Конечно, об чем может быть речь — дети нам крайне необходимы.

Государство без них не может так гладко существовать. Они нам — наша смена. Мы на их надеемся и расчеты на их строим.

Тем более взрослые не так легко могут расстаться со своими мещанскими привычками. А детишки, может быть, подрастут и определенно выровняют нашу некультурность.

Так что в этом отношении детей мы прямо на руках должны носить и пыль с них сдувать и носики им сморкать. Невзирая на то, это наш ребенок или ребенок чужой и нам посторонний.

А только этого как раз мало наблюдается в нашей частной жизни.

Нам вспоминается одно довольно оригинальное событие, которое развернулось на наших глазах в поезде, не доезжая Новороссийска.

Которые были в этом вагоне, те почти все в Новороссийск ехали.

И едет, между прочим, в этом вагоне, среди других такая вообще бабешечка. Такая молодая женщина с ребенком.

У нее ребенок на руках. Вот она с ним и едет.

Она едет с ним в Новороссийск. У нее муж, что ли, там служит на заводе. Вот она к нему и едет.

И вот она едет к мужу. Все как полагается: на руках у ней малютка, на лавке узелок и корзинка. И вот она едет в таком виде в Новороссийск.

Едет она к мужу в Новороссийск. А у ей малютка на руках очень такой звонкий. И орет, и орет все равно как оглашенный. Он, видать, хворает. Его, как оказалось, в пути желудочная болезнь настигла. Или он покушал сырых продуктов, или чего-нибудь выпил, только его в пути схватило. Вот он и орет.

Одним словом — малютка. Он не понимает, что к чему и зачем у него желудочек страдает. Ему сколько лет? Ему, может быть, три года или там два. Не наблюдая детей в частной жизни, затруднительно определить, сколько

этому предмету лет. Только он, видать, октябренок. У него такой красный нагрудник повязан.

И вот едет эта малютка со своей мамашей в Новороссийск. Они едут, конечно, в Новороссийск, и, как назло, в пути с ним случается болезнь.

И по случаю болезни он каждую минуту вякает, хворает и требует до себя внимания. И конечно, не дает своей мамаше ни отдыху, ни сроку. Она с рук его два дня не спускает. И спать не может. И чаю не может попить.

И тогда перед станцией Лихны она, конечно, обращается до пассажиров:

— Я, — говорит, — очень извиняюсь, — поглядите за моим крошкой. Я побегу на станцию Лихны, хотя бы супу покушаю. У меня, — говорит, — язык к глотке прилипает. Я, — говорит, — ну прямо не предвижу конца. Я, — говорит, — в Новороссийск еду до своего мужа.

Пассажиры, конечное дело, стараются не глядеть, откуда это говорится, отворачиваются, — дескать, еще чего-то орет и вякает, а ты еще возись с ним! Еще, думают, подкинет. Смотря какая мамаша. Другая мамаша очень свободно на это решится.

И хотя в дальнейшем этого не случилось и любящая мать осталась при своем ребенке, однако пассажиры, не зная, чем все это кончится, отнеслись к просьбе сдержанно, — одним словом, отказали.

И значит, не берутся подержать ее ребенка.

А едет в вагоне, между прочим, один такой гражданин. Он, видать, городской житель. В кепочке и в таком международном прорезиненном макинтоше. И конечно, в сандалиях. Он так обращается до публики:

— То есть, — говорит, — мне тошно на вас глядеть. То есть, — говорит, — что вы за люди — я прямо дивуюсь! Нельзя, — говорит, — граждане, иметь такой слишком равнодушный подход. Может, на наших глазах мать покушать затрудняется, ее малютка чересчур сковывает, а тут каждый от этих общественных дел морду отворачивает.

Другие говорят:

— Вот ты и погляди за крошкой! Какой нашелся — передовые речи в спальном вагоне произносить!

Он говорит:

— И хотя я есть человек холостой, и мне чертовски спать хочется, и вообще не мое дело за это самое браться, но я не имею такого бесчувствия в детском вопросе.

И берет он малютку на руки, качает его и пальцем его забавляет.

Конечно, молодая женщина очень горячо его благодарит и на станции Лихны сходит.

Уходит она на эту станцию в буфет и долго не является. Поезд стоит десять минут. Эти десять минут проходят, и уже дается сигнал. И дежурный махает красной шапкой. А ее нету...

И уже дергается состав, и поезд бежит по рельсам, а молодой матери нету.

Тогда происходят разные сцены в вагоне. Которые открыто хохочут, которые хватают за тормоза и хотят состав остановить.

А сам, который в сандалиях, сидит побледневший и спать больше не может. И речей больше не хочет произносить.

Он держит малютку на своих коленях и разные советы слушает.

Ну, один, конечно, советует телеграмму за свои деньги дать, другие, напротив того, говорят: «Довезите до Новороссийска и сдайте на станции в охрану. А если там малютку не примут, то усыновите в крайнем случае».

А малютка между тем вякает, хворает и с рук нипочем не уходит.

И вот проходит отчаянных два часа, и поезд, конечно, останавливается на большой станции. Который в сандалиях берет свою малютку и хочет пойти на платформу, в транспортную охрану. Только вдруг молодая мамаша в вагон вкатывается. Она входит в вагон и защищается:

— Я, — говорит, — извиняюсь! Я как горячего супу покушала, так меня сразу и разморило, я и зашла в тот соседний вагон и маленько там подзаснула. Я, — говорит, — два дня не спавши. А если бы в этот вагон зашла, — я навряд ли бы выспалась.

И берет она своего крошку и снова его нянчит.

Который в сандалиях говорит:

— Довольно неаккуратно поступаете, гражданка! Но раз вы поспали, то я вхожу в ваше положение. Дети нам — наша смена, я не против за ними поглядеть.

Тут в вагоне происходит веселый смех, дающий здоровую зарядку.

Который в сандалиях говорит:

— Только, конечно, надо предупреждать. А то я за эти два часа много пережил. Вот это нехорошо с вашей стороны.

Тут снова в вагоне происходит веселый взрыв смеха.

И тогда который в сандалиях тоже начинает улыбаться, и вскоре он вполне прощает маленькую хитрость, допущенную со стороны матери.

И тогда все кончается, к общему благополучию.

Недавно в нашей коммунальной квартире драка произошла. И не то что драка, а целый бой. На углу Глазовой и Боровой.

Дрались, конечно, от чистого сердца. Инвалиду Гаврилову последнюю ногу чуть не оторвали.

Главная причина — народ очень уж нервный. Расстраивается по мелким пустякам. Горячится. И через это дерется грубо, как в тумане.

Оно, конечно, после Гражданской войны нервы, говорят, у народа завсегда расшатываются. Может, оно и так, а только у инвалида Гаврилова от этой идеологии башка поскорее не зарастет.

А приходит, например, одна жиличка, Марья Васильевна Щипцова, в девять часов вечера на кухню и разжигает примус. Она всегда, знаете, в это время разжигает примус. Чай пьет и компрессы ставит.

Так приходит она на кухню. Ставит примус перед собой и разжигает. А он, провались совсем, не разжигается.

Она думает: «С чего бы он, дьявол, не разжигается? Не закоптел ли, провались совсем?»

И берет она в левую руку ежик и хочет чистить.

Хочет она чистить, берет в левую руку ежик, а другая жиличка, Дарья Петровна Кобылина, чей ежик, посмотрела, чего взято, и отвечает:

— Ежик-то, уважаемая Марья Васильевна, промежду прочим, назад положьте.

Щипцова, конечно, вспыхнула от этих слов и отвечает:

— Пожалуйста, — отвечает, — подавитесь, Дарья Петровна, своим ежиком. Мне, — говорит, — до вашего ежика дотронуться противно, не то что его в руку взять.

Тут, конечно, вспыхнула от этих слов Дарья Петровна Кобылина. Стали они между собой разговаривать. Шум у них поднялся, грохот, треск.

— Пожалуйста, — отвечает, — подавитесь, Дарья Петровна, своим ежиком

Муж, Иван Степанович Кобылин, чей ежик, на шум является. Здоровый такой мужчина, пузатый даже, но, в свою очередь, нервный.

Так является этот Иван Степаныч и говорит:

— Я, — говорит, — ну ровно слон работаю за тридцать два рубля с копейками в кооперации, улыбаюсь, — говорит, — покупателям и колбасу им отвешиваю, и, — говорит, — на трудовые гроши ежики себе покупаю, и нипочем то есть не разрешу постороннему чужому персоналу этими ежиками воспользоваться.

Тут снова шум и дискуссия поднялись вокруг ежика. Все жильцы, конечно, прибежали в кухню. Хлопочут. Инвалид Гаврилыч тоже является.

— Что это, — говорит, — за шум, а драки нету?

Тут сразу после этих слов и подтвердилась драка.

А кухонька, знаете, узкая. Драться неспособно. Тесно. Кругом кастрюли и примуса. А тут двенадцать человек вперлось. Хочешь, например, одного оттолкнуть — троих задеваешь. И конечное дело, на все натыкаешься, падаешь. Не то что, знаете, безногому инвалиду — с тремя ногами устоять на полу нет никакой возможности.

А инвалид, чертова перечница, несмотря на это, в самую гущу вперся. Иван Степаныч, чей ежик, кричит ему:

— Уходи, Гаврилыч, от греха. Гляди, последнюю ногу оборвут.

Гаврилыч говорит:

— Пущай, — говорит, — нога пропадает! А только, — говорит, — не могу я теперича уйти. Мне, — говорит, — сейчас всю амбицию в кровь разбили.

А ему действительно в эту минуту кто-то глаз подбил.

Ну и не уходит, накидывается. Тут в это время кто-то и ударяет инвалида кастрюлькой по кумполу.

Инвалид — брык на пол и лежит. Скучает.

Тут какой-то паразит за милицией кинулся.

Является мильтон. Кричит:

— Запасайтесь, дьяволы, гробами, сейчас стрелять буду!

Только после этих роковых слов народ маленько очухался. Бросился по своим комнатам.

Вот те, думает, клюква, с чего ж это мы, уважаемые граждане, разодрались?

Бросился народ по своим комнатам, один только инвалид Гаврилыч не бросился. Лежит, знаете, на полу скучный. И из башки кровь каплет.

Через две недели после этого факта суд состоялся.

А нарсудья тоже нервный такой мужчина попался — приговорил участников драки к принудительным работам.

В начале революции я служил младшим следователем уголовного розыска.

Конечно, тогда не было крупных специалистов в этом деле. А каждый гражданин, умеющий читать и писать, мог поступить на эту интересную службу.

И действительно, много интересных и забавных дел проходило через наши руки.

Но из всех дел мне наибольше всего запомнилось одно загадочное происшествие в Лигове.

Сижу я, представьте себе, на службе и чай пью.

Вдруг прибегает ко мне запыхавшийся человек и говорит:

— Я стрелочник Фролов. Служу в Лигове. Ночью воры у меня украли козу. Это такая для меня беда, что я весь дрожу от огорчения... Умоляю вас — раскройте это преступление и верните мне украденную козу.

Я ему говорю:

— Ты не волнуйся. Сядь и расскажи подробней. А я с твоих слов составлю протокол, после чего мы сразу поедем на место происшествия, найдем вора и отберем у него твою козу.

Стрелочник говорит:

— Два дня назад я купил себе козу, чтобы пить молоко и поправляться. Я за эту козу дал мешок муки. Это была дивная, породистая коза. Я вчера ее на ночь закрыл в сарай на замок. Но воры пробрались ко мне во двор, сломали этот замок и украли козу. Что я теперь буду делать без козы и без муки, я и сам не представляю.

Вот я составляю убийственный для вора протокол и собираюсь поехать в Лигово, чтобы по горячим следам раскрыть эту кражу.

А надо сказать, что к нам почти каждый день приходил один гражданин. Он у нас не служил, но он был любитель. Он очень интересовался уголовным делом и всякий раз напрашивался, чтобы мы его с собой брали на место пре-

ступления. И мы для смеху иногда с ним ездили. И он принимал деятельное участие в наших делах.

Он кое-что понимал и был до некоторой степени опытный работник. И только у него был единственный недостаток: он если сильно поволнуется, то в обморок падает. Потому что в него однажды один вор стрелял из револьвера. И вот он с тех пор стал немного пугливый. Если какой-нибудь стук раздастся, или там доска упадет, или кто-нибудь громко крикнет, то он моментально падает без сознания.

А так-то он был хороший работник и очень часто помогал раскрывать кражи. Его все у нас звали дядя Володя.

Вот дядя Володя и говорит мне:

— Давай быстрей собирайся, поедем в Лигово, чтобы выяснить, кто у стрелочника украл козу.

Через десять минут мы вместе с пострадавшим стрелочником садимся в поезд и едем в Лигово.

И вот стрелочник приводит нас к себе на двор. И мы видим небольшой одноэтажный домик. Двор, огороженный высоким забором. И небольшой сарай, в котором была заперта коза.

Теперь этот сарай настежь раскрыт. Замок на нем сломан и еле висит на железном кружке. И в сарае пусто. Никакой козы нету. Только немного сена лежит.

Дядя Володя, моментально оглядев сарай, говорит:

— Перед нами, товарищи, типичная картина ночной кражи со взломом. Вор перелез через забор, железным предметом сломал замок и, проникнув в сарай, увел с собой козу. Сейчас обследую почву, найду следы и доложу вам, какую вор имел наружность.

И с этими словами дядя Володя ложится на землю и разглядывает следы.

— Перед вами, — говорит он, — типичная воровская походка. Вор, судя по следам, высокий, худощавый гражданин средних лет. И сапоги у него подбиты железной подковкой.

Стрелочник говорит:

— Поскольку у меня сапоги подбиты железной подковкой, то вы там не спутайте меня с вором, умоляю вас. А то, чего доброго, я через вас попаду в тюрьму. Тем более я тоже худощавый и средних лет. Вы наденьте на нос очки и глядите получше — нет ли там еще каких-нибудь других следов.

Дядя Володя говорит:

— Кроме этих следов, имеются еще одни обыкновенные следы. И рядом с этими следами видны отпечатки ног маленького мальчика или девочки.

Так что перед нами типичная картина ночной кражи. Два вора и их маленький помощник, пробравшись во двор, взламывают сарай и втроем угоняют козу...

Стрелочник, чуть не плача, говорит:

— Откуда же два вора? Ведь одни следы с подковкой мои. Что же, значит, я сам у себя козу украл? Что вы наводите тень на плетень! Нет, я, кажется, зря вас пригласил.

Тут во дворе собирается громадная толпа. Все с интересом смотрят, что будет дальше.

Дядя Володя говорит:

— В таком случае я допускаю, что вор был один со своим маленьким помощником. Причем этот маленький помощник обут в дырявые сандалии на босу ногу, и сам он лет шести или семи.

Только он так сказал, вдруг в толпе детский плач раздается.

И вдруг все видят, что это плачет маленький подросток Минька, племянник своего дяди, этого стрелочника, живущий тут же.

Все на него смотрят и видят, что он обут в дырявые сандалии.

Его спрашивают:

— Что ты, Минька, плачешь?

Минька говорит:

— Я встал утром и зашел в сарай. Я козе дал капустный листочек. Я козу только два раза погладил и пошел по своим делам — ловить в пруду рыбок. Но замок я не трогал. И дверь была раскрыта...

Тут все удивились. И дядя Володя тоже удивился.

Стрелочник говорит:

— Как же он, шельмец, мог гладить утром мою козу, если она уже была украдена? Вот так номер!

Дядя Володя, потерев свой лоб рукой, говорит:

— Это очень загадочная кража. Или нам с вами вор попался какой-то ненормальный. Ночью он замок сломал, а днем козу украл.

Жена стрелочника говорит:

— Может быть, он ждал, чтобы ее Минька покормил. После чего он ее, наверное, увел.

Дядя Володя говорит:

— Одно из трех: либо мальчику приснился сон насчет козы, как он кормил ее капустой, — бывают такие сны в детском возрасте, — либо вор свихнулся во время кражи, либо тут хозяева ненормальные.

Я говорю:

— Есть еще четвертое предположение: вор сломал замок и украл что-нибудь другое. А утром коза решила прогуляться и, выйдя на улицу, заблудилась.

Стрелочник говорит:

— Нет, коза не могла сама уйти. У меня весь двор обнесен высоким забором, и все было заперто. И калитка у меня на пружине сама захлопывается. А что касается сарая, то, кроме козы, там ничего не было. Там у меня лежал мешок муки, на которую я променял козу. И эту козу я закрыл в сарае. Это была породистая коза, и мне ее чересчур жалко.

Сказав это, стрелочник от волнения ударил палкой по дверям сарая. И дядя Володя, подумавши, что началась стрельба, моментально упал в обморок.

Я велел принести воды, мы попрыскали водой дядю Володю, потом дали ему понюхать толченого перцу, и он снова приступил к исполнению своих обязанностей.

Он сказал:

— Теперь мне все совершенно ясно. Вор, взломав замок и найдя там вместо ценностей козу, расстроился и не захотел ее взять, испугавшись, что она заблеет и разбудит хозяина. Но потом, вернувшись домой, вор стал жалеть, зачем он не украл козу. И тогда он взял веревку или мешок, чтоб замотать козе морду, и снова под утро явился сюда за козой. А мальчик Минька в аккурат перед этим заскочил в сарай и покормил ее.

Тут все зааплодировали следователю. А Минька еще больше заплакал.

Какая-то тетка сказала:

— Совершенно верно. Я рано утром проходила по улице и видела, что какой-то мужчина нес в руках большой мешок и там в мешке у него что-то хрюкало.

Дядя Володя говорит стрелочнику:

— Вы вспомните хорошенько, — может быть, это у вас была свинья, а не коза. Вот, может быть, она и хрюкала, когда ее вор в мешке нес. Может быть, вчера, во время обмена, вам подсунули поросенка вместо козы. И вы, не разглядевши как следует, заперли его в сарай.

Стрелочник, чуть не плача, говорит:

— Нет, я чувствую, что я вас зря пригласил. У меня была в сарае коза, а то, что несли в мешке, это не у меня украдено.

Дядя Володя говорит:

— Я там не знаю, у кого украдено. Но я устанавливаю факт, что вор украл поросенка и унес его в мешке... Пусть мальчик Минька скажет, что за живот-

ное было в сарае. Отвечай, Минька, какое животное было в сарае, какого оно цвета и сколько ног? За дачу ложных показаний ответишь по закону.

Минька, отчаянно заревев, говорит:

— Оно было белого цвета. И оно имело три ноги.

Услышавши это, следователь чуть было опять в обморок не упал.

Он сказал:

— Без сомнения, это был белый поросенок, от которого вор отрезал одну ногу для производства ветчины.

Стрелочник, охнув, сел на корточки и закричал:

— Ой, тошнехонько! Что они со мной делают! Я теперь вижу, что я зря пригласил сюда этих агентов. У меня была коза, а они мне поросенка без одной ноги вкручивают.

Дядя Володя говорит Миньке:

— Отвечай своему дяде, что было в сарае — коза или поросенок... блеяло оно или хрюкало?

Стрелочник добавляет:

— А если ты у меня соврешь, то я тебе, шельмецу, голову оторву.

Минька сквозь слезы говорит:

— Не знаю, что там было. Я рыбок пошел ловить. И до вашей дурацкой козы я не дотрагивался. Только я дал ей капустки покушать и сразу ушел.

Дядя Володя говорит:

— Ясно — это был поросенок.

Только он так сказал, как вдруг откуда-то сверху раздается:

— Бя-а-а...

Вся толпа ахнула, когда услышала эти звуки. Стрелочник, закачавшись на своих ногах, закричал:

— Братцы, где-то здесь моя коза! Это ее голос сверху раздается.

Тут все в одно мгновение посмотрели наверх. И все вдруг увидали, что коза стоит около трубы на крыше. И хотя дом был низенький, но все-таки было странно, что коза стоит на крыше.

Стрелочник закричал:

— Братцы! Вон моя коза! Да кто же это, братцы, загнал ее на такую вышину?

Дядя Володя говорит:

— Действительно, это коза, а не поросенок. Черт меня дернул сюда приехать. Я тут последние мозги теряю.

Стрелочник говорит:

— Братцы, может быть, это мне снится, что моя коза на крыше стоит?

Жена стрелочника говорит:

— Поди проспись, если тебе это снится. А наша коза действительно стоит на крыше и на тебя, дурака, сверху вниз смотрит.

Дядя Володя говорит стрелочнику:

— Может быть, ты вчера, поменяв козу, от радости выпил, и заместо сарая подкинул ее на крышу, и теперь сам удивляешься, что она там. Иначе нельзя понять, почему твоя коза на крыше очутилась.

Стрелочник говорит:

— Знаете, я скорее вас на крышу подкину, чем буду свою породистую козу уродовать... А там за домом у меня привезены доски для строительства. И я их прислонил к дому, чтоб они на земле не валялись. Но доски лежат довольно круто. И это удивительно, если коза по ним на крышу зашла.

Вдруг из толпы выходит вперед человек, он говорит:

— Я доктор медицины. Я, — говорит, — могу это подтвердить. Многие козы живут и пасутся на горах и ходят по самым крутым и отвесным скалам. Есть персидские козероги, и есть швейцарские, породистые козы, которые не только бегают по крутым скалам, но и прыгают до трех метров в длину. И может быть, ваша коза имеет среди своих родителей такую породу. Тогда ничуть не удивляйтесь, что она забралась по доскам на эту крышу. Тем более на крыше у этого хозяина растет не только трава, но даже мелкие кустики и бузина.

Стрелочник Фролов с гордостью говорит:

— Когда я менял свою муку на эту козу, мне так и сказали: это породистая коза. Но я им не поверил. А теперь верю, и я так счастлив, что свои чувства я даже передать вам не могу. Я гляжу на свою стоящую на крыше горную козу, и у меня от радости слезы капают.

Дядя Володя говорит:

— Теперь мне эта история совершенно ясна. Вор сломал замок, чтобы украсть какую-нибудь ценную вещь. Но, найдя в сарае только козу, плюнул и ушел красть в другое место. И вот его следы... Впрочем, нет, это мои следы. А его, наверно, вот эти... Минька, вставши поутру, зашел в раскрытый сарай и покормил козу капустой. Вот и Минькины следы. Коза, желая прогуляться, вышла из сарая и, обойдя двор, увидела на крыше зелень. И, будучи горной козой, без труда забралась на крышу по этим доскам. Вот и ее маленькие следы... Хозяин, проснувшись, увидел раскрытый сарай и сломанный замок. Прибежал к нам и сообщил о краже. И вот его следы... Теперь каждому ясно, что тут произошло... Доставайте вашу козу с крыши, и мы со спокойной совестью поедем в Ленинград — раскрывать еще более сложные кражи. Наша задача выполнена тут с превышением.

И, сказавши так, он снял свою кепочку, чтоб со всеми попрощаться. И коза со своей крыши снова произнесла:

— Бя-а-а...

Вдруг стрелочник закричал:

— Братцы следователи! Моя породистая коза забралась на крышу. Но хотел бы я знать, как я ее теперь оттуда достану. Тем более крыша довольно крутая, и если я полезу наверх, то или коза у меня упадет, или я сам к черту вниз свалюсь... Товарищи следователи, я вам дам хорошую премию: стакан молока и два фунта хлеба, если вы мне доставите козу без повреждения.

Вдруг один из толпы выходит вперед и говорит:

— Хотя я инвалид и хромаю, но за эту премию я могу вашу козу вниз доставить. Только мне нужна веревка, чтобы я мог привязать себя к трубе, поскольку я из-за вашей дурацкой козы не очень-то интересуюсь вниз падать.

Тут ему дали веревку, и он, приставив лестницу к крыше, полез под аплодисменты всех собравшихся.

Он привязал веревку к трубе и другим концом обвязал себя. И в таком виде стал тянуться к козе, которая доверчиво поджидала, что будет. Но когда он слишком потянулся, то старенькая труба покачнулась и рухнула.

Нет, привязанный не упал, он успел удержаться, но рассыпавшиеся кирпичи рухнули во двор, и один из них слегка зашиб дядю Володю, который тут же без лишних слов и восклицаний грохнулся в обморок.

Полезший на крышу успел схватить козу. И он вместе с ней, как по горке, съехал по доскам вниз, к радости всех собравшихся.

Хозяин ему сказал:

— Что ты снял козу — это хорошо, но то, что ты мне, хромая обезьяна, трубу испортил, вот за это я тебе премии не дам.

Инвалид говорит:

— Тогда я твою козу обратно сейчас наверх закину.

Стрелочник говорит:

— Ну ладно, дам. Только не трогай мою козу грязными руками.

И тут он нежно поцеловал свою козу и торжественно увел в сарай.

Ушибленный дядя Володя хотел уехать, но стрелочник не отпустил его. Он сказал:

— В благодарность за вашу четкую работу я хочу вас, товарищи агенты, угостить козьим молоком и свежим хлебом.

Мы сели на лавочку и стали ждать угощенья.

Дядя Володя подозвал к себе Миньку, сказал ему строго:

— Что же ты, дурной мальчишка, запутал органы следствия? Зачем же ты сказал, что у животного было три ноги?

Минька, потупившись, говорит:

— А я только до трех считать умею.

Тут все собравшиеся весело засмеялись и не хотели уходить, хотя стрелочник открыл ворота и кричал, чтоб все посторонние моментально ушли, а то, чего доброго, коза еще раз пропадет. Потом стрелочник, выгнав посторонних, взял горшок и побежал в сарай подоить козу. Вдруг он оттуда возвращается бледный как глина и говорит:

— Знаете, у козы нету молока. Ее кто-то выдоил, вот так номер.

Дядя Володя говорит:

— Я так и думал. Картина преступления мне совершенно ясна. Вор, не найдя в сарае ничего ценного, подоил козу, попил молочка и ушел.

Вдруг приходит жена стрелочника с горшком в руках.

Она говорит:

— Нет, это я козу подоила, когда муж выгонял со двора людей.

Тут все рассмеялись и начали кушать хлеб и пить молоко.

Потом мы попрощались с любезным хозяином и пошли к поезду. Но только мы вышли из калитки, как раздался крик хозяина. Он нам кричал:

— В сарае у меня были рваные валенки, и теперь их нету!

Дядя Володя ему ответил:

— Картина кражи мне ясна. Вор не хотел путаться с козой, а вместо этого украл, что было в сарае.

После этого мы еще раз попрощались и уехали.

А через полгода, когда наступила зима, это дело окончательно выяснилось.

Проходя в Лигове по улице, стрелочник увидел на одном гражданине свои валенки, которые он узнал по зеленому клейму.

Он задержал этого гражданина. И тот в милиции сознался, что это он сломал замок, надеясь украсть из сарая мешок муки, о котором он слышал от одного гражданина. Но он не знал, что мешок муки стрелочник уже обменял на козу. Через это и произошла неувязка. И вор, не найдя муки, схватил валенки и с ними удрал.

Вора на полгода посадили в тюрьму. И дядя Володя, узнав об этом, сказал:

— Картина кражи теперь окончательно выясняется. Вор хотел украсть муку, но украл валенки. И теперь за это он попал в тюрьму.

Пока он сидел в тюрьме, породистая коза принесла своему хозяину двух чудных козлят. И стрелочник Фролов был очень этим доволен.

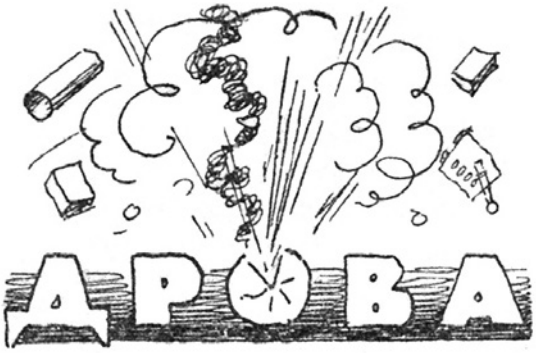
Но когда он слишком потянулся,
то старенькая труба покачнулась и рухнула

Между прочим, эта коза очень долго у него жила и всех удивляла своими прыжками и тем, что могла ходить по самым отвесным доскам. Но на крышу она почему-то больше никогда не лазила. Наверно, у нее от этой крыши остались все-таки неважные воспоминания.

А Минька теперь вырос. Он сейчас студент Горного института — Михаил Степанович Фролов.

Между прочим, случайно узнав, что я пишу рассказ об этом происшествии, он недавно пришел ко мне и просил всем читателям кланяться. И велел сказать, что он теперь не только до трех считать умеет, но до триллиона и даже больше.

Пламенный привет читателям от меня и Миньки и от дяди Володи.



Украдены были дрова. Во дворе нашего дома. Причем интересная подробность: кража произошла в зимнее время, когда дрова, как-никак, представляют особую ценность.

Дрова, вообще говоря, даже и в другие сезоны представляют известный интерес для населения.

Некоторые даже их иногда на именины дарят.

Одной моей родственнице, Елизавете Игнатьевне, я помню, однажды, в день рождения, подарил целую вязанку дров. А Петр Андреевич, ее супруг, человек горячий и вспыльчивый, даже рассердился за это подношение.

— Это, — говорит, — не девятнадцатый год, чтоб дрова преподносить.

Но это, конечно, между прочим.

А дрова, во всяком случае, дело драгоценное и святое. Как сказал поэт Блок:

И не раз, и не два
Вспоминаю святые слова —
Дрова...

И еще что-то такое он сказал, в высшей степени ценное, про дрова.

Так вот, значит, стали во дворе нашего дома пропадать дрова.

Ну, известно, сложены дрова на дворе. Вот они и пропадают. Их кто-то берет на предмет отопления.

То у одного жильца несколько полен пропадет, то у другого, то, наконец, третий крик поднимет:

— У меня, — кричит, — нехватает...

И невозможно разобрать, кто их ворует.

Тогда жильцы на собрании говорят друг другу:

— В доме завелся вор. И может быть, он даже тут сидит и на нас с вами глядит. Но поскольку у нас сорок пять жильцов, то угадать не представляется возможным. Давайте в крайней случае наймем сторожа или будем сами поочередно караулить.

Некто Вася Пестриков моментально подсчитал, во что обойдется сторож. Оказалось, каждое полено удорожится на девяносто копеек. Это показалось дорого.

Тогда решили, что будут караулить сами.

Вася Пестриков написал расписание и повесил его во дворе.

Стали все дежурить поочередно. Но, видят, дрова опять воруют.

Тогда образовалась во дворе одна небольшая экстренная группа в три человека.

Некто жилец Боборыкин, Власов Егор Иваныч и его племянник Мишка. Тоже почему-то Власов.

Этот Мишка является к своему дяде и так ему говорит:

— Я, — говорит, — товарищ дядя, как вам известно, состою в Союзе химиков. Мы там у себя имеем разные химические штучки, всякие химические газы, дымовые шашки и прочую тому подобную чертовщину. И я, — говорит, — последние ночи худо сплю. Я, — говорит, — товарищ дядя, мечтаю принести домой динамитный патрон. И мне хочется этот патрон заложить в полено. И это полено мы бросим совместно с другими поленьями, будто оно лежит само по себе. Вор его непременно возьмет. Он его положит в печку. А там уж, товарищ дядя, предоставьте действовать технике.

Дядя, не понимая еще, как и что, говорит:

— Ну что ж, принеси. Посмотрим.

— Это такое средство, дядя, что против него никакой вор не удержится. И то есть непременно мы, так или иначе, вора поймаем. Где взорвет, в какой квартире — там, значит, и взято.

Дядя, обрадовавшись, говорит:

— Тогда — неси. Это действительно в высшей степени интересно, у кого взорвет.

Жилец Боборыкин говорит:

— Только ни об чем никому говорить не будем, а сами все совершим и увидим. У кого в какой печке взорвет, тот и вор.

Племянник Мишка говорит:

— Патрончик я принесу небольшой, чтобы было допущено небольшое разрушение, но чтобы громадной катастрофы не было.

Боборыкин говорит:

— Небольшую катастрофу допустить тоже можно. Она всех может немного устрашить и одернуть. Это полезно. Но конечно, дом разрушать не надо.

Вот Мишка вскоре принес патрон и этот патрон заложил в полено.

То есть он выдолбил дырочку в полене и туда положил патрон.

И небрежно кинул это поленышко на дрова. И стал с интересом ждать, что будет.

На другой день вечером в доме произошел адский взрыв. Взорвалось в аккурат под жильцом Боборыкиным, в квартире Василия Пестрикова.

Все моментально узнали, какой это взрыв и чему его приписать. И все бросились к месту происшествия.

И все глядели на Василия Пестрикова, который суетился около своей разрушенной печки и восклицал:

— С чего бы это она, товарищи?

Но ему ничего не отвечали. Только говорили:

— Ну и ну!

Между прочим, Мишка Власов не учел, и патрон оказался до того боевой, что совершенно разломал к черту всю печку и две стены.

Кроме того, разбило стекла в двух этажах. И что-то произошло с канализацией. Она, правда, и раньше почти не работала, но сейчас она совсем что-то застопорила. Хотя многие это и не приписывают взрыву.

Жертва была одна. Васькин жилец — инвалид Гусев — чуть не помер с перепугу. Его, собственно, звездануло кирпичом по затылку. И он, привыкший к многочисленным ранениям на войне, тут, в тылу, совершенно растерялся и, как говорится, сразу потерял сознание.

Кроме того, Васькиной сестре, которая была совершенно тут ни при чем, надуло флюс благодаря разбитому окну.

Вася признался, что он для экономии брал изредка по одному полену от других и не считал, что это какое-нибудь особенное ограбление или воровство.

В скором времени он предстанет перед судом, и там он даст исчерпывающий ответ.

Между прочим, на суд попала вся наша боевая тройка — оба Власовы и Боборыкин.

Их обвинили в незаконных поступках и в порче государственного имущества.

Так что они тоже будут судиться.

И наверное, их тоже к чему-нибудь присудят, поскольку нельзя же идти на такие чрезвычайные поступки.

А Мишка пока что развернул еще сильнее свою деятельность.

В другой коммунальной квартире, у его мамаши, крали, между прочим, керосин. Так этот Мишка разбавил керосин водой и после увидел, в каком примусе зашипело.

Вообще этот мальчишка подает, как говорится, большие надежды.

Петя был не такой уж маленький мальчик. Ему было четыре года.

Но мама считала его совсем крошечным ребенком. Она кормила его с ложечки, гулять водила за ручку и по утрам сама одевала его.

От однажды Петя проснулся в своей постельке. И мама стала его одевать.

Вот она одела его и поставила на ножки около кровати. Но Петя вдруг упал.

Мама думала, что он шалит, и снова поставила его на ножки. Но тот опять упал.

Мама удивилась и в третий раз поставила его около кроватки. Но ребенок снова упал.

Мама испугалась и по телефону позвонила папе на службу.

Она сказала папе:

— Приезжай скорей домой. Что-то с нашим мальчиком случилось — он на ножках стоять не может.

Вот папа приезжает и говорит:

— Это глупости. Наш мальчик хорошо ходит и бегает, и не может быть, чтобы он у нас падал.

И он моментально ставит мальчика на ковер. Мальчик хочет пойти к своим игрушкам, но снова, в четвертый раз, падает.

Папа говорит:

— Надо скорей позвать доктора. Наверно, наш мальчик захворал. Наверно, он вчера конфетами объелся.

Позвали доктора.

Приходит доктор в очках и с трубкой.

Доктор говорит Пете:

— Это что за новости! Почему ты падаешь?

Петя говорит:

— Не знаю почему, но немножко падаю.

Доктор говорит маме:

— А ну-ка, разденьте этого ребенка, я его сейчас осмотрю.

Мама раздела Петю, и доктор стал его слушать.

Доктор послушал его через трубку и говорит:

— Ребенок совершенно здоровый. И это удивительно, почему он у вас падает. А ну-ка, оденьте его снова и поставьте на ножки.

Вот мама быстро одевает мальчика и ставит на пол.

И доктор надевает очки на нос, чтобы получше видеть, как мальчик падает.

Только мальчика поставили на ножки — и вдруг он опять упал.

Доктор удивился и говорит:

— Позовите профессора. Может быть, профессор догадается, почему этот ребенок падает.

Папа пошел звонить профессору, а в этот момент к Пете в гости приходит маленький мальчик Коля.

Коля посмотрел на Петю, засмеялся и говорит:

— А я знаю, почему у вас Петя падает.

Доктор говорит:

— Глядите, какой нашелся ученый карапуз — он лучше меня знает, почему дети падают.

Коля говорит:

— Поглядите, как Петя у вас одет. У него одна штанина болтается, а в другую засунуты обе ножки. Вот почему он и падает.

Тут все заахали и заохали.

Петя говорит:

— Это меня мама одевала.

Доктор говорит:

— Не нужно звать профессора. Теперь нам понятно, почему ребенок падает.

Мама говорит:

— Утром я очень торопилась, чтобы ему кашу варить, а сейчас я очень волновалась, и поэтому я так неправильно ему штанишки надела.

Коля говорит:

— А я всегда сам одеваюсь, и у меня таких глупостей с ногами не бывает. Взрослые вечно что-нибудь напутают.

Петя говорит:

— Теперь я тоже буду сам одеваться.

Тут все засмеялись. И доктор засмеялся. Он со всеми попрощался, и с Колей тоже попрощался. И ушел по своим делам. Папа пошел на службу. Мама пошла на кухню. А Коля с Петей остались в комнате. И стали играть в игрушки.

А на другой день Петя сам надел штанишки, и никаких глупых историй с ним больше не произошло.

На днях произошло одно возмутительное дело в Ленинграде.

Тут такие супруги Фарфоровы имели няню. Они взяли ее до своего ребенка. Они сами не могли своему ребенку обеспечить уход и ласку. Они оба два служили на производстве.

Сам Серега Фарфоров служил. И она служила. Он рублей, может, полтораста брал. И она не меньше ста огребала.

И вот при такой ситуации у них происходит рождение ребенка.

Вот родился у них ребенок как таковой, и, конечно, пришлось до него взять няню. А то бы, конечно, они не взяли.

Тем более у них даже такой привычки не было — брать себе нянек. Они не понимали такого барства.

Но тут тем более им выгодней иметь няню, чем самой мадам Фарфоровой покинуть место службы и удалиться с производства.

И вот, конечно, определилась к ним няня.

Не очень такая старая и не очень такая молодая. Одним словом, пожилая и довольно-таки на вид страхолюдная.

Но за безобразной внешностью Фарфоровы вскоре увидели у нее доброе сердце. И никак не могли предвидеть, что за гадюку они пригрели на своей груди.

А они, конечно, нарочно взяли себе такую некрасивую, чтоб она не шлялась, и чтобы не имела личного счастья, и чтоб только смотрела на ихнего младенца.

И тем более они взяли ее по рекомендации. И там им сказали: дескать, это вполне непьющая, пожилая, некрасивая старуха. И дескать, она любит детей и прямо с рук их не спускает. И даром что это старуха, но это такая старуха, что прямо редкость.

Это им так сказали. Но они еще не имели своего мнения.

И вот они берут себе эту няню и видят — действительно, золото, а не няня. Тем более она сразу полюбила ребенка. Все время с ним ходит, с рук не спускает и прямо гуляет с ним до ночи.

А Фарфоровы, являясь передовыми людьми, не перечили в этом. Они понимали, что воздух и гулянье вполне укрепляют организм младенцу. И думают: «Пожалуйста. Пущай гуляет. Тем более мы будем реже видеть ее зверскую физиономию».

И вот происходит такая ситуация.

Утром родители на производство, а ихняя няня берет младенца, берет пузырек с коровьим молоком и идет гулять по улицам Ленинграда. И гуляет с ним прямо до глубокой ночи.

Только раз однажды идет по улице член правления Цаплин. Он — с домкома. Он — одна из главных фигур в правлении.

Вот он идет по улице, думает, может, про свои интимные дела или там кого бы из вверенных ему жильцов на черную доску занести как злостного неплательщика. И вдруг смотрит — что такое? Стоит на углу потрепанная старуха. Держит она на своих руках младенца. И под этого младенца она просит. Некоторые прохожие при виде этого зрелища отворачиваются, а некоторые, сочувствуя чужой беде, подают ей монетку или две на пропитание. А та им кланяется. И показывает младенца, — дескать, не для себя прошу, а вот для этого.

Семен Михайлович Цаплин давать ей не хотел, он просто так поглядел на ее личность. И видит — личность будто знакомая. И глядит — да, действительно это суть няня с Фарфоровским ребенком. Тем более обознаться трудно — личность у нее такая, что очень глубоко в душу западает.

Член правления Цаплин ничего ей на это не сказал и вообще ни копья не подал, но повернулся и пошел обратно домой.

Неизвестно, как он дожил до вечера, но вечером говорит самому Фарфорову:

— Я, — говорит, — чересчур удивляюсь, уважаемый товарищ, но, — говорит, — или вы своей домработнице денег не платите, или, — говорит, — я не пойму подобной ситуации. А если, — говорит, — вы ее нарочно засылаете под ребенка просить, то вы, — говорит, — есть определенно чуждая прослойка в нашем пролетарском доме.

Фарфоров, конечно, говорит:

— Я извиняюсь, об чем речь? Про что вы говорите — я чего-то не пойму.

Тогда член правления говорит про что видел и про то, что перечувствовал, наблюдая подобное зрелище.

Тут происходят разные сцены. Происходят крики и улыбки. И все выясняется.

Тогда зовут няню. Ей говорят:

— Как же так можно? Вы что — обалдели? Или вы ненормальная, и у вас в голове не все дома.

Няня говорит:

— В этом пороку нет. Так ли я стою, или мне сердобольные прохожие в руку дают. Я, — говорит, — прямо не пойму, об чем разговор. Ребенок через это не страдает. И может, ему даже забавно видеть такое вращение людей вокруг себя.

Фарфоров говорит:

— Да, но я не хочу своему ребенку присваивать такие взгляды с детских лет. Я не дозволю вам производить такие действия.

Мадам Фарфорова, прижимая своего ребенка к груди, говорит:

— Нам это в высшей степени оскорбительно. Мы вас выгоняем со своего места.

Цаплин говорит:

— А я, как член правления, скажу: вы всецело правы выгнать эту бешеную няньку.

Старуха говорит:

— Ах, подумаешь, до чего испугали! Нянь нынче не очень много — меня, может, с руками оторвут. А я под вашего щенка едва трешку зарабатывала, — а упреков не оберешься. Я от вас сама уйду, поскольку вы какие-то бесчувственные подлецы, а не хозяева.

После этих слов Фарфоров, рассердившись, накричал на нее и даже хотел из ее слабого тела вытряхнуть старческую душонку, но член правления ему не разрешил. После чего ее с позором выгнали. Так она и ушла, и рекомендации не взяла, и неизвестно, куда поступила. Но наверное, она снова где-нибудь нянчит младенца и под него подходяще зарабатывает.

Жил в Ленинграде некто такой Сисяев. Такой довольно арапистый человек. Он во время нэпа, когда частники еще работали, держал парикмахерскую. Только, кроме стрижки и брижки, он еще иностранной валютой торговал и вообще разные темные делишки обстряпывал. Ну и конечно, засыпался.

Он засыпался в тридцатом году летом. Маленько посидел где следует. И вскоре его, голубчика, выперли из Ленинграда куда-то подальше.

Одним словом, его, как спекулянта, выслали в Нарымский край.

И значит, он, хочешь не хочешь, поехал.

А надо сказать, он своего ареста ожидал. У него сердце было неспокойно. Он еще за неделю сказал своим компаньонам: дескать, как бы не угодить куда-нибудь.

И конечно, на всякий случай он взял старую кожаную тужурку, подпорол ей бортик и зашил туда десять царских золотых монет и один золотой квадратик. Может быть, помните — государство в двадцать четвертом году выпустило такие золотые квадратики для технических надобностей.

Вот он, значит, на всякий пожарный случай и подзашил свое добро в тужурку, и прямо из этой тужурки он больше не вылезал. Да еще в брюки он тоже зашил разные бумажные деньги. И в сапоги под стельки положил более носкую валюту — доллары.

И стал поджидать.

Только он недолго ждал. Вскоре после того его взяли вместе с тужуркой. И осенью он поехал куда следует.

Только неизвестно, как он там жил. Может быть, скорей всего, он не очень худо жил. Тем более бумажных денег у него было вдоволь припасено. Он знай себе подпарывал брюки и вынимал что-то из бумажника. А до золота, между прочим, не дотрагивался.

Только живет он так больше года. И вдруг хворает. Он хворает воспалением легких. Он там простудился. Его там просквозило на работе. И он там захворал.

Конечно, кашель поднялся, насморк, хрипы, температура минус сорок градусов. В боку колет. Аппетита нету. И вообще человек чувствует приближение собственной кончины.

И тогда ночью снимает с себя кожаную куртку и вновь подпарывает ей бортик.

Он подпарывает ей бортик, кладет на язык золотые монетки и глотает их в порядке живой очереди.

«Поскольку, — думает он, — я помру, а тут кто-нибудь шарить начнет. А мне это неприятно. И пущай это золото у меня в брюхе лежит, чем кто-нибудь им воспользуется». И значит, подумавши так, глотает.

Только, может, он проглотил пять или шесть штук, как вдруг замечает эти преступные действия один из его приятелей. Их там по семь человек вместе жило.

Заметил это приятель, поднял тарарам и не допустил глотать остальные деньги.

И хотя тот за того хватался и умолял, но этот говорит:

— Мне, говорит, не так золота жалко. Я себе золота не возьму. Но я, говорит, не могу допустить проглатывать. Тем более воспаление легких иногда проходит. А тут и денег не будет, и вообще засорение желудка.

Короче говоря, больной вскоре действительно поправился. Он выздоровел. Грудь ему освободило. Дыхание вернулось. Но является новая беда — в желудке колет, кушать неохота, и слюна идет.

И спасибо, что больной не все монеты заглотал. А то бы совсем невозможно получилось.

Конечно, можно было бы больному схлопотать в Томск поехать, на операцию лечь. Но только он сам не захотел. Он, может, пугался, что во время хлороформа он недосмотрит и хирурги разворуют его монеты, лежащие в желудке.

Он только допустил разные внутренние средства и дозволил себя массировать.

Разные сильные средства, конечно, выгнали монеты наружу, но по подсчету их оказалось меньше, чем следует.

Тут вообще дело темное. Или уперли во время тарарама несколько монет, или они в желудке остались.

Так что ежели считать, что в желудке ничего нету, то недостает трёх монет и одного квадратика. Тогда, значит, действительно уперли. И тогда, значит, надо прекратить массаж и лечение.

И значит, подумавши так, глотает

Но зачем на людей тень наводить? Может быть, монеты лежат себе в желудке.

Тем более для здоровья это не играет роли. Золото не имеет права давать ржавчину, так что оно может лежать до бесконечности.

Конечно, жалко, что валюта лежит без движения. Но может, она и в движении у других граждан.

Что касается до спекулянта, то он имеет мнение, что золото благополучно лежит у него в желудке, зацепившись за какой-нибудь естественный поворот внутренней системы. Но для душевного спокойствия он непременно хочет сделать себе просвечивание. И если наука найдет, что золото там внутри, то он и не будет его трогать до поры до времени.

АРИСТОКРАТКА

Я, братцы мои, не люблю баб, которые в шляпках. Ежели баба в шляпке, ежели чулочки на ней фильдекосовые, или мопсик у ней на руках, или зуб золотой, то такая аристократка мне и не баба вовсе, а гладкое место.

А в свое время я, конечно, увлекался одной аристократкой. Гулял с ней и в театр водил. В театре-то все и вышло. В театре она и развернула свою идеологию во всем объеме.

А встретился я с ней во дворе дома. На собрании. Гляжу, — стоит этакая фря. Чулочки на ней, зуб золоченый.

— Откуда, — говорю, — ты, гражданка? Из какого номера?

— Я, — говорит, — из седьмого.

— Пожалуйста, — говорю, — живите.

И сразу как-то она мне ужасно понравилась. Зачастил я к ней. В седьмой номер. Бывало, приду, как лицо официальное. Дескать, как у вас, гражданка, в смысле порчи водопровода и уборной? Действуют?

— Да, — отвечает, — действуют.

И сама кутается в байковый платок, и ни мур-мур больше. Только глазами стрижет. И зуб во рте блестит. Походил я к ней месяц — привыкла. Стала подробней отвечать. Дескать, действует водопровод, спасибо вам, Григорий Иванович.

Дальше — больше, стали мы с ней по улицам гулять. Выйдем на улицу, она велит под руку принять. Приму ее под руку и волочусь, что щука. И чего сказать — не знаю, и перед народом совестно.

Ну а раз она мне и говорит:

— Что вы, — говорит, — меня все по улицам водите? Аж голова закрутилась. Вы бы, — говорит, — как кавалер и у власти, сводили бы меня, например, в театр.

— Можно, — говорю.

И как раз на другой день прислали нам билеты в оперу. Один билет я получил, а другой мне Васька-слесарь пожертвовал.

На билеты я не посмотрел, а они разные. Который мой — внизу сидеть, а который Васькин — аж на самой галерейке.

Вот мы и пошли. Сели в театр. Она села на мой билет, я — на Васькин. Сижу на верхотурье и ни хрена не вижу. А ежели нагнуться через барьер, то ее вижу. Хотя плохо. Поскучал я, поскучал, вниз сошел. Гляжу — антракт. А она в антракте ходит.

— Здравствуйте, — говорю.

— Здравствуйте.

— Интересно, — говорю, — действует ли тут водопровод?

— Не знаю, — говорит.

И сама в буфет прет. Я за ней. Ходит она по буфету и на стойку смотрит. А на стойке блюдо. На блюде пирожные.

А я этаким гусем, этаким буржуем нерезаным вьюсь вокруг нее и предлагаю:

— Ежели, — говорю, — вам охота скушать одно пирожное, то не стесняйтесь. Я заплачу.

— Мерси, — говорит.

И вдруг подходит развратной походкой к блюду и цоп с кремом и жрет.

А денег у меня — кот наплакал. Самое большое что на три пирожных. Она кушает, а я с беспокойством по карманам шарю, смотрю рукой, сколько у меня денег. А денег — с гулькин нос.

Съела она с кремом, цоп другое. Я аж крякнул. И молчу. Взяла меня этакая буржуйская стыдливость. Дескать, кавалер, а не при деньгах.

Я хожу вокруг нее, что петух, а она хохочет и на комплименты напрашивается.

Я говорю:

— Не пора ли нам в театр сесть? Звонили, может быть.

А она говорит:

— Нет.

И берет третье. Я говорю:

— Натощак — не много ли? Может вытошнить.

А она:

— Нет, — говорит, — мы привыкшие.

И берет четвертое. Тут ударила мне кровь в голову.

— Ложи, — говорю, — взад!

А она испужалась. Открыла рот. А во рте зуб блестит. А мне будто попала вожжа под хвост. Все равно, думаю, теперь с ней не гулять.

— Ложи, — говорю, — к чертовой матери!

Положила она назад. А я говорю хозяину:

— Сколько с нас за скушанные три пирожные?

А хозяин держится индифферентно — ваньку валяет.

— С вас, — говорит, — за скушанные четыре штуки столько-то.

— Как, — говорю, — за четыре? Когда четвертое в блюде находится.

— Нету, — отвечает, — хотя оно и в блюде находится, но надкус на ем сделан и пальцем смято.

— Как, — говорю, — надкус, помилуйте. Это ваши смешные фантазии.

А хозяин держится индифферентно — перед рожей руками крутит.

Ну, народ, конечно, собрался. Эксперты. Одни говорят — надкус сделан, другие — нету.

А я вывернул карманы — всякое, конечно, барахло на пол вывалилось — народ хохочет. А мне не смешно. Я деньги считаю.

Сосчитал деньги — в обрез за четыре штуки. Зря, мать честная, спорил.

Заплатил. Обращаюсь к даме:

— Докушивайте, — говорю, — гражданка. Заплачено.

А дама не двигается. И конфузится докушивать.

А тут какой-то дядя ввязался.

— Давай, — говорит, — докушаю.

И докушал, сволочь. За мои-то деньги.

Сели мы в театр. Досмотрели оперу. И домой.

А у дома она мне и говорит:

— Довольно свинство с вашей стороны. Которые без денег — не ездят с дамами.

А я говорю:

— Не в деньгах, гражданка, счастье. Извините за выражение.

Так мы с ней и разошлись.

Не нравятся мне аристократки.

ИСТОРИЯ моей болезни

Откровенно говоря, я предпочитаю хворать дома.

Конечно, слов нет, в больнице, может быть, светлей и культурней. И калорийность пищи, может быть, у них более предусмотрена. Но как говорится, дома и солома едома.

А в больницу меня привезли с брюшным тифом. Домашние думали этим облегчить мои неимоверные страдания. Но только этим они не достигли цели, поскольку мне попалась какая-то особенная больница, где мне не все понравилось.

Все-таки только больного привезли, записывают его в книгу, и вдруг он читает на стене плакат: «Выдача трупов от 3-х до 4-х».

Не знаю, как другие больные, но я прямо закачался на ногах, когда прочел это воззвание. Главное, у меня высокая температура, и вообще жизнь, может быть, еле теплится в моем организме, может быть, она на волоске — и вдруг приходится читать такие слова.

Я сказал мужчине, который меня записывал:

— Что вы, — говорю, — товарищ фельдшер, такие пошлые надписи вывешиваете? Все-таки, — говорю, — больным не доставляет интереса это читать.

Фельдшер, или как там его — лекпом, удивился, что я ему так сказал, и говорит:

— Глядите: больной, и еле он ходит, и чуть у него пар изо рта не идет от жара, а тоже, — говорит, — наводит на все самокритику. Если, — говорит, — вы поправитесь, что вряд ли, тогда и критикуйте, а не то мы действительно от трех до четырех выдадим вас в виде того, что тут написано, вот тогда будете знать.

Хотел я с этим фельдшером схлестнуться, но поскольку у меня была высокая температура, тридцать девять и восемь, то я с ним спорить не стал. Я только ему сказал:

— Глядите: больной... а тоже наводит на все самокритику

— Вот погоди, медицинская трубка, я поправлюсь, так ты мне ответишь за свое нахальство. Разве, — говорю, — можно больным такие речи слушать? Это, — говорю, — морально подкашивает их силы.

Фельдшер удивился, что тяжело больной так свободно с ним объясняется, и сразу замял разговор. И тут сестричка подскочила.

— Пойдемте, — говорит, — больной, на обмывочный пункт.

Но от этих слов меня тоже передернуло.

— Лучше бы, — говорю, — называли не обмывочный пункт, а ванна. Это, — говорю, — красивей и возвышает больного. И я, — говорю, — не лошадь, чтоб меня обмывать.

Медсестра говорит:

— Даром что больной, а тоже, — говорит, — замечает всякие тонкости. Наверно, — говорит, — вы не выздоровеете, что во все нос суете.

Тут она привела меня в ванну и велела раздеваться.

И вот я стал раздеваться и вдруг вижу, что в ванне над водой уже торчит какая-то голова. И вдруг вижу, что это как будто старуха в ванне сидит, наверно, из больных.

Я говорю сестре:

— Куда же вы меня, собаки, привели — в дамскую ванну? Тут, — говорю, — уже кто-то купается.

Сестра говорит:

— Да это тут одна больная старуха сидит. Вы на нее не обращайте внимания. У нее высокая температура, и она ни на что не реагирует. Так что вы раздевайтесь без смущения. А тем временем мы старуху из ванны вынем и набуровим вам свежей воды.

Я говорю:

— Старуха не реагирует, но я, может быть, еще реагирую. И мне определенно неприятно видеть то, что там у вас плавает в ванне.

Вдруг снова приходит лекпом.

— Я, — говорит, — первый раз вижу такого привередливого больного. И то ему, нахалу, не нравится, и это ему нехорошо. Больная старуха купается, и то он претензию выражает. А у нее, может быть, около сорока температуры, и она ничего в расчет не принимает, и все видит как сквозь сито. И уж во всяком случае ваш вид не задержит ее в этом мире лишних пять минут. Нет, говорит, я больше люблю, когда к нам больные поступают в бессознательном состоянии. По крайней мере, тогда им все по вкусу, всем они довольны и не вступают с нами в научные пререкания.

Тут купающаяся старуха подает голос:

— Вынимайте, — говорит, — меня из воды, или, — говорит, — я сама сейчас выйду и всех тут вас распатроню.

Тут они занялись старухой и мне велели раздеваться.

И пока я раздевался, они моментально напустили горячей воды и велели мне туда сесть.

И, зная мой характер, они уже не стали спорить со мной и старались во всем поддакивать. Только после купанья они дали мне огромное, не по моему росту, белье. Я думал, что они нарочно от злобы подбросили мне такой комплект не по мерке, но потом я увидел, что у них это — нормальное явление. У них маленькие больные, как правило, были в больших рубахах, а большие — в маленьких.

И даже мой комплект оказался лучше, чем другие.

На моей рубахе больничное клеймо стояло на рукаве и не портило общего вида, а на других больных клейма стояли у кого на спине, а у кого на груди, и это морально унижало человеческое достоинство.

Но поскольку у меня температура все больше повышалась, то я и не стал об этих предметах спорить.

А положили меня в палату, где лежало около тридцати разного сорта больных. И некоторые, видать, были больные. А некоторые, наоборот, поправлялись. Некоторые свистели. Другие играли в пешки. Третьи шлялись по палатам и по складам читали, чего написано над изголовьем.

Я говорю сестрице:

— Может быть, я попал в больницу для душевнобольных, так вы так и скажите. Я, — говорю, — каждый год в больницах лежу и никогда ничего подобного не видел.

Та говорит:

— Может быть, вас прикажете положить в отдельную палату и приставить к вам часового, чтоб он от вас мух и блох отгонял?

Я поднял крик, чтоб пришел главный врач, но вместо него пришел этот самый фельдшер. А я был в ослабленном состоянии. И при виде его я окончательно потерял свое сознание.

Только очнулся я, наверно, так думаю, дня через три.

Сестричка говорит мне:

— Ну, — говорит, — у вас прямо двужильный организм. Вы, — говорит, — сквозь все испытания прошли. И даже мы вас случайно положили около открытого окна, и то вы неожиданно стали поправляться. И теперь, — говорит, — если вы не заразитесь от своих соседних больных, то, — говорит, — вас можно будет чистосердечно поздравить с выздоровлением.

Однако организм мой не поддался больше болезням, и только я единственно перед самым выходом захворал детским заболеванием — коклюшем.

Сестричка говорит:

— Наверно, вы подхватили заразу из соседнего флигеля. Там у нас детское отделение. И вы, наверно, неосторожно покушали из прибора, на котором ел коклюшный ребенок. Вот через это вы и прихворнули.

В общем, вскоре организм взял свое, и я снова стал поправляться. Но когда дело дошло до выписки, то я и тут, как говорится, настрадался и снова захворал, на этот раз нервным заболеванием.

А я нервничал просто потому, что они меня не выписывали. То они забывали, то у них чего-то не было, то кто-то не пришел и нельзя было отметить. То, наконец, у них началось движение жен больных, и весь персонал был этим занят.

Фельдшер говорит:

— У вас только восемь дней перебор, и то вы недовольны. А у нас тут некоторые выздоровевшие по три недели не выписываются, и то они терпят.

Но вскоре они меня выписали, и я вернулся домой.

Супруга говорит:

— Знаешь, Петя, неделю назад мы думали, что ты отправился в загробный мир, поскольку из больницы пришло извещение, в котором говорится: «По получении сего срочно явитесь за телом вашего мужа».

Оказывается, моя супруга побежала в больницу, но там извинились за ошибку, которая у них произошла в бухгалтерии. Это у них скончался кто-то другой, а они почему-то подумали на меня. Хотя я к тому времени был здоров, и только меня на нервной почве закидало прыщами. В общем, мне почему-то стало неприятно от этого происшествия, и я хотел побежать в больницу, чтоб с кем-нибудь там побраниться, но как вспомнил, что у них там бывает, так, знаете, и не пошел.

И теперь хвораю дома.

Недалеко от Жмеринки у одного гражданина свистнули, или, как говорится, увели чемодан.

А дело было в скором поезде.

И это прямо надо было удивляться, каким образом у него взяли этот чемоданчик.

Главное, пострадавший попался, как нарочно, в высшей степени осторожный и благоразумный гражданин.

У таких обыкновенно ничего не воруют. То есть не то чтобы он сам у других пользовался. Нет, он честный. Но только он осторожный.

Он, например, своего чемодана из рук весь день не выпускал. Он, кажется, даже с ним посещал уборную. Хотя это ему, как говорится, было не так легко.

А в ночное время он лежал на нем ухом. Он, так сказать, для чуткости слуха и чтоб не унесли во время процесса сна, ложился на него головой. И как-то там на нем спал, — не знаю.

И он даже для верности не приподнимал головы от этой своей вещи. А если ему нужно было перевернуться на другой бок, то он как-то там со всем этим предметом вращался.

Нет, он в высшей степени чутко и осторожно относился к этому своему багажу.

И вдруг это у него свистнули. Это был номер.

А еще тем более его предупредили перед сном. Ему кто-то там сказал, когда он ложился:

— Вы, — говорит, — будьте добры, осторожной тут ездите.

— А что? — спрашивает.

— На всех, — говорит, — дорогах воровство почти что прекратилось. Но тут, на этом перегоне, еще отчасти бывает, что шалят. И даже бывает, что сапоги с сонных людей снимают, не говоря о багаже и так далее.

Наш гражданин говорит:

— Меня это не касается. Если речь идет о моем чемодане, то я имею привычку спать на нем довольно чутко. И этот перегон меня не волнует.

И с этими словами он ложится на свою верхнюю полку и под голову закладывает чемодан с разными, наверное, ценными домашними вещами.

Значит, ложится он и спокойно засыпает.

И вдруг ночью к нему кто-то подходит в темноте и тихонько начинает сапог с ноги стаскивать.

А наш проезжающий был в высоких русских сапогах. И сразу такой сапог, конечно, не снять благодаря его длинному голенищу. Так что вор только немного сдернул этот сапог с ноги.

Наш гражданин сдержался и думает: «Подожду, что будет дальше. Интересно. Неужели он желает с меня сапоги снять?»

А в это время неизвестный берет его теперь за другую ногу и снова дергает. Но на этот раз дергает изо всей силы.

Вот наш гражданин как вскочит с размаху, как ахнет вора по плечу. А тот — как сиганет в сторону. А наш проезжающий — как брыкнется с полки за ним. Хочет, главное, бежать, но не может, поскольку у него сапоги наполовину сдернуты. Ноги в голенищах болтаются, как звонки.

Пока то да се. Пока ноги взошли вовнутрь, глядит — вора уж и след простыл. Только слыхать, что он, мошенник, дверкой на площадке хлопнул.

Поднялись крики. Все вскочили.

Наш проезжающий говорит:

— Вот интересный случай. Чуть у меня сапоги с сонного не сняли.

И сам вдруг косо поглядел на свою полку, где должен был стоять его чемодан.

Но его, увы, уже не было.

Ну конечно, опять крики и опять тарарам.

Один из пассажиров говорит:

— Наверное, вас за ногу нарочно потянули, чтобы вы, извиняюсь, освободили чемодан от головы. А то все лежите и лежите. Поэтому вас скорее всего и потревожили.

Пострадавший сквозь слезы страдания говорит:

— Вот этого я не знаю.

И сам на первой станции бежит в транспортный отдел и делает там заявление.

Там сказали:

— Хитрость этих жуликов не поддается описанию.

И, узнав, что у него там было в чемодане, пообещали, в случае чего сообщить.

Они сказали:

— Мы поищем. Хотя, конечно, ручаться не можем.

И это они, конечно, сделали правильно, что не поручились, так как вора с чемоданом они так и не нашли.

Товарищ Локтев и его жена Нюша Кошелькова на днях встретили меня на улице.

Встречают и уговаривают пойти с ними в театр.

«Ну, — думаю, — вечер у меня свободный — проведу культурно время».

Пришли мы, конечно, в театр. Взяли, конечно, билеты. Поднялись по лестнице. Вдруг назад кличут. Велят раздеваться.

— Пальто, — говорят, — сымайте.

Локтев, конечно, с дамой моментально скинули пальто. А я, конечно, стою в раздумье. Пальто у меня было в тот вечер прямо на ночную рубашку надето. Пиджака не было. И чувствую, братцы мои, сымать как-то неловко. «Прямо, — думаю, — срамота может произойти». Главное — рубаха нельзя сказать, что грязная. Рубаха не особенно грязная. Но конечно, грубая, ночная. Шинельная пуговица, конечно, на вороте пришита крупная. «Срамота, — думаю, — с такой крупной пуговицей в фойе идти».

— Прямо, — говорю, — товарищи, не знаю, чего и делать. Я сегодня одет неважно. Неловко как-то мне пальто сымать. Все-таки подтяжки там и сорочка опять же грубая.

Товарищ Локтев говорит:

— Ну, покажись.

Расстегнулся я. Показываюсь.

— Да, — говорит, — действительно, видик...

Дама тоже, конечно, посмотрела и говорит:

— Я, — говорит, — лучше домой пойду. Я, — говорит, — не могу, чтоб кавалеры в одних рубахах рядом со мной ходили. Вы бы, — говорит, — еще подштанники поверх штанов пристегнули. Довольно, — говорит, — вам неловко в таком отвлеченном виде в театры ходить.

Я говорю:

— Я не знал, что я в театры иду, — дура какая. Я, может, пиджаки редко надеваю. Может, я их берегу, — что тогда?

Стали мы думать, чего делать. Локтев, собака, говорит:

— Вот чего. Я, — говорит, — Василий Митрофанович, сейчас тебе свою жилетку дам. Одевай мою жилетку и ходи в ней, будто тебе все время в пиджаке жарко.

Расстегнул он свой пиджачок, стал щупать и шарить внутри себя.

— Ой, — говорит, — мать честная, я, — говорит, — сам сегодня не при жилетке. Я, — говорит, — тебе лучше сейчас галстук дам, все-таки приличней. Привяжи на шею и ходи, будто бы тебе все время жарко.

Дама говорит:

— Лучше, — говорит, — я, ей-богу, домой пойду. Мне, — говорит, — дома как-то спокойней. А то, — говорит, — один кавалер чуть не в подштанниках, а у другого галстук заместо пиджака. Пущай, — говорит, — Василий Митрофанович в пальто попросит пойти.

Просим и умоляем, показываем союзные книжки — не пускают.

— Это, — говорят, — не девятнадцатый год в пальто сидеть.

— Ну, — говорю, — ничего не пропишешь. Кажись, братцы, надо домой ползти.

Но как подумаю, что деньги заплачены, не могу идти — ноги не идут к выходу. Локтев, собака, говорит:

— Вот чего. Ты, — говорит, — подтяжки отстегни, — пущай их дама понесет заместо сумочки. А сам валяй как есть: будто у тебя это летняя рубашка апаш, и тебе, одним словом, в ней все время жарко.

Дама говорит:

— Я подтяжки не понесу, как хотите. Я, — говорит, — не для того в театры хожу, чтоб мужские предметы в руках носить. Пущай Василий Митрофанович сам несет или в карман себе сунет.

Раздеваю пальто. И стою в своем нетеатральном виде.

А холод довольно собачий. Дрожу и прямо зубами лязгаю. А кругом публика смотрит.

Дама отвечает:

— Скорей вы, подлец этакий, отстегивайте помочи. Народ же кругом ходит. Ой, ей-богу, лучше я домой сейчас пойду.

А мне скоро тоже не отстегнуть. Мне холодно. У меня, может, пальцы не слушаются — сразу отстегивать. Я упражнения руками делаю.

После приводим себя в порядок и садимся на места.

Первый акт проходит хорошо. Только что холодно. Я весь акт гимнастикой занимался.

Вдруг в антракте задние соседи скандал поднимают. Зовут администрацию. Объясняют насчет меня.

— Дамам, — говорят, — противно на ночные рубашки глядеть. Это, — говорят, — их шокирует. Кроме того, — говорят, — он все время вертится как на иголках.

Я говорю:

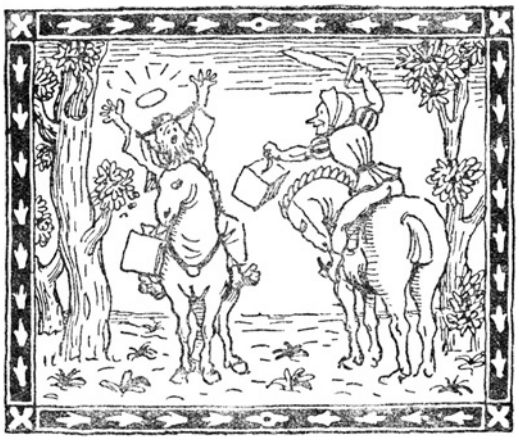
— Я верчусь от холода. Посидите-ка сами в одной рубахе. А я, — говорю, — братцы, и сам не рад. Что же сделать?

Волокут меня, конечно, в контору. Записывают все как есть.

После отпущают.

— А теперь, — говорят, — придется вам трешку по суду отдать.

Вот гадость-то! Прямо не угадаешь, откуда неприятности...



ИСТОРИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ
(1936)

ХИТРАЯ ЗАТЕЯ

1

Жадность к деньгам однажды толкнула церковников на исключительное жульничество.

Желая поправить свои пошатнувшиеся материальные дела, они пустили в продажу такие специальные ярлыки, или, скажем проще, квитанции на отпущение грехов. Это у них называлось — продажа индульгенций.

Мы, собственно, не знаем, как пришла к ним такая светлая мысль — торговать квитанциями. Дело это у них, можно сказать, происходило за закрытой дверью.

Никто из посторонних не был приглашен. Но все-таки приблизительно мы можем представить себе, как это у них было в Средние века.

2

Вероятно, было заседание обедневших церковников на котором, давясь от здорового смеха, кто-нибудь предложил эту смелую идею.

Какой-нибудь там святой докладчик, наверное, в печальных красках обрисовал денежное положение церкви.

Кто-нибудь там несмело предложил брать за вход с посещающих церковь.

Какой-нибудь этакий курносый поп сказал своим гнусавым голосом:

— За вход брать — это они, факт, ходить не будут. А вот, может быть, им при входе что-нибудь этакое легонькое продавать, дешевенькое, вроде Володи... Что-нибудь там вкручивать им...

Кто-нибудь крикнул:

— Дешевенькое тоже денег стоит. А вот, может, нам с каждого благословения брать. Или: водой морду покропил — платите деньги.

3

Но тут вдруг наш курносый поп, фыркая в руку и качаясь от приступов смеха, сказал:

— А может, нам, братцы, грехи отпущать за деньги. У кого какой грех — мони гонету... И квиток получай на руки... Ай, ей-богу...

Тут, без сомнения, шум поднялся, смешки, возгласы.

Пожалуй, какая-нибудь высохшая ханжа, воздев к небу руки, сказала:

— А как же бог-то, иже еси на небеси?

Курносый говорит:

— А может, мы для него и стараемся... Я только, братцы, другого боюсь: вдруг не понесут деньги. Народ такой, что на него нельзя положиться в этом смысле.

Но тут, проголосовав, решили испытать это дело.

Дело, вопреки сомнениям, двинулось хорошо. И вот этой выгодной торговлишкой церковь усердно занималась в течение многих веков.

Любой грех можно было выкупить за определенную плату.

4

Божественный наместник Христа, некто папа Лев X (1514 год), сильно нуждаясь в деньгах и желая расшевелить эту заглохшую было в его время торговлишку, решил отправить за границу специального человека, надеясь потрясти карманы состоятельным иностранцам, верующим в святость и непогрешимость церкви.

Этот человек, монах Тецель, объехал все германские владения, бойко торгуя там ордерами на отпущение грехов.

Он ездил на лошади с двумя ящиками. В одном ящике у него были папские грамоты и ярлыки на отпущение грехов — прошлых, настоящих и даже будущих. В другой ящик монах пихал деньги за вырученный товар.

История рассказывает про это арапство забавный анекдот, как один германский рыцарь встретил в лесу этого монаха. Этот рыцарь купил у монаха ордер на отпущение того греха, который он намерен исполнить, После чего, избив монаха и отняв у него ящик с деньгами, скрылся.

СЛУЧАЙ С РИМСКИМ ПАПОЙ

1

ольшим коварством, между прочим, отличались многие римские папы.

Особенно одни из них уж слишком загнул в этой области. Но и то хорошо, что его коварство на этот раз не было чем-нибудь неприятным.

Он придумал удивительное коварство для достижения своей цели. Это был папа Сикст Пятый. Это ему такое имя дали при восшествии на папский престол. А так-то, до этого, его звали Перрета. И он был не папа, а простой кардиналишка из монахов.

И вот он находится в положении обыкновенного кардинала, и это ему все мало. Он еще непременно хочет стать римским папой. Еще чего! То есть он хочет быть папой, но не может. И прямо он от этого желания страдает и чуть не умирает.

А там у них это было не так-то просто — папой быть. Другие, может быть, тоже к этому стремятся. А наш герой — из простых монахов и не имеет особой протекции. Только что он не дурак.

2

И вот тут, как нарочно, умирает у них прежний римский папа. Может быть, Сикст Четвертый. Я, впрочем, не уверен в этом. И вот у них начинаются перевыборы.

Воображаю, какие понаехали. Шелковые рясы. Выступают медленно. Ручки пухлые. Морды лоснятся. И почти все кардиналы.

И вот наш герой, кардиналишка Перрета, тоже, конечно, поторопился сюда приехать.

Поглядел, может, на избранное общество и думает: «В таком виде, какой я есть, они навряд ли меня выберут. Дай, — думает, — я им устрою маскарад.

И с этими словами он является на перевыборы вроде как больной. Он охает, кашляет и ходит сгорбившись. Поминутно хватается за грудку и при этом восклицает: «Вот, дескать, братцы, какой номер. Ослаб в высшей степени, серьезно хвораю и думаю скоро протянуть ноги. И главное, прямо ничем не интересуюсь. До чего меня болезнь прищемила».

И сам говорит шепотом. С одышкой. И только у него, у подлеца, глаза сверкают, как у мошенника.

3

Другие кардиналы думают: «Вот бы хорошо в самом деле такого слабенького папу выбрать. Он тихий, болезненный, все время хворает. Очень будет милый и застенчивый папа. И он навряд ли будет во все входить и всех подтягивать. А то другого выберешь, — он тебе навернет. Нет, непременно надо этого болезненного тихоню выбрать».

И с этими словами они его выбирают.

Историки говорят, что сразу после избрания, почти немедленно, произошла чудовищная перемена.

Кардинал выпрямил стан и заговорил с собравшимися таким резким и суровый тоном, что привел всех в трепет.

И он пять лет был папой. И он весьма сурово вел дела. Он во все вникал и всех тянул. И даже казнил двух кардиналов. И сам был здоров как бык. Так что все вскоре убедились, что он их чертовски надул.

В общем, когда он умер, обозлившиеся церковники сбросили его статую с пьедестала и разбили ее в мелкие дребезги. И это, говорят, был в некотором роде единственный случай, что разбили статую.

Наверное, он, собака, сильно им всем насолил. Но это был, в общем, большой психолог. Молодец.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ В ЦЕРКВИ

1

Согласно утверждению историков, королей, вообще говоря, довольно часто убивали.

И в этом ничего особенного не было.

Но однажды был исключительно интересный случай. Однажды церковники одного своего короля в церкви убили. Они ему яд в причастие подсыпали. Когда тот, как говорится, исповедался и причащался.

И это был один из удивительнейших церковных номеров — подсыпать яд в причастие и дать человеку, который, может быть, заскочил в церковь с самыми благими и божественными намерениями.

В общем, они его отравили таким поразительным способом. А это был, между прочим, германский император Генрих Седьмой. Там у них было, если помните, несколько Генрихов. Собственно, значит, не менее семи, раз этот был седьмой.

Из них знаменитый был Генрих Птицелов. Он, вероятно, любил птиц ловить. Скорей всего, надо предполагать, что это был какой-нибудь порядочный оболтус, что он за птицами гонялся, вместо того чтоб страной править.

Потом был у них такой Генрих Мореплаватель. Этому, наверное, нравилось любоваться морем. Или он, может быть, любил посылать морские экспедиции. Впрочем, он, кажется, правил в Англии или в Португалии. Где-то, одним словом, в тех краях. Для общего хода нашего рассказа это абсолютно неважно, где находился этот Генрих.

А что касается Германии, то там, кроме того, были еще какие-то маловыдающиеся Генрихи. И наконец, этот наш несчастный труженик — Генрих Седьмой. Он правил Германией еще значительно до фашизма. Он был у них императором в четырнадцатом веке.

2

И он ничего особенного из себя не представлял. Единственно, он, говорят, пугался, как бы современники его не убили. И в этом смысле он сильно остерегался. Так что мы их, то есть церковников, вполне понимаем, что иначе как в церкви его и нельзя было взять. Так что, по-своему, они и правы. Потому что дома он давал еду попробовать повару и приближенным. И наверное, кроме того, со специальной целью у него под столом собаки находились. И он, может, по временам бросал им огрызки, чтоб удостовериться, правильная ли еда, не отравлена ли она.

Ну а в церкви он, естественно, не мог на этот счет тревожиться. Он был абсолютно спокоен. И он, наверное, глотнул причастие без всякого сомнения. Он, наверное, его пил с большим удовольствием. Может быть, он даже подумал: это, мол, единственное местечко, где я, не тревожась, пью и кушаю. Не начать ли мне, думает, вообще в храмах закусывать. Сейчас, питье допью и просвиркой закушу. Славно.

Но не тут-то было. Только он выпил, и только он хотел специальной облаткой заесть, как вдруг зашатался, побледнел и, как говорится в священном писании, упал с катушек долой.

3

И наверное, упавши, сердито на попов взглянул. Дескать, что ж это вы, господа, обалдели? Неужели у вас хватило нахальства подсыпать чего-нибудь мне в причастие? Вот так номер.

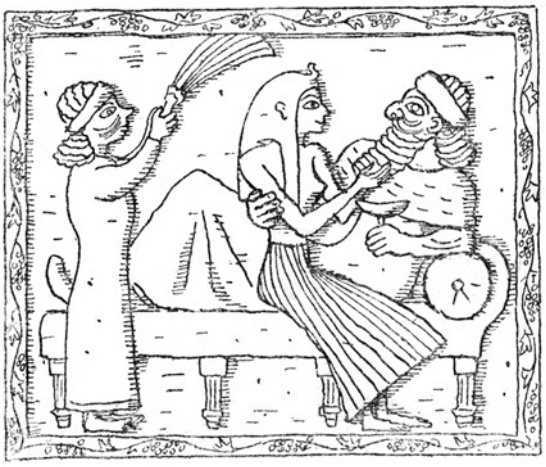
И, вздохнувши раз-другой, скончался, увидев всю несостоятельность христианской церкви. Но было уже, к сожалению, поздно.

Попы, наверное, вскрикнули от удивления. Которые, конечно, не знали, в чем дело, и которые, может, сами хотели допить причастие и докушать просвирки. Но теперь они забоялись это делать.

А которые знали, те, конечно, потирая руки, вприпрыжку побежали докладывать об этом кому следует.

И только потом историки откуда-то узнали, что яд в причастие велел подсыпать папа, который не ладил с этим императором.

Вот какой это был случай из церковной жизни. А наш скромный Генрих так и помер. И даже ничего путного не сказал потомству.



ИНТЕРЕСНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ В ПЕРСИИ

1

Однажды персидский царь Камбиз (сын знаменитого Кира) сделал предложение дочери египетского фараона Амазиса II (529 год до нашей эры). Это предложение Камбиз сделал, не видя невесты. В это время разъезды и переезды были весьма сложным делом. И на поездку в Египет надо было затратить несколько месяцев.

А по слухам стало известно, что дочь египетского фараона отличается выдающейся красотой и миловидностью. И вот могущественный персидский царь, отец которого завоевал почти весь мир, взял и послал предложение дочери египетского царя.

Фараон, чрезвычайно любивший свою единственную дочь, не захотел отпустить ее в неведомые края. Но вместе с тем он боялся оскорбить отказом владыку мира. И вот он тогда выбрал наиболее красивую девушку из рабынь и послал ее в Персию вместо своей дочери. Причем он послал ее как свою дочь, и для этой цели ей дали соответствующие указания.

История рассказывает, что Камбиз, женившись на ней, чрезвычайно полюбил ее, но, когда случайно обман раскрылся, он безжалостно умертвил ее и, оскорбленный в своих лучших чувствах, пошел войной на Египет.

2

Ах, мы живо представляем себе этот драматический эпизод и этот трагический момент, когда раскрылся весь обман.

Вот молодые супруги, мило беседуя, сидят на персидской оттоманке.

На низенькой скамейке стоят, представьте себе, восточные сладости и напитки — там рахат-лукум, коврижки и так далее. Этакий толстенный перс с опахалом в руках отгоняет мух от этих сладостей.

Персидский царь Камбиз, выпив стаканчик какого-нибудь там восточного прохладительного напитка, с восхищением любуется своей прелестной супругой. И говорит ей: «Ну, как там у вас в Египте, милая моя египтяночка? Папаша-фараон, наверно, тебя чересчур баловал. И вообще, как же можно тебя не баловать, когда ты такая у меня красавица. Я полюбил вас, моя дорогая принцесса, с первого своего взгляда за вашу царственную походку и за ваши царственные манеры».

3

Тут или она понадеялась на свои женские чары, или уже неизвестно что случилось в ее женском сердечке, только она, засмеявшись серебристым смехом, сказала, что вот, дескать, какой нелепый случай, дочка-то фараона существует сама по себе в Египте, и она не так уж и красива, а он вот, персидский царь Камбиз, без ума полюбил ее, ничего общего с дочкой фараона не имеющую. Он полюбил простую девицу из рабынь. Вот что делает любовь с сердцем мужчины.

Тут без содрогания нельзя представить дальнейшую сцену.

Он заорал диким голосом. Вскочил с дивана. С одной ноги у него туфля упала. Губы побелели. Руки трясутся. Колени подгибаются.

— Как?! — закричал он по-персидски. — Повтори, что ты сказала! Господа министры! Арестуйте нахалку...

Тут министры прибежали.

— Ах, ах! Что такое? Успокойтесь, ваше величество... Глядите, туфельку с ноги обронили, теряете королевское достоинство.

Но конечно, не так-то легко успокоиться, поскольку громадное оскорбление нанесено царскому самолюбию.

4

И вот вечером, после того как спешно отрубили голову несчастной египтянке, Камбиз, наверно, долго совещался с министрами.

Размахивая руками и волнуясь, он нервно ходит по комнате.

— Нет, какая дрянь египетский фараон, а? — восклицает он с возмущением.

Министры, почтительно вздыхая, качают головами и разводят руками, ехидно переглядываясь между собой.

— Что ж я теперь делать буду, господа, после такого оскорбления? Войной, что ли, мне пойти на этого жулика?

— Можно войной, ваше величество.

— Только он, собака, забрался далеко... Египет... Африка... Туда чуть не год идти... На верблюдах, кажется, надо...

— Ничего, ваше величество... Войска дойдут.

— Я ее обласкал, — снова раздражаясь, говорил Камбиз. — Я ее принял, как египетскую принцессу, страстно полюбил, а это оказывается не то... Как же, господа! Что ж я — собака, что мне его дочка недоступна? Взял и подослал какую-то шушеру... А?

Министр иностранных дел, сдерживаясь от приступов внутреннего смеха, говорит:

— Главное, ваше величество, мировой скандал-с...

— Вот именно... Я же и говорю — скандал. Ай, ну что же я буду делать?..

— Главное, ваше величество, в мировую историю войдет, вот что худо... Дескать, Персия... Камбиз... Подсудобили барышню...

— Ай, ну что ты меня расстраиваешь! Я и так нервничаю... Моментально собрать войска... Идти походом... Завоевать и стереть весь Египет с лица земли.

В общем, Камбиз самолично двинул войска на Египет и в короткое время завоевал его. Однако престарелый и горемычный фараон Амазис к тому времени умер. А его племянник Псаметих, не ожидая для себя ничего хорошего, покончил с собой.

Что же касается до злополучной царской дочери, то никаких следов о ее судьбе мы, к сожалению, в истории не нашли.

Один знакомый профессор истории, читающий лекции в университете, мне сказал, что Камбиз эту египтянку будто бы отдал в гарем одного из своих министров. Но насколько это верно, мы не беремся утверждать. Но это, конечно, возможно. В общем, любовь рассеялась как дым. Из чего видно, почем стоил фунт этого чувства.

НЕРОН И ЕГО МАМАША

1

Исключительным коварством отличался, между прочим, прославленный император Нерон. Вот этот вообще шел на любые поступки для достижения своих целей.

Но особенное коварство он проявил в отношении своей матери. Он непременно хотел убрать с дороги свою царственную мамашу, которая его резко осуждала и вмешивалась в политику. Он хотел ее убить, но это ему не удавалось. Она была в высшей степени увертливая и живучая особа. И даже, всецело понимая каторжный характер своего сына, она, по словам историков, всякий раз принимала перед едой противоядие, так сказать — на всякий пожарный случай.

Особа была, во всяком случае, опытная и себя в обиду не давала. Так что просим читателей особенно ее не жалеть, когда речь дойдет до происшествия. В общем, римский историк Светоний рассказывает, как Нерон велел сделать в ее комнате потолок, который мог бы обрушиться на старуху.

Вот как пишет Светоний. И это поразительно читать: «Он устроил в ее спальне потолок с обшивкой, который с помощью машины можно было обрушить на нее во время сна».

2

Можно представить, каков был разговор при заказе этого потолка.

— Не извольте беспокоиться, — говорил подрядчик. — Потолок сделаем — просто красота. Ай, ей-богу, интересно вы придумали, ваше величество!

— Да гляди труху у меня не клади, — говорил Нерон. — Гляди клади что-нибудь потяжельше. Легкая труха ей нипочем. Знаешь, какая у меня мамаша!

— Как же не знать, ваше величество. Характерная старушка. Только какая же может быть труха! Ай, ей-богу, интересно, ваше величество; я особо большой камушек велю положить в аккурат над самой головкой вашей преподобной маменьки.

— Ну уж вы там как хотите, — говорил Нерон, — но только чтоб раз — и нет маменьки.

— Не извольте тревожиться. Считайте, что ваша маменька уже как бы не существует на этом свете. Не успеют они на днях проснуться, как на них потолок — кувырк. И вообще-с, несчастный случай, вроде землетрясения. Никто не виноват, и маменька, между прочим, больше не присутствует и не тревожит вас своим характером. Очень интересно вы придумали, ваше величество.

— Ну ладно, ладно. Поменьше, дурак, языком трепли.

3

Но подрядчик оказался слишком энтузиастом своего дела. Он так кругом раззвонил об этом заказе, что слухи дошли до ушей царственной мамаши, которая, конечно, разгневалась и оскорбилась и тотчас покинула гостеприимный дворец.

Однако Нерон на этом не успокоился.

Он тогда срочно приказал командующему флотом заманить свою мамашу на особый разборный корабль. Причем корма этого корабля была устроена таким образом, что она могла внезапно отделяться и все находящиеся на ней падали в воду.

И старуха, которая хотела подальше удалиться от своего сына, с удовольствием, конечно, воспользовалась любезным приглашением и сдуру села на этот корабль.

И вдруг она вскоре очутилась в воде. Можно представить, какой поднялся визг и крик. И какая вообще была неожиданность кувыркнуться в воду. Тем не менее привыкшая благодаря сыну к походной жизни старуха и тут не потеряла голову. Она начала плавать и нырять и, хватаясь за деревянные части корабля, все-таки удержалась на морской поверхности.

А близкие друзья этой старухи вскоре подоспели и вытащили ее на берег.

И тогда она вместе с ними скрылась в одном из загородных дворцов.

Но вскоре неутомимый Нерон пронюхал, где она находится, и подослал туда наемного убийцу. Там ее и убили.

Вот какой был подлец знаменитый римский император Нерон. Впрочем, мамаша его была не менее подловата, а потому, повторяем, жалеть ее, так оказать, не приходится.

РОКОВЫЕ ИМЕНИНЫ

1

Интересный случай неудачи испытал на себе знаменитый и прославленный римский папа Борджиа Александр VI (умер в 1503 году).

Не будем его здесь описывать. Всем известна его отрицательная личность. Отметим только, что подобные оригиналы и мошенники не раз бывали на папском престоле. Но этот был особенный. Он прямо как с цепи сорвался.

Главное, что в этом папе поражает, — это его любовь к убийствам. И он вообще ни перед чем не останавливался в достижении намеченных идеалов.

Это был, вообще говоря, довольно сильная личность. И он итальянскому народу очень много крови испортил своим бурным поведением.

У него вдобавок был еще сын Цезарь. Тот совсем был мошенник и вор. Так что они оба два — папа с сыном — на пару, так сказать, лихо поработали там у себя, в Риме...

Тут вообще даже не понять. Эпоха Возрождения. Рафаэль все-таки. Микеланджело. Леонардо да Винчи работал, между прочим, у этого папы. И наряду с этим — такой исключительный папа.

2

А в то время в католической церкви происходили некоторые волнения. Папа хотел объединить всю Италию под своей божественной властью. А другие стеснялись и не хотели этого. Вот Александр VI и горячился.

И он, главное, хотел устранить двух кардиналов, которые ему наиболее мешали. Он посылал убийц, но из этого ничего пока не выходило. Тогда он пригласил их однажды к себе на именины. И тем отказать уже было неловко. Все-таки — папа.

И они, конечно, приехали.

А папа только этого момента и ждал. Он их решил отравить за ужином. И он в вино подсыпал какой-то сильный египетский яд.

И чтобы у гостей не было сомнения, это вино в четырех одинаковых золотых бокалах принес на подносе кто-то там из лакеев. Какой-нибудь там мажордом. Торжественно, может быть, внес этот поднос в столовую. И папа любезно сказал: «Вот, дескать, друзья, нас тут — раз, два, три, четыре — вы оба и мы с сыном. Давайте же поздравим друг друга с именинами и выкушаем этот искрометный напиток».

3

Или он чего-нибудь вроде этого сказал. И подмигнул лакею, — дескать, обноси, дурак, и станови перед каждым по их бокалу.

А надо сказать, что два бокала с отравой были чуть-чуть побольше в вышину. А которые два поменьше — те содержали в себе чистое вино.

А лакей, запутавшись, перепутал и сунул кардиналам более маленькие кубки. А более возвышенные бокалы, конечно, схватили для себя папа с сыном.

Но папа-то еще понятно. Папа только отдал распоряжение и не знал, куда они всыпали отраву. Он на своих понадеялся. Но насчет сына Цезаря — это прямо изумительно. Он сам засыпал яд и вдруг в последнюю минуту позабыл приметы. И потащил к губам отравленный напиток.

И папа, глядя на него, тоже за ним потянулся. И кардиналы с ними чокнулись.

В общем, факт, что они все четверо выкушали это вино. И вдруг у папы с сыном моментально глаза на лоб полезли. Сын говорит: «Папа, знаешь, кажется, мы ошиблись».

4

Кардиналы им говорят: «Что, дескать, с вами, папа с сыном?» Но те произносить слова не могут. И падают. И сын падает. И папа к черту под стол сползает.

Драма, конечно, скандал. Крики. И сразу все разъяснилось. Кардиналы задрожали задним числом. Стали на потолок зыркать и креститься о чудесном спасении. После чего подбежали к папе, но тот уже тихо лежит кверху брюхом и дышать не может.

А его сын, этот бешеный Цезарь, даром что он тоже свое вино вылакал, все-таки благодаря, может быть, своей молодости и нахальству вскочил на ноги и пулей бросился куда-то там такое. Он моментально отыскал противоядие, принял его. Его хорошенько вырвало, прослабило, и он остался жив всем на удивление. После чего его хотели отдать под суд, но он сбежал за границу. И жил там исключительно хорошо, покуда вскоре не умер. Его там, кажется, наконец убили. Так что он достиг все-таки своей настоящей планеты.

А папа так и умер на месте. Вот это была неудача. Дурак какой.

ДОРОГОЙ БРИЛЬЯНТ

1

Но был еще более крупный случай неудачи. В 1740 году в Европе стало известно, что некий великий герцог тосканский Франц Стефан продает дивный брильянт.

Дело в том, что этот герцог вел войну с Испанией.

И вот он сильно поиздержался. И теперь ему дозарезу нужны были деньги.

И вот он стал продавать свой лучший брильянт.

А брильянт этот действительно был исключительной дивной красоты. И он был очень громадный. В нем было сто тридцать четыре карата.

То есть ювелиры говорят, что это что-то особенное. Они говорят, что только три или четыре алмаза есть крупнее этого. Один какой-то фантастический алмаз в триста шестьдесят карат у султана на Борнео. Затем в двести семьдесят. Такой какой-то под названием «Великий Могол». Затем французский алмаз в сто тридцать шесть карат. И наконец, наша стекляшка в сто тридцать четыре карата.

Так что можете себе представить, что это был за камешек.

И вот он вдруг продается.

2

Конечно, началось волнение среди царских особ.

Каждому царю небезынтересно такой алмаз в свою корону поставить. А герцог торгуется. Ему дают полмиллиона, но это ему мало.

А на этот алмаз очень исключительно разгорелась наша русская императрица Анна Ивановна со своим фаворитом Бироном. У ней там был брильян-

тик в ее короне, но небольшой, в пятьдесят три карата, а ей непременно хотелось этот вдеть. Ей казалось, что это ей пойдет. К ее внешности. А сама-то она, как говорят современники, была солидная, расплывчатая дама с рябоватым лицом и с красноватыми глазами. И мы так думаем, что это навряд ли ей могло пойти.

Но поскольку она русская императрица, то она была не ограничена в своих дурацких фантазиях. И вот она стала покупать этот камень.

Ах да, в русской короне был еще один громадный брильянт, в сто девяносто три карата. Но он был куплен уже в дальнейшем, при Екатерине Второй. А наша дама проживала как раз до этого факта. Так что она, естественно, расстраивалась, что не захватила эту будущую эпоху с более крупным камнем. А герцог, видя, что она так расположена покупать, не будь дурак, спросил с нее миллион.

Еще полмиллиона она могла наскрести, но всей суммы у нее не было. Тогда она ему сказала следующую историческую фразу:

— Я вам даю, герцог, полмиллиона и вдобавок еще пятьдесят тысяч русского войска, чтобы вы могли продолжать войну с Испанией.

У герцога задрожали коленки от волнения, и он уже хотел соглашаться, но тут вмешалась Австрия и дала герцогу два миллиона в долг, только чтобы он не путался с русскими.

И герцог сказал нашей даме:

— Алмаз я больше не продаю. Он у меня остается в короне. С тем и съешьте.

Так она алмаза и не купила. Наверно, страдала и ревела.

Но тут, конечно, неудача не в том, что у ней покупка не состоялась. А в том, что пятьдесят тысяч русских мужиков могли бы пойти драться с Испанией. Пятьдесят тысяч здоровых русских парней могли бы лечь на полях за один дамский каприз глупой бабы.

Какая неудача, что этим делом так легко можно было распоряжаться.

Впрочем, такие неудачи нередко случались в истории.

Нет, какая энергичная особа: пятьдесят тысяч мужиков, — говорит, — господин герцог, я вам даю. Надо, братцы, хорошенько понять эту фразу. И потом уже говорить о политике.

ЗАБАВНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

1

Римский император Тиберий сначала был ничего себе. Довольно приличный человек. То есть в своей молодости он был даже приятный человек. Во всяком случае, не был подлец. Но под конец он испортился. У него голова от власти закружилась. И он наделал чертовские дела по своей жестокости. Его в Риме очень не любили. Но он на это наплевал. Он сказал такую историческую фразу: «Пусть ненавидят, лишь бы подчинялись».

Но тем не менее в своей молодости он был ничего себе человек. Он даже, как отмечает история, горел лучшими намерениями. Особенно когда он был еще консулом. У него тогда были разные планы. И он любовно относился к людям. Как-то гуманно.

2

И, будучи в хорошем, чувствительном настроении, он однажды сказал за обедом:

— Вот, дескать, господа, мы пользуемся всем на свете и отличаемся хорошим здоровьем. А многие несчастные, может быть, тем временем хворают и умирают. Как это нехорошо. Я бы, — говорит, — хотел им посочувствовать. На днях, — говорит, — я непременно объеду все больницы и поговорю с больными — кто в чем нуждается. Я, — говорит, — хочу прикоснуться к страданиям, чтобы хоть немножко облагородиться.

Тут окружающие, наверно, зааплодировали. Дескать, какое сердце, какие поступки — человек ездит по больницам и наблюдает разные там язвы и лишаи, будучи консулом.

Тиберий говорит:

— Ну что вы. Отчего же. Я даже завтра могу поехать.

И вот он, распаленный в своих лучших чувствах, действительно решил завтра же объехать все больницы.

Однако окружающее начальство, желая угодить Тиберию и желая доставить ему поменьше затруднений при подобном осмотре больницы, решило упростить это дело. И был отдан приказ — собрать всех больных в городском саду и разложить их там по роду их болезней.

Что, по словам римского историка Светония, и было на другой день исполнено.

3

Можно представить, какое волнение поднялось в больницах, когда пришло подобное распоряжение.

Многие заведующие больниц бросились, конечно, куда-нибудь там в ихнее управление. Начали доказывать. Горячиться. Дескать, что это не представляется возможным. И где же транспорт взять и так далее. И тем более многие больные у нас довольно плохо себя чувствуют — они хворают. А кое-кто плохо даже передвигается. Которые ослабшие или с тифом. Как же так, господа, взять их всех, что ли, свалить в саду? Или что? Объясните распоряжение. Конечно, если вы настаиваете, мы не возражаем. Тем более если это приказ, то мы понимаем, что его надо исполнить.

В общем, медицинские работники, вздыхая, и шипя, и перекидываясь обывательскими фразами, бросились назад по своим больницам и стали там готовить больных к передвижению.

И вскоре под барабанный бой двинули их к городскому саду. Где и стали всех располагать там по группам. Или, как Светоний говорит, — по роду заболеваний.

То есть, наверно, чахоточных посадили с чахоточными. Подагриков к подагрикам. А ревматиков живописной группой расположили под деревом. А хворающим воспалением легких велели лечь около бассейна, чтобы они могли освежиться и утолить свою жажду. И так далее.

Засим все стали ожидать. Заиграла музыка. Подагрики подтянулись и выглядели молодцами. И наконец раздались голоса: «Несут». И Тиберий, окруженный друзьями, сияющий и молодой, предстал перед трепещущей медициной.

4

К чести его надо сказать, что эта живая картина в городском саду ему не понравилась.

То есть сначала он от изумления двух слов не мог произнести.

Один из начальников говорит:

— Собрали их всех в саду-с, чтоб, так сказать, вам не трепаться по разным учреждениям.

Тиберий говорит:

— Да, но как же так, господа?.. Собрать их всех в одну кучу... Как-то странно.

— Отчего же странно? Собрались в одну кучу, чтоб, так сказать, вы могли бы сразу лицезреть, что к чему.

Тиберий говорит:

— Да, но, может быть, они не хотят этого... Может быть, они больные. Вон как они у вас болезненно смотрят.

— Отчего же не хотят? Они очень хотят. Только они перед вами стесняются. Вот они и смотрят слегка болезненно. А так-то до вас они у меня тут диски кидали. И хоть бы что.

5

Тиберий говорит:

— Да нет, я ничего не говорю, только почему они такие бледные? Что они, больные у вас, что ли?

— Хворают. Вот они и побелели. А так-то они ничего еще. Крепыши.

Тиберий говорит:

— А врачи-то что же говорят?

— А врачи прямо на седьмом небе от удовольствия. Они говорят: сколько лет ждали, чтобы это наконец было, — и вот это случилось. Они выражают вам благодарность за это решение. Они говорят, что только после этого они почувствовали настоящее внимание к медицине. А то прямо находились все равно как сироты. Тосковали. И вдруг теперь могут отыграться. А в крайнем случае можно, конечно, отдать распоряжение, чтобы они обратно возвращались. Если вы уж насмотрелись на картины человеческого страдания.

Тиберий говорит:

— Пойду, что ли, извинюсь перед больными.

И, подойдя к больным, стал перед ними извиняться за излишество, допущенное со стороны начальства.

И по словам историка Светония, он даже извинился перед людьми маленькими и неизвестными.

В общем, снова загремела музыка. Больные подтянулись. И наш Тиберий, покачивая головой и вздыхая, вышел из сада в сопровождении восхищенных друзей.

ГУНТРАМ И АВСТРАХИЛЬДА

1

Теперь послушайте исторический рассказ о бедственном положении медицинских работников в Европе.

Конечно, медикам, вообще говоря, никогда особенно сладко не жилось. Но тут было, как говорится, что-нибудь особенное.

Только это было, конечно, очень давно. Это было в VI веке. Так что просьба не удивляться собственным именам, которые целиком правдивы и невыдуманы.

Жену короля звали Австрахильда. А короля — Гунтрам. Он был король в Бургундии. И согласно утверждению историка, он был сыном меровингского короля Хлотаря Первого. Вот какие, между прочим, были короли на заре европейской жизни.

Так вот, эта супруга бургундского короля, мадам Австрахильда, начала последнее время что-то хворать. У нее было, по-видимому, какое-то внутреннее заболевание, поскольку лучшие врачи того времени терялись и не могли определить, что именно у нее есть.

Но тем не менее ее как-то там лечили. Но она была отчасти недовольна этим лечением, и за полтора года она переменила девять врачей. Тем не менее ей все делалось хуже, и наконец она стала умирать.

Собрались, конечно, родственники у ее изголовья. Ее дети. Король бургундский Гунтрам тоже пришел.

Начал ее, наверное, утешать: дескать, что же сделать, потерпите. Бог дал, бог и взял. Ничего, дескать, похороним пышно. Нет ли вообще каких-нибудь у вас последних земных забот, просьб или приказаний?

Она ему говорит:

— Да, у меня кое-что есть из земных забот. Меня лечили девять врачей. Однако я теперь, как видите, умираю. Я, — говорит, — прошу вас, ваше величество, в тот день, когда я умру, отрубите им головы. И это есть мое последнее пожелание.

2

Историки не приводят слов, которые сказал Гунтрам в ответ на эту супружескую просьбу. Весьма вероятно, что он, пожав плечами, сказал:

— Пожалуйста. Об чем речь! Сколько там у вас их было? Ах, только девять. Да сделайте одолжение. Очень рад. Что же вы раньше-то молчали?

Австрахильда говорит:

— Да как-то так... Надеялась, что это порядочные люди и что они меня вылечат, а они вот куда загнули, — я теперь, как видите, умираю, наверно, через этих врачей.

— Не знаю, как вы, — сказал Гунтрам, — а я их на пушечный выстрел к себе не подпускаю. Это вы дали маху.

Австрахильда говорит:

— Вот я теперь и прошу вас отрубить головы у этих медицинских работников.

Гунтрам говорит:

— Просьбу вашу, конечно, исполню. Что другое — не знаю, а это сделаю с превеликим удовольствием. Даже я жалею, что вы за такое малое количество людей просите. Может, хотите пристегнуть сюда еще чего-нибудь, например, ваших сиделок и которые за вами убирают.

3

Австрахильда говорит:

— Пожалуй! Можно и их. Они тоже, конечно, дурака валяют.

В общем, король и нежный супруг исполнил это последнее желание.

Австрахильда умерла вечером, а утром, на рассвете, девяти злополучным врачам отрубили головы перед королевским жилищем.

И это был в свое время, надо полагать, довольно тяжелый удар по медицине.

И это, конечно, произошло оттого, что королева, наверное, сильно разочаровалась в медицине, что было вполне естественно в ее критическом положении.

А главная причина была, несомненно, в том, что королева была мстительная особа и ум имела в высшей степени коварный и озлобленный.

В общем, как бы там ни было, врачи снова сомкнули свои поредевшие ряды и снова мало-помалу стали лечить, уже не встречая подобных пациентов. Но кое-что вроде этой пациентки все-таки иной раз в прежние времена бывало.

СЛАВНЫЙ ФИЛОСОФ ДИОГЕН

1

Теперь прослушайте исторический рассказ о знаменитом греческом философе Диогене.

Их, правда, было несколько Диогенов. Но наш был самый знаменитый, проживавший одно время в бочке.

Он был из города Синопа. И он там им сказал: «Надо жить так, чтобы от жизни не зависеть». Он был большой оригинал.

Но только в бочке ему долго не пришлось прожить.

Его кто-то, я уж не знаю, продал в рабство. Там у них в Греции это было довольно часто — подобные вещи.

В общем, он вскоре выкупился из рабства, и в тот год, о котором идет речь, он жил себе помаленьку у знакомых в Коринфе.

И вскоре до того он там прославился своим умом, что все сбегались посмотреть на него.

2

И вот об его чудном уме дошло до мирового властителя, Александра Македонского.

А это был человек тоже в высшей степени замечательный. Это был гениальный человек, смелый, молодой, энергичный.

И он непременно захотел поговорить с этим философом. Он хотел его обласкать. И что-нибудь сделать ему хорошее.

И с этой целью однажды со всей свитой этот славный вождь приехал в Коринф и заглянул к философу.

Можно представить себе картину.

Блестящая кавалькада подъехала к дому. Молодой адъютант, сверкая шлемом, обращается к собравшейся толпе:

— Послушайте, господа, не тут ли живет этот... как его... Диоген, что ли... Который... что ли... думает...

В толпе, ухмыляясь, говорят:

— Тут. Эвон на завалинке сидит. Загорает на солнце. Чудак, действительно.

3

Александр Македонский, соскочив с лошади, подходит к философу и начинает с ним тихо беседовать. Потом он ему говорит:

— Твой ум, папаша, меня восхищает... Я хочу тебе сделать все, что ты у меня попросишь.

Диоген, усмехаясь, говорит:

— Да мне ничего не надо. Что мне тебя просить.

— Проси решительно об чем хочешь.

Адъютант Александра Македонского шепчет философу:

— Проси, дурак, загородную дачку. Скажи — у меня мамаша слепая. Или проси колесницу с лошадью. Ой, какая раззява!.. Да говори же ты толком, олух царя небесного!

Диоген говорит Александру Македонскому:

— Да вот разве что я тебя, голубчик, попрошу отойти немного в сторонку, а то ты мне загородил солнце.

Конечно, будь на месте Александра какой-нибудь дурак, хам или тупица, — тот непременно бы стал кричать, вопить, оскорбляться и, чего доброго, сунул бы нашего славного философа в тюрьму.

Но Александр Македонский был великий человек. Он засмеялся и сказал: «Знаете, господа, я бы хотел быть Диогеном, если б не был Александром Македонским».

И на этом они оба весело рассмеялись и разошлись. И это дало им обоим здоровую зарядку. Вот это молодцы. Прелестные люди. Мы никогда не перестанем на них любоваться. Поскольку ум и великолепное поведение одинаково полезны в жизни, как героизм и мужество.

1. КРЫМСКАЯ КАМПАНИЯ

В середине прошлого столетия (1854–1856 гг.) происходила так называемая Восточная война.

Эту войну начала николаевская Россия против Турции. Николай Первый (торжественно говорилось в истории) выступил в защиту христианских народов в Турции. Он выступил в защиту православной церкви в Палестине. Это была борьба за «святые места».

Но тут случилась, так сказать, сильная историческая неувязка. «Христианские народы», за интересы которых ратовал Николай, неожиданно выступили в защиту Турции, а не России. И тем самым обнаружилась истинная подкладка всего дела.

Это была борьба за свое влияние в Турции, это была борьба за еще более святые места — за торговые рынки и за положение на Черном море — за Дарданеллы.

В общем, в борьбе за эти «святые места» против России выступили: Франция, Англия и Италия (Сардинское королевство).

Это была бессмысленная и для всех несчастная война. У русских было убито, ранено и искалечено двести тысяч бойцов. А французские и английские войска только в течение одного дня, во время штурма Севастополя, потеряли десять тысяч человек.

Почти все военные операции сосредоточены были в Крыму. И эти военные действия названы были Крымской кампанией.

Союзники заняли Евпаторию и Балаклаву. И осадили Севастополь.

2. ПРОТИВНИКИ

Эта несчастная война отчасти показала миру, что такое представляла собой николаевская Россия.

За всем поверхностным блеском, за ура-патриотическим криком газет и за палочной муштрой таилась прогнившая система николаевского крепостнического режима.

Главнокомандующим русской армией в Крыму был назначен бывший генерал-губернатор Финляндии — хилый и придурковатый старик, светлейший князь Меншиков.

И хотя это не имеет прямого отношения к нашему рассказу, тем не менее мы не можем отказать себе в удовольствии сообщить о нем несколько слов. Страна должна знать своих бывших героев.

Знаменитый хирург Пирогов, приехавший в севастопольский госпиталь, весьма красочно описал эту историческую личность. Этот главнокомандующий Меншиков по прибытии в Севастополь нарочно выбрал себе вместо приличного помещения какую-то жалкую лачугу. И когда Пирогов зашел к нему представляться, то главнокомандующий встретил его, как-то странно хихикая, и, не скрывая своего удовольствия, показал рукой на жалкий скарб — дескать, вот он, главнокомандующий и светлейший князь, живет среди такой ужасной бедности. Но ничего, дескать, не поделаешь — война.

А так как главнокомандующий русской армии (прибавляет Пирогов) имел полную возможность остановиться в любом прекрасном помещении, то за этим хихиканьем было ханжество, глупость и шутовство.

Вот в каких жалких сиятельных руках была русская армия.

А что касается техники, то тут Россия стояла на исключительно низком месте. Войска имели устаревшие берданки, в то время как союзная армия была вооружена нарезными ружьями — штуцерами. Тем более кажется поразительным героизм защитников Севастополя, которые сумели в течение одиннадцати месяцев оборонять город от превосходных сил врага.

Что же касается флота, то несколько наших парусных кораблей не могли сражаться с быстроходными и прекрасно вооруженными английскими фрегатами. И Черное море было полностью в руках союзников. Огромный флот их сосредоточен был около Севастополя. А в те дни, о которых идет речь, только у Балаклавы скопилось свыше пятидесяти различных судов.

Этот маленький заштатный приморский городок Балаклава во время осады Севастополя играл крупную роль. Он был укреплен, и там были сосредоточены военные припасы и склады союзников. Там же находилась главная квартира английского командования. И в прекрасную балаклавскую гавань ежедневно прибывали суда из Франции и Англии.

3. ПЕРВЫЙ РЕЙС

И вот в ноябре 1854 года в Балаклаву прибыл с ценным грузом новый английский пароход «Принц». Он привез для армии теплую одежду, медикаменты и, как говорят, тридцать бочонков золота в английской и турецкой валюте на сумму свыше двух миллионов рублей для уплаты жалованья войскам.

Прибывший «Принц» был новенький, только что построенный трехмачтовый винтовой пароход. Это была краса и гордость английского флота. Он имел около трех тысяч тонн водоизмещения и был оборудован по последнему слову техники.

Он с честью выполнил свой первый рейс. И утром 8 ноября подошел к Балаклаве.

Однако прибытие его в Балаклаву сразу же омрачилось неудачей.

Дело в том, что Балаклавская бухта весьма длинная и узкая, и гавань ее не приспособлена для приемки многих судов. По этой причине большинство кораблей, дожидаясь своей очереди, останавливалось на рейде у входа в бухту.

То же самое сделал и «Принц». Он подошел к устью Балаклавской бухты и отдал якоря.

Но тут случилось непредвиденное происшествие, которое мы просим запомнить ввиду его исключительной важности для дальнейшей судьбы «Принца».

Первый отданный якорь вместе с канатом неожиданно ушел в воду.

Тогда тотчас отдали другой якорь, но и этот якорь тоже моментально был потерян в воде. В общем, в течение пяти минут пароход потерял оба своих якоря на глубине примерно тридцати пяти саженей.

Совершенно очевидно, что ни один из канатов не был приклепан к барабану, на который навертывался канат.

Так или иначе, английская книга «Последняя кампания», изданная в 1857 году, говоря об этом случае с «Принцем», добавляет, что такая потеря якоря — «это очень обыкновенная вещь на вновь построенных кораблях, поспешно приготовленных для выхода в море».

4. НА РЕЙДЕ

После потери двух якорей «Принц» ушел дальше в море и временно пришвартовался к корме корабля «Язон».

И тогда капитан Христи в сопровождении лейтенанта королевского флота Хитченсона отправился к начальнику порта капитану Декру с сообщением, что «Принц» потерял свои якоря и нельзя ли поэтому им тотчас войти в гавань.

Однако капитан Декр отказал в этом. Он сослался на то, что гавань слишком забита кораблями и пока тут нет места для стоянки «Принца».

Тогда (как сообщает «Последняя кампания») капитан Христи указал на место, где он мог бы поставить свой пароход. Но капитан Декр категорически отказался от этого. Он сказал, что свыше тридцати кораблей дожидаются своей очереди у входа в бухту. И что порт даст «Принцу» новый якорь, с тем чтобы пароход пока оставался в море.

В полдень 8 ноября (сообщает автор «Последней кампании») «десантные буксиры „Бренда“ и „Минна“ высадили 6 рот 46-го полка, которые прибыли на „Принце“, и несколько ящиков с запасами для комиссариата». После чего «Принц» остался стоять в море на одном якоре.

10 ноября в Балаклаву прибыл генерал-квартирмейстер и приказал срочно начать разгрузку «Принца», так как прибывший груз был сейчас крайне необходим для войны.

Однако начальник порта Декр сказал, что разгрузка сейчас невозможна ввиду сильного волнения, но в ближайшие дни это произойдет, или же он примет «Принца» в гавань.

11 ноября капитан «Принца» Христи снова явился к начальнику порта и настойчиво просил войти в гавань, так как, по его мнению, было рискованно оставаться в море на одном якоре.

Тогда капитан Декр резко сказал: «Вас ожидает судьба капитана „Резолютт“ господина Левиса, которого я вчера арестовал за слишком настойчивое домогательство войти в гавань. Я вам заявляю: „Принц“ останется в море до тех пор, пока не выйдет из гавани пароход „Виктория“».

Эти слова капитана Декра неожиданно оправдались. «Виктория» из гавани не вышла. Она во время шторма затонула в бухте, столкнувшись с французским кораблем «Эвон». И «Принц» остался в море навсегда.

5. СТРАШНЫЙ УРАГАН

В полдень 11 ноября погода резко изменилась. Подул свежий юго-западный ветер, небо покрылось низкими тучами, и на море поднялось сильное волнение.

12 ноября ветер и волнение усилились. И все корабли, стоявшие на рейде, принуждены были отдать оба якоря и вытравить свыше ста саженей каната.

И так как «Принц» имел один якорь, то он поднял пары и этим уравновешивал свою стоянку.

13 ноября ветер не уменьшался. Барометр падал, и можно было ожидать значительного шторма. И находившиеся на рейде корабли стали готовиться к этому.

Несколько же кораблей, предвидя жестокий шторм, ушли в открытое море, чтобы не быть вблизи скал Балаклавской бухты.

Но вот на рассвете 14 ноября барометр упал с такой невиданной быстротой, что это многих привело в замешательство.

В 7 часов утра хлынул сильнейший дождь, ударила молния, и юго-восточный ветер с неслыханной силой пронесся над Балаклавой.

Этот порыв ветра сорвал крыши со многих домов и опрокинул почти все лагерные палатки.

Яростный шквал начал трепать корабли, находившиеся в море.

Ветер стал усиливаться еще больше, и он усиливался до тех пор, пока не превратился в ураган такой огромной силы, что на море поднялся невообразимый хаос. Пенящиеся столбы воды поднимались к небу. И водяной смерч крутил корабли, которые героически боролись против чудовищной силы. Казалось, что уже ни для кого не было спасения, и корабли один за другим стали терпеть бедствия.

Но вот к 9 часам утра неожиданно наступило затишье. Ветер стих. И волнение на море стало слегка ослабевать. И всем показалось, что ужасное испытание кончилось.

Но вдруг в начале 10-го часа слабый южный ветер перешел в восточный. И опять, как и в первый раз, ветер этот стал усиливаться и снова превратился в ураган.

«Был такой ураган, которого никогда не было в Англии», — сообщает очевидец катастрофы.

Снова на море поднялся невообразимый хаос.

И тут неожиданно вся масса кораблей, загнанная прежним ветром к северу, неудержимо понеслась к скалам. Причем ветер и волны были такой неслыханной силы, что о сопротивлении не могло быть и речи.

И вот около тридцати судов разных конструкций — от маленьких парусных кораблей до огромных и мощных транспортов — почти одновременно очутились на краю гибели.

6. ГИБЕЛЬ ЭСКАДРЫ

Огромные и острые скалы окружали внешний рейд. Тут, в этом месте, нигде не имелось отлогого берега, куда в крайнем случае можно было бы выброситься.

И тогда, увидя это, некоторые из кораблей в своем стремительном ходе пытались как-нибудь проскочить в узкое горло бухты, с тем чтобы избегнуть скал. Но никому из них не удалось это сделать.

Впрочем, один французский корабль «Эвон» сумел проскочить в бухту, но он тут же столкнулся с пароходом «Виктория». И удар был так велик, что оба эти судна почти сразу затонули.

Все другие попытки проскочить в бухту не увенчались успехом. И эти корабли с мужественными капитанами погибли наравне с теми кораблями, которые без сопротивления отдались на волю ветра.

Итак, все тридцать кораблей один за другим стали разбиваться о скалы. И это был исключительный и беспримерный случай во всей истории мореплавания.

Одна английская газета того времени, сообщая о гибели флота в Балаклаве, уклончиво говорит: «Агенты адмиралтейства нуждались в благоразумии и в познаниях».

Вероятно, эти слова следует понять в том смысле, что английское командование допустило громаднейшую ошибку, приказывая приходящим судам останавливаться вблизи балаклавских скал. Впрочем, вероятно, во время войны нельзя было учитывать все правила морского дела.

Так или иначе, тридцать кораблей почти со всеми людьми погибли в течение менее чем одного часа.

И вместе с этими кораблями, пятым по счету, погиб пароход «Принц». И гибель этого великолепного парохода была еще более ужасна.

Сейчас почти в точности можно восстановить картину этой гибели.

Несмотря на то что «Принц» поднял пары в полную силу, он один из первых стал дрейфовать, так как у него был всего один якорь. И он один из первых стал приближаться к скалам. В этот опасный момент команда принялась рубить мачты.

И тогда капитан парохода пытался взять направление в бухту, с тем чтобы проскочить в нее. И он сумел уже повернуть пароход так, как это следовало. Но в этот момент упала срубленная бизань-мачта, и обломки ее повисли за кормой. И тут оказалось, что такелаж этой мачты запутался в винте и остановил его вращение. И тогда судьба «Принца» была решена.

С огромной быстротой он приблизился к скалам и после трех ударов о скалы затонул.

Первый удар (по рассказам того времени) был сравнительно слабый, и мощный корабль, казалось, противостоит этому. Но после первого удара корабль поднялся на вершину гигантской волны и с колоссальной силой ударился боком об отвесные камни.

И после этого в течение нескольких минут все было кончено.

Еще раз разбитый «Принц» был приподнят на гребень волны и снова был брошен о скалы. После чего он, распавшись на куски, скрылся в волнах, по-видимому, около самого входа в бухту.

Вместе с «Принцем» погибло сто пятьдесят человек команды.

Только троим удалось спастись. И то трудно представить, каким образом им это удалось. Скалы были так отвесны, что тут не было возможности выбраться на берег. По всей вероятности, эти моряки выбросились в море не в том месте, где разбился корабль, и не тогда, когда он разбивался, а значительно ранее, при первом движении корабля к скалам.[1]

В старинной печати есть указание, что моряки с «Принца», оставшиеся в живых, спаслись, привязав себя к спасательным ракетам.

7. СОКРОВИЩА ПОГИБШЕГО КОРАБЛЯ

Итак, примерно к 10 часам утра все было кончено — разбитый «Принц» со своим золотом и ценным грузом лежал на дне.

Еще несколько часов после этого ураган свирепствовал на море. И хотя в полдень ветер переменился, однако буря не унималась. Стало холодно. Пошел мокрый снег. И снежная буря продолжалась до вечера.

Но к вечеру почти все стихло.

А утром на другой день море было спокойно. Ветра не было. Сияло солнце. И казалось, что тут ничего не произошло. В то время как тут вчера разыгралась такая катастрофа, какая редко когда бывает... Треск ломающихся кораблей... Ужасные крики людей... Взрывы бомб и снарядов от страшных ударов о скалы... Все это заглушалось неистовым воем и гулом урагана. Трудно даже отчасти представить себе картину этой невероятной катастрофы.

Уже одно обстоятельство, что многие из кораблей при своем приближении к скалам делали попытки проскочить в очень узкое и извилистое горло бухты, уже одно это придает катастрофе ужасный, трагический и небывалый характер.

Так или иначе, погибло тридцать кораблей почти со всеми людьми.

---

[1] Это весьма важное обстоятельство, потому что в дальнейшем многие искали затонувшего «Принца» в том месте, где есть отлогий берег, рассуждая, что в другом месте «Принц» не мог затонуть, ибо тогда никто не спасся бы. Но это, конечно, было неверное доказательство. — *Примеч. авт.*

И гибель этих тридцати кораблей была огромным ударом для союзников.

Все иностранные газеты и журналы того времени не скрывали своей печали и огорчения. Но особенно вся печать жалела, что погиб лучший корабль английского флота — «Принц», который вез зимнюю одежду для армии, снаряжение, медикаменты и другой ценный груз.

Кстати сказать, прямого указания на гибель золота в печати того времени не было. Но это, конечно, весьма понятно, — это, по-видимому, объяснялось военным временем и желанием скрыть и смягчить потери.

Зато все газеты, оценивая погибший груз, называли исключительно высокие суммы — до пяти и шести миллионов рублей. И это уже одно многое говорило.

Вся дальнейшая печать (в особенности печать конца прошлого столетия и начала нашего) полна сообщениями о погибшем золоте.

И даже все официальные справочники, энциклопедии, морские сборники, путеводители по Крыму и книги по Крымской войне — почти все они сообщали о гибели «Принца» с грузом золота, которое было привезено для уплаты жалованья английским войскам.

Однако. какая именно сумма погибла, никто в точности не указывал.

Например, «Большая энциклопедия» изд. «Просвещение» сообщает, что «бочонки с золотом на огромную сумму пошли ко дну вместе с пароходом».

Сборник «Русское судоходство» (за 1896 г.) пишет, что «корабль вез, как известно, двести тысяч фунтов стерлингов».

Журнал «Природа и люди» (1911) говорит, что «на этом корабле было до десяти миллионов рублей одной золотой монеты».

«Путеводитель по Крыму» (1903) указывает, что золота было в двадцати бочонках на сумму около пяти миллионов.

Во всяком случае, этот разнобой в цифрах говорит за то, что подлинная сумма никому в точности не была известна.

Однако признавалось, что наиболее правильная цифра указана в английской книге «Крымская война» (1877). Там было сказано, что «„Принц“ вез пятьсот тысяч фунтов стерлингов и теплую одежду».

Вот эта сумма в пять миллионов рублей золотом и была, так сказать, закреплена за погибшим «Принцем».

8. «ЧЕРНЫЙ ПРИНЦ»

И вот через несколько лет после Крымской войны начались поиски этого золота.

Кажется, все народы — итальянцы, французы, немцы, норвежцы и американцы — пробовали свои силы в этом деле.

Однако водолазные работы в то время стояли на очень низкой ступени. И глубоководные спуски были почти не по силам. Специальные ныряльщики не могли находиться под водой более одной-двух минут. А специальный водолазный колокол, в котором спускали сидящего там водолаза-наблюдателя, также не позволял сколько-нибудь нормально работать под водой.

И нет ничего удивительного, что при такой водолазной технике поиски золота не увенчались успехом.

Однако, после того как появился первый водолазный костюм (скафандр), начались более энергичные поиски «Принца».

В 1875 году во Франции было даже учреждено большое акционерное общество по подъему «Принца». Причем это акционерное общество на паях обладало весьма, по тем временам, значительным капиталом. Но результаты не вознаградили огромных денежных затрат. Французские водолазы отыскали свыше десяти затонувших и разбитых кораблей, однако среди них не оказалось «Принца», на которого рассчитывали акционеры.

Эта неудача объяснялась огромными трудностями водолазного дела. Корабль искали на глубине тридцати-сорока саженей. А эта глубина в то время была, так сказать, не освоена водолазами. И по рассказам того времени, когда водолазов поднимали из воды, у них кровь капала из глаз и ушей и даже просачивалась сквозь кожу груди и рук.

Естественно, что при таких условиях поиски золота ни к чему не привели.

Тем временем вокруг «Принца» стали расти слухи и стали создаваться легенды.

Сумма погибшего золота постепенно возрастала и дошла наконец до шестидесяти миллионов.

Эта цифра, кстати сказать, указана писателем А. Куприным. Он был в Балаклаве в то время, когда итальянская экспедиция разыскивала затонувший корабль. И писатель в своих «Листригонах» указывает, что «погибшее золото достигало огромной суммы — шестидесяти миллионов рублей звонким английским золотом».

Но эти строчки были уже из области беллетристики, так как для этого купринского золота, по подсчету специалистов, потребовалось бы около тысячи трехведерных бочонков, что вряд ли было возможно для перегруженного «Принца».

В общем, вокруг «Принца» стали создаваться сказки и легенды. И сам «Принц» неожиданно стал называться «Черным принцем».

И это романтическое наименование вошло почти во все официальные бумаги, путеводители и справочники.

Мы не знаем, как именно возникло это наименование. Возможно, что кто-нибудь из предпринимателей, в раздражении от неудач, назвал его черным кораблем. Но может быть, это имя дали ему в честь исторического героя — принца Уэльского, который жил в XIV веке и назывался Черным по цвету своего рыцарского вооружения. Этот принц умер ранее своего отца, и он не царствовал. Он умер от меланхолии и от несчастий, которые преследовали его в последние годы жизни. И в истории он известен под именем Черного принца.

Так или иначе, погибший корабль получил такое же печальное и трагическое наименование — «Черный принц».

9. ИТАЛЬЯНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Однако неудачи не всех обескуражили. В 1901 году в Балаклаву прибыла новая иностранная экспедиция под руководством изобретателя подводного аппарата инженера Джузеппе Рестуччи. Это была итальянская экспедиция. Она работала в Балаклаве около года. И мы на этой работе должны немного остановиться, так как это имеет значение для дальнейшего.

Впрочем, несмотря на то что после этих работ прошло всего тридцать с небольшим лет, оказалось, что весьма трудно восстановить сейчас некоторые подробности, связанные с этими работами.

Тридцать пять лет — это огромный срок в человеческой жизни. За этот срок почти полностью меняется, так сказать, личный состав людей. И те немногочисленные свидетели, которые были в 1901 году в сознательном возрасте и которые сейчас могли бы рассказать об этих работах, стали забывчивы и склонны к фантазиям.

Во всяком случае, показания этих живых свидетелей не совпадают. И даже место работ над «Черным принцем» сейчас не удается в полной точности установить. Большинство указывает, что итальянцы начали тралить в двадцати пяти саженях от Белых камней. И они шли в море приблизительно до сорока сажен глубины. И что «Черный принц», как говорят, найден был на глубине примерно тридцать пять сажен влево от Белых камней, если смотреть на бухту.

В очерке «Листригоны» также указывается, что работы итальянцев производились у Белых камней.

Так что место работ итальянцев можно считать приблизительно установленным.

Но то, что было найдено итальянцами, — вот это выяснить сейчас весьма, оказывается, трудно.

Особенно огорчительно, что никак не удалось выяснить историю с буквами, снятыми с корабля. По рассказам некоторых свидетелей, итальянские водолазы, найдя разбитый и засосанный песком корабль, сняли с его кормы три металлические буквы — остаток названия корабля. И что, найдя эти буквы, итальянцы устроили торжественный обед, так как эти буквы будто бы в точности устанавливали, что найден именно «Черный принц».

Однако один из живых свидетелей, севастопольский житель П. И. Григорьев, сообщает (в 1927 году), что никаких букв не было найдено. Он, дескать, присутствовал при этих работах и ежедневно перевозил итальянцев на своем ялике и, несомненно, знал бы об этой важной находке. Он подтверждает, что итальянцы однажды устроили торжественный обед в честь найденного «Черного принца», но это не было в связи с буквами.

Другой очевидец, К. М. Иванов, бывший в то время командиром пограничного отряда в Балаклаве, утверждает, что буквы были медные, размером до пяти вершков вышины. И он видел эти буквы. Сначала найдена была одна буква, а затем еще три. Но какие именно буквы, он не помнит. Этим словам можно было бы поверить. Навряд ли человек стал бы до такой степени фантазировать. Однако имеется еще одно показание, которое подвергает сомнению всю историю с четырьмя буквами.

Речь идет об очерке Куприна «Листригоны». Писатель сообщает, что были найдены четыре буквы: ...ck Pr... то есть буквы от английского названия: «Black Prince» — «Черный принц». Но так как «Черный принц» получил свое название только в легенде и корабль назывался на самом деле просто «Принц», без эпитета «Черный», то вся эта история с буквами ничего дельного не говорит.

10. ПОИСКИ

Впрочем, можно допустить, что итальянцы нашли какое-нибудь доказательство, которое подтвердило правильность их поисков. Тем более что все свидетели почему-то ярко запомнили праздничный обед в честь найденного корабля.

«Была на барже, — сообщает один из очевидцев, — устроена легкая закуска и выпивка, и вечером вся команда итальянцев расхаживала по берегу навеселе».

Исторического факта этой выпивки мы, конечно, опровергать не будем, но что касается букв, то это нельзя считать установленным, и даже если буквы и были найдены, то еще неизвестно, принадлежали ли они к названию «Принц».

Из найденных итальянскими водолазами вещей особенно всех взволновал очень тяжелый, запаянный металлический ящик ¾ на ½ аршина. Огромный вес этого ящика говорил за то, что там могло быть золото. Этот ящик был вскрыт с большим трепетом. Но оказалось, что в ящике были свинцовые, сильно сплющенные пули.

Кроме этого ящика, были найдены: подзорная труба, куски железа, разломанная винтовка, деревянные части корабля, якоря и прочие мелкие части разбитого судового набора.

Все это итальянцы грузили в трюм своего парохода.

Особенно интересных и ценных находок не было. Возможно, и даже скорей всего, это объясняется необычайно трудными условиями работы. Водолаза поднимали из воды страшно изможденного, покрытого испариной. Он дышал тяжело и был близок к обморочному состоянию. Так что это была скорей пытка водой, чем сколько-нибудь нормальная работа водолаза.

Водолазный аппарат был тяжел и крайне неудобен. Передвигаться на дне было нельзя. И по данному сигналу водолаза при помощи тросов передвигали с места на место. Причем вся подводная работа производилась лежа на животе.

Вот как описывается этот варварский аппарат в «Листригонах»: «Это был страшный футляр, отдаленно напоминающий человеческую фигуру без головы и без рук. Футляр сделан из толстой красной меди и покрыт снаружи голубой эмалью. Этот футляр раскрыли, как гигантский портсигар... Водолаз боком втиснулся в него... Снаружи свободными оставались только руки, все тело вместе с неподвижными ногами было заключено в сплошной голубой эмалевый гроб громадной тяжести. Голубой шар с тремя стеклами скрывал голову...»

Этот дьявольский снаряд господина Рестуччи опускали на дно, на глубину сорока саженей. Подъем и спуск продолжался по полтора часа.

В общем, при таких условиях работать на дне было почти немыслимо. И нет ничего удивительного, что итальянская экспедиция не могла найти золото, даже если бы оно там лежало на видном месте.

Так или иначе, весной 1903 года итальянский пароход, груженный незначительным мусором, отбыл из Балаклавы.

Тайна «Черного принца» не была раскрыта, и снова возникла твердая уверенность, что найденный итальянцами корабль не был «Принцем». И это предположение через несколько лет подтвердилось. Тот же господин Рестуччи снова прибыл в Балаклаву в 1905 году, признав, что прежние его поиски неправильны.

И он снова нашел какой-то пароход, о котором он писал в донесении: «Я наконец отыскал пароход, по-видимому «Черный принц», так как на его борту я нашел целый арсенал орудий, пушек и т. д. Приступаю к работе...»

Однако золота на этом пароходе не было, да и был ли это «Черный принц», тоже оставалось под большим сомнением, так как никаких особых доказательств не удалось обнаружить.

В общем, инженеру Рестуччи и во второй раз не посчастливилось раскрыть тайну «Черного принца».

11. ЗОЛОТАЯ ЛИХОРАДКА

После отъезда итальянской экспедиции в министерство торговли и промышленности буквально посыпались всякого сорта заявления с просьбой предоставить право на розыски «Черного принца».

Мысль, что несколько миллионов золота лежат где-то под рукой, не давала покоя многим инженерам, изобретателям и авантюристам.

Но заграничные дельцы постарались обскакать русских предпринимателей. Особенно с бурной стороны проявил себя некто Герман Молво.

Этот Молво был, по его словам, представителем в России Генуэзского общества для подъемов и работ на больших глубинах воды.

Этот энергичный человек (судя по архивным материалам) сумел перешагнуть все бюрократические трудности и, несмотря на громадные мытарства, ухитрился достать разрешение на подъем «Черного принца».

Что трудности были велики, можно судить хотя бы по такой резолюции, которая была поставлена на прошении главноуправляющим торговым мореплаванием великим князем Александром Михайловичем: «Работы по подъему затонувшего корабля могут стеснить деятельность Черноморской эскадры и плавание судов вообще, ввиду чего отказать просителю».

И вот, несмотря на такие трудности и несмотря на целый ряд отечественных просителей, иностранец Герман Молво, взволнованный золотой лихорадкой, пробился сквозь все преграды и приступил к работам.

Он в течение трех лет рыскал по Балаклавской бухте и, не найдя злополучного парохода, помер, так сказать, естественной смертью. Но как говорится, род его не угас.

Достойный его сын и наследник Фридрих Молво не уронил знамени этой экспедиции и продолжал идти по стопам своего папеньки. Но его полезная деятельность вскоре пресеклась по неожиданным обстоятельствам.

Министерство торговли и промышленности навело справку об этом представителе, и генуэзский генеральный консул ответил, что «в Генуе вообще не

существует Генуэзского общества для подъема и работ на больших глубинах воды, а потому никакого агента в России не должно быть».

На этом частная экспедиция Молво прекратила свое существование, к радости всех наших отечественных дельцов, которые стали уже более энергично требовать разрешения на розыск «Черного принца».

Некоторые предприниматели, обуреваемые жаждой разбогатеть, спекулировали на патриотических чувствах. Некто горный инженер Рудников писал в своем заявлении: «Я русский по происхождению и русский подданный, живу и жил всегда в России, а потому в случае извлечения золота эти деньги останутся в России, и ими будут пользоваться и другие русские люди, а не я только один».

Другой предприниматель, «потомственный дворянин Друганов», не зная, как уж ему подольститься ко вкусам министерства, писал в прошении в таком квасном стиле: «Я не собираюсь привлекать иностранные фирмы, а равно пользоваться заграничными приспособлениями, а буду работать только отечественными средствами и только с русскими людьми...»

Некто А. Черкасов писал в заявлении: «Имею честь предложить вам изобретенный мною способ поднятия грузов со дна моря... Прошу исходатайствовать мне рублей триста денег на постройку модели и на проезд взад и вперед от Ташкента до С.-Петербурга».

Другой гражданин, служащий Рязанско-Уральской железной дороги Ф. Григорович, пишет в министерство: «В настоящий век каждый сознает, что деньги нужны всем и всюду. И я надеюсь, что и наше правительство не замедлит использовать таковую сумму, если только окажется возможным ее достать. Но в этой преграде я чувствую себя способным оказать свои услуги в подъемке парохода. Я надеюсь поднять пароход в течение одного месяца при затрате не более трех тысяч рублей. Моя идея для вас кажется сказочной или бредом больного, но я надеюсь оправдать свои слова, когда меня допустят к делу».

Перед нами еще целый десяток любопытных заявлений и просьб, но мы ограничимся этим, поскольку картина и без того получается довольно ясная.

Министерство промышленности не знало, кому отдать предпочтение, и по этой причине складывало все эти прошения в стол. И золотая лихорадка, которая многих трепала, переносилась, так сказать, в стадии внутреннего заболевания.

Изобретатели, инженеры, дельцы и авантюристы в течение нескольких лет обивали пороги министерства. Но вот наконец чиновники из министерства нашли прекрасный выход — кому дать разрешение. Решили предложить конкурентам обозначить размер долевого отчисления в пользу казны. И кто ука-

жет больший процент отчисления, тот и получит право на подъем сомнительного клада.

Но так как на все эти предварительные процедуры ушло весьма много времени, то ничего путного из этой идеи не получилось, тем более что вскоре разразилась мировая война, которая надолго прекратила золотую лихорадку.

12. СОВЕТСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Война и революция надолго отвлекли внимание от «Черного принца». Но в 1922 году один из ныряльщиков-любителей достал со дна моря несколько золотых монет, и тогда снова о «Принце» заговорили с удвоенной энергией. «Мировая общественность» снова заинтересовалась английским золотом, лежащим на дне моря. В германской печати появилось сообщение, что золото «Черного принца» если и не было найдено, то исключительно из-за некультурности и отсталости России. И что страна никуда не годится, если у нее на дне моря лежат позабытых пять миллионов.

В это время один феодосийский фельдшер, некто Томп, желая принести пользу государству, подал в военный комиссариат заявление, в котором указал, что на дне Черного моря лежит шестьдесят миллионов в золотых дукатах. Фельдшер указал (без знания дела), что «Черный принц» лежит там, где его искали итальянцы, — в самой бухте (!) и что следует устроить дамбу у входа и выкачать воду из бухты, понизив уровень воды на десять саженей. За этот фантастический проект фельдшер просил устроить его на краткосрочные курсы в университет с предоставлением ему пособия.

Не знаем, закончил ли фельдшер свою учебу, но «Черный принц», согласно письменному указанию, не разыскивался.

Однако примерно в это же время (1923) некто В. С. Языков явился в ОГПУ республики и просил предоставить ему помощь, чтобы достать золото с «Черного принца». В. С. Языков принес с собой целую папку бумаг и документов, в которых излагалась история гибели «Принца» и подтверждалась отправка золота. Причем указывалось, что золота было на сумму пятьсот тысяч английских фунтов.

В марте 1923 года было решено организовать небольшую экспедицию для этой цели. И хотя считалось недоказанным нахождение ценностей на «Черном принце», тем не менее было решено приступить к подводным работам для поисков легендарного золота.

Помимо конкретной своей задачи, эта экспедиция могла быть полезна на Черном море во многих отношениях. Водолазное дело было у нас поставлено

чрезвычайно слабо. А в каждом порту Черного моря было целое подводное кладбище затонувших и затопленных кораблей.

Но в момент организации экспедиции это, видимо, не принималось в расчет, и основная задача была поставлена: найти затонувшее золото.

И вот тем более интересно и поучительно проследить, как советская экспедиция, отправившаяся за сказочным золотом, постепенно отбрасывала романтику и шаг за шагом становилась на путь реальных возможностей.

И когда наконец надежда найти золото стала отдаляться, экспедиция не только не погибла, но, наоборот, все более и более стала крепнуть и стала завоевывать те новые позиции, которые в дальнейшем создали экспедиции столь славное имя.

Можно сказать, что из легенды о золотом кладе родился ЭПРОН, которым теперь так гордится наша страна.

Но не будем забегать вперед. Скажем только, что в марте 1923 года была организована Экспедиция подводных работ особого назначения (ЭПРОН). И эта экспедиция в том же году приступила к подготовительным работам.

Решено было построить такой подводный снаряд, который можно было бы спускать на большие глубины для производства работ.

13. РАБОТА ЭПРОНА

И вот помощнику начальника Особого отдела было дано распоряжение в наикратчайший срок подготовить экспедицию, с тем чтобы уже предстоящим летом начать подводные работы.

И тогда инициативная группа приступает к делу.

Инженер Е. Г. Даниленко создает проект глубоководного снаряда.

Этот снаряд — особого вида подводный колокол, в котором могут поместиться три человека. Причем снаряд может опуститься на глубину до восьмидесяти саженей. Воздух подается по шлангу. Другой шланг служит вентиляцией. Внутри снаряда находится электрическое освещение и телефон.

Сам же аппарат имеет особые выдвигающиеся руки с двумя пальцами. Так что находящиеся в аппарате могут управлять этими руками. И пальцы, подобно клещам, захватывают то, что требуется.

Интересно отметить, что спустя двенадцать лет (в 1935 г.) в Вашингтоне (США) производились опыты с аппаратом, весьма напоминающим этот колокол. Причем конструкция этого аппарата была доведена американцами до совершенства. Этот колокол, вернее, огромный стальной шар с окнами, назван был батисферой. Он рассчитан на глубину до семисот пятидесяти метров.

И опыты дали прекрасные результаты. Аппарат снабжен специальными прожекторами. «Руки» его — подвижные стальные шланги длиной до двух метров. К этим рукам прикреплялось до двенадцати различных инструментов, с помощью которых водолаз, не выходя из батисферы, мог выполнять самые различные работы на дне моря. Так, например, руки завязывали узлы на тросе, просверливали отверстия в металлической обшивке судна, распиливали железо и рубили дерево. Больше того, американские газеты приводили пример исключительной ловкости рук: стальные руки тасовали колоду карт.

Так что, судя по всему, эту конструкцию ожидает большое будущее.

Но в тот год, о котором идет речь (1923), наша экспедиция строила более простенький аппарат. «Руки» были менее подвижны. И конечно, о картах не могло быть и речи.

Тем не менее аппарат системы тов. Даниленко по тому времени был исключительным и достойным всякого удивления.

Инженер Е. Г. Даниленко в течение двух месяцев создал этот проект.

Уже в мае черновики были сданы на завод «Паростроой».

Причем было отдано распоряжение разработать вопрос, каким образом может быть использован этот замечательный глубоководный снаряд, если поиски золота на «Черном принце» окажутся безрезультатными.

Но пока строился этот снаряд, экспедиция начала подготовительную работу в Балаклаве. Несколько военных тральщиков исследовали дно и производили промеры глубин.

И вот наконец 2 сентября сам конструктор, инженер Даниленко, спускается в своем снаряде на глубину двадцать шесть саженей. Опыт блестяще удается. И в ближайшие же дни снаряд опускается на глубину девяносто пять метров и вслед за этим — на сто двадцать три метра. Причем эти спуски явились рекордными не только для нас, но и для заграницы.

В общем, с первых чисел сентября начинаются регулярные подводные работы. И при помощи этого снаряда тщательно исследуется все пространство дна Балаклавского залива.

К этому времени в ЭПРОНе сплотился дружный коллектив эпроновцев. И вот этот коллектив энергично принялся за работу.

Весь предполагаемый район гибели «Черного принца» был разбит на квадраты (вехами). После чего каждый квадрат тщательно осматривался при помощи этого глубоководного снаряда.

Причем считалось (ошибочно), что узнать «Принца» среди других затонувших судов не представляло труда, так как он был единственным железным винтовым пароходом.

Но тут крылась ошибка, которая многое запутала в этом деле.

Как мы в дальнейшем увидим и документально докажем, «Принц» был не единственный железный винтовой корабль.

Но пока не будем останавливаться на этом обстоятельстве.

Отметим только, что экспедиция с первых же шагов своей работы наткнулась на множество остатков разбитых кораблей. Но все это были деревянные обломки. И экспедиция не слишком задерживалась на осмотре их.

Впрочем, некоторые наиболее «интересные» части кораблей поднимались наверх.

Черноморский торговый флот чрезвычайно нуждался в морском имуществе. И такие предметы, как якоря, цепи, тросы и цветные металлы были драгоценными находками. Так что экспедиция подводных работ с первых же своих шагов невольно отвлеклась от своей прямой работы.

14. ДРУГИЕ ДЕЛА

Между тем проходило лето. Траление подводным снарядом шло успешно. Однако «Черного принца» нигде найти не могли. На дне моря находили массу деревянных кораблей. Находили тиковые мачты, реи, стеньги, якоря.

Недалеко от входа в бухту нашли даже разбитую турецкую фелюгу, набитую дровами, обросшими ракушками.

Все даже и теперь, через семьдесят лет, говорило об ужасной, потрясающей катастрофе, которая разразилась у Балаклавы. Для полноты картины не хватало только погибших людей. Но увы, этот материал оказался самым непрочным из всех материалов, затонувших в прошлом столетии. Изредка находили обрывки шерстяных костюмов и подметки от сапог. Вот все, что осталось от погибших людей.

И так в поисках «Черного принца» прошли весна, лето и осень.

Но знаменитый пароход в этом районе так и не был найден.

Однако экспедиция не растерялась от этой своей первой неудачи. И еще летом (1924), увидев, что дело затягивается, экспедиция одновременно с поисками «Черного принца» стала заниматься «другими делами».

Эти «другие дела» были: подводные работы по розыску и подъему морского имущества.

Однако Балаклавская бухта в этом смысле не могла многого дать. Более интересна была Севастопольская бухта, которая была буквально забита затонувшими баржами и кораблями.

Тут на дне моря лежало не менее ценностей, чем золото «Черного принца».

И вот экспедиция, учитывая это, стала постепенно производить работы по подъему этого имущества.

В общем, экспедиция, отклонившись от своей прямой задачи, стала энергично работать и совершенствовать свою работу в Севастопольской бухте. Из экспедиции по розыску золота ЭПРОН постепенно становился судоподъемной организацией. И это был, повторяем, реальный и правильный путь, который вывел экспедицию с романтической дороги на дорогу огромных побед и достижений.

В общем, в течение года было поднято множество мелких судов, катеров и пароходов. И в короткое время ЭПРОН стал приобретать большой опыт в подводных работах.

Постепенно накапливалось водолазное имущество. Образовались значительные кадры превосходных водолазов.

При таком обороте не могло быть и речи о роспуске экспедиции, которая хотя еще и не выполнила конкретной задачи — не нашла золота, — но зато нашла и сохранила имущество на огромную сумму.

И это был удивительный факт, который показал, как правильно экспедиция умела маневрировать и перестраиваться согласно требованиям жизни и обстоятельств. Ведь легче всего было растеряться и совсем свернуть работу после неудач целого года. Но этого не случилось.

Вместе с тем «Черный принц» не был позабыт. Командование разделило экспедицию на две группы: одна, небольшая, балаклавская, группа продолжала розыски «Черного принца», а перед другой, более мощной, севастопольской, группой была поставлена новая задача — подъем больших судов и подводных лодок, затопленных интервентами в 1920 году.

15. НАХОДКА

И в такой работе прошел год.

Балаклавская группа продолжала обследовать дно. Но вместе с тем этой группе было поручено подготовить новые кадры подводных работников.

И вот начались занятия с молодыми водолазами.

В ноябре 1925 года во время этих занятий водолазы подняли со дна моря какой-то огромный, с чугунными дверцами железный ящик, который после тщательного исследования оказался паровым котлом допотопной конструкции.

Эта находка была сделана на восьмисаженной глубине против самой башни «Дон».

Тотчас были еще спущены водолазы, которые стали обследовать дно. Кроме этого котла, найдены были еще три разбитых котла и пароходная дымовая труба.

Стали обследовать дальше. И вот оказалось, что тут, под обломками скал, лежал совершенно разбитый и разметанный по дну, обшитый железом паровой корабль.

Это были скорее бесформенные обломки корабля. И в хорошей форме сохранилась только часть железного корпуса с тремя иллюминаторами. Все остальное было разбито, разорвано и завалено глыбами камней. Видимо, когда-то тут рухнула огромная скала, которая и засыпала дно и разбитый корабль своими обломками.

У водолазной группы не оставалось больше сомнений. Это была найдена могила знаменитого, так долго разыскиваемого «Черного принца».

Сомнений в том, что это был «Черный принц», ни у кого не возникало, так как считалось установленным, что на рейде (в 1854 году), кроме «Принца», не было паровых, обшитых железом кораблей.

Но даже если, помимо «Принца», был еще какой-нибудь железный пароход, то вряд ли этот пароход имел размеры «Принца». Судя по котлу, найденный корабль был примерно тех размеров, каких был «Черный принц».

Эта находка была тем более поразительна, что в этом районе никогда не производилось розысков.

Эта находка произвела на всех огромное впечатление. Тотчас со всей энергией начали производить подводную работу в этом районе.

В первые же дни на месте гибели были найдены и подняты из воды: шрапнельный стакан, медицинская ступка, ручная граната и несколько кусков железа неопределенного назначения.

Несколько последующих дней дали еще любопытные находки: какие-то медные обручи, несколько шрапнельных снарядов, железный рукомойник из офицерской каюты и множество подметок с каблуками. Причем эти подметки обросли травой, а на многих были каменные обрастания.

Розыски эти затруднялись тем, что рухнувшая скала засыпала разбитый корабль огромными глыбами. И почти каждую вещь приходилось доставать с большим трудом.

В общем, балаклавская группа проработала здесь вплоть до декабря.

В конце декабря начались сильные штормы, и дальнейшие розыски пришлось отложить. К тому же выяснилось, что продолжать работу было рискованно, — экспедиция не могла найти новых документальных данных, подтверждавших нахождение золота на «Черном принце».

Было запрошено наше полпредство в Великобритании об английском мнении по поводу «Черного принца».

Наше полпредство ответило ЭПРОНу, что мнения относительно ценности груза расходятся и что-либо установить сейчас крайне трудно, принимая во внимание срок, прошедший со времени этого события. Можно лишь считать установленным, что ценности были, и много вероятности за то, что значительные. Но было ли золото — установить трудно.

Итак, хотя с технической точки зрения подъем «Черного принца» уже не представлял больших затруднений, тем не менее дальнейшая работа признавалась рискованной, тем более что ЭПРОН к тому времени затратил около ста тысяч рублей на розыски и у него не было средств для дальнейших операций. Наркомфин же вполне резонно, не имея никаких верных гарантий, отказал в дальнейших субсидиях.

Однако это не повлияло на дальнейшую судьбу «Черного принца». Напротив того, история найденного «Черного принца», как мы сейчас увидим, только начиналась.

16. ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Итак, сомнений не оставалось, — найденные развалины железного парохода принадлежали «Черному принцу».

Больших технических трудностей для производства дальнейших работ, мы повторяем, не было, но экспедиция уже истратила все отпущенные средства, и потому на самом, так сказать, интересном месте работу пришлось прекратить.

Но в это время в Москве находился представитель японской водолазной фирмы, некто Като, который и сделал предложение Главконцесскому «войти в компанию» с ЭПРОНом для разгрузки «Черного принца». Первоначально это предложение было более обширно. Японская фирма предложила свои услуги на судоподъемные работы по всем морям СССР. (И кроме того, фирма желала получить концессии на рыбные промысла.)

Но руководители ЭПРОНа ответили, что «весь затопленный в водах СССР тоннаж судов будет поднят средствами советских организаций». Что же касается «Черного принца», то ЭПРОН согласен предоставить дальнейшие операции японской фирме.[1]

А надо сказать, что это была знаменитая водолазная фирма под названием «Синкай Когиоссио Лимитед».

---

[1] Кроме того, ЭПРОН согласился предоставить японцам подъем затопленного в Новороссийской бухте линейного корабля «Свободная Россия». — *Примеч. авт.*

Эта японская фирма отличилась и прославилась тем, что за два года до этого она успешно разгрузила английский пароход, который затонул в Средиземном море с большим грузом золота. Эта водолазная операция, по словам специалистов, действительно показала наивысший класс глубоководной работы.

Английское судно затонуло на глубине свыше сорока саженей. И японские водолазы с огромной быстротой, несмотря на чрезвычайные трудности, с большим блеском и успехом произвели эту работу и подняли из глубины Средиземного моря несколько миллионов золота.

И вот теперь представитель этой прославленной фирмы, молодой японский коммерсант Като, узнав о «Черном принце», чрезвычайно заинтересовался делом и, списавшись со своим патроном, подал заявление в Главконцессском о желании войти в долю с ЭПРОНом.

И вот, как мы уже говорили, ЭПРОН, тщательно обсудив все дело, решил целиком предоставить японской фирме работу над «Черным принцем».

Предоставление этой работы иностранной компании считалось весьма полезным для дела, так как предстояла возможность вблизи изучить водолазную технику, которая у японцев была в то время на необычайной высоте. В то время японская водолазная техника считалась первой в мире. И в особенности водолазным специалистам было интересно ознакомиться с японской водолазной маской, в которой японцы (без скафандра) могли находиться на громадной глубине в течение семи — десяти минут. В общем, во всех отношениях это японское предложение было интересным и небезвыгодным.

Итак, первоначальные переговоры с японским представителем были вчерне закончены.

Японская фирма соглашалась оплатить ЭПРОНу понесенные расходы в связи с поисками «Принца», и в случае удачи золото предположено было делить на тех условиях, на которых в дальнейшем договорятся обе стороны.

В общем, это были пока черновые наметки. По приезде же главы фирмы все эти вопросы должны были снова обсуждаться уже более подробно, после чего между ЭПРОНом и японской фирмой предполагалось заключить официальный договор.

Договорившись приблизительно на этом, представитель фирмы Като просил по возможности ускорить дело, так как он находится в Москве уже полгода и его отец стал несколько недоверчиво к нему относиться и стал урезывать ему денежные переводы, поскольку он потерял всякую надежду на благоприятный исход переговоров относительно рыбных концессий.

Като чистосердечно добавил, что он прожил в Москве большие деньги и у него единственная надежда, что вопрос о «Черном принце» будет разрешен в благоприятном смысле, иначе он прямо не представляет себе, как он вернется домой.

17. «СИНКАЙ КОГИОССИО»

И вот в марте 1927 года из Японии прибыл в Москву директор и председатель правления этой водолазной фирмы — мистер Катаока.

Он прибыл со своим инженером и тремя водолазами.

Представителям ЭПРОНа он заявил, что основная группа в восемнадцать человек, со всем водолазным имуществом, приедет в Москву после заключения договора. Пока же они привезли только самое необходимое для того, чтобы произвести обследование на Черном море, и для того, чтобы показать некоторые свои возможности.

Материальную сторону дела мистер Катаока в основном не стал оспаривать. Он сказал, что его, конечно, в высшей степени интересует этот вопрос и к этому он, несомненно, еще вернется, но пока он не этим занят. Он хочет сначала обследовать место гибели. И кроме того, он желает показать русскому обществу, на какой степени совершенства находится японская водолазная техника. А уж потом можно будет заняться коммерческой стороной дела.

— Наша фирма тем и отличается от других фирм, — сказал Катаока, — что мы широко смотрим на вещи. Мелочность не в нашем характере. Мы главным образом заинтересованы, чтоб нам не подорвать наше реноме. А будет ли у нас прибыль на пять процентов больше или меньше — это не является чем-то основным и решающим. То есть, откровенно вам сказать, — добавил Катаока, — в это дело мы вовлекли много японских финансовых деятелей. И они жаждут получить свою прибыль, но и убыток их не смутит и не доведет до отчаяния. И это тоже плюс нашей фирмы. Впрочем, не будем говорить об убытках, — мы вполне надеемся на счастливый исход дела, поскольку поднятие золота со дна моря — это уже нам нечто знакомое по нашим прежним работам, благодаря которым мы установили свое реноме так высоко, как не смогла до нас сделать никакая другая фирма, существовавшая до нас или даже в наше время. В довершение всего мы привезли вам рекомендательные письма о солидности нашей фирмы от двух больших японских банков. И когда вы ознакомитесь с этими письмами, вы наглядно убедитесь в справедливости наших слов.

После этой своей маленькой речи корректный и вежливый Катаока сказал, что они желали бы возможно скорей выехать в Балаклаву, для того чтобы

без всякого промедления приступить к обследованию и показу технических возможностей.

— Наша фирма не любит ждать и сидеть сложа руки, — сказал Катаока. — А уж если пришло время работы, то мы работаем, как львы, и теряем понятие дня и ночи.

И вот в первых числах апреля группа японцев во главе с директором Катаокой и представителем Като прибыла в Балаклаву.

Директор внимательно обследовал Балаклавский рейд и место гибели «Черного принца». Сам Катаока не спускался в море, но его инженер и техник лично обследовали развалины корабля. После чего Катаока сообщил в Токио своим акционерам, что трудностей при разгрузке парохода будет значительно больше, чем предположено, так как затонувший корабль находится под отвесной скалой и весь корпус его засыпан обломками скалы, среди которых имеются камни весом до шестидесяти тонн и больше. Все эти камни придется убрать, и только потом можно будет приступить к разгрузке.

18. ПОКАЗАТЕЛЬНАЯ РАБОТА

Это обследование производилось на глубине всего восьми-девяти сажен, так что для показа глубоководных работ японцы специально прибыли в Севастополь, где и демонстрировали свою знаменитую маску.

В этой маске (без скафандра) водолаз мог спуститься на глубину пятидесяти сажен. Причем устройство этой маски было в высшей степени оригинальное. Маска закрывала только глаза и нос водолаза. Рот же и уши оставались открытыми. Причем водолаз брал в рот какие-то небольшие щипчики, которые соединялись с маской. Весь секрет этой маски заключался в умелом и особом дыхании. Воздух качали по шлангу, и водолаз вдыхал носом и, не разжимая рта, выбрасывал его в воду.

В такой маске водолаз без всякого для себя вреда мог находиться до десяти минут на значительной глубине.

Причем поразительно было то, что подъем и спуск водолаза происходили без всяких замедлений. Японец бросался вниз головой, как ныряльщик, а не как водолаз. И вытаскивали его из воды тоже без всякой страховки на случай кессонного заболевания.

Сама маска представляла собой толстое овальное стекло в металлическом никелированном ободке.

Директор разрешил внимательно осмотреть маску, но при этом, улыбаясь, сказал, что европейцам с этой маской делать нечего, что эти маски рассчитаны на специфику японского водолаза.

Потирая руки, Катаока с достоинством сказал:

— Европа может сколько угодно рассматривать и изучать эту маску, но воспользоваться ею не представляется возможным. Европейский водолаз не имеет нужного душевного склада. Он под водой склонен к задумчивости. И может так случиться, что, находясь на грунте, он, вопреки необходимости, хотя бы слегка или на секунду откроет рот, и тогда его ожидает печальная участь человека, захлебнувшегося на страшной глубине. С японским же водолазом не может ничего подобного случиться. И, между нами говоря, эта маска рассчитана на него.

В общем, в Севастополе японцы демонстрировали водолазные спуски в этой знаменитой маске.

Работа была действительно изумительная.

Японский водолаз (почти голый), маленький и худенький, опоясался тяжелым поясом и, надев на лицо маску, бросился в воду вниз головой.

Ему была дана задача обследовать положение подводной лодки АГ-2, затопленной англичанами в 1920 году. Глубина, на которой лежала лодка, доходила до тридцати сажен. Причем водолазу не сказали даже, каков тип судна.

До этого наши водолазы спускались несколько раз, но ввиду большой глубины не могли в точности установить, в каком положении была лодка.

Через пятьдесят секунд японец был на дне. Затем по данному сигналу его вытаскивают наверх. Причем весь подъем занимает полторы минуты, вместо положенных двух часов.

Итак, водолаз снова на борту. Он спокойно снимает с себя маску, сбрасывает пояс и тотчас уходит в рубку. Тот, кто подумал, что он ушел отдохнуть и привести себя в порядок, ошибся.

Японец вскоре возвращается с листком бумаги, на котором он зарисовал корпус лодки, рубку, рули и число люков. Все было указано в полной точности.

Доктор осмотрел и выслушал этого водолаза. Никаких изменений в состоянии водолаза не было. И никаких признаков кессонного заболевания не имелось. Оказывается, правильный ритм дыхания (пять вдохов в минуту) предохранял от подводной болезни.

Это была действительно замечательная работа. Она была тем более удивительна, что такая глубина в то время нами была еще не освоена.

В этом смысле приезд японцев сыграл огромную роль, — эпроновцы многому у них научились. И даже спустя несколько лет выполнили глубоководную работу в Средиземном море, от которой отказались японцы. И в этом отношении ученики превзошли своих учителей. Английский пароход, поднятый ЭПРОНом, лежал на глубине семидесяти сажен.

19. ДОГОВОР

После демонстрации своих сил японцы снова вернулись в Балаклаву и занялись тщательным исследованием «Черного принца».

Водолазы вынесли убеждение, что «Черный принц», помимо того, что он завален камнями, еще разбит пополам, причем средняя его часть совершенно отсутствует. Видимо, она уничтожена прибоем и камнями. Нос же и корма, сравнительно в целом виде, находятся на грунте, причем на носу сохранилось даже несколько иллюминаторов.

При обследовании «Черного принца» водолазами было поднято несколько незначительных предметов — воздушный насос, части машин и обломки железа.

Дальнейшее исследование было прекращено вплоть до подписания договора.

Катаока сказал, что трудности по разгрузке предстоят значительные, но тем не менее он соглашается подписать договор.

— Наша фирма «Синкай Когиоссио», — сказал Катаока, — не закрывает глаза на трудности в этом деле. Больше того, мы считаем это дело весьма и весьма рискованным. Если бы средняя часть корабля находилась на месте, мы подписали бы договор с закрытыми глазами. Но нас волнует недостающая и наиболее важная часть «Принца». Где она? — мы спрашиваем друг друга. И не находим ответа. А ведь, может быть, именно там и было золото. Короче говоря, мы считаем риск в пропорции двадцать процентов за и восемьдесят против успеха. Тем не менее фирма за свой риск и страх согласна подписать договор. Далеко не в нашем характере избегать того, что связано с риском. Да, мы не хотим терять наше реноме, но зато, если мы это золото найдем, это будет нечто небывалое в этом мире. Фирма, которая то и дело поднимает золото из глубин моря. В прошлом году Средиземное море, в этом году — Черное. Одинаковость ситуации нас заставляет совершать ответственные шаги. Мы, господа, подпишем договор, понимая всю рискованность задачи.

В общем, японцы во главе с Катаокой снова вернулись в Москву и занялись составлением договора.

В основном договор сводился к тому, что японская фирма, независимо от дальнейшего, уплачивает ЭПРОНу сто десять тысяч рублей за все его предварительные работы по розыску и обследованию «Черного принца».

Причем компания принимает на себя все дальнейшие расходы. А все поднятое золото делится из расчета: шестьдесят процентов получает ЭПРОН и сорок процентов японская компания.

Если же общая сумма будет превышать один миллион, то ЭПРОН получает пятьдесят семь с половиною процентов, а фирма — сорок два с половиною процента.

Распределение поднятых ценностей должно осуществляться каждые две недели. И те предметы, кои по своей природе не могут быть делимы, должны быть по соглашению сторон проданы наивыгоднейшим образом и вырученные суммы распределены между сторонами.

Как видно, договор был составлен весьма удачно и выгодно для нас. Но вместе с тем и японская фирма в случае удачи без особого труда могла бы получить восемьсот тысяч рублей золотом, поскольку ожидалось найти два миллиона.

Так что условия, в общем счете, были равны и выгодны для двух сторон.

Кроме этих основных условий, японская фирма соглашалась безвозмездно передать в собственность ЭПРОНа по одному экземпляру каждого предмета специального технического оборудования.

28 июня 1927 года соответствующие организации, рассмотрев этот вопрос, постановили допустить японскую фирму к производству работ по подъему «Черного принца».

И наконец 2 июля договор между сторонами был подписан.

Катаока сказал:

— В ближайшие дни из Токио выезжают восемнадцать человек во главе с нашим старшим инженером Уэкки. И с ним едет еще один инженер — тот самый, который имел счастье найти золото в Средиземном море. По приезде этой группы мы тотчас приступаем к работам. Мы горим поскорей начать это дело.

Вскоре из Японии прибыла эта партия японцев, и 15 июля фирма начала свою деятельность в Балаклаве. Причем эта деятельность была совершенно самостоятельна, так как от всякой помощи, предложенной ЭПРОНом, японская фирма отказалась.

— Мы понимаем договор в том смысле, — сказал Катаока, — что мы не вошли в компанию с ЭПРОНом, а нам полностью предоставлено все дело. Такое ведение работ ближе характеру нашей фирмы.

Тем не менее японская фирма согласилась работать совместно с представителями ЭПРОНа.

Но прежде чем приступить к работам, Катаока потребовал, чтобы закупили четыре тонны риса.

— Без этого, — сказал Катаока, — мы не рискуем начать работы. Мы не хотим в такой момент нарушать свои привычки.

Внешторг телеграфом закупил товар в Харбине. И вскоре двести пудов рису было доставлено в Балаклаву.

20. ЯПОНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Итак, 15 июля японская экспедиция приступила к работам. С первых же шагов работа была начата с громадным подъемом, воодушевлением и с невероятным лихорадочным натиском.

Колоссальные глыбы камней весом до пятисот пудов японские водолазы «стропили» под водой в течение десяти — пятнадцати минут.

В сутки поднимали не менее двадцати пяти таких камней. Причем громадные глыбы в тысячу и более пудов не поднимались на поверхность, а паровой лебедкой отводились далее в море. Семь водолазов и пять ныряльщиков работали безостановочно. Техника работ была блестяща и значительно выше того, что мы предполагали. Мировое первенство японцев по водолазному делу было в то время предоставлено им не зря.

В водолазном деле мы, повторяю, многому научились у японцев. Мы научились у них быстро ходить по морскому дну и восприняли их энергичный стиль работы. Однако в их работе несколько удивлял, пожалуй, невероятный азарт и лихорадочная нервность, которая срывалась подчас в болезненное раздражение.

Азарт же был велик, и он усиливался шумом, который был поднят вокруг этих работ. Вся мировая печать интересовалась этим делом. Репортеры и работники кино ежедневно приезжали в Балаклаву с надеждой узнать сенсацию. Это была в полной мере золотая лихорадка.

Катаока сам лично, не имея на то привычки, но захваченный общей горячкой, два раза спускался на дно, без всяких, правда, результатов для дела. Спускались также его инженеры и техники. И даже впервые в жизни спустился главный инженер Уэкки, отдавая этим, так сказать, дань серьезности момента.

Катаока руководил всеми работами чрезвычайно энергично и даже, пожалуй, излишне пылко. Он входил в каждую мелочь, вмешивался решительно во все, но при всем этом было видно, что он не самый главный человек в экспедиции. Некоторые его распоряжения не исполнялись. И некоторые советы его оставались без внимания. Хотя сам он пользовался исключительным уважением и любовью.

Главный инженер Уэкки, при всей его энергии и прекрасном знании дела, также не являлся главным руководителем в процессе работы.

Что же касается инженера, имевшего счастье найти золото в Средиземном море, то он вообще особой роли в экспедиции почему-то не играл. Это был

довольно вялый и задумчивый японец. Сначала он горячо приступил к делу, но вскоре остыл и следил за работами отчасти даже без интереса. По-видимому, он был чем-то болен. Но может быть, они его взяли с собой как талисман, для счастья и удачи в делах. Во всяком случае, к нему относились почтительно и старались ничем не потревожить его задумчивости.

Душой же дела были три водолаза. Из них один — Вакино — был, как говорят, главный акционер фирмы. Он пользовался исключительным вниманием и авторитетом, и все его замечания исполнялись беспрекословно.

Два других водолаза — Иси и Ямомато — были менее влиятельны и менее богаты, чем Вакино, но и они имели большой вес в экспедиции. И, так же как и Вакино, они в случае успеха участвовали в больших процентах.

Остальные же водолазы, ныряльщики, подрывники и рабочие были на положении рядовых сотрудников, состоящих на жалованье. И в случае находки золота им процентов не полагалось. Впрочем, премия была обещана.

Вот каковы были взаимоотношения «внутри японской фирмы».

Однако справедливость требует отметить, что богатый водолаз Вакино, так же как и два его собрата, был действительно большим специалистом и отличался исключительно высоким мастерством в своем деле.

Однако некоторое самомнение, зазнайство и повышенная водолазная мания величия все же несколько вредили ходу дела. Эти три крупных водолаза были представителями особой прослойки в капиталистическом строе. Это была «рабочая» буржуазия. Иметь такую прослойку в рабочей среде считалось весьма полезным против революции.

Так вот, отличаясь высоким знанием дела, эти три водолаза не могли все же руководить всеми операциями, тем не менее они влияли на весь ход работы, и в этом была ошибка и упущение. Так, например, место, где была найдена первая золотая монета, не признавалось ими за основную точку дальнейших изысканий, и они, несмотря на приказания, не стали расследовать это место, а перешли к другому.

Так или иначе, акционеры весьма влияли на весь ход дела, и в свете их богатства директор Катаока при всем своем пышном положении был не совсем самостоятельной фигурой.

В быту же состоятельные водолазы никак особенно себя не проявляли и жили вместе со всеми в трех комнатах. И питались за одним столом со всей командой.

Что касается директора, то ему была предоставлена отдельная комната. Однако одевался мистер Катаока как рабочий и кушал то, что приготовлял

японский повар для всех сотрудников, — обычно рис и сырую рыбу, вымоченную в уксусе.

Экспедиция занимала в Балаклаве дом на набережной. И только один коммерсант, московский представитель фирмы Като, стоял в гостинице. Он был нервный, волновался за каждый шаг работы и тревожился, что золото не будет найдено, по причине чего он страдал бессонницами и не мог спать вместе со всеми.

Итак, приближался наиболее серьезный и ответственный момент во всей истории «Черного принца». И в силу этого пусть читатель не посетует на нас за столь подробное и торжественное описание событий.

21. ПОБЕДЫ И ПОРАЖЕНИЯ

Итак, работа шла у японцев полным ходом. Ежедневно поднимали с грунта до шестидесяти тонн камней разной величины. Вместе с камнями иной раз поднимали куски железа, части палубы и листы от обшивки. Ничего значительного и интересного пока поднято не было.

Решено было не заниматься розысками золота до тех пор, пока разбитый и заваленный корабль не будет освобожден от больших камней.

Работа по очистке корабля от камней была трудна и малоинтересна. Однако напряжение и азарт у японцев не ослабевали. Они по-прежнему вели работу с огромным рвением.

8 августа японцы устроили торжественный обед. В этот день они праздновали вторую годовщину поднятия золота в Средиземном море.

Однако, несмотря на такой торжественный день, они работали как обычно. И даже в этот день у них произошел несчастный случай.

Один из японских матросов был ушиблен и ранен камнем, который сорвался с лебедки.

— Это плохой знак, — тревожно сказал Катаока. — Если бы наш матрос Генди был зашиблен в любой день, я бы не имел такого душевного расстройства, какое у меня сейчас. Но он ранен именно в тот день, когда это никак не должно быть. Нам сегодня вообще не надо было выходить на работу, — вот это был бы выход из положения. Но, откровенно говоря, нам хотелось в этот счастливый день найти пару пригоршней золота. Вы понимаете, какой шум подняли бы газеты всего мира. «Восьмое августа, — они сказали бы, — поистине у них исключительное число. По этим числам они находят золото...» Впрочем, наша фирма «Синкай Когиоссио» не привыкла падать духом хотя бы и при обстоятельствах, особо печальных и угнетающих дух.

Доктор, осмотревший раненого, нашел его положение хорошим. Были ссадины на теле и ушиб в области ребер. Кровоизлияние внутрь было весьма незначительное. Так что серьезных последствий не могло быть.

Это известие повлияло на всю фирму превосходным образом. Тотчас решено было устроить еще более торжественный обед, чем предполагалось.

Катаока сказал:

— Счастье и удачи не покидают наше общество в этот день. Да и было бы странно, если б это число омрачилось потерей.

Вечером в саду был устроен обед. Вино пили весьма в небольшом количестве. Все было очень корректно и сдержанно. Посторонних никого не было, — японцев не покидала вежливая осторожность, с какой они относились к окружающим. Но почем знать, может, опять за этой вежливой осторожностью, за корректностью и сдержанностью таились иные намерения. Быть может, это была маска, за которой проглядывало лицо с пристальными глазами, внимательно изучающими советскую жизнь. Не секрет, что правительство Японии дает иной раз соответствуюшие задания той или иной фирме, работающей в иностранном государстве.

После обеда японцы пели вполголоса, весьма заунывно и тихо, под аккомпанемент какой-то особой флейты, на которой наигрывал японский повар. После чего показывали друг другу какие-то удивительные головоломные фокусы.

Директор Катаока велел переводчику говорить всем, кто поинтересуется, что тут в саду празднуется вторая годовщина поднятия золота в Средиземном море.

На другой день после праздника снова закипела работа. Дело по очистке парохода от камней подходило к концу. Помимо камней, стали поднимать наверх части парохода. С большим трудом был поднят огромный кусок борта (5 × 6 саженей) с одним иллюминатором. Это еще более приподняло настроение у работающих. Казалось, что теперь весь пароход в их руках.

Однако камни мешали еще приступить к более точному розыску.

В это время в английских и германских газетах появились сообщения о том, что японцы и русские, по-видимому, ошибаются в своих розысках. По-видимому, в том месте, где идет работа, «Принца» не может быть. По всей вероятности, «Черный принц» затонул в том месте, где его в свое время искали итальянцы. И что настоящая японская работа основана на слабом изучении исторического материала.

Это сообщение угнетающим образом подействовало на директора Катаоку.

— Реноме нашей фирмы, — сказал он, — подверглось тяжкому испытанию. Уже то, что фирму перед лицом всего мира рисуют со стороны историче-

ского невежества, — это невероятный удар по нашему самолюбию. Но мы все же не намерены сдаваться в такой ответственный момент. Пароход в наших руках, и мы его буквально вывернем наизнанку, но золото найдем во что бы то ни стало.

Молодой коммерсант Като, посоветовавший фирме заняться «Черным принцем», узнав об этих статьях, совершенно упал духом. Его бессонница сменилась таким крайним нервным раздражением, что он вышел из строя и уехал на Кавказ лечиться. Экспедиция же продолжала работу с напряжением, но без прежнего натиска.

22. ПЕРВОЕ ЗОЛОТО

Наконец неожиданно 5 сентября под одним из поднятых камней водолаз Ямомато нашел золотую монету чеканки 1821 года. Это был английский соверен (один фунт стерлингов). На одной стороне монеты была надпись: «Георг IV — Британия». На другой стороне — изображение всадника на лошади — Георгия Победоносца.

Но прежде чем поднять ее со дна моря, японцы попросили представителя ЭПРОНа спуститься на дно и посмотреть, как лежит эта прилипшая к камню монета.

— Нам, — сказал Катаока, — важно иметь свидетельские показания постороннего человека. Вы, господа, не знаете, что такое биржа. Нам там могут не поверить без доказательства. Они скажут: «Фирма нарочно подбросила золотую монету, чтоб повысить свои акции». Но зато теперь биржевики, которые играли на понижение, получат хороший удар. Наши бумаги поднимутся в цене процентов на двадцать. И мы лично могли бы сделать себе царское состояние, если бы на этом захотели сыграть.

В общем, представитель ЭПРОНа спустился на дно и подтвердил, что золотая монета лежит, прилипши к камню. Но лежала ли она там семьдесят с лишним лет, или она лежала месяц, судить было, конечно, трудно.

Впрочем, никаких сомнений не было, и телеграмма была отправлена в Токио. И вскоре акции этой фирмы действительно высоко поднялись в цене.

В общем, эта находка необычайным образом всех взволновала. Монета рассматривалась с трепетом и великим почтением.

Все семь водолазов один за другим стали спускаться на поиски золота, однако в тот день ничего больше не было найдено.

Были подняты лишь какие-то бесформенные куски железа и медная ручка от какой-то машины.

Катаока, рассматривая монету, сказал:

— Мы знали, что дело с «Черным принцем» рискованное. Мы клали двадцать процентов за и восемьдесят процентов против успеха. Эти двадцать процентов снизились у нас за последнее время до десяти. Но сейчас, господа, я беру соотношение тридцать к семидесяти. Надо будет со всей нашей энергией заняться делом. А что касается английских газет, то не надо забывать, что мы достаем со дна моря английское золото. И можно допустить, что национальный дух английского народа в высшей степени раздражен и протестует против наших подводных операций. Но тогда хотелось бы знать, почему они сами не взялись за это дело, вместо того чтобы укорять фирму в историческом невежестве. Нет, господа, Англия — великая страна, но я никогда не берусь угадать, что именно думает эта страна, когда она иной раз говорит.

Так или иначе, найденный золотой снова вдохновил японскую компанию, и снова с огромной силой японцы стали перетряхивать остатки «Принца» и грунт, на котором лежал разбитый пароход.

23. ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ

12 сентября утром водолаз Ямомато снова под одним из камней нашел вторую монету. Эта монета, как и первая, была тоже чеканки 1821 года.

Эта находка опять вызвала большие волнения.

— Меня радует, что обе монеты чеканки двадцать первого года, — сказал Катаока. — Если бы даты были разные, я бы мог подумать, что монеты из разных карманов погибших моряков. Но чеканка одного и того же года наводит меня на мысль, что эти рассыпанные монеты из одного бочонка. Продолжайте, господа, розыски.

Два водолаза были опущены на дно. Но не прошло и десяти минут, как они одновременно подали тревожные сигналы о том, чтобы их немедленно подняли наверх.

Это всех на баркасе настолько поразило, что наступил момент большой растерянности.

После нескольких секунд замешательства водолазов тотчас подняли наверх.

Водолаз Вакино был бледен и дрожал. Сняв скафандр, он сказал:

— Там внизу происходит нечто невообразимое, — там идет землетрясение и почва колеблется под ногами. Я сейчас же вернусь на берег, и, если это так будет продолжаться, я уеду в Японию. Я не для того сюда приехал, чтобы испытать то, что мы все и без того знаем.

Было около четырех часов дня. Море было спокойно. На берегу тоже продолжалось спокойное течение жизни. Никаких признаков землетрясения

нигде не наблюдалось. И то, что водолазы ощутили колебания почвы на дне моря, было удивительным фактом.

Это знаменитое крымское землетрясение, во время которого девятьсот человек было ранено и шестнадцать убито и была также разрушена Ялта, произошло, как известно, в ночь с 12 на 13 сентября. И первый толчок был в час ночи. Но вот оказывается, что еще за десять часов до этого на дне моря было значительное колебание грунта.

Японцы моментально закончили работу и вернулись на берег.

А так как на берегу было тихо и даже не слышно было никакого подземного гула, то настроение у всех вскоре улучшилось. И к вечеру японцы начали даже подтрунивать над водолазами, которые проявили такую поспешность при возвращении на берег.

Однако в час ночи, когда все мирно спали, произошел первый толчок, который в Балаклаве достигал шести баллов.

Японцам, более чем кому-либо, известно, что такое землетрясение и какие ужасные бедствия с ним связаны. Еще у всех в памяти оставались картины страшного землетрясения, которое произошло в Японии в 1923 году. Тогда, как известно, погибло двести пятьдесят тысяч человек.

Поэтому первый же толчок 13 сентября произвел ужасное смятение.

Японцы не выбегали из дверей, а выбрасывались из окон. Причем некоторые бросались даже сквозь стекла. (Вероятно, до сих пор в некоторых японских домах вместо стекол имеется бумага.)

Так или иначе, некоторые из японцев поранили себя стеклами.

Директор Катаока (как не без яду было сказано в рапорте) «стеганул» из окна вниз головой. При падении он повредил себе ногу и ударился головой о дерево.

Японский повар, бегая по саду, напоролся на бутылочное стекло и этим весьма значительно повредил ногу.

Во всяком случае, паника была большая. И, согласно врачебному осмотру, у многих высоко поднялась температура. Вероятно, у них в крови и в психике мистический ужас перед землетрясением. Стоит только вспомнить, что в 1923 году в Токио заживо сгорело на военном плацу тридцать тысяч человек. Огонь выбросило из-под земли, и все японцы, которые прибежали сюда, чтоб спастись, погибли в течение одного часа.

24. СТО ДНЕЙ

Землетрясение в Балаклаве было незначительное. Паника вскоре улеглась, и даже наутро японцы вышли на работу как ни в чем не бывало. Найденная накануне золотая монета заставила позабыть о неприятностях вчерашнего

дня. Работа закипела. И водолазы снова принялись исследовать дно. И в связи с этим землетрясение отошло на второй план, хотя незначительные толчки еще ощущались.

Однако работа сразу же не заладилась. Надежда найти еще золотые монеты не оправдалась. И тщательный осмотр грунта не дал никаких результатов.

Мистер Катаока был мрачен и суров.

Он сказал:

— Мы пошли на рискованное дело — это всем известно, но тут происходит нечто такое, что вызывает наше удивление. Мы согласны терпеть неудачи, мы также можем выслушивать любые упреки, которые нам мировая печать бросает в лицо, но то, что в довершение ко всему у вас происходит землетрясение, это уж ни на что не похоже. Я разделяю взгляды ученых моего времени относительно реальности видимых явлений, но согласитесь сами, что в таком случае это землетрясение следует квалифицировать по крайней мере как знак, говорящий о линии сплошных затруднений и неудач в деле поднятия золота со дна Черного моря... У нас нет причин на кого-нибудь перекладывать наши огорчения. Наша фирма тем и отличается от подобных фирм, расплодившихся за последнее время, что мы сами отвечаем за свои поступки. Мы слишком увлеклись идеей найти золото в Черном море, но видим, что эта операция действительно может подорвать наше реноме... Вот что значит работать на предметах, затонувших очень и очень давно. Однако мы теперь хотим пойти на решительное средство. Мы поставим землесос, который перетряхнет весь морской песок под обломками «Черного принца». А крупную гальку и все, что там с ней попадается, наши водолазы будут подавать наверх в мешках. И тогда мы окончательно убедимся, в чем дело. Морально нам землетрясение нанесло ущерб, но это нас еще не сломило. И хотя некоторые из нас запросились домой, но мы еще не теряем надежды что-нибудь обнаружить!

Итак, работа вошла в новую фазу. Кроме обломков кормы и поднятого борта с иллюминатором, сколько-нибудь целого железного корпуса обнаружено не было. Поэтому землесос и водолазы стали буквально перетряхивать весь грунт в том месте, где были найдены развалины «Черного принца».

И вот в мешках вместе с песком и галькой стали попадаться обломки металла, бесформенные куски меди, чугуна и железа.

В одном из мешков была обнаружена медная монета с портретом королевы Виктории (дата:1843 год).

Однажды вместе с мешком была подана ржавая офицерская сабля и двенадцать кирок.

17 сентября в песке была найдена пятифранковая серебряная монета 1823 года и две столовые ложки белого металла. Потом снова землесос стал выбрасывать с песком обломки железа и меди.

Затем в мешках стали подавать гальку вместе с кожаными подошвами. Была обнаружена одна неношеная галоша с датой 1848 года, две вилки и снова ложка из белого металла без всяких надписей.

В конце сентября вместе с грунтом стали попадаться в большом количестве деревянные обломки. Какая-то втулка от колеса, кусок лопаты. Все деревянные части были совершенно черного цвета.

Кроме этого, землесос выбросил большое количество свинцовых пуль. Потом найдены были в мешках несколько железных подков, лошадиные кости, лопаточка для накладывания пирожных, замок и мелкие разбитые куски судового инвентаря.

Настроение у работающих упало. Многие открыто стали поговаривать об отъезде в Японию.

Катаока сказал:

— Мусор, который мы находим, может действительно посеять панику в рядах работающих. Мы находим в мешках то, что никак не вяжется с нашим представлением о золоте. Мы работали в Средиземном море, применяя там точно такие же методы, но мы там поднимали то, что нас интересовало. А тут мы поднимаем такие вещи, при виде которых у нас из глаз буквально капают слезы... Некоторые представители адмиралтейства нам не советовали браться за «Черного принца». Они нам сказали, что многие страны уже выбросили на эти поиски столько денег, сколько вообще ожидалось найти. И вот мы теперь тоже в этом лагере людей. Отныне нас не будут интересовать топляки, которые семьдесят пять лет болтало под волнами. Однако мы работу не прекратим до тех пор, пока весь участок не перевернем до основания. Вот каковы намерения нашей фирмы.

В общем, несмотря на крайний упадок настроения, японцы продолжали работу.

Сто дней длилась работа в Балаклаве, но это ни к чему не привело.

25. ОТЪЕЗД ЯПОНЦЕВ

Итак, дело подходило к концу. Водолаз Вакино сложил свои вещи и решил в море больше не выезжать. Инженер Катаоки, имевший счастье найти в свое время золото в Средиземном море, отбыл в Японию. И его отъезд посеял некоторую даже панику среди работающих. И тут начался полный перелом в работе.

Работа над «Черным принцем» шла теперь вяло и без всякого интереса.

12 октября найдена была третья золотая монета — турецкая лира. А 24 октября землесос отбросил четвертую золотую монету (с изображением Георга III) чеканки 1830 года.

Работающие мало оживились после находки этих монет. Однако водолаз Вакино снова стал выезжать в море, и им была найдена пятая золотая монета с датой 1844 года.

После этого две недели поисков не дали никаких результатов.

Тогда решено было окончательно свернуть работу.

Катаока сказал, что работа тут была ими выполнена столь добросовестно, что дальнейшие поиски никаких результатов не дадут.

— Тут нету золота, — сказал Катаока, — и это так же верно, как я смотрю на море. Да, это был «Черный принц», над которым мы работали, — для меня не остается сомнения. Но в каком виде был этот пароход! Он был так разломан и все части его так бессовестно изуродованы, что я вынес такое мнение: тут когда-то, видимо, поработала другая фирма. Волны и прибой не сломали бы так медные части корабля. С самого начала нас поразило отсутствие главной части кузова — середины. Где она? — мы спрашивали друг друга. И теперь мы отвечаем: она была кем-то поднята наверх. И почем знать, может быть, там и было золото... Нас упрекали в историческом невежестве. Да, оно тут имело место.

Мы не знали, что английские войска оставались тут после гибели «Черного принца» в течение восьми месяцев. Восемь месяцев английская армия находилась в Балаклаве, вплоть до падения Севастополя! Хотели бы мы знать, что делали англичане после того, как у них потонул корабль, битком набитый золотом! Может быть, они любовались морем, в котором лежало теперь пять миллионов? В таком случае, господа, вы плохо знаете англичан. Я вам откровенно скажу — и в этом не остается никаких сомнений, — это они так разломали корабль, вынимая из него бочки с золотом. Что из того, что это было в прошлом столетии и техника была на слабом уровне! Когда рядом под носом лежат пять миллионов, то техника была у них безразлично какая, но именно такая, которая позволила им обратно взять свои деньги... Да, историческое невежество имело место. Если б мы знали, что англичане восемь месяцев были рядом с погибшим кораблем, то мы не взялись бы за это дело, даже в том случае, если бы корабль находился на глубине шестидесяти сажен и больше. Мы возвращаемся на родину в таком состоянии, что нам будет совестно взглянуть в лицо ребенку. Вот что сделали с нами англичане с их рвением вернуть свои деньги.

Фирма спешно стала готовиться к отъезду. Однако некоторые формальности не были еще соблюдены. Согласно договору фирма могла закончить работы лишь с согласия ЭПРОНа.

Поэтому директор Катаока написал спешное письмо с просьбой свернуть дело по розыску золота.

И вот перед нами лежит это подлинное «историческое» письмо мистера Катаоки, адресованное начальнику ЭПРОНа.

В этом письме (от 28 октября 1927 года) Катаока пишет:

«Мое мнение сводится к следующему:

1. „Черный принц“ погиб на том самом месте, где мы производили обследование.

2. Морское дно настолько твердо, что нельзя предположить, что пароход зарыт в нем.

3. Камни упали со скал после крушения „Черного принца“. И я не могу предположить, что пароход зарылся под уже лежащими камнями.

4. После того как пароход затонул, союзная армия оставалась в течение восьми месяцев.

5. Главная часть кузова весила приблизительно тысячу восемьсот тонн, а мы нашли всего двадцать тонн. Таким образом, бóльшая часть кузова кем-то была унесена.

6. Сломанные части кузова, по-видимому, сломаны искусственным путем.

7. Ввиду изложенного я пришел к заключению, что главная часть кузова, золотые монеты и прочие ценности были взяты англичанами вскоре после крушения.

Я очень сожалею, что ваши ожидания не оправдались, а также что наши надежды не сбылись... Надеюсь, вы согласитесь с моим предложением прекратить работу и спасете меня от дискредитирования, ибо я слишком стыжусь теперь перед всем миром.

В заключение я выражаю сердечную благодарность от имени моей команды вам и вашим сотрудникам за то содействие, которое вы нам оказывали, и за поощрение нас в то время, как мы производили работы.

Остаюсь с совершенным почтением

Катаока».

На это письмо ЭПРОН дал свое согласие закончить работу.

15 ноября все работы по «Черному принцу» были прекращены.

К этому времени с Кавказа приехал молодой коммерсант Като. Лечение мало подействовало на него, и нервное состояние его было столь плачевное, что его поддерживали под локоть, когда он перед отъездом на родину прогуливался по Балаклаве.

20 ноября японская экспедиция в полном своем составе отбыла в Японию.

26. ИТОГИ

Итак, японцы уехали.

Итоги их розысков были плачевные.

Всего найдено было четыре золотые английские монеты по одному фунту стерлингов, одна золотая турецкая лира и одна серебряная французская пятифранковая монета.

Истратила же японская экспедиция около двухсот тысяч рублей золотом. Конечно, быть может, эта потеря компенсировалась какими-нибудь ценными сведениями, собранными японцами во время пребывания их в Советском Союзе. Так или иначе, все это им стоило двести тысяч рублей.

Итак, вот еще одна страна, которая чуть не четверть миллиона золотом всадила в это предприятие.

Целый ряд стран прежестоко пострадал в деле «Черного принца». За семьдесят с лишним лет истрачены были громадные деньги. Несколько частных немецких предпринимателей, один американец, один норвежец, несколько русских дельцов и изобретателей весьма поистратились, приступая к розыскам «Черного принца». Франция, как известно, затратила полмиллиона. Италия потеряла двести тысяч золотых рублей.

В общем, дело приняло какой-то катастрофический характер.

В чем же суть?

Почему такие неудачи преследовали всех, желающих получить золото «Черного принца»?

Да и было ли вообще это золото? Может быть, это была легенда, основанная на шатких и непроверенных основаниях? Может быть, легковерные люди, склонные к романтическим историям, раздули все это дело?

В этом смысле нам представляется почтенным твердое поведение нашего Наркомфина, который отказался выдать деньги на дальнейшие розыски. В самом деле: пароход уже найден и, казалось бы, золото почти под рукой.

Тут действительно была проявлена твердость воли, поскольку все же имелись кой-какие документы, удостоверяющие наличие золота на пароходе. Тут надо было пойти на некоторый риск и почувствовать азарт. Однако это было не в правилах нашего советского учреждения.

Удивительная твердость характера проявлена была также ЭПРОНом, который при большом желании мог бы, конечно, изыскать средства для работ. Тем более что момент был необычайно острый, способствующий раздуть азарт и пойти на любой риск.

В самом деле ситуация была необычна: пароход после труднейших поисков найден. Причем он лежит на незначительной глубине. Тут было много осно-

ваний для головокружения. Тем не менее руководители ЭПРОНа (вероятно, скрепя сердце) предоставили дело иностранной экспедиции.

В общем (если пойти на легкое остроумие), можно сказать, что в деле «Черного принца» ЭПРОН вышел сухим из воды.

И это было поразительно, потому что, повторяем, ситуация была слишком необычна: печать, документы, воспоминания — все говорило за то, что как будто золото на «Черном принце» имелось.

Однако давайте попробуем произвести следствие по делу «Черного принца».

Автор этой работы был в свое время следователем уголовного розыска. И вот когда эта профессия нам снова пригодилась. В общем, требуется установить: 1) был ли найденный пароход действительно «Черным принцем», и 2) было ли золото на пароходе?

Итак, вот наше мнение.

27. БЫЛ ЛИ НАЙДЕННЫЙ ПАРОХОД «ЧЕРНЫМ ПРИНЦЕМ»

1. Пароход, над которым работала японская экспедиция, почти всеми специалистами был признан «Черным принцем».

Катаока (как видно из его вышеприведенного письма) также не имел сомнения, что это был «Черный принц». Мы тоже имеем некоторую склонность думать, что это был знаменитый пароход. И мы не собираемся со всей твердостью доказывать противное, но сделать несколько предположений нужно.

Работа следователя заключается не в том, чтобы полагаться на ощущения и на чужие доказательства. Работа следователя состоит в том, чтобы тщательно проверить и продумать разрозненные факты и попробовать связать их в одно целое, подчиненное логике во всех мелочах.

2. Мы, собственно, не знаем, каковы были у специалистов и у Катаоки доказательства, удостоверяющие то, что пароход — «Черный принц».

Катаока в своем деле не был достаточно компетентен, так что его мнение можно считать неавторитетным. Больше того, даже в том случае, если бы Катаока знал, что это был не «Черный принц», он, не желая окончательно подрывать реноме своей фирмы, мог бы, пожалуй, не признаться в своей оплошности.

Что касается специалистов морского дела, то тут обстоит сложнее. Нам известно, что никаких точных данных (буквы, надписи и т. д.) не было найдено. Были показательны лишь найденные паровые котлы и труба тех же больших размеров, какие можно было предположить у «Принца».

3. Так что все доказательства (в особенности вначале) сводились лишь к этим фактам и к тому, что, кроме «Черного принца», на Балаклавском рейде не было паровых и винтовых обшитых железом кораблей.

Однако именно это рассуждение с легкостью разбивается. По старым журналам и газетам можно установить, что, кроме «Принца», в Балаклаве были еще паровые суда, обшитые железом. Во французском иллюстрированном журнале («Универсаль») от 23 декабря 1854 года сказано: «В Балаклаве англичане имели чувствительные потери. Девять великолепных транспортов, из которых несколько паровых и между ними „Принц“, разбились о скалы».

4. Во французском сборнике «Иллюстрированная история войны с Россией» сказано следующее: «Пароход „Виктория“ погиб в гавани, потерявши руль и винт после столкновения с пароходом „Эвон“».

Стало быть, вот еще два паровых судна — «Виктория» и «Эвон».

Из английского «Механического журнала» за 1854 год (том VI) можно установить, что одного устройства (и одной фирмы с «Принцем») были также железные винтовые пароходы «Мельбурн» и «Язон».[1]

А из старинной печати нам известно, что пароход «Мельбурн» действительно находился у балаклавских скал.

5. Что касается парохода «Язон», то нам известно, что это тот самый пароход, к которому пришвартовался «Принц», потерявши свои якоря.

Кроме того, в английской печати упоминается, что и среди грузовых транспортов один транспорт был обшит железом. Это был паровой транспорт «Резолютт».

Итак, стало быть, если доказательства о «Черном принце» сводились только к тому, что найденные развалины были остатками железного парохода, то эти доказательства не следует принимать в расчет, ибо у Балаклавы, как нам теперь известно, стояло по крайней мере пять железных винтовых пароходов, из которых один, «Резолютт», был гружен порохом и снарядами.

6. Но так как пароходы «Виктория» и «Эвон» погибли в гавани, то могут быть под сомнением «Мельбурн», «Язон» и два транспорта.

Судя по описаниям современников, «Мельбурн» как будто бы успел перед штормом уйти в открытое море, так что остается под сомнением пароход «Язон»(или «Эвон») и грузовой транспорт «Резолютт».

---

[1] В русских переводах документов, по-видимому, вкралась ошибка. В одном месте говорится пароход «Эвон», в другом месте о том же, видимо, пароходе сказано «Язон». Тут можно допустить ошибку, тем более что в русском севастопольском флоте был корабль под названием «Язон». — *Примеч. авт.*

Французская книга «Иллюстрированная история войны с Россией» сообщает, что «Резолютт» был удален из гавани, ввиду того что ожидалось наступление русских войск и было чрезвычайно рискованно держать склад пороха в самой Балаклаве.

7. А из истории Крымской войны известно, что в конце октября действительно ожидалось наступление русских войск на Балаклаву. И даже известен такой нижеследующий любопытный факт. Английским патрулем была задержана гречанка, которая пыталась пройти в Балаклаву. На допросе она сказала, что она направляется из Севастополя к своим родным, проживающим в Балаклаве. Однако ее поведение показалось подозрительным, и при обыске в ее туфле нашли записку, которая призывала балаклавских жителей поджечь город в момент наступления русских войск.

А так как пожар в Балаклаве в первую очередь создал бы угрозу транспорту, нагруженному порохом и снарядами, то совершенно естественно, что «Резолютт» был удален из гавани и поставлен на рейд.

Теперь становится понятным поведение капитана «Резолютта», которого (как мы уже знаем) начальник порта посадил под арест за слишком настойчивое домогательство снова войти в гавань. Совершенно очевидно, что этому капитану была неизвестна вся ситуация с наступлением и с предполагаемым поджогом Балаклавы. И весьма понятно, что он недоумевал, на каком основании его убрали из гавани и поставили на рейд вблизи скал, что, по его мнению, составляло громадную угрозу для его взрывчатых припасов.

Начавшиеся штормы заставили его со всей резкостью домогаться более спокойного места, где нет угрозы удариться о скалы. Однако начальство видело еще большую угрозу в том, что «Резолютт» будет стоять вблизи горящих зданий. Вместе с тем военная обстановка не позволяла, видимо, огласить столь важный военный секрет, как наступление русских. Вот, видимо, почему произошла бурная сцена столкновения капитана «Резолютта» с начальником порта.

Эта сцена, как известно, закончилась арестом капитана, что, без сомнения, сохранило ему жизнь.

9. Сейчас, конечно, трудно сказать что-либо утвердительное, но можно допустить, что найденный пароход, который был признан «Черным принцем», на самом деле был транспортом «Резолютт».

Конечно, это предположение остается в плане догадки, а не утверждения. Но эта догадка усиливается, если вспомнить, что японцы удивлялись тому, что все металлические части парохода были в исковерканном виде. Директор Катаока даже в этом увидел чью-то руку, которая искусственно ломала металл.

Однако теперь можно допустить, что такая исковерканность частей была результатом взрыва, который, без всякого сомнения, произошел на пароходе в момент его гибели от ударов о скалы.

10. То, что взрыв был, — это подтверждается находками. Были найдены, например, шрапнельные стаканы, то есть уже взорванные снаряды.

Правда, несколько снарядов нашли в целом виде. И это может ввести в заблуждение. Поскольку трудно ожидать, что что-нибудь из снарядов могло не взорваться, если произошел взрыв на пароходе, груженном артиллерийскими припасами. Тем не менее такой случай мог произойти, если предположить, что взрыв последовал, когда пароход частично уже был затоплен. Вот именно при этом обстоятельстве полной детонации могло не быть, так как часть снарядов уже находилась под водой.

11. Так или иначе, развалины найденного парохода могли быть остатками взорвавшегося транспорта «Резолютт».

Я снова повторяю: я делаю предположение, а не утверждаю против мнения, установленного специалистами.

Если же найденный пароход все же не «Резолютт», а «Черный принц», то тогда многое становится непонятным. Во-первых, непонятно, куда же делись орудия, которыми был вооружен военный пароход. Ведь орудиям, по своей тяжести, более всего надлежало находиться в том месте, где они затонули. Тем не менее никаких орудий найдено не было. Во-вторых, непонятно, куда подевалась средняя часть кузова, если не было значительного взрыва.

12. Конечно, можно допустить, что над этим пароходом поработали уже итальянцы (или французы), но тогда это обстоятельство еще с большей силой говорит за то, что это не «Черный принц», так как итальянцы утверждали, что они нашли своего «Черного принца» у Белых камней, на глубине 30 сажен. А французы признавались, что ими «Черный принц» не был найден. Остается в таком случае смелое предположение мистера Катаоки, который всю работу свалил на англичан. Тут мы не беремся сказать что-либо путное, так как эта работа была возможна лишь во время Крымской войны, то есть в то время, когда подводная работа была на слишком низком уровне.

13. Но если тем не менее англичане и с такой низкой техникой достали в то время свое золото, то это им делает высокую честь, и, стало быть, они вполне заслужили то, что достали. Но тогда странно, что они с таким надменным равнодушием и спокойствием взирали на работу, которая происходила впустую. Впрочем, за давностью лет это дело могло быть позабыто ими.

14. Итак, на вопрос: был ли найденный пароход «Черным принцем», мы можем ответить лишь гадательно. Мы можем предположить такую пропор-

цию: тридцать пять процентов (из уважения к авторитетным мнениям) за то, что это был действительно «Черный принц», пятьдесят процентов за то, что это был «Резолютт», и пятнадцать за то, что это был какой-нибудь иной пароход, над которым поработали итальянцы.

28. БЫЛО ЛИ ЗОЛОТО НА «ЧЕРНОМ ПРИНЦЕ»

1. Теперь подойдем ко второму вопросу: имелось ли вообще золото на погибшем «Черном принце».

Этот вопрос также следует проверить со всей тщательностью. Впрочем, вопрос решается более коротко, чем первый.

Со всей очевидностью можно сказать, что, даже если на «Черном принце» имелось золото, оно не было найдено за все эти семьдесят лет. Иначе об этом раззвонили бы на весь мир. Скрывать не было причин. Можно лишь, пожалуй, допустить одно обстоятельство, которое осталось неизвестным миру, — это если англичане достали золото тотчас после катастрофы.

2. Однако оставим это обстоятельство пока в стороне и попробуем решить основной вопрос: был ли золотой груз на «Черном принце»?

За то, что золото было, говорит, во-первых, вся печать, которая затрагивала вопрос о «Черном принце». Однако следует немедленно отметить, что о золоте говорит печать, более близкая нашему времени.

Более ранняя печать о золоте не упоминает.

В старинной печати мы всюду читаем, что «Принц» вез ценный груз, но то, что было золото, не указывается.

А уж казалось, что русские газеты того времени должны бы разгласить о такой потере врагов. Тем не менее нам не удалось отыскать сообщений о гибели золота.

3. Например, «С.-Петербургские ведомости» за 1854 год сообщают: «Погибло тридцать два английских судна и винтовой пароход „Принц“ со всей зимней одеждой для армии и различным грузом в триста тысяч долларов, со всем экипажем».

Известный военный историк того времени Аничков также не сообщает о гибели золота. Он пишет: «У Балаклавы погиб „Принц“, только что прибывший с зимней одеждой и грузом на триста семьдесят пять тысяч рублей серебром» («Военно-исторические очерки»).

«Морской сборник» за 1854 год сообщает, что «пароход „Принц“ погиб со всем экипажем, с зимней одеждой и с грузом в пятьсот тысяч франков».

4. Английская печать того времени, перечисляя, что именно погибло, тоже ничего не говорит о золоте.

Зато печать более поздняя полна сообщениями о золоте.

В английской книге «Крымская война» 1877 года указано, что «Принц» вез пятьсот тысяч фунтов стерлингов и теплую одежду.

В дальнейшем же каждое сообщение о «Принце» связано с погибшим золотом. Однако нам более ценны указания старой печати. И поэтому, ознакомившись и с теми и с другими источниками, мы склоняемся к мнению, что на «Черном принце» золота (во всяком случае большой суммы) не было.

Однако давайте попробуем разобраться в этом деле без ссылки на документы.

5. Уже поверхностный взгляд говорит за то, что вряд ли золото (в такой сумме) было на пароходе. В самом деле. Предположим, что в Балаклаву прибыло пять миллионов рублей для уплаты жалованья армии. Пароход теряет якорь. Находится во время первого шторма (10 ноября) в явно рискованном положении. Тем не менее начальник порта не желает принять в гавань прибывший пароход. Вместо этого начальник порта посылает «Принцу» один якорь.

Обстоятельство чрезвычайно абсурдное в том случае, если на «Принце» было золото. Все поведение капитана порта говорит за то, что на «Принце» золота не было, в противном случае желанный корабль был бы бережно поставлен в гавань и его не стали бы подвергать опасности стоять на одном якоре.

6. Тут даже не помогает делу, если отказ принять «Принца» рассматривать как боязнь, что пароход попадет в руки русских в случае их наступления. Этот случай нельзя допустить, так как это судно было винтовое и, находясь под парами, оно всегда могло убраться вовремя.

Так что все говорит за то, что «Принц» не был принят в гавань, так как его прибытие не считалось чем-то экстраординарным.

И это есть второе (после печати) доказательство того, что большого золотого груза на «Принце» не было.

Однако против того, что было золото, говорит еще одно немаловажное обстоятельство, основанное на архивных документах.

7. В английском парламенте в 1854 году на запрос по поводу гибели «Принца» некто сэр Грахем сказал, что действительно имеется известие о потере парохода «Принц». Однако, перечисляя потери, докладчик ничего о золоте не упомянул. В следующем же году в отчете английского парламента (присланном в Крым для комиссии, ведшей следствие) значится следующее показание Джона Вильяма Смита: «Я должен установить, что накладная на

шестьдесят тысяч соверенов пришла для комиссариата с этим судном. И хотя я не имел специального приказания в отношении распоряжения этими деньгами, тем не менее я взял на себя ответственность выгрузить их утром в воскресенье в Константинополе и таким образом спас их».

Это немаловажное показание говорит о том, что спасено было около полумиллиона рублей золотом. Однако это, конечно, еще не означает, что, кроме этих денег, на «Принце» не могло быть других сумм. Быть может, тут речь шла о спасении части золотого груза.

8. В общем, эти три факта, связанные вместе, дают, по-видимому, правильную картину того, что было. Очень вероятно, что на «Черном принце» было золото именно в том количестве, какое было снято в Константинополе. То есть, другими словами, «Принц», выгрузив полмиллиона рублей в Константинополе, пришел в Балаклаву без золотого груза.

И к этим трем фактам можно добавить четвертый факт.

За все эти годы англичане не проявили активного интереса к своему золоту, лежащему на дне моря.

Больше того, почти все страны в той или иной степени приступали к работам, либо высказывали желание отыскать затонувшее сокровище. Англия же осталась равнодушной к своим деньгам.

9. И это есть четвертое доказательство того, что золота на затонувшем «Черном принце», по-видимому, не было. Или же имелись слишком большие сомнения для того, чтобы рисковать.

Итак, проверив все, мы склоняемся к мысли, что золота на затонувшем пароходе не имелось.

Конечно, наше предположение гадательно. И мы бы предложили такую пропорцию: девяносто пять процентов за то, что золота не было, четыре процента за то, что англичане достали золото вскоре после гибели парохода, один процент за то, что золото осталось в море.

29. ФИНАЛ

Итак, наш исторический очерк, наше маленькое исследование о «Черном принце» подходит к концу.

По всей вероятности, мы не ошибемся, если эту историю о золоте назовем легендой.

И если это так, то вот прекрасный случай, когда можно увидеть, как именно возникают легенды и как они иной раз заканчиваются.

Впрочем, конца еще нет. Еще могут быть самые большие неожиданности. Например, спустя три года после всех неудач, после того как японская экспе-

диция ни с чем уехала, снова в наше полпредство в Италии поступило предложение относительно «Черного принца».

Некий итальянский капитан Р. А. Бозано выразил желание заняться поисками погибшего золота. В своем заявлении (в 1929 году) он пишет: «Считаю нужным известить вас, что по этому делу я уже вошел в соглашение с английским адмиралтейством, которое недавно сообщило мне все необходимые данные».

На это заявление руководители ЭПРОНа ответили нашему полпредству в Риме, что итальянцы могут быть допущены к работам, но только в том случае, если у них имеются точные доказательства о золоте «Черного принца».

После этого ответа капитан, видимо, решил поисками золота не заниматься, так как новых заявлений от него не последовало. И тем самым он сохранил свои кое-какие капиталы, которые чуть было не попали в общий мировой котел расходов по розыску «Черного принца». А общая сумма этого расхода столь велика, что она (как сказал Катаока) уже значительно превысила то, что хотели найти.

Человечество привыкло платить большие деньги и нести большие потери за свою склонность к идеалистическим мечтаниям.

И мы полагаем, что история с «Черным принцем» еще не отрезвила романтических голов.

Поэтому тем более интересно видеть, как на сказке и легенде возникло мощное и славное учреждение, которое шаг за шагом отбрасывало то, что относится к фантазиям и к выдумке. На общем романтическом фоне, на фоне риска, азарта и игры (то, что характерно для буржуазного строя) велась та реалистическая и ясная линия, которая привела к победе. И на фоне золотой лихорадки это было поразительно видеть.

Так или иначе, у всех желающих найти легендарное золото были тяжкие поражения и большие потери.

Что же касается Экспедиции подводных работ особого назначения, то, вопреки всему, поражения не последовало. И хотя золото «Черного принца» и не было найдено, зато было найдено то, что давно превысило огромные суммы, каковые желали найти искатели морского клада.

За четырнадцать лет работ ЭПРОНом были подняты со дна моря двести пятьдесят судов, из которых больше половины восстановлены и бороздят воды морей и океанов.

Помимо судов, ЭПРОН дал нашей промышленности сто сорок тысяч тонн металла, поднятого с морского дна.

И в свете этих дел меркнет сияние легендарного золота «Черного принца».

ХИТРЫЕ И УМНЫЕ
(1940)

ДЕТИЗДАТ ЦК ВЛКСМ

Мих. Зощенко

ХИТРЫЕ и УМНЫЕ

рисунки Н. Радлова

1 Вот какие бывают мышки

2 Попалась, которая кусалась

3 Ученая обезьянка

4 Умная белка

5 Еще одна умная белка

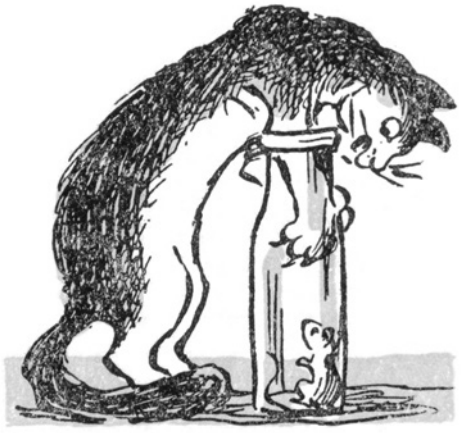
6 Интересно придумала

7 Пора вставать!

8 В гостях у клоуна

Центральный Комитет
Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1940 Ленинград

Вот какие бывают мышки



— Нет, не вылезу, мне и тут хорошо.

Кошка говорит:

— А вот я тебя сейчас лапкой достану.

Просунула кошка свою лапку в бутылку, но достать мышку не могла.

Тогда кошка думает: «Пойду принесу какой-нибудь крючок и достану мышку». Мышка говорит кошке:

— Уходи, уходи скорей, а то я тебя сейчас сама съем.

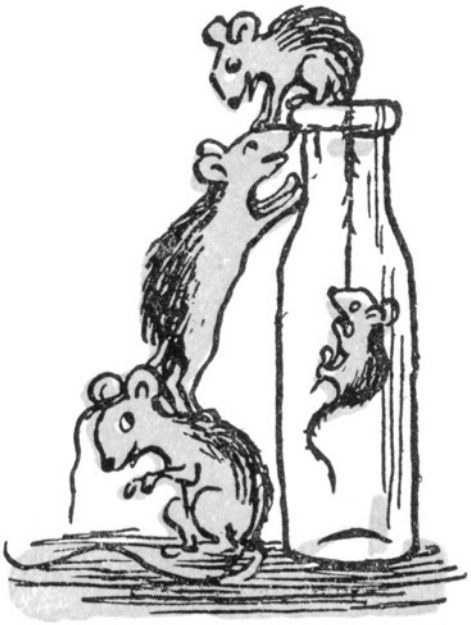
Погналась кошка за маленькой мышкой. А маленькая мышка, не будь дура, решила спрятаться в бутылку.

Кошка хотела тоже как-нибудь в бутылку войти, чтобы догнать мышку. Но не могла туда пролезть. Потому что мышка маленькая. А кошка — вон какая!

Кошка говорит мышке:

— А ну-ка, мышка, вылезай из бутылки — я тебя сейчас съем.

Мышка говорит:



Вот кошка ушла. Вдруг приходят другие, большие мышки, ее родные старшие сестрички. Мышки-сестрички говорят:

— Ну как, не съела тебя кошка?

Мышка говорит:

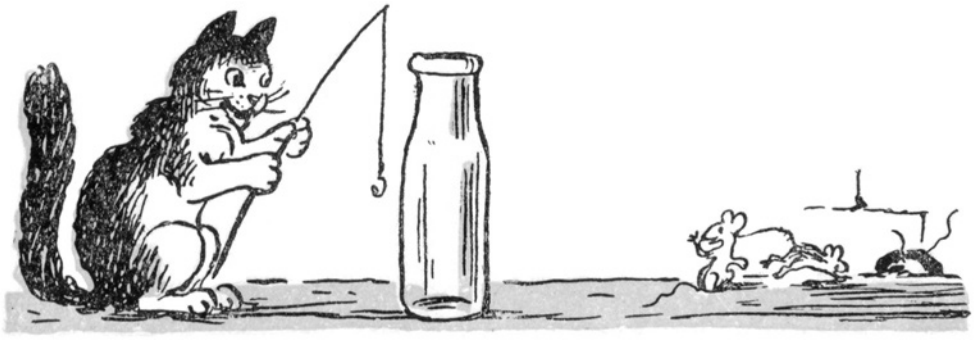
— Нет, я сама ее чуть не съела.

Вот одна старшая мышка села на бутылку и просунула туда свой длинный хвостик. А маленькая мышка, не будь дура, и ухватилась за этот хвостик. И мышки стали ее тащить.

Вот мышки-сестрички вытащили маленькую мышку из бутылки и побежали в свою норку. Мышка говорит:

— Мышки-сестрички, бежимте скорей, а то кошка опять идет.

Вдруг приходит кошка. И приносит с собой палку. На палке — веревка. На веревке — крючок. Хотела кошка достать мышку этим крючочком. Подошла к бутылке. А мышки уж нет. Кошка удивилась и думает: «Вот какие бывают хитрые мышки!»

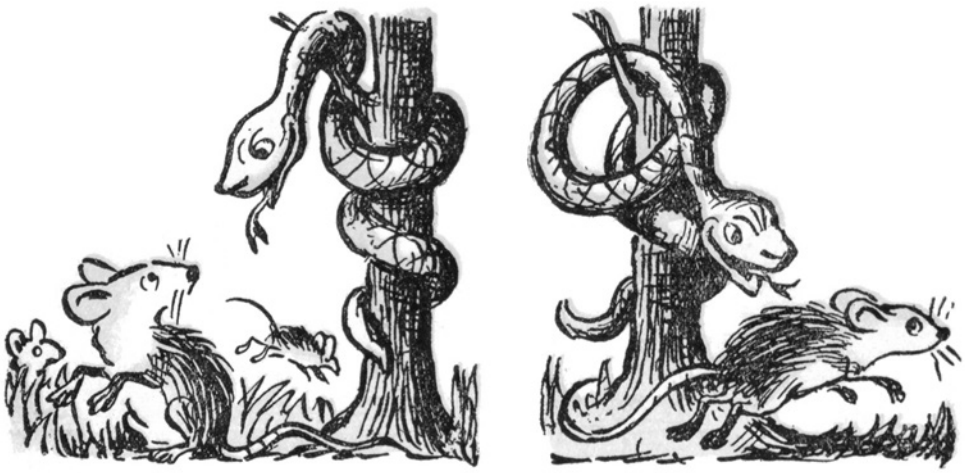


Попалась, которая кусалась

Одна полевая мышка пошла прогуляться со своими ребятками. У нее трое детишек. Самую маленькую она держит за лапку. Другая мышка, побольше, цветы собирает. А третья, средняя, мышка обруч катит.

Вот гуляют эти мышки, дышат хорошим воздухом, поправляются. И вдруг видят: на дереве висит огромная змея. И такая страшная змея, что ужас. Глаза у нее горят и пасть раскрыта. Ах, сейчас она, наверно, кого-нибудь проглотит.

Маленьких мышек змея не захотела проглотить. Потому что это мелочь, а змея большая, и ей надо что-нибудь побольше скушать. И вот она на маму нацелилась. Она маму захотела слопать. Ах, милая мама, торопись! Беги поскорей от змеи!



Но мама не очень испугалась. Детишки ее действительно струсили и удрали. А мама очень уж не любила змею и хотела ей подстроить какую-нибудь гадость. И стала бегать вокруг дерева. Змея за мамой, а мама убегает. И тут змея сослепу просунула голову не туда, куда надо.

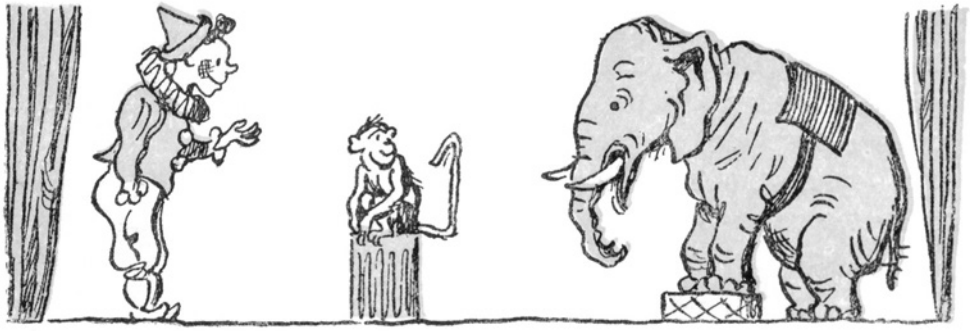
Вот змея просунула свою голову не в то отверстие и завязалась узлом. А тут мама нарочно ближе подбежала. Змея дернулась, чтобы маму поймать, и, конечно, узел завязался еще крепче. И до того змея завязалась и запуталась, что прямо ничего поделать не может.

Тут мама увидела, что змея теперь неопасна, и крикнула детишек. Прибежали дети. И вот они все вчетвером без особого страха прошли мимо змеи, около самого ее носа. И маленькая мышка имела смелость крикнуть змее:

— Попалась, которая кусалась!

Ученая обезьянка

У одного клоуна была очень умная обезьянка. Она была очень развитая и хорошо соображала. И клоун научил ее считать. И мало того что она считала, — она еще своим хвостиком умела изображать нужную цифру.



Клоун говорит обезьяне:

— А ну-ка, маленький Жако, скажи мне, сколько тут видишь слонов.

И наша маленькая обезьянка, поглядев на одного слона, сгибает свой хвост так, что он делается похожим на единицу.

Потом клоун говорит:

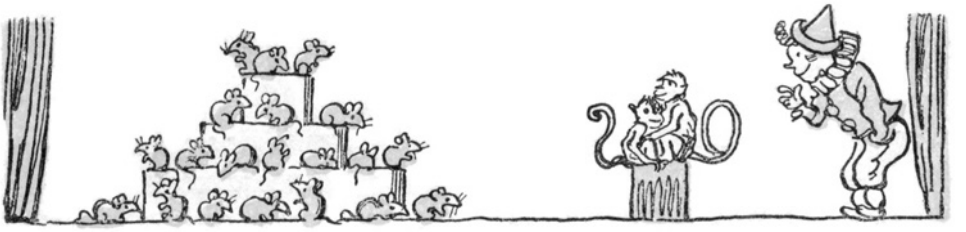
— Теперь ты видишь перед собой четырех маленьких цыплят, петуха и страуса. Подсчитай в своем уме, сколько тут их всего.

И каждый ребенок, взглянув на хвостик, может сразу понять, сколько тут птиц.

Потом клоун говорит:

— Ну-ка, Жако, сосчитай, сколько тут видишь птиц и зверей.

И наша умненькая обезьянка показывает своим хвостиком то, что надо.



— А сколько тут мышей? — спрашивает клоун.

А мышей тут было так много, что наша обезьянка даже призадумалась. Потом сосчитала и видит, что ее хвостик что-то не сгибается для такой большой цифры. И тогда она зовет другую обезьянку.

Ах, кажется, они не соврали! Подсчитайте-ка, ребята!

Наконец клоун говорит:

— Сосчитай, сколько в этой корзине яблок. Если правильно сосчитаешь, получишь в подарок все яблоки.

А в корзине было двадцать яблок. И наша обезьянка хотела позвать другую обезьянку, для того чтобы им вдвоем изобразить цифру двадцать. Но потом она, чтоб не делиться яблоками с другой обезьянкой, сама ухитрилась изобразить то, что нужно. И за это получила все яблоки. И если она теперь не объелась, то это прямо удивительно.

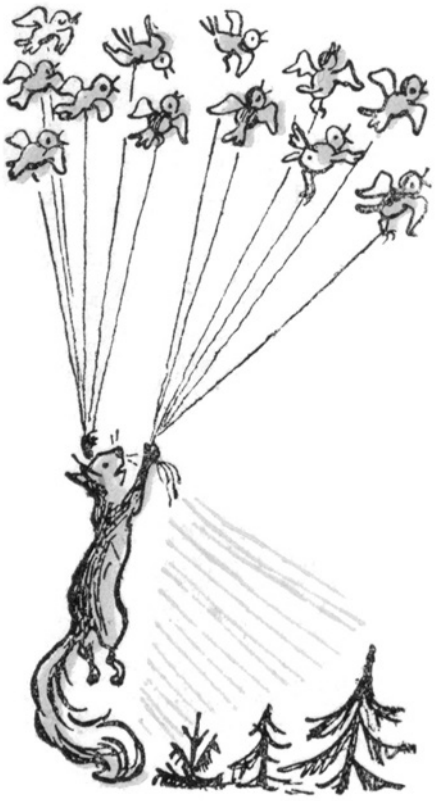
Умная белка

Одна белка захотела летать по воздуху. «Целый день, — думает, — прыгаю с ветки на ветку как ненормальная, а летать не могу. Что за безобразие!» Сидит белка на дереве и горюет. Летит птичка и спрашивает белку:

— Что ты сегодня какая странная — сидишь и не прыгаешь?

Белка говорит:

— Какой интерес мне прыгать? Птицы летают, люди летают, жуки летают, разные мошки, мушки и комарики тоже летают. Летучие муравьи, рыбы, мыши и те летают. И только я летать не могу. А мне охота немножко полетать. А то живу, как в лесу, и ничего интересного не вижу.



Птичка говорит:

— Я бы тебя взяла с собой полетать, но ты тяжелая. Тебя только двенадцать птичек могут на воздух поднять.

Белка говорит:

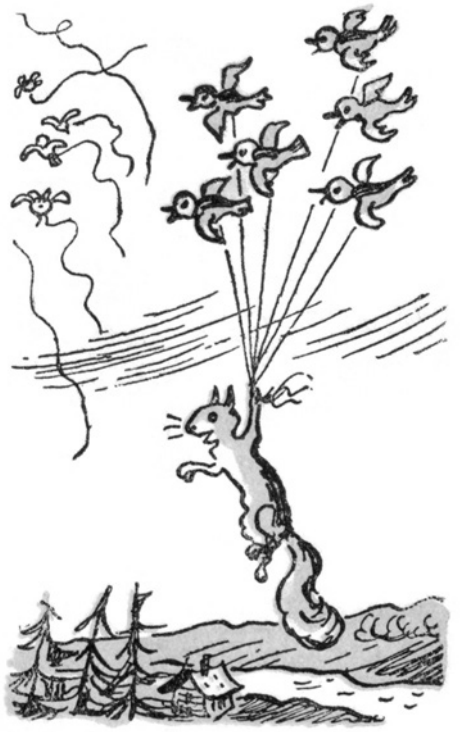
— Тогда позови мне двенадцать птичек, пусть они меня по воздуху покатают, а то я от скуки с ума сойду.

Птичка почирикала — чирик-чирик, и тотчас прилетели еще одиннадцать птичек.

Белка нашла двенадцать веревочек и каждую птичку привязала за ножку. Потом взяла в одну лапку шесть веревочек с птичками и в другую лапку тоже шесть веревочек с птичками.

Птички взмахнули крылышками и полетели.

Вот летят птички, а под ними белка летит — держится за веревки и дрожит от страха. Кричит птичкам:



А остальные шесть птичек, которых белка держала за веревки, почувствовали, что им тяжело, и стали понемножку спускаться вниз.

И тогда наша догадливая белка выпустила из лапки еще две веревки. И тогда еще две птички улетели.

И на четырех птичках наша белка довольно плавно спустилась на землю.

И там она тотчас взобралась на дерево.

И стала на дереве прыгать и веселиться.

— Птички-сестрички, хватит! Спускайте меня вниз. У меня головокружение.

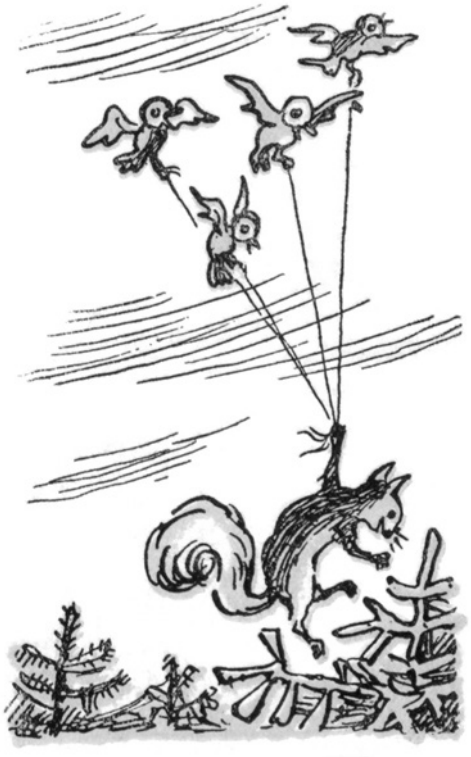
Птички говорят:

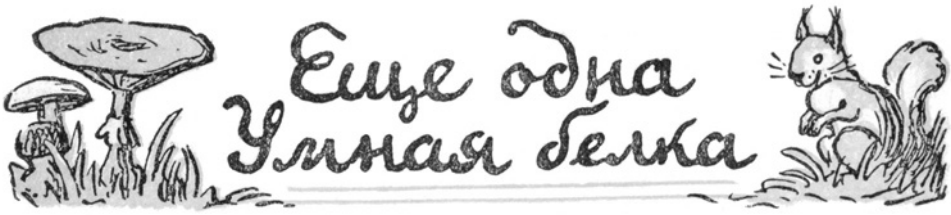
— Ну нет. Раз ты летать захотела, так мы тебя под самые облака поднимем и там целый день крутить будем, пока ты не захвораешь. Тем более что ты из наших гнездышек яички воруешь. Вот будешь знать, как воровать.

Птички взмахнули крылышками и поднялись еще выше.

А белка под ними висит и от страха «мама» сказать не может.

И от страха наша белка выпустила из одной лапки шесть веревочек с птичками. И эти птички улетели в сторону.





А другая белка, по имени Белочка-тарелочка, прыгая с ветки на ветку, увидела под деревом гриб.

«Не понимаю, — подумала Белочка, — почему наши лесные зверьки не хотят использовать этот гриб так, как надо».

— Во-первых, — сказала Белочка, — гриб может служить хорошим столом. Лучше я буду за этим столом кушать, чем на ветке. С ветки я и упасть могу, и кушанье могу уронить. А тут вон как удобно.

— Во-вторых, — сказала белка, — очень неудобно, когда дождь идет, — я мокну и простужаюсь. Я постоянно кашляю и чихаю. А если я возьму большой гриб на тонкой ножке, то он вполне заменит зонтик.

— Наконец, — сказала белка, — я могу прыгать с дерева с этим грибом. Он будет мой парашют.

И белка, взобравшись на высокое дерево, прыгнула вниз, держа в своей лапке гриб. И была очень рада и довольна, что так здорово придумала.

Вон как приятно во время дождя.

— В-третьих, — сказала Белочка, — гриб поможет мне еще в одном деле. Когда солнце очень сильно греет — я это не люблю, потому что я в шубе. Я хочу сидеть в прохладе. И пусть мне гриб будет вместо тенистой беседки.

интересно придумала

Одна собака, по имени Лёшка, увидела на комоде колбасу. А дома никого не было.

Наша собачища расхрабрилась и решила эту колбасу стянуть.

И до того она захотела полакомиться этой колбаской, что даже глазки у нее загорелись и слюнки потекли.

Вот видит собака колбасу, а достать ее не может, потому что комод высокий, а она сама маленькая, чуть побольше кошки.

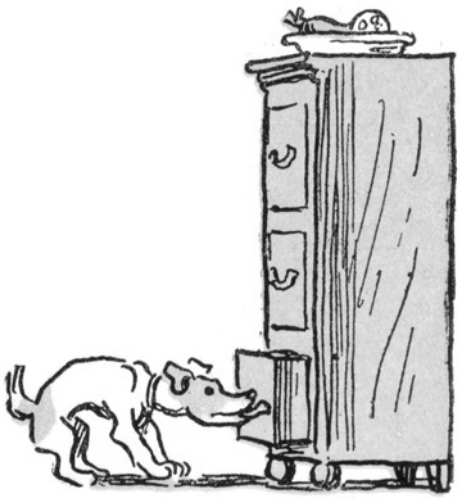
Маленькая-то она маленькая, но довольно хитрая. Она немножко подумала, как профессор, и вот что придумала.

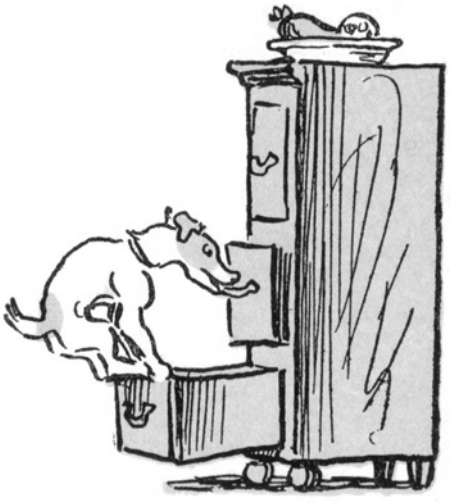
Сначала зубами выдвинула нижний ящик комода.

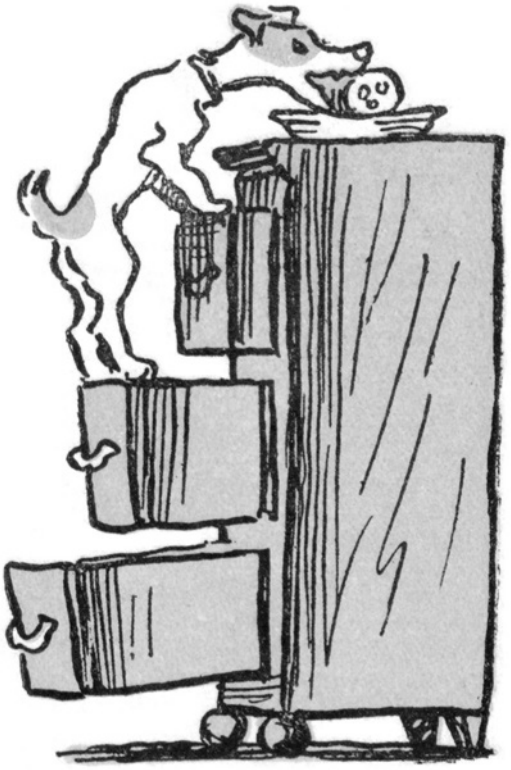
Затем взобралась на этот ящик и немного выдвинула второй ящик.

Взобравшись на второй ящик, она совсем немного выдвинула и третий ящик.

И тогда получилось что-то вроде лестницы.



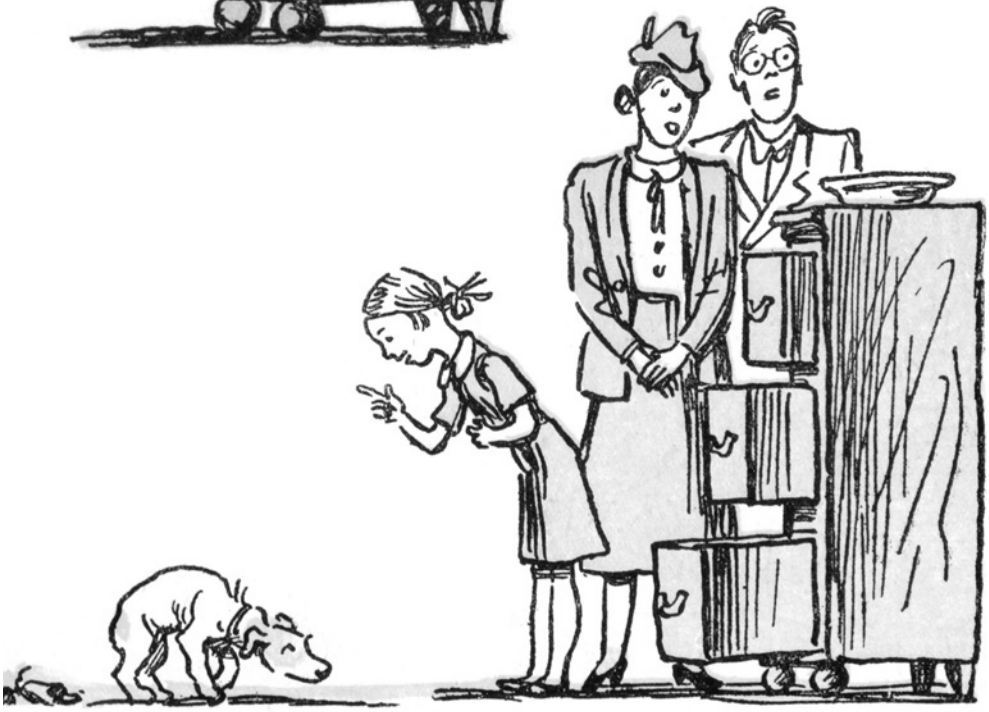




И наша собачонка спокойно и без тревог поднялась по этой лестнице, достала колбасу и слопала ее без остатка.

Потом пришли хозяева. Они рассердились, что исчезла колбаса, и хотели побить собаку. Но когда узнали, каким образом собака достала колбасу, они не стали ее бить. Только засмеялись и сказали:

— Ох, до чего умная у нас собака! Даже нам не жалко, что она колбасу съела.



Пора вставать!

Один мальчик, по имени Павлик, поступил в этом году в школу. И он очень боялся опоздать на уроки. А в доме у них будильника не было.

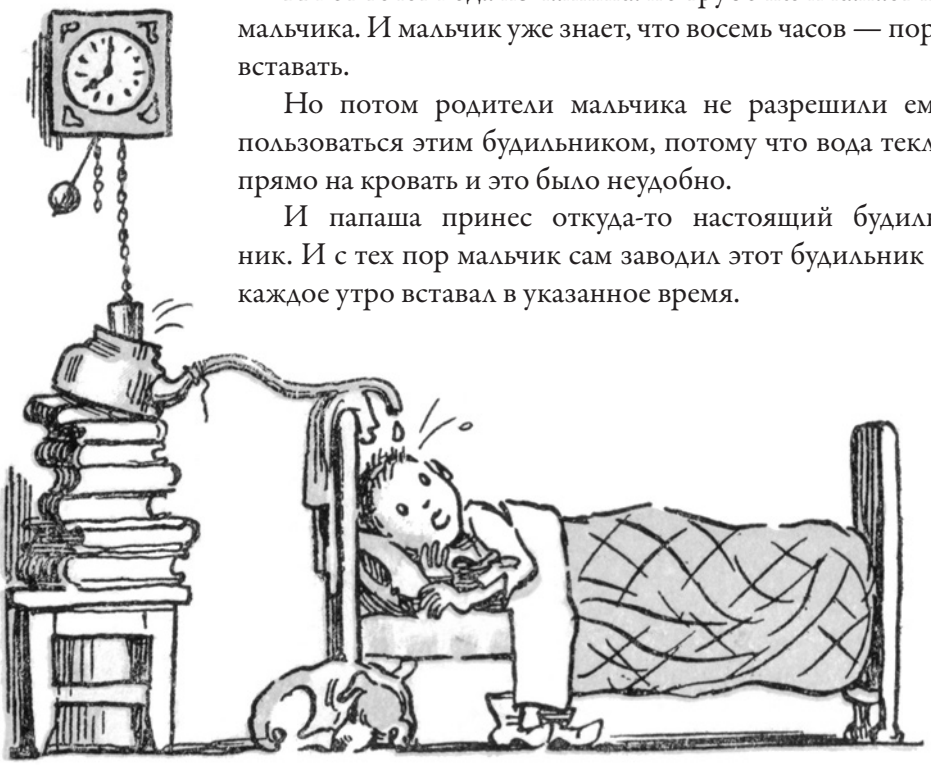
Только были стенные часы-ходики.

Тогда мальчик решил сделать себе будильник.

Он заметил, что, когда он встает утром, гиря от часов доходит почти до табуретки.

Тогда он поставил на табуретку чайник с водой. Утром гиря опустилась в воду и по закону физики вытеснила воду из чайника.

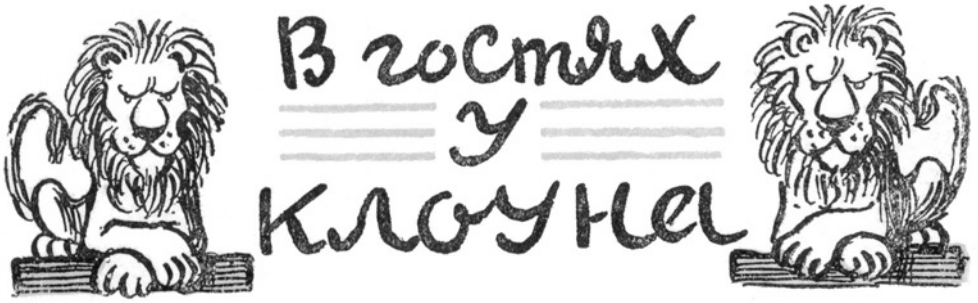
Но из чайника вода потекла не на пол, а она потекла по резиновой трубочке, которую мальчик приделал к чайнику.



И вот течет вода из чайника по трубочке и капает на мальчика. И мальчик уже знает, что восемь часов — пора вставать.

Но потом родители мальчика не разрешили ему пользоваться этим будильником, потому что вода текла прямо на кровать и это было неудобно.

И папаша принес откуда-то настоящий будильник. И с тех пор мальчик сам заводил этот будильник и каждое утро вставал в указанное время.



Один клоун жил за городом. У него была там дача с большим забором.

И все люди проходили мимо и ничего особенного не видели.

Однажды клоун позвал меня к себе в гости.

Он сказал:

— Зайдите ко мне в гости, и вы увидите много интересного. У меня имеются дрессированные животные. Все они исполняют по дому какую-нибудь работу и без дела не сидят.

И вот я пошел в гости к этому клоуну.

Открываю калитку, вхожу в сад и вижу поразительную картину.

Слон цветы поливает. Медведь с подносом идет и несет хозяину лимонад. Пила-рыба пилит дрова. Обезьянка на крыше трубу чистит. Дятел носом приколачивает доску, которая отвалилась. А у крыльца на лестнице лежат два огромных льва и хвостами машут.

Хозяин говорит:

— Идите смело. Не бойтесь. Все звери у меня дрессированные — они вас не тронут.

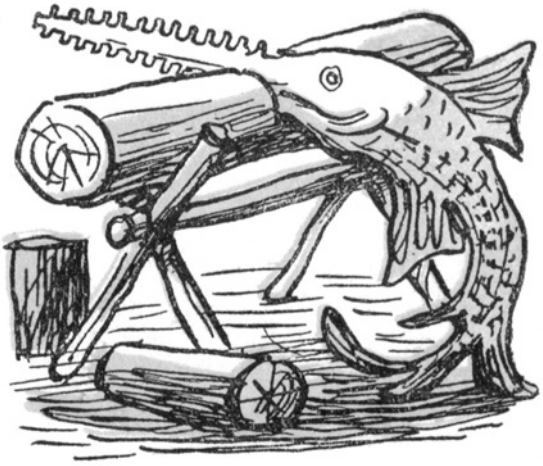
И я сел с хозяином за столик, и медведь принес на подносе какао.

Хозяин спросил:

— Ну как, нравится у меня?

Я говорю:

— Очень нравится. Особенно красиво, что у вас в пруде фонтан устроен.



Клоун говорит:

— Нет, это у меня там кит плавает и шалит с водой.

Я выпил какао и стал прощаться с хозяином.

Хозяин говорит:

— Как-нибудь в другой раз еще зайдите, я покажу вам, что у меня внутри дома делается. Там у меня зайцы посуду моют. Белки сапоги чистят. Крабы орехи колют. Кошки двери открывают. Собаки в креслах сидят. Лисицы в кроватях спят. Так что мне и деваться некуда — сижу целый день в саду и лимонад пью.

Я попрощался с клоуном и пошел к выходу.

Было уже темно. Жираф с фонарем освещал мне дорогу. Гусь клюнул меня в ногу, когда я нечаянно на грядку наступил. Медведь открыл калитку.

И я вышел на улицу и пошел домой.

— разрешите мне доесть колбасу!"

СОДЕРЖАНИЕ

О себе 5
Картонный домик, 1923 9
I. Рассказы 10
ЛЮБОВЬ 10
ЛЯЛЬКА ПЯТЬДЕСЯТ 18
РЫБЬЯ САМКА. *Рассказ отца дьякона Василия* 23
ПОСЛЕДНИЙ БАРИН 28
КОЗА 36
АПОЛЛОН И ТАМАРА 53
II. Рассказы Назара Ильича господина Синебрюхова 71
ПРЕДИСЛОВИЕ 71
ВЕЛИКОСВЕТСКАЯ ИСТОРИЯ 72
ВИКТОРИЯ КАЗИМИРОВНА 80
ЧЕРТОВИНКА 88
ГИБЛОЕ МЕСТО 95
Десять рассказов, 1926 101
БЫВАЕТ 102
РЕЖИМ ЭКОНОМИИ 103
ПРИСКОРБНЫЙ СЛУЧАЙ 104
КИНОДРАМА 106
НА ПОСТУ 107
КУЗНИЦА ЗДОРОВЬЯ 109
БЕШЕНСТВО 110
РАЧИС 111
СИЛЬНОЕ СРЕДСТВО 112
МОНАСТЫРЬ 113
Мелочи жизни, 1927 117
МЕЛКОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ 118
ИГРА ПРИРОДЫ 119
ГРОБ. *Из повестей Белкина* 120
ДУШЕВНАЯ ПРОСТОТА 122
КАТОРГА 123
ЗАЛЕЧИЛСЯ 125
ГРИМАСА НЭПА 126
АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ВОСТОРГ 128
КОЛПАК 129
РУБАШКА-ФАНТАЗИ 130
Социальная грусть, 1927 133
СОЦИАЛЬНАЯ ГРУСТЬ 134

ДВА КОЧЕГАРА 135
НАСЧЕТ ЭТИКИ 137
КУЗНЕЦА ОБИДЕЛИ 139
БОЖЕСТВЕННОЕ 140
ТАРАКАНЫ 141
О ВРЕДЕ ГРАМОТНОСТИ 142
ЮРИСТ ИЗ ПРОВИНЦИИ 143
ГИБЕЛЬ СТРОИТЕЛЕЙ 144
ОПАСНАЯ ПЬЕСКА 145
ВРЕДНЫЕ МЫСЛИ 146
ДЫМ ОТЕЧЕСТВА 147
НОВОЕ В ИСКУССТВЕ 148
ДАМСКИЕ ШТУЧКИ 149
ЧЕРТ ЗНАЕТ ЧТО ТАКОЕ 150
Веселые проекты. *Тридцать счастливых идей,* **1928** 159
ПРЕДИСЛОВИЕ 161
КАРНИЗОМОБИЛЬ 162
ВОЗДУШНАЯ УБОРНАЯ 162
ВЕШАЛКА «ПРИМА» 163
ТРУБОСТРОЙ 164
ЯДРО-КОТТЕДЖ 164
ВНИМАНИЮ БОЛЬНЫХ 165
ПОЕЗД «МАКСИМ МАКСИМЫЧ» 166
НАСОС «ДЬЯБОЛО» 166
ПЛАЩ «СОБАЧЬЕ ГОРЕ» 167
АППАРАТ «СУКИН СЫН» 168
ПОСИЛЬНАЯ ПОМОЩЬ 168
ПЕРПЕТУУМ ГОГОЛЕ 169
ДОЖДЕВАЛЬЩИК 170
ГОЛУБИНИЗАЦИЯ УЧРЕЖДЕНИЙ 170
МИРОВАЯ ГАЛОША 171
УНИФОРМА 172
АНТИТРАМВАЙНЫЙ АППАРАТ «КОРЗИНО-КРЮК» 172
НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ 173
МАШИНИЗАЦИЯ ХЛЕБОПЕЧЕНИЯ 174
КОНТР-ПРОЕКТ 174
РУССКО-ФРАНЦУЗСКИЙ ЗАМОК 175
ТЕПЛОФИКАЦИЯ 175
РОССИЙСКАЯ ТЕЛЕГА ИЛИ ТАНК? 176
ОХРАНА ПАМЯТНИКОВ СТАРИНЫ 176

МАШИНИЗАЦИЯ ДОМАШНЕГО БЫТА 177
БЕЗОПАСНЫЙ ДЕНЕЖНЫЙ ШКАФ 178
I. ДАЧА НА ДОМУ 178
II. ДАЧА НА ДОМУ 179
ПОХОДНЫЙ КРЕМАТОРИЙ 180
Лишние люди, 1930 181
ПЕЧКА 182
МЕДИЦИНСКИЙ СЛУЧАЙ 184
ШАПКА 187
ПУСТОЕ ДЕЛО 189
КЛАД 192
ХАМСТВО 194
ИНОСТРАНЦЫ 197
ХОРОШИЙ ЗНАКОМЫЙ 199
ЗАБАВНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ 203
ЗУБНОЕ ДЕЛО 204
НАУЧНОЕ ЯВЛЕНИЕ 207
СЕМЕЙНЫЙ КУПОРОС 209
РОСТОВ 210
НЕПРИЯТНАЯ ИСТОРИЯ 212
СЕРЕНАДА 215
МАТЕРИНСТВО И МЛАДЕНЧЕСТВО 218
НЕ ВСЕ ПОТЕРЯНО 220
СИЛЬНЕЕ СМЕРТИ 225
ВСТРЕЧА 228
ТРЕЗВЫЕ МЫСЛИ 231
ЛЕТНЯЯ ПЕРЕДЫШКА 233
ВЫГОДНАЯ КОМБИНАЦИЯ 234
ДОМАШНЕЕ СРЕДСТВО 236
ЛОШАДИНАЯ ИСТОРИЯ 237
ПОЖАР 239
НЕПРЕДВИДЕННОЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВО 241
Понимать надо, 1931 243
ПОНИМАТЬ НАДО 244
ЗАПУТАЛИСЬ 248
НЕ ВСЕ ДОМА 251
НЕКРАСИВАЯ ИСТОРИЯ 253
АНДРЮША ОТКАЗАЛСЯ 256
СЛЕЗАЙ 260
Счастливые идеи, 1931 263
ПРЕДИСЛОВИЕ 264

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ «ПРОГРЕСС» 266
АППАРАТ «ВОЗДУШНАЯ МЕЧТА» 269
ПОПУЛЯРНЫЙ ПРИБОР «АНТИПОТЕРЯЙ» 270
ШЛЯПА «ФЕНИКС» 270
МЫСЛИ О КРАСОТЕ И БЛАГОУСТРОЙСТВЕ ГОРОДА 271
АВТОДОМ 272
МЫСЛИ ОБ УДОБСТВЕ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ 273
УНИВЕРСАЛЬНЫЙ КОМОД ДЕ-ВАЛЯЙ 274
БУЛКОСКОП 275
ПРОЕКТ ДЛЯ АНТИПЕРЕМАНИВАНИЯ СПЕЦОВ 275
МЕХАНИЧЕСКИЙ НАПОМИНАТЕЛЬ 276
ТЕАТРАЛЬНЫЕ БУФЕРА «ОСТОРОЖНОСТЬ» 277
ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ АКТ 278
КОСТЮМ «ФИЗГАРМОНИЯ» (ФИЗКУЛЬТУРА И ГАРМОНИЯ) 278
ПРИМУС «НАВСЮКВАРТИРУС» 279
ТРЕЗВЫЕ МЫСЛИ О ПЬЯНСТВЕ 279
МЫСЛИ И АФОРИЗМЫ ОБ УЛУЧШЕНИИ РАБОТЫ АВТОМАТОВ 280
РАССУЖДЕНИЕ О БАЛКОНАХ 281
ДОРОЖНЫЙ АППАРАТ «ЗА РУЛЕМ» 282
СПОРТИВНЫЙ ШКАФИК «НЕ РЫДАЙ» 282
МЫСЛИ ХОЗЯЙСТВЕННИКА 283
РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ЖИЗНИ 283
УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ШКАФ «ЧТО ХОЧЕШЬ» 284
РУЧНАЯ ГРАНАТА ИМЕНИ СЕВЗАПСОЮЗА 286
ПРОЛЕТКА «ЛЮКС» ИМЕНИ АКАДЕМИКА ПРИЩЕМИХИНА 287
АППАРАТ «ХОДИКИ», ИЛИ «ПОРА ВСТАВАТЬ» 288
АППАРАТ «МЕХАНИЧЕСКИЙ ОГРАНИЧИТЕЛЬ» 288
ДУШ-САМОТЕК ИМЕНИ АКАДЕМИКА УЩЕМИХИНА 289
БЕССМЕРТНЫЕ ГАСТРОЛИ АНДРЭ ГОСФИКУСА 290
СЕГОДНЯ И ЕЖЕНЕДЕЛЬНО МИРОВОЙ БОЕВИК! 290
МИРОВАЯ ГАСТРОЛЬ АНДРЭ ГОСФИКУСА 292
БЕССМЕРТНЫЕ ГАСТРОЛИ АНДРЭ ГОСФИКУСА 293
ЧЕЛОВЕК-ФАКИР 295
МИРОВОЙ ИЛЛЮЗИОНИСТ В НОВОМ РЕПЕРТУАРЕ! 296
1 ГОСФИКУС 1 298
В ГОСТЯХ У СТУДЕНТОВ 299
ЧЕЛОВЕК-БАБОЧКА, ИЛИ ЧЕТЫРЕ ПУДА НА КАНАТЕ 301
В ПОСЛЕДНЮЮ МИНУТУ 301
ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ 302
БЕСПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ 303
ОБ ИЗОБРЕТАТЕЛЯХ 303

«НЕРВЫ НЕ ВЫДЕРЖАЛИ» ... 303
ИСТОРИЯ ОДНОГО ИЗОБРЕТЕНИЯ ... 305
Личная жизнь, 1934 ... 309
Рассказы ... 312
СМЕШНАЯ ИСТОРИЙКА ... 313
СТРАДАНИЯ МОЛОДОГО ВЕРТЕРА ... 315
ЗАПАДНЯ ... 318
БЕСПОКОЙНЫЙ СТАРИЧОК ... 321
ИСПЫТАНИЕ ГЕРОЕВ ... 326
КАКИЕ У МЕНЯ БЫЛИ ПРОФЕССИИ ... 331
ВРАЧЕВАНИЕ И ПСИХИКА ... 338
ИНТЕРЕСНАЯ КРАЖА В КООПЕРАТИВЕ ... 342
ГРУСТНЫЕ ГЛАЗА ... 345
С ЛУНЫ СВАЛИЛСЯ ... 348
ЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ ... 353
Театр ... 357
ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ. *Комедия в одном действии* ... 358
СВАДЬБА. *Комедия в одном действии* ... 369
ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ЭФИРУ. *Скетч* ... 379
Фельетоны ... 383
СЕМЕЙНОЕ ДЕЛО ... 384
ШУТКА ... 385
УЧИТЕЛЬ ... 386
ТЕРПЕТЬ МОЖНО ... 387
ШЕСТЕРЕНКА ... 389
ИГРУШКА ... 390
СЕМЕЙНОЕ СЧАСТЬЕ ... 391
НАХАЛЬСТВО ... 392
БЕССОННИЦА ... 394
ГОРЬКО ... 395
ХИТРОСТЬ ... 397
ЧЕЛОВЕКА ЖАЛКО ... 399
КРОЛИКИ ... 400
Рассказы, 1939 ... 403
БАРЕТКИ ... 406
ПРИЯТНАЯ ВСТРЕЧА ... 408
ВОДЯНАЯ ФЕЕРИЯ ... 413
ОГНИ БОЛЬШОГО ГОРОДА ... 417
ОПЕРАЦИЯ ... 422
ПАСХАЛЬНЫЙ СЛУЧАЙ ... 424

В ТРАМВАЕ ... 426
ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ ... 429
ПИСЬМО ... 433
МОНТЕР ... 436
БАНЯ ... 438
ПРОИСШЕСТВИЕ ... 441
НЕРВНЫЕ ЛЮДИ ... 444
ЗАГАДОЧНАЯ ИСТОРИЯ ... 447
ДРОВА ... 457
ГЛУПАЯ ИСТОРИЯ ... 460
НЯНЯ ... 462
РАССКАЗ О ТОМ, КАК ЧЕЛОВЕК ЗОЛОТО ПРОГЛОТИЛ ... 465
АРИСТОКРАТКА ... 469
ИСТОРИЯ МОЕЙ БОЛЕЗНИ ... 472
ЧЕМОДАН ... 477
В ТЕАТРЕ ... 479

Исторические рассказы ... 482
ХИТРАЯ ЗАТЕЯ ... 482
СЛУЧАЙ С РИМСКИМ ПАПОЙ ... 484
ПРЕСТУПЛЕНИЕ В ЦЕРКВИ ... 486
ИНТЕРЕСНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ В ПЕРСИИ ... 488
НЕРОН И ЕГО МАМАША ... 491
РОКОВЫЕ ИМЕНИНЫ ... 493
ДОРОГОЙ БРИЛЬЯНТ ... 495
ЗАБАВНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ ... 497
ГУНТРАМ И АВСТРАХИЛЬДА ... 500
СЛАВНЫЙ ФИЛОСОФ ДИОГЕН ... 502
ЧЕРНЫЙ ПРИНЦ. *Историческая повесть* ... 504

Хитрые и умные, 1940 ... 551
ВОТ КАКИЕ БЫВАЮТ МЫШКИ ... 553
ПОПАЛАСЬ, КОТОРАЯ КУСАЛАСЬ ... 555
УЧЕНАЯ ОБЕЗЬЯНКА ... 557
УМНАЯ БЕЛКА ... 559
ЕЩЕ ОДНА УМНАЯ БЕЛКА ... 561
ИНТЕРЕСНО ПРИДУМАЛА ... 563
ПОРА ВСТАВАТЬ! ... 565
В ГОСТЯХУ КЛОУНА ... 566

Михаил Зощенко

РАССКАЗЫ

На основании п. 2.3 статьи 1 Федерального закона № 436-ФЗ от 29.12.2010
не требуется знак информационной продукции, так как данное издание
классического произведения имеет значительную историческую,
художественную и культурную ценность для общества

Верстка, обработка иллюстраций
Е. Гезенцвея
Обложка, подготовка к печати
А. Яскевича

Сдано в печать 09.06.2022
Объем 36 печ. листов
Тираж 3100 экз.
Заказ № 3060/22

Бумага
Сыктывкарская улуч. качества офсетная 80 г/м^2

ООО «СЗКЭО»
Телефон в Санкт-Петербурге: +7 (812) 365-40-44
E-mail: knigi@szko.ru
Интернет-магазин: www.сзкэо.рф

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт»,
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А,
www.pareto-print.ru

Успех юмористических рассказов М. М. Зощенко в 20-е годы XX в. был невероятным. Книги писателя издавались огромными тиражами. К тому времени за его плечами была учеба в гимназии, несколько орденов, которые он получил во время Первой мировой войны, немецкая газовая атака и с добрый десяток самых разных профессий, которые он перепробовал после лечения в госпитале. Глубокое знание жизни помогало Зощенко в писательском труде. Сочинять он начал еще в детстве — увлекал пример мамы, которая печатала свои рассказы в газете «Копейка». Зощенко удалось в своих произведениях создать образ недалекого мещанина, с узостью мышления которого он боролся своей сатирой. Во время войны с гитлеровской Германией Зощенко писал военные рассказы, антифашистские фельетоны. Однако после 1946 г. на него обрушился вал критики. Власти посчитали его сатиру «пасквилем на советский быт». Писателя перестали печатать и фактически лишили средств к существованию. Последние годы своей жизни он провёл на даче в Сестрорецке, где и скончался в июле 1958 г.
Этот сборник состоит из всех книг Зощенко, которые проиллюстрировал Н. Э. Радлов. Первой была картинка для петроградского издательства «Картонный домик», которое опубликовало несколько рассказов писателя. Позже были рисунки для обложек журнала «Бегемот» с юморесками Зощенко. Настоящее совместное творчество у Радлова с Зощенко началось в 1928 г., когда художник взялся иллюстрировать его книгу «Веселые проекты». В ней небольшие тексты и уморительные рисунки составляли одно неразрывное целое, не случайно на обложке стояли сразу две фамилии авторов «М. Зощенко — Н. Радлов». Вторая их совместная книга, вышедшая в 1931 г., называлась «Счастливые идеи». Почти сразу после выпуска это издание попало в так называемый ленинградский «Список книг, подлежащих изъятию из библиотек и книжных магазинов» за картинки, подписи под ними, а также за упоминание опальных персонажей. Радлов же демонстрировал в этой книжке свой удивительный талант изображать короткие истории в виде серии последовательных сценок. В 1937 г. вышел его сборник «Рассказы в картинках» со смешными рисованными историями для детей. Эта книжка имела фантастический успех, была переведена на английский и получила премию на Международном конкурсе детской книги в США. Таланты Радлова были разнообразны. Он появился на свет в 1889 г. в семье членкора Академии Наук и директора Публичной библиотеки. Учась на Историко-филологическом факультете Университета, Николай бегал и на занятия в Академию художеств. Он мог бы стать художником-академистом, однако выбрал стезю карикатуриста. И не прогадал!

ISBN 978-5-9603-0703-1
9 785960 307031 >